

Vrachebnoe stroenie v" do-Petrovskoĭ Rusi / N. Novombergskĭ.

Contributors

Novombergskĭ, N. 1871-

Publication/Creation

Tomsk : [publisher not identified], 1907.

Persistent URL

<https://wellcomecollection.org/works/bc65ykt5>

License and attribution

Conditions of use: it is possible this item is protected by copyright and/or related rights. You are free to use this item in any way that is permitted by the copyright and related rights legislation that applies to your use. For other uses you need to obtain permission from the rights-holder(s).

Wellcome Collection
183 Euston Road
London NW1 2BE UK
T +44 (0)20 7611 8722
E library@wellcomecollection.org
<https://wellcomecollection.org>

VRACHEBNOE STROENIE

V

DO-PETROVSKOI RUSI

N. Novombergskii

1907

From: THE WELLCOME INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MEDICINE
183 Euston Road, London, NW1 2BP

(2) BW. 31. AA4-6

22101566088

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА СССР
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Оператор

Петушская

4-76

2

9

7

0

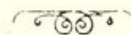
Н. Новомбергскій,
Дѣйствительный членъ
Императорскаго Археологическаго Института.

Т 73
143

ВРАЧЕБНОЕ СТРОЕНИЕ

въ

до-Петровской Руси.

ТОМСКЪ.

Паровая типо-лит., Сибирск. Т-ва Печати. Дла, угод. Дворанск. ул. и Ямск. пер., с. 1
1907.

Приказа, ошибочность взглядов Дебелевского и Серафимича (88—89). Врачебный персонал при Михаиле Осодоровиче и Алексее Михайловиче. Силах Апт. Приказа сь другими учреждениями и сь значение (89—95). Какъ лечились русскіе князья, цари и семейства ихъ? Раздѣленіе особнхъ дѣлъ медиковъ для цари и царскаго семейства (95—111). Развитие врачебной практики у частныхъ лицъ. Врачи при дипломатическихкихъ представителяхъ: врачи изъ пѣшихъ и самоучки. Пересе указаніе относительно ограниченія врачебной практики (111—117).

Глава III. Возникновеніе первой царской аптеки и снабженіе ея лекарствами, покупка въ торговлѣ, рѣдкахъ, у иностранныхъ, драгоценствъ и вышеслѣдствіе изъ заграница (118—123). Дѣятельность травниковъ, что и какъ они собирали, надзоръ за ними. «Натуральная» и денежная повинность крестьянъ по сбору лекарственныхъ растений. Распространеніе знаній между травниками. (124—133). Активизация растений и аптекарскіе сады и огороды (134—139). Роскомъ аптечнаго снабженія и админ. Аптекарскаго Приказа (139—142). Отпускъ лекарствъ частнымъ лицамъ за деньги и бесплатно (142—149). Открытіе второй аптеки, ея оборудованіе, ограниченіе мѣры въ отношеніи зеленыхъ работъ, винное суданіе, третія аптека и царская похороны (149—156). Ниротова кость. (156—160). Снабженіе аптеки посудой и стеклянныя заводы (160—163). Мѣры къ развитію аптеки въ провинціи (163—166).

Глава IV. Вывозъ первыхъ врачей изъ заграница сначала черезъ португальскихъ особъ, а позднѣе черезъ случайныхъ комисіонеровъ. Вывозъ врачей въ 1698 г. и его ошѣлка. Сокращеніе прѣзды иностранныхъ медиковъ (167—173). Опроеи врачей, свидѣтельствующія и опасенія грамоты и ихъ дипломатическія особенності. Врачебные маршруты, прѣзды въ Россію, остановки, семейства, торжы, путевыя ассигнованія, вознагражденіе за выѣзды, испытаніе въ Носольскомъ. Приказъ, аудіенціи у государя (173—183); размеры жалованья, случайныя подачки, отпуски на дворовое строеніе, прибавки, беззастѣнливый прозъ изъ заграница итер и толкаторы, принятіе православія, свобода вѣроисповѣданія, особая подсудность и пошлинныя льготы, полученіе докторскихъ степеней, отѣзды, грамоты на выѣзды и подарки (183—205).

Глава V. Посылка молодыхъ людей за границу для изученія медицины и результаты (206—209). Бытовыя пути для обученія медицинѣ: роль зеленыхъ работъ, травниковъ и врачебныхъ сказокъ о болѣзняхъ, лекарствахъ и осмотрахъ (209—222). Русскіе практиканты у иностранныхъ медиковъ и прохождение ихъ: обученіе ихъ иностраннымъ языкамъ; медицинскія литературныя пособія (222—232). Возникновеніе первой медицинскон школы. Сравненіе приказнаго образованія съ таковыми же при Петрѣ I и опроверженіе мифа Чистовича (232—238).

Глава VI. Вѣроятное происхожденіе врачебной эмиграции, казуистики, осторожность въ отношеніи извѣстныхъ болѣзней и трупныхъ работъ объ отраженіи зноса заразы во дворѣ (239—244). Смерти, кореньи и травы, методы экспертизмъ (244—247). Свидѣтельствующія служилымъ людямъ и ошѣлка Хморова (248—252). Подлискіа ошѣлки (252—254). Судебная экспертиза и по дѣламъ врачебной практики (254—257).

Глава VII. Возникновеніе арміи европейскаго строя и организація при ней врачебной службы: постепенное расширеніе этой организаціи (258—263). Порядокъ командированія врачей въ полки и ошѣлка Хморова. Выѣзды врачей изъ полковъ безъ разрѣшенія и отпуски (263—268). Посылка въ полки по вѣдомству спецѣлистовъ. Децентрализация военноврачебной службы: росписи инвентарей и другія условія принятія на службу (269—275). Развитие военной практики оставшихъ и наѣзникахъ врачей среди частныхъ лицъ, женщинъ и духовенства; вопросы о судѣбной казакѣи гонимыхъ (275—279). Подготвленность медицинскому. Ошибочность взглядовъ Хморова, Милкова и Ляхина. Порядокъ снабженія полковъ лекарствами, пикомъ, обмундированіемъ, и перелазочнымъ матеріаломъ (279—286). Возникновеніе военного госпиталя. Ошибочность мифа Хморова, Осодоровскаго, Ляхина по вопросу о сосредоточеніи медицинскаго учрежденія въ Аптекарскомъ Приказѣ (286—293). Нѣвозможность обученія о профессиональной подготовкѣ иностранныхъ медиковъ. Матеріальный бытъ русскихъ и иностранныхъ лекарей. Пріоритетъ медицинскому, пособія, издѣлкія лекарей и женить пѣшихъ. Развитие врачебной службы въ городахъ (293—300).

Глава VIII. Возникновеніе перваго прирѣдѣя, работы о прирѣдѣи князей и частныхъ лицъ, указъ 1682 г. о госпиталяхъ (301—304). Прирѣдѣе душевноболѣзныхъ: помѣщеніе ихъ въ монастыри и тюрьмы по просьбѣ частныхъ лицъ и ехъ ошѣлкѣ. Идея семейнаго прирѣдѣя. Освобожденіе заключенныхъ по надзоренію и процедура (305—308). Порядокъ признанія душевноболѣзныхъ, пикты душевноболѣзныхъ и значеніе ихъ показаній (308—314). Проявленія душевныхъ болѣзней, ихъ причины, какъ-то: пикство, ушибы (314—315). Общѣя ошѣлка помѣженія душевноболѣзныхъ у насъ и на Западѣ (316).

Глава IX. Постепенное развитіе идеи пиканій въ борбѣ съ заразой (317—320). Сооруженіе первой обѣдочныхъ, холбоны, свѣтлая вода (320—322). Заставы и заставы, обмундированіе дворовъ, прирѣдѣеи пик дезинфекціи (322—327). Надзоръ за передвиженіемъ населенія и заставная служба (327—332). Распросы о морозномъ полярѣ (332—336). Выѣзды и извѣстна населенія въ степи и леса (336—338). Развитие идеи о карантинѣ: мѣры относительно погребенія, похонъ и денегъ доволнствованіе погребенныхъ парантинъ (338—340). Извѣстна ехъ пикан-

выхъ людей и воеводъ за карантинныя нарушения (349—351). Прорывъ карантинной линіи (351—352).

Переписка съ заграничными мѣстами и торговля въ этой области (353—356). Сведеніе заставъ и процедура (356—359). Значеніе фискальных интересовъ (360). Религіозныя средства второй половины XVII ст. и общія оцѣнка мѣропріятій (361—364). Политическія провѣщанія (365—366). Характеръ эпидемическихъ заболеванийъ, учетъ умершихъ (366—369). Итоженныя извѣстія объ эпизоотіяхъ (369—370). Первая распоряженія московской администраціи начала XVII ст., указъ 5 авг. 1640 г. и ошибка Зыбкова, послѣдующіе указы относительно навоза животныхъ (370—375). Завѣсы и заставы (375—378). Наказанія за карантинныя нарушенія, прорывъ карантинной линіи и переписка (378—381). Разсказы объ эпизоотіи, характеръ эпизоотіи и некоторые факты о развитіи заболеванийъ (381—383). Отголоски старыхъ мѣропріятій въ законодательствѣ XVIII и даже XIX столѣтій (383—386). Заключеніе (387).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Несмотря на обиліе историческаго матеріала медицинская старина мало изучена и представляеть обширное поле для плодотворной работы. Первое сочиненіе по исторіи медицины въ Россіи принадлежитъ перу Вильгельма Рихтера. Оно было издано на русскомъ языкѣ въ трехъ томахъ въ 1814—1820 годахъ. Обширная галерея послѣдующихъ писателей либо останавливалась на отдельныхъ незначительныхъ вопросахъ, либо воспроизводила сочиненіе Рихтера.

Если, за малыми исключеніями, отсутствовали оригинальныя сочиненія, то нельзя того же сказать объ интересѣ къ темѣ. До самаго послѣдняго времени представители различныхъ специальностей уделяли вниманіе медицинско-историческимъ вопросамъ: врачи Куріиловъ, Флоринскій, Чистовичъ, Зыбковъ, Перфильевъ, Экерманъ, Германъ, М. Лахтинъ; историки Хавановъ, Хмыровъ, Брисперъ, Цибіловъ; историки русскаго права Загоскинъ; политическіе Лешковъ, Шилевскій, Гурлинъ. Но несмотря на несомнѣнный интересъ ученыхъ къ медицинскому прошлому, со времени Рихтера не появилось ни одного труда, обнимающаго по возможности всѣ стороны темы, а также представляющаго попытку затронуть новые вопросы, а поставленныя въ свое время Рихтеромъ дать рѣшеніе, соответствующее познаннымъ историческимъ даннымъ.

Указанный пробѣлъ мы старались восполнить настоящимъ трудомъ, являющимся плодомъ многѣлѣтнихъ изысканій. Не выставивъ никакихъ собственныхъ теорій и не слѣдуя какимъ—либо уже существующимъ, мы старались строго держаться въ предѣлахъ фактическаго матеріала. При этомъ особенное вниманіе мы обратили на четырехтомное собраніе матеріаловъ по исторіи медицины, изданное медицинскими департаментами и до сихъ поръ недостаточно использованное нашими предшественниками, а также

на те материалы, которые нами извлечены из архивов: Министерства Двора, Министерства Юстиции и Министерства Иностранных Дел.

Эти последние материалы нами изданы в четырех томах и в настоящей работе далеко не использованы, так что обширную работу здесь могут собрать и другие исследователи.

В течение долгого времени население России оставалось во власти холодства, бедности и невежества. Впервые врачи появились на царской службе. Врачи и аптека отделились от населения непроходимой стеной. Врачебное знание не выходило за дворцовую ограду. Аптека была одна, докторов было мало и из больницы почти их не представлялось надобности.

В таком положении врачебное дело осталось, бедное. Не прошло столетия, как наши сношения с Западом оживились, возникли торговые связи и политические сношения. Естественно рус. д. московской России вызвали столкновения с западными соседями. Борьба с ними заставила озабочиться, по крайней мере, в военной области. Непрерывная военная деятельность и непрерывная военная преобразование привели к организации военно-полевой медицины и врачебному образованию русских людей. В нейтральном управлении царской врачебной службой возникли единичные школы, в списках полковых чинов появились представители врачебного звания, с ними вместе аптеки в различных условиях научной провинции. Благодаря медицинским средствам с военно-полевой медициной и в царской аптеке потонули разные и другие люди на докторскую службу и докторскую деятельность. Отделились вторичные медицинские аптеки, расцвистались после для частной врачебной практики.

Судебные постановления дали толчок к развитию экспертизы. На почве благотворительности монастырской и частной выросло богатое дело и приращение душевно-больных. Суровая же условия климатическая и своеобразная бытовая обстановка создали обширный санитарно-карантинный арсенал. Так сложился первоначальный фундамент русского врачебного дела.

В печати книги мы считали необходимым решительно выступить против господствующего взгляда на отношение древней русской власти к холодам. Еще в 1858 г. проф. Лешков высказал, что призрачные привилегии, ублажениям, лжеопиумом и подкупом святителей „наша история обладала неслыханной ор-

гана в подвиги, или *Историческое* (курсив Лешкова)* ¹⁾. Это мнение до сих пор пользуется, по недоразумению, всеобщим признанием.

Окончив свой труд, обобщая всю врачебную организацию из до-Петровской Руси и в частности деятельность Антекарского Приказа, мы не можем обойти молчаливо возникшей ошибочности доклада „О новом образовании медицинского учреждения“, внесенного на Царское Собрание Законом ²⁾. В этом докладе после ряда ошибочных сведений о прошлом Антекарского Приказа, на что нами указано в соответствующих местах книги, дается такая оценка деятельности названного учреждения: „при сих распоряжениях Антекарского Приказа не было сделано ни одного шага к основанию врачебной школы, преподающей образцы в России; не видно, чтобы заведена была какая-нибудь школа или училище для приготовления собственных медиков.“ ³⁾.

Если наши нейтральные власти так мало были озабочены о прошлом врачебного дела на Руси, то неудивительно, что знаменитый полковник Роберт фон Моль, опираясь на мнение Рихтера, писал, что в России в области медицинской помощи всегда все складывалось по нелепым образцам ⁴⁾.

Мы будем считать себя вознагражденными, если нам удастся из обширных архивных сырых воссоздать здание Антекарского Приказа и пролить свет на обширную врачебную организацию из до-Петровской Руси.

¹⁾ Лешков, Русская пародия и государство. М. 1858 стр. 161

²⁾ В. С. Зар, т. XXVII, Сб. 1, 1839 г.

³⁾ Ibidem, стр. 1105.

⁴⁾ Лешков, стр. 11, стр. 129.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Во времени наше исследование ограничивается самыми пределами. Мы исследуем прачебное стрелное дело, т. е. *до-Петровской Руси*. Царствования Петра Великого мы касаемся с исключительною целью указать на неправильность господствующего взгляда на эпоху великого преобразования, а также на переходную дату отечественного строительства в области прачебного устройства.

Во интересах более удобного обзора материала и более правильной оценки отдельных явлений и институтов, необходимо разбить отнесенное к ним исследование пред на известные периоды. В делении, по справедливому замечанию проф. Сергеевича, весь смысл истории, вся философия ее ход и перемены.¹⁾ Но как бы ни были удачно названы периоды, или не разграничивается история на совершенно обособленные части. Периоды, вводит проф. Леонтович, нельзя строго разграничивать, один от другого: старая начала не сразу умирает, но далеко заходит в следующие периоды, — и новая начала зарождается не сразу, но при помощи господств. начала старых.²⁾ Действительно, изучение истории прачебного дела убеждает, что периоды могут быть наметены лишь приблизительно, что культурные течения одной эпохи перебиваются в другую, минуя искусственные и произвольные периодизации.

Во трудах по истории прачебного дела в России мы находим несколько попыток периодизации. Такъ Германъ³⁾ разливает в историю медицины до-Петровской Руси три периода: 1) с введением Византизма с. (988 г.) до свержения иго татарского (1480 г.), когда вв. наша медицинская познания записываются главным образом духовенством из Византии и когда прачеб-

¹⁾ Сергеевич, *Лекции и исследования* СПб. 1883 г., стр. 43.

²⁾ Леонтович, *История русского права*, Одесса 1892 г., стр. 17.

³⁾ Германъ, *Врачебная быль до-Петровской Руси*, Харьков 1894 г., стр. 11.

ное дело находится почти исключительно в его руках, 2) с 1480 г. по 1620 г.—это эпоха придворной царской медицины, представленной иноземными специалистами и 3) с 1620 г. до 1682 г., т. е. с возникновения Аптекарского Приказа до Петра I. Эта периодизация игнорирует дохристианскую эпоху, а, с другой стороны, обособляет два первые периода, которые находятся между собою в органической связи по существу и в них господствующей схемой является сдвиг с язычества к христианству и в познаниях на причины болезни и способы борьбы с ней. Заметим: 1) допускаются пять периодов: 1) доисторический, 2) Новгородско-Киевское время, 3) Владимирско-Суздальское время, 4) Московская княжеская Русь, и 5) Русь Московская государственная. Едва ли можно принять подобное деление врачебной истории, основанное не на существенных признаках развития самого предмета исследования, а на общих, соображениях о территориальности и внутреннем росте государства.

Было бы правильно в истории врачебного дела в до-Петровской Руси выделить только два периода: 1) с древнейших времен до второй четверти XVI столетия и 2) от последнего времени до преобразования Петра I начала XVIII столетия. Первый период характеризуется преобладанием народного эмпириомистичизма; во втором выступает научное медицинское знание.

Первый период восходит ко времени первобытной культуры. Его характерной чертой является *самонаблюдение*, как одно из частных проявлений борьбы за существование, общих и человеку и животным. Известный знаток жизни животных Брем дает многочисленные примеры, проливающие свет на происхождение самонаблюдения. Например, обезьяны воюют тщательно кунают своих детенышей в рынках и несмотря на сопротивление поддерживают таким образом чистоту их тела. Суданские маршисы и абиссинские гамадрилы совершенно по человечески обтирают свои раны и зажимают их; американские индейцы с замечательной стремительностью вытаскивают из своих ран отравленные стрелы; индийские мушкетеры пользуются корнем мангуевалы, как противоядием в слу-

чаях укушения ядовитой змеею; общепризнаны зализывание рань собаками, лисичками, ежами и т. д., а также героические хирургические приемы медикей, лисич и собак в роду откусывания болтающихся частей перебитых конечностей¹⁾.

Те же явления самозащиты мы замечаем на ранних ступенях человеческой культуры. По справедливому замечанию этнографа Талло-Гриневича, человек уже в первых проблесках цивилизации начинает дорожить своею жизнью и здоровьем и в окружающем мире ищет средств для уменьшения своих страданий и продления своих дней²⁾. По мнению, пишет Леббок, так-же, как и астрономия и религия, причастны у дикарей к значительной мере характеру колдовства³⁾. О происхождении колдовства проф. Ратинь замечает: «первою основою суеверия является не только страх перед природою, но перед смертью и перед жертвами. Делом шаманов, знахарей, колдунов и тому подобных колдунов повсюду является отыскание причин смерти и болезней и потому сближение с духами умерших»⁴⁾.

Под влиянием развития родового быта и анимистических верований в первобытном колдовстве произошли два весьма важных изменения: *сакрализация магического слова—духов и сакрализация духа, представляющего для сознания с ним*. В силу первого из указанных обстоятельств создавался в истории тот или другой культ, благодаря второму возникал особый класс жрецов-лжесвященников.

Без сомнения, в способы врачевания входили во многих случаях эмпирические приемы, которые могли быть связаны с рациональным наблюдением, но главную роль играли здесь магические верования и заклинания или жесты. Лжесвященник у дикарей есть прежде всего заклинатель⁵⁾. Знахари, пишет Ратинь, не пользуются, как и их больные, естественными средствами или растительного и животного царства, а действуют, по их мнению, больше верными способами через посред-

¹⁾ Брем, Жизнь животных, Изд. 1-е. Пролетариец, т. I, стр. 46, 56, 76, 82, 211 и т. д.

²⁾ Г. Гриневич, Народная медицина, Вятка, 1892 г., № 8, стр. 807.

³⁾ Леббок, Начало цивилизации, СПб. перек. Карбышевского, стр. 22.

⁴⁾ Ратинь, Народоведение, СПб. 1902 г., т. I, стр. 43.

⁵⁾ Спенсер, Основания социологии, СПб. 1898 г., т. I, стр. 156.

¹⁾ Заметим, что и в истории врачебной истории, СПб. 1896 г., стр. 98—141. Автор хотя и говорит в отношении истории своего труда о древности, средневекии и новейших периодах, но при изложении материала их не придерживается.

ство сверхъестественных сил, прическ, летать и другие подвиги, крохотки, плачь, напр., любовную тоску, ненависть, зависть и пр. Эти дары ушли вызывать обаяния чувств; когда это им удалось, они создавали новую опору для веры и сил. Тайны исцеления, гипноза и т. п. были им известны задолго до того, как они овладели наукой¹⁾. Это искусство жрецов-знахарей, постепенно совершенствуясь, перешло в мир христианской культуры, причем утратившейся при этом функции жречества остались в виде магических манипуляций. Характеризуя эти переживания, автор «Очерка истории мысли» замечает: «огромное большинство людей всех культур не могло и видеть признаков в каких-либо обрядовых действиях, употребляя и употребляя искусство, повторять и повторять магическое слово и магический жест, связывая все это с подлинными религиозными представлениями»²⁾.

Вопрос о подлинности данных, подобную постановку поставили представители культуры. Им тем же инстинктом приводить к изучению отечественных связей и народно-бытовых переживаний. Врачебное знание на Руси с самого раннего времени вышло из форм знахарства, волшебства, колдовства. «Слова *врачбры, врачбры, пишеть А. Афанасьевъ, вывети съ словами *агдоушны, агдоушны, агдоушны*, происходят отъ глагола *агдоушъ*, точно такъ, какъ синонимическія имъ слова *знахаръ и знахарка* происходят отъ глагола *знахъ*. *Волхвы* народъ считаетъ тоже естественными *волхвы, волхвы, волхвы*—значить волшебство, колдовство». Заключившая филологический анализ слов, тот же автор заключает, таким образом, из-за разнотрапий: слова, синонимическая лексика и вѣдѣвъ, находимъ, что въ словахъ этихъ лежатъ попятія естественныя, которыя въ магическій имѣли смыслъ чисто религиозный, иныи попятія: таинственнаго, сверхъестественнаго знанія, предвѣдѣнія, претѣвѣнія, гаданія, хитрости или ухи, крадѣй и мудрей вѣдѣй, народанія, жертвоприношенія, очищенія, суда и призыва, и иныи претѣвѣнія, которое слово въ магическій съ очищеніями»³⁾. «Нельзя религиозный, предвѣдѣній, аризматъ, характеръ, таинственныи:*

является *знахаръ и знахарка*. Знать смыслъ, мисію, изысканія, понимать, изыскать, заговорить и гадать уже не могутъ, въ, а только и *знахаръ* избранные, посвятившіе себя этому священному *знахарю, знахарю*. Мало по малу, путь, чисто фактически, начинаютъ имѣть въ народѣ жизнь, одаренные большими способностями и пользующіея потому большими влияніями. Дѣйствія *богѣ* или *жѣбѣ* подлѣ религиозныхъ устремленій, они являются предвѣдѣніи учителями и предвѣдѣніями; или, поистинѣ, смыслъ, древнихъ, мисію, и религиозного языка, они въ силахъ разгадывать и объяснять, вълѣе призыва и гаданія, они знаютъ таинственную силу тайны и очищенія, они могутъ совершать все чарѣбное слово *знахаря*. Это *знахаръ и знахарка*, вълѣе или *знахаръ* и *знахарка*»⁴⁾.

Природный инстинкт русского ученого, сознавая, съ помощью Спенсера, который пришел къ тому же заключенію, разносторонній, острый, инстинкт, охватывающій жизнь, какъ совокупность различныхъ типовъ и предвѣдѣній, народанія. «Что *знахаръ*—образъ магическаго жреца, что *знахаръ* и *знахарка* собирали травы и коренья для приготвленія *знахарскихъ* *знахарей*, жѣбѣ и вѣдѣвъ, что ихъ претѣвѣніе было дѣломъ, магическаго религиознаго обряда—въ этомъ мѣлкій и *знахарей* по разнотрапий. Врачебное искусство *знахарей* выражалось въ словахъ, разнообразныхъ манипуляціяхъ: напечатаніи, поднесеніи, призываніи вслѣдъ за травами и кореньями, въ различныхъ постановкахъ манипуляціяхъ. Самое слово *знахарство*, *знахарство*, пишеть Забѣлинъ, должно показывать, что въ основѣ *знахарства* лежала идея религиознаго знанія о природѣ, призывахъ, жизни, магическаго обряда, суеверій, которыя прикрывались въ тѣ вѣка вълѣе знаніе и вообще наука»⁵⁾. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя отказать *знахарямъ* въ томъ, что многие ихъ эмпирические приемы основываются на правильно подмѣченной связи между отдельными моментами болѣзни и дѣйствіемъ на организмъ тѣхъ или другихъ средствъ. Съ теченіемъ времени лечебныя средства услож-

¹⁾ Ганган. Народовѣдѣніе т. I, стр. 51; также о *знахаряхъ* т. II, стр. 12, 53, 54, 55, 133, 167, 247, 412, 500.

²⁾ Essai d'une histoire de la pensée. P. vol. I, p. 1250—51.

³⁾ Афанасьевъ. Вѣдѣвъ и вѣдѣвъ, М. 1854 г. стр. 1, 5, 3.

⁴⁾ Ibidem стр. 18; крохотки того же Спенсера. Введеніе къ ист. рус. слов. Москвитинъ 1844 г. N 2 стр. 341—42; Колосовъ. Архивъ 1850 г. т. I, стр. IV, статьи Гусева и Афанасьева.

⁵⁾ Спенсеръ. Основанія социологіи, т. II, стр. 488—494.

⁶⁾ Забѣлинъ. Докладъ общ. русскихъ врачей, М. 1904 стр. 203.

Дефект оригинала

няются, приемы разнообразятся и знахарство вырастает из некоторую власть человека над природою, над ее полезными или вредными для человеческого здоровья элементами.

Научная фармакогнозия выросла из народно-знахарского колдовского эмпиризма так же, как современная химия корнями своими уходит в алхимию, а последние — в алхимию. Больше того, физические манипуляции знахарей перешли в современную медицину в виде массажа, водолечение также заняло подобающее место, а стародавнему «нашептанию» предстало еще огромное будущее. Теперь мы исследуем способами передачи материальной энергии на расстояние, без посредства проводников. Вероятно, со временем также будем утилизировать энергию психическую.

Влияние «нашептания» на психику человека доказано многочисленными и притом весьма осторожными опытами выдающихся специалистов, как, например, покойный проф. Шарко, что же такое *нашептание*, как не *суггестия*? Жаль только, что в этнографических сборниках заговоров и наговоров упущено из виду описание самого сеанса нашептания. Если бы было обращено внимание на эту сторону дела, то мы давно уже располагали бы всеми данными для отождествления нашептания с внушением. Но теперь нельзя не присоединиться к замечанию одного исследователя, что «нашептание — полный сеанс внушения, с теми только особенностями, что больному не доводится до полного гипноза, до полного гипноза и нет надобности, когда дело касается с людьми больными, слабыми, нервными, вообще поддающимися внушениям»¹⁾. Покойный исследователь народной-бытовой медицины доктор Попов также усматривает наличие *суггестии* в явлениях народного знахарства. «Сила и значение заговорных приемов и средств», пишет он, «заключается не в чем другом, как в лечебном виде внушения. Элементы внушения можно усматривать как в самом способе произнесения заговоров, — шепотом, монотонным и разбрасыванием толком, так и в их содержании, в этом многочисленности перечислений всякого рода святых и угодников, большинство имен которых так много говорят о верности про-

стого русского человека, в табулологии, свойственной некоторым заговорам и, наконец, в самих приемах, которыми сопровождается их произнесение: в требования тишины к себе, в таинственных манипуляциях с предметами наговора и в заключительной приемы сбрызгивать и дуть на больного. Религиозный характер многих заговоров и заговорных приемов, при обрядовой форме их силу и знахаря и пациента, в некоторых случаях должен еще более усиливать значение заговора, создавая, быть может, особый род внушения — религиозного»²⁾. Тот же исследователь внушению отводит значительное место и в случаях так называемой порчи. «То предположение, пишет он, которое требуется для внушения, создается из нашей народки, главным образом, той глубокой верой в порчу, которая так крепко укоренилась в нем. Помимо этой общей причины, в отдельных случаях получает известное значение и чисто индивидуальное предрасположение, а также личное настроение, создаваемое исключительными жизненными моментами... При подобных условиях, одного из тех, может быть, из которых, по народным понятиям, состоит порча, достаточно для того, чтобы вызвать действительное заблуждение. В этих случаях, из вида внушения и самовнушения, однако могут действовать как взгляд и прикосновение, так и сказанное с умыслом или без умысла слово, простая встреча с известным лицом, получение из рук его какой-нибудь вещи, шила, нити и т. п.»³⁾

Внушения играют серьезную роль как в лечении, так и в заговорах, оберегах, подкладах и наусах. Вот почему нашептание производится на воду, квас, пиво, вино, соль, сливки, хлеб, каши, пряники, скатерти, платье, вообще все предметы обихода и даже человеческий слез на дороге, улице и т. д. Один из сотрудников этнографического бюро кн. Тенишева сообщает следующие любопытные соображения о воздействии знахарей на больного: «Если знахаря и не достигают прямой цели помочь больному, то они разными механическими действиями, употребляемыми при заговорах — поглаживаниями, постукиваниями и нашептываниями значительно

¹⁾ Г. Попов. Русская народно-бытовая медицина СПб. 1903 г. стр. 63—64.

²⁾ *Ibidem* стр. 10.

³⁾ Малорусские знахаря и их способы лечения Прованс. Вильгельм 1892 г. № 60.

успокоитель, верев божного. Невѣстная обстановка и таинственность, живых и мѣртвых — все это, такъ или иначе, дѣйствуетъ на психическую сторону больного, и въ особенности крестьянина, вѣрующаго и въ силу чаръ, и въ могущество колдуна. Достаточно больному крестьянину небольшого подъема духа, чтобы улучшение состоянія болѣзни было приписано таинственной волѣ чародѣя. Многие деревенскіе знахари, начиная свою профессію шарлатанствомъ, постепенно убѣждаются въ своей силѣ и вошли въ роль, что даже подѣ клітвой говорить, что они что-то знаютъ. Естественно, что такая самоуверенность знахари передается и больному¹⁾.

Видѣніи и видѣніями безсмертно и близкообразныи средствами и пріемами, знахарство относилось къ нимъ не такъ, какъ теперь относится къ нимъ наука. Последняя признаетъ естественныя свойства вещества и естественныя законы природы. Для эпохи же знахарства все было сверхъестественно, все казалось волшебными проявленіемъ добрыхъ или злыхъ духовъ, многочисленныхъ таинственныхъ силъ, которыя нуждались въ томъ или другомъ утилитизмизмѣ.

До настоящаго времени представляется неяснымъ, къ какой собственно силѣ обращались знахари, именемъ какого божества они дѣйствовали. А между тѣмъ уже на первыхъ порахъ появленія знахарства оно ставилось въ разрядъ наказуемыхъ дѣланій въѣдѣніе предположенія, что вѣдунъ пользуется „чуждымъ“ силою. Иначе, напримѣръ, писать о знахаряхъ и знахарствахъ, что для большинства это люди пожилые, старики и старухи, глубоко *религіозные*, трезвой безупречной азамы и сверхъ того сами искренно вѣрующіе въ дѣйствительность своего дѣйствія²⁾. Наоборотъ, П. Ефименко и Есиповъ видятъ въ знахарствѣ „фокунизмъ“³⁾. Сахаровъ усматриваетъ „отъвлеченные обманъ“⁴⁾. По мнѣнію Попова, „совершенно особенное мѣсто занимаютъ знахари шарлатаны... такихъ знахарей, по сравнению, такъ сказать, съ идеальными, убѣжденными знаха-

рами „жизниство“⁵⁾. Левенстихъ находитъ, что „для колдуновъ суевѣріе было средствомъ для достиженія своей корыстной цѣли; для кликушъ — средствомъ, чтобы погубить ненавистнаго человека. Колдунъ и кликуша не суевѣрны, они только эксплуатировали суевѣріе другихъ“⁶⁾.

Такіе различія сужденій приводятся авторами о характерѣ силъ, эксплуатируемыхъ знахарами. Въ однихъ случаяхъ передается, что знахари помогаютъ „не своими словами, а Господними духами“, въ другихъ же неопредѣленно при помощи дьявольскаго искусства. Такъ, о чернокнижникахъ у Сахарова читаемъ: „говори о чернокнижникахъ, навѣи поселене уѣзжаютъ, что они научаются лжому дѣлу отъ чертей и всю свою жизнь состоятъ въ ихъ зависимости“⁷⁾. Тотъ же авторъ приводитъ, напримѣръ, заговоръ, въ которомъ говорится: „встану я не благословясь, поиду не перекрестясь, ни дверямъ, ни воротамъ etc.“⁸⁾. Изъ матеріаловъ собранныхъ въ Пинежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, видно между прочимъ, что „чтобы узнать силу и искусство колдуновъ, т. е. сноситься и водиться съ чертами, нужно сидѣть съ нимъ крестомъ, поласкить его въ сапогъ подѣ нату и ходить такъ нѣсколько времени, говори слова: *опираюсь оны Боги и Живо-творящаго Его Креста, отдаю себя въ руки дьявола*“⁹⁾. Съ другой стороны, напримѣръ, изъ процесса 1647 г. Симона Данилова, „который много вѣдостью и шептаніемъ и чародѣйствомъ и ворожбу дѣлать во многихъ домахъ“, видно, что онъ „призывалъ естъ, сентахъ . . . и воду крестилъ своею русою трезды . . . и водою призывалъ, чтобы черти бѣгали“¹⁰⁾. Въ процессѣ 1682 г. Евфимія показало, что „ходилъ за занавѣсь и, свѣтъ съ себя крестъ желать и по тому кресту призывалъ которую болѣзнь ему хоше лечить“.

Поэтому на основаніи матеріаловъ, собранныхъ въ 23 губерніяхъ Европейской Россіи, пришелъ къ выводу, что знахари почти всегда заговариваютъ „съ крестомъ и молитвою, призывая св. угодниковъ, Спасителя, Божью Матерь и апостоловъ“. Это

¹⁾ Ibidem стр. 49.

²⁾ Паломъ, Знахарство, шептаніе и заговоры. Киевская стар. 1885 г. № 12, стр. 731.

³⁾ Палестинъ Изв. Общ. Люб. Ест. антр. и геогр. 1877 г. т. XXX, ч. I, стр. 167; Есиповъ, Колдовство въ XVII и XVIII ст. Древняя и Нов. Россія 1878 г. № 3, стр. 61.

⁴⁾ Сахаровъ, Сказанія Русскаго народа etc. ч. I, стр. 50, 53.

⁵⁾ Поповъ, Op. cit. стр. 82.

⁶⁾ Левенстихъ, Суевѣріе и угодное право. Вѣстникъ Права 1901 г. № 1, стр. 241.

⁷⁾ Сахаровъ, Op. cit. стр. 5.

⁸⁾ Ibid. стр. 35.

⁹⁾ Палестинъ etc. стр. 166.

¹⁰⁾ Есиповъ, Колдовство etc. стр. 65, 69.

находить себя подтверждение и в заговорах, извлеченных нами из судебных актов, хотя в некоторых других актах религиозный элемент отсутствует. Очевидно, в знахарстве боролось два течения: языческое и христианское, при этом было верховенство одно, то другое. Что же касается субъективного состояния ведуна, его личной вѣры в собственные манипуляции то нельзя допустить и мысли о каком-либо фетишизме, по крайней мѣрѣ, в период бѣды отдаленного, когда знахарство было продуктом властной потребности человека в общении с высшим существом. Вѣра в ведунство поддерживалась не фетишизмом со стороны знахарей и не логическим со стороны массы населения, а всеобщей необходимостью.

О водах впервые упоминается в летописи под 1024 годом.¹⁾ В позднейших источниках сведения о волшебстве становятся многочисленнее, а само оно начинает приобретать захватывающее государственное значение.²⁾ Эпидемия 1286 года напавшая летописцем описывается тѣмъ, что татары «изъеме бо сердце человеческое мочаху во идѣ аспидномъ и полагаху въ водахъ и отъ сего воды вси въ идѣ обратившася и аще кто отъ нихъ пише, аще умираше»³⁾. В 1467 г. «отъ смертнаго зелья» скончалась супруга вел. князя Ивана Васильевича Марія—тверянка. Къ супругѣ этого же князя, гречанка Софія Палеологъ приходили «бабы съ зельемъ»⁴⁾. Соломония, первая жена Василия III, отъ безплодія искала помощи у ведуновъ при посредствѣ Сабурова, который по этому поводу замѣчалъ: «миѣ того и не ненаматывать, сколько ко миѣ о тѣхъ дѣлѣхъ женовъ и мужиковъ прихаживало»⁵⁾.

О самомъ Василии Ивановичѣ кн. Курбскій сообщаетъ слѣдующія интересныя сведения: «Василій съ оною предреченною съ законопреступною женою, (Еленою Глинскою) юною сущюю, самъ старъ будучи, искалъ чаровниковъ презлыхъ отовсюду, да помогутъ ему къ плодотворенію... О чаровникахъ же оныхъ такъ печаленся, посылающе по нимъ тако и озамо ахъ до Корелы (еже

есть Филия: сидитъ на великихъ горахъ, подѣ (Студенаго моря), и оттуда провожаху ихъ къ нему». Переходя къ общему вопросу о чаровникахъ, Курбскій продолжаетъ: «Аже лезають непреподобѣ приводити себя на помощь и къ дѣткамъ своимъ мужей презлыхъ, чаровниковъ и бабъ, смывалей и шептуней, а иными различными чары чарующихъ, общующе со дьяволомъ и призывающе его на помощь»¹⁾.

В постановленіяхъ Стоглаваго Собора указывается, что дѣтѣмъ же непрямо тяжутся и покланяются крестъ цѣлуютъ, на поли бьются и кровь проливають, и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій поспособіе имъ творити, кудесы бьютъ и во Аристотелевы врата и въ Рафли съютрять и по звѣздамъ и по ланитамъ глядають... Въ первый понедѣльникъ Петра въ ровни ходятъ и въ надивлахъ бѣсовския потѣхи дѣють... Въ великій Четвертъ по рану солдому налитъ и клочутъ жертвы; въ которіи же невелика помя въ В. Четвертъ соль предъ престолъ клздутъ и до четверга по великій дни тамъ держать, и ту отдаютъ на врачеваніе людямъ и скотомъ. И по селомъ и водостямъ ходятъ живые пророки, мужики и жонки, и дѣвки, и старыя бабы... Тамъ же находятъ: «аще посѣдуютъ поганскимъ обычаемъ и въ волхваніи или ко обаянникамъ ходятъ или въ дому своя тѣхъ призывають хотѣши увидѣти отъ нихъ иная неварѣшная»²⁾.

Въ 1572 г. апрѣля 29 царь Іоаннъ IV Васильевичъ, испрашивая на Соборѣ разрѣшеніе на четвертый бракъ, говорилъ, что его первую супругу Анастасію извели аще люди вражьи нахѣтомъ, отравами и чародѣйствомъ; вторую отравили вражьи зловоинствомъ; третью испортили злою отравою³⁾. Тому же царю клеветники Сильвестра и Адашева внушали: «аще принустити ихъ къ себѣ на очи, очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ... Худые тои и ничему больше чаровникии тебя Государя... держали предъ тѣмъ, ази въ оковахъ... а то говорили они своими чаровствомъ,

¹⁾ Итог. Роскр. 328.

²⁾ Бѣлск. Бѣлое вѣдѣніе Россіи. СПб. 1890 г. стр. 1—39 (тѣмъ собраніи летописи и летописи, относящіяся къ греческому языку, которыми мы пользуемся).

³⁾ Итог. Русск. 317 (приблиз. къ Платовской).

⁴⁾ Собр. зак. II, 184 и 279.

⁵⁾ Акты Ист. г. I, № 130.

¹⁾ Курбскій. Сказаніе. СПб. 1868 г. изд. Устрякова, стр. 89.

Горскій передоказъ, что Іоанну были приведены съ сѣвера шесть дѣтскихъ чародѣевъ, съ которыми онъ свелся черезъ своего любимца Богдана Бѣлскаго. Отъ Записки 1859 г. сентябрь, стр. 113, 140 подтверждаетъ и Курбскій (Сказаніе стр. 215), писавшій царю: «чаровниковъ и волхвовъ отъ палачиныхъ стрѣлъ собираются».

²⁾ Стоглавы. Каландъ. 1862 г. стр. 179, 397.

³⁾ Акты Ист. г. III № 284.

аки очи твои закрывающе¹⁾. Кн. Курбский, подававшийся по своему таланту и ухитренному развитию среди всех сподвижников грозного царя, рассказывая о казанской осаде в 1552 г., добавляет, «еще воспоминаючи достояти, яко татары на войско христианское чары творили и великую яловую наводили: яко скоро до облежания града, егда есаше начесть восходити, изидут на градъ, вѣсѣмъ намъ аршинѣ, ово престарѣшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вопіати сатанинскія словеса, жануше одѣяныи своими на войско наше и верташеся во благочиніи. Тогда ябже встанетъ вѣтри и соинитася облакъ».....²⁾.

Эту картину всеобщей вѣры въ волшебство дополняютъ свѣдѣнія Грешина, вспоминая въ письмѣ къ Курбскому: «днани изъѣздили болре... наустили ескулабниихъ умовъ народа, что будто матери нашей мати, кнѣзья Дина Глинеши со своими дѣтми и съ людьми сердца человеческая вымаливаютъ таковыи чародѣйствомъ Москву похитили»³⁾. Придворнаго доктора Юліана IV ибѣжана Божіаи речевои дѣлониъ наидаетъ «двоиамъ вохволомъ». Люди Андрея Пилипа Божобрзана «единоумиленниа, веру и наѣвнику Оудѣи Шакловитому» въ пѣсѣнкѣ на него говорили, что онъ находится въ сношеніяхъ съ Дороейкой, коноволомъ и рукометомъ, ухитривши «бабами» породити и на руку людей смотрѣти и внутренни бѣдѣни, взрослыхъ и дѣтей унавати и дѣлать шентами»⁴⁾. Знаменитый ученый конца XVII в. монахъ Сильвестръ Мелітѣевъ три года при себѣ держалъ нѣкогого воина Дмитрія Силна, который говорилъ о себѣ, что онъ «унаветъ въ животѣ бѣдѣни, и на солницѣ смотрѣти и унаветъ въ солницѣ: кому что будетъ: да онъ же у младенцевъ уговариваетъ гриши и отъ усону или будетъ жель, мужа и жены

¹⁾ Курбскій, Сказаніе стр. 62; Заслуживаетъ замечанія также приложеніе къ исторіи о вел. кн. Моск. Петре, гдѣ, между прочимъ, находится перечень вопросовъ, предложенныхъ монахомъ новгородскому епископу:

«Богрскъ, Божъ женщина, унаветъ така вѣбѣ, непристойна, средства, чтобы сдѣлать бересенюкъ Оудѣи, Женщины, Палакия оо дѣтми, коренети, или друтии невоималии средствами, или оправиваиши совѣта у старухъ вероисекъ, должни бѣтъ пѣтъ постигши и дѣти три трона епископу, чтобы онъ поволилъ на нихъ съ особыми усердіемъ ои, ихъ повороти ои, сѣжени ихъ хужей, а не отъ другою средина», Петръ стр. 154.

²⁾ Курбскій, Сказаніе т. I, стр. 24.

³⁾ Ibidem стр. 64.

⁴⁾ Ист. Вѣстникъ 1889 г. № 6, стр. 713.

совѣту не будетъ—помогаетъ»¹⁾. Тотъ же Мелітѣевъ пишетъ, сношенія съ волхвомъ Василіемъ Николиновымъ, похвалившимся напустить порчу на государей Осодора и Петра, если только Софи дастъ ему 5000 рублей²⁾.

Страхъ московскихъ царей передъ знахарями рельефно выступаетъ въ подкрестныхъ и присяжныхъ разнаго чина людей. Уже отецъ Іоанна Грознаго пишетъ необходимому занести въ престольнаую записъ книгу «о велѣхъ о лихихъ». Въ подкрестной записи Бориса Годунова отъ 15 сентября 1598 года присягающей на вѣрность прописаны между прочимъ: «Также мѣхъ надѣ государемъ сѣзати, царь и вел. кн. Борисомъ Осодоромъ вел. Русіи, и надѣ царю и вел. кн. Марією, и надѣ ихъ дѣтми, надѣ цар. Осодоромъ, и надѣ цар. Осениномъ, въ бѣсѣхъ и въ шѣхъ, ни въ вѣтѣхъ, ни въ иномъ, ничѣ, чѣхъ, лиха лихого не учинити и не попортити, и велѣ лихого и кореня не дѣлать и не вѣдѣти мѣхъ кромѣ велѣ лихого и кореня дѣлать; а кто мѣхъ учинитъ велѣ лихое или кореня дѣлать, или мѣхъ учинитъ кто попортитъ, чтобы мѣхъ надѣ государемъ своимъ, царь и вел. кн. Б. О. и Р., а вѣтѣ Н. и велѣ ихъ дѣтми, т. е., какое лихо кто похочетъ учинити, или кто похочетъ попортити, и мѣхъ того человека ницѣ не слушати, и велѣ лихого и кореня у того человека не имати, да и людей своихъ съ *видовствомъ* да и со велѣми лихихъ велѣмъ и съ коренемъ не посылати и *видовство* и *видѣни* не добывати на государевомъ, на тѣмъ лихѣ. Также государя своего и. и в. кн. Б. О. и Р. и его царю, и ихъ дѣтей, на *слова* велѣми вѣдовскимъ, мечтаниемъ не попортити, ни *видовствомъ* по *звѣри* никакого лиха не посылати и *слова* не шантажи, ни которыми дѣла, ни которою хитростію; а какъ Гов. и. и в. кн. Б. О. и Р., и его и. и в. кн. Марія и ихъ дѣти, и. О. и Р., Окъ, куда пойдутъ или куда пойдутъ, и мѣхъ *слова* *волшебствомъ* не выдѣлать и велѣми звать умалишениамъ и волшебствомъ не умалиши и не дѣлать ни которыми дѣла, ни которою хитростію; а кто такое вѣдовское дѣло похочетъ змѣнати или дѣлать, и язъ то свѣтъ, и мѣхъ про того человека сазати Государю... а не угаити мѣхъ про то никакъ; а у кого увѣдаю, или со стороны услышу у какого че-

¹⁾ Ibidem стр. 710.

²⁾ Ibidem.

ловка побудь, кто про такое злое дѣло учить думати и умышлѣти... и мнѣ того поняти и привести къ Государю своему; а не возмогу поняти, и мнѣ про того сказать Государю своему" 1).

Такихъ образовъ подкрѣстной предусматривались главнѣйшіе виды колдовства, какъ-то: на слѣду порча, насыланіе лиха по вѣтру и выниманіе слѣда. Въ подкрѣстной записи Изе-дмитрія отъ 12 іюня 1605 г. объ этихъ главныхъ видахъ волшебства не упоминалось, а содержалась общая клятва «въ вѣтѣхъ и въ ильѣхъ, ни въ плѣтѣхъ, ни въ иномъ ни въ чемъ, лиха никакого не чинити и не испортити, ни зелья лихова, ни кореня не давати» 2); не возлагалось также обязанности доносить на злоумышленниковъ, а тѣмъ болѣе ихъ ловить. Въ подкрѣстной Василия Ивановича Шуйскаго отъ 20 мая 1606 г. эта послѣдняя обязанность снова является присягающимъ, по упоминанію о главнѣйшихъ видахъ волшебства также отсутству-
етъ 3).

Что же представляли изъ себя эти главные виды колдовства? Насыла по вѣтру, именовъ Костомаровъ, состояла въ томъ, что лихой колдунъ, зная искусство возбуждать вѣтры и направлять ихъ куда угодно своими заговорами, производить вѣтеръ, потомъ бросать по вѣтру пашь и примолвли, чтобъ такъ по вѣтру понесло пашь на такого-то человека, чтобъ его корчило, мило, раздувало, сунуло и проч. и проч. Если обреченная жертва попадалась подъ такой вѣтеръ, то съ ней συμβαλλετο все, чего желалъ ей колдунъ. Выборъ слѣда изъ подъ ноги заключался въ томъ, какъ передать Костомаровъ, что выбранный слѣдъ заказывали въ печи или сожигали, и оттого иссыхалъ тотъ изъ подъ чьей ноги былъ взятъ слѣдъ. Выбирали слѣдъ также для привороту. 4) Иногда слѣда не вырывали, а ограничивалась тѣмъ, что наговаривали на слѣдъ или посылали его чѣмъ либо съ наговоромъ. Этими путемъ также, по понятіямъ людей того времени, можно было достигнуть желаемого, т. е. или погубить данное лицо или приворожить его къ другому.

1) Акты экз. т. II № 10 стр. 58—59.

2) Ibidem № 58, стр. 94.

3) Ibidem № 44, стр. 102.

4) Костомаровъ. Отрывъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа. Сиб. 1887 г. стр. 277—278.

Крѣстоцѣловальныя первой трети XVII ст. достигли огромныхъ размѣровъ и чрезвычайной мелочности въ смыслѣ указаній на разнаго рода виды знахарства. Такъ чины Антекарскаго Приказа этого времени между прочимъ давали торжественную клятву: «...а лиха мнѣ ему государю своему... не хотѣти ни какова, ни мыслити, ни думати, ни которыми дѣла и ни которою хитростью, и въ вѣтѣхъ, и въ ильѣхъ, и въ лекарствахъ во всякихъ и въ иномъ ни въ чемъ лиха ни каковаго не учинити и не испортити ни которыми дѣла и ни которою хитростью и зелья лихова и кореня не давати, и съ лихимъ ни съ какимъ злымъ умысленіемъ и съ порчею къ нимъ государю не приходити, и въ своемъ лекарствѣ, и въ составѣхъ, и въ лечебныхъ; ни въ чемъ ни какова злого зелья и кореня не примѣнати, и къ ихъ государевому здоровью, а съ инымъ ни съ кѣмъ не посылати, также мнѣ и надъ товарищи своимъ въ всякихъ составѣхъ и во всякихъ мѣрахъ, которые для ихъ государскаго здоровья учинуть составляти, смотрѣть на крѣпко, чтобъ они въ составѣ никакова дурна не чинили и зелья лихова имѣсто добраго и составу нечистаго людин и иного ни какова злого яду змѣина и иномъ ядовитыхъ змѣрей, и гадюкъ, и птицъ, и всякихъ злыхъ и нечестыхъ составовъ, которые могутъ здоровье повредить и испортити не примѣнати, и во всемъ о ихъ государскомъ здравіи радѣти и оберегати ихъ государскаго здравья во всякихъ мѣрахъ... А кто мнѣ учинитъ какое зелье или коренъ лиховъ давати на нихъ государей или кто меня начнетъ наговаривати, чтобъ мнѣ надъ нимъ государемъ своимъ и надъ его царичею и надъ ихъ царскими дѣти какое лихо учинити или кто по хочетъ ихъ государей сая портити или какое лихо умышлѣти или у товарищей своихъ какіе злые или нечестые составы, которые могутъ здоровье повредить или осквернити, увижу, и мнѣ у того человека зелья лихова и кореня не имати и того человека не слушати, и поймавъ того человека привести мнѣ ко государю... или къ его государеву боярину, у котораго обтека въ приказѣ будетъ, или къ его государевымъ ближнимъ людямъ. А будетъ за которыми мѣрами того человека поймать будетъ не можно и мнѣ про того человека точнаго сказать ему государю или его государеву боярину или ближнимъ людямъ.» 1)

1) Материалы по исторіи медицины въ Россіи СИБ. 1881—85 г. т. I. 1—IV. Изд. Мещ. Департамента. № 160.

Дворянские люди парижана чина этой эпохи въ присяге обязывались между прочимъ: „и не мыслить, и въ бѣдѣ, въ нуждѣ, въ оубогахъ, въ прѣнххъ зельяхъ, и въ плѣтѣ, въ полатенкахъ, въ постеляхъ, въ сорокахъ, въ портахъ, лиха никакого ни наговаривати и не испортити отнюдь ни въ чейхъ ни которыми дѣлаи“¹⁾. Для характеристики того отношенія къ лихимъ дѣламъ, которое господствовало въ высочайшъ термѣ московскихъ парижъ, достаточно замѣтить, что отъ XVII ст. до насъ дошли епископскія дѣла о приговорѣхъ корѣхъ: обратѣхъ, колдовствѣхъ на парижанъ, слѣдѣхъ, похѣлѣхъ, словѣхъ постельницѣхъ, умышлѣнѣхъ испортити парижу Ефодію Лузанову и т. д.²⁾

Более нужно замѣтить, что XVII вѣкъ это столѣтіе знахарскихъ процессовъ по преимуществу. Окрѣпшая государственная власть вступаетъ противъ колдуновъ по вѣсудѣхъ уголовной репрессіи и такимъ образомъ отходитъ на задній планъ прѣжнѣе способъ борьбы съ знахарствомъ посредствомъ духовныхъ проповѣдей, пастырскихъ посланій и т. п. Впрочемъ, этотъ періодъ, по отсутствію матеріаловъ, до настоящаго времени остался не изученнымъ. Ниже, на основаніи найденныхъ историческихъ данныхъ, изложенныхъ нами изъ архивовъ, мы постараемся дать на затронутый вопросъ болѣе правильныя отвѣты. Но предварительно обратимъ вниманіе на нѣкоторые моменты въ эволюціи психологіи знахарства.

Глубокая вѣра въ то, что знахарю подчинены и добрыя и злыя силы мало по малу ослабѣвала. Мысль о всемогуществѣ „знатцовъ“ вытѣснялась по мѣрѣ того, какъ вырабатывались, съ одной стороны болѣе правильныя представленія о вѣдѣхъхъ прѣродѣхъ и проходила страхъ передъ грозными ея явленіями, а съ другой, укрѣплялось христіанство съ его ученіемъ о душѣ, о смерти и т. д. Подъ вліяніемъ указанныхъ обстоятельствъ стала укореняться мысль о безсиліи знахарей располагать по своему укореняться мысль о безсиліи знахарей располагать по своему проповѣду „добрыми“ духами. Церковно-пастырское ученіе прививало взглядъ на знахарей, какъ на посредниковъ діавола, пособниковъ сатаны, нечистотъ врага христіанъ. Въ этой новой стадіи мысль о знахарствѣ стала одностороннею, болѣе узкою и въ такой, такъ сказать, обезличенной формѣ ничего не

могла внушать народу кромѣ страха къ колдунамъ и желанія отъ нихъ избавиться.

Эта эволюція психологіи знахарства медленно готовила почву для борьбы съ нимъ. Враждебное отношеніе къ знахарству развивалось параллельно съ распространеніемъ послѣдняго, вотъ почему наши свѣдѣнія о борьбѣ съ знахарствомъ хронологически совпадаютъ съ извѣстіями о его распространеніи, а также въ рядѣхъ преслѣдователей колдуновъ мы видимъ князей, духовенство и народъ, т. е. тѣ же категоріи населенія, которыя пользовались ихъ услугами.

Уже въ уставѣ Владиміра Святого „о церковныхъ судѣхъ“ къ числу дѣлъ, подлежащихъ упомянутымъ судамъ, были отнесены „колдовство, зелье, потворы, чародѣіе, похвоаніе“³⁾. Уставъ, какъ извѣстно, былъ составленъ по указаніямъ греческихъ ученыхъ. Эти же послѣдніе были воспитаны на постановленіяхъ Вселенскихъ соборовъ, которыми колдовство разсматривалось какъ отступленіе отъ христіанства и отнеслось къ вѣдѣхъхъ духовнаго суда. Въ 1024 г. народъ избилъ „лихихъ бабъ“ въ Суздальской землѣ; тоже произошло въ 1071 г. въ землѣ Ростовской. Знаменитый проповѣдникъ XII вѣка Св. Кириллъ въ словѣ „о лихихъ дѣлахъ“ вооружался противъ колдовскаго врачеванія: „да мы нима (говоритъ онъ) хотя мало поболѣмъ, или жена или дѣти, то оставимъ Бога нима проклятыхъ бабъ чародѣицъ, наузовъ и словъ прѣметныхъ слушаемъ... баба начесть на дѣти науки класти, смѣривати впооще на землю, рекше бѣса проклинаятъ“⁴⁾. Въ 1227 г. новгородцы сожгли 4 волхвовъ. Въ посланіи къ новгородцамъ отъ 29 августа 1410 г. митрополитъ Фотій предписывалъ, чтобы „баси по слушамъ, лихихъ бабъ не принимали ни узловъ, ни привоженій, ни зелья, ни вороженія, а елика такова, занеже съ того гнѣвъ Божій приходитъ; и гдѣ таковыя лихія бабы находятъся, учите ихъ, чтобы прѣстали и каились бы, а не нмуть слушати, не благословляйте ихъ, христіаномъ заказывайте, чтобы ихъ не держали межу себе нигдѣ, гонили бы ихъ отъ себе, а сами бы отъ нихъ бѣгали, аки отъ нечистоты“⁵⁾. Въ 1411 г., во время черной смерти, ископачи сожгли 11 вѣ-

¹⁾ Забѣлскіе, Бѣлѣ рус. нар. М. 1901 стр. 1579.

²⁾ Ibidem стр. 119—120.

³⁾ См. „Уставъ“ съ дополненіями. Букселев Архивъ Болотовъ 1829 г. т. 1 стр. 2 и слѣд.

⁴⁾ Актъ околѣт. т. 1, № 369, стр. 162.

ных женовъ. Приходившие въ 1498 г. къ Софій „бабы съ земель“ были утолнены по приказанію великаго князя.

О широкомъ распространѣніи колдовства въ XVI ст. можно судить потому, напримѣръ, что въ постановленіяхъ Стоглаваго собора 1551 года нашло себѣ мѣсто слѣдующее любопытное изображеніе дѣйствительности: „Шестокрыль, Воронокрай, Остроуій, Зедѣй, Альцавахъ, Зифадоцети, Аристотель, Аристотелевы Врата и инши зоби бѣсовскіи тѣхъ всѣхъ еретическихъ книгъ у себя не держали и печали, и затории же невеликии вонн изъ Великій Четвертъ, съи переть престоль кладутъ и до седьмого четверга по величїи дни тамъ держать, а ту отдають на праченіе людямъ и скотомъ“. Въ 1552 г. изъ наказѣ, данномъ Берсеневу и Тютину для наблюденія за точнымъ исполненіемъ правилъ Московскаго собора 1551 г., предписывалось наблюдать, чтобы „изъ волхвѣмъ бы и къ чародѣемъ и къ зифадоцетямъ волховать не ходили и у поля бы (при поединкахъ) чародѣи не были... а которые бесчинники зобымъ страхъ Божїи и царскую заповѣдь уиути... къ чародѣемъ и къ волхвѣмъ и къ зифадоцетямъ ходити волховать, и къ полямъ чародѣи приводити, и изъ томъ на нихъ доведутъ и обличены будутъ достовѣрными свидѣтели: и тѣмъ быти отъ царя и великаго князя въ великой оукаѣ, по городскимъ законамъ, а отъ святителей нмъ же быти въ духовномъ запрещенїи, по священнымъ правиламъ“¹⁾. Въ 1555 г. Троицкій Сергіевъ монастырь въ приходной грамотѣ своимъ землямъ и крестьянамъ приказываетъ не держать въ волости „ни волхвей, ни бабъ, ворожей“ подѣ угрозою съ сечею и казней: „ста человекъ дзати нени десять рублень денегъ; а екомороха, или волхва, или бабу вероужоу, бѣи да ограбниъ да выбити изъ волости вонъ“²⁾.

¹⁾ Акты Истор. г. I, № 151 стр. 252.

²⁾ Акты Ист. г. I, № 214, стр. 267; Лаврентій въ своей работѣ „Судѣи и уголовное право“ (Ист. пр. 1906 г. № 1, стр. 315) эту грамоту 1555 г. относитъ къ 1470 г., ссылаясь на Ак. Ист. г. I, № 69, но подѣ этимъ попомомъ подобной грамоты нѣтъ. Что не случайная описка, такъ какъ на то же страннѣе встрѣчается и другія „должныя“ ссылки на несуществующіе акты или же говораніе совершенно о другихъ. Такъ, въ локально-истор. томъ, что „екоморохи, иншіе, ворожен и волхи были поимены при бѣсовѣмъ, въ особенности въ монастырскихъ и дворцовыхъ селахъ и деревняхъ“, они приводить, гроемъ несуществующей грамоты отъ 1470 г., друга „отворенія“ (хурейка, назв. П. II) грамоты а именно грамоты 1515 г. на имя Чухломскаго монастыря, 1522 г. Кассіино-Успенскому, 1551 г. дворцовымъ селамъ, Афанасьевскому и Васильевскому, 1556 г. Високому монастырю. Всѣ эти указанія совершенно не согласны на Ак. Ист. г. I, № 214. Обращаясь къ указанному источнику, находимъ тамъ

Въ XVII ст. борьба свѣтской власти съ волшебствомъ несомнѣнно прогрессируетъ. Въ самомъ началѣ этого вѣка, а именно въ 1606 г. встрѣчаемъ дѣло по жалобѣмъ о порчѣ: будто бы людей посредствомъ чары. Изъ царской грамоты по этому дѣлу узнаемъ, что оговореннаго „на пытки пытали и огнемъ жгли, и на пытки три встряски были, и винули въ тюрьму, и пытки де сидѣть въ тюрьмѣ“¹⁾. Въ 1632 г. псковскимъ воеводѣмъ о литовскихъ лазутчикахъ сообщается, будто бы въ литовскихъ городахъ „баба вѣдунья наговариваетъ на хмѣль, который изъ Литвы въ наши города везутъ, чтобы тѣмъ хмѣлемъ въ нашихъ городахъ на люди навести моровое похитіе“, а поэтому воспрещается подѣ страхомъ смертной казни покупать и торговать литовскимъ хмѣлемъ“²⁾.

Въ 1649 г. въ памяти Верхотурскаго воеводы Рафа Воеводскаго приказнику Прѣблестной слободы Григорію Барыбину писано: „дѣломъ де Государю учинилось, что... инше люди тѣхъ чародѣемъ и волхвѣмъ, и бобоверскихъ бабъ въ домъ себѣ приимавють и къ малымъ дѣтѣмъ, и тѣмъ волхи вытъ бѣдъ-

дѣла въ истор. г. I, № 151 стр. 252. Акты Ист. г. I, № 214, стр. 267; Лаврентій въ своей работѣ „Судѣи и уголовное право“ (Ист. пр. 1906 г. № 1, стр. 315) эту грамоту 1555 г. относитъ къ 1470 г., ссылаясь на Ак. Ист. г. I, № 69, но подѣ этимъ попомомъ подобной грамоты нѣтъ. Что не случайная описка, такъ какъ на то же страннѣе встрѣчается и другія „должныя“ ссылки на несуществующіе акты или же говораніе совершенно о другихъ. Такъ, въ локально-истор. томъ, что „екоморохи, иншіе, ворожен и волхи были поимены при бѣсовѣмъ, въ особенности въ монастырскихъ и дворцовыхъ селахъ и деревняхъ“, они приводить, гроемъ несуществующей грамоты отъ 1470 г., друга „отворенія“ (хурейка, назв. П. II) грамоты а именно грамоты 1515 г. на имя Чухломскаго монастыря, 1522 г. Кассіино-Успенскому, 1551 г. дворцовымъ селамъ, Афанасьевскому и Васильевскому, 1556 г. Високому монастырю. Всѣ эти указанія совершенно не согласны на Ак. Ист. г. I, № 214. Обращаясь къ указанному источнику, находимъ тамъ

¹⁾ Акты истор. г. II, № 66, стр. 82.

²⁾ Акты Ист. г. III, № 197, стр. 284.

ними и надъ младенца чинить всякое бѣсовское волхованіе и отъ православія православныхъ крестьянъ отлучаютъ; да въ городѣхъ же и въ уѣздахъ... сходятся многіе люди мужского и женскаго полу по зарямъ и въ ночи чародѣйствуютъ, съ сомычнаго схода перваго дни луна смотрятъ и въ громное громаженіе на рѣкахъ и въ озерахъ кунаются, чаютъ себѣ отъ того здравья... И великій Государь... велѣлъ о тѣхъ богомерзкихъ дѣлѣхъ приказъ учинить, чтобъ православные христіане отъ такового бѣсовскаго дѣйства отстали... а которые люди отъ того отъ всего богомерзкаго дѣла не отстанутъ и... тѣмъ людямъ чинить наказанья... бить батоги¹⁾.

Очевидно, богомерзкія дѣла не исчезли, если митрополиту Бѣлгородскому и Оболенскому въ грамотѣ, писанной въ 1673 г. въ Никодиму архимандриту Курскаго Знаменскаго монастыря пришлось съ укоризною говорить: «да въ городѣхъ же и уѣздѣхъ мужскаго и женскаго полу бывають чародѣи и волхованіемъ своимъ и чародѣйствомъ многіхъ людей прельщаютъ. Многіе люди тѣхъ волховъ и чародѣевъ въ домъ къ себѣ, къ малымъ дѣтямъ и къ больнымъ младенцамъ призываютъ, а они всякое волхованіе чинить, и отъ православія православныхъ христіанъ отлучаютъ»²⁾.

Какъ было уже замѣчено (стр. 16), XVII вѣкъ развертываетъ передъ нами потрясающую картину вѣдовскихъ процессовъ. Окрѣпшая центральная власть вступаетъ въ единоборство съ знахарствомъ. Борьба съ нимъ становится государственнымъ дѣломъ, монополией. Такая точка зрѣнія настойчиво проводится черезъ все столѣтіе и даже захватываетъ императорскій періодъ.

Процессы о колдовствѣ—это отвратительная кровавая язва на фонѣ европейской цивилизаціи—за послѣднее десятилѣтіе вновь привлекаютъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Работы Riezler'a, Baissac'a, Hansen'a³⁾ и другихъ бросаютъ широкій свѣтъ на эту эпидемію европейскаго безумія. Но русское

¹⁾ Акты историч. т. IV, № 35, стр. 124—126.

²⁾ Бессон, Русская Библионока. М. 1883 г. т. 1, стр. 29.

³⁾ S. Riezler, Geschichte der Hexenprozesse in Bayern (1896 г.).

J. Baissac, Les Grands jours de la sorcellerie (1900 г.).

J. Hansen, Zaubersabn, Inquisition und Hexenprozess im Mittelalter (1900 г.).

Ereignisse, Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter (1901 г.).

«блудническіе по прежнему тонетъ въ непроглядной тьмѣ. Хуже того, каждое новое произведеніе русскаго писателя, такъ или иначе касающагося указанной темы, является новымъ подтвержденіемъ давно уже пущенной въ научный оборотъ мысли, что Россіи европейское безуміе не коснулось, что наше отечество осталось въ сторонѣ отъ изумленихъ преслѣдованій. Такъ, обширная работа Н. Сперанскаго¹⁾, вышедшая въ минувшемъ году, снова подтверждаетъ «насъ возмущающій обманъ». Почтенный авторъ пишетъ, наирѣзъ, что «и въ XV—XVII вѣкахъ процессы вѣдовъ, являлись принадлежностью лишь передовыхъ странъ христіанскаго міра: задержанны въ своемъ развитіи Востоку Европы, Россія и Балканскія государства, и въ ту пору оставались свободны отъ этихъ ужасовъ». Въ другомъ мѣстѣ ту же самую мысль онъ повторяетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Не говоря уже о нехристіанскихъ странах, страны, входившія въ составъ греко-восточной церкви, какъ мы уже замѣтили, также оставались свободны отъ этой язвы. Въосточная въ свое время знала, правда, преслѣдованіе колдуновъ, но борьба съ «вѣдствомъ» *никогда не принимала въ себѣ формы борьбы съ вѣдствомъ*²⁾.

Добытые нами новѣе архивные матеріалы не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что борьба съ вѣдовствомъ *принимала въ восточной ориентальной странѣ*. Больше того, эта борьба отличалась не меньшей жестокостью, чѣмъ въ Западной Европѣ. Московская Русь въ борьбѣ съ вѣдунками перешла и позальный терроризующій сыскъ, и пытки, и публичное сожженіе обвиненныхъ въ чародѣйствѣ.

Наши матеріалы не представляютъ вѣдѣ законченныхъ дѣлъ и тѣмъ не менѣе они не утрачиваютъ своей цѣнности, такъ какъ важнѣйшіе процессуальные моменты ими устанавливаются въ рѣзкихъ, вынужденныхъ очертаніяхъ. Матеріалы о колдовствѣ представляютъ интересъ и для процессуалиста—уголовника, и для этнографа, и для медика, и для историка вообще. Что касается насъ, то мы останавливаемся на этомъ рядѣ фактовъ съ исключительною цѣлью отыскать подпочву народной медицины. Мы думаемъ, что *колдовство народнаго врачевнаго знанія было вѣдствомъ, и что юридическое положеніе медицины въ странѣ, какъ*

¹⁾ Н. Сперанскій, Вѣдомы и вѣдовство стр. 7 и 35 (1906 г.).

²⁾ Курскъ возмъ Н. Н.).

расно фактическое отношение к ней народа и власти, в течение долгого времени отражають на себе старое отношение к правосудию.

Мы видим, что власти производили расследование в каждом отдельном случае, из этого можно сделать только вывод, что в борьбе с вдовством власти *приводились в движение* и не оставались равнодушными зрителями *народной* расправы. Наоборот, можно предполагать, что на долю правительства выпала самая активная роль в этом отношении, что оно было организатором борьбы, высшим руководителем ею.

В распоряжении властей находился огромный арсенал наказаний. Главнейшими из них были ссылка и сожжение. Поблизости в тюрьмах и в местах пытки приходилось всякому нечаянно от наказания, назначенного в конце ссыла.

Зерно идеи применения к колдунам ссылка нужно видеть еще в практиковавшихся ранее случаях «выбавания из волости вон». В семнадцатом столетии ссылки из дальних местности и в монастыри. В 1628 г. совершенно неучастный к вдовству человек, страдавший душевною болезнью, за безрелигиозные коренья, прикованный у него к шенному кресту, были сосланы «на Устюг Великий в Архангельский монастырь», где повелевалось «ему быть в черной монастырской работѣ и из монастыря его не выпускать, чтобъ онъ не пропалъ безвѣстно, и ходить ему къ икѣ, чтобъ ему отъ того недуга Богъ дать излеченіе». В 1639 г., по указу Алексея Михайловича повелевалось «золотую мастерицу Дунку Ламанову съ мужемъ ее съ Стенкою Ламановымъ... сослать в Сибирскій городъ Пелымъ; да золотую же мастерицу Дунку Ирешкину съ мужемъ ее да съ сыномъ да съ дочерью сослать в Каргополь; а... колдуней Манку Козлиху да Дунку сѣбную да Оеклину сѣбную изъ съ мужемъ съ Гришкою саженикомъ разослать в города: Манку Солнцаяской, а Оеклину съ мужемъ на Вятку, а Дунку в Кайгородокъ»²).

Подобный исход дѣла тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что потерѣвшею стороною изъ данномъ случаѣ была царская семья, благополучіе которой всегда ставилось на первомъ мѣстѣ и оберегалось со всею безпощадностью. И это дѣло, какъ и сотни другихъ,

¹) Наши матеріалы т. III, ч. I, стр. XXV и слѣд.

²) Наши матеріалы т. III, ч. I, стр. 132.

возникло по оговору, изъ-за пустяковъ, но одно за другимъ оговаривались все новыя лица и втягивались въ кровавый следственный механизмъ. Первоначально оговоренная Дарья Ламанова при первой же пыткѣ «повинилась, въ томъ де она передъ государемъ и государинею царницею виновата, что къ бабѣ въ ворожеѣ подругу свою мастерицу Аранку за Москву рѣку знала, а то де бабу зовуть Настасинею, живетъ за Москвою рѣкою на Венюкъ; а спознала ее съ нею подруга ее золотная же мастерица Андотья Ирешкина для того, что она людей привирачиваетъ, а у мужей къ женамъ сердно и ревности отымаетъ, а наговариваетъ на соль и на мыло: да тое соль давать мужьямъ въ лѣтѣ и въ нѣтѣ, а мыломъ умываются»¹). Затѣмъ Дарья Ламанова показала, что по наущенію жизни Настыи «жемые ея Дарьяны рубашки носила на сѣбѣ государини царницѣ».

Послѣ второй пытки жена Настыи показала, что мастерицѣ Дарьѣ Ламановѣ и ея подругамъ, которыхъ знаетъ, а иныхъ и не знаетъ, «жемыи женскыи рубашкы вороты и наговора соль и мыло дала, а невестъ саженихъ рубашекъ вороты велѣла сшить въ государекій сѣдѣ, а сшить велѣла не для лихова дѣла, для того какъ тотъ невестъ государь или государини царина перейдутъ, а чье изъ тѣ поры будетъ челобитие, и то де дѣло и сѣдлается да отъ того изъ де быкаетъ государская милость и близость къ нимъ люди добры; а соль и мыло велѣла она давать мастерицамъ мужьямъ своимъ, чтобъ до нихъ были добры».

Приведенными словами у этой женщины были: *дакъ люди смотрятъ на въ зеркало, такъ бы мужъ смотрѣлъ на жену да не посмотрѣлъ; а мыло сколь больно смываетъ, стоишь бы да скоро мужъ полюбилъ; а рубашка какова на тѣло была, сшила бы да мужъ былъ своимъ»²).*

Приведенная къ пыткѣ по указанію одной изъ своихъ клиентокъ, жена Настыи въ свою очередь указала на свою благодѣтельницу жену Манку Козлиху. Послѣ первой пытки Козлиха дала показаніе, что она «только и знаетъ, что малыхъ дѣтей смываетъ да жабы, у кого прилучится во рѣ, угвариваетъ, да горшки на брюхо наметываетъ, а опроче того ничего не знаетъ». Послѣ третьей пытки она подтвердила ссылку Настыи и

¹) Ibidem стр. 118.

²) Ibidem стр. 120-121.

раскрыла все подробности своего вдовского искусства, которому научилась у матери своей, умершей седьмой годъ тому назадъ. Какъ оказалось, соль и мыло она наговаривала: *„какъ смотрятъ на въ зеркало да не посмотрятъ, такъ бы де мужъ на жену не посмотрелъ“*; а соль: *„какъ де тое соль люди въ истину любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ“*. При наговорѣ на мыло она произносила: *„какъ скоро мыло съ лица смываетъ, такъ бы скоро мужъ жену полюбилъ“*. Сажая рубашечные вороты, она приговаривала: *„какова де была рубашка на шее, таковъ бы мужъ до жены былъ“*. Противъ жабы заговоромъ служили слова: *„саямый, анель, тропатель, умри и исходи у твоемъ изнестъ, у кого прилагаша, болѣзнь сию“*. При этомъ Колыха не только уѣбрала, что „лихимъ словомъ не наговариваетъ“, но, отдавая дань времени и обычаю, заявила: „да и не одна де она тѣмъ ремесломъ промышленности, есть де на Москвѣ и нныя бабы, которыя подлинно умѣютъ ворожить“.

Этихъ „лихихъ бабамъ“ оказалась Ульянка сѣлая, Душка сѣлая да Оеклиха Степанова. Первая изъ нихъ подверглась три раза жестокой пыткѣ. Сначала она показала, что „только и знаетъ, что около малыхъ дѣтей ходить, кто поболитъ, и она ихъ смываетъ, и жабы во рту уговариваетъ да горшки на брѣхо намешиваетъ“. При этомъ она наговаривала и смывала дѣтей наговорною водою, а жабы давила. Муки пытки вырвали у нея указаніе и на другой промыселъ, а именно она показала: „у которыхъ людей въ торговлѣ товаръ заливаетъ и она тѣмъ торговнымъ людямъ наговариваетъ на медъ, а велитъ имъ тѣмъ медомъ умывать, а сама наговариваетъ: *какъ де медъ зряя рожница на едятъ, такъ бы де къ новымъ торговцамъ дадимъ отъ старыхъ купцовъ естество“*. Она же советовала женщинамъ есть хлѣбъ съ солью и умываться мыломъ. Надъ хлѣбомъ съ солью она наговаривала: *„какъ де хлѣбъ на соль люди любятъ, такъ бы де мужъ жену любилъ“*; а надъ мыломъ: *„какъ бы де скоро мыло къ лицу прилагаетъ, такъ бы де скоро мужъ жену полюбилъ“*. Также жена Ульянка тѣмъ, у кого „лучша сердечная болѣзнь, или лихорадка, или иная внутренняя болѣзнь“, давала вино, чеснокъ и укусы съ наговоромъ: *„длинна сама Христосъ въ человекъ къ болѣзни сего, онъ Ударъ, Христосъ мученикъ, да Иванъ Креститель, онъ Матвей, Арсентъ, да Тихонъ святой“*.

Сѣлая Душка подъ пыткой созналась, что она „малыхъ дѣтей отъ уроковъ смываетъ, да жабы во рту уговариваетъ, да она жѣ

де на брѣхо, у кого что провадетъ, съотреть; а на кого скажутъ пытку, и она посмотря на серно узнаетъ, потому что у него серно трепещетъ“.

Жена Оеклиха показала, что она „грижи людей уговариваетъ, а наговариваетъ на трюмовую стрѣлку да на медъ-вѣзін поготъ, да съ тое стрѣлки и съ погы дасть пить воду, а приговариваетъ говоритъ: *„какъ де съ старой женою дѣтей не разжигать, такъ бы де у кого въ грижи и болѣзнь не болѣла“* да она жѣ... на брѣхо горшки намешиваетъ“¹⁾.

Какъ видно, средства, употреблявшіяся вѣдунками, причисленными къ настоящему дѣлу, были очень невиннаго свойства. Тѣмъ не менѣ 1 апрѣля государь распорядился снова подвергнуть пыткѣ мастерицу Душку Лапанову и женку Настю. Въ указѣ государь писалъ, „что послѣ того ихъ воровства, кѣмъ та мастерица Душка Лапанова на слѣдѣ государяни царни и великіе княгини Ефроси Лукьяновны сынала вѣдовскій рубашечный пещель, учла государяни подомогать и бити печальна, да послѣ того жѣ вскорѣ гос. царевича князя Ивана Михайловича не стало, и послѣ тоежъ скорби вскорѣ гос. цар. и вел. кн. Ефроси Лукьянова рожла гос. п. кн. Василья Михайловича болѣна, и послѣ ея государевыхъ рожи и того государя цар. кн. Вас. Мих. не стало вскорѣжъ, и пытъ гос. царя передъ престолъ скорбна жѣ и жѣтъ ихъ государей въ ихъ государскомъ здоровѣ и въ любви стало не попрежнему... и отъ того времени и до сихъ жѣтъ жѣтъ ихъ государей скорби и въ ихъ государскомъ здоровѣ погѣшка“²⁾.

И такъ все знатки домашней жизни государь объявлять вѣдовствомъ. Была даже мысль о международной организации порчи. Такъ жѣнку Настю спрашивали: „отъ польскаго и отъ литовскаго короли къ мужу ея литвину Янѣ присылка или зазачъ, что ей государя или государыню царю испортить, бытъ-ли“³⁾.

Въ 1647 г. крестьянинъ Машка Ивановъ „за чародѣйство да копей разводъ и за наговоръ“ былъ сосланъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь съ указомъ держать его „подъ крѣпкими

¹⁾ Ibidem стр. 122—126.

²⁾ Ibidem стр. 127.

³⁾ Ibidem стр. 129.

зарауломъ" ¹⁾ Въ томъ же году бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣльницъ былъ сосланъ въ Володу за то, что „съ такими злыми вѣдуна Симонкомъ Даниловымъ да съ женкою Оришкою знался многіе годы" ²⁾.

Эти ссылки происходили на основаніи сепаратныхъ распоряженій, но уже въ началѣ декабря 1618 г. послѣдовать *общій указъ* воеводѣ бѣлгородскому Тимофею Оседоровичу Бутурлину, изъ которой между прочимъ указывалось: „а иные предѣстники мужского и женскаго пола въ городахъ и уѣздахъ бывають со многими чародѣйствомъ и волхваніемъ, и многихъ людей тѣмъ своимъ чародѣйствомъ и волхваніемъ прельщаютъ и портятъ, а иные люди тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерзкихъ бабъ, вдовъ къ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣтямъ, и тѣ волхвы надъ болными и надъ младенцами чинятъ всякое божеское волхваніе". Воеводѣ повѣщалось принять самыя широкія мѣры къ оповѣщенію населенія относительно указа, воспрещавшаго „беззаконства и чародѣйства", разослать коимъ съ указа „къ стана и волости" и велѣть „тѣмъ синеки по торговымъ прочитати многожды, чтобы сии... крѣпкій указъ вѣдомъ былъ всѣмъ людемъ". При этомъ ослушники должны были въ первый и во второй разъ подвергаться битью батогами, а ослушавшіеся въ третій и четвертый разъ „ссылаются въ украинные города" ³⁾.

Ссылка приравнивалась, поцѣдному, къ случаямъ всякаго отдаленной связи съ какими либо вѣдомскими дѣлами. Такъ въ 1664 г. Филка Басоя былъ сосланъ въ Сибирскъ на вѣчное житіе за то лишь, что онъ былъ затѣмъ оговоренъ Умалъ Шахвердианъ, впоследствии дѣломъ совершенно оправданнаго. ⁴⁾ Спустя два года въ Кирилло—Бѣлозерскій монастырь былъ сосланъ посадскій человекъ Аниска Грозинской за обученіе „латогорнямъ словамъ" съ цѣлью „отомстить недружбѣ". ⁵⁾ Изъ челобитной, поданной въ 1677 г. сосланнымъ бояриномъ Матвѣевымъ, узнаемъ, что онъ обвинялся между прочимъ въ чтеніи черной книги и что въ это время къ нему „будто пришло изъ палаты нечест-

¹⁾ Акты жолед. т. IV № 18, стр. 31.

²⁾ Ефимовъ, Бодовство въ XVII и XVIII стр. (Древн. и Нов. Россія 1878 г. № 3) стр. 64.

³⁾ Наши записки, т. III ч. стр. 76—77.

⁴⁾ Наши записки, т. III, ч. I, стр. 92—94.

⁵⁾ Афанасьевъ, Миссионерскія описанія епархіи III, стр. 127.

ныхъ духовъ злобѣство... и говорили тѣ нечестные духи изъ слухъ"... По указу 9 сентября 1684 г. великихъ кн. Іоанна и Петра Алексѣевичей было приказано стрѣльцу Васку Бараникова и отставному стрѣльцу Леску Барана съ женкою Танисзою за воровство и волшебство сослать въ ссылку въ украинные города на вѣчное житіе". ¹⁾ Къ сожалѣнію, не имѣется свидѣній, въ чемъ обнаружилось ихъ это „воровство и волшебство".

Но эпидемія бодовства охватывала всю страну и ссылка въ разныя мѣстности не предотвратила зла, лишь переносила его въ другое мѣсто.

Но обильно дошедшихъ до насъ свидѣній и въ виду господствовавшей въ то время крайней степени боязни всякихъ вѣдомскихъ дѣлъ можно думать, что болѣе обычнымъ наказаніемъ за бодовство была не ссылка, а сожженіе.

Это жестокое наказаніе такъ же, какъ и ссылка, уходитъ въ глубь нашей исторіи. Вѣне (стр. 17) привелись, напримѣръ, случаи народной расправы съ бодунами въ Полгородѣ и Невскѣ. Въ 1591 г. въ Астрахани, по указу государя, были сожжены бодуны, обвиненные въ портѣ крѣпкого наречія Муратъ Гирей²⁾. Отъ 1647 г. до насъ дошли интересныя указы Алексѣя Михайловича на имя вѣдомого воеводы Григорія Хитрово, гдѣ читаемъ „и тыбъ женскъ Агафаничъ и музаникъ Терешки данъ отца духовнаго, велѣтъ ихъ причастить святымъ Божьимъ тайнъ, будетъ достоинъ, и причастія святымъ Божьимъ тайнъ велѣтъ ихъ ввести на площадь и, сказавъ имъ ихъ вину и богомерзкое дѣло, велѣтъ ихъ на площади въ сирѣбѣ, обложивъ соломой, сжечь" ³⁾.

Въ чемъ же заключалась „вина и богомерзкое дѣло" этихъ несчастныхъ, обреченныхъ на публичное сожженіе? Изъ указа видно, что жену Агафью и музаника Терешку Никола повѣщивалось „у пытки распрощать и пытать, накрѣпко и огнемъ жечь, кого изжечь, и какихъ людей они поносили и до смерти уморали, и кому изжечь и какихъ людей злы и нечестивы дѣлали, и кто съ ними тѣмъ мужикамъ и женамъ такое дурно отъмали, и такъ и у кого изжечь Терешка Никола такому изжечь" и всякому другому дурному" ⁴⁾. Следовательно, какого либо

¹⁾ Наши записки, стр. 111 и 94.

²⁾ Афанасьевъ, Миссионерскія описанія III, стр. 623.

³⁾ Наши записки, III, ч. I, стр. 73.

⁴⁾ Ibidem стр. 63—64.

определенного обвинения, связанного с определенными лицами, имя не представлялось.

После пытки жена Агафьяна повела: «к мужикам килы присаживала и невестанихи дѣлала, да язь де Агафьяна съ сестрою своею съ Овдотыцею невортила и уморила до смерти приказного дьячка боярина князя Пикиты Ивановича Одоевского Овдыку Северина, да она жь де Агафьяна уморила крестьянина Степанка Шахова, да невортила земского дьячка Шинку, да она жь де присаживала килу сестры своей къ Овдотычану деверю къ Степанку. А всему де тому дурну учила ее Агафьяну сестра ее Овдотына да сестра ее Овдотына свекоръ... Терешка Нилевъ». Последняго, вѣроятно, какъ «учителя», пытали «накрѣсно» и огнемъ жгли «ненадно», въ результатѣ чего онъ сказалъ: «я училъ тому дурну только одну женку Агафьяну, а иныхъ людей женщинъ и мужчинъ такому дурну никого не училъ, и самъ никого не порицалъ, и килы не присаживала, и невестанихъ не дѣлала, и до смерти никого не уморила... А учила де я Терешка тому дурну на Волгѣ, на судахъ слышать у судовыхъ приказныхъ людей».

Подъ пыткой обнаружился и кильный стихъ и другіе приемы вѣдуща. Кильный стихъ состоялъ изъ словъ: «ли морю обѣщаю, на островъ Божій стою, сыръ дубъ крокошечный, на дубу сидитъ чернъ воробей, во рину держитъ пугарь, а сѣмается съ дуба на доре, а самъ говоритъ: «ты пугарь, въ чортъ наливайся, а ты куда у него разламываешься». А киль же тому стиху, какъ на «миле» пою пою, а сама оуется, такъ бы оно килу оулся по жакъ деи и по жакъ чакъ отъ ея приговорю»¹⁾. Что же касается невестанихи, то Агафьяна дѣлала ее Овдыкѣ дважды «путью мертвого человека съ приговоромъ» за то, что онъ «мимо ея ходить къ Сафронкиной женѣ Тимофеевѣ». Отъ невестанихи ему пообѣщала Овдышка: «вила де сквозь пробой воду съ приговоромъ и ему давала пить». Чтобы привязать къ себѣ Овдыку, Агафьяна дважды же давала ему въ кислыхъ щахъ его собственное «естество». Когда же онъ «Осдоръ женился мимо ея Агафьяны и отъ нея Агафьяна отстать», то она его «вортила на смерть», для чего «ея сестра Овдышка ходила ночью на погостъ, пила съ могилы землю, и ту землю съ приговоромъ давала пить. А приговоръ

«какъ мертвый не встаетъ, такъ бы онъ, Осдоръ, не всталъ: какъ у того мертвого тело прошло, такъ бы онъ, Осдоръ, прошло все»²⁾. Кроме того ему давали наговорныя коренья. Тѣмъ же средствами были испорчены дьячекъ Шинка въ течение сутокъ. Агафьяна извела, вѣроятно, дурманотъ-репейникомъ выборного крестьянина Степанку Шахова за то, что онъ «не велѣлъ ей съ Осдоромъ Севериничемъ жить и на боярскій дворъ ходить»³⁾.

Жена Овдотына еще до начала разсѣдованія сбѣжала неизвестно куда и на костеръ пришлось взойти ей свекру Терешкѣ и сестрѣ Агафьѣ.

Очевидно, указъ о сожженіи колдуновъ, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ украинные города, не произвелъ должнаго дѣйствія, такъ какъ вскорѣ за указомъ 1647 года послѣдовали другіе въ этомъ же родѣ.

До насъ дошли грешные указы отъ начала 1653 г. на имя воеводъ въ Карповѣ, Мосальскѣ, Михайловѣ, Тулѣ, въ Осколѣ и т. д.⁴⁾ Первымъ изъ названныхъ указовъ повелѣвалось оповѣстить население, что въ польскихъ и украинныхъ и въ уѣздахъ многіе незнающіе люди, забоявъ страхъ Божій и не памятуя смертнаго часу, и не чая себе за то вѣчная муки, держатъ отреченныя еретическія и гадательныя книги, и письма, и заговоры, и коренья, и отравы, и ходятъ къ колдунамъ и ворожеямъ, и на гадательныхъ книгахъ, костяхъ ворожатъ, и тѣмъ кореньями, и отравы, и еретическими наговоры многіхъ людей на смерть портятъ, и отъ тое ихъ порчи многіе люди мучатся разными болѣзнями и умираютъ». Въ виду этого повелѣвалось, чтобы «впередъ никакихъ богомерзкихъ дѣлъ не держались и тѣ бы отреченныя и еретическія книги, и письма, и заговоры, и гадательныя книжки, и коренья, и отравы пожгли, и къ вѣдунамъ и къ ворожеямъ не ходили и никакого вѣдущаго не держались, и костями и иными нитѣмъ не ворожили, и людей не портили». Относительно тѣхъ же, которые «отъ такихъ злыхъ и богомерзкихъ дѣлъ не отстанутъ... такіе злые люди и отъны Божіихъ велѣній съ стрѣблѣхъ съжечь безо всяка пощады и помысли востыно разорить до основанія, чтобы впередъ такіе злые люди и враги Божіи и злыя ихъ дѣла николѣ нигдѣ не воспоминались»⁵⁾.

¹⁾ Ibidem стр. 67.

²⁾ Ibidem стр. 76—77; примеч. № 16.

³⁾ Ibidem стр. 79.

⁴⁾ Ibidem стр. 66.

Указы 1653 г. не остались на бумаге. В 1666 г. передается, например, известие, что гетманъ войска запорожскаго Иванъ Мартиновичъ Брюховещий *„сделавъ съжечь и живъ баба видима на ностру надикомо покровника жену: а съжечь де изъ делавъ за то, что мнил во нилъ то, что окъ ея овемана и жену ея не перемил и чистотину бѣдѣла на нилъ наудемилъ“*.¹⁾ Кроме того въ Гадзѣхъ ходилъ слухъ, что „дѣла бабы выкрали у гетмановой жены дитя изъ брюха, а иная де баба видѣла и ухо жь. А какъ де тѣ бабы сидѣли за карауломъ въ меньшому городѣ къ погребу, и отъ нихъ де изъ погреба бѣгали мыши и кошки; и по городу бѣгавтъ много время, а бѣгавъ де незнамо гдѣ подѣваются“. Въ 1671 г. освѣдомляемъ городомъ Тетимновымъ князю Долгорукову были выданы 2 пона и старина, которая „донесе есбѣ собрала и съ изрочи въѣхѣхъ воровала“. Впоследствии распорядился попомъ повѣстить, а старину съечь изъ срубѣхъ.²⁾ Тогда же были сожжены бунтовщики Кордушка Семеновъ за то, что у него найдена была тетрадка съ заговорами.³⁾ Въ 1674 г. въ г. Тотьмѣ была сожжена изъ срубѣхъ жена Осодеса, отворенная въ портѣ.⁴⁾ Въ 1676 г. въ Соловскомъ были сожжены мужъ и жена, по указу, повѣтовавшему „сокольскому купцуру Паискѣ Ломоносову и женѣ его Аноскѣ дать имъ отца духовнаго и сказать имъ ихъ вину въ торговни день при многихъ людехъ, и *„слова казати смерило, съечи въ срубѣхъ коренемъ и съ протомъ, чтобы нѣмъ не воедино бѣло такъ воровать и людей коренемъ до смерти открывать“*.⁵⁾ Въ 1682 г. погибла на огнѣ жена водопроводныхъ дѣла мастера Ивана Яковлева, по прозванію Мароушка, обвинявшаяся въ портѣ Царя Осодора Алексѣевича. Во время стрѣльцоваго бунта изъ томъ же году немалую роль сыграло кодовство, пушенное въ ходъ съ нѣкою усиленіемъ народнаго вошенія. Въ 1698 г. возникло дѣло о портѣ жены столѣника Петра Артемѣевича Волынскаго дворовой дѣвкой Душкой Якушиной. Годъ спустя нѣкто много интересное дѣло Евдокши, который „для лечбы хаживалъ ко многымъ къ духовнику барско

¹ Полн. собр. т. III, ч. 1, стр. 94.

⁵⁾ Афганистан, III, стр. сит. стр. 627.

1 ibidem.

⁵ Колосовский, *История России*, Ч.6, 1894 г., т. XIII, стр. 756.

³) Назан сан, г. III, в. I, стр. 108.

му... къ князю Михаилу Юрьевичу Одоевскому, да за тверскихъ
ворота къ Плещееву... къ старицѣ Панфилинѣ.

Процессы ч. колдовств не останавливались на пороге XVIII в., но смело перешагнули этот рубеж и двинулись еще дальше. Так к 1708 г. относится, например, дело о колдовьи рыбак. Максимы Афанасьевы. В 1742 г. в приказе сыскных д. в. возникло дело о приворотной корешки кривостного Василия Рязанова. В 1752 г. Прима Иванова, дворовая жена сенатского секретаря Степана Алексеява обвинялась в колдовств. лгуни. Тогда же производились розыски по поводу колдовств при поредств. корешки, нашедшая в сн. ч. императрицы Елизаветы Петровны. Два года спустя была обнаружена волшебная соль в дом. царевны Грузинской, проживавшей в Москве Ч.

Заслуживает внимания, что создание конституции, как особый уголовный акт, вместе съ процессами перешло изъ XVII ст. въ законодательство восемнадцатаго вѣка. Еще при Орд-фр Алекс-евичѣ состоялось любопытное частное законоеніе о чуждѣнствѣ. Такъ въ пятомъ параграфѣ грамоты объ учрежденіи Славяно-Греко-Латинской Академіи, относящейся къ 1682—1685 г.г., сказано: „Сему отъ насъ государя усерному учиниши быти общему и... въ всякій отъ церкви возбраненныхъ науки да будеть. А отъ церкви возбраненныхъ науку, наипаче же *математическую*, и иныя таковыя не учить и учителей таковыхъ не имѣти. Аще же таковыя учителя гдѣ обрѣются и *они со школами яко черница бѣже, всаго мѣстнаго мѣщерица на сожжешь*“ ²⁾. Въ § 14-мъ читаемъ: „И о семъ нѣмъ благовѣстно со учителями тишатися крѣпкѣ, еже бы всаго чина духовнымъ и мірскимъ людемъ, *благовѣстивъ и чаротныхъ и ижеишнихъ* и всахъ отъ церкви возбраненныхъ богоудныхъ и богоуниверситныхъ книгъ и писаній у себя никому весьма не держати, и не оныя не дѣйствовать и иныя тому не учить. А у нихъ же таковыя книги или писанія нѣмѣ суть, и оныя таковыя книги и писанія сожжати, и некакихъ *бы волгодѣи и чаровиди и ижеиши* вѣрде не держати. Аще же кто сему нашему царскому повелѣнію явится противень

¹⁾ Ефимов. Кормление в XVII и XVIII в. стр. 65—70; 130 и сл.; Успен. Происхождение коровы. Пет. Вост. 1886 г. Трубецкой. Расы и породы из Руси в конце XVII в. Пет. Вост. 1889 г. № 6, стр. 701—715.

⁵) Норманн. *Описание провинции Вормсбург* М. 1788 г. т. VI, стр. 108.

...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...

...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...

...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...

...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...
...the ... of ...

11

еще из 1781 г. была сожжена чародейка. Также имело место в Глирсуке. В 1793 г. в окрестностях Познаня подверглась сожжению женщина, заподозренная в колдовстве. Вблизи Кракова около того же времени, по приговору поместничьего суда, погибли в огни 14 женщин. Последний процесс против колдуньи в Пешани был возбужден в 1801 году.

Неудивительно. Камифосеры, историки народной культуры, передают, что в XVIII ст. обширные народные массы были еще проникнуты славянской со страхом, потной верой в богов... Вся необъятная природа была оживлена демоническими образами. Они втягивали в свой волшебный круг всю жизнь человека¹⁾. При таком состоянии умов потребовалось в 1721 г. издать указы о прекращении языческих процессов. Но фактически борьба с суеверием была затруднительна, так как оно раздвигалось высшими представителями народа — духовенством и учеными. Известно, что сам Лютер вверг в дьявола. В его напечатанном „Большом Катехизисе“ о Христе говорится 63 раза, а сатана упоминается 67 раз. Лютер считал чорта всемогущим. „Если, пишет он, есть столько глухих, хромих, слепых, то все это по злобе чорта. И точно также не следует сомневаться, что чума, лихорадка и всякия другия повейрия и язвы все идут от него, какъ онъ же поднимаетъ бури, выпускаетъ пожары и вызываетъ дороговизну, уничтожаетъ хлебъ и плоды въ поляхъ. По моему, все слабоумные и сумасшедшие повреждены въ своемъ разсудкѣ чортами. Если же врачи принимаютъ иногда такого рода болѣзни естественными причинами, то происходятъ это оттого, что они не понимаютъ, до чего чортъ силенъ и могучъ... Все мы всецѣлъ нашимъ тѣломъ и имуществомъ подпадаемъ власти чорта“²⁾. Въ протестантскомъ сборнике 1569 г. „Theatrum Diabolorum“ обсуждался вопросъ о томъ, гдѣ живутъ и волшебствуютъ бесы. Тамъ же наставительно разсказывалось, что дьяволъ соизволяетъ съ мужчинами и женщинами, что они принимаютъ видъ свиньи, конки, собаки и другіе виды. Характерно, что въ введении къ этому сборнику имѣлось указаніе, что книга „должна не только простоять христіанамъ, но и ученымъ людямъ, какъ пасторы, капелланы и другіе пасто-

¹⁾ Камифосеры. Очеркъ изъ исторіи народной культуры М., 1898 г., стр. 72 и слѣд.

²⁾ Шперлингъ. Опр. сн., стр. 174 и 176.

ителю церкви, а также, можно прибавить, и для ученых юристовъ и медиковъ“.

Теорію оборотней поддерживалъ изъ 1653 г. профессоръ физики Іоганнъ Шперлингъ. Хуже того, знаменитый клиницистъ XVIII вѣка Фридрихъ Гофманъ написалъ сочиненіе: „О власти дьявола надъ тѣломъ, доказанной на основаніи физическихкихъ явленій“. Естественно поэтому, что московскій придворный докторъ Андрей Ангелгардъ въ латинскѣ объ. широтѣ, появившейся въ 1657 г., писалъ „и всѣ философы однимъ устомъ говорятъ, что тотъ широтѣ противенъ есть всякой отравѣ, и порчи, и морозу повейрию, и оснѣ, и коростѣ, и всякимъ злымъ болѣзнямъ... А какъ тотъ ротъ на вероту носить, сказываютъ, что отъ всякой отравы хранитъ и помысленіе божіе, какъ въ мысли имѣть учить, и тѣмъ погашаетъ. А какъ человекъ пробудеть въ ясновѣ, имѣетъ его на себѣ, и поладеть на него горячий вода, то изъ него вся сила его пронадеетъ“³⁾.

Развитіе колдовства и характеръ борьбы съ нимъ на отечественной почвѣ неоднократно описываются русскими учеными. По мнѣнію Антоновича, высказанному еще около 30 лѣтъ тому назадъ, у насъ вѣдѣтіе отсутствія теоріи демонологіи не было и того инквизиторскаго рвенія, съ которымъ преслѣдовались колдуны въ Европѣ. На основаніи матеріаловъ, извлеченныхъ имъ изъ центрального кіевскаго архива, онъ пришелъ къ выводу, что южно-русскіе суды разсматривали злобы на колдунство, какъ гражданскіе дела о вредѣ⁴⁾. Профессоръ Владиміръ Будановъ утверждаетъ, что особенное вниманіе на колдовство было обращено въ XIII в. подъ вліяніемъ восторжествовавшего христіанства въ московскую же эпоху, но его мнѣнію, практика указывала весьма мало случаевъ уголовного преслѣдованія волшебства сравнительно съ Западной Европой. Тамъ онъ пишетъ: „Вдохновенію и чародейству, на которыя было столько обращено вниманія въ 1-мъ періодѣ (въ первозданныхъ уставахъ и практикѣ), теперь не такъ интересуютъ государство... Но мнѣнію удаленія отъ предмета язычества ослабѣетъ вниманіе къ преступленіямъ этого рода: въ московскую эпоху практика указывала весьма мало случаевъ уголовного преслѣдованія волшебства сравнительно съ

³⁾ Матеріалы по исторіи мед. № 270.

⁴⁾ Антоновичъ. Колдовство, стр. 6 и слѣд.

современною ей практикою зап. Европы и нашею собственною XVIII ст., что может быть объяснено тѣмъ, что заслабленіемъ латинскихъ вѣрованій, мысль о волшебствѣ направляется на усѣхъ научныхъ знаний и изобрѣтеній, которыхъ у насъ вовсе не было; но несомѣнно, что въ этомъ имѣетъ нѣкоторую долю и практическое здравомысліе русскаго права: разсказъ Олсари о медикѣ Кепранкѣ, обвиненномъ въ волшебствѣ за нахождение у него скелета, якобы дитяца, погасающаго подъ звуки музыки, но по-милосердію и изслѣданнымъ изъ Россіи, доказавшаго вымышленность своихъ изображеній¹⁾. Вызволы г. Сперанскаго были сообщены выше (стр. 21). Профессоръ Латвинъ находитъ, что статьи артикуловъ Петра Великаго (арт. 1 и 2 гл. II, касавшіяся колдовства, заимствованы изъ военно-уголовныхъ сборниковъ Запада²⁾. Но главный авторъ г. Лебенстимъ считаетъ указанныя постановленія Петра Великаго оригинальными, вытекающими изъ русскихъ обычаевъ и практикъ судовъ, но они сопровождаютъ законъ 25 мая 1731 г. (см. выше стр. 33) слѣдующими замѣчаніями: „Но законодательству Петра только сами колдуны подлежали казни, и то лишь въ томъ случаѣ, если доказано, что они причинили вредъ ближнему и дозволили себѣ произнести худу Иереміиному и вонти въ связь съ сатаной. Въ законѣ же 1731 г. эти отягчающія обстоятельства совершенно не указаны, поэтому каждый деревенскій знахарь, который лечитъ народъ кореньями и нашенными, могъ быть сожженъ на кострѣ. Мало того, тѣ лица, которыя къ нему обращались, подлежали жестокому наказанію или даже смертной казни. Такой суровости не могла русская земля ни при Петрѣ, ни въ дореформенное время³⁾“.

Каждое изъ приведенныхъ заключеній нашихъ ученыхъ изъ иной или другой степени грѣшитъ противъ истиннаго положенія вопроса. Петровскіе артикулы выросли на почвѣ общаго и сенаратныхъ великолнвическихъ законовъ, безъ всякаго заимствованія извнѣ. Эпидемія колдовства охватывала всѣ части государства и и вызвала жестокости не меньшія, чѣмъ на Западѣ. Въ этомъ

¹⁾ Владиміръ-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права. СПб. и К. 1905 года стр. 332 и 352.

²⁾ Латвинъ, Учебникъ исторіи русскаго права періода Имперіи. СПб. 1899 стр. 402.

³⁾ Судебнѣ и уголовное право. Вѣст. права 1906 г. № 1, стр. 330.

(Бурсакъ имѣ. Н. Н.).

убѣждаетъ не только указавшія и законодательная дѣятельность князей, но и характеръ процессовъ, о которыхъ будемъ говорить ниже. Значенія *гражданскихъ* исковъ жалобы о колдовствѣ: никогда не имѣли, по крайней мѣрѣ, въ Московской Руси. Наконецъ, при разсмотрѣніи процессовъ слѣдуетъ, что жестокая расправа постигала не только самихъ колдуновъ, но и лицъ, пользовавшихся ихъ услугами. Эти наши положенія съ очевидностію вытекаютъ изъ процессуальной казуистики, къ изученію которой мы и приступимъ.

Указаны процессные процессы о колдовствѣ, но всего указали то, что они начинались по пустякамъ, а перѣбе подъ вліяніемъ личной мести, своекорыстныхъ расчетовъ и т. д. Такъ въ 1654 г. была посажена въ тюрьму вдова Матренка по доносу „гулящаго человека“ Исачка. Этотъ послѣдній просидѣлъ въ Москвѣ, „могилы копать и жертвѣхъ носить“. Какъ-то онъ познакомился на Кушечномъ дворѣ съ такимъ же малодушнымъ къ вину, какъ и онъ, съ Василемъ Челмоновымъ, который пригласилъ своего другаго пріятеля къ себѣ на квартиру. Живя у Василя, онъ непрерывно съ нимъ пьянствовалъ. Результаты злоупотребленія виномъ не замедлили сказаться. Какъ-то легъ спать Исачко въ подклѣтѣ и „почело де въ подклѣтѣ быть свѣтло и послѣ того темно, что згла, и съ избы драгины почало драть, и онъ де Исачко... изъ подклѣтѣ вышелъ въ конюшню, и около де конюшни почало быть шумъ, и показало де ему гдѣсь великій и дубравы большія и люди многіе земли толкутъ и сѣють, а кажется де, что на Девичьемъ полѣ... и онъ де Исачко изъ конюшни пришелъ... въ подклѣтѣ и легъ на лавкѣ, и почело ему видѣться, что та женщина Матренка показала себѣ правую руку и на персты дунула, и и въ подклѣтѣ почали быть дуны и свѣтлостъ, и видѣлось де ему, что сидятъ многіе косматые и сѣють муку и землю, и показало де ему гдѣсь и дубравы великія, и отъ того де его Исачка обнялъ страхъ и ужасъ великій“. Когда же Исачко утромъ сказалъ Матренкѣ, что она его „въ такой страхъ и ужасъ ввела“, то она ему отвѣтила: „есть де за нею притчи, учить де она то дѣлать, чего человѣку и въ умъ не вытѣнется“¹⁾. Какъ ни очевидно было бредъ пьянаго человека, тѣмъ не менѣе начался сыскъ, потому что галлюцинантъ, допившійся „до косматаго“, намѣлъ,

¹⁾ Наши мат. г. III, ч. I, стр. 84—85.

что „ему учинилось такое привидѣніе отъ тоей словы Матренки и отъ ея плутовства“.

Бывало и такъ, что, трезво понимая невыгоды конкуренцій, одинъ кабатчикъ обвинялъ другого въ колдовствѣ. Напримеръ, въ 1636 г. кабатчикъ откупщикъ Сеника Ивановъ заявилъ на кабатскаго откупщика Петрушку Митрофанова: „привези де тотъ Петрушка, съ поля коренья, невѣдомо какою, а скажи де тотъ, Петрушка, отъ того де коренья будетъ у меня много пльныхъ людей“. Немедленно коренья было принесено въ сѣвскую избу, а кабатчикъ откупщикъ Петрушка Митрофановъ посаженъ въ тюрьму¹⁾.

Въ 1622 г., желая свести счеты съ тещей, а быть можетъ покончить съ женою, крестьянинъ Душа Ушаковъ сталъ заявлять, что въ снѣгъ нездало переть тѣмъ скопчиваюся его брата Ванюша жена, непорочная покровница коренья, который она получила отъ своей матери. Оговоренная жена побоями своего мужа была вынуждена подтвердить оговоръ, но въ слѣдствіи, послѣ неоднократныхъ пытокъ она показала согласно съ показаніями другихъ лицъ, что оговорила себя и покланяла другихъ „по наущенію мужа своего, не встерила отъ него побой“²⁾.

Въ 1647 г. сынъ боярский Кирила Барановъ обвинялъ въ вѣдѣнствѣ крестьянина Тихонку Афанасьева и сына его Ларьку. Все это дѣло возникло при такихъ обстоятельствахъ, которыя ядро обрисовываютъ угнетающее безправіе крестьянской массы и широкую возможность личной асти при посредствѣ вѣдѣнскаго процесса. Въ самомъ дѣлѣ, Барановъ въ своей челоубитной заявилъ: „онъ Тихонка тое свою дочерь, а мою крестьянку, поговори свель невѣдомо куда и съ животами, и съ платьемъ и съ деньгами. И я х. т. учаль ему Тихомое говорить: „за что мою крестьянку свель, безостудно“. И онъ Тихомое съ сыномъ своимъ учаль меня бранить всякою исподобною дасю и похвалялись бити осянємъ и всякими своими злыми дѣлами попортить до смерти“. Можно допустить, что отецъ съ сыномъ и лаялись и похвалялись, если поверить также ихъ словамъ, что въ день печенованія крестьянки „Кирила Барановъ съ дѣтьми своими се въ три плети билъ и билъ изаль съ собою на пустошъ Контеву рѣки

жаль, и тамъ де она пропала, съ пустоши не бывала домой“. Документъ молчать, обѣздала крестьянка съ пустоши „не встерила побой“, или же она „пропала“ не безъ помощи помѣщика Баранова.

Во всякомъ случаѣ, похвалба и угрозы крестьянина помѣщику, потерявшій ущербъ отъ „пропажи“ рабочей силы, не оставили безъ вниманія. Къ тому же обстоятельства доставили прекрасный формальный поводъ. Помѣщикъ Тихонки, прибывъ изъ города, его билъ и ружвишнику пограбилъ“ какъ показали одни очевидцы, или по свидѣтельству другихъ, „изаль на немъ обролъ да на немъ же Тихонки до срога повалъ и другого оброку править“. Тогда Тихонка обратился къ своимъ „поручикамъ въ житье, чтобы ему, Тихонки, изъ за помѣщика не пообѣжать“ съ просьбой побить за него челоуби передъ помѣщикомъ, „чтобы отъ него навоги и обиды большій не было“. Но помѣщикъ отвѣтилъ нѣтъ: „крестьянинъ де мой воруетъ, не слушается, посылать де я его для своего дѣла на ночь, и онъ де бѣжитъ дѣлъ ночи и быть невѣдомо гдѣ, а говорить бѣжать за рублемъ“.

Все это происходило въ присутствіи Баранова, который и воспользовался для своего плана на Тихонку словами его помѣщика Меркулова. Крестьянинъ съ сыномъ немедленно были посажены въ тюрьму и начата „большая покаянная обрядъ“. Обвиняемые совершенно отрицали принадлежность имъ дѣланія. Свидѣтели же ничего опредѣленнаго не устанавливали. Некоторые показывали, что Ларька признавался въ порѣбъ сына Никонки и говорилъ: „Я де испортилъ, я де и отхожу“. Тихонка ставилось въ вину, что онъ „бросилъ щенку“ подъ ноги Минки, когда послѣдній возвращался изъ подъ вѣны. Иванка Гиченная прямо показала: „похвалялся де на меня Ларька... порѣбю... и съ его похвалба учинилась надомною порѣбъ“. Вообще, по свидѣтельству Степана Косенкова, ему признавался Ларька „жалъ намъ только, что которая свадьба прошла здѣрова“³⁾. Словомъ, стоило начать обвиненіе, а въ обвинителяхъ никогда недостатка не было.

Въ 1668 г. оставной стрѣлецъ Володыа Кузнецовъ ходатайствовалъ объ освобожденіи изъ тюрьмы его жены, которая безъ „государева указа и безъ розсѣка пытаня, и въ застѣку на третью, и знутомъ смертно изувѣчена, выломанными съ плечи руки не

¹⁾ Ibidem стр. 33.

²⁾ Ibidem стр. 4, 8, 6, 7.

³⁾ Ibidem стр. 42, 46, 53, 52.

владѣть, по сю пору лежить на смертной постели". И всѣ эти хулы женщина вынесла потому только, что мужу ея Василій Чуркинъ еще до этого чинилъ „обиды и гонительства“ а потомъ научилъ свою жену показати: „и выходила жена его (Болодыки) къ той его Васильевой женѣ къ двору и научала ее чародѣйству, воевать середку изъ козюльки и его Василья испортить“¹⁾.

Случалось, что гости, быть можетъ не въ мѣру воспользовавшись гостеприимствомъ хозяевъ, забѣдвали, и считали въ порядкѣ вещей „клеветать“ хозяевъ въ поркѣ. Такъ въ 1653 г. поитъ Василій былъ челоомъ, что „были де дѣти его Васильевы Филика да Иванка на монастырѣ... и игуменомъ де сынъ Аничка да успенскій дьячекъ Иванко поднесли дѣтямъ его брати, а въ братѣ де съхитано не вѣдомо какое отравное зелье, и они испивши той травы, стали выѣ ума“. Въ тотъ же день мценскій стрѣлецъ Иванко Казбева заявилъ въ съѣзжей избѣ: „принесли де братъ его Оедика домой и подбавлю ему невѣдомо что, дереть де на стѣну и рубаху на себѣ дереть. А слышалъ де онъ, что поили его въ монастырѣ... невѣдомо какимъ зельемъ“. Тогда же съѣзжей избой былъ посланъ подъячій Ананій Денидинъ осмотрѣть дѣтей пона Василія. Оказалось, что дѣти его „лежать безъ памяти и не говорить, и вскоца дерутся на стѣну“. Въ такомъ же состояніи оказался и Оедика Казбева. При дальнѣйшемъ разслѣдованіи игуменомъ сынъ показалъ, что къ нему въ келью принесли успенскій дьячекъ Иванъ, „а принесли де невѣдомо какую траву и сыпали де у насъ въ брату, и де тою братою поили пона Васильевыхъ дѣтей Филика да Иванка и сестру свою дѣвку Феврошку, да мценскаго стрѣльца Оедора Козьева“. Успенскій дьячекъ Иванка подтвердилъ ссылки на него и сказалъ, что онъ какъ то былъ у своего знакомаго Дементія, у котораго „растетъ на огородѣ трава незнаемая, и поили де онъ Дементій тою травою гостей своихъ, и де я не знаючи сорвалъ у него той травы и привезъ во Мценскъ, и давалъ де я... Аничкѣ, и сыпали де тою траву мы съ нимъ на брату и поили де тою братою etc“. Спрошеннымъ относительно этой травы Дементій Русиновъ отрицалъ, что онъ поили ею своихъ гостей, но признался, что „въ прошломъ де во 161 году ѣдучи изъ Мценска онъ поднялъ на

¹⁾ Ibidem стр. 92—93.

дорогѣ траву невѣдомо какую и привезъ де се домой и тою де траву ребята изволели на огородъ и она де уарѣла“²⁾.

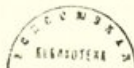
Болѣе естественнымъ кажется объясненіе оговариваемыхъ гостеприимныхъ хозяевъ, тѣмъ Дементіемъ Русиновъ, который во избежаніе возможныхъ неурядицъ, далъ показаніе, будто бы трава попала къ нему на огородъ совершенно случайно и онъ ею не пользовался ни для какихъ цѣлей. Но если въ данномъ случаѣ было хоть нѣкоторое основаніе для подозрѣнія въ поркѣ, то у насъ имѣется и другой случай расправы съ хозяиномъ за бѣдливъ гостей.

Въ 1677 году Митиза Печенный жаловался, что онъ былъ въ гостяхъ у однодеревенна, своего кузъ, Емельяна Обиденнаго, и съ тѣхъ поръ его жена „горѣла распухла“. Этотъ кузъ спустя нѣкоторое время поругался съ однимъ драгуномъ и во время ссоры при свидѣтеляхъ сказалъ: „духнеть де жена Митизина, будешь де и ты отъ меня пухнуть“. И подобной похвалы оказалось достаточно, чтобы по челоубитной вѣстѣ „его, Емельяну, въ томъ пытать и отнестъ жену“³⁾.

Похвалы и угрозы порчею вообще не проходили даромъ и приводили наѣбрива къ пыткамъ, какъ бы ни были вѣрны и чудотворны угрозы. Напр. въ 1628 году задворные конюхи Петръ Хметевскій да Иванъ Чуркинъ подали извѣстную челоубитную на вдову Авдотьицу. Оказалось, что Конюху Петру была отвѣдена дворъ Авдотьицы и послѣдняя въ его отсутствіи приходила къ женѣ его и „говорила: ей немного де кахъ на моемъ дворѣ жить до весны... и мая въ 11 день жену де его Марью испортили, вошлѣ кукушкою и зайцемъ кликають, и онъ де Петръ отъ тою порчи приводилъ пособлять женѣ своей чухломна посадоваго челоука Первушка Ульянова, и тотъ Первушка женѣ его отъ порчи пособлялъ, и опликала ее и пособилъ: не почала кликать. Лишь де она шлѣ скорбитъ сердешною скорбью и зубами у себя руки грызеть, а тотъ де Первушка, который женѣ его пособлялъ, умеръ“. Иванъ Чуркинъ заявилъ, что онъ отпускалъ свою жену къ Петровой женѣ, когда та забѣдла, и „послѣ де того въ третій день послѣ Петровой жены и его Иванову жену ухватило порчею, кричала сутки, день да ночь, а

²⁾ Ibidem стр. 81—82

³⁾ Ibidem стр. 119.

другія сутки была безъ вѣданія. И въ тѣ де поры приводить онъ... Первущу Улянова, и онъ де наговаривалъ на соль и на воду и на молоко, и давалъ де его Иванѣ жентѣ пить и оканчивался, и надъ нею шепталъ. И послѣ того и по ся мѣста пать женою его того не бывало". И разумѣется постѣ-довалъ указъ дядю Аводотину... сыскать точаеъ, а сыскавъ и про порчу разспросить накрѣшо, въ какой мѣрѣ она такіа сло-ва говорила, что немного де на ея дворѣ Петровѣ жентѣ жить... А будетъ по распросу доидеть до пытки, и се про тое порчу пытать на крѣпко".¹⁾

Подобный же процессъ былъ начатъ въ 1640 году, когда На-зарко Колтоновскій подалъ челобитную на пона Афанасія, въ которой писалъ: „Понѣ Афанасіи похваляется на меня всякими порчи: испортить де я Икова Хрущева, а и тебѣ де тоже будетъ. А пречѣ сего тотъ понѣ Афанасіи стрѣльцоваго голову Ивана Кондакова портилъ, и оттого голова Иванъ Кондаковъ лежалъ. Да тотъ же понѣ Афанасіи у жонки моеи съ головою сорвалъ шапку и престовалоу на улицѣ поставилъ, и тѣмъ жонку мою онъ позорилъ, меня звалъ всякою позорною ласою". Притомъ челобитникъ приговаривалъ, что „тотъ понѣ Афанасіи жаветь не по закону: понадыю свою измучилъ и всякими разными путки пугалъ и тайными уда у ней взялъ. И отъ той муки понадыя его многаяжды отъ него бѣжала: и на Елецъ бѣжала, и отъ его путки понадыя его Афанасьева въ воду кинулся". Въ Вѣдѣніе этой челобитной вышелъ указъ посадить пона въ тюрьму и под-вергнуть пыткѣ.

Любопытную категорію дѣлъ представляютъ дѣла о колдовскомъ лишеніи мужчинъ половыхъ способностей. На процессъ этого рода некогда указывалось выше (стр. 28). Вотъ еще нѣсколько образ-цовъ изъ этой области. Въ 1648 году драгунъ Оедьма Филишовъ подалъ жалобу на Дарыню, жену церковнаго дячка: „испортила она Даря меня, учинила скопомъ; и по нирѣхъ и по бѣсѣдамъ она Даря всѣмъ похваляется, что она такъ нарочно сдѣлала. И я съ тое порчи въ конецъ погибъ и женишки отсталъ". Въ подтвержденіе своихъ словъ челобитникъ „скался... на драгуновъ и всякихъ чиновъ людей повалию на всѣ, на мала и на велика".

¹⁾ Ibidem стр. 13—14.

²⁾ Ibidem стр. 36.

При опросѣ обнаружилась нѣсколько интересныхъ фактовъ, изъ которыхъ мнѣне околныя слѣдуютъ Дарыни репутацію вѣдуньи. Такъ, понѣ Данила показало, что когда у Дарыни было покра-дено платье, то она по слѣдамъ заперсорила своего односельча-нина крестьянина Елѣксея, по адресу котораго похвалилась: „и сдѣлаю де его такого черна, какъ въ избѣ чернѣ потолокъ, и со-гнется такъ, какъ серія согнулася. И послѣ де той Дарыниной похвалы тотъ Елѣшка заболѣлъ вскоре, и три года ходѣ сохъ, и сохши умеръ". Тотъ же понѣ Данила сообщилъ еще со словъ своихъ прихожанъ, что когда Оедьма Филишовъ дѣрѣхана, отъ вѣчанія, пошелъ съ невестою въ кѣтъ по дѣстину, и та де Дарыня зашла лучину, и тотъ де лучъ водкнула подъ Оедьку и подъ его невесту подъ дѣстину, а подкина стала на тотъ лучъ, подчмъ фостъ снати. Драгуны Харитонъ Кирѣевъ и Михаила Антоновъ показали, что во время возвращенія Оедьки изъ подъ вѣтана Дарыни обращалась къ отцу Оедьки со словами: „попая-туете де меня", и послѣ того, тотъ Оедька сталъ испорченъ и скопомъ учиненъ". Въ другомъ случаѣ Дарыня похвалилась на Лукьяна Оедотова: „сдѣлаю де тебя Лукьяна такъ же, какъ и Оедьку Филишову". А по свидѣтельству другого очевидца она въ этомъ случаѣ сказала: „Оедьма у меня корчится, а и Лукьяну Оедотову сину корчится отъ меня также". Одному крестьянину она приговорила: „даю де тебѣ, Гавонъ!". Другому сказала: „При-шесть ко двору жену и дѣтей своихъ не увянешь". Похвалилась на братьевъ Фурсовыхъ она произнесла: „Оборочу де я ихъ вверхъ носомъ и будутъ де она у меня въ чепирѣхъ углахъ. И подъ тое де почъ послѣ ея словъ братья слезли и пожегавши незнаю померли". Повидимому и мужъ Дарыни Некраска знаетъ о ея колдовствѣ. Такъ, онъ „похвалился на Оедькина тестя, на Свирида Свиридова, что де зять твой Оедьма съ женою своею самъ свать не спитъ и тебѣ также съ женою своею не спитъ". По удостовѣренію одного крестьянина, Некраска говорилъ о своей женѣ, что „дѣтъ де такой знатинны, что жена его Некраскова Дарыня не знаетъ: и на собаку де плюеть, и собака де ста-нетъ молчать и не станетъ лаять". Объ искусствѣ Дарыни зна-ла также и ея дочь Авдотина, которая сказала на улицѣ: „какъ те matka моя отъ Оедькина челобиты пропадетъ, и ему де Оедь-ку не воскреснуть". Что касается порчи надъ Оедьмою, то по сви-дѣтельству околныхъ людей въ колдовствѣ съ Дарынею участ-

вела помещица Марья, которая жила с Дарыном по стѣ-
дамъ новобранныхъ „кладе огонь“, „лучше катала“ и „дажеги
лучъ почли не тотъ лучъ спать“. Интересно еще показаніе Се-
жена Борисова, сообщившаго, что онъ выигрывъ брата „повалился
на ушибъ, и Некрасова жена Дарына привезла и подымами по-
ставила накрыла ему Семашъ фостомъ глаза и съ тѣхъ де жбѣтъ
у него глаза болятъ и сталъ кивовать“¹⁾.

Для 1653 года мы имѣемъ еще подобный процессъ. Столь-
никъ Оедоръ Ладьяженскій заявилъ, что онъ женилъ двухъ своихъ
дворовыхъ людей „и тѣмъ людей его обоихъ на свадьбахъ пере-
портити, совокупленіе у нихъ съ женами отняли“. Въ нѣмощъ
видѣ эту порчу признавъ дѣломъ своихъ рукъ пѣкинъ Семаша.
Услышавъ „иро его такое воровство“ стольникъ Ладьяженскій
„велѣлъ его посадить на цѣпь и руки и ноги велѣлъ сковать
въ желѣзо“. Тогда Семаша выразилъ желаніе излечить неспо-
роченныхъ, лишь бы дали ему для этой цѣли чеснокъ. Когда
чеснокъ былъ доставленъ, то Семаша далъ испорченнымъ „по
три зуба чеснока и велѣлъ нитъ жѣтъ. И тѣ Оедоровы люди от-
того нецѣлѣли“. Что же произошло дальше? А дальше и была
подана стольникомъ челобитная на Семашу, потому что „его
Семашино воровство стало знатно, что онъ Оедоровыхъ дѣтей
портитъ, да излечитъ“²⁾.

При томъ паническомъ страхѣ, который внушали къ себѣ
всякія проявленія колдовства, было весьма опасно обнаружить
какое-либо знаніе вѣществъ и пониманіе лечебнаго дѣла.

Уже выше приведенное дѣло убѣждаетъ въ этомъ; но имѣются
и другіе факты. Такъ въ 1628 году „крестьянинъ Иванъ Левашевъ
принесъ челобитную на крестьянина на Максимку Иванова“. А
въ челобитной его написано: „давалъ де тотъ Максимко женѣ
его нитъ траву, и она де отъ той травы умерла“. Жена чело-
битчика, какъ показали архимандритъ Рафаило съ братьями,
умерла „судомъ Божиимъ, а не отъ травы“. Спустя нѣкоторое
время послѣ ея смерти коноваль Максимка зашелъ къ Левашеву
„для конскаго илъ леченя“, а Иванъ Левашевъ задержалъ коно-
вала и представилъ къ властямъ съ челобитной. Подъ пыткой
Максимка поклепалъ нитъ человекъ, онъ показалъ: „женѣ Ле-

вашева нитъ траву давалъ отъ порчи и она де отъ той травы
умерла, а напередъ де сего давалъ онъ тое траву нитъ многимъ
людямъ и самъ нитъ, и тѣ де люди и нитѣ все живы и здоро-
вы, и указывалъ де ему тое траву прохаживъ человекъ... а сына
его Максимковы Родку портитъ крестьянинъ Оедика Ребровъ и
съ тѣмъ де прохаживъ человекъ тотъ Оедика ходитъ по де-
ревнямъ, и травы всякія знаетъ и волшебствомъ промышляетъ
людей портитъ и за очи на живыхъ людей нечистый духъ наса-
ждаетъ, и оттого де люди помирають, да тотъ же де Оедика на
воду смотря призываетъ нечистыхъ духовъ, и ему де сказываютъ,
что гдѣ дѣлается или кто тѣмъ нечистенъ, а слышалъ де онъ
отъ того Оедика, что онъ учился тому волшебству въ низаго-
родскомъ уѣздѣ въ деревнѣ Досадной у жорина у Ветаска“³⁾.
По этому дѣлу были открыты окрѣпичныя селенія, но трое об-
виняемыхъ оправдалось и только остальные подвергались пыткамъ,
которою „жоринъ Ветаско былъ замученъ до смерти“.

Въ 1637 году помещикъ Каховинскій донесъ въ стѣнную
избу человека своего Сидорка Савина на женку его Афросину,
а сказалъ, что тотъ человекъ его Алексѣя и жену его и людей —
женку Досадку да женку Татьянку вѣдомствомъ своимъ испор-
тилъ“. Въ распроеѣ Сидорка показало, что передъ святою пѣдѣ-
лею у него пропасть рубль, и заподозрѣвъ въ крадѣ женку До-
садку онъ нанустилъ на нее пемочь, а противъ нея онъ никого не
портитъ“. Жена Сидорки показала, что „де мужъ ея Сидорка
порчу женки Досадки и женки Татьянки отхаживалъ“⁴⁾.

Въ 1649 г. была подана крестьяниномъ Пвашкомъ Ивановымъ
челобитная о томъ, что его брату Ильѣ учинена женою послѣднего
„скорая поругательная смерть“. Допрошенная вдова показала, что
она дѣйствительно мужу своему давала „корень... въ квасу... и
послѣ... и послѣ де того, какъ она давала мужу своему корень,
мужъ ея въ третій день умеръ“. Это питье она давала покойно-
му „не для смерти, а для легости отъ болѣзни, потому лежалъ
де мужъ ея внутренюю болѣзнию“. Была и другая пѣль, а именно:
„тое де корень давала мужу своему отъ привороту, чтобъ мужъ
ея жить съ нею въ любви“. Заслуживаютъ вниманія показанія
челобитчика о кончинѣ отравленнаго. Такъ онъ показывалъ: „у

¹⁾ Ibidem стр. 55—63.

²⁾ Ibidem стр. 77—78.

³⁾ Ibidem стр. 19—29.

⁴⁾ Ibidem стр. 31—35.

брата моего отъ тое отравы главу противъ теменн разорвало и очи выломилъ вонъ, и уста изорвало въ 10 мѣстахъ, и утробу разорвало, и на стогнахъ кожу во многихъ мѣстахъ изорвало, а мучи ему было одинъ день отъ утра до вечера". Это неправдоподобное показаніе подтвердилъ и духовникъ умершаго, показавшій: „и какъ де онъ... почать отходить свѣта сего, и у него де противу теменн голову разорвало, и очи выломилъ вонъ, и уста изорвало во многихъ мѣстахъ, и утробу разорвало, и на стегнахъ кожу во многихъ мѣстахъ отрывало листьями". Обвиняемая указала того морщина, который снабдилъ ее корнемъ и софляками давать мужу. Жестокой пыткой обоимъ виновникамъ смерти Илья воевода старался добыть истину¹⁾.

Въ 1651 г. верховосенский пушкаръ Панко Егуповъ билъ челою, что стрѣлкова жена Пиюшки Романова дала его брату Кленкѣ нити отъ лихорадки „и кой часъ де брать его Кленка тѣ кореня пилили, и изволился изверхъ ногами и брата де его поелъ того не стало". Обвиняемая же показала, что она дала ему „траву сниветь де та трава грязная отдонникъ, и она де тое траву сама пила изъ болѣсти да есть де у ней тѣ люди, кому она и преекъ сего тое траву давала" ²⁾.

На почвѣ домашнихъ отношеній между дворовыми и господами нередко возникали дѣла о крѣдѣствѣ. Такъ въ 1663 г. нѣкій мѣсто вѣдовскій пропесеръ, связанный съ фактомъ домашней кражи и вороватой о распорѣженіи, а именно: князь Михайлу Шендилову „люди его дворовые скадали на дворовую изъ его женку Оеишку, что та жена портила его князъ Михаила и жену его, травами и кореньями окарывала". Оеишка не отрицалась и даже принесла князю травы и кореня, а въ распросѣ сказала: „Тому де нѣтъ годъ, украла де она Оеишка у князъ Михайлова жены княгини Катерины кресты и перетни, и тѣ де кресты и перетни въ то-же время у ней Оеишки вывели и за то ей Оеишкѣ отъ княгини Катерины было наказанье. Изъ тѣхъ де мѣстъ стала она Оеишка мыслить и такихъ людей измекивать, чтобы ей кто далъ травы и кореня, чтобы де до нея княгиня Катерина поирекнему была добра". Понски вскорѣ убѣдились: Оеишка нашла крестьянина Трошку, который далъ ей три кореня „и одинъ

корешокъ при ней Оеишкѣ истеръ въ горшкѣ и отдать ей Оеишкѣ и велѣлъ ей тое траву давать княгинѣ Катеринѣ въ яствѣ, а два кореня велѣлъ ей у себя на корогу носить. И тое де траву она Оеишка дала княгинѣ Катеринѣ въ яствѣ, въ ухѣ въ два пойма, и въ кзасу тое траву подавала изъ, и оттого де она княгиня лежала въ два пойма недѣли по дѣѣ. А смертныхъ де кореней она у него Трошки и ни у кого не принимала и въ мысли де у нея на смерть испортить не было" ³⁾.

Въ 1676 году богородицкій поитъ Давыдъ въ приказную избѣ привести наймита своего Мишку Кирѣева съ женою его Аришкою и сжегали дѣѣ промѣнахъ де годахъ и въ шибаньемъ во 184 г. въ разныхъ числахъ обязались у него пона Давыда въ горшкѣ поитъ посылать затнута въ утку кореня и земля, да тѣѣ де кореня осматрѣлъ онъ поитъ и повады его въ нитяхъ, въ бѣлѣ и въ кзасу, а пошосила де имъ то нитѣ наймита его Мишкина жена Аришка. И отъ тѣхъ де отравныхъ кореней повады его Давыдова и дѣти кончались смертью". Въ распросѣ Мишка Кирѣевъ сообщилъ, что кореня и землю затнута его вѣтчимъ Пезишка въ промѣнѣ году „о святой недѣлѣ для того, чтобы де онъ поитъ Давыдъ со всею семьею посохли, и отъ той сухотной болѣзни она померли". А жена Аришка подтвердила, что „повадью Давыдову и дѣтей дѣвокъ портила изъ, а отравныя кореня въ нитѣ во бѣлѣ и въ кзасу нитѣ давала".

При дальнѣйшемъ разслѣдованіи показанія ихъ еще пополнились новыми данными. Мишка добавилъ, что „живучи у него пона Давыда вынимать изъ слѣдовъ землю и относить вѣтчимъ своему Пезишкѣ и жатри своей для порчи изъ". Аришка же сообщила, что „украла у повады козюшникъ да подбѣрушникъ и тотъ козюшникъ и подбѣрушникъ съ наговоромъ свекрови ей велѣла подовать поитъ столбъ и говорить: „какоъ де тяжело столбъ таъ де бы и повадѣ было тяжело"... да она изъ де Аришка по наученію свекрови своей у повады изъ рубахи выдрала доску противъ сердца, и тотъ доску отнесла она къ свекрови своей для порчи изъ. Да она жъ де Аришка у Давыдовахъ дочерей тинула у рукъ персты и приговаривала „чтобы де бы имъ до замужества тѣми руками ни ткать ни прастъ". Да онъ же Аришкѣ свекрови велѣла: „какоъ де повады поидеть изъ хо-

¹⁾ Приложение стр. XXIV.

²⁾ Приложение стр. XXXVIII.

³⁾ Ibidem стр. 85—86.

рошь, и ты де пойди ей навстрѣчу и молви ей тихонько приго-
вѣчь и дунь на пѣс, де отшибеть обморокъ". И она де то все
надъ повапело учинила".

По оговору со стороны Мишки воевода распорядился прои-
вести обыскъ въ домѣ драгуна Псайки, у котораго было захва-
чено "толченыхъ травъ въ двѣнадцати уздахъ завязано, да во
шести лѣшкахъ травы жѣ, да отъ ружья заговоръ написанъ въ
маленькой тетрадь, да пучки разныхъ травъ".

При обыскѣ Псайка категорически отрицалъ свое участіе въ
порчѣ семьи воя Давыда. Что же касается "вещественныхъ до-
казательствъ", то "де корень Псайка перахалъ онъ отъ пострѣла
и отъ иныхъ болѣзней. А что де сои въ пивѣ завязана съ
кувшинкомъ да съ камешкомъ, тою де соию онъ Псайка умыш-
ляетъ себя и ребяти своихъ... А заговоръ де у него Псайки, что
вызвать, и тотъ де заговоръ жена его Аграфена первого мужа
ей Кириашки". Но уже "съ первой" страхи да съ десяти уда-
роковъ" подтверждать истинность показаній пайшителей воя. То же
произошло и съ женой Псайки Агришеной, послѣ вытязки во
всѣхъ подтвердившей показанія пайшителей¹⁾.

Въ разсматриваемую нами эпоху возбуждался также дѣла о
колдовствѣ для обращенія въ свою пользу расположенія судьбы.
Примѣромъ можетъ служить процессъ 1690 г. по иску Перфирія
Рохманникова, у котораго были вынуты лѣзъ зени изъ бумажекъ
зинеусъ ползолотника, а на той бумажкѣ написано: широкіе
листья трава Канцферъ, да на другой сторонѣ написано: на рябину
походила и та трава низжа"²⁾.

Съ особою настойчивостью московское правительство разсмат-
ривало корни и травы, а самая наличность таковыхъ у кого-либо
считалась доказательствомъ колдовства. Очевидно, какія неудоб-
ства создавались этимъ для лицъ, по своимъ профессиональнымъ
занятіямъ, обязанныхъ имѣть дѣло съ травами и корнями.

Въ 1628 году на старой торопецкой дорогѣ стрѣльцы задер-
жали крестьянина, "а во Рязнѣ на него знатцовъ много
пѣтъ, да у него изъ у креста привязанъ корень". Задержан-
ный человѣкъ объяснилъ, что тотъ корень "дать ему доро-
гою идучи прохожій человѣкъ для того, что онъ Андрейко бо-

лень черною болѣзнию, а хвастаетъ де его чомѣсичю". Налично-
сти корня оказалось достаточно для начатія разслѣдованія на
мѣстѣ родины Андрейки, и кромя того было приказано "взять
корень и показать дохтурямъ, да въ тюрьмѣ допросить, была-ли
надъ тѣмъ мужикомъ такая черная болѣзнь". Помѣщикъ Андрейки
подтвердилъ, что послѣдній страдаетъ "чернымъ недугомъ". Что
же касается докторовъ, то "дохтуры Валентинъ, съ товарищи
смотрѣвъ корень, сказали, что тотъ корень гусина плоть и къ
лекарству пригождается, а лихого въ немъ ничего нѣтъ, да и въ
ротъ тотъ корень клали. А будетъ де кто захочетъ воровать и
онъ и на добромъ корени воровствомъ и наговоромъ дурно сдѣ-
лаетъ, а того де они не знаютъ, остальн на томъ корени наго-
воромъ". Теремные пѣловальники и сидѣльцы сообщили, что когда
Андрейку посадили въ тюрьму, то "его де сперва черная болѣзнь
хвѣтала черезъ день и черезъ два дни, а и нынѣ де его черная
болѣзнь хвѣтаетъ ежеденъ, да тотъ же де мужикъ Андрейку за-
давалъ было въ тюрьмѣ теремного сидѣльца соиного"³⁾.

Изъ приведеннаго заключенія ученыхъ, медиковъ-экспертовъ
видно, что нѣтъ европейское образованіе не мѣшало имъ вѣрить въ
силу "воровства и наговора". Неудивительно, что также отно-
сились къ наговору заурядные люди.

Въ 1648 году послѣдовало указъ "объявлять Бѣжецкаго верха
на посадѣ и въ уѣздѣ... про Первушку Петрова, что тотъ
Первушка корень лихое и траву дурную у себя держитъ-ли... и
кое время и гдѣ и съ которою травою и корешкомъ онъ Пер-
вушка приведенъ былъ въ Бѣжецкомъ верху къ Якову Ворони-
ну, и ту траву взять и показывать многимъ людямъ и конскимъ
мастерамъ и они сказываютъ: та де трава конскій лѣнь, безпо-
рица и кмытъ". При обыскѣ крестьяне показали "того мы...
Первушку Петрова знаемъ, что онъ Первушка коноваль и крутъ
лошадей стряпаетъ, и руду мечетъ: а траву дурную и корень
лихое держитъ ли или нѣтъ, того мы не вѣдаемъ"⁴⁾.

Въ 1648 году въ Рязнѣ былъ задержанъ "воръ съ краденными
лошадьми" сыръ-болотскій Гаврилка Мусуръ, у котораго "въ карманѣхъ
сысканы корень и про тотъ де корень онъ Гаврилка въ распро-
сѣхъ сказалъ, тотъ де корень онъ Гаврилка держитъ у себя для

¹⁾ Ibidem стр. 99—103.

²⁾ Проложеніе № 51.

³⁾ Ibidem стр. 11—21.

⁴⁾ Ibidem стр. 73—74.

звѣринаго промысла⁴. На основаніи этого зявленія быть произведенъ опросъ „его Гаврилкиныхъ соесѣдей хотыманъ дѣтей боирекныхъ... что онъ Гаврилка для звѣринаго промысла на поли и въ дѣса и на рѣчки ходитъ ли и звѣрей бьетъ-ли. И тѣ дѣти боирекіе сказали, что де за Гаврилкомъ Мусинымъ звѣринаго промысла никакого нѣтъ“. Тогда воевода распорядился „Гаврилку шитать для какого волшебнаго дѣла онъ Гаврилка тотъ корень держати.“⁵

Въ 1673 г. въ сѣбскую пабу быть представителъ скотникъ Нестерка полникъ по обвиненію его въ томъ, что онъ „дѣла по селамъ и деревнямъ людей превращаетъ и портитъ, и сказываетъ людямъ превращеніемъ своимъ, гдѣ клыки лезати“. Однимъ изъ конкретныхъ обвиненій было то, что Нестерка поднесъ приказному человеку Якову Косаковскому наговорную чарку вина, и „съ той де чарки вина выпилъ его Якова рвота, какъ де онъ тое наговорную чарку вина выпилъ, того же дин онъ Яковъ и умеръ“. Нестерка въ разсрѣскъ сказать, что вино поднесъ Якову „безъ наговору просто... А въ шатныхъ де селамъ и деревнямъ онъ Нестерка бывалъ для того, у котораго де мужеска полу съ женою сошѣла нѣтъ, и тѣхъ де людямъ онъ Нестерка на вишѣ наговаривалъ и то наговорное вино шитъ давалъ... И гдѣ де и у кого какия скорби или младенческия скорби же, и его де съ такое дѣло будеть, онъ наговору де его болѣзнь унимаетъ. А еретичества и вѣдунства за нимъ злого нѣтъ, и многіе де люди его Нестерку для лекарства пивали“. Въ оправданіе своихъ словъ онъ сообщилъ извѣстныя ему наговорные стихи.

Вино онъ наговаривалъ слѣдующимъ образомъ: „*Помилуй Христосъ а Пречистая Богородица великая исцелитица, асидитесь за насъ грѣшныя на семь сотѣтъ годовую и манитесь милостиво, и съ миромъ крестными сограждана, и соотве правоты асидитесь за насъ грѣшныя, помилуй раба своего Якова онъ скорби и онъ болѣзнь, аде ему блатъ и зоркова по силѣ выговъ*“.

Для установленія сошѣта между супругами онъ „посылалъ женскаго полу по рѣчную воду и на той рѣчной не на шитой водѣ наговаривалъ стихи: „*Смилуйся, Пресвятая Богородица, асидитесь за насъ грѣшныя, буди милостива, закрой нечестивоу ризю свою грѣшника грѣшныя раба своего (имя рекъ) а раба*

свою (имя рекъ) на семь сотѣтъ закрой итъ дай имъ, Богородица, любовь межъ ама и соотве жити по старинѣ въ любви и чинѣ имъ нити и до адеку жити въ соотве, и какъ де въ рѣкѣ вода въ ночи тужицы прачетается, такъ бы прачеталась и мурца къ мужу своему къ рѣдъ своему и мурцу въ дни и въ ночи и въ часы, крѣпъ ты, рѣка, течетъ, и тебѣ слава велика, а тѣмъ и мурцамъ мужу съ женою жити въ любви“.

Младенческія скорби онъ лечилъ тѣмъ, что опракивалъ младенцевъ водою, произносилъ надъ нею: „*Вспомни, Пресвятая Богородица, за насъ грѣшныя, помилуй раба своего младенца (имя рекъ) онъ скорби и болѣзнь и ижекъ нужна, онъ ему зоркова асидитъ и онъ выка*“.

Никакихъ другихъ наговоровъ Нестерка не знаетъ, а „тѣ де стихи вино ему отъ Бога, просто нити де его Нестерку не унималъ и людей самъ онъ Нестерка колдовству своему ни къ какому дѣлу нити не унималъ“⁶. Пытая ничего новаго не прибавилъ къ этимъ показаніямъ.

Въ 1656 г. въ Осташковѣ въ сѣбскую пабу зашелъ для яви несовѣтливый, посланскій человекъ, рудокопъ и конскій мастеръ, Иванша Кирилловъ⁷. Приказный Олехъ Рахманиновъ распорядился обмѣнать Иваншу. При обмѣнѣ или „марманшѣ“ послѣдніе были вынуждены „зоренье и трава“. Этого было достаточно, чтобы заковать Иваншу, а съ нимъ „по ногѣ“ также и случашагося прохоскаго, разсказывающаго съ Иваншой. Иванша показавъ о себѣ, что онъ „хочеть по волостямъ де съ конскими мастерами съ коновалами съ Гришкой Алексѣевичемъ или найму, годы съ волостному мастерству, и ходи по волостямъ тѣмъ кормился“. Объ излѣтахъ у него матеріаловъ онъ далъ показаніе, что они у него были „для конскаго мастерства коренныя веснутыя и зѣбное и парывающа трава“. Это дѣло рѣшено выдвинуть ошечное показаніе съисказатель по леченію и широкую возможность злоупотребленій въ вѣдомствѣ съ иѣкою достиженіемъ тѣхъ или другихъ своеобразныхъ расчетовъ. Оказывается, что Иванша Кирилловъ былъ схваченъ и закованъ съ цѣлью вернуть у него кабыльную. Но онъ не далъ на себя кабыльной и былъ отправленъ въ Москву. Къ сожалѣнію, нѣтъ извѣстій, что съ нимъ произо-

⁴ Ibidem, стр. 75.

⁵ Ibidem, стр. 95, 98.

⁶ Приказные стр. XXXIII.

Нить ничего удивительного и в том, что население обращалось к знахарям не только от волосата из ноги, при болезни глаз, сердечной скорби и т. д., но и в случае потери половой способности или чего либо расстройства. В этих последних случаях мы сталкиваемся с двумя явлениями: с областью первичных болезней, которые и в настоящее время лечатся психическими воздействиями, и пестеринимы, т. е. болезнями домашней жизни. Из домашнего тунна не было выхода, власть помещика над дворовыми, мужа над женою и дѣлаи были до такой степени грозною, что заинтересованные ухватывались за всякое средство смягчения ея.

Въ заключение остановимся еще на некоторых чертахъ вѣдовскаго процесса. Начиналось дѣло не только по письменной челобитной, но и по словесной заявкѣ въ приказной пѣтѣ. Что же касается властей, то онѣ ея офиціо обязаны были вникать такого рода дѣла. Вѣдомство считается *обязанностью* преступлений, преслѣдуемыхъ въ порядкѣ публичнаго обвиненія, поэтому дѣло, начатое по частной челобитной, уже не прекращалось, хотя бы и поступило со стороны заинтересованнаго заявленіе о прекращеніи. Такъ, въ 1663 г. князь Шеншиковъ, отправляясь на государеву службу до окончанія дѣла, начатаго по его челобитной, просилъ о простановленіи дѣла до его возвращенія, такъ какъ „безъ него князь Михаила за тѣмъ дѣломъ ходить некому“. Но въ отвѣтъ на это челобитіе получился указъ „про тѣ травы и про коренья... съсылать всякимъ сыски накрѣпко“¹⁾.

Это нѣмнѣ понятно и нѣмнѣ оправдывается общою постановкою вѣдовскаго дѣла. Правительство въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ брало въ свои руки вѣдовскій процессъ не потому, что оно желало притти на помощь частному человеку, но потому, что оно черезъ посредство частнаго дѣла рассчитывало расчистить пѣдную организацию, бросить на кровавую дыбу по возможности всѣхъ колдуновъ пѣдѣснаго района. Съ такой точки зрѣнія становится ясны указы въ родѣ слѣдующаго: „расправивата и сыски всякими съсылати, и пытата накрѣпко, по какому умателенію они (имя рекъ) со (имя рекъ) уморили, и иныя люди они кою аменю и сою даю и какия болѣбесовали, и по чему накрѣпко, или сою кою уморили или асиоровали, и иныя тошарили

¹⁾ Ibidem стр. 87.

или съ ними въ нѣмъ воровство, въ заговоръ были и кто аменны были, и тому воровство кто изъ учалъ, или нѣмъ люди тѣмъ, которые изъ тому воровство учали и съ ними въ оумъ были. Да будетъ по сыску и по расправу которые люди въ томъ аменство пойдутъ по винѣ и иныя люди потому же въ томъ воровство, и въ порчи, пытки, покрывало, и иныя люди, которыхъ они порчили потому же съсылати и расправивати, каковы обьяны изъ тѣхъ вора воровали“²⁾. По всѣмъ указаннымъ статьямъ предписывалось доискиваться „накрѣпко, безъ поворота, чтобъ однолично про порчу съсылать додлинно“.

Такимъ образомъ каждое дѣло могло превратиться прямо въ погромъ пѣдой мѣстности. Подаромъ пестеркин архимандритъ съ братіею въ 1628 г. просилъ взять дѣло о монастырскихъ крестьянахъ, отъ арзамасскаго воеводы и перелать въ Пискай Новгородъ, „чтобы... монастырскія вотчины не запустѣли и крестьянны не разбрѣси“³⁾.

Челобитничьи обычно „слагали“ на опредѣленныхъ личностей, указанных на опредѣленные факты, наконецъ, вообще ссылались на репутацію отвѣтчика среди его сосѣдей, т. е. просили „съсылать болшими покаяннымъ обещаніемъ“. Отвѣтчикъ въ свою очередь „слагалъ“ на то же самое. По требованію стороны производились высылки и осмотры. За исключеніемъ „додлинныхъ людей“ къ дѣлу привлекалось огромное количество людей.

При „обещаніи“ слагали на вѣхъ „два мала и на велика“, при этомъ допрашивались „два посѣдѣ и въ убѣдѣ игумены и православные люди, и всякихъ чиновъ служилые и жилище люди, которые живутъ около... версты по двѣ, по три, по пяти, и по шести, и больше“⁴⁾.

По дѣлу бабы городеши татарки въ 1630 г. къ процессу было привлечено 36 челобитныхъ; по дѣлу Тимаша Афанасьева съ сыномъ Дарьяномъ въ 1647 г. — 47 челобитныхъ; въ 1648 г. по дѣлу Периушки Петра — 98 чел.; въ томъ же году по дѣлу жены Дарьяны — 142 чел.; въ 1649 г. по дѣлу жены Анюты Ивановой — 402 чел.; а по дѣлу Умал Шамоурина въ 1664 г. было допрошено 1452 сумевшихъ затѣлелъ! Иногда „всякихъ чиновъ людей

²⁾ Ibidem стр. 9, 11, 12, 13, 15, 25, 26, 37, 63, 73, 87, 88.

³⁾ Ibidem стр. 20.

⁴⁾ Ibidem стр. 54, 73.

ми большой повальный обыск¹⁾ захватывать несколько убаздов. Так в 1649 г. по дѣлу морвина Собайкина обыск производился из трех убаздов: алатырском, нижегородском и арзамасском²⁾.

Подобное нашествие властей иногда вызывало самый энергичный отпор со стороны населения. Когда, например, приказные люди явились арестовать морвина и опечатать его имущество, то морвин скрылся, а его однодеревенцы, собравшись многими людьми с луки, и с рогатины, и с тонерахи, пришли к тому Собайкину двору насъ (приказных) осадили и держали запертыми из насъ сутки, и хотѣли побить до смерти; а того морвина животою перебивать и двора запечатать не дали³⁾.

Нельзя из виду описанные процессы не признавать заблуждений, утверждение г. Левенетика, который пишет об организации суда надъ колдунами: „У насъ допросъ былъ грубым и нередко люди умирали отъ пытокъ, по судам, при всей своей жестокости, вели справедливости, стремились къ выяснению истины, а не къ гибели политическою кривою. Согласно съ этимъ принципамъ были построены на Руси уголовный процесс, о чародѣйствѣ. Для выясненія дѣла производился допросъ свидѣтелей, осмотръ полчищаго и повальный обыскъ околѣнныхъ людей... Только по разсмотрѣніи всѣхъ имѣлъ доказательствъ судъ приступалъ къ допросу обвиняемаго и доносчика“ (курсивъ нашъ Н. Н.)⁴⁾. Какъ разъ на оборотъ, первыми допрашивались обвиняемые и доносчикъ, а на основаніи ихъ показаній доходили до другихъ доказательствъ. При этомъ, какъ видно изъ наскоковъ, стремилась именно не только къ выясненію истины, но и къ гибели всѣхъ виновныхъ.

Особенный интересъ возбуждаетъ дѣло о распространѣніи на Луху „кликотной“ болѣзни. Въ 1656 г., „зая въ 9 день о Николѣи днъ умишлось делъ на Луху на посадѣ порца ни вѣсть, кака у посадскаго человека у Оедора Степанова надъ спохомъ его, надъ вдовою Татьяниною, кличетъ де въ той портѣ всякими разными ядѣбасемъ, и занюжъ, и птицами, и иными разными годоимъ“. По челобитной воеводы изъ Москвы былъ присланъ

„для сыску“ стольникъ Лихоревъ, который „думать всякими пытки накрѣико“ всѣхъ „на кого порченые въ кликотѣ кликали“, но „они съ пытки сами не внишли и ни на кого не говорили“. Виновиные не обнаруживались, а болѣзнь все распространялась. Изъ челобитныхъ узнаемъ, что въ слѣдующіе два года „лишится на посадѣ надъ живыми посадскими женами всякая разная кликотня и ложотная порца“. Больными женщинами „дѣлкали“ какъ виновиныхъ эпидемій на посадскихъ людей Артемку Оадѣева, Теренку Малокурова, Инку Салаутина, Федьку Кузмина, и Инку Ерохина.

Эти дѣла, конечно, только усиливали панику. Довольно дѣло до записей челобитныхъ, что „ли коренне, и трави всякия, и сои въ улахъ, по улицамъ у воротъ обильниваются, и отъ тѣхъ травъ, и порека и уаконы, мнѣтся мнози порца, а въ кликотѣ тѣ порченныя жены кличуть и зрещъ де будетъ отъ тѣхъ же посадскихъ людей отъ Нюванъ и отъ Теренки съ товарищи по улицамъ и у воротъ травъ и коренна, посадские люди мужескъ полъ, и женскъ, и младенца будутъ порченны. И по ихъ кликотѣ иныи мнѣтся мнози порца“. Изъ „рассисъ духовенскихъ посадскихъ людей порченымъ женамъ“ видно что въ 1656 г. было порчено 2 женщины, въ 1657 г. столько же и въ 1658 г. еще 5 женщинъ. Сыскъ обнаружилъ еще двѣ жертвы—посадскаго человека съ женою, непорченныхъ въ 1658 году⁵⁾.

Удрученную картину представлять смѣетъ по этому дѣлу Ф. Прихавъ въ Луху въ 1657 г. и подтвердивъ немалой пыткой разныхъ лицъ, указавшихъ кликушамъ, московскій сыщикъ Лихоревъ прислать тѣхъ людей въ сысковую избу, а мѣстныи воевода распорядился посадить ихъ въ тюрьму, гдѣ они находились еще въ концѣ 1658 года. Можно думать, что несчастные продолжали бы томиться въ тюрьмѣ еще нѣсколько лѣтъ, поковный воскресенскій воиъ Иванъ Тимофеевъ, давъ покаян толчокъ грѣшнѣннѣшемуся расчѣку Цонъ заявилъ, что „показался де на него воиъ Иванъ духовскій посадскій дѣтина Иванъ Салаутинъ порчико“.

Этого было достаточно, чтобы приступить за Инку. Последній былъ привлеченъ къ дѣлу, но изъ допросъ категорически отрицъ

¹⁾ Приложение стр. XVI—XVI.

²⁾ Судѣніе и уголовное право. Вѣстникъ права 1906 г. № 2, стр. 211

³⁾ Наши матеріалы т. III ч. 2, № 14.

⁴⁾ Ibidem XVI и 70.

пять возведенных на него обвинений, а потому, вероятно, во избежание мук пытки, показать против какого Артюшка: „онъ де мнѣ Артюшка привязать куду да онъ же де мнѣ и пособить—ту куду у меня отвязать; а взять де у меня отъ того 2 гривны денегъ“. На одной ставкѣ Артюшка былъ уличенъ, кроме первоначальныхъ показаній Янки, дополнительными указаніями на посаженныхъ людей Кирюшку и Емельку, которымъ онъ помогать „отъ улова“, а также признаніемъ собственной жены. После второй пытки Артюшка сознался, что „де онъ тѣмъ духовескимъ посаженнымъ людямъ пособить и свадьбы отуеждать, и съ немочными къ нему многие сторонніе люди приходили, и онъ имъ пособлять“.

Богбе или жене истинный виновникъ кличкотной эпидеміи быть найдены и посажены въ тюрьму „до указа“. Независимо, какою указъ послѣдовать изъ Москвы относительно даннаго выше судьбы Артюшка, но безъ чувства содроганія нельзя читать и о томъ, что уже было пережито Артюшкой и другими лицами, приписанными къ смыслу о кличкотной поркѣ. Жутко становится при мысли о судебныхъ процессахъ, вдохновенными которыхъ является кличкотные „разными медвѣдками, и зинюхъ, и пшнями, и иными разными голосы“.

Главнымъ процессуальнымъ орудіемъ въ рукахъ органовъ власти служила пытка. Арсеналъ отличался разнообразіемъ: стѣли изутомъ жгли огнемъ, выколачивали „съ плечъ“ руки. Изъ процесса 1649 г. Анютка и мордвинъ узнаемъ, что мордвинъ былъ пытанъ трижды и огнемъ жечь и *одну ногу и ребра лопати*, и пята жечь... и после пытокъ вкинутъ въ тюрьму и сидѣть въ тюрьмѣ четвертый годъ, помирать голодной смертью*¹⁾.

Указъ этой кровавой расправы увеличился еще тѣмъ, что граница между обвиняемымъ и свидѣтелемъ почти не существовала: правдоподобность своихъ показаній свидѣтель нередко вынужденъ былъ подтверждать подъ пыткой. Пытали по три раза и больше. Многие не выносили мученій и умирали. Такъ въ 1622 г. „Гришка жена Подетовалова Акулинка... после пытки съ недѣлю лежала и умерла“; въ 1628 г. „мордвинъ Веткеско на пыткѣ замученъ до смерти“; въ 1664 „послѣ де пытки Кондрашко и Осенка померли“; послѣ пытки въ 1638 г. по дѣлу Дары

* Приложение стр. XV.

Дамановой „не стало... жена Настыи у князя Оседра... и Умил у Лукьяна“²⁾.

Повидимому, послѣдствія пытки иногда заставляли прислужь даже власти, которая, напримѣръ, послѣ извѣстія о смерти Кондрашки и Осенки по дѣлу Умил Шамордина, записывали: „которыми обычай тѣхъ черкасъ не стало, не было ли у нихъ язва, и не удавились-ли, и вина не опились, и зельемъ какимъ не отравлены-ли, и много казого дурна сами надъ собою не учинили-ли“. Конечно, усердные палачи усвоили высшее начальство сообщеніемъ, что дѣйствительно померли за карательнымъ слогомъ смертью“³⁾.

Безпощадною жестокостью вѣсть отъ затронутого нами времени, но если взглянуть въ текущую действительность съ разстрѣлами сотенъ людей безъ суда и слѣдствія, то „предпочтеніе нужно отдать XVII-му столѣтію. Въ самомъ дѣлѣ, каковы именемъ назвать кровавые подвиги современныхъ карателей, если вспомнить, что въ 1647 г. воевода Григорій Семеновичъ Хитрово, взявъ подъ руки не повиновѣнный указъ на имя своего предшественника о сожженіи мужа Терешки съ женою Агашаной не рѣшился сжечь людей и попросить новаго указа“⁴⁾. Что можно сказать вообще о нашихъ дняхъ, когда дѣльными страницами открытаго кассационнаго злобы и хитростей о Высочайшемъ смирненіи участіи осужденныхъ къ смертной казни даже не доводится до Государя, между тѣхъ какъ въ 1668 г. Алексею Михайловичу подава была челобитная на то, что женщина *„безъ пощаднаго дѣла и безъ разсудка поминаетъ“*⁵⁾.

Вдумываясь въ общій смыслъ приведенныхъ нами историческихъ документовъ, мы находимъ, что процессы о кличкотѣ въ Россіи протекали съ такою же жестокостью, какъ и на Западѣ, что къ этимъ процессамъ правительственная власть московскаго государства присоединялась не менѣе, чѣмъ въ католическихъ или протестантскихъ странахъ. Здѣсь разница лишь въ масштабѣ дѣятельности, а не въ существѣ ея. Еще можно добавить, что оригинальною чертою русской исторіи является отсутствіе демонологіи, религіозно-философскаго ученія о вѣдѣ-

¹⁾ Ibidem стр. 3, 19, 91, 129.

²⁾ Ibidem стр. 90.

³⁾ Ibidem стр. 64.

⁴⁾ Ibidem стр. 93.

жизнь, развивавшегося на Западе из иудаизма, схоластики под влиянием научения памятников классической древности и некоторых, до настоящего времени еще не устраненных, элементов язычества из церковного христианства.

В течение многих веков народное сознание воспринималось из той же направленности, что знахарь может вылечить всякую болель. Безусловное лечение приписывалось авторитету знахаря. Легче было допустить у знахаря желание испортить, погубить, чья предположить его безделье! Вот тут то нужно искать причину своеобразного отношения к ученым медикам в московской Руси. Мы увидим в последующем изложении о научной медицине в Москве, что в течение всего московского периода из врачей образованными признавались та самая жрца, которая была создана язычеством для знахарства. Нельзя не удивиться крайне скептическому отношению к медикам, с одной стороны, и всеобщей требовательности — с другой. Это недоверчиво-притязательное настроение было причиной трагической кончины первых медиков в Москве, последующего падения их положения, а самое главное — причиной слабого развития медицинского дела в нашем отечестве вплоть до воцарения Алексея Михайловича. Были и другие причины, из виду которых врачебное дело едва было поднималось вперед.

Самая элементарность русской жизни того времени не могла способствовать врачебной науке. Кроме этой общей причины можно указать, как на довольно крупный тормоз, на чужестранный переворот в религиозных понятиях. Дело в том, что при господстве староязыческих понятий о причинах заболеваний, все приписывалось таинственным силам, которыми по произволу своему управляли владыки. Одна только боязнь, перенесенная влуду могла удерживать от обращения к нему в случае необходимости. С постепенным же упрочением христианских воззрений влуду теряет свое обилие всемогущества, а причина болель относится уже не к таинственным силам, подчиненным в некоторых случаях человеку, но стала объясняться глупостью, наказанием за грехи. Такой взгляд на болель, лучше всего выражен в Домострое Сильвестра, проповедник относящийся к половине XVI века. „Кто остави Бога, шест Сильвестр, а милости и прощения от Него не требуя, призывает к себе чарошники, кудесники, волхвы и

всяких мечетников и зеленников, и съ корешемъ, отъ которыхъ ожидать душевной помощи, тотъ угождаетъ себя дьяволу, въ дно ада, во вѣки мучится“. А потому онъ предлагаетъ лечение мирного, свѣтскаго „...аще Богъ пошлетъ на кого болель, ино врачеваться Божіею милостию, да милостию къ нимъ, да истиннымъ покаяниемъ... и молебны ити и вода святии съ чесныхъ крестовъ и со свѣтыхъ мощей и съ чудотворныхъ образовъ и масломъ свѣятися; да по чудотворнымъ по свѣтыхъ мѣстамъ общеватися и приходше молитися со всею чистою совѣстью; тѣмъ цѣлба всякимъ различными недугомъ отъ Бога получить...“¹⁾

Тѣ же мысли встрѣчаются в посланіи Никольскаго Елизарова монастыря старца Филофея около 1519—1519 г. г. дяку Михаилу Мунехину противъ жрцъ, принявшихъ во время жорного пошлярия. Въ этомъ посланіи онъ указываетъ на Давида, который позволился на Бога „яко жрцы суть щедроты его“, что онъ „покашнѣлъ и слезами умоли Бога и возврати глѣзъ Божій, а не противился Богу и прощению и наказанію Божію, яко же нѣтъ въ, пути заграждаете, дома печалите, поможъ запрещаете къ болель, приходити, вертѣхъ телеса въ гроба выдѣваете...“²⁾

Научной медицине приходилось пробивать себѣ путь подъ тяжестью многихъ предрѣдныхъ условій. На это обстоятельство нужно обратить особенное вниманіе для правильной и безпристрастной оцѣнки всѣхъ жрцпророчій во врачебной части въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Внимательному изслѣдователю русской культуры нельзя было бы повторять за Рихтеромъ и другими, что медицина у насъ не развивалась, будто бы потому, что для русскихъ того времени не было въ ней никакой надобности. „Поэтику, пишетъ Рихтеръ, росіане долѣ продѣхъ европейскихъ народовъ пребывали въ простомъ состояніи природы... то жветуетъ изъ сего, что въ Россіи позже настала нужда бороться съ тѣлесными немощами, и следовательно рѣже представлялась необходимость *приблизиться къ помощи лекарей и врачей*“. По тому же поводу въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „Съ усовершеннымъ образомъ жизни и умноженіемъ роскоши нечувствительно живнѣе

¹⁾ Брюсовъ, Москов. Сбд. Ист. и Др. Рос. т. 4, стр. 40.

²⁾ Домостр. къ апост. истор. т. 1, № 23.

потребности повыл, прежде неизвѣстныя. Изъ этого слѣдуетъ, что источники новыхъ болѣзней открылись въ кругу знатныхъ людей, а особенно при дворѣ. Здѣсь—то прежде всего и восчувствовали нужду во врачахъ. Еще въ XV и XVI вѣкахъ стали выписывать ихъ сперва для двора одного. Но остальная часть народа, пребывавшая въ крѣпкихъ обычаяхъ и простотѣ древней, тѣмъ менѣе имѣла надобности въ искусственной помощи, тѣмъ менѣе знала болѣзней. Такимъ образомъ только есть возможность объяснить, почему столь поздно, въ послѣднія четыре столѣтія, начали принимать въ службу систематически обученныхъ медиковъ, хотя въ небольшомъ числѣ, и то къ одному двору царскому¹⁾.

Въ основу своего взгляда на здоровье руссінъ первыхъ вѣковъ образованія государства Рихтеръ положили мнѣнія иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ XVII ст., Павла Юлія, Петра, Олсена, Мейерберга и т. д. Эти писатели передавали, что въ Россіи климатъ здоровый и население отличается крѣпкимъ сложениемъ. Подобныя указанія находимъ и у другихъ путешественниковъ того времени. Такъ Рейтенфельсъ въ своихъ сказаніяхъ о Москвитинѣ, относящихся къ второй половинѣ XVII ст., рассказываетъ: «люди всѣхъ способны переносить всякаго рода трудности, такъ какъ ихъ тѣла закалены отъ рожденія холодами. Они способны переносить суровость климата и несколько не страшатся выходить съ открытою головою подъ снѣгъ или дождь, равно какъ и на зной, слозомъ, въ какую бы то ни было погоду. Дети трехъ—четырехъ лѣтъ отъ роду, зачастую, въ жесточайшіе даже морозы, ходятъ босые, съ прикрытымъ подолниною одеждою и играютъ на дворѣ, бѣлая кашуеки. Послѣдствіемъ сего является знаменитая, закаленная тѣла»²⁾.

Какъ это извѣстіе, такъ и приводимыя Рихтеромъ, относятся къ XVII столѣтію, когда уже, по признанію самого Рихтера, въ Россіи были медики и начали впрѣдствовать болѣзни. О болѣе же отдаленномъ времени у Рихтера нѣтъ свѣдѣній, позволяющихъ

¹⁾ Рихтеръ, Исторія медицины СПБ. 1811 г. 1 стр. 38, 49, 50. Врѣзано въ изданіе Рихтера о простотѣ жизни и крѣпости тѣла" говоритъ и Хаммаковъ, См. его Очеркъ исторіи медицинской помощи. Женева, Мин. Вн. Дѣл. СПБ. 1851 г. 8 33, стр. 337.

²⁾ Рейтенфельсъ, Сказанія, Чтенія въ Пав. Общ. Нер. и. Др. 1806 г. № 218, стр. 110.

дѣлать заключеніе о безболѣзненности населенія Россіи. Наоборотъ, наши лѣтописи полны извѣстій объ эпидеміяхъ, голодовкахъ и эпизоотіяхъ. Слѣдовательно, были болѣзни, были нужды и врачи. Эта потребность удовлетворялась при помощи знахарей или домашнихъ средствъ, главнѣйшимъ изъ которыхъ была вода. Объ этомъ уже цитированный Рейтенфельсъ передаетъ: «они (т. е. русскіе) жаждо какъ никто другой, пьютъ воду, считая ее пектаромъ, средствомъ для согрѣванія и лекарствомъ отъ всѣхъ болѣзней»³⁾.

Исследователи русской медицинской старины (Рихтеръ, Лешковъ, Хаммаковъ, Зябелъ, Загоскинъ и другіе) обыкновенно начинаютъ свои очерки многочисленными лѣтописными указаніями на врачевателей, считая ихъ врачами въ тѣсномъ смыслѣ слова, хотя въ источникахъ нѣтъ свѣдѣній ни объ ихъ образованіи, ни объ употребленіи ими медикаментовъ. Изъ того, что одни лечили «ваномъ», другие—растеніями «не отъ вѣннихъ землѣ» третій былъ «леченъ весьма хитро», нельзя сдѣлать объ ихъ профессиональной филономіи какихъ либо точныхъ выводовъ, и вообще подобный пріемъ изложенія нѣмѣлъ не оправдывается. Въ приводимыхъ выпискахъ нѣтъ никакихъ указаній на характеръ ихъ лечебнаго искусства, а дѣлать догадку о томъ, что вслѣдъ упоминаемыхъ въ источникахъ «леченъ» были представители рациональной медицины, слѣдуетъ основательно.

«Лечны» приходили къ намъ съ Востока, какъ, напримеръ, знаменитыя кіевскія врачѣ—армянинъ въ половинѣ XI ст. или какъ Пестръ Сербининъ, практиковавшій въ началѣ XII ст. Приходили также изъ Греціи, преимущественно монахи съ Асова, какъ-то: преподобный Антоній, св. Алимпій, преподобный Агапіи и другіе.

Вообще о всѣхъ этихъ врачахъ правильно было бы думать, что они приносили въ Россію не рациональную медицину, а болѣе или менѣе очищенное отъ вѣдовскихъ пріемовъ знахарство. Что касается монаховъ-врачевателей въ частности, то они предпочитали молитву, святую воду со крестомъ и мѣшей всякимъ другимъ лечебнымъ средствамъ. Асоны открывали монахамъ средства спасать душу, а не тѣло; давали науку вѣрной загробной жизни, а не скоротечной земной. Въ этомъ именно смыслѣ рассказываетъ лѣтописецъ, напримеръ, о практикѣ преподобнаго Давіада, которому Осодосій Петерскій обязанъ былою молитвою со-

³⁾ Рейтенфельсъ, Сказанія 1, 1 стр. 118.

творити болящому, дабіє сотворише молитву и масломъ помазаніе и припаханіе исцѣленіе приходяще къ нему".

Церковь и на Западѣ тормозила развитіе медицинской науки, а вѣдь тамъ она полагала основаніе университетамъ и долгое время исключительно ими вѣдала. Многочисленными соборными постановленіями въ XII и XIII в. церковь запрещала высшему духовенству заниматься медициной подлѣ страхомъ отлученія отъ церкви. Тѣмъ болѣе толка должно было имѣть мѣсто у насъ. Да наконецъ самая медицинская наука Европы освободилась отъ вліятельства теологическихъ конвенцій и философскаго догматизма лишь на исходѣ XVI вѣка и перешла въ XVII в. къ анатоміи и экспериментальной физиологіи, а въ слѣдующее столѣтіе, послуживъ еще хизіей, вступила на путь клиническаго наблюденія¹⁾.

Въ качествѣ историческихъ памятниковъ, характеризующихъ состояніе и характеръ нашихъ врачебныхъ знаній въ московскій періодъ, до насъ дошли травники, лечебники, земляники. Большая часть ихъ относится къ концу XVII вѣка, т. е. времени укорененія иностранной рациональной медицины въ Россіи и организаціи ея изученія въ приказной школѣ. Всѣ наши врачебныя рукописи представляютъ изъ себя переводы съ иностранныхъ оригиналовъ, носятъ явно схоластическій характеръ и, хотя переплетались и даже дополнялись духовными лириками, но отнюдь не могутъ служить указаніемъ на занятіе нашего духовенства рациональной медициной²⁾.

Русскіе, по сообщенію Олсена, никакъ не одобряютъ и не допускаютъ тѣхъ обихованныхъ средствъ, которыя употребляются въ Германіи и другихъ странахъ и которыми нагляднымъ образомъ только и можно совершенствоваться въ дѣлѣ леченія, какъ, импр., анатомирование тѣла человѣческаго, или дѣланія скелетовъ, къ которымъ русскіе питаютъ величайшее отвращеніе". Это свидѣтельство совпадаетъ съ замѣчаніемъ другого иностран-

¹⁾ Копперъ. *Op. cit.* т. II, стр. 496 и 585.

²⁾ Разбору и оцѣнкѣ сохранившихся земляниковъ посвятилъ специальное изслѣдованіе Ѳ. преподаватель исторіи врачебныхъ наукъ въ военно-медицинской академіи Л. О. Зайцевъ (СПб. 1895 г.). Имъ было обследовано 186 рукописей университетовъ, академій, библиотекъ, обществъ и частныхъ владѣльцевъ. На основаніи хронологическаго свѣдѣнія вѣковыхъ рукописей и отрывочныхъ мѣстъ ему удалось установить процессъ переработки врачебныхъ руководствъ или, по его выраженію, постепенное сокращеніе, сжатіе, съ потерей научности и съ приближеніемъ къ обществу и не врачамъ.

наго путешественника Юлія, который пишетъ: „раціональную медициною москвитане никогда не занимаются; должность врача исправляетъ у нихъ всякій, кто только имѣлъ случай испытать дѣйствіе какихъ нибудь неизвѣстныхъ травъ.“³⁾

Результатомъ подобнаго отношенія къ раціональной медицинѣ было то, что тѣ немногія крупныя раціональныя врачебныя знанія, которыя вѣдѣлись въ иностранныхъ травникахъ, окончательно исчезли изъ русскихъ переводовъ, особенно позднѣйшихъ, успѣвшихъ подвергнуться наибольшей національной обработкѣ перенесчиковъ.

³⁾ Адамъ Олсенъ. Подробное описаніе путешествія въ М. 1870 г. стр. 166. Библ. Моск. импер. вост. о. Россіи СПб. 1896 г. стр. 47.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первые врачи с европейским образованием начинают появляться на Руси с конца XV в., когда усилились сношения с Западом и раздвинулся узкий горизонт нашей политической замкнутости. Одним из главных средств сближения с Западом было, как известно, супружество Иоанна III с Софией Палеолог. Предполагают обыкновенно, что уже в 1473 г. в свите царя Софии были врачи, привезенные ею из Рима. Они будто бы пользовались таким высоким почетом и настолько широкой известностью, что Амвросию Контарини, посланному Венецианской Республикой в Персию, достаточно было назвать в 1475 г. прачей великой княгини, чтобы избавиться от притеснений во время путешествия от Дербента по Каспийскому морю.

Впервые эта догадка была высказана Рихтером, но из того, что вновь прибывшей царевне „и ханши грена, иже придоша служаче“, нельзя заключить, что в ее свите находился *непреломно* врач.¹⁾ Еще в меньшей степени подобное заключение может быть обосновано на том, что Амвросию Контарини, неоднократно называвшемуся врачом великой княгини Русской, как он сам признает, „доставил между пассажирами славу отличного врача“ случай удачной медицинской помощи заболевшему матросу²⁾. Рассказ этого путешествия не дает основания предполагать только одно из двух: или его спутники вообще были проникнуты уважением к врачу, независимо от того, при ком он состоял, или же в то время на Каспийском море имя русского князя пользовалось уже большим авторитетом, чем именем и воспользовался Контарини.

¹⁾ Рихтер, История мед. ч. I, стр. 225.

²⁾ Библиотечка иностранцев в России ч. I СПб. 1836 г. Вульф, Амур. Контарини стр. 26.

Во всяком случае о праче в свите Софии можно сдѣлать лишь предположение, имея в виду безспорный извѣстия о существовании лейб-медиков при дворе хв византийских императоров.

Византия представляла старинную колыбель врачебнаго искусства. Уже в концѣ V столѣтія там издавались медицинскіе сборники, путеводители и сочиненія монографическаго характера. При дворе хв византийских императоров дѣйствовали в качествѣ лейб-медиков выдающіеся врачи-искусители. Такъ, при императорѣ Львѣ Оракійскомъ состоялъ знаменитый Иконъ Сотеръ (V в.), при Юстиніанѣ I—Азцій (VI), при Константінѣ VII Багрянородномъ—Ософанъ Номитъ (X в.), при Михаилѣ VII Дукаѣ—Симеонъ Стѣтъ (XI в.), при Михаилѣ VII Палеологѣ—Дмитрій Пепалогесъ (XIII в.) и т. д.³⁾ Неудивительно, что царевна София, отправляясь изъ Рима въ далекую Русь, могла взять въ свою свиту врача.

Всѣмѣ достоверная свѣдѣнія извѣстны о прибытіи въ Москву въ 1485 г. итальянскаго врача Антона, а въ 1490 г.—доктора Леона изъ итальянскихъ евреевъ.

О первомъ изъ нихъ разсказываетъ „того же лѣта прачей и въѣхъ Онтонъ прѣѣха въ великому князю, его же въ величій чести держа велики князь прачей же князь Каракучу нареченъ Дашларомъ да умери его смертнымъ велѣмъ за посяхъ. Князь же велики выдалъ его сыну Каракучу, онъ же мучилъ его хотѣ дати на оуцѣ; Князь же велики не повѣлъ, но велѣ его убити; они же свезше его на рѣку на Москву подѣ мостѣ, змѣлъ да зарѣзаша его посяхъ, яко оуцѣ“⁴⁾.

Не лучше была судьба другого врача, который лечилъ Ивана Ивановича, старшаго сына в. кн. Ивана Васильевича. „А болѣлъ онъ, говоритъ изъясненіе объ Ив. Ив., казучотъ въ ногахъ, ходилъ, и видѣлъ, лекаръ издобавилъ мистръ Леонъ, похвалился рече великому князю Ивану Васильевичу, отну его: изъ излечу сына твоего, великаго князя Ивана, отъ той болѣзни; а не излечу изъ, и ты мене вели казнити смертною казнью. И кн. вел. пачѣ тому вѣру, велѣ ему лечити сына своего. . . . лекаръ же дасть ему зелье пити и жещи пача съклинницами во тѣлу, вливая горячую воду, и отъ того ему бысть тѣлесъ и умъ. И того лекаръ хис-

³⁾ Котверъ, История греческой медицины. Киевъ 1836 г. том. I стр. 39—164.

⁴⁾ В. С. Р. Д. ч. VI СПб. 1875 г. Сѣф. Лт. II стр. 235.

тра Леона велѣтъ вел. кн. поимати и поелѣ сорочинѣ сына своего в к. Ивана повелѣ его казнити смертною казнью, головы сѣбѣ; они же сѣбѣша ему голову" ¹⁾.

Эта жестокая расправа съ перьями медиками была прямымъ слѣдствіемъ тогдашнихъ понятій о могуществѣ силъ, которыми управляютъ знахари-врачи, и которыми они будто бы не хотѣли въ данномъ случаѣ воспользоваться на благо пациента.

Съ постепеннымъ изволеніемъ реальныхъ значеній требованіе отъ врача непремѣнно усиѣнаго леченія слабѣетъ и начинаютъ выдвигаться тѣ естественные законы, въ предѣлахъ которыхъ только и можетъ оказаться состоятельнымъ человеческое искусство. Впрочемъ, неудачные выходы первыхъ врачей не остановили дальнѣйшаго движенія образованныхъ медиковъ въ Россію. Въ томъ же 1490 г. Юлиусъ III прислалъ императора австрійскаго о присылкѣ лекаря „добраго, который бы вѣдомъ былъ на внутреннія болѣзни и раны" ²⁾. А въ двадцатыхъ годахъ XVI ст., при Василии Ивановичѣ, въ Москвѣ съ усѣхомъ занимался практикой лекарь Маркъ изъ грековъ ³⁾. Вообще Василий Ивановичъ заботился о привлеченіи къ себѣ на службу иностранныхъ врачей и при немъ, кромѣ Марка, еще были Николай Луевъ и Осемля. Оба эти врача лечили въ 1534 года вел. кн. Василия Ивановича у котораго: „... послѣ Сербѣна дни передъ Попробомъ явилася хала болѣзнь на лѣвой странѣ, на стѣгѣ, на стѣбѣ съ булавочную голову, вриху у нея нѣтъ, аи гною въ ней нѣтъ же, а сама багнова" ⁴⁾.

Великій князь призывалъ своихъ докторовъ Николая и Осемля. Они прѣхали и „начали прикладывать къ болѣзнь жукъ пчелинцую съ медомъ, присыпая и лукъ печеный, отъ того болѣзнь нача рѣдѣти; они же начали болѣе прикладывать, и ушнися на болѣзнь аки прищъ, малъ и повиса въ немъ мало гною. А изъ болѣзнь мало гною изсикаючи, вриху же у нея нѣтъ; рана же у нее аки иглоу уткнута, а не прибудетъ ей, не убудетъ. И повелѣ же кн. вел. прикладывать жать къ болѣзнь и нача изъ болѣзнь идти гнои по малу, и поелнцу болѣзнь, яко до подугау

¹⁾ Ibid стр. 239.

²⁾ Византизмъ и византизмъ, сносеніе древня Россіи съ иностранною державою. Сб. 1834 г. т. I, стр. 96.

³⁾ Радоръ, т. I, стр. 267.

и по тау. . . И тогда же въ трудѣхъ ему бысть тирость и того ради князя горюшки и сѣзанишки, и съ той проесе ему на низъ, а болѣзнь его тяжка; и послѣ того порушася ему вѣтви. . . И тогда же. . . изиде изъ болѣзнь гною яко болѣ таза и выиде изъ нее стержень, болѣе подугара пиди, но еще не весь стержень выиде изъ нее; кн. же вел. обеселенъ, чѣмъ болѣзнь своей облегченъ. Почувствовавъ улучшение, по старой привычкѣ вел. кн. послать за гетманомъ своимъ. Яномъ жалымъ и приказалъ ему прикладывать „къ болѣзнь жать, обычную". Рана хотя не увеличилась, но болѣзнь сильно страдала. Снова были призваны врачи, чтобы „прикладывать къ болѣзнь жать, или бы нѣчто пустити изъ рану, что бы отъ нее духу не было" ⁵⁾.

Послѣ продолжительныхъ, но безуспѣшныхъ стараній со стороны врачей вел. кн. призывалъ къ себѣ Луевъ и, напоминая ему о вѣдѣхъ оказанныхъ милостяхъ, попросилъ „жать или иное что, чтобы на облегченіе болѣзнь". Луевъ съ отчаяніемъ сознался въ своемъ безсиліи: „да можно ли жмѣ мертвого жила сотворити? да не же жмѣ, Государь, Богомъ не быти" ⁶⁾. Замѣтительно, что врачи, сознававшіеся въ несостоятельности своего искусства, не подверглись трагической участи первыхъ своихъ собратьевъ и удержались на собою презрѣнное положеніе при дворѣ.

Вскорѣ причина болѣзнь и кончины Василия Ивановича была обнаружена: „думая быти князь Михаилъ Львовичъ Глинскій въ томъ, что давалъ великому князю Василью ждѣе нити въ его болѣзнь, съ того ждѣя великаго князя не стало" ⁷⁾.

Со смертію Василия Ивановича, давшего высочайшій примѣръ гуманнаго отношенія къ придворнымъ медикамъ, начинается новое направленіе во всемъ врачебномъ дѣлѣ на Руси. Въ царствованіе его преемника Юліана Грознаго было приглашено немало врачей изъ Западной Европы. Такъ одинъ Снитте въ Германіи пригласилъ на царскую службу 4 врачей, 4 аптекарей, 2 оператора, 8 цырульниковъ и 8 подлекарей ⁸⁾. Но никому изъ нихъ не удалось пробраться въ Россію, такъ какъ они были задержаны въ Ригѣ по просямъ Ганзы и Ливонскаго ордена.

⁴⁾ Сб. II, 267.

⁵⁾ Восточная дѣло, предисл. стр. 287.

⁶⁾ Бархладъ. Истор. Государ. Россійскаго, изд. 1847 г. т. VIII, примѣчан. 206, стр. 343.

the first, which was the most important, was the
fact that the government had decided to
take a more active role in the economy.
This was a significant change from the
previous policy of laissez-faire, which had
allowed the market to regulate itself.
The government's new role was to
intervene in the economy to ensure
that the market was functioning properly.
This was done through a variety of
means, including the establishment of
new government departments and the
enactment of new legislation.
The government's new role was also
reflected in the fact that it had
decided to take a more active role in
the provision of social services.
This was a significant change from the
previous policy of non-interference, which
had allowed the market to regulate itself.
The government's new role was to
intervene in the economy to ensure
that the market was functioning properly.
This was done through a variety of
means, including the establishment of
new government departments and the
enactment of new legislation.
The government's new role was also
reflected in the fact that it had
decided to take a more active role in
the provision of social services.
This was a significant change from the
previous policy of non-interference, which
had allowed the market to regulate itself.
The government's new role was to
intervene in the economy to ensure
that the market was functioning properly.
This was done through a variety of
means, including the establishment of
new government departments and the
enactment of new legislation.

the first, which was the most important, was the
fact that the government had decided to
take a more active role in the economy.
This was a significant change from the
previous policy of laissez-faire, which had
allowed the market to regulate itself.
The government's new role was to
intervene in the economy to ensure
that the market was functioning properly.
This was done through a variety of
means, including the establishment of
new government departments and the
enactment of new legislation.
The government's new role was also
reflected in the fact that it had
decided to take a more active role in
the provision of social services.
This was a significant change from the
previous policy of non-interference, which
had allowed the market to regulate itself.
The government's new role was to
intervene in the economy to ensure
that the market was functioning properly.
This was done through a variety of
means, including the establishment of
new government departments and the
enactment of new legislation.
The government's new role was also
reflected in the fact that it had
decided to take a more active role in
the provision of social services.
This was a significant change from the
previous policy of non-interference, which
had allowed the market to regulate itself.
The government's new role was to
intervene in the economy to ensure
that the market was functioning properly.
This was done through a variety of
means, including the establishment of
new government departments and the
enactment of new legislation.

Большая часть медиков того времени была прислана по просьбе русского царя английской королевой Марией и королем Филиппом, с которыми с 1553 г. завязываются оживленные сношения через Архангельск. В 1557 г. в Россию прибыли с послом Антонием Джеккинсом доктор Стэндинг и лекарь Ричард Эдмунд. В это время в Москве были уже известны доктор Ариульф Линзей¹⁾, которому, по свидетельству Курбского, в кн. «великую любовь всегда показывавше, обаче лекаря от него никакого приймаше». Доктор Линзей умер при сожжении Москвы крымским Ханом Девлет-Гиреем в 1571 г. В 1572—82 г.г. упоминается о каком-то докторе Юанке.

Известен еще доктор Елисей Бомелий, присланный из Англии нашими посланником Савинным²⁾. «Честнолюбивый, безвредный и своекорыстный, нишесть о немъ проф. Цейтлицъ, онъ старался поддерживать свое значение, действуя на суеверие и болтливую подозрительность Юанна³⁾». Говорят, что Бомелий готовил для Грозного яда, от которого намеченным им жертвам умерли в назначенную минуту; жертвами его здекаго искусства были: Григорий Грязной, кн. Иванъ Гвоздезь-Ростовский и много других бояры. В псковской летописи о немъ записано под 1570 г.: «къ царю пѣмъ прислали пѣзачина лютаго волхва нарицаемаго Елисея и бысть ему любимъ и въ приближеніи». Уличенный въ тайныхъ сношеніяхъ со Стефаномъ Баторіемъ онъ былъ въ 1580 г. публично сожженъ въ Москвѣ.

Царь Иванъ Грозный, кажется, не доверялъ Бомелию и, когда Линзей умер, то онъ обратился къ английской королеви Елизаветѣ съ просьбой о присылкѣ ему нѣсколькихъ докторовъ и аптекарей. Елизавета прислала въ 1581 г. въ Москву лейбъ-медика Роберта Якоби съ письмомъ, въ которомъ писала Грозному: «посылаю тебѣ доктора Роберта Якоби, какъ мужа искуснѣйшаго въ леченіи болѣзней; уступаю его тебѣ, брату моему, не для того, чтобы онъ былъ ненуженъ мнѣ, но для того, что тебѣ нуженъ. Можешь съѣло избрать ему свое здороніе. Посылаю съ нимъ

въ угодность тебѣ, аптекарей и хирурговъ, по моему и не моему, хотя мы сами имѣемъ недостаткъ въ такихъ людяхъ⁴⁾.

Въ Россіи его называли то Робертомъ Яковомъ, то Романомъ Елизарьевичемъ. Въ послѣдніе годы царствованія Ивана Грознаго, а также при сынѣ его и Борисѣ Годуновѣ Якоби кромя медицинъ занимался дипломатическими и религіозными вопросами своего времени: сваталъ государя при живой женѣ Маріи Нагой за англичанку Марію Гастингсъ, устроилъ аудіенцію у Царя послѣ Бауеу, периодически отивчалъ Елизаветѣ о московскихъ событіяхъ, письменно изложилъ теменъ англиканской вѣры⁵⁾. Изъ письма королевы къ царю Пріиѣ отъ 24-го марта 1585 г. видно, что докторъ Якоби: «... всеня болѣзни женскія знаетъ и родильныя болѣзни всеня лечитъ... и онъ своимъ разумомъ въ докторствѣ лучше иныхъ бабъ уишетъ служить⁶⁾». Въ различныхъ источникахъ упоминается еще о нѣсколькихъ докторахъ, но о нихъ находимъ настолько случайныя свѣдѣнія, что нельзя себѣ составить никакого понятія объ ихъ познаніи въ Москвѣ.

При Борисѣ Годуновѣ, сношенія съ Западною Европою еще болѣе усилились благодаря неустаннымъ заботамъ его о просвѣщеніи Россіи. Борисъ, привлекая къ себѣ на службу иностранныхъ художниковъ и мастеровъ, старался въ особенности отомъ, чтобы имѣть хорошихъ и надежныхъ врачей.

Врачи Оседора Брансвича нѣдолго оставались въ Москвѣ: англійскій врачъ Маркъ Сидней оставилъ Москву въ 1578 г., а италіанскій врачъ Павелъ Чиндани—около 1595—96 г. г. Поэтому подозрительный и суеверный Борисъ въ 1600 г. отправилъ въ Германію Рейнгольда Беккина, бывшаго переводчика въ Посольскомъ приказѣ. Въ грамотѣ Бориса бурмистрамъ и ратманамъ Любека говорилось: «дѣлаемо нашему царскому величеству учинилось, что у насъ въ Любекѣ дохтуры наивнѣе великому докторству, лечитъ женскія немощи. И въ города Любека бурмистры и ратманы... прислали нашему царскому величеству лучшаго дохтора, наивнѣаго... А какъ къ нашему царскому величеству дохтора пришлете, и будетъ у насъ и нашему царскому величеству своимъ ремесломъ послужитъ и похочеть, будетъ

¹⁾ Бараминск. Ист. Росс. Рос. VIII, 238; Рихтеръ I, 292—293.

²⁾ Гамжель. Англичане въ Россіи въ XVI и XVII ст., СПб. 1865 г., стр. 309; Зейдъ. Чтенія по краѣбѣ, ист. Рос. СПб. 1896 г., стр. 160.

³⁾ Цейтлицъ. Протестантизмъ и Протестанти въ Россіи до эпохи преобразованій, М. 1890 г., стр. 578—79.

⁴⁾ Сторонск. Ист. Рос. Ист. Общ. Сб. 1883 г., т. 38, стр. 1—2; Рихтеръ I, 309.

⁵⁾ Цейтлицъ. Протестантизмъ, стр. 578; Сторонск. Ист. Рос. Ист. Общ. Сб. 1883 г., т. 38, стр. 3—8, 112.

⁶⁾ Рихтеръ, т. I стр. 405.

ѣхати въ пажъ назадъ въ Любку, и мы своимъ парскимъ жалованьемъ пожаловать его, великимъ отпустить назадъ въ Любку, приѣхать и отѣхати ему будетъ во всемъ повольно, безо всякаго задержанія" ¹⁾...

Путешествіе Бекмана увѣчалось успѣхомъ: въ Россію съ нимъ приѣхали врачъ Давидъ Васмеръ и докторъ Генрихъ Шредеръ изъ Любека, Іоаннъ Гилькенъ изъ Риги, Касперъ Фидлеръ изъ Кенигсберга и студентъ медицины Эразмъ Бенскій изъ Праги. „А лутчей изъ нихъ, какъ доносили Бекманъ Борису 21 ноября 1600 г., именемъ Каспарусъ Фидлеръ, а знаетъ онъ докторство философское, и въ медицинѣ въ лечбѣ и отъ многихъ людей восхваляеть, что онъ въ своемъ докторствѣ добръ наученъ и достаточно знаетъ, и всѣмъ городеомъ его любятъ" ²⁾.

Не слѣдуетъ смѣшивать этого доктора съ тѣмъ Фидлеромъ, который за условленную плату соглашался отравить Болотникова и готовъ былъ произвести известную по своей низости присягу, написанную для этого случая Боромъ ³⁾.

Кромѣ медиковъ, привезенныхъ Бекманомъ, у Годунова были и другіе, какъ-то: Христофоръ Рейтлингеръ, котораго привезъ въ Москву англійскій посланникъ Ричардъ. Инъ въ 1601 г. До Рейтлингера, по словамъ Петрея, былъ какой-то врачъ Габріель. Всѣ врачи Бориса Годунова были изгнаны изъ Москвы по смерти Лжедмитрія I, за исключеніемъ одного Давида Васмера, оставшагося въ качествѣ лейбъ-медика царя Василія Ивановича Шуйскаго.

Время междоусобицъ наполнено внутренними безпорядками, губительными послѣдствіями которыхъ для русской культуры еще усиливались моральныя повѣтрія. Врачи были нужны въ особенности, а ихъ то и не было въ Москвѣ. Незабвенная услуга была оказана въ этомъ случаѣ архимандритомъ Троицкаго монастыря Діонисіемъ и келаремъ Авраамомъ Палыцинымъ. Они „начина строити казною монастырскою дома для всѣхъ людей, и больнымъ людямъ обрѣтася врачеве и пѣиху многихъ и даны были больницы на разенныхъ людей" ⁴⁾....

¹⁾ Русск. Истор. Библ. Свѣд. 1884 г. т. VIII стр. 90.

²⁾ Ibid стр. 91.

³⁾ Ибидемъ. Протестан. стр. 226.

⁴⁾ Житіе Діонисія Преподобнаго, Иже Старикаго Монастыря М. 1896 г. стр. 13.

Въ XVI в. врачи находились въ непосредственной общеніи съ царемъ, но съ царствованія Бориса Годунова, когда специалитетъ врачебнаго званія стало нѣсколько, они были подчинены особому боярину, который, по свидѣтельству Маркерега, назывался антекарскимъ бояриномъ. Вокругъ этого боярина собиралось то первое въ Россіи управленіе по медицинской части, которое извѣстно подъ именемъ Антекарскаго Приказа.

Начало Антекарскаго Приказа, какъ и вообще вопросъ о времени возникновенія нѣкоторыхъ другихъ приказовъ представляется довольно спорнымъ и неопредѣленнымъ. Вопросъ остается открытымъ для всякихъ догадокъ, отчасти вследствие недостатка матеріаловъ, отчасти вследствие тѣхъ научныхъ прѣсновъ, которые употреблялись при разработкѣ выходящихъ уже историческихъ данныхъ. Ученые изслѣдователи въ тѣхъ случаяхъ, когда документы не годятся, стараются по нимъ воспроизвести исторію учреждений то съ нѣсколькими дѣлами и опредѣленнымъ кругомъ дѣловаго производствъ, то личнымъ приказомъ, основаннымъ на личныхъ порученіяхъ вѣдать великокняжеское дѣло. И тотъ и другой „приказъ" выдѣляется въ различные моменты нашей отечественной исторіи.

Остановившись на характеристикѣ приказнаго строя проф. Невостновъ, между прочимъ, приходитъ къ слѣдующимъ замѣчательнымъ выводамъ: 1) управленіе было устроено по примѣру и въ духѣ домашняго управленія... 2) по поводу, для управленія существовали только извѣстные лица, а не являлись отсутствующія. Сложность состава и дѣлопроизводства послѣднихъ была несовмѣстима съ духомъ домашняго управленія, господствовавшего въ князествахъ, 3) управленіе проходило не на основаніи общихъ законовъ, но по особымъ приказаніямъ князя и лицъ, имъ уполномоченныхъ. Общихъ уставовъ не было ¹⁾.

Дѣйствительно, въ эпоху многодержавія хозяйство княжеское не отдѣлялось отъ хозяйства государственнаго; служебная дѣятельность приближенныхъ лично бояръ носила не столько государственный, сколько частно-правовой характеръ. Съ усиленіемъ единодержавія вся система частно-хозяйственныхъ отношеній проникается духомъ государственнаго единства, а вмѣстѣ съ этимъ

¹⁾ Невостновъ. Образованіе управленія въ Россіи отъ Бориса III до Петра Великаго. Ж. Мин. Нар. Просв. 1814 г. № 1, 2 и 3, стр. 9—10.

вместо *поручений* разных отраслей управления и *несколько* приписанных лицам возникают отдельные учреждения — присутственные места, наместники воевод и т. д. и т. п. *приказов*, число которых во второй половине XVI и в XVII вв. постепенно возрастает.

Существенной основой приказного управления было личное отношение дельца к лицам, которым поручалось дело. Самые дела, поручаемые различным лицам, были крайне разнообразны и перемешаны: иноземные, например, владения и в посольском, и в воеводском, и в различных специальных приказах. Приказы, говорит Павлов, должны представляться такими институтами, где постоянная передовка лиц, их отношений и круга деятельности, должны быть типичными обыкновенными, почти казачьими¹⁾.

Смотря по характеру дела и по другим многочисленным обстоятельствам одним приказам удается раньше приобрести определенную физиономию, другим поздне. В зависимости от этих же обстоятельств вырабатывается та или другая организация приказов: в одних множество делов и подчиненных, как например, в посольском; в других — по одному боярину, с несколькими делами и подчиненными, например, в казанском, сибирском, рейтарском, судных и других; в третьих, судьи один делов, как в приказе тайных дел.

Какова бы ни была организация, каковы бы ни были круг деятельности приказов, нужно однако признать, что они возникли по большей части случайно, не в значении коллегияльных присутственных мест, но просто по началу личных поручений того или другого рода делу заведыванию какого-либо боярина, окольничего и пр. С течением времени, с последовательным усложнением дела, там, где раньше вдала один человек, мы видим несколько товарищей, из которых один назначается просто для сотрудничества, другой — для совета, третий — для контроля. Только таким путем создается приказ — учреждение.

По поводу происхождения приказов проф. Лихачев в своем обширном сочинении «Государственные дела XVI в.» замечает: «приказы, как учреждения, характеризуются своей коллегияль-

ностью... приказы выросли из личных поручений, но всякий приказ только тогда и сдвинулся учреждением, когда стал коллегияльным... Рассмотрев массу приказных документов, мы должны прийти к выводу, что подпись одного дельца может относиться и к периоду личного приказа и к времени коллегияльного приказа, скрывающего духа делового сотрудничества с существованием в данное время приказа как учреждения²⁾.

Но если искать в первоначальных приказах учреждений с массой разнообразных документов, в них составленных, скрепленных и засвидетельствованных, в них выданных и разосланных, то время возникновения многих приказов будет отодвинуто к более позднему моменту истории, тем, когда они в действительности появились. В особенности такая участь постигла бы Антекарский Приказ, канцелярская физиономия которого сложилась весьма поздно: последнее обстоятельство обуславливалось тем, что приказ этот возник для чисто личного государева дела, да и докторов мы завели не Бог весть когда.

Думаем, что на приказы удобнее взглянуть без наших понятий о бюрократии или коллегии и признать существование приказов там, где вконец какое-либо дело без всякого отношения к тому, одним ли или несколькими лицами. Несколько лиц всегда появляется с расширением дела, а учреждение остается прежним. Так было и с Антекарским Приказом. Сначала, когда врачебное дело представляется одним, от силы, двумя докторами, то все врачебное дело вконец каким-нибудь «близким боярином». Так при Василии Ивановиче III князь Михаил Иванович Глинский наблюдал за лечением царя медиками иноземными и русскими аптекарями. Когда же при дворе появляется большое число врачей, лекарей, антекарей, как например, при Иоанне Грозном, то прежнее непосредственное сношение врача с царем суживается благодаря посредничеству доверенного боярина князя Афанасия Вяземского.

Чем больше лиц медицинского персонала, тем шире вмешательство близких бояр, тем все больше и больше начинают складываться тот порядок отношений, который приво-

¹⁾ Павлов. Московские приказы. Моск. Вл. 1885 г. № 36.

²⁾ Лихачев. Разные дела XVI в. С.-П.-Б. 1888 г. стр. 26, в этой работе (стр. 1—59) вообще можно найти прекрасную схему исторических направлений по вопросу о характере приказов.

дуть кь нормальному приказному дѣлопроизводству. Во главѣ новой канцелярии стоитъ надежный бояринъ, рядомъ съ которымъ всѣмъ рабочимъ персоналомъ вѣдаютъ приказные слугане и дѣяки.

Когда именно появляется канцелярія Антекарскаго Приказа, сказать трудно. „Допустить очень можно, пишетъ Рихтеръ, что Антекарскій Приказъ существовать прежде 1607 года. Сие мнѣнїе подтверждаетъ сочиненіе Марксерета, напечатанное въ Парижѣ въ упомянутомъ году“. ¹⁾ „Врачебная наука въ Россіи, по замѣчанію Успенскаго, до учрежденія Антекарскаго Приказа не имѣла никакого опредѣлительнаго управленія... Трудно отыскать точная свѣдѣнія, въ которомъ году учрежденъ былъ приказъ сей; но съ вѣроятностію начало его полагать можно около 1620 г.“ ²⁾ Къ тому же времени относитъ учрежденіе Антекарскаго Приказа Берхъ и Невольный ³⁾, а за ними и другіе изслѣдователи.

Напримѣръ, авторъ повѣстной работы М. Соголовскій пишетъ: „за невозможностію же точнаго установленія года возникновенія Антекарскаго Приказа, слѣдуетъ относить его начало вообще къ царствованію Михаила Оседоровича (1613—1645 г.г.), какъ намой взглядъ, совершенно правильно дѣлаетъ Невольный“ ⁴⁾. Проф. Владиміръскій—Будановъ считаетъ, что Ант. Приказъ возникъ около 1620 года ⁵⁾. Это же время принимается въ докладѣ мнѣн. внутр. дѣлъ, внесенномъ въ Полное собраніе законовъ ⁶⁾.

Совершенно особенное положеніе занять по этому вопросу историкъ русской медицины Зубевъ. Онъ утверждаетъ Рихтера, Максимовича, Петрова и другихъ въ томъ, что они, при опредѣленіи времени возникновенія приказа, не усвоили „духа времени“. При этомъ онъ допускаетъ удивительную ошибку, вѣрнѣе взглядомъ съ совершенно произвольными положеніями, расходящимися даже съ азбукой исторіи русскаго права. Такъ у него

¹⁾ Рихтеръ, Ист. мед. т. II, стр. 7.

²⁾ Успенскій, Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, Харьковъ 1818 г., стр. 539—40.

³⁾ Берхъ, Царствованіе Михаила Оседоровича (то же, 1832 г., Сиб. ч. I, стр. 120).

⁴⁾ М. Соголовскій, Характеръ и значеніе дѣятельности антекарскаго приказа, Сиб. 1904 г., стр. 31.

⁵⁾ Владиміръскій—Будановъ, Обзоръ ист. рус. права Сиб., 1905 г., стр. 197.

⁶⁾ Полн. собр. закон., т. XXVII, № 21105 стр. 1104.

находимъ слѣдующее: „приказы всегда состоятъ при лицѣ, кому поручена—приказана—какая либо часть управленія... Въ первые годы царствованія Михаила Оседоровича, когда понадобились врачи для войскъ, ради многолюдія, сложности дѣла, контроля его—стало недостаточно словесныхъ распоряженій боярина, понадобилась канцелярія и явился приказъ... Отдѣльное письмо-ведомство я отъому къ 1627 г., потому что столбцы Антекарскаго Приказа въ главномъ архивѣ мнѣ, иностр. дѣлъ, начинаются 9 августа этого года... Затѣмъ, отдавъ Антекарскому Приказу особое помѣщеніе у Воскресенскихъ воротъ... назначается туда особый сторожъ... Но все это еще въ матеріальной зависимости отъ приказа Большаго Дворца“.

И такъ усвоивши „духъ времени“, этотъ авторъ продолжаетъ: „Начало существованія Антекарскаго Приказа нужно считать 1631 году, когда получивъ изъ Дворца (приказъ Большаго Дворца) лишь жалованья, приказъ постепенно вырабатываетъ всякія зависящія отношенія отъ возникшихъ другихъ учрежденій и начинаетъ самостоятельно вѣдать—судить (1632 г. Матеріалы № 105) вѣхъ служащихъ и учрежденій, антеку, садмъ и проч.“ ¹⁾ Подробный выводъ никакъ не выжестъ ни съ предъидущими разсужденіями автора, ни съ данными исторіи.

Что касается полной самостоятельности, какъ существеннаго признака, то, по беззастѣнчивому замѣчанію проф. Сергѣевича, и высшее и низшее учрежденіе одинаково—приказъ ²⁾. Такъ, напримѣръ, Приказъ Большаго Дворца имѣлъ подъ своимъ надѣнїемъ Сытенинъ приказъ, Горюхой приказъ, Хлѣбенинъ Ибтенинъ. Проф. Ключевскій въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи „Боярская дума древней Руси“ указываетъ также на зависимость Казеннаго двора отъ Воскресенскаго Приказа и путанность дѣлопроизводства приказовъ Разряднаго, Похлебнаго, Разбѣннаго, Московскаго Суднаго ³⁾.

Не имѣютъ также никакого значенія разсужденія Зубева объ особомъ помѣщеніи, о „приказѣ“ и „палатѣ“, или о развитіи дѣлопроизводства. Выраженія „приказъ“, „палата“, „дѣла“ упот-

¹⁾ Метамор. Обзоръ 1887 г., № 21, стр. 814.

²⁾ Сергѣевичъ, Докладъ и изслѣдованія по 1905 г., стр. 274.

³⁾ Ключевскій, Боярская дума древней Руси, 1902 г., стр. 165 и 181.

ребялись одинаково для обозначения Посольского приказа¹⁾. Разрядный, Поместный и Посольский приказы почти до 1670 годов управлялись только дьяками²⁾.

Наконец Посольский приказ, как доказали проф. Лихачев, возник гораздо раньше построенного для него здания³⁾. Также можно, следовательно, судиться с Антекарским Приказом.

Возникновение приказного управления вообще нужно отнести к концу XV столетия. Тогда же появились в Москве иноземные врачи, которые при повальной болезни вдовских детей, много детей, порчи и т. п. не могли не привезти из себя особого наблюдения. Можно думать, что Антекарский Приказ существовал уже во времена Иоанна Грозного. При нем, по крайней мере, стояли, как мы уже заметили, боярин князь Афанасий Вяземский при Осодорфе Ивановиче—Борисе Годунове; а при Борисе царь—Семен Иванович Годунов. При Осодорфе Ивановиче Антекарский Приказ был настоящей канцелярией. Об этом до нас дошли точные известия. Так, в писемных книгах Вяземского уезда от 1594 по 1595 г. находим между прочим: «и прежде того было за Дмитрием за Михайловым сыном Быкова, а осталось за ябрюю Обицарского Приказа у Никифора Гаврилова»⁴⁾.

Несколько противоречивая Антекарский Приказ к концу XVI века, видно из сказаний о России иностранцев. Маржерет, побывавший в Москве в 1600—1601 г. г., занес в свою книгу следующее описание: «Василийское в России достоинство есть сант кооперенного боярина, за ним следует *антекарский* боярин, главный начальник жилищных и антекарей»⁵⁾. В 1628 г. упоминается о переводчике Антекарского Приказа Захарьеве, который был послан в Англию⁶⁾. От тридцатых годов XVII ст. сохранились уже многочисленные материалы, описывающие приказную организацию врачебно-антекарского дела в до-Петровской Руси.

¹⁾ Об этом см. подробную работу Е. Якунина «О Посольском приказе». Чтения в Им. Общ. Ист. и Древ. Росс. № 218, 1906 г. стр. 62.

²⁾ Ibid стр. 163.

³⁾ Лихачев, Дипломатика. СПб. 1891 г. стр. 100—102.

⁴⁾ Бадачев, Писемныя книги конца XVI в. СПб. 1877 г. т. I, стр. 811.

⁵⁾ Маржерет, Описание Российского государства. СПб. 1830 г. стр. 48.

⁶⁾ Писемныя, Државныя Российския Писемныя М. 1791 г. т. XX, стр. 278.

Во главе Антекарского Приказа «ради осторожительства великих государей здоровья» всегда стояли «ближайшие люди бояре», пользовавшиеся особым доверием. Къ сожалению, не сохранилось исторических данных для полного хронологического указателя лиц, заведывавших этим приказом. Князь Иван Борисович Черкасский состоял антекарским боярином с 9 окт. 1629 г. по 2 июля 1633 года¹⁾; боярин кн. Осодор Иванович Переметев с 19 апреля 1643 г. по 10 августа 1645 года²⁾; бояр. Борис Иванович Морозов да дьяк Микифор Вадков с 27 мая 1646 г. по 26 июня 1648 г.³⁾; бояр. кн. Яков Кудеменович Черкасский с 26 июня по 18 июля 1648 года⁴⁾; бояр. Иван Данилович Милославский с сентября 1651 г. по 18 февраля 1669 г., при нем были дьяки Иван Десятов, Михаил и Ефрем и подьячие Иван Зусь и Юрий Десятов; окольничий Иван Михайлович Милославский да дьяк Иван Десятов с 3 апр. по 24 августа 1669 года⁵⁾; думный дьяк Лукань Годосов и дьяк Петр Зыков да подьячие Иван Зусь и Семен Поникон с 7 июля 1670 г. по 5 ноября 1671 года⁶⁾; окольничий Артемий Сергеевич Матвеев и дьяк Иван Патриц с 14 марта 1672 г. по 4 апр. 1676 г.⁷⁾; бояр. кн. Иван Иван да врачей с пугель с 1682 г. боярин и дворецкий Василий Осодорович Одоевский с 1 янв. 1677 г. по 27 мая 1688 года⁸⁾, при них упоминаются дьяки Леонтий Меньшой, Василий Меньшой, Андрей Виниус и Матвей Чистов; 6 кн. Яков Иванович Одоевский да дьяки Иван Протопопов, Андрей Юдин и подьячие Леонтий Матвеев, Захар Навроцкий, Алексей Сафонов и Василий Протопопов с начала 1689 года по 25 мая 1697 года⁹⁾; дьяки Андрей Юдин и Иван Протопопов без бояр с 22 июня 1698 г. по 21 окт. 1699 года¹⁰⁾.

¹⁾ Материалы для истории медицины в России. Имение Медицинского Департамента. СПб. 1881—1885 гг. № 5—133.

²⁾ Ibidem № 149—209.

³⁾ Ibidem № 359—609.

⁴⁾ Ibidem № 621—625.

⁵⁾ Ibidem № 393—421.

⁶⁾ Ibidem № 428—470.

⁷⁾ Ibidem № 1232 и Иван Материалы по истории медицины. т. II, ч. II, № 32.

⁸⁾ Иван Материалы т. II, № 11—202.

⁹⁾ Ibidem т. II, № 203—т. III, № 71; Материалы т. II, стр. № 741, л. 218.

¹⁰⁾ Ibidem т. II, № 73—76.

Указанные нами даты не обозначают точных предельных времени начала и конца службы разных деятелей Аптекарского Приказа, но эти даты с наибольшей степенью правильности охватывают названные пределы согласно с изысканными историческими материалами.

Впервые изветия о чинах приказа были помещены в статье неизветного автора, напечатанной в Древней Русской Вивлиоикѣ. Затѣмъ къ даннымъ этой статьи, которую проф. Лухачевъ принимаетъ Миллеру, последующіе исследователи стали прибавлять свои дополненія. О продолжительности послѣднихъ можно судить, сопоставивъ наши данныя съ приводимыми разными авторами, извлеченія изъ сочиненій которыхъ приводимъ ниже въ прилѣжаніи ³⁾.

³⁾ Авторъ статьи, помѣщенной въ Вивлиоикѣ Попова (т. XX, стр. 178, перепечатанъ въ Аптекарскомъ Приказѣ, первое изданіе: въ 1961 г., изданъ Иванъ Десняковъ въ 1962 г., бояринъ Иванъ Даниловичъ Милославскій да князь Иванъ Десняковъ съ 1613 по 1668 г., князь въ 1671 г., князь, думный князь Тимофей Ивановичъ Головинъ да Петръ Зыковъ, въ 1678 г., бояринъ Иванъ Ивановичъ Ороескій, да князь съ кучкою князя Василия Освободовича Ороескій, князь Леонидъ Мещковъ, въ 1686 г., кн. Никола Ивановичъ Ороескій да бояринъ и думный кн. Василий Освободовичъ Ороескій, князь Андрей Бибиковъ, въ 1689 г., бояр. кн. Никола Ивановичъ умръ, февраля же въ 15 день указано сего приказа князя боярина князя Школу Ивановичу Ороескому съ приказомъ прекратить въ 1690 году прекратить.

Рихтеръ не указываетъ времени ликвидация приказа, отдѣленія дѣла, но перечисляетъ ихъ въ такомъ порядкѣ: Федоръ Ивановичъ Шереметевъ, Иванъ Даниловичъ Милославскій, князь Черкасскій, Борисъ Ивановичъ Морозовъ, кн. Никола Федоровичъ Ороескій, кн. Иванъ Ивановичъ Ороескій, Артемій Сергѣевичъ Матвѣевъ и проч. (Рихтеръ, ж. 1829 г., Истор. мед. ж. 2, стр. 4—5).

Во Введеніи въ издѣ Аптекарскаго Приказа исследовательница ставитъ: Н. Ф. Черкасскій (1637 г.), О. П. Шереметевъ (1642 г.), Б. В. Морозовъ (1646 г.), В. Д. Милославскій (1662—1688 г.), А. С. Матвѣевъ (1673 г.), кн. Н. И. Ороескій (1678—1686 г.), И. И. Ороескій (1689 г.)⁴⁾ добавляетъ: Протои и прочее: дано въ старинномъ Русѣ, Сказки 1891 г., стр. 209.

Зыковъ приводитъ списокъ помѣщенныхъ, а именно: кн. Н. Бор. Черкасскій 1629—? годъ, кн. Шереметевъ 1642—43; Бор. Н. Морозовъ 1645—54; Иванъ Данил. Милославскій 1649—50; судья Аптекарской палаты думный князь Лук. Головинъ съ приказомъ Петръ Зыковъ 1650—72; Арт. Серг. Матвѣевъ 1672 г. марта—70; Никола П. и Вас. Вас. кн. Ороескіе 1676—?; Зк. Ник. кн. Ороескіи 1697—711 г. были послѣдними⁵⁾ Зыковъ. Числа по разработкѣ исторіи Россіи СИБ. 1896 г., стр. 220.

Въ эти авторы не приводятъ источниковъ, на основаніи которыхъ они устанавливаютъ свои хронологическія даты.

Изъ другихъ исследователей Чистовичъ (Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи СИБ. 1883 г., стр. 2; и Хамановъ (Исторія медицинской школы въ Журн. Мин. Вн. Д. 1851 г., № 33, стр. 255) почти повторяетъ Рихтера, а Соболевскій (Характеръ и значеніе главнѣйшихъ Апт. Приказа СИБ. 1901 стр. 13) балансируетъ между Рихтеромъ и Чистовичемъ, называя, согласно Рихтеру, съ кн. Черкаскаго, которого Чистовичъ не упоминаетъ.

До настоящаго времени не опровергнуто предположеніе о преобразованіи Аптекарскаго Приказа въ 1672 г. въ Аптекарскую Палату. Впервые это предположеніе встрѣчаемъ въ статьѣ о приказахъ неизветнаго автора, помѣщенной въ уже цитированной Вивлиоикѣ. Новикова, гдѣ сказано: „Аптекарскій приказъ... въ записныхъ книгахъ упоминается съ 1658 г. по 1672 г., съ сего времени Аптекарская палата“ ¹⁾. Откуда это изветіе перешло въ „указатель Россійскихъ законовъ“ Максимовича, въ изслѣдованіе Рихтера, въ работы Чистовича, Хмирова и другихъ ²⁾.

По наиболее оригинальную позицію въ этомъ отношеніи занять Л. Зыковъ. Онъ утверждаетъ Рихтера и его послѣдователей въ томъ, что они не осмыслили русскихъ старыхъ словъ—палата и приказъ. По его мнѣнію, „дѣло было просто: приняли Ив. Андр. Милославскаго; мѣсто оставалось не приказанное, потому что подыскивали лишь для него, вотъ и стали его писать по извѣстному понятію—палатой. Въ 1654—1655 г. въ отсутствіи Ив. Дан. Милославскаго приказано вѣдать Аптекарскую Палату Ив. Андр. Милославскому (мат. № 653)“ ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія онъ останавливается „на томъ времени (2 іюля 1670 г. по май 1672 г. Мат. № 428, 430), когда во главѣ Аптекарскаго Приказа, называемаго тогда естественно не приказомъ, потому приказывать было некому, а Аптекарской Палатой, стоялъ думный дѣла Лѣконтъ Головинъ съ дякомъ П. Зыковымъ“ ⁴⁾.

О значеніи „русскихъ старинныхъ словъ—палата и приказъ“ мы высказались выше (см. стр. 78). теперь остается общія соображенія дополнить фактами. Фактическій матеріалъ для своихъ положеній Л. Зыковъ черпаетъ изъ цитированнаго нами четырехтомнаго изданія матеріаловъ для исторіи медицины въ Россіи. Обратившись къ этому источнику, видимъ, что 14 марта 1632 г. „Обтекарской палатой“ заведуетъ бояринъ кн. Иванъ Борисовичъ Черкасскій ⁵⁾. Въ томъ же году 3 іюля во главѣ центрального медицинскаго учрежденія находится тотъ же Черкасскій, а учрежденіе называется „Обтекарская Палата“ ⁶⁾. Въ 1656 г. въ чело-

¹⁾ Новикова. Древн. Рус. Вивлиоика М. 1791, т. XX, стр. 178.

²⁾ Рихтеръ. Op. cit. т. 2, стр. 6; Чистовичъ, Op. cit. стр. 2 и 472; Хмировъ. Русская военно-медицинская старина въ Военно-медицин. журн. 1869 г., т. CIV стр. 30.

³⁾ Л. Зыковъ. Op. cit. стр. 222.

⁴⁾ Ibidem, стр. 221—222.

⁵⁾ Материалы № 88.

⁶⁾ Ibidem № 134.

битной костюризной говорится, обь „Обтекарской палатѣ“, а заглавуетъ ею боярину Н. Д. Милославскій ¹⁾. Въ 1667 г. 10 января изданъ указъ боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому да дяку Ивану Десытову по поводу челобитной „скалничнаго дѣла заводчика Антоновской жены Коста, вдовы Марыицы“ и въ этомъ указѣ *одно и то же предположеніе* 7 разъ называется „Оптекарской палатой“ и 4 разъ „Оптекарскимъ Приказомъ“ ²⁾. Следовательно, выраженіе „Аптекарская Палата“ употреблялось не вследствие того, что изъ Апт. Приказа выбыла боярину и въ него оставались одни дяки или онъ получался временно какому-либо другому лицу. Это предположеніе Зыбена не оправдывается даже теми матеріалами, въ которыхъ онъ изъять доступъ.

Вообще нужно замѣтить, что *никакой реформы и никакого переименованія Аптекарскаго Приказа въ палату въ 1672 г. не произошло*. Эта реформа имѣла мѣсто только въ головахъ историковъ, которые привыкли читать въ историческихъ памятникахъ обь „Аптекарскомъ Приказѣ“, какъ центральномъ медицинскомъ учрежденіи, и когда въ документахъ, изъ извѣстныхъ съ 1672 г. замѣняло названіе „Аптекарская Палата“, то они долго не задумываясь, рѣшили что произошла реформа. Въ действительности ничего подобнаго не было. Въ самомъ дѣлѣ, въ памятникѣ отъ 8 сентября 1616 года учрежденіе, замѣняющее врачебнымъ дѣломъ, называется Аптекарскою Палатою, а въ документѣ отъ 2 июня слѣдующаго 1617 года уже Аптекарскимъ Приказомъ. Изъ этого мы заключаемъ только, что въ приказномъ дѣлопроизводствѣ „приказъ“ и „палата“ были выраженія синонимическія и употреблялись одно въ замѣну другого безъ всякой разницы. Названіе „Аптекарскій Приказъ“ нужно признать господствующимъ, оно свойственно какъ наиболѣе раннимъ памятникамъ, такъ и самымъ позднимъ.

Названіе „Аптекарская Палата“ встрѣчается, напримѣръ, въ листахъ отъ 8 сент. 1628 г., 13 февр. 1642 г., 7 июня 1643 г., 15 июня, 4 авг., 18 авг., 18 сент. и 14 дек. 1670 г., 19 мая 1671 г., 21 авг. 1672 г., марта 1674 г., 14 декаб. 1693 г., 22 июня 1698 г., 4 марта 1699 г., 23 авг. 1700 г.; а выраженіе „Аптекарскій Приказъ“ встрѣчается даже въ указахъ отъ 9 мар-

та 1700 г. и указахъ отъ 24 февр., 11 марта и 4 июля 1701 года и позднѣйшихъ указахъ, извлеченныхъ нами изъ разнѣдныхъ вѣдомъ и напечатанныхъ въ IV томѣ нашихъ матеріаловъ.

Больше того, въ некоторыхъ памятникахъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ употребляется то одно названіе, то другое. Такъ въ указѣ отъ 7 июня 1643 г. выраженіе „Аптекарская Палата“ употребляется трижды и одинъ разъ „Аптекарскій Приказъ“; въ одномъ мѣстѣ дѣла 1673 года употребляется первое названіе, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ второе; въ первой повѣсти на челобитной 1678 г. упоминается „Аптекарскій Приказъ“, а во второй повѣсти „Аптекарская Палата“; въ указѣ 4 сент. 1698 г. первое названіе встрѣчается четыре раза и одинъ разъ второе; а въ дѣлѣ 1697 г., т. е. спустя ровно четверть столѣтія послѣ воображаемой реформы, названіе „Аптекарская Палата“ употребляется двѣнадцать разъ, а названіе „Аптекарскій Приказъ“ семь разъ! ³⁾

Честь открытія реформы 1672 года принадлежитъ первому историку русской жизни Рихтеру. За нимъ почти сто лѣтъ *facile consensu* твердили обь этомъ другіе исследователи. Только профессоръ Л. Зыбень забранивалъ „открытие“ Рихтера и придумалъ весьма сложную комбинацію для объясненія переименованія Аптекарскаго Приказа въ Аптекарскую Палату. Теперь очевидно ненужность остроумныхъ комбинацій Л. Зыбена и, употребляя его выраженіе, мы по праву можемъ сказать „дѣло было просто“.

Мы должны разрушить еще одно заблужденіе относительно судьбы Аптекарскаго Приказа. Исследователи врачебной старины слѣдуя указаніямъ (добавимъ—не основаннымъ на историческихъ матеріалахъ) неизвѣстнаго автора статьи въ новиковской энциклопедіи и Максимовича, автора „Указателя Россійскихъ законовъ“ передаютъ, что Аптекарскій Приказъ, переименованный въ 1672 г. въ Аптекарскую Палату, былъ въ 1707 г. переименованъ въ Аптекарскую Канцелярію. На это переименованіе Рихтеръ указываетъ вскользь, какъ на фактъ ⁴⁾. Другіе же исследователи съ этимъ переименованіемъ связываютъ мысль о какомъ-то особенно благотѣльномъ преобразованіи.

¹⁾ Ibidem № 679.

²⁾ Ibidem № 390.

³⁾ Наши Матеріалы т. II, стр. 311, 12, 13, 208, 14, 201, 79, 139, 30, 75—77, 36, 39, 143, 155, 32, 37 и др.

⁴⁾ Рихтеръ опр. с. II, стр. 6.

По мнению проф. Чистовича, «Только в то время, когда Ант. Приказ, названный в 1672 г. Аптекарскою Палатою, переименован в Антек. Канцелярию (1707) и позже в Медицинскую Канцелярию (1725 г.), исл. утверждения совершенно измѣнились, и Россія увидѣла у себя настоящее центральное медицинское управление». ¹⁾ Прив.-доцентъ М. Лахтинъ, авторъ повѣстной работы по исторіи медицины в Россіи, повторяетъ почти тоже. Онъ пишетъ: «Аптекарскій приказъ продолжалъ существовать до Петра I, когда произошла ломка стараго строя и была преобразована вся приказная система управленія. Аптекарскій приказъ былъ реформированъ в Аптекарскую канцелярію, представлявшую собою уже болѣе высокую ступень въ административномъ управленіи врачебною частью Россіи» ²⁾.

Любопытно, что приведенныя мнѣнія Чистовича и Лахтина находятъ себѣ опору въ нѣкоторыхъ страницахъ Полнаго Собранія Законовъ, а именно: въ законѣ 31 декабря 1893 г., куда внесены докладъ Мин. вѣд. дѣлъ «о началѣ и переѣздахъ медицинскаго управленія еіс». Здѣсь мы читаемъ: «Въ семъ положеніи было управленіе врачебной части во время существованія Аптекарскаго Приказа, продолжавшагося съ нѣкоторыми переѣздами въ частѣ медицинскихъ чиновъ до времени Гос. Им. Петра I, или лучше сказать до 1707 г., когда учреждена или по крайней мѣрѣ по дѣламъ стала извѣстна походная Аптекарская канцелярія, которая потомъ подъ именемъ Аптекарской канцеляріи и совѣтъ Приказъ замѣнила. Подъ вѣдомствомъ сей канцеляріи Врачебная наука въ Россіи получила немаловажное приращеніе» ³⁾.

Утверждаютъ, что Аптекарская Канцелярія была создана въ 1707 г., по дню и мѣсяцу, когда произошло преобразование не указываютъ. Обратимся къ документамъ. До насъ дошли акты, направленные въ Аптекарскій Приказъ изъ разныхъ учреждений и обратно отъ 7 февраля, 1, 12 и 19 марта, 2 апрѣля, 4 октябрю, 7 ноября 1707 года и т. д. ⁴⁾

¹⁾ И. Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. СПб. 1883 г. стр. 3.

²⁾ М. Лахтинъ, Медицина и врачъ въ Московскомъ Государствѣ. М. 1906 г. стр. 87.

³⁾ Полн. Собр. Зак. т. XXVII № 21,065 стр. 1105.

⁴⁾ Арх. Мин. Внутр. Разрѣд. Балка № 11, л. 33; № 13, л. 42; № 43, л. 29; № 45, л. 54; № 12, л. 47; № 41, л. 74; № 11, л. 29.

Остается предположить, что преобразование совершилось въ самомъ концѣ 1707 года. Однако, имѣется помянутый 19 января 1708 года «Вел. госуд. указъ изъ Разряда въ Аптекарскій Приказъ къ Роберту Карлусовичу Арескину архіатеру и физику съ приваіріусу да комиссару Павлу Яковлевичу Беселовскому»... о посылкѣ врача Семена Робѣчева въ Казань. ¹⁾ Въ этомъ указѣ о канцеляріи ни слова, а Аптекарскій Приказъ повторяется 10 разъ. По указу 5 іюня въ Аптекарскій Приказъ были посланы для свидѣтельствванія 3 солдата ²⁾. По указу 11 февраля приняты въ ученики въ Аптекарскій Приказъ шведскіе Давидъ Рюда ³⁾.

Указаній на Антек. Канцелярію не находимъ и въ послѣдующіе годы. Такъ въ апрѣлѣ 1709 г. «по указу вел. гос. б. Тихонъ Пивановъ Стрѣльницъ приказать въ Аптекарскій Приказъ послать валять, чтобъ по росписи того лекарства изготовить» ⁴⁾. Въ 1710 г. «мая 26 да іюня въ 7 числахъ изъ указахъ вел. гос. изъ Разряда въ Аптекарскій Приказъ писано: велѣно въ Кіевъ для поименованія разныхъ людей въ кіевскомъ гарнизонѣ обрѣтающихся послать доктора да лекаря, а съ ними на 500 рублей лекарствъ» ⁵⁾. Въ этомъ документѣ Антек. Приказъ упоминается 6 разъ, а объ Аптекарск. Канцеляріи ни слова.

Любопытно по разбираемому вопросу мнѣніе Л. Забѣла, этого тонкаго начебника изъ рукописной литературы по врачебной исторіи. Онъ пишетъ: «Аптекарскій Приказъ (какъ и встарь, передвигаясь съ перемѣнъ, уносилъ, съ собою всю правительственную суть) растворяется въ Канцелярію походной аптеки (1707). Черезъ годъ слово «походная» долой, видимъ Аптекарскую канцелярію и часть ея засѣла плотно (1712) въ любезномъ Питерѣ, оставшаяся же часть сбрасываетъ новый мундиръ—видимъ Главную Аптеку. Наконецъ въ 1714 г. является добрый человѣкъ—Арескинъ. Будь, родной, архіатеромъ и похеръ всю пресидущую путанину. Т. об. соединится въ однихъ рукахъ учрежденіе «всего медицинскаго факультета» съ Канцеляріей главной аптеки» ⁶⁾.

¹⁾ Арх. Мин. Внутр. Разрѣд. Балка № 16, л. 96, л. 1—2.

²⁾ Ibidem № 47, л. 28.

³⁾ Ibid. № 46, л. 10, л. 3.

⁴⁾ Ibid. № 1, л. 128; См. также № 32, л. 347.

⁵⁾ Ibidem № 56, л. 8.

⁶⁾ Л. Забѣла, op. cit. 226.

Как всегда, Л. Зябелъ свои рассуждения окутывает замысловатой вязью въ византийскомъ стилѣ, рисунокъ которой полонъ оригинального „домысла“, скрывающаго простоту основы. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ построилъ свои соображенія названный писатель? Зябелъ съ другими, но на свой ладъ, онъ признаетъ, что въ 1707 г. Аптекарскій Приказъ былъ переименованъ въ Капеллярію, но онъ отрицаетъ существованіе архіатеровъ до 1714 г., которые, по его мнѣнію, появились только съ этого времени. Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія онъ категорически заявляетъ: „что съ 1643—1714 году никакого такого докторскаго, такъ сказать, приказа и никакого архіатера не было—доказываютъ намъ прямо документы“.¹⁾

Какіе же это „доказывающіе намъ прямо документы“? Говорышь, Зябелъ передаетъ, „что есть лиф бумаги, гдѣ въ латинской подписи Бюроистроста отца епископа—archiat“. Во вторыхъ, онъ напоминаетъ, что „тогда бывали въ ходу почетные титулы, напр. всѣмъ военнымъ объявленъ княземъ, не знатный (по-роду) посолъ писался намѣстникомъ царскихъ какихъ нибудь Серпухова“²⁾. Вотъ и всѣ „документы“!

Что въ теченіе XVII ст. архіатеровъ не было, едва ли нужно доказывать. Правда, въ уже цитированномъ докладѣ Александру I объ исторіи медицинскаго управленія писалось: „Приказъ сей (Аптекарскій П. П.) состоялъ изъ нѣкотораго числа придворныхъ медиковъ, изъ первенствующаго изъ нихъ, который именовался архіатеромъ. Онъ былъ подчиненъ одному изъ знатнѣйшихъ бояръ“³⁾. Но выше мы показали неослѣдимость автора доклада о прошломъ Аптекарскаго Приказа. Пересмотрѣвъ огромное количество дѣлъ этого приказа, мы не нашли въ нихъ указанія на архіатеровъ. Последние появились, какъ только приказъ перешелъ отъ бояръ—управителей къ докторамъ.

Какъ передать Чистовичъ, „последній бояринъ, управлявшій Аптекарскимъ Приказомъ, былъ кн. Як. Никит. Одоевскій, опредѣленный въ эту должность 25 февр. 1697 г. и оставившій ее ровно черезъ восемнадцать лѣтъ (17 февр. 1714 года)... На мѣсто бояр. кн. Я. П. Одоевскаго опредѣленъ былъ лейбъ-медикъ Петра I докторъ Робертъ Карловичъ Арескинъ (Robert Areskin) въ

должность архіатера, т. е. главнаго начальника всей медицинской части въ Россіи“.⁴⁾ Указъ объ утвержденіи его въ этомъ званіи, добавляетъ изслѣдователь, подписанъ 9 сентября 1716 года въ Главскѣ (въ Диншѣ).⁵⁾ Онъ даже приводитъ и указъ въ латинскомъ текстѣ и въ русскомъ переводѣ, къ сожалѣнію, не указывая, откуда имъ почерпнуты эти документы.⁶⁾

Если привозимые проф. Чистовичемъ указы представляютъ изъ себя подлинные историческіе акты, то на основаніи ихъ нельзя установить начала архіатерства. Изъ документа слѣдуетъ не то, что выводитъ Чистовичъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ Петръ I объявляетъ, что Роберта Арескина „за вѣрные его и усердное къ намъ усиленныя задуши, чиноу и характеромъ дѣятелн, статскаго советника нашего полагавша соизволенію“. Что же касается архіатерства, то аттѣлъ указомъ соизволенія „въ поминутомъ чинѣ *medicorum*“.⁷⁾

Ясно, что архіатеровъ Арескинъ былъ и ранѣе 1716 года. Дѣйствительно, имѣются указы 6 марта и 4 апрѣля 1706 года, написанные цар. Разрядъ въ Аптекарскій Приказъ къ Роберту Арескину *арсінтеръ* аптекаріусу примаріусу да въ дѣлу Ивану Певѣзину“.⁸⁾ Указы 1, 12, 19, марта и 2 апрѣля 1707 г. и 23 янв. 1708 года изъ Разряда писались въ Аптекарскій Приказъ „къ Роберту Карловичу Арескину, *арсінтеръ* и физикусу, примаріусу да въ комисару Павлу Ивановичу Веселовскому“.⁹⁾

Слѣдовательно, мы располагаемъ документами, которые „прямо доказываютъ“ ошибочность мнѣнія Зябелъ о появленіи во главѣ приказа архіатера съ 1714 г. и мнѣнія Чистовича, приурочившаго архіатерство Арескина къ 1716 г., а въ частности и неправильность утвержденія Чистовича о томъ, будто-бы 6. кн. Як. Никит. Одоевскій стоялъ во главѣ приказа до 1714 года. Уже въ концѣ XVII ст. во главѣ Аптекарскаго Приказа мы не находимъ воеводу (см. стр. 79). Съ начала же XVII ст. Апт. Приказъ вручается лицамъ медицинскаго персонала—архіатерамъ, и не по титулу, какъ думаетъ Рихтеръ,¹⁰⁾ а по должности.

¹⁾ Чистовичъ. Опр. сб., стр. 472—473.

²⁾ Ibidem стр. 473, примѣчаніе первое.

³⁾ Ibid. Приложение стр. ССCLXVI и ССCLXVII.

⁴⁾ Арх. Мин. Вост. Разр. Бал. № 43, л. 12; № 43, л. 29; № 43, л. 54.

⁵⁾ Ibidem № 11, л. 74; № 16, л. 30; № 47, л. 28.

⁶⁾ Рихтеръ. Опр. сб. т. III, стр. 39. Мнѣніе Рихтера объ архіатерахъ, покоряетъ Петровъ, авторъ обширной духовной работы „Собраніе русскихъ законовъ о медицинскомъ управленіи (стр. XIV)“ и Хвирова. Опр. сб. стр. 37.

¹⁾ Ibidem стр. 224.

²⁾ Ibidem стр. 224.

³⁾ Писм. Собр. Заповѣдъ т. XXVII, № 21105 стр. 1104.

Приказу были подчинены все лица, имевшие какое-либо отношение к врачебному делу: доктора, лекари, окулисты, чечучинные и чечучинные лекари, шарудники, рудоветы, горнанные мастера, костоправы, аптекари, алхимики, лекарские и аптекарские ученики, травники и помысы. Кроме того, для делопроизводства были назначены дьяки, переписчики, и переводчики. Случайно, кажется, из ведомств этого приказа были отнесены часовых дел мастера, знаменщики и брегмейстеры.

Докторами из то время назывались лица, получившие высшее медицинское образование из иностранных университетов и лечившие внутренние болезни.

От докторов строго отличались лекари, которые занимались исключительно хирургическими операциями и лечением наружных болезней.

Вообще тогда деляли «лекарственную мудрость» на три статьи: дохтуров и аптекарей и лекарей, потому что дохтуров совет свой дасть и приказывают, а сами тому неспособны; а лекарь «прикладывает» лекарством лечить и сам неучен; а аптекарь у них у обоих повар...¹⁾

Практическая жизнь оказывалась сильнее теоретического расчленения медицинского знания и лекарь иногда приходилось в провинции лечить от всех болезней. Но из теории обособление специальностей до такой степени было строго, что когда в 1631 г. Филипп Брюль заявил о своем знании и лекарского и аптекарского дела, то допрашивавший его боярин Фед. Ив. Череметев велел спросить, между прочим, и коль давно отворяет аптеку и для чего отворяет, то дело лекарское, а не аптекарское²⁾. С другой стороны, в 1675 г. лекарь Степань Алексеев был послан Аптекарским Приказом лечить казанского даяра Тайву и по освидетельствовании его доложил: «то дело дохтурское, а не лекарское, потому что болезнь внутренняя»³⁾. В 1706 г. в Аптекарском Приказе жилец Василий Пятков осматривал лекаря Ягана Августа Тонаса «для

¹⁾ Наполеон смутно озаглавил оба Аптекарского Приказа, именно, вразряд, потому, что из обширной работы проф. Добинского «История приказного строя Московского государства» (Спб. 1900 г. стр. 409) находим: «Аптекарский Приказ впадал аптекарем, докторами и лекарями. Служившие в Московском Аптекарском Приказе назывались аптекарскими, докторскими и лекарьскими дьяками».

²⁾ Акт истор. ч. III № 363 стр. 495.

³⁾ Там же № 541.

для того, что у него Василия болели, нарушая на левой ноге язвы, и то было лекарское, а не дохтурское»⁴⁾.

Все специалисты врачебной науки впадали, *всего* Аптекарский Приказом: приказ занимался приглашением врачей и аптекарей из-за границы, выдавал жалование, распределял между ними обязанности, увольнял от службы и даже судил, лишь Аптекарского Приказа между собою и разбирали их тяжбы с другими. Комиссия приказа распространялась также на провинциальную врачебно-аптекарскую службу, а не ограничивалась пределами Москвы, как думает проф. Сергеевич⁵⁾.

Аптекарский Приказ имел свой особый бюджет доходов и расходов. Расходы производились на содержание приказных зданий, аптеки, сада, огорода и лишь, каким-либо образом причисленных к приказу. Необходимые суммы получались от Большого двора и приказа Большой казны, иногда получались деньги и от других приказов⁶⁾. Повгородской четверти, Бостромской четверти; из Сибирского приказа брались соборы и купцы, которыми очень часто увеличивалась иная половина жалования.

Во второй половине XVII ст., когда была открыта в Москве Новая аптека для продажи и для себя лекарств «всехких чинов людех», все расходы приказа покрывались доходами этой Новой аптеки, а также специальными доходами с деревень и сел, приписанных к приказу.

Годовой бюджет приказа представлялся довольно значительным. Так в 1681—1682 г. годовой доход был 10098 руб., 9 алтын полт. 2 денги, расход 8490 р. 33 алт.; в 1693—4 г. за 9 месяцев доход 7261 р. 19½ к., расход 6520 руб.⁷⁾

При Михаиле Одеровиче (1613—1645) по сведениям проф. Загоскина были приняты на службу 8 докторов, 5 лекарей и 4 аптекаря⁸⁾.

В действительности состав врачебного персонала был иной, а именно: 7 докторов — Артемий Див, Валентин Билев, Артемий Грамань, Евань Бклау, Венделин Сибелин, Илья Полуданус и Романь Пау; 13 лекарей — Клеусь Алерт, Озерский Озерский, Кашинь Давидов, Матей Андреев, Антъ Шлюц,

⁴⁾ Арх. мин. Юст. Раср. изд. № II, ч. 67.

⁵⁾ Сергеевич. Док. и указ. стр. 277.

⁶⁾ Материалы по ист. мед. №№ 536, 537, 929, 1316, 1597, 1643—48, 1656.

⁷⁾ Рук. ист. ч. II, стр. 17—18; материалы № 1656.

⁸⁾ Загоскин, Опр. ист. стр. 48.

Вилихъ Крахортъ, Матейъ Кинфинъ, Елизарій Ролонть, Иванъ Генникъ, Томасъ Угитъ, Самонъ Камъ, Каширъ, Бартеловъ и Андрей Шингтеръ; 4 аптекаря—Андрей Ивановъ, Филиппъ Бріотъ, Филиппъ Никлаусъ и Романъ Удльновъ; 3 алхимиста—Вилихъ Смитъ, Христофоръ Нухнеръ и Томасъ Винсъ; наконецъ окулисты Давидъ Брунъ¹⁾. Кроме того Рихтеръ проводилъ имена лекарей Ериха Андерсона, Николая Петерсона, Николая Алагра и аптекарей Арсензена, Иоанна Годзена и Равалия Варлея²⁾.

Докторъ Валентинъ Билль (старшій) находился на службѣ съ 1615 по 1633 г. Пріѣхавъ онъ въ Москву изъ Голландіи и все время пребывания въ лейбъ-медицахъ пользовался большимъ расположеніемъ царя. Другой докторъ, Артемій Дій пользовался репутаціей ученаго врача и былъ сначала лейбъ-медикомъ у англійскаго короля Якова, которому, по просьбѣ царя, и былъ присланъ и отпущенъ въ 1621 г. въ Москву. Въ 1634 г. онъ былъ отпущенъ въ Англію, гдѣ снова сталъ придворнымъ докторомъ.

Докторъ Венделинусъ Сибелестъ пріѣхавъ въ Москву въ 1634 г. на мѣсто своего предшественника Артемія Дія. Сибелестъ сильно напоминалъ собою доктора Роберта Якоби: онъ, какъ и послѣдній, кроме медицины принималъ на себя различныя политическія миссіи. Такъ, напримеръ, въ 1641 г. онъ выѣхалъ на родину съ тайнымъ порученіемъ устроить сватовство датскаго принца Вольдемара за царевну Ирину Михайловну. Въ 1643 г. онъ принималъ дѣятельное участіе въ леченіи Михаила Осодоровича, который съелъ въ постель отчасти вследствие неудавшагося сватовства, отчасти вследствие тревожныхъ слуховъ, то изъ Турціи, то изъ Польши о повозѣ самозванца—сына Марии Мишицы. Врачи заявили, что болѣзь приключилась „отъ многа сидѣнья и отъ холодныхъ итей и отъ дезаголіи сирѣчь крупица“. Были прописаны царю лекарства потогонныя, мочегонныя и слабительныя; установлена была также диета: „въ обѣдѣ позволено употребить супъ изъ курицы (уха теплая съ куратиною), для итей теплой квасъ или пива, а вечерняго кушанья не держать“³⁾. Несмотря на энергическія успія Сибелеста и его товарищей царь скончался 12-го іюля. Немного спустя Сибелестъ покинулъ Россію съ добрыми словами отъ Алексея Михайловича⁴⁾.

¹⁾ Материалы №№ 15, 82, 87, 102, 87, 78, 103, 106, 116, 168, 68, 207; Памят. мед. період. т. II, №№ 137—143.

²⁾ Рихтеръ, *Op. cit.* т. 2, стр. 87—101.

³⁾ Рихтеръ, *Вспр. мед. въ Россіи* XV прибав.

Иоаннъ Бѣлау былъ сначала профессоромъ въ Дерптѣ, а потомъ по рекомендаціи Сибелеста былъ приглашенъ лейбъ-медикомъ въ Москву¹⁾. Въ пригладеніи къ нему грамотѣ, между прочимъ писали: „Вѣдомо намъ Великому Государю, нашему царскому Величеству учинилось, что ты дохтуръ ученый и смышленый, всія человѣческія болѣзи начашо лечити умѣешь. А нашему царскому Величеству такой дохтуръ годенъ“²⁾. Онъ лечилъ царя Михаила Осодоровича и королевича Вольдемара, производилъ многочисленныя медицинскія эксперименты³⁾. Между послѣдними наиболее интересно его заключеніе о болѣзи Григорія Горихвостова, у котораго онъ нашелъ страданіе отъ гнисты.

Послѣ послѣдней службы онъ былъ отпущенъ 16 дек. 1657 г. на родину, гдѣ оставался до конца жизни своей несмотря на неоднократныя усиленныя приглашенія опять пріѣхать въ Москву.

Большинство лицъ, пользовавшихся отношеніемъ къ медицинѣ въ первой половинѣ XVII ст. было настолько велико, что въ 1627 г. въ отпискѣ Михаила Осодоровича архангелскому воеводѣ писали: „у государя есть дохтуры и лекари мнозихъ земель и провинцій московскаго государства“. Въ другой грамотѣ отъ 1641 года къ отбѣтъ на челобитіе „испанскія земли родима Антонія Андрыаса, дохтура, который всія болѣзи у человека умѣетъ и лечитъ“ о пріемѣ его на службу, между прочимъ было сказано: „въ нашемъ московскомъ государствѣ дохтуровъ и лекарей и аптекарей и бѣль него *много* и по нашему указу для дохтурства въ наше въ московское государство принимать не велѣно, а велѣно его отпустить назадъ въ литовскую сторону и онъ бы ѣхалъ въ литовскую сторону со всякъ съ чѣмъ пріѣхалъ“⁴⁾.

Въ царствованіе Алексея Михайловича врачеваніи персональнее болѣе увеличилось и въ рядъ были допущены архимандритъ Московскаго Покровскаго монастыря, писавшій въ своей челобитной о пріемѣ къ нему доктора пѣмчана Андрея „сборбю, государь, нѣмѣ болше году и *много* лекари отъ всякъ языкъ, которые *живутъ въ Москвѣ*, приходили ко мнѣ и повѣли мнѣ не учинили

¹⁾ Ibid. Прибавленіе № XVII.

²⁾ Ibid. Прибавл. № XVIII.

³⁾ *Акты ист.* т. III №№ 226, 246.

⁴⁾ Москов. Арх. Мин. Звѣд. Вѣдом. св. Сводъ 60, л. 101—102.

никаки отъ болѣзни; и какия болѣзни въ нихъ есть, и они никто не могли разумѣть" ¹⁾.

По свидѣніямъ проф. Загоскина при Алексѣѣ Михайловичѣ было принято на службу 11 докторовъ, 3 лекаря, 6 аптекарей и 1 глазной врачъ. ²⁾ Въ действительности ихъ было несравненно больше. По нашимъ *неполнымъ* свидѣніямъ, кромѣ врачебнаго персонала, перешедшаго отъ Михаила Оседоровича, при Алексѣѣ Михайловичѣ были приглашены: 13 докторовъ—Бернардъ Розенбургъ, Томасъ Вилсонъ, Левъ Личфинусъ, Самуилъ Боллинсъ, Яганъ фонъ Френделъ, Яганъ Костеріусъ, Лаурентій Блюментростъ, Валентинъ Валентиновъ, Иванъ Лудвигъ и Ергаръ Диклеръ; ³⁾ 27 лекарей—Иванъ Алабанусъ, Андрей Энгартъ, Василій Уильфъ, Юрій Схидеръ, Петръ Робкертъ, Николай Сиктъ, Давыдка Берювъ, Елюхъ Штеппъ, Илья Штокманъ, Соломонъ Енка, Куріанъ Кутеночъ, Харитонъ Семеновъ, Куріанъ Степановъ, Оска Бораконъ, Симонъ Зомеръ, Иванко Островскій, Харитонъ Лобенскій, Юрій Макъ, Яковъ Починскій, Юрій Ягановъ, Флоръ Диклеръ, Сеппа Ларіоновъ, Лука Салтыцковъ, Янко и Нахомко Ивановы, Иванъ Грамонъ и Яганъ Кладборхъ ⁴⁾; 5 аптекарей—Романъ Бишпанъ, Крестіанъ Эслеръ, Андрей Гензель, Яганъ Гутбюргъ и Францъ Шлатеръ; ⁵⁾ окулисту—Иванко Малгорнъ ⁶⁾ и 4 алхимиста—Марко Юрель, Петра Ниль, Беніусъ Ганеландъ и Яганъ Зеттингастъ ⁷⁾.

Въ послѣдующее время специалистовъ врачебнаго званія становится еще больше. И нѣтъ никакого основанія слѣдовать общему мнѣнію историковъ, полагающихъ, что врачебная организація у насъ начала складываться съ времени Петра Великаго.

Аптекарскій Приказъ былъ связанъ неразрывно съ другими учрежденіями своего времени. Нисколько не поступаясь своей самостоятельностью, онъ вѣдь постоянно сношеній съ другими приказами и имъ соотвѣстственными мѣстами. Прислание врачей

¹⁾ Наши „Черты кр. практикы“, Арх. Оп. Палаты № 9, стр. 101.

²⁾ Загоскинъ Оп. cit. стр. 10.

³⁾ Матеріалы Оп. cit. №№ 531, 338, 408, 279, 270, 361, 385, 397 и Наши Матеріалы т. II, № 87 и 105.

⁴⁾ Наши Матеріалы т. II, №№ 91, 92, 93, 94, 106, 107 и Мат. № 211, 252, 269, 332, 340, 389, 1215, 649, 280, 288, 319, 332, 340, 408.

⁵⁾ Матеріалы № 266, 283, 305, 461, 531.

⁶⁾ Ibidem № 388.

⁷⁾ Ibidem № 297, 319, 408, 531.

за границей, веденіе съ ними переговоровъ, проформа ихъ документовъ, отпуски на родину и т. д. ставили Аптекарскій Приказъ въ необходимость сношеній съ Посольскимъ Приказомъ. Разсылка врачей и лекарей въ военскія части вынуждала сношенія съ Разрядомъ, военнымъ министерствомъ того времени. Разнаго рода хозяйственныя операціи Аптекарскій Приказъ вѣлъ черезъ финансовыя и мѣстные приказы, какъ то: Большую Казну, Приказъ Большаго Прихода, Новгородскій Приказъ, Казенный Приказъ, Казенный Дворъ, Сибирскій Приказъ, Мастерскую Плату и т. д. ¹⁾.

Изъ однихъ учрежденій Аптекарскій Приказъ получалъ денежныя суммы на содержаніе врачебнаго персонала, изъ другихъ сукно и разныя матеріи, изъ трестыхъ кони и посуду, изъ четвертыхъ мѣха, изъ пятыхъ готовое платье, изъ шестыхъ собственныя припасы и т. д.

Эта разбросанность дѣлъ Аптекарскаго Приказа иногда приводила къ весьма нежелательной затѣлкѣ функцій различныхъ агентствъ и неудовольствію отъявлялась на гибкости всего учрежденія. Такъ, напр. въ 1669 г. датскій докторъ Нильсъ Андерсонъ былъ опредѣленъ на службу съ указаніемъ ему получить жалованье изъ приказа Большаго Прихода. Но оттуда получился отвѣтъ: „Денежныя казны въ приходѣ нѣтъ, дать нечего, и которыя деньги въ сборѣ были, и тѣ деньги по указу великаго государя розданы въ кормовыя деньги вселенскому патриарху и грузинскому царевичу, и инымъ великихъ чиновъ, ратнымъ людямъ, ратникамъ, и выходнымъ и ружейнымъ на жалованье, и которыя деньги въ сборѣ будутъ, небольшія-ка, и тѣ деньги розданы будутъ тѣмъ же людямъ въ кормы и на жалованье.“ Въслѣдствіе подобнаго отвѣта пришлось направить доктора въ Приказъ Новгородской чети, который и долженъ былъ въ будущее время присылать въ Приказъ жалованье для доктора, командированнаго на службу въ Бѣлгородъ ²⁾.

Подобный же случай имѣлъ мѣсто въ 1673 г. съ русскимъ лекаремъ Андреемъ Оседовымъ и лекарскаго дѣла ученикомъ Аоонкой Мартыновымъ. Они были посланы на службу также въ Бѣлгородъ; но, за отсутствіемъ денегъ въ казѣ Аптекарскаго

¹⁾ Наши Матеріалы т. I, ст. 31, 61—65, 85, 189 и II, стр. 1, 5—20, 30 *passim*.

²⁾ Приложение стр. 64—65.

Приказа, не получили подъемных. По той же причине было указано „государево жалование годовое и кормовые деньги дать имъ въ полку“, но изъ Разрядъ послѣдовала память, что „въ Разрядѣ денегъ нѣтъ, а которые изъ Разрядѣ денежные доходы иждома, и тѣ деньги отсылають изъ городовъ въ Сѣвскъ и въ Бѣлгородъ на жалование тѣхъ полковъ ратнымъ людямъ. И по той памяти изъ А. П. лекарствъ безденежно не давать и жалѣть, лекаръ и ученики живутъ на Москвѣ.“¹⁾

Врачебный персоналъ, совершенно неудовлетворенный денежными и кормовыми довольствиями, понижено, испытывалъ затруднения, но еще болѣея непритворности возникали въ случаяхъ, когда воинскія части не могли добыть лекарства и лекарей вслѣдствие все той же многочисленности промежуточныхъ инстанцій между Антисарскимъ Приказомъ и военными отрядами.

Вотъ, въ казняхъ, полныхъ трагизма, выраженіяхъ обрисовывается указанное положеніе изъ челобитной Григорія Ромодановскаго, который писалъ государю: „имѣю мы холопи твои съ твоими великаго государя ратными людьми на твоихъ в. г. службѣхъ въ задѣланныхъ городахъ, а для леченія твоихъ в. г. ратныхъ людей въ полку у насъ лекаръ нѣтъ, а которые твои в. г. ратные люди годъ городомъ Черкасами на приступахъ и въ прошлыхъ годахъ на твоихъ в. г. службахъ ранены и имѣю раны ихъ у многихъ отворились, и тѣхъ, государь, ратныхъ раненыхъ великихъ чиновъ людей лечить некому, да и полковники и все начальные люди у тебя в. г. просить, а къ намъ х. т. приходять съ болѣзною докучаю и приносятъ челобитныя безарестивно, чтобы ты в. г. пожаловалъ ихъ, велѣть имъ изъ полки прислать лекаръ, а безъ лекаръ, государь, въ полку у насъ некоторыми мѣрами быть не можно“²⁾.

Этотъ вопль отчаянія раздался послѣ неоднократныхъ челобитныхъ Ромодановскаго о присылкѣ врача. Объ этомъ онъ просилъ 23 іюля 1671 г., 1 сент., 27 февр. и 30 апр. 1672 г., 13 марта 1673 г., 7 декабря того же года и 2 января 1674 года.

Менѣе поразительный, но все же яркій примѣръ волекиты и тренія представляетъ челобитная Гришки Косогова отъ 8 февр. 1687 г., писавшаго „ратные люди будучи на вашей в. г. служ-

бѣ въ Запорогахъ многие заскорѣли, во ртахъ вышудась цинга и ноги пухнуть, а лекаръ Аонасій Мартыновъ съ товарищами намъ х. т. сказали, на тѣхъ де болѣзняхъ лекарствъ съ нами не послано, и укусу и сбитию, и вина на дану болѣзнымъ ратнымъ людямъ... не прислано“. Послѣдовало указъ 13 февраля послать Косогову просимые укусы, сбитень и вино изъ Сѣвска. Но, не получивши ничего до 1 марта, Косоговъ снова бѣсть челомъ. Черезъ два дня въ Сѣвскѣ дѣлится указъ: „Безъ всякаго мотанія чтобы тѣ хлѣбные запасы и укусы и сбитень и вино въ Запороги довести шибкими зимними путями“. Въ тотъ же день Косогову предписано давать лекарства „самымъ болѣзнымъ“. Повно черезъ мѣсяцъ объ отпускѣ изъ Косогову просимаго транспорта пишется и посылается указъ уже новому вѣдшему начальнику Голышину. Не получивъ просимаго, Косоговъ опять бѣсть челомъ 28 марта и уведомляетъ, что болѣзнь свирѣпствуетъ попрежнему „и отъ того не мало померло“. На другой день пишется новое подтвержденіе Голышину о выношеніи указа³⁾. Въ документахъ, изъ сохранившихся, нѣтъ указанія на то, чѣмъ кончилось въ данномъ случаѣ снабженіе многотысячныхъ медикаментами, но и безъ того видно, какъ „медленно поспѣвали“.

Большой интересъ представляетъ доносъ о томъ, какъ лечили наши князья, московскіе цари и члены ихъ семейства. Въ дѣтошескихъ мы встречаемъ, объ этомъ свѣдѣнія различной полноты. Въ однихъ случаяхъ дѣтошескіе констатируютъ только фактъ болѣзни или смерти, въ другихъ указываютъ причину той или другой, въ третьихъ подробно описываютъ теченіе болѣзни, въ четвертыхъ даютъ весьма подробныя указанія на способы леченія.

Въ 988 г. „Володимѣръ же болѣеши ошкы, и пришла къ нему царица, речеши: „то аще хоуеши болѣзнь сѣя изыти, то крестися“... Епископъ Горечевскій осласилъ крести и, возложъ руки наъ, и абіе прозрѣ“⁴⁾.

Въ 1076 г. „преставился Святославъ сынъ Ярославъ, мѣсяца декабря 27, отъ рѣзанія желчи и положенъ бысть въ Черниговѣ“⁵⁾.

Въ концѣ XI ст. врачъ армянинъ неудачно лечилъ великаго князя Киевскаго, великаго князя Владимѣра Мономаха⁶⁾. Въ 1152

¹⁾ Наши Матеріалы т. стр. 142.

²⁾ Наши Матеріалы т. стр. 190.

⁴⁾ Наши Матер. т. II 315—21.

⁵⁾ Полное Собраніе рус. дѣл, т. IV, Псковск. л. Сиб. 1818, стр. 175.

⁶⁾ Ibid. т. XV дѣло, черес. Сиб. 1863 г. стр. 173.

⁷⁾ Матеріалъ Псковск. М. 1768 стр. 125—127.

г. галицкий князь Владимиръ, идя изъ перемы, почувствовать, что его кто-то „ударилъ за плече и не може съ того мѣста ни жало поступити и хотѣ дѣлѣти: и ту подхитивъ и подъ ручѣ, и несомъ и въ горенку, и вложивъ и въ укроитъ, и молвахуть яко два естъ подступила, ииѣ же другою молваху, и много прикладывахуть“. И въ ту же ночь Владимиръ умеръ ¹⁾.

Въ 1154 г. Вячеславъ Владимировичъ Ярославъ, снѣвъ „въ сѣю ночь шлъ бѣ съ своею дружиною въ веселѣи и леже спати и такъ боже того не вѣста“ ²⁾.

Въ 1158 г. Юрій Владимировичъ кievскій „дѣйався со своимъ уишесъ безъ мѣра, отъ сего штія разболѣся и во штіи день умеръ“ ³⁾.

Въ 1162 г. „преставился князь Иванъ Ростиславичъ рѣкомъи Бѣрѣдинскъ, въ Селушѣ шіи такъ молвахуть, яко съ отравы бѣ ему смерть“ ⁴⁾.

Въ 1174 г. „Преставился Святославъ Юрьичъ въ Судамѣ брать великаго князя Андрея... ѣмни на себѣ злую chorobу отъ юности даже до смерти“ ⁵⁾.

Въ 1206 г. „преставился великаго княгини Всеволожа Марія... бѣше же посѣщена болѣзнию и лежаше въ немощи седми лѣтъ... и тако страданше седми лѣтъ въ велицей болѣзни“ ⁶⁾.

Въ 1287 г. лѣтописецъ повѣствуетъ болѣе значительныя подробности о болѣзни князя: „Володимеру Васильковичу великому князю лежану въ болѣзни четьре лѣта, болѣзнь же еице емажехъ: нача ему гнити исподни устѣа, первого лѣта мало, на другое и на третье болѣа нача гнити, и исподни же четвертому лѣту и наставшее зимѣ, и нача болѣа немочи, и оица ему все мясо съ борода, и зубѣ исподни выгниша вси и челюсть бѣрѣдѣа пересни, и бѣше вытѣли гортани; и не вкуша по семь недѣль ничего же“ ⁷⁾.

Въ 1287 г. „бѣше мѣтежъ въ Новѣи Города на Семѣа Михайловича... а Семѣа приѣхала владѣицѣ, а владыко проводи его

¹⁾ Н. С. Р. Л. Носовъ, *изв.*, СПб. 1843 г., т. II, стр. 72.

²⁾ Н. С. Р. Л. Носовъ, *изв.*, СПб. 1856 г., стр. 61—62.

³⁾ Носовъ, *Собр. Руск. Лѣтописей Густинская*, СПб. 1843 г., т. II, стр. 304.

⁴⁾ Н. С. Р. Л. Носовъ, *изв.*, СПб. 1843 г., т. II, стр. 91.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 316.

⁶⁾ Н. С. Р. Л. Носовъ, *изв.*, СПб. 1885 г., стр. 49.

⁷⁾ Н. С. Р. Л. Носовъ, *изв.*, стр. 219—20.

мои
сод
при
деи
чип

на
ни
те
чип
на
ша
тѣ
лѣ
на
со
кар
бы

на
Смо
Нѣ
Эт
врем
скри
нах
сло
Цар
до
ри
кри
Але
шени
тѣ
руб
ра Гу

что
себѣ
мно-
уда-
ему

мыли
омъ
въ
себѣ
инъ
док-
два
те-
те-

око
ю и
юй-
на
мо-
ле-
уд-
бо-
ты
съ
те-
ца-

те-
ри-
яду
ца-

года

по святую Софію, а завтра сподобися въ любовь, Селеонъ по-
мале дни разболѣлся полѣзною и лежалъ нѣсколько дней" ¹⁾.

1367 г. „той же зимы князь Михаилъ Васильевичъ Кашин-
скій изъ монастыря перыкова Пресвятыя Богородицы повелѣлъ
снести внутри града, и мѣсто то святое раскопати и во гробѣхъ
мертвыхъ кости разрушати... и бысть болязи, незнаема князю
Михаилу Васильевичу и князю его болязи, веда незнаема и
тяжка зѣло. Самого же его Богъ помилова, а княгиня его Ва-
сильиса преставися" ²⁾.

Въ 1387 г. „Той же весны по велице дни князю Юрию Дмит-
ріевичу болязи, тяжка бысть зѣло, но Богъ помилова его.
Той же весны мори бысть великъ во Некоуѣ, а болязи знахения
желѣзою" ³⁾.

Въ 1389 г. Дмитрий Ивановичъ Донской „потомъ разболѣлся
и прискорбѣнъ бысть добръ и наки легчѣе ему бысть... и наки
спадѣ въ большую болязи и степеніе приде въ сердце его, яко
и внутренемъ его торжастися и разумѣ приближающъ концы
житія его" ⁴⁾.

Въ 1427 г. умеръ изъ Москвы князь Василий Владимировичъ
„прищелъ, кому умереть ино принцъ сынъ, и въ третей день уми-
раше, а кому живу быти ино принцъ черень да долго лежалъ
дождеже вынѣсть" ⁵⁾.

Въ 1441 г. умеръ князь Дмитрий Юрьевичъ Красный. О смер-
ти его летописецъ повѣствуетъ: „бысть же нѣчто дивно въ бо-
лязи его: пресе бо глухота бысть ему и болячка въ немъ дви-
жеса, и бысть болязи тяжка ему зѣло, яко на мнози дни ничто
же прѣйти ему въ уста свои, ниже ена бываше ему... мѣсяца
сентября 18 съвершиша литургію и пришедшу священнику съ
святыми дары, а у него кровь пустился изъ обою поздри, яко
прудни текуху, и много иде ея... Отень же его духовный Іосія...
заткну бумажкою поздри его". Постѣ этого кровь остановилась
и князь заснулъ, но черезъ нѣсколько часовъ онъ сталъ отхо-
дить. Его отчитали и одѣли, почью же онъ сорвалъ покрывъ и
еще прожилъ два дня въ безпамятствѣ. Когда онъ скончался,

¹⁾ Новгород. Лѣтоп. СРБ, 1879 г., стр. 22

²⁾ Н. С. Р. А. Никоновск. Сб. СРБ, 1897 г., т. XI, стр. 12.

³⁾ Ibid, стр. 94

⁴⁾ Ibid, стр. 113

„положиши его въ колоду и осмоливше съ полстѣмъ повезоша на Москву на носилѣхъ“... А черезъ 23 дня „разсѣкова о немъ колоду живце только кости обрѣсти, и открывше видѣша всего цѣла суца, лице же его бѣло, яко усыпаго, не имѣя черноты ниже синеты“¹⁾.

Въ 1462 г. великій князь Василій Васильевичъ разболѣлся „сухотною“ болѣзнію и по обычаю того времени „повелѣ у себя живца тнуть на хребтѣ болѣзни ради сухотныя, и съ тѣхъ ранъ разболѣся и преставися“²⁾.

Въ 1467 г. „преставися великая княгиня Марія великая князя Ивана Васильевича тверянка отъ смертнаго зелья, занеже познаху потому, покровѣ на ней положиша, шно много свисло сего, потому же то тѣло разошлось, шно тотъ покровѣ много не досталъ на тѣло“³⁾.

Вышеприведенныя лѣтописныя свидѣтельства съ достаточною ясностью описываютъ отсутствіе врачебной помощи со стороны специально образованныхъ лицъ. Подобные специалисты появляются въ Москвѣ лишь на исходѣ XV столѣтія. О практикѣ первыхъ изъ нихъ мы уже говорили (см. стр. 67). Что касается послѣдующихъ, то свѣдѣнія объ ихъ участіи въ леченіи царскихъ особъ съ XVII ст. становятся довольно полными. До насъ дошли болѣе подробныя описанія леченія Михаила Осодоровича, Алексѣя Михайловича и Осодора Алексѣевича.

Въ 1643 г. царь Михаилъ Осодоровичъ заболѣлъ „рожею“, отъ которой лечили его Артемъ Грязанъ, Іоаннъ Бѣлау и Вилихъ Крамеръ. О болѣзни и леченіи ся были составлены врачами „сказка и вымысль“. „Первая статья“, писали врачи, „мѣзать виннымъ духомъ съ камфорою на день по трижды. А послѣ того принять камени безу... для поту противъ 12 зеренъ перцовыхъ въ составленной водкѣ, которую для того составили, чтобъ рѣская жаркая кровь роздѣлилась и не стояла бѣ на одномъ мѣстѣ. А послѣ того надобно отворить живую руду для того, чтобъ вывести всякой жаръ изъ головы, и крови продухъ дать; а буде крови продуху не дать, и та тьякая жаркая кровь станетъ садится на какомъ мѣстѣ нибудь, гдѣ природа покажетъ, и

отъ того бѣзуютъ пухоты и язвы, и живую руду можно отворить и выскать день доброй“¹⁾.

Объ этой сказкѣ докладывалъ бояринъ О. П. Шереметевъ. Въ тотъ же день было составлено лекарство и принято наречъ. На слѣдующій день царю отрывали кровь въ банѣ „и та руда вѣшана, вѣсомъ стало фунтъ безъ четверти; и тое руду, при бояринѣ при О. П. Шереметевѣ, Из. Осд. Большой Стрѣльницъ, выковыривъ въ саду противъ комнаты ямку, положили въ „жидю“. Послѣ кровопусканія была предложена слѣдующаго рода діета: „добро кушать рыба свѣжая, окуни, пѣселы, щуки и раки добрыя здорова... и редьки и хрену не бѣть, и нить реческо вино доброе, съ сахаромъ желтыхъ съ пскорошнымъ, и пиво доброе, и каша доброй житной, а не нить вина горячего, ни водка, ни медъ, ни розиненъ“²⁾.

Въ 1645 г. доктора В. Сибелестъ, І. Бѣлау и А. Грязанъ лечили царя Михаила отъ болѣзни, которую опредѣлили по водѣ (жотѣ)... по водѣ знать, что желудокъ и печень и селезенка природные теплоты для сызу, которая въ нихъ коитва безсилна, и отъ того по печеню кровь возмѣтеть и холодъ бѣзаетъ; да отъ того же шина и нить жокроты розатва“. Въ виду этого было прописано „вино реческо составлено съ разными травами и кореня“, а также дано слабительное и установлена діета. Спусти мѣсяць врачи снова „смотрѣли воды и та вода бѣдѣна, знать, что желудокъ и печень и селезенка безсилны отъ многова сидѣнія, и отъ холодныхъ витей, и отъ меланхолія, сиречь, кручина; и отъ того печенъ и селезенка заперты нѣтъ, и водотѣ водѣ ребрѣ обжигивають; и какъ та болѣзнь, продолжна, и отъ того ноги бѣдутъ пухнуть“. Были прописаны слабительныя потогонныя средства и натиранія „для укрѣпленія печени и селезенки и безсилнаго желудка“, но царь, несмотря на всѣ успѣхи докторовъ скончался³⁾.

Царь Алексѣй Михайловичъ, отличавшійся большою тучностью и страдавшій часто желудочною, заболѣлъ въ 1665 году. Такъ какъ его болѣзнь была результатомъ общаго ожирѣнія, то докторъ Самуилъ Кольинскъ подаетъ „латинское писмо“, въ которое

¹⁾ Ibid. т. VIII, Востр. продолж. СИБ. 1859, стр. 110—111.

²⁾ Ibid. т. IV, Извѣст. СИБ. 1848, стр. 132.

³⁾ Ibid. т. VI, Сибирская исторія СИБ. 1853 г., стр. 186.

¹⁾ Мѣтер. № 151.

²⁾ Акты истор. т. III № 228.

³⁾ Акты истор. т. III № 246.

лет
тор
„В
Пр
ка
сме
де
чив
док
пот
леч
ука

дан
вел
и к
тур
пре
вел.
или
тѣ .
въ :
}
еди

17
2)
3)

Докторъ Степанъ фонъ Галентъ, раздѣливъ жилище своихъ товарищей, присовокупилъ: «надобно де ему великому государю сидѣть въ сухой ваннѣ, а вода де его государская знаменуетъ, что милостію Божіею вся его государская утроба здорова и никакимъ въ почкахъ болѣзней не мучается, ни въ печени, и желчь мучается въ доброй свободѣ. А въ составкахъ его государскихъ и злыхахъ есть бездѣиіе и то есть горе, что мышьякъ кровъ съ совиною

ювалъ,
ста ни
уцѣ, и
тъ яко
при-

„въ
спа-

сво-
ятый

мыѣ
и бѣ

амъ
отъ

ія...
тъ...

ныя
ли-
ше
на
ер-
му-
тъ
мы

ли-
го

мокрою отъ той соли лить въ составы и сунуть языкъ, и та соль чинитъ возкишеніе крове и до дубовъ восходить. И какъ прямыми лекарствами не лечитъ та болѣзнь, плодится, а какъ лечитъ, болѣзнь умалается, а въ скоромъ времени нельзя вылечить, чтобъ его государя не обезсилить*.

Докторы Михаилъ Граманъ и медикъ Симонъ Зомеръ признали у государя язву и нашли, что ее надо лечить „внутренними и наружными лекарствами“. Такое же заключеніе дали аптекарь Яганъ Гутменъ, добавившій, „а надобно де первое лечить тѣ части его государевой персоны, откуда та болѣзнь произошла, то есть печени, stomachъ и селезенку, и хотѣніе въ купизно направить“. Другой аптекарь Христіанъ Еллеръ „сказалъ тѣмъ рѣши и хоти де и не надлежитъ на евоичіи лекарство обилить такой премысолой персоны, однако жъ оны, слуша его царскому величеству и совету о томъ съ докторами, по ихъ совету, про его царскаго величества здоровья употребленіе лекарство со всѣмъ радѣньемъ готовить желаетъ“. ¹⁾ Лекарства были назначены съ общаго согласія „какъ пристойнее и лучше“.

Иностранцыи медиками часто приходилось лечить болѣзненнаго Осодора Алексѣевича, который на 21 году жизни скончался. Смерть молодого государя вызвала волненія среди стрѣльцовъ. Нѣтъ было внушено жекду прочимъ, что царя отравили доктора. Это обвиненіе связывали съ именемъ Даниѣла фонъ-Гагена. Своевременно услышавъ объ угрожающей опасности, фонъ-Гагенъ скрылся. Двое сутокъ оны проводил въ Маринной рощѣ и окрестныхъ мѣстахъ, но голодъ заставилъ его вернуться въ Нѣмецкую слободу. На улицѣ оны были опознавъ и схвачены стрѣльцами. Царина Марія Матѣевна и цѣркви устроили стрѣльцовъ, что докторъ на ихъ глазахъ самъ надкушивалъ всѣ лекарства, которыя оны составляли для покойнаго государя. Однако стрѣльцы кричали: „это не одно только, что оны уморил царя Осодора Алексѣевича,—оны чересчелзнили, мы въ его домѣ нашли суменныхъ змѣй, и за это надлежитъ казнить его смертию“. После тяжкихъ пытокъ Гагена притащили на Красную площадь и разрубил на части. А казануиъ такая же участь постигла аптекаря Гутменна ²⁾.

¹⁾ Замятновскій. Паритованіе Осодора Алексѣевича. Приложение № 1.

²⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи съ пр. пр. СІВ. Изд. Обществ. польза т. 13, стр. 903.

Боярини Антисарского Приказа внимательно следили за врачами, за тем, „у весть-ли у нихъ можъ себя совѣтъ и любовь и ибѣти-ли можъ ихъ какова несогласія“. Составленіе лекарства „про великое государя“ было обставлено большими строгостями и стѣсненіями. Самые матеріалы находились „особо въ казенкѣ за дьяческою печатью, и безъ долга въ тое казенку никто не ходитъ, да и лекарство де въ той казенкѣ.. стоитъ въ склянникахъ и въ ящикахъ за печатями-а-а въ входитъ де въ тое казенку время-а-а только имать во рецептахъ лекарства въ должокъ¹⁾“.

Составленное при подобныхъ предосторожностяхъ лекарство передавалось самымъ надежнымъ боярамъ, которые относили его къ государю. Такъ, при Иоаннѣ IV подносили боярини кн. Афанасій Вяземскій; при Борисѣ Годуновѣ—Семенъ Писанитчъ Годуновъ; при Михаилѣ Осодоровичѣ—боярини кн. О. Пн. Шереметьевъ; при Осодорѣ Алексѣевичѣ—боярини Матвѣевъ.

Бояре не только подносили царю лекарства, но еще ихъ и надкусывали. Такъ, оцѣнный бояринъ Матвѣевъ писалъ царю Осодору Алексѣевичу, выставляя свои придворныя заслуги: „А что каково лекарство послѣ вашихъ государскихъ приѣзжовъ оставалось и тѣ лекарства при васъ великомъ государѣ вынимать и якъ холопъ твой.. принявъ у тебя, Великаго Государя, рюмку, а что въ ней останется, на ладонь вышло и вышло.. Вашъ государскій чинъ обдерживать, когда вы составы докторскіе изволите принимать и при васъ, Вели. Государь, только чинъ исправлять, надкусываютъ малѣйшую долю; а что я холопъ твой, вынимать и то угождая тебѣ все я Государю и чинъ, нече что усугубляю-длость твою государскую къ себѣ²⁾“.

Какъ на общій порядокъ онъ указывалъ слѣдующее: „А лекарство де надкусывали прежде докторъ, потому я, холопъ твой, а послѣ де меня ваши Великаго Государя дядьки бояре князь Осодоръ Осодоровичъ Куракинъ да Иванъ Богдановичъ Хитровъ“.

Въ 1676 г. медикъ Розенбургъ вынужденъ былъ выпить всю склянку лекарства, предназначеннаго для царши, такъ какъ оно вызвало тошноту у придворной дамы, отказавшей его предвѣ- рительно поднесенія августѣйшей больной.

¹⁾ Записковскій ср. сб. прилож. М III.

²⁾ Исторія о великомъ заточеніи ближнихъ боярина Ари. Серг. Матвѣева изд. Пономарева, М. 1785 г., стр. 7, 8, 9.

Эта система надкусыванія оставалась въ силѣ въ теченіе всего Московскаго періода. Въ извѣстномъ указѣ врачамъ и аптекарямъ Іоанна и Петра Алексѣевичей, въ пунктѣ Д. писалось: „А когда великіе государи изволятъ.. принять лекарство.. для составленія коего великіе государи укажутъ къ аптеку отъ своихъ государскихъ ближнихъ людей послать, и при томъ ближнемъ человекомъ, да при докторѣ должнъ аптекаръ со всякимъ остерегаемъ и вниманіемъ всѣ лекарственныя статьи собрать и доктору показать или сдѣлать того лекарства самому доктору и аптекарю при томъ ближнемъ человекомъ надкусать, и надкусавъ запечатать¹⁾“.

Тѣ же ближніе люди, которые заботились о приготовленіи лекарства, находились у постели больного государя. Теремная зажитность женской половины оставалась во всей своей силѣ даже въ теченіе болѣзни царя. Впервые теремная дверь раскрылась передъ царевной Софией, которая сѣла являясь къ постели больного брата Осодора, ходила за нимъ и подавала ему всѣ лекарства²⁾.

Московскіе цари не ограничивались тѣмъ, что поили приближенныхъ бояръ лекарствами. Послѣднимъ иногда приходилось пускать себѣ кровь вмѣстѣ съ больными государями. По дорогѣ въ Москву, въ деревнѣ Чернышово, Мейербергъ слышалъ отъ кого-то слѣдующій характерный разговоръ: „Однажды Алексѣю Михайловичу дѣлали кровопусканіе. Когда оно окончилось благополучно, великій князь пригласилъ и окружающихъ бояръ послѣдовать его примѣру. Всѣ познужены приглашенію государя, хотя противъ воли, однакожъ не столько или столь обыкновеннаго при дворахъ порока лести, сколько изъ страха, чтобы не навлечь на себя нарекаго негодованія въ случаѣ отказа. Одинъ оцѣненный Родионъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ, понабѣдившій на родство, соединившее его съ Алексѣемъ по смерти его матери, Евдокии Стрѣшневой, отговаривается подлѣ предлогомъ своей дрихлой старости. „Ахъ ты, неключимый врагъ! сказалъ Алексѣй въ раздраженіи. Развѣ ты не ставишь ни во что своего государя? Неужто въ твоихъ жилахъ лется кровь дороже моей. Да и съ-чего ты такъ“.

¹⁾ Фурманскій. Русскіе простонародные прописки 2 лечебныя. Казань 1880 г. Стр. 193. Записковъ Очеркъ всѣхъ М. воли. Стр. 364.

²⁾ Записковъ. Бѣды русскихъ царей т. II стр. 1.

превозмогли себя надъ разными, даже и внешними тебѣ, что дохвалиный примѣръ ихъ посѣбнаго усердія позволяешь себѣ охуждать совѣтъ противоположными поступками? Не говори много словъ: онъ бросается къ его лицу, наноситъ много ему ударовъ кулакомъ руки, свободной отъ кровопусканія, и даетъ ему пинка ногами" ¹⁾.

Во время выѣздовъ въ походъ или путешествія царя были обеспечены со стороны медицинской помощи особымъ штатомъ лишь врачебнаго персонала. Такъ, въ Кашинскомъ походѣ и въ походѣ въ селѣ Хорошенѣ при особѣ царя Осодора Алексѣевича находились: докторъ Сизонъ Зомеръ, аптекарь Крестянтъ Эглеръ, костоправъ Иванъ Максимовъ, лекарь Осодора Ильинъ да ученики ²⁾. Въ походѣ въ селѣ Алексѣевскомъ были: докторъ Степанъ Оуугаиновъ, Иванъ Гутженитъ, два алхимиста, два лекаря изъ иноземцевъ и два ученика ³⁾. Въ вѣдомствѣ Аптекарскаго приказа состояли для царскихъ выѣздовъ особая аптека, „меньшая аптека" ⁴⁾.

Если царь пользовался врачебной помощью такъ широкой даже по прежнему выѣзду, то царскій теремъ, какъ и прежде, и долго избѣгалъ соприкосновенія съ рациональной медициной. Главной причиной этого нужно считать сильное религиозное настроеніе женской половины царскаго семейства. Заздравная молитва, заздравная милостыня были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ въ обиходѣ домашней жизни нашихъ царей. Въ трудныхъ случаяхъ дѣторождения и опасныхъ случаяхъ дѣтской болѣзни прибѣгали къ заступничеству св. Онуфрія, св. Никиты Столпника или св. Никиты Мученика; бралась также св. вода съ чудотворныхъ крестовъ и со св. мощей; предпринимались путешествія въ отдаленные монастыри и т. д.; особенно усердно царицы молились о плодородіи.

Къ молитвѣ присоединялись еще традиціонныя средства теремнаго знахарства боярынь и комнатныхъ бабъ, которыя принадлежали къ четвертой степенѣ царственныхъ чиновъ на ряду съ постельницами. „Кромѣ постельницъ, шестъ Забѣлницъ, у ца-

во с
мал

скій
спес
мер
Мих
тяж
сил

І
ріев
Тоя
желі

І
и пр
впад
и ви
житі

Е
„при
равне
донд

В
ти е
лѣзи
жес
же и
сент
свать
прудь
затки
и кни
дять
еще і

¹⁾ Барона Менерберга путешествіе. Чтен. Имп. Общ. Ист. и Древ. Рус. 1873 года III, 55.

²⁾ Матер. №№ 1340, 1343.

³⁾ Ибд. № 1630.

⁴⁾ Дворов. кн. акт. истор. VI, № 91.

¹⁾ Иб

²⁾ П.

³⁾ Иб

⁴⁾ Иб

the following: The first is the fact that the
the second is the fact that the
the third is the fact that the
the fourth is the fact that the
the fifth is the fact that the
the sixth is the fact that the
the seventh is the fact that the
the eighth is the fact that the
the ninth is the fact that the
the tenth is the fact that the
the eleventh is the fact that the
the twelfth is the fact that the
the thirteenth is the fact that the
the fourteenth is the fact that the
the fifteenth is the fact that the
the sixteenth is the fact that the
the seventeenth is the fact that the
the eighteenth is the fact that the
the nineteenth is the fact that the
the twentieth is the fact that the
the twenty-first is the fact that the
the twenty-second is the fact that the
the twenty-third is the fact that the
the twenty-fourth is the fact that the
the twenty-fifth is the fact that the
the twenty-sixth is the fact that the
the twenty-seventh is the fact that the
the twenty-eighth is the fact that the
the twenty-ninth is the fact that the
the thirtieth is the fact that the
the thirty-first is the fact that the
the thirty-second is the fact that the
the thirty-third is the fact that the
the thirty-fourth is the fact that the
the thirty-fifth is the fact that the
the thirty-sixth is the fact that the
the thirty-seventh is the fact that the
the thirty-eighth is the fact that the
the thirty-ninth is the fact that the
the fortieth is the fact that the
the forty-first is the fact that the
the forty-second is the fact that the
the forty-third is the fact that the
the forty-fourth is the fact that the
the forty-fifth is the fact that the
the forty-sixth is the fact that the
the forty-seventh is the fact that the
the forty-eighth is the fact that the
the forty-ninth is the fact that the
the fiftieth is the fact that the
the fifty-first is the fact that the
the fifty-second is the fact that the
the fifty-third is the fact that the
the fifty-fourth is the fact that the
the fifty-fifth is the fact that the
the fifty-sixth is the fact that the
the fifty-seventh is the fact that the
the fifty-eighth is the fact that the
the fifty-ninth is the fact that the
the sixtieth is the fact that the
the sixty-first is the fact that the
the sixty-second is the fact that the
the sixty-third is the fact that the
the sixty-fourth is the fact that the
the sixty-fifth is the fact that the
the sixty-sixth is the fact that the
the sixty-seventh is the fact that the
the sixty-eighth is the fact that the
the sixty-ninth is the fact that the
the seventieth is the fact that the
the seventy-first is the fact that the
the seventy-second is the fact that the
the seventy-third is the fact that the
the seventy-fourth is the fact that the
the seventy-fifth is the fact that the
the seventy-sixth is the fact that the
the seventy-seventh is the fact that the
the seventy-eighth is the fact that the
the seventy-ninth is the fact that the
the eightieth is the fact that the
the eighty-first is the fact that the
the eighty-second is the fact that the
the eighty-third is the fact that the
the eighty-fourth is the fact that the
the eighty-fifth is the fact that the
the eighty-sixth is the fact that the
the eighty-seventh is the fact that the
the eighty-eighth is the fact that the
the eighty-ninth is the fact that the
the ninetieth is the fact that the
the ninety-first is the fact that the
the ninety-second is the fact that the
the ninety-third is the fact that the
the ninety-fourth is the fact that the
the ninety-fifth is the fact that the
the ninety-sixth is the fact that the
the ninety-seventh is the fact that the
the ninety-eighth is the fact that the
the ninety-ninth is the fact that the
the hundredth is the fact that the

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

лиуэ
рацію
екаръ
амъ.
одок-
евод-
има-
изъ-
а въ
тор-
сего
ь са-
пер-
въ
ить
1. А
въ
езъ
ъ, а
ъ 9
акъ,
авъ
А
мъ
Да
о 7.
ше-
ною

кар-
Сал-
ыла
, да
гъ".
рый
не

варили и селезенка опухла". Другой иностранец, доктор Балсари, написал у себя "въ очахъ желтовате и что лечить ее можно".

Искусство иностранных медиков не обогатило страданий больной. Это зависело отъ разобщенности врачей и пациента. Все лечение производилось какъ бы изъ далека, через посредника Салтыкова, а онъ вѣдъ и былъ единственной причиной появления болезненныхъ припадковъ. Возникший впоследствии размыкъ о болѣзни царской невесты наглядно показалъ, какую огромную власть приобретать надъ личностью царственного больного близкий докторъ, завѣдывавшій прачебною частью.

Первоначально при леченіи царницъ врачи были стѣснены строгостями восточнаго этикета. Къ женщинамъ не допускались даже врачи; а если бывали исключенія, то создавались условія, мало благоприятныя для прачебныхъ манипуляцій. Любопытное въ этомъ отношеніи находимъ сообщеніе у Ав. Менерберга. "Разъ, пишетъ онъ, когда царина лежала въ постели, она послала принять приглашеннаго врача въ своей спальнѣ, сумрачной по случаю зашпешенныхъ оконъ, чтобы ему было не видать ее, и подала ему для изслѣдованія правую руку, покрывъ снѣжею жину у ней самую тонкою тканью, а то обнаженную онъ могъ бы оквернить своимъ прикосновеніемъ" ¹⁾.

Вѣчные времена коснулось однако и терема. Въ 1676 г. было приказано "доктору Стевану Оуигдачову къ нему Великому Государю въ хоромы не ходить, а ходить только къ хоромамъ—къ благовѣрной Государынѣ Царницѣ и Вел. Кн. Наталіи Кирилловнѣ и благовѣрнымъ Государ. Цесаревичамъ и къ благовѣрнымъ Государ. Царевнамъ—къ больнымъ и мѣшнымъ" ²⁾.

Этотъ указъ представляетъ замѣчательный памятникъ, свидѣтельствующій о возникновеніи во второй половинѣ XVII ст. теремной медицинской службы.

Въ извѣстныхъ регламентѣ врачамъ царей Юнна и Петра Алексѣевичей уже предписывается медицинскому персоналу имѣть

¹⁾ Путеш. въ Моск. Ггар. Авт. Менерберга въ 1664 году. Изд. Изв. 05. Пет. и Ар. Рос. стр. 172; Александръ, Баронъ Менербергъ и путешествіе его въ Россію. Спб. 1827 г. стр. 236.

²⁾ Масс., № 1318. Въ 1679 г. тому же доктору, уже по указу царевны Екатерины, Александры и Овдовѣи, дочерей Алексѣя, было предложено лечить болящую Дарью Маснуу и постельницу Марію Пустебнорову. Масс. № 1466.

«великое крайнее рабство и остерегательство о них государскомъ и *иже имъ окрестникамъ присвоившаго бома здравия*.¹⁾

Услугами всехъ лицъ медицинскаго персонала первоначально пользовались только царь и его семейство. По свидетельству Мерксерета, Олсарія и др. иностранныхъ о Россіи писателей знатные вельможи въ случаѣ необходимости воспользоваться помощью придворнаго медика или медикаментами придворной аптеки должны были подавать челобитныя объ этомъ и только по именнымъ отвѣтамъ государя на эти челобитныя медики могли заняться леченіемъ, а аптекари отпускать лекарство. Медики и аптекари обязывались исполнять подобное требованіе подъ страхомъ наказанія.

Весьма вѣроятно, что порядокъ этотъ сложился отчасти вслѣдствіе того, что опасались занесенія медиками причиненныхъ бо-
лезней во дворецъ государя, а отчасти вслѣдствіе политическихъ соображеній о томъ, что медики, извѣровавшие отъ клінія боярства не могли сдѣлаться пронырными орудіями боярской крамолы. Последнее лучше всего оправдывается текстомъ присяжнаго листа, гдѣ между прочимъ, говорилось: «и съ московскими людьми ни съ кѣмъ ни на какое зло не сослаться и не извѣстити ему государю ни изъ чести и съ извѣстнаго его любу которые ему государю учинити извѣстны и съ ихъ родствомъ и съ советники ни на какое зло не сослаться и иными никакими мѣрами не сослаться и не извѣстити ни изъ чести». ²⁾ Эта форма клятвенной записи не сохранилась въ повѣствованіи Осодора Алексѣевича, такъ какъ въ эту пору идея самодержавія окончательно подавила всѣ олигархическія стремленія и не было болѣе нужды охранять ее зоркою и жестокою подозрительностью.

Если съ теченіемъ времени московское правительство перестало опасаться, чтобы медики не сблизились съ крамольными боярами, то оно не могло не бояться занесенія врачами причиненныхъ болезней во дворецъ, а это послѣднее опять оправдывало порядокъ леченія частныхъ лицъ по челобитнымъ. Такимъ образомъ было легко и удобно установить контроль надъ практикою медицины и угрожающую опасность пресѣчь въ самомъ началѣ.

¹⁾ Флоринскій, Опр. сиб. Проложеніе стр. 196

²⁾ Матер. 160.

пѣ

пѣ

вз

лк

и

во

хо.

го;

и

да;

то;

но;

оса

-рѣ

По.

Сей

мун

вел

эпо

раз

ром

лен

сид

ингъ

Тер

ной

солд

съ и

сниц

Астр

твое

¹⁾ 1²⁾ 1³⁾ 1⁴⁾ 1⁵⁾ 1

тоскѣ,
води-
вѣтет-
икаль-
Кол-

ками"
екар-
аль".
удар-
орчи,
гѣзнь
но де
цанги
при-
бу-
интѣй
го въ
тъ и
о ма-
мази
ь об-
свое
удар-
знаку
шаго
стест-

инаго
еще,
ощаю

ъ то-
ю сп-
ъ, что
закой
ѣтся
лахъ
иною

Памятка, когда въ 1658 г. два Михайловѣ дворѣ прото-
нона мертвая жена Матренка" была осмотрѣна по указу госу-
даря, то „дѣлаку Гаврилу Дохтуру и дохтуру Лѣву и лекарю
Осипу и подлечу Тимоою Антипину велѣно быть на своихъ
дворѣхъ, до государева указу съѣзжать изъ своихъ дворѣхъ ни
куда не велѣно, и дѣлать Герасимъ и лекари и подлечей живуть
на своихъ дворѣхъ гешаря со 2-числа гешаря изъ по 16-ое
число" ¹⁾ Следовательно, были установлены четырнадцатиднев-
ный карантинъ для всѣхъ лицъ, имѣвшихъ соприкосновеніе съ
подозрительной болѣзною.

Въ 1682 г. въ Аптекарскій Приказъ было прислано уведо-
женіе о скорой смерти Осодора Нелединскаго, по челобитной ко-
торого былъ къ нему отпущенъ врачъ Захарій Фандергустъ, и
„Вел. Гос. указалъ докторъ Захарія допросить въ Аптекарскомъ
Приказѣ Осодора Нелединскаго какою болѣзною былъ боленъ и
какими лекарствами его лечить и съ какою причины ему скорая
смерть учинилась: и докторъ Захарей по допросу сказать, что
де у него Осодора Нелединскаго болѣзнь была описана *прили-
чивою* съ патнями... А о болѣзни де назне писаннаго съ старыми
докторами преля сего опъ докторъ Захарей не разговаривалъ,
потому что которыхъ болящихъ его братья докторы таже болѣзни
лечать, и въ Аптекарскій Приказъ ходить имъ дохтуромъ до
указу Вел. Государя не велѣно" ²⁾.

Въ упомянутомъ уже указѣ Іоанна и Петра Алексѣевичей,
данномъ по случаю несправностей въ Аптекарской Палатѣ, по-
веждалось: „А буде которыхъ болящихъ болѣзни личія, отвечаи
и какия приличивая болѣзни, и въ таковыя, буде которому дох-
туру у великихъ государей, или въ которыхъ ихъ государскаго
пресвѣтлѣншаго дома комнатахъ есть дѣла, и имъ безъ именинаго
вел. гос. указы не ѣздитъ: а буде который по указу вел. гос.,
или своимъ изволюмъ въ таковыя болящихъ и поѣдетъ, и имъ въ
тѣ дни, въ которыхъ дѣлается такой болѣзни въ болящихъ будеть
въ аптеку безъ указу вел. гос. не ѣздитъ" ³⁾.

Практика придворныхъ врачей у частныхъ лицъ, начавшаяся
единичными фактами и при особо исключительныхъ обстоятель-

¹⁾ Матер. № 778.

²⁾ Ibid № 1673.

³⁾ Фандергустъ Ор. cit. Приложение стр. 200, пунктъ Е.

ствахъ, постепенно расширялась до значительныхъ размѣровъ. Еще въ началѣ XVI ст. когда маркиграфъ Альбрехтъ (1516 г.) требовалъ у Расплинъ Ивановича возвращенія Теофила, то оказалось, что „у Теофила многіе дѣти бодрѣе на рукахъ, лечить ихъ“. Иоаннъ Грозный, ранний постельника князя Гвоздева, послалъ къ нему доктора Ариульфа. Борисъ Годуновъ приказывалъ своимъ лейбъ-медикамъ, чтобы у датскаго герцога Иоанна „дохтуръ были безпрестанно въ день и въ ночь, а ведѣно имъ о томъ радѣти всякими мѣрами, чтобы той его скорби облегченіе учинить“¹⁾.

Въ прежнее время, передать Олеарію, было весьма опасно состоять придворнымъ врачомъ при великомъ князѣ: если данное имъ лекарство не подѣйствовало сообразно съ желаніемъ Царя, или если больной умирали, несмотря на леченіе, тогда врачъ впадалъ въ величайшую немилость, и съ нимъ поступали какъ съ рабомъ. Въ доказательство своей мысли Олеарій разсказываетъ случай, происшедшій во время болѣзни герцога Иоанна, брата датскаго короля Христиана IV, который прибылъ въ 1602 г. въ Москву съ намѣреніемъ вступить въ бракъ съ дочерью великаго князя. Внезапно заболѣвшій герцогъ былъ выбранъ „съ крѣпкою угрозою“ искусству и стараніямъ врачей, но искусству послѣднихъ оказалось безцѣльнымъ: больной скончался, а „врачи должны были скрыться и долгое время не показывались на глаза царя“²⁾.

Беззастѣнчивость и безразличность медиковъ „добраго“ прошлаго еще нагляднѣе выразилась въ поведеніи того самаго врача-иностранца, который былъ посвященъ Борисомъ Годуновымъ въ доктора. Вскорѣ послѣ пожалованія этой ученой степени царь занемогъ приступами подгры и потребовать къ себѣ врача. Послѣдній до того перепугался визита царской болѣзни, что считъ себя уже обреченнымъ на смерть и „поэтому одѣлся въ старое, изорванное платье, включилъ и распустилъ себѣ волосы на лицо и на четверенькахъ вошелъ въ двери къ великому князю, говоря, что, подвергнувшись его немилости, онъ не достоинъ уже жить на свѣтѣ, а тѣмъ болѣе зрѣть свѣтлыя очи Его Царскаго Величества“. Находявшійся у царя какой-то бодринъ, старался угодить, толк-

нулъ врача ногой и обругалъ его собакой. Врачъ же, замѣтивъ, что картина униженія достигла пика, жалобнымъ голосомъ продолжалъ: „О великій Царь! Я твой, а никого другого, раба и очень много согрѣшилъ передъ тобою, вполнѣ заслужилъ смерти, и почелъ бы себя блаженнымъ, еслибъ могъ умереть отъ твоей руки. Но терпѣть такое поруганіе отъ твоего холопа мнѣ крайне прискорбно; ибо знаю, что на то нѣтъ твоей воли, чтобы кто нибудь другой проявлялъ такое жестокое насиліе надо мною, слугою твоимъ. Великій князь переманилъ гнѣвъ на милость, пожаловалъ врачу 500 рублей“³⁾.

Тѣмъ болѣе первое шаги внѣ дворцовой ограды приходилось иностранцамъ врачамъ дѣлать въ боевомъ строю, отнесившая каждую пядь позиций. Случалось даже, что милостивая заботливость царя о какомъ-нибудь больномъ сановникѣ вызвала челобитную: „показывать царской милостью, не велѣтъ ему лечиться у заграничнаго дохтура“. Но время сдѣлало свое дѣло и тотъ же Олеарій, обращаясь отъ эпохи Иоанна Грознаго къ современности вынужденъ былъ замѣтить „многое изъ того, что писалось прежде о русскихъ въ настоящее время уже не существуетъ... въ прошлое пародіе самымъ дурнымъ лекарствомъ, даже въ горлячкѣ, считается вода и чеснокъ; знатные же болѣе начинаютъ уже теперь обращаться за совами къ иностранцамъ врачамъ и употребляютъ, прописываемыя ими лекарства“⁴⁾.

Начиная съ 50-хъ годовъ XVII ст. встрѣчаются многочисленныя челобитныя о лекарствахъ со стороны знатныхъ бояръ, придворной службы, духовныхъ иереевъ, которые не преминули воспользоваться позоромъ въ положеніи замкнутой доселѣ придворной медицины.

Такъ въ 1643 г. „по государеву цареву и вел. кн. Михаила Оеодоровича всея Россіи указу и *на челобитную* Григорья Горихвостова послать изъ Антекарскаго Приказу мекленбургскіе земли дохтуръ Еганусъ Белово къ нему Григорью“.⁵⁾ Въ 1645 г. былъ

¹⁾ Олеарій. Путешествіе стр. 186.

²⁾ Тамъ же стр. 202 и 219. Маркграфъ перелетѣвъ о русскихъ „чувствуя себя нездоровымъ“ онъ обыкновенно выпивалъ хорошаго чару вина, вставалъ въ три часа, ружейнаго пороху или сѣмянъ пшеницы съ толченымъ чеснокомъ и немедленно лезъ въ баню, гдѣ въ нестерпимой жару вытѣкалъ часъ два или три. Такъ лечился простои народъ во всѣхъ болѣзняхъ“. Состан. Рос. державы стр. 38—39.

³⁾ Тамъ же № 119.

⁴⁾ Рихтеръ. Изв. мед. т. I, стр. 269, 383 и слѣд.

⁵⁾ Олеарій. Путешествіе стр. 185—186.

послать лекаря для лечьбы иноземному рудного сыску мастеров¹⁾; из томъ же году—„для крымскимъ гонимымъ для ознобные лечьбы²⁾ въ 1646 г.—„для лечьбы золотого человека думного дьяка Ивана Гаврилова“³⁾; въ 1647 г. Иванка Леонтьевъ бить человекъ „показавать дати мази, чѣмъ помазать больную ногу, а болить... нога отъ убою“⁴⁾.

Въ 1648 г. козкой писарь Иванко Васильевъ сытъ Будзевъ просить „дати лекаря, чтобъ государь женинкѣ отъ пожеваго рѣзанья напрасною смертию не умереть“...⁵⁾.

Въ 1648 г.—торгованъ иноземецъ Ондриюшка Онуашичъ бить человекъ... „и фдучи, государь, въ Арзамасъ грѣхотъ моимъ, санишка опрокинулася и у сыночка моего синику изломало... а кровѣ твоихъ государевыхъ дохтуровъ и лекаревъ лечить некому. Милосердый Гос. Царь и вел. кн. Алексѣй Михайловичъ всея Руси показуй меня иноземца, для своего царскаго многолѣтнаго здоровья вели, государь, того моего сынишка лечить твоимъ государевымъ лекаремъ. Царь государь сядушесъ показуй“...⁶⁾

Въ 1656 г. Иванка Карамышевъ подать челобитную, въ которой писалъ: грѣшною мѣрою меня холопа твоего въ сотѣхъ дошедъ была, ногу мнѣ переламала и по сѣхъ мѣстѣ лежу боленъ. Милосердый Государь... показуй меня холопа своего, вели государь, меня лечить костопрану Первому⁷⁾.

Въ 1658 г. Митыка Иваномъ сытъ Пепейцычъ писалъ: „какъ былъ у насъ холопанъ твоихъ подо Вдовычъ съпѣваницами людьми и на томъ бою я холопъ твой раненъ—пробыть назывозъ изъ карабина по сажому животу, и шыбъ я х. т. отъ той раны лежу во твоемъ и по сѣю пору раны не затворилъ... показуй мене х. своего излечить въ Оутекѣ“⁸⁾.

Въ 1661 г. выходецъ изъ Польши „бѣдной и безпомѣстной и беззачинной жилецъ Томосова полку Белы капитанъ Микитка Жемчушликовъ“ подать челобитную, въ которой писалъ: „И въ

риц
баб
соб
или
пос
ви:

слѣ
сун
чаю
ных
сын
ше
как
что
у м
ли,
гов
ли
ма
его
чер
случ

врач
случ
нап
был
пов
цусь
вала
нѣк
жил
20
Кляу

¹⁾ Ibid. № 214 дополн.

²⁾ Ibid. № 195.

³⁾ Ibid. № 539.

⁴⁾ Ibid. № 583.

⁵⁾ Ibid. № 581.

⁶⁾ Ibid. № 589.

⁷⁾ Ibidem № 669.

⁸⁾ Ibidem № 858.

рекомъ

чально
мству
ителей
я по-
і ап-
го по
могли
ки и
стра-

мѣд-

, бо-

нихъ

бо-

оли.

наго

дми

ему

го-

ни

дла-

за-

акъ

всѣ

, ее

ре-

ами

ип-

ды-

огъ

ти-

на-

прошломъ, Государь, во 1667—году отъиць полской Павеъ Са-
пета со многими полскими и литовскими людьми Менескъ горюхъ
взетьемъ взялъ, и твоихъ государевыхъ служивыхъ и моихъ
людишекъ побилъ 104 человека; а меня х. т. взяли посылчова
и стреленова мизки тѣлами; и былъ въ полону три года и жи-
вотъ свой мучилъ въ кандалахъ и въ тюрьмѣ... а нули во мнѣ
холодѣ твоємъ въ самое нулѣ и теперь никакъ нула во мнѣ три
года... покажи мени холопа своего... за мое службишко, за кровь,
и за рана, и за покоевое терпение, и за всякия нули, вели, госу-
дарь, тое нулю изъ меня вынуть, чтобъ мнѣ холоду твоєму отъ
той нули не умереть" ¹⁾. Одновременно съ этимъ Пронка Се-
реновъ сынъ Еннъ просилъ его „ушибы и раны досмотрить и по
осмотру лечить". ²⁾ Мѣсяцъ спустя просилъ „изъ Онтѣкъ лечить"
„ротмистръ Оектисто Давыдовъ сынъ Певелетовъ" раненый подъ
Полоцкомъ. ³⁾ Въ 1662 г. поручникъ Логвинко Давыдовъ сынъ
Севской писалъ въ челобитной: „я холопъ твой раненъ изъ
мушкета двумя пулями, и тѣ нули пулки во мнѣ холодѣ твоємъ...
вели, государь, тѣ нули изъ меня холопа своего вырѣзать" ⁴⁾.

Сохранились интересныя данныя о томъ, что въ московскую
окопу принимались мѣры къ снабженію врачеваніемъ персоналомъ
разнаго рода посольскихъ миссій.

Такъ въ 1663 г. „съ великими *нодами* съ окопничемъ Оеод-
ромъ Яковлевичемъ Милославскимъ съ товарищи" былъ отпра-
вленъ лекарь Лука Салтыков ⁵⁾.

Въ 1669 г. „по указу Алексѣя Михайловича" ѣхать въ Пер-
сиду для его великаго государя дѣла англичанинъ Томасъ Бре-
ннъ, а велѣно ему дать лекаря". Лекаремъ былъ посланъ Иванъ
Терюментъ, печальная одиссея котораго описана въ его челобит-
ной Оеодору Алексѣевичу. „Посланный я, писалъ онъ, изъ По-
солскаго Приказу въ Персидскую землю къ Шаху Величеству
съ *посланниками* съ Томасомъ Бренномъ въ лекаряхъ, а изъ пер-
сидскіе земли доѣхалъ до Астрахани; и въ то время пришелъ къ
Астрахани воръ богоотступникъ Стенка Разинъ, и меня холопа
твоего на приступѣ ранилъ, и животинка моя всѣ пограбилъ и

¹⁾ Ibid. № 934.

²⁾ Ibid. № 933.

³⁾ Ibid. № 943.

⁴⁾ Ibid. № 958.

⁵⁾ Матер. № 340.

разорить без остатку, и мучить меня великими муками, и я х. т. отъ него Стенки ушелъ на Терки, а съ Терки ушелъ я х. т. въ Терки къ мурзѣ изъ Будаю Шайкалу—и былъ у него 3 года; а отъ Будаю ушелъ въ Перенскую землю; и изъ Перенды былъ я въ Индію и служилъ на корабляхъ и на разныхъ бояхъ четыре года; а изъ Индіи пришелъ въ Перенскую землю, и былъ у него годъ, и онъ меня отпустилъ съ *посланикомъ*... *индонскимъ*...¹⁾

Заботы московскихъ царей о практикѣ иноземныхъ медиковъ у частныхъ людей отразились на текстѣ слитвенной записи, по которой каждый врачъ объявлялъ: „кого велитъ государь лечить своихъ государевыхъ бояръ и ближнихъ и приказныхъ людей и дворянъ и иныхъ великихъ чиновъ людей, кого государь ни укажетъ и тѣхъ людей по ихъ государственному велѣнію лечить докторствомъ своимъ изъ правды съ великими радніеми, безо всякіе хитрости“²⁾. Еще дальше въ этомъ направленіи пошли изъ регламентъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, гдѣ указывалось: „такоежъ и докторомъ необходимо по приспѣхамъ всякого чина въ людехъ болѣлымъ лѣчить, и своею лечбою отъ болѣзней... подлѣвать богатымъ и бѣднымъ ихъ чинить“³⁾.

Можно утверждать, что во второй половинѣ XVII ст. произошелъ крупный переворотъ во всей постановкѣ врачебно-аптечнаго дѣла въ Московской Руси: придворная медицина отдѣлилась отъ общей, кромя царской аптеки возникла другая съ вольною продажей медикаментовъ, была создана первая школа для обученія врачебному искусству, появились постоянные военно-полковые врачи, вольно-практикующіе и русскіе лекари, костоправы, алхимисты, чечуйные, горчанины, чечуйные мастера и т. п.

Тѣмъ не менѣе спросъ на врачебныя услуги далеко оставилъ за собою ихъ предложеніе, и явились, такъ сказать, специалисты низшаго разряда. Къ приказу стали приниматься случайные люди всякаго прелестнаго анатомированныхъ представителей иноземныхъ высшихъ врачебныхъ школъ.

¹⁾ Ibid. № 1647.

²⁾ Матр., № 169.

³⁾ Фортискинъ, Орс. сіл. пр. дпт. Е. Содержаніе этого указа интересно также сопоставить съ докладомъ Маркелета, который писалъ: „Ни одинъ лекарь не вернулъ, пощипавъ сѣмь, подлѣвать лѣзюмъ бѣдъ ияного приказана Государя“. Составленъ Рус. Друк. ст. стр. 76, 77.

Благодаря указаннымъ обстоятельствамъ въ приказные списки въ 1663 г. попалъ Лукашка Салтыцово, который въ Бизалбапахъ за отсутствіемъ лекарей попробовалъ счастья въ леченіи „многихъ болѣлыхъ ноземъ и розными болѣзнями“ *посолскихъ* людей, за что и былъ пожалованъ въ лекари¹⁾.

Извѣстны также лекари изъ плѣнныхъ. Въ 1652 г. былъ принятъ на лекаревую службу „посолской ноземъ Иванко Михайловъ“, взятый „съ лекарею и зельемъ“²⁾. Въ 1658 г. упоминается о взятыхъ въ плѣнъ лекаряхъ „на Магусовомъ бою Цисарскіе лекари Стрекертка да подъ Валами взятъ Самошка“. При разсѣлованіи въ мартѣ того же года оказалось, что Стрекертка не нашли, а вмѣсто его былъ обнаруженъ докторъ Оргаръ Дриглеръ; Самошка же назвался лекаремъ Соломанъ-ой Ошк. Спустя почти два мѣсяца Дриглеръ былъ принятъ на службу, предварительно просѣдая „въ Чудовѣ монастырѣ подъ начальствомъ крещенна православнаго христіанскаго вѣры“³⁾. Въ 1679 г. зачислился лекаремъ „по Смоленску“ Иванъ Михайловъ сынъ Таборовскій, взятый въ плѣнъ подъ Вильною, гдѣ онъ „былъ израненъ и зелье своимъ дворомъ и лечилъ всѣе колющее и стрѣленіе раны, и руду залпаую и бѣнками стеклинными, и пудли шарпанати, и онектуре клать“⁴⁾.

Развитіе народной медицины и околоточнаго практиканства, а также наборъ медиковъ изъ иностранцевъ сомнительной вѣручки, мало препятствовали специальной практикѣ лекарей—самоучекъ.

Еще при Іоаннѣ Грозномъ упоминалось о купцѣ Строгановѣ, искусно дѣлавшемъ заворотъ на ранахъ, который „будто-бы за свое искусство удостоился особой милости именоватьсѣ личемъ“, какъ именовались только знатнѣйшіе государственные сановники⁵⁾.

При последующихъ же государяхъ число самоучекъ настолько возросло, что въ 1652 г. въ Аптекарскомъ Приказѣ докторъ Артемій Граманъ да аптекарь Андрей Исаковъ докладывали объ одномъ изъ нихъ: „слышали де они отъ многихъ людей, что Греченинъ Дмитрій Селунскій лѣдитъ по многимъ дворамъ и по

¹⁾ Матр. № 310.

²⁾ Ibid. № 258.

³⁾ Ibid. № 787, 811.

⁴⁾ Ibid. № 1185.

⁵⁾ Хатисовъ, Медицинская помощь въ Россіи, Журн. М. В. Д. т. 33, № 3 стр. 352.

мощным людям дать внутренние лекарства не известно какие и за то же считать большие деньги, и помочь немощным людям чинить мало, а в их же немощных государствах бываешь лекарскому делу что и гораздо учень, а без дохтурского свидетельства лекарство людям давать нельзя, потому что бываешь де имь допрось, где кто учился и какими лекарствами лечить, чтобы от того немощным людям повреждения и надрезной кончины не было¹⁾. При расследовании оказалось, что лекарства, по его приказу и по росписи немощные люди покупают в оловянном ряду.

Судебный процесс 1679 г. рельефно обрисовывает другого из подобных предпринимателей, стремившегося приказом стр坊ана Гринку Донского, который лечил князя Оседора Щербатова, кажется, от сифилиса, потому что у него было констатировано: „лицо все осыналось и не есть пушеры и красно... из роти прыщи и небо осыналось“. Донской давал князю мазь на виш и жазать ею же лицо. Мазь оказывалась составом из турецкого купоросу, ртути и других прикрасов. Куплена она была в зеленном ряду, где вообще приобретались самоучками лекарства и сведения относительно их употребления²⁾. Лечение кончилось смертью больного.

Несмотря на конзетентныя указания на вред от практики самозванных лекарей, в указах московского государства не встречалось намека на какую либо регламентацию их практики. Так было до 1686 г., когда лекарь Андрей Харитонов дасть „даль ренсомы“ подьячему Юрию Прокофьеву судема, отлученной в паныть видь лекарем Миншой Туленниковым взбесто потового лекарства из раковых глаз. Эта ошибка стоила жизни Прокофьеву. Туленников был сослан в Курск на вѣчное житье; а лекарь Андрей Харитонов дасть поручную запись: „что ему таких вредительных и смерть заводящих статей ни кому не давать“, всѣм же его товарищам было объявлено: „буде вѣд их кто нарочно или не нарочно кого умерить, а про то смется, и имь быть казненным смертью“³⁾.

¹⁾ Матр. росс. № 632.

²⁾ Ibidem № 1184.

³⁾ Полное Собр. Рос. Зак. т. V, стр. 747, № 1171. и Полн. Матер. ... II стр. 311—312.

Некоторые знатные сановники того времени заводили своих собственных домашних врачей, даже часто из крѣпостных людей. В исторіи сохранился печальный примѣръ практики такого крѣпостного лекаря. Такъ в 1700 г. человекъ Петра Петровича Салтыкова лечил „арьяномъ“ своего господина отъ безсонницы и „отъ тѣхъ лекарствъ бояринъ умер скорою смертью“. Можно было бы ожидать, что лекаря будетъ наказанъ смертью согласно указу 1686 г., но наказание его было смягчено (сосланъ вь Азотъ), такъ какъ вѣдъ дѣла было обнаружено полное отсутствіе этого узнана.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Центральным местом из Аптекарского Приказа была царская аптека.

Первая русская аптека учреждена в Москве в 1581 году английским аптекарем Джемсом Френшаном, пригласившим в Россию королевшей Елизаветой по просьбе Иоанна IV. Нужно думать, что ранее этого времени у нас не было ни аптек, ни аптекарей из числа специальных учреждений и лиц. Правда, в источниках упоминается еще в 1554 г. о каком-то „Матвеевском аптекарѣ“, но нет никаких указаний на его профессиональные знания и практику¹⁾. Упоминается еще о голландском аптекарѣ Арелсе Клаузинге, проживавшем в России 40 лет, и об аптекарѣ Николае Броунке по о деятельности их не сохранилось сведений²⁾, так что первым аптекарем, открывшим аптеку, приходится все-таки считать Джемса Френшана.

Аптека, устроенная Френшаном, была очень ограниченной кругом операций: она была предназначена только для нужд царского двора, за пределами которого предположительно время не вышла клиника. Это была не строгая аптека закрытой приворной аптеки. Медикаменты для ее первоначального снабжения были ввезены из Англии³⁾. Впоследствии она пополнялась различными путями.

Некоторые материалы приобретались в московских рядах: москательных, оловянных, зеленых, медовых, солиных и других. Материалы более ценные привозились через западную и восточную границы. Хинная корка, ревень, камфора, мускус, гвоздика, миндаль, цинбуба покупались у восточных купцов. Товары последних издавна пользовались на Руси большой известностью. Еще предположительно Аганитъ лечил травами и лекар-

ствами восточного происхождения, которая вретъ армянину паходить „не отъ нашихъ земель... изъ Александрии быти“.

Что касается западного ввоза, то онъ поддерживался первоначально иностранными врачами, привозившими съ собою „аптекарские всякие лекарства и спасти бабберские (хирургические инструменты)“. Привозилъ этотъ настолько считался для врачей обычным и обязательным, что в 1599 г. посольскому дядю Василию Щедракову повелелось, очень подозрительным отсутствием „травъ лечебныхъ“ у новоприезжаго английского доктора Вилеса, которому поэтому даже было отказано въ приѣздъ на царскую службу⁴⁾.

Но изъ-за истощения ввезенныхъ изъ-за границы аптекарскихъ запасовъ врачамъ не трудно было ихъ возобновлять черезъ иностранныхъ дрогистовъ. Уже въ началѣ XVII ст. „аптекарские лекарства со всякими аптекарскими заводомъ и лекарствами спасти“ находились въ продажѣ въ специально аптекарскихъ складахъ въ Полоцкѣ, Могилевѣ, Архангельскѣ⁵⁾. Этихъ складами пользовался не разъ московское правительство для военныхъ нуждъ. Такъ, изъ Полоцка 25 сентября 1654 г. въ действующую армию пошлѣ „медености быти посланы... всякой лекарской заводъ“, а 2-го ноября того же года затребованъ былъ другой транспортъ въ Вязьму.

Нельзя основываясь на томъ, что иностранные аптекарские склады скорее были москательными лавками, какихъ находилось множество въ Москвѣ. Подобное предположение разбивается о дошедшее до насъ списки медикаментовъ, приобретаемыхъ по различнымъ случаямъ въ названныхъ складахъ. Изъ росписи медикаментовъ, купленныхъ, напрямикомъ, въ Могилевѣ озвучиваемъ воеводою Писаномъ, Василиемъ Олферьевымъ, видно, что рядомъ съ невинными средствами: деревяннымъ масломъ, смесью, агарикомъ, гуммастикой и шафраномъ, были приобретены сильнодействующие вещества, не входившія въ торговый оборотъ нашихъ зеленыхъ рядовъ, каковы: интартирумъ, кантарионъ, интарное масло, опиумъ и другія.

Приворные врачи охотно обращались въ склады за медикаментами, особенно въ Архангельскѣ. Въ 1632 г. докторъ Артемий Динъ былъ челомъ о назначеніи ему поводовъ, причемъ писалъ:

¹⁾ Рихтеръ, История медицины, ч. I, стр. 203.

²⁾ Германъ, Встрѣча быти Россіи, стр. 54.

³⁾ Рихтеръ, оп. cit. ч. I, прил. XV.

⁴⁾ Горюновъ, Изв. Русскому Ист. Общ., СПб. 1883 г. т. 38, стр. 290.

⁵⁾ Матрiаски по исторiи медицины, №№ 251, 252, 260, 261, 263, 628, 646.

1870

1. The first of these is the fact that the population of the United States has increased from 3,929,214 in 1800 to 39,318,321 in 1900. This increase has been the result of a number of causes, but the most important is the immigration of foreign-born people. In 1800, the foreign-born population was only 10,000, but by 1900 it had increased to 10,000,000. This increase has been the result of a number of causes, but the most important is the immigration of foreign-born people.

2. The second of these is the fact that the population of the United States has increased from 3,929,214 in 1800 to 39,318,321 in 1900. This increase has been the result of a number of causes, but the most important is the immigration of foreign-born people. In 1800, the foreign-born population was only 10,000, but by 1900 it had increased to 10,000,000. This increase has been the result of a number of causes, but the most important is the immigration of foreign-born people.

3. The third of these is the fact that the population of the United States has increased from 3,929,214 in 1800 to 39,318,321 in 1900. This increase has been the result of a number of causes, but the most important is the immigration of foreign-born people. In 1800, the foreign-born population was only 10,000, but by 1900 it had increased to 10,000,000. This increase has been the result of a number of causes, but the most important is the immigration of foreign-born people.

1870

1. The first of these is the fact that the population of the United States has increased from 3,929,214 in 1800 to 39,318,321 in 1900. This increase has been the result of a number of causes, but the most important is the immigration of foreign-born people. In 1800, the foreign-born population was only 10,000, but by 1900 it had increased to 10,000,000. This increase has been the result of a number of causes, but the most important is the immigration of foreign-born people.

2. The second of these is the fact that the population of the United States has increased from 3,929,214 in 1800 to 39,318,321 in 1900. This increase has been the result of a number of causes, but the most important is the immigration of foreign-born people. In 1800, the foreign-born population was only 10,000, but by 1900 it had increased to 10,000,000. This increase has been the result of a number of causes, but the most important is the immigration of foreign-born people.

3. The third of these is the fact that the population of the United States has increased from 3,929,214 in 1800 to 39,318,321 in 1900. This increase has been the result of a number of causes, but the most important is the immigration of foreign-born people. In 1800, the foreign-born population was only 10,000, but by 1900 it had increased to 10,000,000. This increase has been the result of a number of causes, but the most important is the immigration of foreign-born people.

„посылаю и ходю по всякой годъ людшекъ своихъ къ Архангельскому городу для своей нужи аптекарского зелья“¹⁾.

Подводы назначались десятками, давались также проводники, а ирландцы больше перевозили „запасенокъ про обиходъ“, т. е. „лекарствъ и книгъ“. Такимъ образомъ, создавалась контрабандная торговля съ большими приплатами со стороны казны.

Немыслимо подобнаго положенія вскорѣ обнаружилось, и правительство приняло мѣры къ снабженію аптеки посредствомъ собственныхъ закупокъ необходимыхъ матеріаловъ изъ-за границы.

Въ 1632 г. англичанинъ Уильямъ Ивановъ Смитъ „по Государеву указу посланъ былъ въ английскую землю для аптекарскихъ лекарствъ“²⁾.

Въ 1645 г. торговый племѣнь Петръ Матвѣевъ вывезъ „изъ Ганштеттскихъ земель, про государевъ обиходъ, аптекарскіе всіе запасы, масла, и воски, и сахара, и спирты, и цѣбны, и травы, и сѣмена, и коренья, пластыри, и мази, и склянички“³⁾. Росписъ для этого вывоза была составлена докторомъ Венделинусомъ Сибиловымъ и по сравненію съ росписью лекарствъ, вывезенныхъ первыми аптекаремъ Френшаномъ, поразилась какъ количествомъ, такъ и качествомъ матеріаловъ.

Въ 1660 г. и 1664 г. было поручено торговому иностранцу Анацію Диккенсу купить за моремъ „аптекарскихъ запасовъ: коренья хины, дерева сассофары, коры святого дерева и каски индій“ послѣ того, какъ этихъ вещей не оказалось въ наличности въ Архангельскѣ⁴⁾.

Въ 1661 г. Иванъ Гебдонъ прислалъ въ Архангельскъ „аптекарскія лекарства во одинадцати мѣстахъ, обшиты въ рогабы“. При переданіи ихъ въ Москвѣ наказывалось смотрѣть, чтобы „отъ морозовъ и большія скорыя вѣтры въ никакія порухи не учинилось“⁵⁾.

Въ 1662 г. лекарь Лука Салтыковъ, посланный въ Кизылбашъ, въ челобитной писалъ: „А въ Кизылбашехъ де, государь, многіе травы и коренья и зелья, чего въ здѣшнихъ сторонахъ нѣтъ. И будучи въ Кизылбашехъ отъ Луки хочеть тебѣ в. г.

служить: дѣлать масла, и воски, и балсамы, и иные лекарства, которые пригодятся въ твои в. г. аптекарскіе запасы“. Въ отвѣтъ на это государь указалъ „въ Кизылбашской землѣ купить коренья хины двадцать пудовъ—добро, а купи тотъ корень привези въ Москвѣ“⁶⁾.

Въ 1663 г. царскаго величества резидентъ Иванъ Гебдонъ прислалъ изъ английской земли „въ шести сундукахъ да въ двухъ боченкахъ да въ твоей за клеймомъ... покупныхъ аптекарскихъ запасовъ“⁷⁾. За годъ передъ тѣмъ было „вѣдно купшии греченину Захарію Микудасу купить аптекарскихъ лекарствъ и иныхъ запасовъ, по росписи, какова росписъ дана изъ Аптекарскаго Приказа, а купи тѣ аптекарскіе запасы привези въ Москвѣ: а подѣ тѣ аптекарскіе запасы отъ Путивля до Москвы вѣдно дать подвоза“⁸⁾.

Еще 1666 г. было указано „торговому иностранцу Томасу Килдербану въ городѣ Гамбургѣ купить аптекарскихъ лекарственныхъ запасовъ, по росписи, какова дана ему изъ Аптекарскаго Приказа, а купи тѣ запасы вѣдно ему привезти въ Архангельскому городу, а отъ Архангельскаго города на Вологду, а съ Вологды прислать въ Москвѣ“. При этомъ повѣлялось „тѣ аптекарскіе запасы везти съ великимъ береженіемъ, а буде тѣ аптекарскіе запасы застанеть зимнее время и въ бы вѣтры тѣ запасы устроить въ воллоки и въ овчины, чтобы тѣмъ аптекарскимъ запасамъ отъ морозовъ никакія порухи не учинилось“⁹⁾.

Вывозъ медикаментовъ изъ-за границы былъ настолько обычнымъ дѣломъ, что докторъ Самуилъ Коллинсъ, отлученный въ 1667 г. на родину, билъ челомъ государю: „да буде тебѣ великому государю годно въ английской землѣ *купшии аптекарскихъ лекарствъ* или иного какого твоего великаго государя дѣла, и я х. т. въ английской землѣ во всеи радѣ тебѣ вел. гос. служить и работать“¹⁰⁾.

Въ 1668 г. торговый иностранецъ фонтъ Горюмъ и его приказникъ Мартинъ Бухинъ въ Гамбургѣ были купцы.

¹⁾ Матеріалы № 161.

²⁾ Ibidem № 78.

³⁾ Ibidem № 189 и 190.

⁴⁾ Памят. мат. т. I стр. 9 и 53.

⁵⁾ Ibidem стр. 15, 49.

⁶⁾ Матеріалы № 339.

⁷⁾ Матер. № 392, 397 и 310.

⁸⁾ Памят. мат. т. I, стр. 28, 31.

⁹⁾ Памят. мат. т. I, стр. 83.

¹⁰⁾ Памят. мат. т. I, стр. 128.

«аромный транспорт аптекарских товаров на сумму 3753 руб. 21 алтын»¹⁾.

В 1670 г. Алексей Михайлович указал «послать для своих государственных дел и для покупки всяких аптекарских запасов в аглинское и в иные окрестные государства аптекаря Романа Биняна, а с ним алхимического дела ученика Тихона Аваньяна да аптекарского дела ученика Исаака Аристову»²⁾.

И так, наконец, появились лица, занимавшиеся специально поставками медикаментов для царской аптеки. Среди таких придворных поставщиков встречаются Андрей Вишугъ (1647 года), Давид Микудавъ (1647 г.), Иванна Гобдонъ (1662 г.), Бахромей Меллеръ (1674 г.), Владимир Горстень (1678 г.) и другие³⁾.

Тем не менее расчетливое московское правительство и впоследствии не оставило старого обычая приобретать медикаменты либо в пограничных аптекарских складах, либо в «зеленых» и других рядах Архангельску из этого отношения принадлежало выдающееся положение, так как отсюда могли быть постоянными рынками привозных товаров.

В 1660 и 1664 г. здесь велели «чужбинных запасов». В 1663 г. последовал указ купить в Архангельск «свечи финишного сладкого 20 фунтов». Правда, свечи не оказались у архангельских торговцев, и пришлось его купить в Москве, где свечи покупались у иностранцев у Ивана Фавенсена, Ивана Мирсона, Ивана Вистова и Григория Горцына.

Сделки производились с московскими торговцами и в других случаях. Так в 1667 г. у иностранца Ивана Ерефеева предлагалось купить 30 фунтов аглинского масла за 288 рублей, которое по предельным ценам Аптекарского Приказа стоило 720 рублей⁴⁾.

У архангельских drogистов покупались «Ошищенное свиное сало, гусиное да деревянное масло, камень безый да шифрант, ромон да мушкетер, померанцева корка» и пр.⁵⁾. В 1672 г. доктором Стефаном Оунгадановым была составлена

следующая роспись медикаментов, которые должны были быть куплены в Архангельск: «миндальных ядер сладких—10 пуд, соку пыренового—пуд, свиных свиных что надобно на огород, свиных базиликум—четверть фунта, герри—четверть фунта, ошени—фунт, ястре— $\frac{1}{4}$ ф., генисте— $\frac{1}{2}$ фунт, маюране— $\frac{1}{4}$ ф., мелеси—фунт, розмарину— $\frac{1}{4}$ ф., фьянку— $\frac{1}{4}$ ф., камохили розана—ф., лиустри— $\frac{1}{4}$ ф., дауни— $\frac{1}{2}$ ф., тунне— $\frac{1}{4}$ ф., жезугу на лекарства фунт»⁶⁾.

Более грубые вещества приобретались в русских зеленых рядах. Маскотельный ряд доставлял свфу горючую, имбир, шафран, смолу черную, белую и желтую и т. д.; ясной ряд—сало свиное на пластырь, «диавлама» свиной—воск на пластырь, «стиптикой» параселенет; ошени—посуду, бумагу, ядра свиной—свиное кровное и пр.⁷⁾. Для закупок на внутреннем рынке употреблялись особые люди. Так в атаках читались: «а всякия принаи земли и лекарственные статьи, покупают тех палат, подъяче и источники и дворянские делари, а в иное время для покупок лекарственных статей и послати некое и от того аптекарский делам чинится остановка и лекарственной прокладке недобор»⁸⁾.

О развитии внутренней торговли медикаментами засветить иностранной можно судить, например, по следующему документу от 1661 года, в котором читается: «В прошлом по 168 году куплено у Дмитрия посаженного человека у Милана Берескина 7500 пучков яны свиле, по 6-ти рублем, 1000 да за 500 пучков 3 рубль, за прошлый 2 рубль, всего 47 рублей. А яны свиле куплено в сел: Подреветом у крестьянина у Соки Каминина яны свиле 56 гряд, а денеть за то яны проситом. Соки 70 рублей; а деляти на то яны масло явное и водку. А *пашерей сего масла явное покроя за морем в Пашерей земля. А пашерей аптекарским лекарством в за моря привозу не благаю пошу чиниший год»*⁹⁾.

Достигнутые в этом отношении успехи не замедлили сказаться и в других формах. Так в конце XVII ст. последовал указательный указ на имя докторов Ренгубера, Нантуса и

¹⁾ Матер. №№ 392, 411, 413.

²⁾ Ibidem №№ 431 и 437.

³⁾ Ibid. №№ 213, 303, 522, 528, 532, 580, 1156.

⁴⁾ Имен матер. т. I, стр. 48 и 165.

⁵⁾ Матер. № 296 и 296.

⁶⁾ Ibidem. № 296.

⁷⁾ Ibidem № 216, 288, 430 и др.

⁸⁾ Имен матер. т. II, № 72.

⁹⁾ Матер. № 952.

Михаила Грамова, въ которомъ шло дело: „и лечить ихъ всякихъ чиновъ людей, а лекарства брать изъ Аптекарскаго Приказа, а не своими лекарствами“¹⁾.

Подобный указъ могъ послѣдовать только благодаря тому, что приказная аптека обильно была снабжена лекарствами и не нуждалась, какъ было ранее, въ медикаментахъ, приобретаемыхъ *лично* врачами за границей.

Послѣ того, какъ снабженіе царской аптеки медикаментами получило вполнѣ установившійся характеръ *государственного* предприятия, стали обнаруживаться попытки освободиться отъ поставщиковъ изъ зеленого ряда. Съ первой половины XVII ст. Аптекарскій Приказъ организовалъ собираніе многихъ лекарственныхъ травъ и корней въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Народъ издавна пользовался великими травами отъ различныхъ болѣзней, и стоило только выйти связь съ нимъ, чтобы иностранная медицина нашла твердую опору въ національно-русской фармакогнозии.

Въ качествѣ посредниковъ между царской аптекой, какъ центромъ заграничнаго врачебнаго знанія, и народными знахарствомъ явились особые специалисты, такъ называемые помесы или травники. Впервые свидѣнія о нихъ встрѣчаются въ 1630 году, когда были посланы четыре травника „Иваншка Оедоровъ съ товарищи въ дѣль для травъ и корней и цѣлствъ“²⁾.

Помесы вѣдались Аптекарскимъ Приказомъ, состояли также при Хлѣбномъ Дворѣ и въ Кормовомъ. На практику они выѣзжали обыкновенно по три—четыре человека въ одной группѣ. Каждому отпущались возы, давалась лошадь и отводилась квартира „дѣдѣ постоять“. Работали травники въ теченіе всего лѣта подѣлывая приказанныхъ людей или мѣстныхъ воеводъ. При выѣздѣ ихъ на сборы травъ воеводамъ показывалось: „и чинить ихъ во всемъ спомогательство, чтобъ травному собиранью не искуется времени, и давать имъ въ помощь крестьянскихъ дѣтей, робящихъ по разсмотрѣнію, чтобы однолично травному собиранью мѣшкоты не было“³⁾.

Помесамъ собственно принадлежало руководительство въ собираніи лекарственныхъ растений. Они должны были знать, какъ

нужно собирать, въ какихъ мѣстахъ, что и въ какое время. Вся же черная работа совершалась насенными силами, „подричниками“ изъ окопанныхъ крестьянъ, которыхъ приказные люди „подричали по уговорной цѣнѣ“. Если же не находилось подричниковъ, то воеводы силою заставляли крестьянъ выносить царскій указъ о сборѣ тѣхъ или другихъ растений⁴⁾. Травы собирались по особой росписи „за дѣлчесю приписью“. По окончаніи работъ, составлялся на мѣстѣ „роспись травамъ и цѣлствъ и корни которые приписаны“, а въ другую роспись заносились тѣ травы, „которые у травниковъ въ росписи для собиранія написаны и тѣхъ травъ въ дугахъ на поляхъ и въ дѣлахъ вѣтъ“.

Операніи по приписанію и заготовленію лекарственныхъ травъ въ разныхъ концахъ государства отличались разнообразіемъ и широтой.

Такъ въ 1661 г. повелѣвалось въ Казани и въ уѣздѣ собирать шесть возовъ солодованаго корня, во дворянъ сказали, что въ Казани и въ Казанскомъ уѣздѣ и въ Казанскихъ пригородкахъ солодованаго корня нѣтъ“. Въ томъ же году было указано въ день Рождества Іоанна Предтечи собрать 10 пудовъ чечушной травы, для чего въ Москву въ Казань были посланы истопникъ Дмитрій Иванковъ. Для сбора той же травы въ 1663 г. въ Казань были посланы изъ Москвы воеводы Иванъ Овдокимовъ, а въ 1669 г. лекарскаго дѣла ученикъ Осипъ Дорофеевъ.

Въ 1664 г. было приказано „коротовскимъ всеннымъ людямъ на Коротовѣ и въ Коротовскомъ уѣздѣ и въ казанскихъ городкахъ и въ иныхъ мѣстахъ собирать *соловкомъ* коренья тридцать пудовъ въ веснѣ рано или въ осеннее время“. Тогда же было приказано собирать „*соловкомъ* коренья десять пудовъ“ дворянскимъ посадскимъ людямъ на Воронежѣ и въ Воронежскомъ уѣздѣ“.

Въ 1666 г. было указано „въ Казани и въ Казанскомъ уѣздѣ собирать *чечушную* траву 5 пудовъ добрая съ цѣлствъ и кореньемъ, а для тое травы прислать въ Казань лекарскаго дѣла ученика Серѣжа Вавильма“. Въ томъ же году велѣно „въ Коломенскъ и въ Коломенскомъ уѣздѣ собирать корень *чечушны черной* пудъ, а для тоего сбора въ Коломенской уѣздѣ велѣно послать англоныхъ людей, которые тое коренье знаютъ“. Тогда же по

¹⁾ Ibid., № 1375.

²⁾ Матеріалы ХМ 25, 26.

³⁾ Ibid., № 184.

⁴⁾ Ibid., № 185.

указу Алексея Михайловича податские жители люди обязаны были собирать «из Подольска уездѣ на Подольской сторонѣ двини рѣки *корень конского*».

Въ 1667 г. для сбора 20 пудовъ *соловьяна* коренья были посланы из Воронежа воронежские посадские люди Иванка Семенишевъ, Федка Алнатовъ, Микитка Гордеевъ, Евдокимка Стедильниковъ и Иванка Покоевъ. Въ томъ же году заказано собирать на Горостовѣ 30 пудовъ *соловьяна* коренья. Тогда же было указано государственныхъ дворовыхъ подмосковныхъ волостей крестьянамъ собирать *осокорныхъ шишекъ* подь осмины въ мазъ пошлемому¹⁾.

Въ 1672 г. съ тѣхъ же подмосковныхъ дворовыхъ волостей «до *четвертой пяди* *своробориннаго*». Тогда же повелѣлось из Казани и из Казанскаго уездѣ собирать «*четуи*ныя травы съ шѣтокъ... и съ тое четуиныя травы собраны листья неточенъ мелко и просѣять чистымъ ситомъ, чтобъ тое точенные травы было вѣсомъ 2 пуда, да неточенныя четуиныя травы высушеныя четыре пуда». Семнадцато мая того же года Тобольскому воеводѣ было указано собирать «*травы зѣлробой* толченныя и нетолченныя».

Въ 1674 г. прислали къ Москвѣ травы зѣлробой — изъ Томскаго съ сѣмъ изъ боярскимъ съ Матѣемъ Кузнецовымъ съ товарищи, толченого три пуда да нетолченого съ листовъ и съ шѣтокъ — пуда; изъ Кузнецкаго — съ атаманомъ съ Онуфриемъ Оедоровымъ: толченого три пуда; изъ Красноярскаго съ сыномъ боярскимъ изъ Григориемъ Никитинымъ — толченого три пуда, да пуда съ листовъ и съ шѣтокъ. Сибирь и ранѣе была поставщикомъ зѣлробойной травы. Такъ, въ 1655 г. изъ Москву «изъ Томскаго... прислали съ томскими служилыми людьми... травы зѣлробой пуда толченныя да пуда не толченныя, съ листовъ и съ шѣтокъ». Въ 1663 г. изъ Москву «изъ Томскаго воеводы Иванъ Бугуринъ да Прокопей Новодовъ прислали съ томскими служилыми людьми... травы зѣлробой толченныя въ мѣшкѣ — полтора пуда, да нетолченныя съ листовъ и съ шѣтокъ въ коробу — пудовъ».

Отъ 1672 г. у насъ сохранилось особенно много свидѣній о сборѣ растительныхъ лекарственныхъ въ селѣ Чашниковѣ. Въ этомъ году 25 июля состоялся общій указъ о сборѣ изъ селѣ дворянскихъ *травъ, шишекъ, коренья и смолы*. Спустя два дня крестьяне села Чашникова были обязаны доставить «на аптекар-

скій обиходъ» 100 вѣдеръ *земляники*. Въ Чашниковѣ работало 9 человекъ, присланныхъ изъ Москвы травниковъ-специалистовъ, которымъ изъ помощъ были даны крестьянскія дѣти. Въ маѣ того же года было приказано собирать съ государственныхъ дворовыхъ Огородной и Басманной слободъ 2 четверти *бобовато пшени*²⁾.

Крохъ травъ и кореньевъ собирались ягоды и разные фрукты.

Въ 1666 г., напримѣръ, лекарь Федотъ Васильевъ получилъ указъ «хаты ему изъ Колоту, изъ Лихвинъ, изъ Бѣленъ; а съ нимъ посланы государевы грамоты, а по тѣмъ государевымъ грамотамъ велѣно изъ Колотѣ, и изъ Лихвинѣ, и изъ Бѣленѣ собирать яблочъ дубовыхъ по подосминѣ изъ городѣ»³⁾.

Въ 1672 г., изъ села Чашниковѣ было приказано «забирать великого государя на аптекарскій обиходъ ягодъ земляники и поставити на Москвѣ изъ Оуткаревыхъ. Приказъ — четвертой дватцать или тридцать и болше»⁴⁾. Въ томъ же году последовало распоряженіе «зунити на... аптекарскій обиходъ изъ Володимирѣ ягодъ вишневъ четверть, а за тѣ вишни дѣти дѣлали изъ Володимирскихъ кабацкихъ доходовъ»⁵⁾.

Иногда сборы травъ производились не только изъ Москвы, а «любыми людьми добрыми», которыхъ указывали воеводы. Последняго рода сборы считались особымъ повинностью. Такъ, въ 1630 году собрали «съ московныхъ селѣ въ мазѣ пошлемому подь осмины шишекъ осокорныхъ, осмины шѣту кубышкѣ 64-лхъ». Тѣ же сѣла, годъ спустя, доставили десять четвертей шѣту своробориннаго⁶⁾. Въ 1645 г. на крестьянъ дворовыхъ селѣ Москвитскаго уѣзда опять было повелѣно собирать шишекъ осокорныхъ. Въ 1662 г. сѣла Борисоглебскаго да съ сѣла Подлибскаго съ четырехъ сотъ дворовъ собрано можжевеловыхъ ягодъ пять четвертей⁷⁾.

Иногда къ роли травниковъ выступали лекарезнаго дѣла ученики, костопоры или даже лекари. Такъ въ 1682 г. послали «изъ Володимеръ и изъ Суздаля для покупки ягодъ земляники ле-

¹⁾ Памят. Моск. 1, стр. 68, 69, 104, 108, и 109, 97, 98, 101, 113, 179, 286—291; Приложение къ и. Черны преобрѣтѣн проклам. сѣл. стр. 97—100; материалы №№ 551 и 101, 520, 651, 328.

²⁾ Моск. № 382.

³⁾ Ibid № 485.

⁴⁾ Ibid № 494.

⁵⁾ Ibid №№ 21, 34, 67, 199, 306.

каря Ивана Бенедиктова да учеником Митку Васильева да Иванку Антонова". В том же году лекарь Афанасий Елизмовъ былъ посланъ въ Путиль для собиранія "цвѣтовъ, травъ и коренья, и ягодъ" ¹⁾.

Особенно широкое развитіе дѣятельности травниковъ получила въ царствованіе Алексѣя Михайловича, который къ ихъ сборамъ относился не безъ нѣкотораго мистицизма и суевѣрія.

Онъ, напримѣръ, въ 1650 г. приказываетъ столынику Матвѣю кину: „и ты-бъ велѣть тѣхъ волостей крестьянамъ и бобыламъ на рождество Іоанна Предтечи, іюня въ 24 день, набрать пшты серабориннаго, да травъ инвериковой и ятной съ цвѣтомъ, и дигизю и дигильнаго коренья...“ ²⁾ А передъ смертью онъ наказывалъ воеводамъ отдаленной Сибири: „о тѣхъ травахъ въ Якутскомъ великихъ людей спрашивать, кто знаетъ... и отъ какихъ бѣдъ и болезней тѣ травы и водки годны...“ ³⁾ Собиравши отъ сахарей свѣдѣнія занимались въ приказной избѣ въ особый росписи, которые отсылались въ Москву, въ Аптекарскій Приказъ.

Отъ помоясовъ требовалась большая добросовѣстность во время сбора травъ, приготовления ихъ и отправки въ приказъ. Въ этомъ отношеніи все было регламентировано до мелочей, въ родѣ слѣдующаго: „...и велѣны-бъ тѣмъ людямъ чечойныя травы собирать пять пудовъ съ пшты и съ кореньемъ, и тое траву велѣли вычистить и перебрать на чисто, чтобы въ ней иной травы и земли не было, и тое траву велѣли высушить на вѣтрѣ, или въ избѣ, въ сухомъ духу, чтобы трава отъ жару не зарумянилась и тое траву зашить въ холстини и поковать въ дубяныя коробки, и тѣ коробки зашить въ рогаки на крѣпко, чтобы или тое травы духъ не вышелъ... и подѣ тое траву дать подводу... и отпустить въ Москву не мѣшкая“ ⁴⁾. Приказывая людямъ наказывалось: „...и надѣ травниками и надѣ крестьяны смотрѣть на крѣпко, чтобы они ягоды и травы и коренья и пшты собирали съ великимъ радѣньемъ... а будутъ травники учинуть травы и цвѣты и коренья собирать охлобно, и ты-бъ чинить наказаніе: билъ батоги“ ⁵⁾.

¹⁾ Наши матер. т. II стр. 298, № 185 и Прилож. № 19.

²⁾ Доводы къ акт. ист. т. III, № 71, раз. VII.

³⁾ Доводы къ акт. ист. т. VI, № 117, 127.

⁴⁾ Материалы № 401.

⁵⁾ Ibid. 490.

Добросовѣстности, матеріала и количество сбора обеспечивались угрозами и наказаніями.

Такъ, въ 1664 г. за недоборъ 4 пудовъ 37 гривенныхъ солоднато коренья въ Воронежѣ было указано на сборщикѣ „за то недобранное коренья... доправить по 5 рублей за пудъ, а сказавъ ему нашъ в. г. указъ посадить въ тюрьму, а за недобранное коренья на пшты доправить тотчасъ безъ всякой поворочки“. При этомъ и воеводѣ ставилось на видъ: „а буде за недобранное солодкое коренья на Оомѣ денегъ везорѣ не доправишь и къ Москвѣ не приидеши, и за то ослушаніе велимъ наказати безо всякой пощады“.

Въ 1667 г. воронежскому воеводѣ Василию Елифановичу Уварову Алексѣй Михайловичъ писалъ: „А только ты нашего указа не послушаешь, для сбора солоднато коренья посадилъ людей Иванка Сехенишева съ товарищи не пошлешь и учинишь имъ и пшты посадилымъ людямъ порочить, взыскъ съ нихъ многіе посули, имъ то солодкое коренья велимъ доправить на тебѣ противъ нашего указа сполна, да на тебѣ изъ за твое ослушаніе велимъ доправить пенни 100 рублей“. Такою же пенскою въ 100 руб. угрожали въ мартѣ 1667 г. коротковскому воеводѣ Палицкому.

Вѣроятно, поворочка посадилымъ людямъ передѣло въ то время имѣла мѣсто. Такъ отъ 1662 г. до насъ дошла челобитная коротковскихъ дѣтей боярскихъ и полковыхъ казаковъ Марки Сухарева „съ товарищи 7 человекъ“, изъ которой видно, что воевода Денисъ Сухотинъ кѣмъто проинименныхъ и посадилымъ людей послалъ ихъ просителей „сворыхъ дѣломъ“ для принсканія солоднато коренья. Челобитчики врасходовали въ этой незаконной командировкѣ 70 рублей, и Приказъ хотя частью возместить ихъ убытки, выдалъ 20 рублей. ¹⁾

Естественно, что воеводы старались исполнить нарекіе указы о сборахъ травъ и не останавливались передъ репрессіями въ отношеніи лишь ближайшихъ образомъ обязанныхъ. Помоясовъ за неаккуратное отношеніе къ своимъ обязанностямъ не только били „батоги“, но и увольняли со службы. Такъ, напримѣръ, были уволены въ 1645 г. помоясы Оедьма Устиновъ, Митыка Елисеенъ да Оомъ Тимоосенъ, которые „государеву дѣлу не радѣли, или и гуляли, травъ и коренья привозили по малу“ ²⁾. Но тяжѣе

¹⁾ Наши Матер. т. I стр. 77, 105, 106 и 17.

²⁾ Доводы къ акт. ист. т. III, № 1.

всего была участь крестьян, которые вследствие неурожая трав и гнета других многочисленных, помимо травной, повинностей и податей часто обращались в бѣгу. Такъ, въ 1661 г. Василий Унковскій и Илья Кирилловъ доносили изъ Ярославля въ Москву: „подводъ и ягода, будетъ и вѣтъ не съ кого потому что изъ многихъ помѣстей и вотчинъ крестьяне и бѣжали отъ всякихъ твоихъ государевыхъ податей и отъ хлѣбные недороды разбрелись прознь.“¹⁾

За недоборъ наказывали тюрьмой, а также правожомъ.

Напримѣръ, въ 1661 г. Василию Унковскому и Илья Кириллову на ихъ отписку отъ 21 окт. 1661 г. послать приказъ „дослушниковъ сажать въ тюрьму“²⁾ Въ 1661 г. также была доношена: „да съ достальнымъ, государь, ягода многие уѣздные люди въ Ярославль не идутъ, чинится сильно и непослушны. А Ярославской земской староста Иванъ Герасимовичъ съ товарищи ничего ягодъ нѣтъ, х. т. не плачивали и въ тѣхъ ягодахъ стоять на правожѣ“³⁾ Въ 1667 г. Василий Унковскій и Никита Великосельскій доносили въ Москву: „ярославскій земскій староста Афанасій Захарьевъ съ товарищи въ тѣхъ деньгахъ за можжевеловая ягода безпрестанно стоять на правожѣ, а платежу въ службу избу ничего не принашивали“⁴⁾.

Съ половины XVII ст. натуральная повинность по сбору растительныхъ медикаментовъ стала замѣняться денежными взносами.

Такъ въ 1663 г. „дворянцы, вотчинниковые, крестьянские и бобыльскіе дворы“ ярославскаго уѣзда вследствие неурожая можжевеловыхъ ягодъ были обложены сборомъ въ 10 денегъ съ двора, а всего съ 780 дворовъ въ 38 руб. 11 алтынъ 4 денга⁵⁾.

Въ 1665 г. въ Ростовскомъ и Костромскомъ уѣздахъ „съ помѣстій и съ вотчинъ всякихъ чиновъ людей“ было разрѣшено выписывать по 2 руб. за четверть можжевеловыхъ ягодъ⁶⁾.

Въ 1666 г. за недоборные 4 пуда 31 гривн. сододового корня короткоязыкіе полковые казаки уплатили 9 руб. 18 алт.

¹⁾ М. Ох. Арх. М. Им. Двора. Дла Авт. Пр № 6.

²⁾ Ibidem. № 18.

³⁾ Ibidem. № 19.

⁴⁾ Ibidem. № 159.

⁵⁾ Ibid. № 20.

⁶⁾ Ibid. № 120.

2 денга¹⁾. Годъ спустя въ ярославскомъ уѣздѣ было изыскано „за можжевеловыхъ ягодъ съ чети павини по четыре алтына съ денгаго, а съ 800 четей сто рублей денегъ“²⁾.

О продуктивности работы травниковъ можно судить по дошедшимъ до насъ спискамъ доставлявшихся имъ травъ. Такъ въ 1672 г. изъ села Чашинкова семью травниками было доставлено: буквицы черной 700 пучковъ; злабной 430 п.; очной помячи 100 п.; широкъ 50 п.; шиперику, шавель людского, поповой скуфы, синевороту, чистяку, сала вороня и гречи дикой по 40 п.; чернобыльнику и мяты каменной сѣмянной по 100 пуч.; медвѣжьихъ ягодъ 50 п.; душицы 300 п. Тогдаже и изъ того же села Чашинкова другою партией изъ девяти человекъ было доставлено: изъ травъ попутнику и рябины дикой по 200 пучковъ; слабозу, аризонія и гербарія по 100 п.; крапивы 60 п.; умаря 80 п.; подбѣлнику ольшана; навилыны подбѣлщины; адилдуй 1/2 ося; листу дубового 7 четей; брусники 1/2 ося; жеребчатого конята 1/2 ося; вероники ося; жюрицы ося; фиалки дикой 1 чет.; мядуницы 3 чет.; лонушнику ося; репейнику ося; гудры ося; желанничной ося; жалищного чет.; лавоваго конята ося; кончатого шавель 50 п.; изъ цѣтковыхъ: буквицы черной 5 чет.; бѣлой чет.; шиперику 5 чет.; борознова ося; инатикова полъ 3-хъ четей; кубышекъ желтыхъ чет.; липоваго 7 чет.; изъ сѣмянъ: шавель людского 2 фун.; шавель кончатого 2 фун.; попутникова 7 ф.; крапивнаго 2 ф.; изъ кореньевъ: термантеннаго четверть съ четей; болдеряну—чети; жѣсена ося; пелидоніева четверть³⁾.

Травы, корни и т. п., собиравшіеся травниками служили для приготовления лекарствъ, настоекъ и духовъ. Производство настоекъ и духовъ представляло особую отрасль. Вотъ почему Аптекарскій Приказъ постоянно требовалъ присылки романей изъ Приказа Большаго Двора. Такъ мы располагаемъ свѣдѣніями, что въ 1672 году 20 мая было затребовано „5 ведръ романей доброй дѣлать изъ тое романей духъ изъ сосновыхъ вершинъ“; 28 мая снова „5 ведръ романей доброй дѣлать изъ тое романей духъ изъ буквицы бѣлой“; 30 іюля выписано „въ водки и въ

¹⁾ Ibid. № 127.

²⁾ Ibid. № 148, 159, 160.

³⁾ Наши матеріалы т. I, стр. 129, 175, 178; т. II, стр. 288, 290, 291.

духи 3 ведра розанен доброй; 8 августа указано приелати „5 ведер розанен доброй сидеть из той розанен духъ ангеликовон“; 12 октября снова „5 ведер розанен приими дѣлати изъ тое розанен духъ винной“¹⁾.

Для характеристики тогдашней фармакопеи приведемъ несколько описаний лекарственныхъ травъ: *Трава*, имя ей *годури*, цвѣтъ на ней бѣлы, горьковата, растеть при водахъ... А годна та трава, будеть у мужескаго полу или у женскаго нутряная застойная болѣзнь... и тое траву давати въ окупевою въ теплой ухѣ или иномъ изъ чемъ, и сухую давати „бетн“. *Орвошка*, имя имя *трипника земная*; а годна... будеть сердце болѣть отъ какой отъ порчи, или и собою прележемъ болѣть или тоскуеть, и тѣ орвошки бѣтъ сырые и тонить въ горячемъ винѣ или въ добромъ укусѣ... „*Корень*, имя ему *маранъ* и годень... будеть на комъ... триговина; и тотъ корень навизывать... на воротъ и держать... часть, изваявъ для обоняній укусу... „*Корень двостолонный* бѣлый растеть въ дугахъ, годень... будеть зубная болѣзнь и отъ того пухнуть десны, и того корени взять малую часть и на зубахъ держать...“ *Трава рубинка*, а годна... бываеть у человека въ гортани жабная болѣзнь, и тое траву варить въ горячемъ винѣ или въ репскомъ укусѣ и тою травою теплою парить около гортани, и вино или укусъ держать во рту теплые...“²⁾.

Были также травы, которымъ приписывалось значеніе универсальныхъ лекарствъ: объ „излюдинѣ травѣ“ говорится, напримеръ (растеть по старымъ росчиствамъ, ростохъ въ яды, собою мохната и листочки мохнаты): „кто тое траву бѣтъ и тотъ человекъ живучи никакая скорбь не узритъ тѣлу и сердцу“. Къ такимъ же средствамъ относились: парь-трава, трава маранъ, таршникъ и другія.

Само собою разужается, что свѣдѣнія о цѣлебной силѣ различныхъ травъ приобригались въковымъ опытомъ, потохъ передавались отъ однихъ къ другимъ посредствомъ частныхъ указаний.

Распространеніе знаній между травниками достигалось самой организаціей партій, которая составлялась изъ малоопытныхъ и знающихъ свое дѣло. Такъ въ 1673 г. лекарскіе ученики фонъ Гадена были посланы въ село Измайловское „збирать травы и

коренья въ лекарство... а ходити имъ съ старыми учениками вмѣстѣ, которые посланы для травъ въ Измайлово-жъ—шесть человекъ съ апрѣля изъ 9 числа та дѣй перемѣны для наученія лекарскаго дѣла, а старымъ ученикомъ ходитъ на три перемѣны“.

Сборы производились обыкновенно въ однихъ и тѣхъ же мѣстностяхъ, такъ что съ одной стороны, приказскіе травники имѣли возможность учиться у мѣстныхъ знающихъ лекарственныхъ растений, а съ другой, сегодня использовать тѣхъ же чернорабочихъ „дѣтей крестьянскихъ“ и въ свою очередь обучать ихъ растеніевѣдѣнію.

Наконецъ усвоенію свѣдѣній о растеніяхъ помогали очень распространенныя въ то время „зеленки“, изъ которыхъ нѣкоторые были даже „назначены шибтами“, т. е. издистрированы.

Въ соответствии съ какою-то обязанностью травниковъ, московское правительство старалось обезпечить добросовѣстное отношеніе ихъ къ этимъ обязанностямъ, не только при помощи угрозы и наказаній, но и путемъ нѣкотораго рода расширенной гражданской ответственности, а именно „поручниковъ“.

При поступленіи на службу травники давали обязательство свято соблюдать своей служебный долгъ. Это обязательство скрѣплялось поручителями. Такъ при опредѣленіи въ травники Ивана Григорьевъ 26 марта 1682 г. за него поручились пять человекъ въ томъ: „что быти ему Ивану, за Нашею порукою въ Оутекарскомъ. Приказѣ и на оутекарскомъ огородѣ, что за каменнымъ мостохъ въ травникахъ; и будучи ему у государева дѣла родѣтъ безо всякаго пороку; и которые травы и шибты и сѣмена и коренья въ збиранию посѣбуютъ, про обиходъ великаго государя, и ему Ивану, спросясь съ оутекаремъ, буде посѣбуютъ—збирати и сунуть въ подобное время не оброну и не пиданъ въ самое такое время, какъ которая трава или шибтъ или коренья въ совершенной своей силѣ будеть и собрать осушить ему Ивану, какъ прикажутъ и никакимъ умысломъ не стюить, и въ избахъ не пересушивать, и не жечь; а какъ коренья травы всѣ и шибты и сѣмена высушатся, и про обиходъ великаго государя станутъ спрашивать въ Оутекарскомъ Приказѣ—и ему Ивану травы и шибты и коренья и сѣмена отнукать свѣдія и не показанія и не гнилами и не пересушенныя, чистыя безъ прихвѣсу и безъ прикладу; и по дружбѣ никому травъ и коренья и никакихъ людей или того оутекарскаго огорода утайкою не давать; и

¹⁾ Ibidem т. II, стр. 286—289.

²⁾ Дополненія къ акт. истор. т. VI № 117.

иснять его государеву жалованье, не заслужа, не снести и не збѣжать¹⁾.

Въ аптекарскихъ садахъ и огородахъ старались разводить такіа лекарственные травы, которыя поймами собирались съ трудомъ или же вовсе не собирались. Напримѣръ, въ 1672 г. заявили травники— „Володка Семеновъ да Антошка Ивановъ про травы, которые сажены въ аптекарскомъ огороде, а тѣ травы у травниковъ въ росписи для збиранія написаны, и только травы въ огороде, на поляхъ и въ лесѣхъ нѣтъ“²⁾.

Засаживались сады всѣми возможными въ то время средствами.

Въ 1643 г. бояринъ Осодоръ Ивановичъ Шереметьевъ просилъ доктора Венцелинуса Сибицкаго привезти изъ-за границы для садовъ въ Коломенскомъ и Петровскомъ „что къ тому надобно, а добыть можно съ собою привести“. Въ 1672 г. докторъ Стефанъ Фунгадановъ представилъ списки, „что купить про аптекарскій обиходъ у города Архангельскаго *огородники, садовники и иныхъ лекарствъ*“³⁾.

Въ 1661 г. была сдѣлана попытка воспроизводиться частными интентантами „двора боярина Никиты Ивановича Романова травы всѣхъ, которые годятся посадить въ государеве аптекарскомъ саду“⁴⁾.

Некоторые растения пересаживались или провинции. Такъ въ 1662 г. было предложено посадить въ аптекарскомъ саду, что за Каменнымъ мостомъ, „серборинникъ и серфодинникъ красной, бѣлой, черной и малинникъ; а клятъ того сербориннику, малинику можно изъ Дмитрова изъ Дмитровскаго уѣзда“⁵⁾.

Въ 1666 г. было указано „корень консолиды сырою съ землею и съ травою собрать двадцать кустовъ, а то коренье сырое изъ Подольска велѣно напередъ сухова корени прислать къ Москвѣ, а на Москвѣ то коренье посадить въ саду“⁶⁾. Въ томъ же году на имя воеводы изъ Петра Семеновича Прозоровскаго послѣдовалъ указъ, которымъ „велѣно въ Смоленскѣ и въ Смолен-

¹⁾ Матер. № 1670.

²⁾ Ibidem № 487.

³⁾ Ibid. № 708.

⁴⁾ Ibid. № 924.

⁵⁾ Ibid. № 1024.

⁶⁾ Ibid. № 1078.

скомъ уѣздѣ по рѣкѣ Днѣпру и въ иныхъ мѣстахъ собирать корень консолиды чернаго толстаго и тонкаго по 10 пудовъ да сырого корня съ травою и съ землею 20 пудовъ, а для того сбора въ Смоленскій уѣздъ велѣно послать смоленскихъ шарьяниковъ или иныхъ людей, которые люди то коренье знаютъ, а собравъ то коренье велѣно прислать къ Москвѣ, и то коренье собрано ль и въ про то къ намъ не писывали и корень не присылывали, а сырой корень посадили въ садъ время приспѣло“¹⁾.

Въ 1676 г. былъ посланъ въ Кіевъ алхимическаго дѣла ученикъ Тишка Анисимъ „да съ нимъ аптекарскаго дѣла ученикъ Алевиза Ивановъ для покупки великихъ огородныхъ деревъ, и цѣлотовъ, и сѣмянъ на государевъ аптекарскій огородъ, что за Каменнымъ мостомъ“. Изъ расходныхъ книгъ видно, что онъ исполнять свою миссію не исполнѣ улично. Изъ полученныхъ 100 рублей онъ приобрѣлъ всего на 6 рублей на 10 денегъ „огородныхъ деревъ, сабубковаго и душенъ ослиныхъ и среднихъ, и вишенъ, и сливъ, и яблоней, и ореховъ кіевскихъ“²⁾.

При садахъ находились садовники съ учениками, источники, пѣсчаники, робочихъ и сторожъ. Садовники обыкновенно были иностранцы: годового жалованья имъ не получалось, а шли одни поденные корма около 10 руб. въ мѣсяцъ³⁾.

Въ садахъ, кромѣ фруктовыхъ деревьевъ, культивировались: Бѣлая дерево, кардусъ бенедиктусъ, мята простая, мята кошачья, герниарія, зора, чабръ, азиатичкумъ, аутрильскъ, цѣлѣ бораговъ, макотъ красный, корень львова зуба, сатири описъ, корень финиковый, рутновъ и т. д.⁴⁾.

Затрудненія, связанныя съ собираніемъ травъ въ отдаленныхъ углахъ Россіи, недобросовѣстность сборщиковъ, частые неурожаи травъ, переѣзды порчи ихъ при пересылкахъ на большія разстоянія навели московское правительство на мысль о разведеніи нужныхъ растений въ самой Москвѣ. Аптекарскимъ Приказомъ какъ было показано выше, систематически принимались мѣры къ акклиматизаціи лекарственныхъ растений въ столицѣ. Съ этою цѣлью устраивались аптекарскіе сады и огороды.

¹⁾ Матер. т. I, стр. 92.

²⁾ Матер. № 1256.

³⁾ Ibid. № 300.

⁴⁾ Ibid. № 487.

Рихтер, а за ними Ханыков, Загоскин и другие передают, что в Москвѣ было три аптекарскихъ сада: „первый и вѣзвѣстѣнѣйшій былъ близъ Каменнаго моста у городскихъ стѣнъ, другой у мясницкихъ воротъ и третій близъ нѣмецкой слободы (Аптекарской огорода, что подъ ново-нѣмецкой слободою“¹⁾).

Дѣйствительность представляется иная. Въ самомъ дѣлѣ, по указу 1657 г. была устроена цѣлая огородная слобода, куда было указано „аптекарскаго двора отъ Кремля города перенести и источникъ и сторожей перевести *за Фроловскіе ворота* въ огородную слободу“²⁾. Мѣсяца за два передъ тѣмъ государь „указалъ построить въ своемъ государевѣ верхнемъ саду всякіе разные цвѣты, дохтуру, противъ того, какъ построено въ Аптекарскомъ саду, не искуста времени“³⁾.

Въ 1658 г. Алексѣй Михайловичъ указалъ „аптекарскаго сада, что *за Каменнымъ мостомъ у Кремля города у стѣны*, гдѣ были лебязей... оберегать стрѣльцомъ“⁴⁾.

Въ указѣ отъ 1678 г. упоминается объ „аптекарскомъ огорода, что *за Мясницкими воротами*“⁵⁾.

Возможно допустить, что въ ново-нѣмецкой слободѣ также нѣлся аптекарскій садъ, хотя авторы, упоминающіе о немъ, какъ впрочемъ и о другихъ садахъ, не приводятъ документальныхъ указаній. Но въ матеріалахъ подъ 1670 г. мы находимъ указанія на „аптекарскаго сада, что *у Каменнаго моста*“⁶⁾. Очевидно, были сады *по обѣ стороны рѣки*: одинъ у каменнаго моста, другой по ту сторону послѣдняго.

Вслѣдствіе число садовъ и огородовъ значительно увеличилось. Такъ въ 1677 г. Сеодоръ Алексѣевичъ указалъ „Артемона-скій загородный дворъ—Сергѣева сына Матвѣева,—что *за Покровскими воротами* за Землянымъ городомъ, по правую сторону Басманныя слободы, идучи изъ города у землянаго вала, со всѣмъ строеніемъ, и садами, и съ огородами, взять на себя Великаго Государя, а вѣдать тотъ со всѣмъ въ Аптекарскомъ Приказѣ, и дворниковъ того двора отослать въ Аптекарскаго Приказъ“. При

¹⁾ Рихтеръ, *Op. cit.* т. II, стр. 181—182; Загоскинъ, *Op. cit.* 47; Ханыковъ, *Op. cit.* стр. 362.

²⁾ Матеріалы № 729.

³⁾ *ibidem* № 708.

⁴⁾ *ibidem* № 869.

⁵⁾ *ibidem* № 1418.

⁶⁾ Матеріалы № 450.

осмотрѣ оказалось, что „кругомъ двора и огорода 335 сажень, безъ четверти“ Специально объ огородахъ въ протоколѣ осмотра записано: „въ огородахъ 126 яблонъ и грушъ большихъ и малыхъ, и въ томъ числѣ добрыхъ съ тридцать яблонъ, на десяти яблоней цвѣтъ; 15 вишенъ съ цвѣтами ябл., 10 кустовъ большихъ и малыхъ барбарису. Въ огородахъ ябл., подлѣ забора, малинникъ и смороденикъ мѣстами, да по жезенику въ огородахъ же малинникъ въ дву мѣстахъ. На грядкахъ въ огородахъ посѣяна росада и огорща, а ниже гряды всаханы: да не всахана съ треть огорода“¹⁾.

Сохранились и другія дѣшныя, подтверждающія мысль, о постепенномъ увеличеніи числа аптекарскихъ садовъ, а именно въ одной челобитной 1682 года видно, что въ 1672 г. были разведены три новыхъ сада. Челобитники писали: „Въ прошломъ, государь, во 187-омъ году марта въ 21 день вѣсти мы ходили твои по твоему вел. гос. имѣнному указу, въ твой государевъ поный въ красной садъ, *въ садоники—въ сады развозили*; а сажали мы всякой овощъ, яблонъ и грушъ, виноградъ и серебрянникъ, красной и бѣлой, и смородину и дыни и огурцы и тыква и всякія цвѣты, и сѣяли съ немчиномъ съ Кондратьемъ Филипповымъ да съ Петромъ Гавриловымъ, а съ Степаномъ Турченинымъ разводъ было: арбузы сажали, анисъ сѣяли; да мы же ходили твои сажали съ нимъ Степаномъ въ нижнемъ саду на плотинномъ дворѣ двѣнадцать пучкомъ винограду; а онъ Степанъ Турченинъ, окрѣпчѣ тѣхъ арбузовъ и анису, ничего не знаетъ... Вели Государь намъ быть у твоей старой работнишкѣ... у твоего государева садового строенія, кои мы сады разводили въ твоемъ государевѣ новомъ красномъ каменномъ саду и на денесномъ старомъ дворѣ, а съ нимъ Степаномъ не вели государь тамъ быть, и вели государь ему Степану разводити вновь, что онъ знаетъ“.

Въ отвѣтъ на челобитные послѣдовать указъ допросить Турченина Степана Мушкова: „гдѣ сады онъ строитъ и во всемъ одинъ надирать и разводитъ умѣетъ ли и силу въ деревьяхъ и цвѣтахъ и травахъ знаетъ ли“. Мушковъ отвѣтилъ: „что де ему набережнаго сада садоники Давыдко Васильевъ да Прокопъ Демитиенъ не надобны, потому что де они ничего не знаютъ и всякое огородное дѣло ихъ не стало бы; а онъ Степанъ въ садахъ, которые писаны выше сего, всякіе дерева и корни и цвѣты и

¹⁾ *ibidem* № 1389.

«Бжана и инши статьи, которые принадлежат къ аптекарскимъ великого государя дѣламъ, всѣ, и силу ихъ знать, и во всѣхъ садахъ оны Степанъ одинъ можетъ во всемъ пазирать и разводить, да ему-жь Степану надобно въ три сада шесть челоуѣкъ работниковъ добрыхъ и не пьющихъ, только въ лѣто, и зиму не надобны. ¹⁾

Изъ этого можно заключить, что въ 1679 году было разведено по *три новыхъ* аптекарскихъ сада: одинъ, низкій садъ, на плотинномъ дворѣ; другой—новый красный каменный садъ,—и третій—на денезной старомъ дворѣ.

Кромѣ указанных *аптекарскихъ* садовъ было много садовъ въ подмосковныхъ мѣстностяхъ въ селѣ Намановскомъ, въ монастыряхъ Троице-Сергѣевскомъ, Воробьевскомъ, Крутицкомъ и другихъ, но рассмотрение ихъ не входитъ въ нашу задачу.

Культура аптекарскихъ растений въ садахъ постепенно была удеша, что многія травы были вычеркнуты изъ списковъ, по которымъ работали травники изъ провинцій. Такъ въ 1679 г. иноземецъ Семеновъ въ челобитной писалъ: «посылаю были я иноземцы... въ Перевскъ, Разанскій, въ Пронскъ и въ Рязокъ, и въ Михайловъ, и во многіе города и пригороды для травъ, и цвѣтовъ, и коренья, и ягодъ, и для всякихъ лекарственныхъ статей; и за тѣмъ нашимъ в. г. дѣломъ были я иноземецъ и работаль по четыре года, и *онъ много нашего искуства дѣла и иноземцы отставлены потому, что ны лекарственные травы были отложены*» ²⁾

Въ результатѣ всѣхъ принятыхъ мѣръ аптечное хозяйство достигло большой степени развитія и аптека стала обладать значительными запасами медикаментовъ какъ привозныхъ, такъ и туземнаго произхожденія.

Прежнее зданіе не могло уже вмѣстить всѣхъ запасовъ, и въ 1669 г. послѣдовалъ указъ: «на гостиномъ дворѣ очистить полаты да погребы, а въ ту полату и въ погребы поставить аптекарскіе всякіе лекарственные запасы для береженья». ³⁾ Кромѣ того, въ 1670 г. упоминается «новый аптекарскій дворъ, что на Смоленской улицѣ, подлѣ монастыря Возвнженія Честного Кре-

¹⁾ Матер. № 1672.

²⁾ Ibidem, № 1167.

³⁾ Ibidem, № 3296.

ста Господня». На этомъ дворѣ было сооружено большое каменное зданіе, для постройки котораго потребовалось 50000 кирпичей ¹⁾.

Столь заботливое отношеніе московской администраціи къ снабженію Москвы лекарственными веществами объясняется широкимъ развитіемъ военного дѣла и широкой постановкой военно-врачебной службы. Многочисленные полки того времени, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ западной и южной границъ государства, представляли постоянный спросъ на лекарей и лекарства. И московская администрація, какъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ документы, принимала всѣ мѣры къ тому, чтобы запросы не оставались безъ удовлетворенія.

Царская аптека, щедро снабженная медикаментами иностраннаго произв. и отечественнаго сбора, вѣдѣтъ съ обиліемъ матеріаловъ, соединяла необычайную роскошь внѣшней обстановки. О восточней сохранился характерный отзывъ Шеншина, писавшаго: «могу сказать по истинѣ, что я никогда не видѣлъ такой превосходной аптеки; флажки, сарафаны были изъ хрустали шифернаго и крышки въ оныхъ и крои шлобены красны позолотою». ²⁾

Дѣйствительно, въ 1672 г. аптекаремъ Романомъ Бинильномъ изъ Англіи были привезены для царской аптеки «два сундука съ склянками *золочеными*» ³⁾.

Въ 1648 г. Алексѣй Михайловичъ прислалъ въ приказъ для варенья аптекарскихъ составъ про свои государствъ обиходъ *свою серебрѣю* съ кровлею, мѣрою въ кружки въ дѣл или болыни, и впрѣдъ той стоиѣ указали быти въ Аптекарскомъ Приказѣ» ⁴⁾.

Наши матеріалы даютъ возможность сдѣлать нѣсколько дополнителныхъ штриховъ. Въ 1670 г. въ Аптекарскій Приказъ было изято дѣять аршинъ камня черчатой лапчатой доброй, а въ Аптекарскомъ Приказѣ въ той камкѣ дѣлать въ лекарствамъ, которые про великого государя, держать кровельны. Въ августѣ того же года въ Аптекарскій Приказъ было прислано изъ Казеннаго «десять аршинъ атласу черчатого, оклеивать тѣмъ атласомъ

¹⁾ Матер. № 456 и 459.

²⁾ Рихтеръ, Ор. сѣ. т. II, стр. 112.

³⁾ Матер. № 426.

⁴⁾ Ibidem № 621.

въ лишкахъ и въ скривихъ гнѣзда, въ которыхъ ставить лекарства про великаго государя, сукна багрового самого добраго четыре аршина, аглицкаго червчатого самого жъ добраго десять аршинъ, настлать тѣми сукнами столы и полки и лавки, гдѣ ставить сосуды, въ которыхъ про великаго государя лекарства нарязены».

Въ 1677 г. Олехъ Алексѣевичъ указалъ прислать съ Казеннаго Двора въ Антекарскій Приказъ „на повязку склянокъ, и стонокъ, и судеекъ, въ которыхъ отпущаются лекарства въ верховые отпуски, фунтъ шелку краснаго добраго безденежно“. Въ октябрѣ того же года опять последовало такое же требование прислать „на повязку склянокъ и стонокъ, въ которыхъ отпущаются въ Антекарскаго Приказу великія лекарства въ верховые отпуски фунтъ шелку краснаго“. Въ 1679 г. также на повязку „великихъ склянокъ и стонокъ“ для верховыхъ отпусковъ было затребовано Антекарскимъ Приказомъ два фунта шелку¹⁾.

Роскошь снабженія аптеки вполне соответствовала величозначенію приказнаго помѣщенія и его внутренняго убранства. Стѣны и мебель въ приказномъ зданіи обивались лучшими англійскимъ сукномъ.

Такъ, въ 1658 г. изъ Казеннаго Приказа было затребовано для Антекарскаго Приказа „двадцать аршинъ сукна червчатого добраго аглицкаго... обивать тѣмъ сукномъ въ Антекарскомъ Приказѣ въ оконахъ, въ ставни и двери“. Спустя 18 дней послѣ этого изъ Казеннаго Приказа были взяты „тридцать аршинъ сукна зеленаго добраго... обивать тѣмъ сукномъ въ Антекарскомъ Приказѣ лавки“²⁾.

Въ апрѣлѣ 1660 г. взято „двадцать аршинъ сукна червчатого аглицкаго, а въ Антекарскомъ Приказѣ обиваютъ тѣмъ сукномъ стѣны“³⁾.

Въ мартѣ 1670 г. Алексѣй Михайловичъ указалъ „изъ Казеннаго Приказу взять въ Антекарскій Приказъ на столъ три аршина сукна багрецу добраго, да пятнадцать аршинъ сукна аглицкаго червчатого добраго, обивать тѣмъ сукномъ въ Антекарскомъ Приказѣ стѣны и лавки“. А черезъ день еще было взято

¹⁾ Намъ матер. т. II, стр. 12, 13, 17, 19, 20.

²⁾ Намъ матер. стр. 4.

³⁾ Ibidem.

„пятнадцать аршинъ сукна аглицкаго червчатого къ прежнему въ прибавку, обивать тѣмъ сукномъ въ А. П. стѣны и лавки“¹⁾.

Въ 1679 г. на обивку дверей въ Антекарскомъ Приказѣ было взято „четыре аршина сукна аглицкаго червчатого“²⁾.

Въ цѣляхъ вышшняго украшенія въ 1658 г. царь повелѣлъ Антекарскій Приказъ „писано, стоковымъ писемомъ“, а для того дѣла взять стрѣльцовъ, которые пинутъ барабаны“. Кроме того, двумъ стрѣльцамъ было указано „разить камень“.

Въ 1645 г. последовалъ указъ „сдѣлать въ Антекарскомъ Приказѣ къ десяти окнамъ затворы желѣзные“³⁾. Можно думать, что здѣсь было десятикошное. Изъ одного документа отъ того же года узнаемъ, что „Антекарскаго Приказу въ стѣнахъ помѣщено было курничей“⁴⁾. Изъ оружейной палаты въ Приказъ были посланы столари „сдѣлать ему про антекарской в. г. обиходъ шафи, поставши, скрины, въ чемъ великіе лекарства ставить“⁵⁾. Эти столарины подѣлки были выкрашены краснымъ сандаломъ⁶⁾.

О мебели дасть нѣкоторое представленіе извѣстіе, что на примѣръ въ 1676 г. были посланы „въ Антекарскій Приказъ изъ Посольскаго Приказу кресла кожаные да стулцы, покрыты бархатомъ краснымъ“⁷⁾. Въ томъ же году „взято съ Казеннаго Двора въ Антекарскій Приказъ часы столовые цѣны пятидесяти рублей, два зеркала хрустальныхъ, по пяти рублей зеркало“⁸⁾. Вообще зеркала въ Антекарскомъ Приказѣ имѣлись большое количество, о чемъ можно судить по тому, что было „принято въ оружейныя верхнія палаты съ Антекарскаго двора... всего зеркала разныхъ статей восемьдесятъ четыре зеркала въ станкахъ, станки у всѣхъ погнили и развалились, а стекла будутъ съ непотю вновь всѣ подводить“⁹⁾.

Заботливость о приказѣ простиралась такъ далеко, что въ 1663 г. Алексѣй Михайловичъ указалъ передѣлать трубу у Кремля города на городской стѣнкѣ, которая труба проведена съ

¹⁾ Ibidem стр. II и 12.

²⁾ Ibidem, стр. 20.

³⁾ Матер. № 131 и 209.

⁴⁾ Ibidem, № 162.

⁵⁾ Ibidem, № 450, стр. 408.

⁶⁾ Ibidem стр. 410.

⁷⁾ Намъ Мат. стр. 15.

⁸⁾ Ibidem, стр. 16.

⁹⁾ Ibidem № 38.

двора боярина князя Никиты Ивановича Одоевского в аптекарской саде, и тое трубу велѣть здыать новыми слугами каменными дѣль подмастерью, чтобъ изъ той трубы воды, и грязи, и вони, и никакова дури не было въ аптекарской саде" ¹⁾.

Конечно, вѣдѣнное великолѣпнѣе придворной аптеки имѣло и другое политическое значеніе. Здѣсь служили иностранцы, а московское правительство всецѣло старалось распускать слухи за моремъ „про великое жалованье къ докторамъ и къ лекаремъ и къ ученымъ людямъ". Между тѣмъ будни аптекарской работы были неутѣшительны и далеко не гармонировали съ наружнымъ блескомъ убранства.

Аптекари обязаны были ежедневно находиться въ аптекѣ „со второго часу утра до вечера". За каждый пропущенный день вычитывался изъ ихъ кормовыхъ денегъ двухмѣсячный окладъ. Въ случаѣ же болѣзни кого-либо изъ царской семьи указывалось „по очереди днѣвать и почевать".

Вся работа протекала подъ тяжелымъ гнетомъ подозрительнаго недоверія. Для составленія лекарствъ „про великаго государя" имѣлось въ аптекѣ специальное отдѣленіе, гдѣ всѣ медикаменты находились „особо въ казенкѣ за дѣльною печатью и безъ дѣла въ тое казенку никто не ходитъ, да и лекарство де въ той казенкѣ... стоитъ въ склянкахъ и въ ящикахъ за печатью жъ, а входить де въ тое казенку прѣзвѣнѣть только имать по рецептамъ лекарства изъ дѣлькомъ". Бояринъ Аптекарскаго Приказа неустанно слѣдилъ за аптекарями, „идѣли-ли межъ нихъ какова несогласія".

При такихъ условіяхъ предосторожности составленное лекарство не считалось еще годнымъ къ употребленію. Оно передавалось самымъ надежнымъ боярамъ, которые, поднося государю, обязаны были надкушивать или принимать отъ государя рюмку, „и что въ ней останется" на ладонь вылить и выпить ²⁾.

Внутренній смыслъ подобнаго режима прекрасно объясняетъ Забѣлинъ. „Самовластная идея,—пишетъ онъ,—въ самовластной же олигархической средѣ, и не могла существовать иначе, какъ охраняя себя самою зоркою и мелочною подозрительностью. Ея друзья были еще очень слабы и потому очень измѣнчивы, а вра-

¹⁾ Матер. № 348.

²⁾ Исторія самовластной идеи бояр. Материалы. Стр. 8 и 9.

ги были очень сильны, сильны были всеобщимъ нравственнымъ разлаганіемъ, криводушіемъ, коварствомъ, измѣною, предательствомъ" ³⁾.

Кромѣ лекарствъ, прописанныхъ государю или его семьѣ, изъ аптеки отпускались всякія вещества по различнымъ случаямъ. Такъ, въ 1636 г. было отпущено деревяннаго масла для смазки пишалеи ⁴⁾. Въ слѣдующемъ году патриарху Филарету Никитичу послали „изъ мирное составленіе": 10 фун.—ситарю доброво, коришны—1 фун., перетручу—5 зол., корени азари—3 зол., ладану росного—2 зол., жеду диня—1 фунтъ ⁵⁾.

Отпускались во дворецъ различныя сачни для водокъ (корина, анисъ, патока), для составленія курительныхъ порошковъ, бѣлизы и т. п. ⁶⁾.

На дворцовую конюшню также посылались необходимыя для леченія лошадей лекарственныя вещества. Въ 1629 году туда было послано полфунта феягреку ⁷⁾. Въ 1664 г. выдано „про его князескіе милости лошадей" 2 фун.—бобкова масла, 1 фун.—орѣховъ чернильныхъ, 1 фун.—квасцовъ, полфунта—куноросу зеленого, 2 фунта—фенихъ грековъ, 1 фунтъ—терсинту, 1 фунтъ—воску, 1 фунтъ—куноросу бѣлаго, 1 фунтъ—камъ борнъ, 1 фунтъ—пониолумъ, 1 фунтъ—теифильсъ дрекъ, 1 фунтъ—са-ла оленя ⁸⁾. Интересно отпущенъ 1666 года для характеристики фармацевтической терминологіи того времени: отпущено на лечбу коней тайфистроу, а по русски—гуны асофети да сатылбоу—по русски трава сабина по полфунту, а зербочимъ въ Аптекарской Приказѣ имѣть и по русски не знаютъ ⁹⁾.

Первоначально царская аптека обслуживала только въ строгомъ смыслѣ придворныя нужды. Частныя лица не имѣли возможности ею пользоваться и продолжали необходимыя лекарства получать въ зеленыхъ рядахъ или у иностранныхъ врачей, а практика послѣднихъ въ видѣ общаго правила также не находила за дворцовую ограду.

³⁾ Забѣлинъ. Битѣ русскихъ царей и царь. Т. 6, стр. 204.

⁴⁾ Материалы № 36.

⁵⁾ Ibid. № 58, 161.

⁶⁾ Ibid. № 7, 14, 16.

⁷⁾ Ibid. № 5.

⁸⁾ Ibid. № 237.

⁹⁾ Ibid. № 1073.

Мало-помалу наиболее развитые русские люди освобождаются от власти знахарей и лекарей деревенского рода. Къ государямъ начинают доходить челобитныя объ отпускѣ лекарствъ, тяжёлая дверь дворцовой аптеки чаще и чаще раскрывается для потребностей постороннихъ. Этотъ переломъ въ исторіи аптекарскаго дѣла происходитъ въ царствованіе Михаила Осодоровича. Въ 1630 г. князь Иванъ Катыревъ Ростовскій, страдавшій головными болями, вошёлъ къ Государю съ челобитной: „пожалуй меня холопа своего вели Государь миѣ дать для моей головной болѣзни изъ Своей Государской аптеки своихъ государскихъ маселъ—масла коришнова, м. гвоздиковъ, м. мускатова, м. анисова, м. кардомомова, м. сверборошнова, м. интерикова, м. ромашова, м. кропова, м. поповскаго, м. крошбендикова, м. киннифонова, м. шафранова да водокъ сверборошновой будвишной, кроповой, мятоновой, финиколовой, Царь Государь смилуйся помилуй“¹⁾. На челобитные послѣдовали указы выдавать иноземныхъ маселъ по одному золотнику, московскихъ же—по 5 зол. и водокъ по фунту.

Этотъ милостивый указъ впервые поколебалъ привычную ограду, которой отбѣждалась царская аптека отъ московскаго населенія, и, пожалуй, былъ подсказанъ правильнымъ сознаниемъ назрѣвающей потребности въ аптекѣ „для всѣхъ чинныхъ людей“. Челобитная князя Ростовскаго представляетъ собою типичный образецъ подобнаго рода обращенія къ Государю. Иногда, впрочемъ, челобитные не называли, какія именно ему нужны лекарства, а ограничивались лишь указаніемъ болѣзни и предполагаемой ея причины. Иванъ Леонтьевъ писалъ, напримѣръ, въ 1647 году: „вели Государь пожаловать дати мази, чѣмъ помазать болящую ногу, а болить... нога отъ убою“²⁾.

Въ такомъ же духѣ былъ челомъ черезъ годъ послѣ князя Ивана Ростовскаго Михаилъ Ринновъ, который писалъ: „я холопъ твой болѣнъ, рукою не владѣю, милосердый государь, царь и вел. князь Михайло Осодоровичъ, пожалуй меня холопа своего, вели государь изъ аптеки дать полъ фунта перцу дикого, четыре горсти крапивныхъ сѣмянъ, полъ фунта бобковъ масляныхъ, двѣнадцать золотниковъ масла кроповаго, девять золотниковъ масла тимекъ“³⁾.

¹⁾ Матеріалы № 22; Акты ист. т. III, № 161.

²⁾ Ibid. № 5-8.

³⁾ Ibid. № 70.

Въ 1662 г. иноземецъ Петрушка Калининскій подаетъ челобитную, въ которой писалъ: „Велею Господнею занемогъ я ходишишко твой, заскорбѣлъ, лежу... четвертый мѣсяць... пожалуй меня холопа своего... вели государь, для моей скорби изъ своего гос. Аптекарскаго Приказа дать снадобья“¹⁾.

Въ челобитныхъ объ отпускѣ лекарствъ, такъ и въ разбирательныхъ отвѣтахъ по нимъ, бросается въ глаза подавляющее количество отбрасываемыхъ снадобій, предназначавшихся для леченія какого-нибудь одного недуга. Это было своего рода знаменіемъ времени: тогда усѣбность леченія ставилась въ существенную зависимость отъ числа элементовъ „дѣл составъ“. Если князю Ивану Ростовскому „отъ головной болѣзни“ понадобилось по его собственному „вымыслу“ цѣлыхъ 18 ингредиентов, то по рецепту ученаго доктора Андрея Нинсгарта Ильѣ Даниловичу Мильславскому „отъ рѣвъ изъ утробы“ было отпущено всего только одному зелью²⁾. Зрѣлъ мы натакниваемся на замѣчательный примѣръ взаимодействия иноземной медицины и русскаго знахарства.

Операніи царской аптеки расширялись по двумъ направленіямъ. Въ одномъ лекарства отпускались „безденежно“, въ другомъ продавались по особой рецепціи.

Безденежно пользовались лекарствами и некоторые заслуженные бояре, а „лишьмъ боярами и околичными и ближними людьми лекарства... безденежно кому давати о томъ Великій Государь что укажетъ“.

Въ 1662 г. околичному Василию Михайловичу безденежно была выдана „цѣлаи чепучина“ стоимостью въ 49 рублей 23 алтын³⁾.

Въ 1667 г., по указу Осодора Алексѣевича бесплатныя лекарства получали: бояре князь Никита Ивановичъ и Яковъ Никитичъ Одоевскіе, бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгоруковъ, князь Григорій Семеновичъ Куракинъ, князь Иванъ Алексѣевичъ Воротинскій, князь Осодоръ Осодоровичъ Куракинъ, дворецкій Богданъ Матѣевичъ Хитрово и Иванъ Богдановичъ Хитрово⁴⁾.

Въ 1679 г. было приказано безденежно „столяника и полковника Давыда Баранчѣева лечить чепучиннаго дѣла лекарю Ми-

¹⁾ Наши матер. т. I, стр. 20.

²⁾ Матеріалы № 365.

³⁾ Наши матер. т. I, стр. 25.

⁴⁾ Мат. № 1402.

трофану Петрову и лекарства, каких понадобится, давать, изъ Оутек. Пр. безденежно¹⁾.

Такою же привилегией пользовались лица дворовой службы.

Въ 1671 г. по указу Алексея Михайловича повелывалось „постельного истопника Сергея Куретова лечить безденежно“²⁾.

Въ 1677 г. Петръ Алексѣевичъ указалъ: „карлика Никиту Гаврилова, который у него государя цесаревича, лечить въ Аптекарскомъ Приказу доктору Степану Оуидаганову и лекарства давать изъ Аптекарскаго жъ Приказу безденежно“³⁾. Въ томъ же году Осодоръ Алексѣевичъ распорядился безденежно лечить „своего г. ловчего пути псари Сидорка Торбунова“⁴⁾. Тогда же царевичъ Иоаннъ приказалъ лечить доктору Степану Оуидаганову и отпускать безплатныя лекарства „для своего государева крестового священника Прока Иванова“⁵⁾ и „своего государева спальника Алексея Матвѣева сына Милославскаго“⁶⁾.

Въ 1679 г. царевны и великіе князья Екатерина и Осодосія Алексѣевны указали „лечить дохтуру Степану Оуидаганову боярыню Дарью Мисную, а болѣзнь у нея, по его дохтуровѣ сказкѣ, лихорадка зъ гриппомъ; да постельнику Марью Пустобоярову, а болѣзнь у нея лихорадка жъ да вся желта“⁷⁾. Въ 1679 г. Осодоръ Алексѣевичъ указалъ: „церкви Иоанна Бѣлограцкаго, что у него велик. кн. въ Верху на сѣняхъ, псеномари Степана Васильева изъ Оутерарскаго Приказу лечить костопрану Ивану Макенякову, и лекарства какіе понадобятся давать безденежно“⁸⁾.

Безденежными лекарствами и леченіемъ пользовались также ушибленные и обгорѣвшіе во время пожаровъ и другихъ общественныхъ бѣдствій.

Въ 1666 г. „за Москвою рѣкою въ низинныхъ садовникахъ на пожарѣ зашибло бревномъ сотника московскихъ стрѣльцовъ Мокшя... и вел. государы. и ц. и вел. кн. Алексѣй Михайловичъ ука-

¹⁾ Ibid. № 1559.

²⁾ Матер. № 171, стр. 147.

³⁾ Матер. № 1391.

⁴⁾ Ibid. № 1375.

⁵⁾ Ibid. № 1380.

⁶⁾ Ibid. № 1387.

⁷⁾ Ibid. 1466.

⁸⁾ Ibid. № 1365.

заль ему Мокшю изъ Оутеки дать лекарства и лекарства давать безденежно“¹⁾.

Въ 1674 г. для леченія 13 раненыхъ на пожарѣ стрѣльцовъ были отпущены „пластырь бѣлѣный да другой пластырь стиптикомъ простой, да пластырь стиптикомъ парасельскъ, да мазь обличная, да мазь понилемова, да мазь діателы, да мазь бобкова, да мазь базиликотъ, да трава империкъ“²⁾.

Въ 1677 г. „въ ночи въ пожарное время, какъ горѣло на Куличинахъ изъ приходу у церкви Николая Чудотворца, что сплелъ Подкопалева... полуголову московскихъ стрѣльцовъ Ивана Пыхачева засыпало землею и бревнами зашибло и отъ того онъ Иванъ лежитъ боленъ. И вел. гос. (т.) указалъ: полуголову Ив. Пыхачева лечить изъ Оутекар. Приказу безденежно“³⁾.

Въ 1679 г. Осодоръ Алексѣевичъ указалъ: „солдата Оедку Жеватинова, у котораго... въ пожарное время носъ и губу верхнюю оторвало и зубы выбило бревномъ и отъ того гниетъ—лечить въ Аптекѣ безденежно“⁴⁾. Въ томъ же году во время пожара въ Москвѣ „за Стрѣленскими вороты“ пострадало 66 человекъ и всѣхъ ихъ было приказано лечить безплатно“⁵⁾.

Раненые, убитые и инвалиды пользовались безденежно не только лекарствами полковыхъ аптекъ, но и парсеной въ Москвѣ.

Въ 1648 г. Алексѣй Михайловичъ указалъ безденежно лечить Кузьму Познякова, который за три года до этого былъ „взятъ въ полонъ въ Крымѣ, на бою на рѣкѣ на Токаѣ: израненъ изъ лука, и въ Крымѣ г. лежари не знаючи стрѣльного железа доставали, и то железа достававочи пуши въ глубину въ ребра утащили, и послѣ того тѣла и кости нафѣлкали испеченныя, то железа отъ нихъ лечбы стоитъ въ ребрахъ и по се мѣста, а рана не заживлена, платамъ заткнута“⁶⁾.

Въ 1664 г. былъ назначенъ лекаръ и отпущены лекарства для леченія арзамаса Оедки Кузьмина сына Бутурлина, ранена-

¹⁾ Ibid. № 1679.

²⁾ Матер. № 1, стр. 191.

³⁾ Мат. № 523 и 1366.

⁴⁾ Ibid. № 1556.

⁵⁾ Ibid. № 1566.

⁶⁾ Ibid. № 588.

го въ бояхъ „съ польскими, и литовскими, и крымскими людьми въ Карачевскомъ уѣздѣ“ и не получившаго въ ногу „за рану“¹⁾.

Въ 1670 г. при пробной стрѣльбѣ у Аюшкы Псакова оторвало два пальца на правой рукѣ и „у запыся жилы поспертило“, вследствие чего онъ проситъ о безплатномъ леченіи. Немедленно послѣдовало распоряженіе объ отпускѣ лекарства изъ аптеки „безденежно“²⁾.

Раненые подъ Чигириномъ въ 1678 г. безденежно лечились въ Москвѣ, въ Аптекарскомъ Приказѣ³⁾.

Изъ царской аптеки отпускалось также безденежно все необходимое для свиты и личныхъ представителей иностранныхъ царствующихъ домовъ.

Еще при Борисѣ Годуновѣ въ 1602 г. лекарствами изъ царской аптеки пользовался датскій принцъ Иоаннъ⁴⁾.

Въ 1614 г. было выдано очень много сходбѣй на нужды королевича Владислава и его свиты⁵⁾.

Въ 1666 г. было послано „на дорогу“ изъ грузинской царств. Еленѣ Леонтьевнѣ водки Гуаифонъ 2 фунта⁶⁾.

Было въ обычаѣ посылать безплатно лекарства чинамъ иностранныхъ посольствъ въ Москвѣ. Такъ, въ 1648 г. „былъ человекъ Государю Царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всен Русен галанскаго посла сынъ Кондрать Бурхъ: „многіе де у него люди, которые отъ неуновѣстна дального и трудного пути изнемогали и болны стали, а лекарства де, которые съ собой привезенъ и тѣмъ поддержаны, и Царское Величество пожаловать де ихъ посольскихъ людей тѣмъ лекарствами, а что имъ какихъ лекарствъ надобно, и голландскаго посла сыну прислать въ посольской приказъ росписи“. Дѣйствительно эта роспись была получена и по ней приказано „послать лекарства безденежно“ (приказали бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ)⁷⁾.

Въ 1663 г. крымскіе гонимы и послы въ своей челобитной писали: „какъ де гонимы ѣхали изъ Крыму въ Москвѣ, и на дорогѣ

¹⁾ Наши извѣст., т. I, стр. 55.

²⁾ Мат. № 411.

³⁾ Ibid. № 1431 и 1434.

⁴⁾ Рихтеръ, опр.—сн., т. I стр. 383 и 384.

⁵⁾ Материалы №№ 238, 239, 240, Акт. вел. т. III, № 298.

⁶⁾ Наши извѣст., т. I, стр. 96.

⁷⁾ Матер. № 602.

отъ большихъ морозовъ, многіе ошпарили руки и ноги, и Великій Государь пожаловать-бы ихъ велѣлъ имъ дать лекаря и лекарства чѣмъ ихъ лечить отъ озноби. И великій государь велѣлъ дать лекаря и лекарства“¹⁾.

Въ 1664 г., по рецепту доктора Андрея Энгельгардта было сдѣлано лекарство для калмыкаго тайши²⁾.

Въ 1675 г. было послано лекарство изъ казначейству дауръ Таушу³⁾.

Великій воевода Михаилъ Осодоровичъ, раскрывшаго двери царской аптеки для всѣхъ, ступавшихъ въ нее съ послѣдней надеждой найти облегченіе, имѣлъ огромныя культурныя послѣдствія. Иностранные ученые врачи долго державшіеся въ сторонѣ отъ общей жизни, вошли въ царскіе вѣдѣлы за аптечными медикаментами. Если на зарѣ прецѣбнаго дѣла въ Россіи бояринъ, облаченный великокняжескими титулами, проситъ „пожаловать царской милостью не велѣть ему лечиться у заморскаго дехтура“, то съ теченіемъ времени заморскіе доктора и заморское зелье побѣдили славу отечественнаго знахарства, и Аптекарскій Приказъ все чаще и настояннѣе обижался просьбами, въ родѣ: „у сыночка моего синику изломало, а окрохъ твоихъ государевыхъ дехтуровъ и лекарствъ лечитъ немому... вели Государя того моего сыночка лечитъ твоими государевыми лекарствами... или вели государя дать лекаря, чтобы женничка... напрасно смертно не умереть“.

Общее влѣніе коснулось даже духовенства, которое наиболѣе упорно продолжало лечиться усилёнными постами, водною „со святыихъ источниковъ“ и другими чисто религіознаго характера средствами. Рядомъ съ архимандритомъ Никономъ простой священникъ Протъ Иваномъ искалъ помощи у иноземныхъ медиковъ. Царской аптекѣ не было возможности удовлетворить всѣхъ просьбы и челобитныхъ, пришлось подумать объ устройствѣ новой аптеки...

Въ 1672 г., 20 го марта, Алексѣй Михайловичъ указалъ: „на новомъ гостиномъ дворѣ—гдѣ Приказъ Большаго Приходу, очистить палаты, а въ тѣхъ палатахъ указать Великій Государь построить аптеку для продажи всякихъ лекарствъ великихъ чиновъ

¹⁾ Ibid. № 329.

²⁾ Ibid. № 364, стр. 292.

³⁾ Ibid. № 511.

людям" ¹⁾. Отныне указомь была учреждена вторая, или, какъ она называлась, Новая Аптека, а рядомъ последующихъ указомъ опредѣлялось ея снабженіе лекарствами, служебный персоналъ, порядкомъ его дѣятельности и пр.

Еще задолго до 20-го марта Аптекарскій Приказъ началъ подготовительныя работы къ открытію Новой Аптеки. Въ августѣ 1668 г. въ Гамбургѣ иностранецъ фонъ-Горноу и его приказчикъ Мартинъ Бухлинъ были куплены большіе запасы аптекарскихъ матеріаловъ (на 3.753 р. 21 ал., т. е. почти на 63.801 руб.) ²⁾, заказано большое количество аптечной посуды мастеру Косту ³⁾, а „два сундука съ склянками золотеными“ были выписаны изъ Архангельска ⁴⁾.

Во главѣ Новой Аптеки былъ поставленъ аптекаръ Яганъ Гутенбергъ, извѣстный по приказнымъ актамъ подъ именемъ „надзирателя“ ⁵⁾. Вручая ему бразды правленія, Аптекарскій Приказъ указывалъ начать новое дѣло составленіемъ подробныхъ описей аптечного имущества и запасовъ, принятыхъ отъ доктора Осодора Казанца, доктора Лаврентія Блюментроста и алхимиста Беніуса Гансланта. Гутенбергъ, при помощи подъячихъ Семена Москвитина и Захара Навроцкаго, заготовилъ описи въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ остался при дѣлахъ аптеки, а другой былъ представленъ боярину Артамону Сергѣевичу Морозову, заведывавшему Аптекарскимъ Приказомъ ⁶⁾. Покончивъ съ инвентаремъ, Гутенбергъ сталъ заниматься внутреннимъ устройствомъ аптеки. Часть матеріаловъ были размѣщена для продажи „по разнымъ мѣстамъ, гдѣ вѣтъ что надобно“, а остальное пошло „въ казну задіе палаты“.

Недостатка въ рабочихъ рукахъ не чувствовалось. Аптекарскій приказъ своевременно озабочился прислать весь служебный составъ. Были командированы изъ старой аптеки лекарь Яганъ Штейнъ съ учениками Иванкой Микитиньей, Оской Островскимъ, Василіемъ Шиловымъ, Ивановымъ и Миткой Опрсовымъ, алхимистъ Тихонъ Анашкинъ, аптекаръ Романъ Бишманъ, подъячій

¹⁾ Ibid. № 476.

²⁾ Ibid. № 392.

³⁾ Ibid. № 455.

⁴⁾ Материалы № 496.

⁵⁾ Ibid. № 1634.

⁶⁾ Ibid. № 499.

Данила Годовиковъ и сторожа Ларка Иванова, Иванка Михайловъ да Юрій Іевлевъ. Кроме того, ученикамъ Оуигадинова—Иванкѣ Горбунову, Иванкѣ Калининъ, Паумкѣ Яковлеву, Анашкѣ Григорьеву, Ларкѣ Степанову, Аленкѣ Ососанову и приписнымъ Хлѣбного двора Онтонкѣ Иванову, Марикѣ Павлову и Ортонкѣ Васильеву было приказано „у збору травъ и пшёнъ и кореньевъ во все лѣто и до заморозовъ безпрестанно быть“ ¹⁾.

Въ штатѣ новой аптеки числились также присланные кассеры или цѣловальники. Это были мѣщане изъ Новомѣщанской слободы или изъ Казенной. Первоначально они избирались „по четверти года“ съ жалованьемъ „по рублю человеку на мѣсяцъ“. Выбирались они по 4 и 6 человекъ „добрыхъ и пошитоныхъ“, кому бы въ такомъ государствѣ дѣлѣ жено было вѣрить“. Съ 1676 г. цѣловальниковъ стали избирать по два на годъ, съ 1688 г. по 2 и 3 человека, а въ 1694 и 1695 советъ не избиралъ, такъ какъ Аптекарскій Приказъ обходился безъ нихъ. Цѣловальники въ приказѣ оставались „днемъ и ночью часу до сема и болѣе по вся дни“ ²⁾. Они находились подъ контролемъ заведующаго приказомъ, а все отчетность обѣихъ аптекъ и приказа контролировалась должными изъ Счетнаго Приказа ³⁾.

Въ январѣ 1677 г. въ приказѣ Новой Аптеки состояли слѣдующія лица: докторъ—Михайло Граховъ, Лаврентій Ренгубертъ, Петръ Панталеусъ; аптекари—Романъ Бишманъ и Яганъ Гутенбергъ; алхимистъ Яганъ Фохтъ, Алексѣй Ивановъ, Юрій Шхидеръ; томятъ Микита Вишентъ; аптекарскіе ученики—Василій Шиловъ, Гришка Игнатъевъ, Степка Микитинъ, Алешка Ивановъ; подъячій—Кузьма Ростовцевъ и Иванка Ивановъ; цѣловальники—Григорей Буонжоль и Захарко Ашиферовъ; сторожа—Юшка Іевлевъ, Мокушка Ивановъ, Максимъ Тихофеевъ и Кирьяшка Микитинъ ⁴⁾. Кроме того, уже 5 февраля были посланы еще четыре лекарскихъ ученика Уварко Осодоровъ, Игнатика Петровъ, Иванка Степановъ и Мишка Васильевъ, „чтобы они дѣшали въ приказѣ Новой Аптеки по вся дни“ ⁵⁾.

¹⁾ Ibid. № 499, 500.

²⁾ Материалы № 501 и 521 и Новыя матер. т. II, № 42, 51, 53, 72.

³⁾ Новыя матер. т. II, № 58, Прилож. № 50.

⁴⁾ Мат. № 1353.

⁵⁾ Ibid. № 1355.

Съ учрежденіемъ Новой Аптеки съ ея многочисленнымъ штатомъ служащихъ, въ матеріалахъ начинается упоминаться объ Аптекарскомъ Приказѣ наряду съ Приказомъ Новой Аптеки или Новымъ Аптекарскимъ Приказомъ, но какъ видно изъ всей постановки дѣла въ новомъ учрежденіи, последнее не было независимымъ отъ Аптекарскаго Приказа ¹⁾.

Изъ Новой Аптеки было указано: „лекарства продавать всякаго чину людямъ безъ задержанія по цѣновой книгѣ, какова въ приказѣ Новой Аптеки“. Аптекари должны были дежурить „съ другою часу дня до вечерняго благовѣста, лѣтомъ и зимою, по перебиваямъ очереднымъ безотходно“. Аптекарь, не явившійся на дежурство „безъ всякой причины“ и не приславшій никого въѣсто себя, а также опоздавшій или ранѣе обыкновеннаго оставившій аптеку, подвергался вычету или изловаченію.

Для контроля надъ дежурствами была заведена особая тетрадь, ежемесячно посылавшаяся въ старую аптеку, гдѣ и налагалось то или другое наказаніе (вычетъ). Дежурные аптекари должны были лично „стоя у вѣсовъ“ продавать лекарства, а деньги отдавать цѣловальникамъ, которымъ вѣнялось въ обязанность записывать выдачу „забору своего въ книги“.

Выручка расходовалась на различныя нужды аптеки „и на запасные лекарства, и на строгаше“ ²⁾. Оставшуюся наличность нужно было ежемесячно отсылать въ старую аптеку. Лекарство предписывалось продавать на наличный, такъ какъ вследствие отпусковъ въ кредитъ „продажи мѣшканце бывають“, а всѣ чины Новой Аптеки должны были знать, „чтобы однолично за мѣшкотью, въ покупкахъ никакой великаго государя казны поруки и простоя, и напрасной передачи, и убытка не было“ ³⁾. Вообще весь служебный персоналъ долженъ былъ въ своей дѣятельности вознѣсти страхъ Божій и великаго государя крестьяне цѣлованіе.

Въ милостивомъ рескриптѣ Осодора Алексѣевича аптекарю Ивану Гутменну, пожалованному „быть въ Новой Аптекѣ въ инвентарѣхъ или надирательствѣ“ наставлялось: „вѣдать ему Ивану всякіе дѣла, которые принадлежать къ строенію и прибыли По-

вой Аптеки; и чтобы всякіе лекарства въ той аптеки были въ достатокѣ, а напрасно не расходились; и надъ аптекарями и учениками и всякими людьми, которые принадлежать къ той аптекѣ и которые всякіе лекарства и воды составляютъ, и травы и коренья и сѣмена и цвѣты собирають,—надзирать и надирать со всякимъ присежаніемъ ему изъ Ивану, чтобы всякое дѣло чинно, какъ въ аптекахъ быть пристойно, и Вели. Гос. казны было прибылнѣе“ ⁴⁾.

Помимо инспекторскаго надзора за аптечными перебиваніемъ, какъ и вообще за врачебнымъ, сѣдили еще толмачи. Эти послѣдніе при вступленіи на службу давали между прочимъ клятву „смотрѣти и беречи того наравнѣ, чтобы дохтуры и аптекари, алхимицы, и окулисты, и лекари въ дохтурствѣ, и въ аптекарскіе, и въ окулистскіе, и въ лекарскіе, и во всякіе составы и въ иное ни во что никакова злого зелья и коренья, и травъ, и иного чистого нечистого и злого и отравнаго и въ лѣсные дни скоромнаго не положить и не праймнати, и въ нихъ государскому здоровью не принести вреда, или кто учить въ аптекарскіе и въ окулистскіе, и въ алхимическіе, и во всякіе лекарственныя составы зелья и коренья лихія и нечистой травъ... что положить, и мнѣ про то точно сказать государю или егово государевымъ боярамъ, а никакъ того не утаити“ ⁵⁾.

Лекарства готовились аптекарями и алхимистами. Репентурные отпуски находились подъ строгимъ наблюденіемъ. Съ этой цѣлью были установлены спеціальныя книги, куда заносился каждый репентъ (съ переводомъ на русскій языкъ), а также фамилія врача, прописавшаго лекарство, аптекаря, готовившаго послѣднее, и лица, которымъ оно было получено изъ аптеки.

Работа въ новой аптекѣ сразу закинула. Приходилось не только удовлетворять текущимъ требованіямъ со стороны частныхъ лицъ и войска, но еще нужно было озаботиться приготовленіемъ ходкихъ медикаментовъ для такъ называемой ручной продажи. За самое короткое время необходимыя запасы были составлены. Спустя всего четыре мѣсяца, въ инвентарѣ аптеки числилось: мази бѣлѣной—1 пудъ, мази діалѣй—1 пудъ, мази ченсіакомъ—1 п., пластыря простого стиптикомъ—1 п. 9 ф. и т.д.

¹⁾ Ibidem. №№ 503, 505, 506, 518, 519, 515, 1395 и др.

²⁾ Захмидовкинъ Нарекновеніе Осодора Алексѣевича. Присл. № 4 и № 7.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Матер. № 1472.

⁵⁾ Ibidem. № 1359.

Снабжение Новой Аптеки медикаментами производилось так же, как и старой царской. Культурные растения доставлялись аптекарскими садами и огородами, дикорастущия набирались травниками, а остальное приобреталось то на внутреннем рынке, то выписывалось из-за границы.

В 1673 г. было, например, у шведки Ооса в Москве приобретено «полсема пуда намерзаниа корки», стоимостью 22 руб. 25 алтын¹⁾.

В том же году куплено у «воложенина посацкого человека» у Гаврилы Мартинова сына Фатеева романен двадцать восемь бочек, да двѣ бочки мушкетки, и да двѣ бочки бастру²⁾.

В 1674 г. Вахромей Меллеровъ были доставлены из Голландии 178 пазганей медикаментовъ цѣною въ 2649 марокъ 8 шиллинговъ 9 пенсовъ³⁾.

Заботы о расширеніи операций Новой Аптеки не замедлили вскоре выразиться въ указѣ 28-го февраля 1673 г., которымъ было повелѣно, чтобъ въ аптекарскомъ и оловянномъ и въ зеленюмъ тѣхъ рынкахъ торговые люди аптекарскихъ лекарствъ, которые продаютъ изъ Старой и Новой аптеки, что на Новомъ Гостинемъ дворѣ, въ лавкахъ не держали и не продавали: а будеть учинуть въ лавкахъ держать и продавать, и имъ отъ Великаго Государя быть въ жестокомъ наказаніи, чтобъ отъ того людямъ никакого поврежденія и въ продажѣ въ Новой аптецѣ Великаго Государя казней поруки не было. Некоторое исключение было сдѣлано для лекарей Аптекарскаго Приказа—Артемія Петрова, Космы Семенова «съ товарищи», имѣвшихъ свои лавки въ рядахъ. Имъ разрѣшалась торговля маловажными снадобьями, а не продажа «иныхъ дорогихъ лекарственныхъ статей».⁴⁾

Въ указѣ 28-го февраля 1673 г. нужно видѣть источникъ послѣдующаго монополическаго аптечнаго законодательства и разграниченія операций привилегированныхъ аптекъ и аптекарскихъ магазиновъ.

Особенно значительные доходы получались отъ «сидѣния всякія спирты и водки—коричная, гвоздичная, анисная, погоранцевая, шипучая, изъ дерева сассифрагу» и др. О доходахъ отъ

вишняго «сидѣнія» въ источникахъ говорится: «да збиралъ-ся съ тѣхъ водокъ въ казну прибыль не малая». Надо полагать, что прибыль получалась значительная, если за шесть мѣсяцевъ, съ 1-го апрѣля по 1-е октября 1673 г. чистая выручка достигла 5.194 р. 10 ден. по старому счету⁵⁾.

Винное сидѣние первые четыре года производилось на старомъ Посольскомъ дворѣ въ поварнѣ, а съ 1 ноября 1676 г. послѣдовалъ указъ «на Греческомъ дворѣ, что придѣланы изъ Посольскому двору, занять поварню каменную изъ Приказа Новыя Аптеки, гдѣ сидѣть всякіе спирты и водки, да гдѣ класть всякіе аптекарскіе запасы, да два амбара да жилью: псалты для того, что всякихъ спиртовъ и водокъ и гдѣ лекарства и лѣдъ въ запасъ класть въ Новой Аптецѣ негдѣ».⁶⁾ Водочный оборотъ достигалъ огромныхъ размѣровъ. Но съ 1-го 1673 для нужды приказа требовалось 15214 ведеръ, изъ нихъ на одинъ «перенуски» 7607 ведеръ вина⁷⁾.

Первымъ дистилляторомъ былъ аптекарскій ученикъ изъ сторукой Рясилъ Шильовъ, который въ 1678 г. просилъ за девятилѣтнюю его службу (въ лекарскихъ ученикахъ, травникахъ, перенушникахъ, водочныхъ и огородникахъ); длиннѣе его въ чинахъ справить дистилляторомъ. Повидимому, самолюбію русскаго «перенушника» дѣйствило названіе «дистиллятора». Повинное честолюбіе челоушника было удовлетворено, хотя для Аптекарскаго Приказа прель сего дистилляторскаго чину не бывало⁸⁾.

Въ обязанности дистилляторовъ входило, кромѣ водочнаго сидѣнія, еще «ларенье всякихъ сироповъ, пластырей и мазей и прочихъ лекарствъ, которые въ запасъ дѣлаются». При этомъ отъ нихъ требовалась болѣе осмотрительность, какъ въ самомъ

¹⁾ Матер. № 1332; Рихтеръ, бор. ст. т. II, стр. 116—117) приносятъ сидѣнія о годовомъ доходѣ Новой Аптеки съ 1 сент. 1881 г. до конца августа 1882 г., по сдѣлкамъ можно принять эту сумму въ 1196 р. 69 алт. 28 ден. правильно. Если, какъ видно изъ приведенныхъ нами сидѣній, первое время и за одно полугодіе отъ одного водочнаго сидѣнія чистая прибыль составляла 5 т. руб., то водочное сидѣніе было еще значительно, иначе не могло быть, потому что изъ Аптекарскаго Приказа аптекарскіе лавки, которые получали въ аптекарскомъ помѣ и которые дѣлали на Москвѣ изъ русскаго проку и изъ пшеницы и изъ ячменя и изъ коренья продавали на мѣшине деньги впередъ по купному цѣною старое и въ пшеницу и въ ячмень и въ десертъ». См. матер. № 317.

²⁾ Ibid. № 1336.

³⁾ Ibid. № 517.

⁴⁾ Ibid. № 1462.

¹⁾ Ibid. № 505.

²⁾ Ibid. № 501 и 508.

³⁾ Ibid. № 522 и 532.

⁴⁾ Сибелъ. Чтения по русской исторіи стр. 227.

ведения дѣла, такъ и въ выборѣ необходимыхъ матеріаловъ. Имъ предписывалось: „такъ бы чинить, чтобы всякая водка и составъ совершенную силу по предназначенному дѣйствию въ рецептахъ дохтурскихъ имѣла“. Строго вѣнялось также въ обязанности: „сверхъ своего дѣятели и обыкности описанныхъ въ оорюкопечъ дохтурскаго софиту никакова злѣя или: предательныхъ и смерти набодавшихъ, и скверныхъ или скоромныхъ въ постные дни вещей не приѣмлять и не прикладывать, чтобы никакому человеку тѣмъ никакого вѣшняго ни внутренняго зла, ни смерти, ни навести, и не осквернить, и не озорюжить“. Какъ видно, на дистилляторѣ возлагалась забота соблюдать не одну „оорюкопечю“, но и „чинъ церковный“. Неудивительно поэтому, что по служебному положенію они были поставлены выше иноземныхъ лекарей, молодыхъ и старыхъ подьячихъ, русскихъ лекарей и толмачей.

Нельзя обойти вниманіемъ, что на рубежѣ московскаго и императорскаго періодовъ создавалась въ Москвѣ третья аптека. Устроена она была въ 1682 г. по указу царя Осодора Алексѣевича у Никитскихъ воротъ при первомъ гражданскомъ госпиталѣ. Отмечалась она, какъ въ источникахъ сказано, „для того, что съ всякимъ рецептомъ ходить въ городъ не удобно“¹⁾.

Въ вѣдомствѣ Аптекарскаго Приказа состояла также интересная походная царская аптека, называвшаяся „Меншая аптека“. Аптека состояла изъ „ликутуны“ съ четырьмя подраздѣленіями и двухъ коробовъ съ настоями, травами, и аптекарскою посудой. Въ подраздѣленіяхъ находились содержались всякія масла (боричное, лугарное, гвоздичное, мускатное и др.), эссенции, сахара, сиропы, соли, пластыри, порошки (отъ гниети, пазморы, и камни, нурганейный ебл). Тутъ же въ качествѣ медикаментовъ имѣлись: сиропъ „для жеребля конята“, духъ изъ червей, духъ изъ муравьевъ, камень безуй, пирогова кость²⁾. Последніе два средства относятся къ разряду универсальныхъ.

Пирогова кость была самою драгоценною частью лекарственныхъ запасовъ царской аптеки. Напримѣръ, въ 1655 г. относительно пирога, вывезеннаго иноземцемъ Петромъ Марселісомъ, Алексѣй Михайловичъ указалъ окольному Ивану Андреевичу

Милославскому: „И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бы съ иноземцемъ съ Петромъ Марселісомъ роги торговать всякими обманамъ... а будетъ Петръ Марселісъ за тѣ роги менши десяти тысячъ не возметъ, и ты бы за тѣ роги по большой неволѣ велѣлъ дать въ ту цѣну—въ десять тысячъ соборными и иною мяткою рухлядью“³⁾.

Милославскій распорядился назначить доктора Артамана Грамана для осмотра этихъ роговъ. Последний осмотрѣвъ ихъ, заявилъ: „тѣ роги во признакахъ какъ философіи нишуть прѣимые пироговые роги: два долгихъ роговъ, что оны таковыхъ великакъ не вѣдать въ иныхъ государствахъ въ Царской и въ Турецкой землѣ и оны прямо вѣдають, что тѣ роги прѣимые пироговые изъ Крѣпильской; а въ Крѣпильской землѣ дикіе люди такіе роги находятъ, а лекарства изъ тѣхъ рогачъ, у которыхъ люди бывають лихорадка и ошениа, и отъ жароваго поветрія, или гово укуситъ зѣмля, и отъ черной немочи; а тѣ де роги природные, а не дѣлаемые; а принимать того рога противъ дуваннаты зѣрны съ камнемъ съ безуемъ съ топыльемъ репскою или въ романти или въ кипаредъ; а постъ того поветія; а женной роги имѣють ту жъ силу, что и болыше два рога... А отъ жароваго поветрія, тѣ роги имѣють силу болыую, у котораго человека обьявлята жаровое поветріе, и того рога точасть принимать съ безуемъ и потѣтъ, и постъ того жаровое поветріе мнуется“⁴⁾.

Въ 1657 г. въ Аптекарскій Приказъ была доставлена иноземцемъ Артемѣемъ Артемьевымъ пирогова кость въ аршинѣ съ четвертью. Объ этой кости давалъ свое заключеніе оный докторъ Артаманъ Граманъ, заявившій, что „эта кость такова, которую прислать къ государю изъ за моря дохтуръ Яганусъ, и въ той кости зѣлать ему государю носохъ, и которая кость шай въ Аптекарскомъ Приказѣ за печатью боярина Илья Даниловича Милославскаго“.

Кромѣ доктора Артамана Грамана о той же кости подали письменные отзывы докторъ Андрей Ангелгардъ и Леонъ Личфинусъ.

Первый изъ нихъ написалъ такой отзывъ: „Промонпероте, или пирога, древніе философы розные и предивительные дѣла

¹⁾ Записки о. Нартова, Осодора Алек., стр. 26; Рихтеръ т. II, стр. 287.

²⁾ Довольно, въ зап. вост. т. VI, № 91.

³⁾ Ibid. № 265.

⁴⁾ Ibid. № 653.

сповидѣніемъ творили, и тому нынѣшнее искушеніе гораздо противно есть, и о томъ онъ дохтуръ не пространно пишетъ, только для того, о чемъ ему дохтуру приказано писать и съ тѣмъ купитъ дѣласть. Которые говорятъ, что тѣ рога растутъ у воденного звѣря и морской лошади, потому что такіе пироги морскіе ни единого отъ плавающихъ по морю видны бываютъ, и тѣ ихъ рога по времени съ частью головной кости на край американскаго моря на берегу, также и у устья Давыдова и у устья Адриатическаго обрѣтаются и оттуда къ нимъ привозятъ, и великою цѣною и только великими государемъ, царемъ, королемъ, курфирштамъ и Мечи Поехвонтой продаются, и въ казні тѣ рога берегутъ со тщаніемъ: охотниками, чужеземцами, которые про нихъ спросятъ, показывать, а что наложить тому рогу сила, и и всѣ философы едиными устами говорятъ, что тотъ пирогъ противенъ есть всякой отравѣ и порчи и моровому повѣтрію и осѣбъ и коростѣ и всякомъ злымъ болѣзнемъ, потому что своею силою, изъ человека боль учинитъ, и черезъ тотъ боль всякую болѣзнь отъ сердца отгонитъ; и удивительно сколько то укрѣпляетъ человека, и дыханіе отъ жнзота возмншаетъ и всякую дурность отгонитъ, и потомъ здравіе принесть; и сверхъ того, дѣтна во время подобно отъ различныхъ лихорадокъ, и всякимъ лекарствомъ излѣчиваются, которые надобны изъ поту, а особливо когда философскою мудростію принаеено будетъ. А какъ тотъ рогъ на вороту носить, сказываютъ, что отъ всякой отравы хранитъ; и помысленіе бднрое, какъ изъ мысли нхѣтъ, унеть, и тѣмъ поглазаетъ. А какъ человекъ пробудетъ живеною, нхѣючи его на себѣ, и попадетъ на него горячей воды, то изъ него вся сила его пропадетъ. Знаки и прнхѣты съ чего сво познать, прямой или нѣтъ тотъ пирогъ, снъ суть.

1-я статья: Будетъ струя на томъ рогѣ обвиваетъ кругомъ, тѣмъ же подобіемъ, какъ и хлѣбной пруть обвивается около дерева и будто точено.

2-я статья: Гораздо твердо и плотно.

3-я статья: И велики тяжело.

4-я статья: Будетъ прелъ помянутую силу нхѣтъ.

5-я статья: Какъ изъ того рога кружало сдѣлано будетъ, и на томъ кружалѣ положенъ будетъ живой наука, и онъ изъ того кружала выйти не можетъ, и только той прнхѣтъ не самаго вѣру нму, будетъ сырой подѣланой, тотъ рогъ будетъ.

6-я статья: Изъ тонкого бѣлаго желѣза сдѣлай маленькое суденко, величиною съ конфѣку, и то суденко поставь на тенной водѣ и тутъ то суденко плавать, и возьми того рога часточку и подвнгай къ тому суденку помалу, только не трони, и какъ роговая часть будетъ близко того суденка, и то суденко начнетъ отъ той роговой части по водѣ бѣгать.

7-я статья: Будетъ кто малую часть, или крошку хлѣба положить на чистую воду, чтобы такою хлѣвою та хлѣбная кроха на водѣ плавала, а послѣ изъ той хлѣбной крошки унеть подвнгатъ, тобѣжь роговую часть, толькобѣ той хлѣбной крохи не тронуть, и какъ тобѣ роговую часть отъ хлѣбной крохи понесешь назадъ, по тихоньку, и та хлѣбная кроха за тою частью бѣзаетъ и о томъ доподна.

Другой докторъ Леонъ Лизифинусъ написалъ слѣдующее:

„По гречески моноросъ, а по латине уннкомннсъ, се есть единорожецъ по русски.

Много докторы объясняли намъ, чему вѣрить невозможно, только вѣратѣ онъ дохтуръ свое дѣло сдѣлать.

Близко.

Сказываютъ всѣ, что родится въ Индіи восточной, въ дикихъ лѣсахъ, наипаче свидѣтельствуемъ Аляну; а въ Индіи называется кортазеномъ, звѣрь есть, съ коня величиною, свѣтлоблнстающаея шерсть, глаза оленя раздѣленные пазнотн, хвостъ кабановый, шея не само дѣлѣ и не само волосата, копыта сухіе, на лбу носить рога длиною три локти. А Николай Венециецъ, какъ о томъ пишетъ Андрей Бакіусъ, скажетъ, что его слынетъ и въ дальнихъ странахъ азіатскихъ, въ уѣздѣ Мацана парфннскомъ. А Марко Павелъ Венеціанъ говоритъ, что слынется въ нѣкоторыхъ уѣздѣ въ западной Индіи въ королевствѣ Базмыскомъ. И то полно о его рожденіи, а что о силѣ его и о могутствѣ, гораздо боль учинитъ и сердцу нсобнть, и противнться всякой порчи и излечитъ немощи прилнчающія, се есть жаръ, моровое повѣтріе, угры, коену, и гораздо прнгоднтся отъ удару малыхъ дѣтей, нсобнляетъ отъ трясенія сердцу.

Пособнеть забвенію, прнгоднтся отъ кручины, какъ вѣно будетъ, либо въ ренскомъ, либо въ уннхѣ курннхѣ.

Израотъ, слоновой кости, не сойдеть струи, потому что тоніе и жѣлнше и есть потяжесіе и по плотнѣ, и въ достаточномъ на его новую кость походитъ; а обложн изъ него какъ

въ перстень положены будутъ, и на перстѣ носить, либо на шею повѣсить будетъ, бережети отрока отъ прасенія; а которые въ большихъ лѣтѣхъ, тѣмъ надобно либо 5,6 или 7 зернъ. Говорить будетъ изъ его конята перстень здѣлать, и въ середкѣ того перстня науку, и онъ съ того перстня не выйдетъ, но ухрѣтъ въ перстени; такожъ и змѣй. Такожъ въ ланку будетъ есть порча, и нирогъ у того будетъ, тотчасъ разламается на части, и многихъ иныхъ дѣлъ учинить, о которыхъ которые увѣдали, знаютъ.¹⁾

Что касается до хирургическихъ инструментовъ, то они приобѣтались для аптеки заграницей. Напримѣръ, въ 1679 г. въ Данингѣ были куплены: пять пилъ большихъ, чѣмъ кости оттираютъ, и пять пилъ меньшихъ; 10 шуруповъ, чѣмъ пушки вымаютъ; 10 клещей, чѣмъ пушки изъ вынимаютъ; 10 клещей съ жеравиными носами, чѣмъ пушки и кости вынимаютъ; 10 ножей крышыхъ, чѣмъ около костей обрѣзаваютъ. Въ томъ же году въ Гамбургѣ были приобѣтены: двѣ пилы большихъ двойныхъ, 13 пилъ поменьше; 15 ножей крышыхъ; 11 шуруповъ; 10 клещей; 5 клещей двойныхъ, чѣмъ ротъ отворяютъ; 5 одинаковыхъ такихъ же; 7 трубокъ, чѣмъ пришить въ раны, оловянныхъ въ деревянныхъ ставенкахъ; 2 трубки среднихъ такихъ же; 5 трубокъ такихъ же меньшей руки; 3 трубки такихъ же мѣдныхъ; 15 монастырокъ съ лекарскими снастями и 36 толпороковъ розничныхъ.²⁾ Эти инструменты аптеками продавались въ два-три раза дороже заготовительной цѣны.

Остается упомянуть о снабженіи аптеки специальной посудой, которую вѣдали состоявшие при Аптекарскомъ Приказѣ скляничные мастера.

Московское правительство вынуждало часть посуды изъ за границы, а часть старалось производить домашними средствами. Такъ въ 1662 г. по указу Алексѣя Михайловича «велѣно колу-женну посаднику человеку Ганкѣ Луковникову изъ черкасскихъ городѣхъ купить скляницы, а тѣ скляницы надобны въ Аптекарскомъ Приказѣ»³⁾.

Но доставка скляницъ издалека не представляла удобствъ и болѣе обычнымъ явленіемъ была покупка ихъ въ горшечныхъ и

другихъ торговыхъ рядахъ Москвы. Напримѣръ, въ Щепетинномъ повозѣ ряду, что подъ горою, покупались «горшки глиняные муравленные»⁴⁾.

Аптечное дѣло предъявляетъ спросъ на особаго рода посуду, и въ Приказѣ скоро появили неудобства пользованія продажными издѣліями общаго назначенія.

Уже въ 1663 г. Алексѣй Михайловичъ указалъ «во Гжелиской волости для аптекарскихъ и алхимическихъ глиняныхъ сосудовъ, принесть глины, которая глина годится къ аптекарскимъ сосудамъ». Для принесянія необходимой глины были посланы изъ Москвы «аптекарскихъ и алхимическихъ глиняныхъ сосудовъ мастеръ Пашко Птицкой». При этомъ «въ которыхъ мѣстехъ мастеръ Пашка Птицкой во Гжелиской волости глину принесть, и тое глину указать государю, привезти къ Москвѣ Гжелискіе волости крестьяномъ вынзидать возомъ; а съ нуде двѣ тое глины нудна не давать, а держати тое глину на аптекарскіе дела; и впереди тое глину изъ Гжелискіе волости указать государю имать, и возитъ тое же волости крестьяномъ, какъ та глина въ Аптекарской Приказъ надобна будетъ»⁵⁾. Въ слѣдующемъ же году было приказано доставить изъ Гжелиской волости двѣдцать возовъ глины.⁶⁾

И такъ, для производства посуды было обращено вниманіе на матеріалъ, который и до настоящаго времени пользуется большою извѣстностью. Глина изъ Гжелиской волости доставлялась на скляничные заводы, расположенные не далеко отъ Москвы. Такъ въ 1666 г. было указано «дать... подъ скляничные сосуды 35 подводъ съ тѣлги и проводники»⁷⁾. Въ 1670 г. указано было «Аптекарскіе Палаты скляничному мастеру Петру Коту отъ Москвы до скляничныхъ заводовъ дать три подводъ добрые съ тѣлги и съ проводники, а на тѣхъ подводѣхъ привезти ему къ Москвѣ про аптекарской обиходъ всякіе скляничные сосуды; а до тѣхъ скляничныхъ заводовъ отъ Москвы сорокъ верстъ»⁸⁾. Этотъ указъ послѣдовалъ 4 августа, а 6 іюня Петру Коту было заказано сдѣлать для Аптекарской Палаты 2720 скляницъ разныхъ фасоновъ и размѣровъ. Однѣ изъ нихъ онъ долженъ былъ

¹⁾ Ibidem № 450.

²⁾ Ibid. № 452.

³⁾ Памят. Моск. г. I, № 83.

⁴⁾ Ibidem № 96.

⁵⁾ Ibid. № 453.

¹⁾ Ibid. № 270.

²⁾ Ibid. № 1191 и 1576.

³⁾ Ibid. № 293.

приготовить „по загорскому образцу, каковы ему *бумажный* образцы даны“, а други по образцовым издѣліямъ въ натурѣ. Быть можетъ подводы и давались для перевозки юельского заказа. Если это такъ, то нужно заключить, что заводы работали весьма продуктивно или обладали порядочными запасами готовыхъ издѣлій.

Въ матеріалахъ имѣются указанія на то, что заводы, во-первыхъ, находились въ селѣ Назайдовѣ, и во-вторыхъ, работали съ извѣстнаго искусства. Такъ въ 1676 г. Осодоръ Алексеевичъ повелѣлъ: „здѣлать въ селѣ *Назайдовѣ* на склянничьихъ заводахъ про свой в. г. антексарской обиходъ противъ *образцовой* судейши, какова послана... двѣ судейши мѣрами и полосуами равны да двѣнадцать судейскъ поменьше—*разными дзори*“¹⁾. Въ другомъ указѣ за тотъ же годъ упоминается о складахъ „съ стеклянныи судами, которые дѣлаемы въ селѣ Назайдовѣ“²⁾.

Въ 1679 г. Петръ Козьмъ доставилъ въ приказъ разныхъ соудовъ 1674 на 67 руб. 28 алтынь и въ 1680 г.—2316 хбѣстностью 90 руб. 13 алтынь³⁾.

Повидимому, заводы работали безостановочно. Объ экономическомъ значеніи этого производства можно судить по слѣдующему заявленію вдовы склянничнаго дѣла заводчика Антона Козьма, писавшей въ 1667 г.: „показованъ де мужъ ея в. г. склянничныхъ заводоу, а дѣлать съ того заводу въ Антексарскую Полату ретерты, и кошаѣ, и реусконы, и сепраторы, и алеорники, и оіюли, и судей, и склянницы четвертинны, и фунтовыя, и полуфунтовыя, и иные всякіе склянничныя суды; и что де здѣлають всякого стекла на продажу, и тѣ суды продавали безомыслино, для того, что *прежде сего въ Антексарскую Полату такъ склянничныя суды покрывали за моремъ дороговъ цѣною*“⁴⁾.

Низкую степень служебнаго персонала при антекахъ занимали сторожа. Верѣдно эта должность замѣщалась антексарскими учениками. При поступленіи на службу они обѣщались „не пить и не бражничать, в. г. антексарскую казну во всемъ на Москвѣ и въ походахъ беречь, и приказныхъ статей лекарственныхъ въ свой домъ тайкомъ не имать и не красть, и ни съ кѣмъ по

¹⁾ Ibid. № 1305.

²⁾ Ibid. № 1327.

³⁾ Ibid. 1644.

⁴⁾ Ibid. № 390.

дружбѣ в. г. антексарскою казною не ссужать, и государевы денегныя казны во всемъ остерегать, и въ сундукахъ и коробкахъ печатей не подпечатывать, и въ замкахъ ключей не прибирать“¹⁾.

Приведенныя обѣщанія брались съ поступающихъ въ сторожа и ихъ поручителей не безъ основанія. До насъ дошло напримѣръ, извѣстіе о крадѣ изъ аптеки медикамента однимъ изъ служившихъ. Такъ 1682 г. антексаръ Григоріенъ доложилъ Никитѣ Ивановичу и Василию Осодоровичу Одоескимъ, что „десмотрѣлъ онъ въ Антексарскомъ Приказѣ въ книгу травникъ, и подѣл де его стоялъ дистилаторъ Петръ Оабришійскъ, и ставъ де онъ Петръ вынимать изъ кармана платокъ, и изъ того де платка вынулъ у него Петра склянку, и антексаръ де Оинстришскъ Григоріенъ тою разбитую склянку и по духу узнать, что де было въ той склянкѣ *масло корицево*“²⁾. При допросѣ Оабришійскъ показалъ, что „дѣлъ меншей казенныи надписъ тайно масла корицного украть, и украть хотѣлъ отнести къ себѣ на дворѣ“. Преступникъ не былъ наказанъ, его „для иноземна“ лишь удалили со службы, предварительно проведши обыскъ у него „въ сундуки и въ подгоровѣ“.

Большое вниманіе заслуживаютъ мѣропріятія московскаго правительства къ насажденію аптекъ въ провинціи.

Развитіе провинціальныхъ аптекъ тѣсно связано съ развитіемъ военно-полевой медицины. Изъ общей исторіи извѣстно, что Россія въ XVII в. представляла собою непрерывный военный лагерь, дѣйствовавший на югъ, востокъ и западъ. Военно-техническіе успѣхи нашихъ западныхъ соседей заставили насъ преобразовать старую конницу изъ дѣтей боярскихъ въ драгунскіе и рейтарскіе полки, а стрѣльцовъ замѣнить есаулами. Войска, получившее иноземную выучку, не осталось безъ внутреннихъ преобразованій: прежняя система награды „на дѣлоу ранъ, на дѣлѣ“ стала замѣняться организованной медицинской помощью.

Немногочисленные вначалѣ полковые врачи лечили ратныхъ людей собственными лекарствами. Но къ половинѣ XVII ст. порядки этотъ измѣнились. Въ полки стали посылаться изъ Москвы или изъ провинціальныхъ антексарскихъ складовъ цѣлыя транспорты лекарствъ. Ответственность за нихъ лежала на командирѣ

¹⁾ Ibid. № 1671.

²⁾ Ibid. № 1653.

рахъ полковъ, которые обязывались отчетностью. „И сколько какихъ лекарствъ въ расходъ видѣть, велѣли бы записывать въ книги и тѣ книги за дѣлѣю принесли прислали къ намъ къ Москвѣ“ — приказывалось обыкновенно при посылкѣ медикаментовъ ¹⁾.

Аптекарскіе матеріалы выслались по росписямъ, полученнымъ отъ врачей: „конихъ и сколько пристойно прихитрѣтъ изъ прежнихъ отпускантъ“. Отпуски производились „съ кѣмъ пригоже“ и безъ всякаго промедленія, чтобы „лекарствъ для лечбѣ ратныхъ людей безопаснымъ не бытъ“. Стоимость одного транспорта обыкновенно не превышала ста одиннадцати рублей пятнадцати алтыновъ. Такимъ образомъ возникли аптечки на-Дону, въ Астрахани, Вильнѣ, Новгородѣ, Кіевѣ, Пензѣ, Курскѣ, Псковѣ, Нѣжинѣ и другихъ мѣстахъ.

Не ограничиваясь нуждами военныхъ людей, Аптекарскій Приказъ сдѣлалъ попытку завести гражданскую аптеку въ Вологдѣ, которая во второй половинѣ XVII вѣка представлялась довольно большими торговыми пунктами, болѣе богатыми, чѣмъ Новгородъ.

Въ 1675 г. къ вологодскому воеводѣ Осодору Александровичу Тышкевичу былъ посланъ указъ царя Алексѣя Михайловича, въ которомъ: „велѣно на Вологдѣ построить аптеку со всякими лекарствами и оные продавать всякимъ чинамъ ратнымъ и тамошнимъ людямъ противъ того, какъ продается нынѣ въ Москвѣ въ Новой Аптецкѣ“. „Для заводу аптеки“ были назначены докторъ Петръ Пантанусъ, толмачъ Мартынъ Амбрехтъ, приказные, иждовальники и сторожа ²⁾.

Въ 1679 г. Осодоръ Алексѣевичъ указалъ лекарю иноземцу Артемію Назарьсу продавать ему въ Казани всякіе лекарства тамошнимъ жителямъ, по цѣнѣ на сто за десять рублей на двадцать на семь алтыновъ противъ росписи, какова ему Артемію дана изъ Аптекарскаго Приказа за дѣлѣю принесли, а за тѣ лекарства, что въ которомъ году, мѣсяцѣ и числѣ и насколько по цѣнѣ продано будетъ, присылать деньги къ Москвѣ въ Аптекарской Приказъ къ боярину ко князю Никитѣ Ивановичу да къ кривчому съ путемъ ко князю Василію Осодоровичу Одоевскому, да дѣлаку къ Андрею Вишнѣу съ кѣмъ пригоже“ ³⁾. Всего

¹⁾ Матеріалы №№ 1032, 1041, и т. д.

²⁾ Матеріалы №№ 1332, 1303.

³⁾ Ibid. № 1306.

всякихъ лекарствъ съ ними было послано „65 статей“. Но завести гражданскую аптеку Артемію Назарову не удалось. Изъ его челобитной, поданной въ 1681 г. узнаемъ, что онъ отправилъ медикаменты со своими учениками въ стругу по рѣкѣ Волгѣ, но „стругъ разбили на Волгѣ рѣкѣ въ Кривушанской Волошкѣ вороскіе русскіе люди и тое лекарство разбили и много лекарствъ въ Волгу рѣку пометали и стругъ въ Волгу затопили“ ¹⁾.

Свѣдѣній объ операціяхъ вологодской и казанской аптекъ не сохранилось, къ сожалѣнію. На этомъ основаніи Рихтеръ даже сомнѣвается въ томъ, напирямѣръ, были ли действительно открыты вологодская аптека ²⁾. Подогасимъ, что отсутствіе извѣстій объ операціяхъ еще не даетъ основанія не признавать самаго факта существованія аптеки. Во всякомъ случаѣ, независимо отъ того, какъ действовали аптеки въ Вологдѣ и другихъ мѣстахъ, заслуживаютъ большого вниманія сюда относящіеся факты для при-
вильной оцѣнки мѣропріятій въ этомъ же направленіи послѣдующихъ вѣщевосемь. У насъ принята исторія аптечнаго дѣла начинать съ Петра Великаго, но едвали это оправдывается при ближайшемъ ознакомленіи съ относящимися къ этой области историческими матеріалами.

Петръ Великій сдѣлалъ попытку къ засаженію военнахъ аптекъ. По указу 22 ноября 1701 года было приказано: „для всякихъ надобныхъ и потребныхъ лекарствъ быть въ Москвѣ воемъ осязи аптекамъ, и построить тѣ аптеки въ Китай и въ Бѣлому и въ Землинскѣ городѣхъ, на болшихъ пробѣжкахъ и просторныхъ и многотолпныхъ улицахъ безъ всякаго утѣшенія, и держать и продавать въ тѣхъ аптекахъ всякія лекарства и лекарственные сиропы и иные къ тому принадлежащіе потребные и иждивительные пантукы... а опроче того въ царствующей градѣ Москвѣ впродъ иными вновь аптекамъ и зеленому ряду, что въ Китай городѣ, также и по всѣмъ улицамъ и по перекресткамъ, лавкамъ, въ которыхъ продавали всякія непотребныя травы и зелья, будто вмѣсто лекарствъ, не бытъ, и тѣ по улицамъ и по перекресткамъ лавки всѣ сломать и очистить“ ³⁾.

Что же касается другихъ городовъ, то несмотря на безплодность покупки лекарствъ, монополию и широкія казенныя

¹⁾ Ibid. № 1619.

²⁾ Рихтеръ, *оп. ист.* т. II, стр. 274—275.

³⁾ Полн. Собр. Зак. т. IV, № 1879, стр. 177.

субсидий, из них аптеки возникали весьма медленно. Даже в Петербурге первая волновая аптека была открыта только 29 января 1760, в Кадуге и Симбирске—в 1778 г., в Перми в 1786 г. и т. д. ¹⁾

Останавливаясь на внешней стороне экспортия Петра Великого, пожалуй, возможно подумать, что именно он создал у нас аптечное дело. Но вот что по этому поводу пишет проф. Чистович, один из его усердных апологетов: „При учреждении московского госпиталя и при заведении новых волновых аптек в Москве, как того желал Петр Великий, существенное затруднение состояло в том, что надобно было приобретать лекарственные вещества из отдаленных заморских стран. Ничего у нас не было своего“ ²⁾. В другом месте своего обширного исследования тот же автор добавляет: „Но мало того, что у нас не было собственных материалов, у нас не было и стеклянной аптечной посуды, которая всегда почти вывозилась из Гамбурга. Только с 1736 года посуда для аптек стала получаться с Иamburgских и с Иабинских стеклянных заводов от арендатора Вильгема Эльмала“ ³⁾.

Приведенные замечания правильно передают действительное состояние аптечного дела при Петре I и в подпавшее время, так как в XVIII веке—не сумели поддержать обширную систему, созданную в течение предшествующего столетия.

¹⁾ Проф. Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. С. 116. 1883 г. стр. 579—80.

²⁾ Ibid. стр. 594.

³⁾ Ibid. стр. 593.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Большая часть иностранных врачей вызывалась из-за границы особыми царскими грамотами, адресованными к разным иностранным государям. „Когда понадобится, говорится в исторических памятниках, государю дохтуру или обтекаря, и государь о том пишет в немецкие государства к королям и владетельным, и присылает к государю свидетельствованных и вѣдомых, и обь них пишут извѣстно“.

Свидетельствованные и вѣдомые врачи приносили с собою рекомендательные грамоты, в которых писалось обь их заслугах и учености.

Подобные грамоты были представлены докторами Робертом Якобом и Марком Риддесом от английской королевы Елизаветы, Артемием Дием—от английских королей Якова и Карла, докторами Чамберленом и Елестоном от английского короля Карла, Рейнером Пау—от Генриха принца Оранского, Блюментроном—от курфюрста Саксонского, аптекарем Филипом Бриотом—от короля Карлуса, доктором Андерсом—от датского короля Фридриха, доктором Григорием Карболарием—от императора римского Леопольда ¹⁾ и т. д.

С течением времени порядок приискания врачей существенно изменился. В XVI и начале XVII ст. врачи исключительно вывозились по рекомендациям иностранных вѣшеносцев, впоследствии же приглашение их поручается дипломатическим агентам и более или менее надежным ядникам, уже известным своею службою в Москве.

Под конец XVII ст. за лекарами да окулистами посылали „с Москвы за море в Амбурх и в иные немецкие города“ просто торговых людей.

¹⁾ Гаттер. op. cit. т. I, стр. 398, 410 и т. II, прилож. стр. 3, 5, 7, 9, 55, 57, 63, 122, 128 и др.

Тамъ. Слѣдѣ вызвалъ изъ Германіи 4 врачей, 4 аптекарей, 2 операторовъ, 8 цирюльниковъ и 8 подлекарей¹⁾.

Павелъ дипломатическій агентъ Юрій Родіоновъ „въ Поренѣ: взялъ на царское имя золотара, аптекаря да лекаря“²⁾. Еще раньше англійскій купецъ Чернъ отправилъ доктора Билеса³⁾.

Англійскій купецъ Ульянъ Ивановичъ Смитъ въ 1631 г. вывезъ изъ Англіи „обтекарскіе лекарствы да съ ними два человека... да два лекаря Матвѣя Килфинга, Елисааріа Родонга“⁴⁾.

Въ 1655 г. аптекаря Роману Ульянову при отпускѣ на родину въ Англію наказывалось „въ своей землѣ въ свое мѣсто призвать аптекаря доброго и аптекарскому дѣлу назачиваго, таково жъ, каковы онъ, Романъ“⁵⁾. Этотъ послѣдній прислалъ въ 1656 г. изъ Англіи Романа Беніана⁶⁾.

Въ 1656 г. были призваны на царскую службу докторъ Андрей Энгельгартъ торговалъ человѣкомъ Яганомъ фонъ Горингомъ, которому было поручено „съ собою приговаривать дохтура ученаго человека, который бывалъ въ дохтурскихъ во многихъ наукахъ и дохтурству совершенно наученъ и свидѣтельствуванъ“. Тотъ же фонъ Горингъ призвалъ въ 1656 г. доктора Юганна Кустеріуса⁷⁾.

Въ 1658 г. окулисты Иванко Малгоринъ были призваны изъ-заграничныхъ торговалъ человѣкомъ Петромъ Николаевичемъ⁸⁾.

Въ 1658 г. марта 16-го царь Алексѣй Михайловичъ „указалъ торговому иностранцу Ивану Геддону изъ англійской землѣ призвать дохтура доброго и назачиваго да ему жъ Ивану указать государю презвѣнаго аптекаря Романа Тіу“⁹⁾.

Въ 1666 г. полковникъ Афанасіе Трауринхъ привезъ съ собою изъ Франціи доктора Ивана Людвига¹⁰⁾.

Въ 1675 г. были „посланы за море въ Амбурхъ и въ иные нѣмецкіе рѣши, для призванія въ Московское государство дох-

¹⁾ Карамзинъ, Исторія Государ. Росс. т. VIII, примѣчаніе 206.

²⁾ Памятникъ диплом. сношеній др. Россіи съ иностр. держ. Спб., 1852 г. II, 1375.

³⁾ Гаммель, Англичане въ Россіи въ XVI и XVII ст. Спб. 1869 г. стр. 185.

⁴⁾ Матеріалы по Исторіи медицины въ Россіи № 78.

⁵⁾ Павелъ матер. т. III, ч. II, стр. 48—50.

⁶⁾ Ibid. стр. 52—53.

⁷⁾ Ibid. т. I, стр. 124 и 138 и т. III, ч. II, стр. 50—51.

⁸⁾ Ibid. т. I, стр. 125.

⁹⁾ Матер. № 795.

¹⁰⁾ Ibid. т. II, стр. 44.

тура Андрея Энгельгарта да одного мастера, изъ Оутекарскаго Приказа алхимистъ Беніусъ Ганцъ Сланцъ“¹⁾. Въ 1678 г. лекаря иностранцу Виллиму Горетену „дѣлаю за море“ призвать въ Московское Государство десяти или двѣнадцати человекъ лекарей да окулиста²⁾. Свою миссію онъ выполнилъ успешно, пригласивъ изъ Гамбурга 7 врачей, изъ Лейпсига—2-хъ и Риги—одного.

Въ 1688 г. изъ Саксоніи привезъ доктора Лаврентія Блюментроста пасторъ Іоаннъ Гофманъ, спеціально посланный для призванія сукочныхъ мастеровъ и химиковъ³⁾.

Въ 1698 г. докторомъ Григоріемъ Карбонаріемъ были названы въ Москву изъ Вены докторъ Бенедиктъ Цоботъ и аптекарь Игнатъ Негелъ⁴⁾.

Опытъ выбора врачей, такъ сказать, онтологъ, по причинѣ „чужестранъ побольше, нѣною подешевле“ былъ произведенъ въ 1698 году. Дѣтельными комиссарами въ этомъ случаѣ явились Оедоръ Алексѣевичъ Головинъ и Францъ Ивановичъ Лефортъ. Главнѣйшій наборъ врачей они произвели въ Амстердагѣ. На ихъ приказъ откликнулось 68 лекарей; изъ этого числа въ первую очередь было принято и отправлено на корабляхъ въ Архангельскъ 51 человекъ.

Изъ отправленныхъ нѣкоторые иностранные документы о своей профессиональной дѣятельности представили только 31 человекъ, у остальныхъ же не оказалось никакихъ бумагъ, такъ что свѣдѣнія о нихъ поверялись были изъ ихъ собственныхъ показаній.

Принятые и вообще давшіе о себѣ какія-либо свѣдѣнія 47 лекарей по національностямъ распредѣлились слѣдующимъ образомъ: 14 голландцевъ, 13 французовъ, 13 нѣмцевъ, 5 датчанъ, 1 итальянецъ и 1 испанецъ. Только двое изъ нихъ сообщили, что учились въ школахъ; остальные же обучались лекарскому искусству при практикующихъ лекаряхъ. По три года состояли лекаремъ учениками 17 человекъ, а 5 изъ нихъ сверхъ того были „подмастерьями“ отъ 2 до 7 лѣтъ. Что касается практической опытности этихъ лекарей, то 5 человекъ практиковали

¹⁾ Ibid. т. III, ч. II, стр. 77—82.

²⁾ Матер. №№ 1156, 1158, 1160, 1195, 1620.

³⁾ Павелъ матер. т. III, ч. II, стр. 55—60.

⁴⁾ Ibidem т. II, стр. 118.

не более 2 лет, 1—3½ года, 2 лекаря по 4 г., 4 л. по 5 лет, 5 л. от 6 до 6½ лет, 3 л. по 7 лет, 1 л.—9 лет и 5 лекарей 10 лет и более¹⁾.

Что касается непринятых, то между ними преобладали лица без всяких документов и, по их собственным показаниям, мало учившиеся и мало практиковавшиеся. Кроме указанных лекарей тогда же были приняты и другие лица, а именно: 7 аптекарей, английский доктор, Андресон, лекарь Крестинь Виптер и доктор из Вены Христофор Бекер.

Свидетель о специальной подготовке и самостоятельной практике лекарей, принятых на службу, почерпнуты из их собственных показаний, поэтому следует считать эти сведения, если не вполне соответствующими действительности, то во всяком случае не преувеличенными. И что же мы видим? Разве этот транспорт лекарей можно считать из научном отношении стоящим выше русских специалистов, обучавшихся у нас в приказной школе и при лекарях в течение пятилетнего срока по крайней мере.

Из отечественных и зарубежных лекарей никак нельзя видеть какого-либо шага вперед. Наоборот, это было со стороны Петра Великого шагом назад. В самом деле, при вступлении на престол он получил от предшествующего времени солидное наследие в области врачебного дела. Кроме вполне практикующих врачей, единиц приказных специалистов насчитывалось порядочное количество, именно: 27 апреля 1682 г. ему прислали на вѣрность 6 докторов, 4 аптекаря, 2 алхимиста, 5 иностранных лекарей, 14 русских лекарей, 27 лекарейских учеников, костоправ и 3 алхимиста и аптекарейского дела ученика.

Имѣя из своего распоряжения такое количество учителей и учеников, а также почти тридцатилетнюю традицию подготовки лекарей из русских, он мог бы в течение 17 лет т. е. с 1682 г. по 1698 г. подготовить значительные кадры врачебных специалистов, если бы проявил более энергии на том самом пути, на который было направлено врачебное дело его предшественниками.

Да наконец, возможно сомневаться, была ли необходимость в выписывании лекарей из-за границы в 1698 г., когда за три

года до того под Азовь без всяких затруднений были снаряжены доктора, 14 лекарей иностранцев и 3 аптекаря иностранца да 7 русских лекарей, 10 лекарейского дела учеников, один костоправ и 2 ученика²⁾.

При наборе врачей в 1698 г. не останавливались перед тем, что многие из них не имели никаких письменных доказательств ни своей прежней службы, ни вообще своих профессиональных познаний, а также были совершенно неизвестны местным людям. Поскольку это было результатом понижения требований, предъявлявшихся докторам и врачам, можно судить потому, принимая, что в 1678 г. Виллму Горстену от правительству из немецких городов для приглашения в Москву врачебного персонала, наказывалось «прискладывать напрокат со всякими прилежаньем *талант*, добрых лекарей, которые у курфюрста были мастера искусные, и в полех и на кораблях бывающие, и которые всякому лекарейскому делу, что доброму лекарю и окулисту знать надобно, были искусны, и у которых есть *добрые письменные свидетельства и старинные доки о них также свидетельства бывающие*»³⁾.

Уехали в Россию иностранные медики, рассчитывая на милость, о которых старательно распускало слух московское правительство. Известно, например, что из приказов Бориса Годунова Роману Бекману, назначенному в 1600 г. в Любек для приискания докторов, говорилось: «и сказывать про царское жалование, что великий государь царь и великий князь Борис Оседорович всея Руси его (доктора) возмужает по достоинству своим царским великим жалованием, и во всем ему будет повольность приехать и отъехать, волю без всякого задержания»⁴⁾.

Некоторые врачи, не имея ни свидетельствованных грамот от других государей, ни свидетельств «за руками всею коллегиею докторов», а просто лишь наслышавшись «про великое жалование к докторам и к лекарем и к ученым людям» или как говорится в других источниках, слыша, «что великий князь Московский ахоч к ученым людям и к ученым людям и докторам лечебных любить» выехали в Россию на

¹⁾ Там же, ст. 136. № 1115 л. 23—27, 63—64, 71—72, 108—110.

²⁾ Материалы № 1458.

³⁾ Рус. истор. биб. СПб. 1884 г. т. 8, стр. 87.

⁴⁾ Ibidem т. II, стр. 86—117.

своей страхе, без всякого вызова. Таких отважных искателей счастья с 1624 г. по 1627 г. было три: Матиас Даміус и Доминик Кауфман прибыли из Голландии, а фонь Даленг—сухим путем от Шведской границы¹⁾.

Доминик Кауфман так сильно рассчитывал на царскія милости къ ученымъ, что захватилъ съ собою жену и какого-то аптекаря Георга Криуса²⁾. Обоимъ было велѣно оставить Архангельскъ, такъ какъ они „люди неведомые, и свидѣтельствующихъ у нихъ грамотъ, и объ нихъ ни откобъ Царскому Величеству писема нѣтъ“.

Вообще какіе-то эти выходцы изъ Голландіи были шарлатаны не лучше своего предшественника и соотечественника Киврина фонъ Бремборга³⁾, который также безъ приглашенія и также изъ Голландіи пріѣхалъ въ Россію въ 1626 г. и прославился хвастовствомъ и отсутствіемъ всякаго чувства профессиональной чести. Бремборгъ просилъ государя дозволить ему исправлять обязанности доктора, хирурга и аптекаря. Онъ утверждалъ, что лечитъ лекарствами собственного изобрѣтенія, что онъ излечиваетъ такіа болѣзни, о которыхъ ничего неизвѣстно со времени Гипократа и о которыхъ не имѣютъ понятія самые ученые и опытные медики. Онъ вообще съ пренебреженіемъ отзывался о докторахъ и называлъ обманщиками даже лейденскихъ профессоровъ, которые раздавали дипломы за деньги. Этѣмъ хвастуномъ вскорѣ по призыву на царскую службу былъ высланъ изъ предѣловъ Россіи.

Немного нарочее профессиональной гордости обнаружилось и въ просьбѣ Кауфмана, писаннаго царю, что онъ согласенъ на другую службу кромя врачебной, какъ-то: „города ставить и островки великими крѣпостями укрѣплити, и воду подъ городъ и въ городъ проводить“⁴⁾. Чтобы оцѣнить служебную неразборчивость Кауфмана, припомнимъ, что, когда „доктору Валентину Вилнсу велѣно было въ дохтурѣхъ не быть, а служить ему (другую) государеву службу“, то онъ отвѣчалъ, „что ему въ службѣ быть неслѣдъ, для того что въ высокой школѣ свидѣтельствующиіе дохтуры во кресту привели его на томъ, что ему быти въ дох-

турѣхъ и дохтурства своего не отбыти до своей смерти, а въ иное ни въ какомъ чину не быти“⁵⁾.

Случалось иногда что рекомендованный врачъ возбуждалъ какія нибудь подозрѣнія. Тогда нарядился цѣлый слѣдственный комитетъ, съ настойчивой подозрительностью разбиралъ бумаги и патенты врача, рекомендательныя грамоты отъ королевскихъ особъ, наконецъ „даже всякую рухлядь лекарскую“ и профессиональныя познанія. Такъ, напримеръ, было съ докторомъ Вилнсомъ, присланномъ въ 1599 г. английской королевой Елизаветой, которая дала ему нѣкоторыя политическія порученія. Постѣдшее обстоятельство возбуждало недоверіе къ врачу: дипломату и печатнику Василию Щепалову было поручено произнести допросъ.

Внимательно осматривалъ письма, которыя „длиннѣе дати“ Вилнсъ, узнавъ „кто писалъ и кто писалъ“, печатники и посольскій дѣла Вилнсъ спросилъ его: „сказываешься ты докторъ, и грамота у тебя Елизаветъ королевина докторская и книги докторскія и лечебныя и зелье, съ тобою есть ли? и какіе немочи знаешь и почему у человека какову немочь опознаешь? почему тебѣ у человека безъ книгъ какия немочи можно познати: по словамъ или по жиламъ? И докторъ Вилнсъ отвѣтилъ: „немочь изъ человекѣ всякую можно безъ книгъ разумѣть звать по водамъ, а которая будетъ въ человекѣ *такая* болѣзнь, ино си и по жиламъ можно познати; а лечебная книга со мною есть же, а старая книга—у меня въ головѣ“.

Не только эти обманы, но и тѣ, которыя давалъ Вилнсъ черезъ день (25 сентября) въ Посольскомъ приказѣ, не удовлетворили Щепалова „и докторъ Вилнсъ отъ царскаго величества отпущенъ безъ грамоты и безъ отбѣту: да и потому сказывался докторъ Вилнсъ, что его къ царскому величеству присладала королевина для докторскаго дѣла, а книгъ съ нимъ докторскихъ и травъ лечебныхъ ничего не было“⁶⁾. Московскіе цари настояно были „захоти къ ученымъ людямъ“, что даже непринятые на службу врачи награждались подарками и подаянными деньгами⁷⁾.

Врачи въѣзжали въ Россію различными путями. Они черезъ Архангельскъ, другіе—черезъ Новгородъ. Первымъ путемъ бытъ

¹⁾ Докторы. Рес. жед. т. II, 94.

²⁾ Ibid II, 98.

³⁾ Ibid II, 33.

⁴⁾ Ibid 97.

⁵⁾ Матеріалы № 179.

⁶⁾ Сборн. рус. Ист. Ист. Общ. т. 38, стр. 271 и 290.

⁷⁾ Рус. Ист. Общ. т. VIII, стр. 192 и 193.

наиболее удобен. Из Архангельска до Москвы приходилось ехать не более 13-ти дней. Вторым путем можно было приехать скорее: дней за 6—7 при обыкновенных условиях. Но тут спешениям мешали сильно поляны, шведы и разные тайны бродить, так что не даром Билль говорил: «насть, докторъ из Москвы нѣтъ не пропущаютъ»¹⁾.

В Москву выехали иностранцы либо на известный срок, указанный в договоре, либо на неопредѣленное время. Например, из приглашенных из 1679 г. лекари Юри́й Эисен, Александр Келлер и Андрей Бекеръ обязались служить три года, а лекари Адольф Екинон, Бастьян Резлеръ, Ефимъ Элендорфъ, Изаия Фридрих Лагусъ, Родольф Оттерсонъ, Бондемаръ Крестланусъ и Отто Эймеръ угрожались служить только два года²⁾. В большинстве случаев московское правительство не связывало себя сроками, сохраняя за собою право уволить врача, когда это будетъ необходимо.

Приглашая специалистов, московское правительство всегда давало обещание «да буде ты (или рекъ) послужа намъ, великому государю, похочешъ ехать назадъ изъ свою землю, и тебѣ ехать будетъ волю со всею жизнью, а задержанья тебѣ никакова не будетъ»³⁾.

При выѣздѣ изъ Россіи безпримѣнительность передаточнаго обещивалась также данными «оказными» грамотами, а «для стипендіи» московская администрація выдавала «свидѣтельствующиѣ» грамоты и «проѣзжій»⁴⁾.

Въ свидѣтельствующихъ грамотахъ московские придворные службы и личные качества вызвавшего врача и обращались ко всемъ иностраннымъ властямъ съ просьбой ради международной солидарности не чинить препятствій обладателю грамоты. Последнее выражалось слѣдующими стереотипными фразами: «И изъ которое государство тотъ (или рекъ) приѣдетъ, и великихъ государей, королей, курястролей, и архиепископовъ, и графовъ, и воиныхъ городовъ, бурястролей, и ратмановъ, и полатниковъ для нашего ц. в. велѣти его пропустить безъ задержанія»⁵⁾.

Образомъ свидѣтельствующей грамоты пространной формы можетъ служить грамота, данная доктору Христофору Бекеру изъ

1698 году. Въ ней писалось: «Божією милостию мы пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій великій государь и великій князь Петръ Алексѣевичъ (т.) наше царское величество пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ великимъ государемъ царскому величеству, любительнѣйшимъ братіямъ и друзьямъ нашимъ здравія и благополучившихъ пожеланий, непрестанного и вѣдущаго приращенія, также де всеѣмъ воемъ и всеуждо особно свѣтлѣйшимъ электорамъ и инымъ принципамъ, рѣкамъ, посолитымъ и ихъ правителямъ духовнымъ и мирскимъ, архиепископамъ, епископамъ, князьямъ, генераламъ, воеводамъ, маршаламъ, градамъ, канцелярамъ, а изъ войскахъ гетманомъ, полковникомъ и инымъ начальнымъ людямъ, баронамъ и старостамъ, воиномъ, шляхтѣ, подвластнымъ псалмическимъ, президентомъ, комедантомъ, капитаномъ, наместникамъ, вице-губернаторомъ, ротмистрамъ, хорунжимъ, предводителемъ и властителемъ, и городовъ, и селъ, и какихъ ни есть мѣстъ и обществъ, правителей, бурястролей, а на морѣ адмираломъ и вице-адмираломъ и прочимъ начальникамъ, и полнымъ должностнымъ морскимъ, а приставшимъ, мостовъ и переправъ великихъ стрѣльцамъ и инымъ, которые настоящимъ грамотою употреблены будутъ, какова ни есть состоянія степени, уряду, чина, достоинства или преимущества суть благоволенія и всякое благо обличивомъ. Но нашему царскому величеству указу отлучивъ изъ вѣдѣній государства дворовой нашей докторъ Христофоръ Бекеръ для псалмическихъ употреблений, и какъ онъ изъ которое государство или изъ воиныхъ города приѣдетъ, и пресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ великимъ государемъ царскому величеству римскому и королевскимъ величествамъ, любительнѣйшимъ братіямъ и друзьямъ нашимъ, также де всеѣмъ воемъ и всеуждо особно свѣтлѣйшимъ электорамъ и инымъ принципамъ, рѣкамъ, посолитымъ и ихъ правителямъ духовнымъ и мирскимъ, князьямъ, генераламъ и адмираламъ, и вышенномынованнымъ, какова ни есть состоянія, степени, уряду, чина и достоинства или преимущества, велѣти ово Христофору со всею при немъ будущими людьми ово, которые съ собою имѣть будутъ, сухихъ и воинымъ путями, какъ туды идучего и назадъ изъ государство наше возвращающагося, *пропустить безъ всякаго препятствія и задержанія а и вѣсть въ государствѣхъ нашихъ камамъ людямъ нашимъ царскому величеству благоволеніемъ и милостию отомъ жъ обличиво быти*. Писанъ государствѣхъ нашихъ изъ дворѣ изъ Царствующемъ

¹⁾ Матр. № 1620.

величьем градь Москвитъ лѣта отъ созданія міра 7207 г. мѣсяца овиара 4 дни государствованія нашего 17 г." ¹⁾).

О вѣншихъ видѣ грамоты можно судить по слѣдующей припискѣ: «Такоа великаго государя бѣлая грамота писана на александрійскомъ среднемъ листу, заставленъ съ фигурами и великаго государя аманованіе и шило по „московскій“ пресвѣтлѣйшимъ ч. державѣйшимъ по „такожде“ въ духъ мѣстахъ писано золотомъ, а межъ тѣмъ и дѣло писано чернилами. Писать въ листъ подъячей Василей Степановъ да подъ нею списокъ по нѣмецки, писаль тотъ списокъ переводчикъ Иванъ Орѣшникъ; запечатана *среднею печатью* подъ гладкою кустодіею».

Вѣнший видъ грамотъ не всегда были одинъ и тотъ же.

Такъ на грамотѣ, выданной въ 1652 г. лекарю Елизарію Ролонту на „Александрійскомъ среднемъ листу кайма, Богословъ и государевъ нѣя по „алястмарскій“ писано золотомъ, печать государственная *отворестая* на красномъ воску подъ кустодіею, безъ *оцелей* приписи» ²⁾).

Грамота, выданная въ 1655 г. аптекарю Роману Тіу написана на среднемъ листу „съ каймою безъ оцуръ. Началное слово и государевъ аманованіе писано золотомъ безъ *оцелей* приписи. Печать большая подъ гладкою кустодіею» ³⁾).

Въ 1672 г. бакалавру медицины Оонъ Гадену была выдана грамота „бѣлая писана на среднемъ александрійскомъ листу, кайма и оцуръ, и Богословъ милостиво и великаго государя аманованіе по „многилъ“ писано золотомъ, а дѣло чернилами. Запечатана государственною *малою* печатью подъ кустодіею гладкою» ⁴⁾).

Грамоты, выданныя Визому Горичину въ 1681 г. и Ивану Зеттегасту въ 1683 г., были написаны „на александрійскомъ *меньшемъ* листу, причежъ вторая грамота была запечатана *воронкою* печатью, подписъ *позади* *бѣлѣя*».

Грамота 1683 г. представляетъ въ томъ отношеніи интересъ, что на ней нѣбета подписей дѣлѣя. Въ другихъ грамотахъ, какъ мы видѣли, такой подписей нѣтъ и этого требовали приказныя формальности. Такъ о грамотѣ, выданной въ 1642 г. доктору

¹⁾ Наши матер. т. II, стр. 116–117.

²⁾ Наши матер. т. II, стр. 222.

³⁾ Ibidem т. III, ч. II, стр. 50.

⁴⁾ Наши матер. т. II, стр. 67.

Венделинусу Сибелисту говорится: „Бѣлая грамота написана на Александрійскомъ на *среднемъ* листу, кайма съ оцуръ, и Богословъ милостиво и государевъ аманованіе по „Владимирскою“ писано золотомъ, а послѣ того все писано чернилами, запечатана отворчатою печатью, печать государственная *большая* на красномъ воску подъ кустодіею, а *оцели* подписи у грамоты *ниль*, потому что у *нашихъ* грамотъ *приписи* *отдѣлы* и *сараки* *подѣлческой* не *бывали*» ¹⁾).

Чѣмъ больше было въ грамотѣ писемъ золотомъ, чѣмъ крупнѣе были форматъ бумаги или образцы печати, чѣмъ больше было фигуръ, тѣмъ грамота считалась болѣе торжественной.

„Проѣзжая“ грамота предназначалась до рубежа, внутри государства, а иногда и для обратнаго возвращенія.

Центральный пунктъ ея содержанія было: „Отъ Москвы по городамъ до Переславля Зѣтвскаго, и до Ростова, и до Ярославля, и до Вологды, и до Устьяга Великаго, и до Коломгоръ, и до Архангелскаго города воеводамъ и всякимъ приказнымъ людямъ... (имя рѣки) велѣни пустити зарубежъ, на которое мѣсто они нехочетъ, а русскихъ людей и московскихъ служилыхъ и торговыхъ нѣмцевъ и иныхъ иноземцовъ... съ нимъ *никого* не отпускати».

При другомъ направленіи отѣзда грамота писалась „отъ Москвы до Клинъ, и до Твери, и до Торжка, и до великаго Нойгорода и до Пскова“. Писались „проѣзжій“ и на Смоленскъ ²⁾).

О каждомъ близкомъ прѣѣздѣ лица правящаго персонала писалось въ пограничный городъ воеводѣ, чтобы онъ позаботился о дальнѣйшемъ прѣѣздѣ провозимыхъ, кормахъ и подводахъ. „Вѣдомо учинилось, писали въ этихъ случаяхъ воеводамъ архангельскимъ, Государю Царю и Вели. Кн., что изъ за моря, изъ английской земли, въ Архангелскому городу прѣѣхати *изъ* *американской*

¹⁾ Наши матер. т. II, стр. 205. Вопросъ о форматѣ печати и характерѣ письма имѣетъ большое значеніе для науки объ актахъ, такъ изложенномъ, дипломатическомъ. Первыя указанія въ этомъ отношеніи находимъ у Котошихина въ его сочиненіи уже упомянутомъ: „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“ Спб., 1859 г. Глава III, стр. 29–32. Зѣдѣе обстоятельно указываются въ каковыхъ случаяхъ какого формата употребляется печать и бумага, а также какия части текста пишутся золотомъ и какия чернилами, и въ каковыхъ случаяхъ употребляются „цѣпи“ или образцы свободныхъ подѣлъ.

²⁾ Ibidem т. III, ч. II, стр. 44–54, 55–69, 67–70, 77–84; т. II, стр. 84, 85, 182, 204, 209 также Рус. ист. библ. т. 8, стр. 326–328.

земли Государю служили аптекаря. И по Государеву Цареву и Вели. Ки. Михаила Оедоровича всея Руссии указу дьякомъ Боюху Болтину да Дементью Образцову велѣти воеводамъ къ Архангельскому городу послать Государеву грамоту, а велѣти ихъ аптекарскіе запасы и аптекаря англискаго прислать къ Москвѣ... и подводы подъ него аптекаря велѣти дати какъ аптекарю мощно подняти¹⁾.

Если же о приѣздахъ никакихъ приказаний предварительно не получалось, то они задерживались воеводой. „А безъ твоего Государева указу, писать воевода въ донесеніи въ Москву, къ Москвѣ ѣздить не велію“. О тѣхъ же, которые были извѣстны и ожидалась, свѣдѣнія посылались въ Посольскій Приказъ... „не дожидая Москвы, съ послѣдняго стану“, или „не дожидая до Москвы за пятнадцать верстъ“, или „съ подхожего стану“²⁾.

Призываемые изъ заграничья врачи приѣзжали въ Москву съ семействами и съ большимъ числомъ прислуги. Такъ въ 1639 г. Рейнръ Пау приѣхалъ съ женою, тремя дѣтьми, племянницей и одной прислугой женской. Въ 1640 г. докторъ Гартманъ Грамонъ съ женою, свояченицей и 8 прислугами; въ 1642 г. докторъ Венделинъ Сибелиусъ—съ женою, дочерью, племянникомъ, и 1 прислугой женской и 4 мужскими; въ 1643 г. докторъ Яганъ Беллау приѣхалъ съ женою, дочерью, племянникомъ, 2 женскими и 4 мужскими прислугами. Въ 1667 г. при докторѣ Яганѣ Кустеріусѣ прибыли: жена, 5 сыновей, дочь, дѣтскій учитель, хранитель лекарствъ, 3 женскихъ прислуги и 2 мужскихъ³⁾.

Въ пути врачи и всѣ члены ихъ семействъ получали кормовое довольство. Рейнръ Пау получалъ 8 алтынъ въ день, а люди его по 6 денегъ. Михаилу Грамону было указано „дать кормъ примѣняясь къ другимъ иноземцамъ или противъ полковниковы статьи“. Ягану Кустеріусу было повелѣно давать кормъ „противъ прежнихъ дохтуровъ или противъ полковниковъ“⁴⁾. Для передвиженія давались подводы и телѣги „на чемъ можно подняться и приѣхать къ Москвѣ“⁵⁾.

¹⁾ Матеріалы № 41.

²⁾ Рус. Вост. Библ. т. 8 стр. 209; Наши матер. т. II, стр. 188, 192; т. III, ч. II, стр. 51.

³⁾ Наши матер. т. II, стр. 209, 210, 211—89; т. I стр. 158.

⁴⁾ ibidem т. II, стр. 190 и 213; т. I стр. 95, 123 и 124.

⁵⁾ ibidem т. I, стр. 94, 124; т. II стр. 51.

Кормъ и подводы назначались сообразно съ важностью и извѣстностью, а также по рангу; болѣе извѣстнымъ докторамъ отпускалось больше; лекари получали меньше докторовъ; аптекари немного болѣе лекарей. Проводники назначались отчасти въ знакъ почета и уваженія, отчасти ради безопасности. Такъ, въ 1633 г. доктору Сибелиусу дали пять стрѣльцовъ „до Торжку“ а „до послѣдняго стану“ пристава Ивана Пустошкина¹⁾.—Еще раньше, въ 1628 г. былъ отправленъ Аптекарскаго Приказа переводчикъ, „а для провожанья послали... пятидесятишка стрѣленкаго Бориса Яковлева“²⁾.

Можно думать, что московское правительство принимало на себя путевыя издержки не только отъ пограничныхъ городовъ до Москвы, но даже и тѣ расходы, которые вызывались для медицинскаго дѣла иностранцы дѣлами до русской границы „за моремъ“.

Подтвержденіе этого находимъ въ описной грамотѣ, данной Касперу Фидлеру, въ которой читаемъ: „а ѣхалъ бы еси къ Нашему Царскому Величеству до нашихъ вотчины до Пскова на нашихъ подводахъ, и на кормъ денегъ себѣ заняты; а какъ доѣдешь до Пскова, и тотъ день и намъ, что тебѣ дати за провозъ, велѣли есмя *заплатити изъ нашихъ казны*, а ото Пскова до царствующаго нашего града Москвы велѣли есмя тебѣ и твоимъ людямъ, которые будутъ съ тобою, давати кормъ доволень и подводы“³⁾.

Позднѣе, въ 1678 г. въ Аптекарскомъ Приказѣ были выданы 450 руб. „тѣмъ призывнымъ лекаремъ за протори жъ и за харчи, и за проѣздъ—чѣмъ имъ до московскаго государства доѣхать“⁴⁾. Лекарю Вилиму Горстену, который отправлялся „за море къ разнымъ иѣмецкимъ городамъ для призванія въ службу Великаго Государя добрыхъ лекарей“ наказывалось „дать тѣмъ лекаремъ денегъ на ихъ претори и чѣмъ имъ въ московское государство выѣхать“⁵⁾.

Самое вознагражденіе за выѣздъ, столь обычное, въ то время, было ничѣмъ инымъ, какъ дополнительнымъ вознагражденіемъ со стороны московскаго правительства за расходы „до рубежа“.

¹⁾ Рус. вост. библ. т. 8 стр. 259 и Наши матер. т. II, стр. 206.

²⁾ ibidem стр. 254.

³⁾ Сб. Государ. грам. и довер. т. 2, стр. 158 № 75.

⁴⁾ Матер. № 1453.

⁵⁾ ibidem № 1458 и 1599.

За выданы обыкновенно давалось отъ 40 до 70 руб. денегъ, по 1 или 2 куска бархату, атласу и камки, 2 куска дундыша и по 40 соболей цѣною въ 30—40 рублей.

Доктора Сибелестъ Беллу, Томасъ Вильсонъ и Гартманусъ Граонгъ получили, наприхѣры по 2 куска бархату, атласъ гладкой, двѣ камки куфтеры, два сукна багрень да дундышъ, 40 соболей въ 40 рублей, денегъ 70 рублей¹⁾.

Поздѣе, въ 1667 и 1668 г. стали давать „бархату гладкаго 10 аршинъ, атласу гладкаго 10 арш., камки куфтеру 10 арш., сукно багрень, сукно дундышъ, 40 соболей въ 45 руб., денегъ 70 руб.— да еще кубокъ серебряный золоченъ съ крошею двѣ гривенки съ золотниками“. Такъ получили Самуилъ Коллинсъ, Кустеріусъ фонъ-Розенбургъ, Лефрентій Блюменштретъ, Андерсонъ и другіе²⁾.

Кромѣ кубка, матерій и денегъ выдавалось еще различное питье въ различныхъ количествахъ, выдавался также хлѣбъ и мясное да „на желкое гривно“³⁾.

Наприхѣры, въ 1665 и 1667 г. доктора Яганъ Людвигъ и Яганъ Кустеріусъ получили: „Питья—кружка шина бодрскаго, 2 кружки розаней, 2 кружки рейского, 2 круж. меду вишневого, 2 кружки меду малинового, 2 кружки меду обарнаго съ варомъ, ведро меду патошного, ведро меду цехеного, 4 ведра меду княжего, ведро шина подѣкшного, 2 ведра шина простого, добраго. Корму—калѣчь крупичатой въ 2 лопатки, калѣчь смесной. Изъ Большаго Приходу—четверть стига говядины, гусь, утка, заецъ, 2 тетерева, баранъ живой, 5 куровъ, 2 павлинъ ветчины, 6 гривенокъ масла коровья, 50 яицъ; на желкое гривно“⁴⁾.

Вознагражденіе это принимало солидныя размѣры, если мы припомнимъ, что иностранцы къ намъ прибѣгали часто съ семействами, а всегда съ болѣе или менѣе многочисленными штатомъ прислуги, такъ какъ служить у „левѣрныхъ некрещенныхъ иностранцевъ“ по указамъ Осодора Павловича, Михаила Осодоровича

¹⁾ Рихтеръ, ор. сіт. т. II. Прибав. VII, XV, XXXIII и Наимъ матер. т. II, стр. 186—203; т. III, ч. II стр. 54.

²⁾ Наимъ матер. т. I и Рихтеръ, ор. сіт. т. II, прибав. № VII, XIX, XXXVIII, XXXIX, XLIV.

³⁾ Наимъ матер. т. II стр. 54, 17, 18, 21, 19, 32, 63, 198, 203; т. III, ч. II стр. 67 и др.

и Алексѣя Михайловича запрещалось, „чтобы христіанскимъ душамъ оскверненія не было“⁵⁾.

Выдавалось вознагражденіе прислугѣ, получали его жена и дѣти поноврѣннаго. Такъ по случаю прѣѣзда семьи доктора Сибелеста было дано: жентъ камки куфтеры, тафты широкой, сукна дундышъ, 40 соболей въ 25 рублей; людямъ дохтуровымъ, чепирехъ, чепорихамъ, дундышъ, какъ-то: дворенному его Гарлену-ѣу Лидерусу, казначею Мартину Вибешету, камернику Гасу и Пикасу по сукну атласному, по 13 рублей дороги и по 8 рублей денегъ, чепориху. Достаннимъ его чепорихамъ, какъ-то Ебергарду Дехою, Мариндусу Селеру, Ойдерусу Шлану и Орлену Шулану по сукну атласному, да по дорогамъ по 5 рублей денегъ, чепориху. Да служивымъ людямъ Маргаретѣ возматнон, а другой поваренной по сукну атласному⁶⁾.

Некоторые доктора выказали бѣды семействамъ только, когда уѣзъ служба ихъ окончится, тогда посылать по жену и по дѣти⁷⁾. Въ послѣднемъ случаѣ жена получали „опасныя“ трапезы, кормы, подводы и проводники, по особымъ челобитнымъ ихъ мужей, какъ было, посылать, съ женою Каспара Филлера и доктора Матвея Андреева⁸⁾. Иногда выказалось потребителю труда каки-нибудь переводчики, какъ, наприхѣры, доктора Иова Поливануса потребовалъ именованій переводчикъ, Елисей Павловъ, а доктора Гартмана Грехана—Улирихъ Яновскій.

По прибытіи въ Москву каждый врачъ или аптекарь долженъ былъ немедленно явиться въ Посольскій приказъ, а потомъ въ Аптекарскій, гдѣ подвергались разспросамъ и пенитенціи: сколько дѣлъ за моремъ дохтурной науки учились, и въ которомъ государствѣ, и въ которыхъ земляхъ, и въ которомъ городѣ или въ гдѣ предъ сего бывали и сколько дѣлъ которой слушать уговорены были и почему изъ хлѣбныхъ государева жалованья кому обилано, справясь съ договорными ихъ писмами и съ котораго числа государева жалованье имъ данъ по договору доведенца⁹⁾. Иногда, не удовлетворяясь одними разспросами, приказывали „лекаря свидетелствовать на дѣлахъ и дать ему раненныхъ людей лечить“¹⁰⁾.

⁵⁾ Илліасъ, Протестанты въ Россіи стр. 325—6.

⁶⁾ Рихтеръ, ор. сіт. т. II, прибав. № VII.

⁷⁾ Рус. ист. общ. т. 8, стр. 98; ист. вѣстн. т. III № 369.

⁸⁾ Матер. № 811, 1419, 1411, 1412, 1560 и др. Наимъ матер. т. II стр. 185.

Когда повоприказки выдерживали всю строгость приказанного испытанія, то брали „поручную записку противъ иныхъ его братьевъ“ и приводили „къ вѣрѣ по чиновной книгѣ“, или „по повѣямъ крестоприводнымъ статьямъ“.

По общему правилу послѣ приведенія къ присягѣ великій государь „жаловалъ, велѣлъ дать своего Великаго Государя годового денежнаго жалованья и мѣсячныхъ кормовыхъ денегъ съ того числа, *какъ изъ оныхъ приводеи, а не съ того числа, какъ выписки похвалена къ годовому жалованью*“¹⁾. Порядокъ этотъ имѣлъ нѣкоторый смыслъ, такъ какъ иногда со времени избрѣванія креста до указа о жалованьи проходило мѣсяцъ и болѣе. Иногда это правило измѣнялось особыми соглашеніемъ, уговоромъ, по которому жалованье давалось съ того дня „какъ онъ (врачъ) будетъ на рубежѣ“²⁾.

Наиболѣе выдающиеся представители врачебнаго знанія допускались къ аудіенціи съ Государемъ. Отой аудіенціи удостоившись въ 1615 г. голландскій докторъ Валентинъ Бильсъ, въ 1617 г. голландскій докторъ Іезъ Пелдманусъ, въ 1621 г. англичанинъ Артемій Дінъ, въ 1634 г. голштинскій Венделинусъ Сибеліусъ, въ 1639 голландскій Рейнаръ Пау, въ 1640 г. голштинскій Артемій Грамонъ, въ 1666 г. англичанинъ Томасъ Вилсъ, въ 1669 г. датчанинъ Нилъ Андерсонъ и т. д.³⁾

Аудіенція у государя—не обычное явленіе, какъ думаетъ Германъ⁴⁾, а разрывалась только болѣе значительнымъ докторамъ. Пріемъ былъ очень торжественный и происходилъ по извѣстному этикету. Вотъ описаніе пріема, оказаннаго доктору Гарману Грамону 4 сентября 1639 г.: „указалъ Государь Царь и Великій Михаилъ Оеодоровичъ всея Россіи быти у себя Государя на прѣздѣ голштинскіе земли дохтуру Гарману Грамону. И того дни дохтуръ у Государя на прѣздѣ былъ; а посланъ по него своейской переводчикъ Ульфъ Яковлевъ; а лошадь по него послана съ государевой конюшни. А прѣхавъ въ горель, дождался государева выхода въ Посольскую приказъ. А какъ про него думной дѣла Оеодоръ Лихачевъ сказалъ государю, и государь велѣлъ ему идти изъ себя государю въ палату; и лавить

его государю челомъ ударити думной дѣла Оеодоръ Лихачевъ, а молвить: вел. госуд. вел. госуд. царь и вел. кн. Михаилъ Оеодоровичъ всея Русіи Самодержецъ и многіхъ государствъ обладатель! голштинскіе земли дохтуръ Гарманъ Грамонъ намъ великому государю служилъ по опасной грамотѣ И Государь пожаловалъ его къ рукѣ, и велѣлъ его спросити о здоровьѣ“.

Далѣе, по повелѣнію государя, дѣлакъ говорить доктору: „прѣхалъ еси къ намъ великому государю служить дохтурствомъ своимъ, поспашъ къ себѣ нашего царскаго жалованья. И мы Великій Государь тебя похвалимъ, что ты нашего царскаго жалованья къ себѣ поспашъ, и ты бы Нашему Царскому Величеству служить и на Нашу Царскую милость и жалованье быть надеженъ. А мы Великій Гос. учнемъ тебя держати въ нашемъ царскомъ милостивомъ жалованьи и въ прирѣшѣ“.

Послѣ этой рѣчи дѣлакъ сообщалъ подробно все царское жалованье „на прѣздѣ“, чѣмъ и заканчивалась аудіенція. Церемонія представленія государю оставалась во всѣхъ случаяхъ одною и тою же, за исключеніемъ того, что смотря по времени года то была „послана съ государевы конюшни лошадь съ сѣдломъ“, какъ, напримѣръ, за Діемъ и Грамонтомъ, то „лошадь съ санями и съ ямщиками“, какъ за Валентиномъ Бильсомъ⁵⁾.

По свидѣтельству Озарія, иноземные желки пользовались полнымъ довѣріемъ обращавшихся къ нимъ лицъ, а другой писатель начала того же вѣка—Буссонъ въ очень яркихъ краскахъ представляетъ ихъ общественное положеніе. Они передаютъ, будто врачи были въ такой чести, что сами казались князьями и боярами⁶⁾. Въ этихъ свидѣтельствахъ очевидно нѣтъ ничего недостовернаго. Естественная близость докторовъ къ царю, мистическое преклоненіе передъ ихъ таинственными знаніями, наконецъ, блестящій матеріальный положеніе—все это укрѣпляло ихъ авторитетъ и дѣйствовало на окружающихъ.

Что касается до матеріальной обеспеченности иноземныхъ докторовъ, то она прямо кажется баснословной.

Такъ Венделинусъ Сибеліусъ, извѣстный врачъ-дипломатъ Михаила Оеодоровича, получалъ 250 руб. годового жалованья.

¹⁾ Ibidem, № 1297.

²⁾ Ibidem, № 1157.

³⁾ Наши матер. т. II, стр. 54, 63, 195—198, 203, 212.

⁴⁾ Германъ, Какъ делались московскіе цари, К. 1895 г., стр. 74.

⁵⁾ Рус. истор. библ. т. 8, стр. 320—21; Рохтеръ т. II, прил. XIX.

⁶⁾ Озарій, „Путешествіе“, стр. 202; Устраловъ „Описание сибирей, о Дмитріѣ самозванцѣ“, Сиб. 1831 г. 9, 1, стр. 15—16.

да 72 руб. месячного корму—всего 1114 руб. в год. Если принять во внимание, что рубль конца первой половины XVII ст. был почти в 14 раз дешевле современного рубля, то окажется, что Сибелисты получали свыше 15½ тыс. руб. Другой врач Царя Михаила, доктор Валентинъ Боласъ получал 200 руб. годового жалованья и 55 р. кормовых, т. е. 860 руб. в год или более 10 000 руб. по нашему курсу.

Доктора Алексѣя Михайловича—Яганъ Белау и Артаманъ Грамантъ получали жалованья по 220 руб. и кормовых по 60 руб. в месяц, т. е. всего в год 940 руб.¹⁾ Доктора Андрей Пингелгартъ и Яганъ Костеріусъ получали даже оклады 250 руб. и корму месячного по 72 руб.) по 1114 руб. в год, т. е. почти 19 тысяч рублей²⁾.

Оклады докторов далеко превосходили раздѣры жалованья всѣхъ выдающихся современных имъ русскихъ государственныхъ дѣятелей. Такъ, напримеръ, столичный Никита Ивановичъ Шереметевъ получалъ государева жалованья, денежнаго оклада всего 75 руб. в годъ; бояринъ Петръ Васильевичъ Большой Шереметевъ—400 руб.; бояринъ кн. Никита Ивановичъ Одолевскій—730 руб.; бояринъ кн. Яковъ Кудеменовичъ Черкасскій получалъ насиль изъ то время оклады—850 руб.³⁾

Правда, оклады лишь врачебнаго персонала были нѣсколько понижены къ концу XVII ст., когда усилилось предложеніе врачебнаго труда, но тѣмъ не менѣе они оставались очень большими.

По росписи изъ 1692 г. были опредѣлены слѣдующіе оклады жалованья и кормовыхъ: докторамъ Степану Оуингаданову, Лаврентію Блюментросту, Симону Зомеру, Ягану Гутменшу по 730 руб., докторамъ низшаго разряда: Захарію Оандергудсту и Андрею Келлерману—некого больше 200 рублей⁴⁾.

Значительно меньшіе оклады получали лекари. По той же росписи 1692 г. имъ назначалось отъ 100 до 130 руб. в годъ; подлекари, русскіе лекари, рудохеты, горшанного и костоправнаго дѣла мастера получали отъ 20 до 50 рублей.

¹⁾ Густеръ, т. II, стр. 20, 50. Матер. № 197, 211, 397.

²⁾ Ibidem, № 397: рубль второй половины XVII вѣка—17 руб. современныхъ.

³⁾ Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, т. VI, стр. 280.

⁴⁾ Записки о немъ, Вѣдомости Олехандра Алексѣевича приказъ, № 6.

Раздѣры жалованья медицинскаго персонала опредѣлились, какъ было уже замѣчено, взаимнымъ соглашеніемъ—„сговоромъ“—передъ поступленіемъ на службу. По истеченіи нѣкотораго времени дѣлались прибавки, но не вѣдѣе, какъ по челобитной. Прибавки шли въ строго мѣстническомъ порядкѣ. Вообще духъ мѣстничества былъ сильно развитъ среди представителей медицинскаго званія. Такъ, лекарь Кашнеръ Бартелевъ въ 1645 г. билъ челомъ о прибавкѣ жалованья, указывая, что онъ, противъ своей бѣдѣ и лекарей оскорбленъ¹⁾. Въ 1663 г. лекарь Данило Оуинадановъ въ челобитной указывалъ: „акоя вторые, государя, мои братья лекари въ Олехандерскомъ Приказѣ служатъ и моему же и лекаремъ ученье, моложе же меня и тѣмъ лекаремъ твое государево жалованіе и мѣсячной кормъ и дѣтъ большій; и я хожу твой передъ ними братьями своей оскорбленъ“...²⁾.

Въ результатѣ челобитныхъ о прибавкахъ оклады увеличивались: „въ версту“, „на примѣръ“, „противъ ихъ братьевъ“, „ве въ оклады“ и т. д.

Кромѣ годового денежнаго жалованья и мѣсячнаго корма, раздѣры докторовъ варіировали въ зависимости отъ личныхъ качествъ того или другаго лица врачебнаго персонала, врачъ и другіе специалисты получали еще дополнительное вознагражденіе по разнымъ случаямъ.

Такъ, въ 1654 г. 25 учениковъ, 4 гольмача, истопники и 2 сторожа Олехандерскаго Приказа были пожалованы суммой „для Вележскія службы“³⁾.

Въ 1660 г. Алексѣю Михайловичу „отворили жилищу“ и по этому поводу были даны: доктору Андрею „кубокъ серебряной съ кроклею позолоченъ, вѣсу 2 гривенки 41 золотникъ, бархату червчатого 10 аршинъ, шапки куфтерю 10 арш., 40 соболей въ 100 руб.“. Лекарю Симону „ковчъ серебряной вѣсу полъ 2 гривенки, 10 арш. отласу, 40 соболей въ 20 рублей“.

Въ 1661 г. они же за провонусканіе Алексѣю Михайловичу получили: докторъ Андрей „кубокъ серебряной съ кроклею, позолоченъ, вѣсу 2 гривенки 25 золотниковъ, 10 арш. бархату, 10

¹⁾ Матер. № 213.

²⁾ Ibidem № 337.

³⁾ Наши матер. т. II, стр. 2.

китѣ Акинфову за 1.900 руб. Андрей Ингелгартъ получилъ дворъ съ постройками на Тверской улицѣ, принадлежавшій ранѣе околичному князю Семену Петровичу Лявову и оцененный въ огромную сумму—3.500 рублей по тогдашнему счету ¹⁾.

Въ 1664 г. докторъ Самуилъ Козлинскій по приѣздѣ въ Москву былъ поставленъ два Бѣломъ городѣ на Кулишкахъ, на дворѣ гостиницы сотни Василия Козашикова²⁾. По недѣли черезъ двѣ было указано „доктору Самуилу Козлинскому поставити на Бѣломъ городѣ на Погономъ Прудѣ на дворѣ торговаго иноземца Петра Марселеса, а Петра Марселеса указать государь съ того двора выслать“. Векорѣ Козлинскій былъ похваленъ въ новополъ зданіи, купленнымъ для Бѣломъ городѣ у Иузекихъ воротъ у торговаго иноземца у Артемія Артемеева, а за тотъ дворъ дано ему соболями 2.800 рублей³⁾. На этомъ дворѣ жилъ докторъ до выѣзда на родину и передъ выѣздомъ получилъ 205 р. 17 алтыновъ 3 денги, затраченные имъ на ремонтъ зданій и возведеніе некоторыхъ помехъ построекъ ⁴⁾.

На дворѣ къ врачу назначался сторожъ. Кроме того, иногда давался приездъ изъ иностранныхъ иноземцевъ. Такъ въ 1663 г. доктору Андрею Ингелгарту были даны „положеніи прусской земли ибъмъ Мартыно Токерскій да полякъ Петрушка Лешинскій“. Доктору Самуилу Козлинскому были даны въ 1661 г. Томаско Брускъ и въ 1665 г. английской земли иноземецъ Вильямко Перекъ ⁵⁾.

Во время денежнаго кризиса московское правительство обнаружало большую заботливость объ иностранномъ рабочемъ персоналѣ.

Такъ 26 мая 1662 г., по указу Алексея Михайловича, доктору Симону Фоммеру изъ Приказу Большой Камеры выдано 100 рублей серебряныхъ, потому что жалованье ему выдавалось мѣдьюми обезцѣненными деньгами, а „хлѣбъ и всякій харчъ, и конскій кормъ, дрова и все стало передъ прежнимъ, вдесятеро и больше“. Въ тотъ же день другимъ указомъ было пожаловано доктору Андрею Ингелгарту 300 руб. „серебряныхъ денегъ“ въ отвѣтъ на челобитную доктора объ обѣдѣ 600 рублей мѣд-

ныхъ на серебряные, нужные ему для расплаты съ торговцами иноземцами за товары. Государь пожаловалъ 300 рублей „безъ обѣда“ ⁶⁾.

По указу 25 іюня 1662 г. Алексея Михайловича повелѣть „для хлѣбныхъ и всякихъ дороговизнъ сверхъ мѣсячныхъ кормовъ, въ приказѣ, а не по окладу: иноземцы—по двадцати пяти алтыновъ на рубль, а русскіе—по 16 алтыновъ по 4 денг. на рубль...—до тѣхъ хлѣбъ, какъ умигутъ имъ давать серебряные денги“ ⁷⁾. Эта прибавка, вѣроятно, не распространялась на лишь медицинскаго персонала, потому что векорѣ просили о примѣненіи къ нимъ указа 25 іюня. Государь повелѣлъ 10 ноября того же года прибавить имъ „по двадцати алтыновъ по три денги на рубль“ ⁸⁾.

Докторъ Ингелгартъ изъ челобитнѣ о прибавкѣ не остался отъ своихъ товарищей, несмотря на недавнее солидное пособіе. Одновременно съ другими онъ былъ членомъ государя: „Презаніемъ государь т. в. г. Огтеларского Приказу докторовъ, какъ было все дешево, дано твое государеву жалованье серебряными денгами. А нынѣ, государь, хлѣбъ, и всякой харчъ, и дрова, и всякая обувь,—стало все дорого не по мѣру и... изъ нѣтъшнюю и всякую дороговизну тѣмъ твоимъ государевымъ жалованьемъ мѣдьюми денгами стало вдесятеро... вели, государь, миѣ холоду твоему, жалованья мѣсячной кормъ, серебряными денгами“ ⁹⁾. Въ отвѣтъ на челобитные послѣдовали указы прибавить на рубль по 25 алтыновъ.

Въ финансовомъ отношеніи слѣдуетъ признать серьезною льготою иноземныхъ медиковъ безвозмездный ввозъ изъ-за границы разныхъ питей и товаровъ.

Въ 1643 г. „дождь лекарствъ и родъ винъ и водъ загорскіе запасы отъ Архангельскаго города до Москвы“ доктору Еганусу Бѣлову было дано три подвода съ телегами, а доктору Артану Граману—семь ¹⁰⁾.

Въ 1668 г. было указано „доктору Ягана Розенбурха загорскіе про домашній его обиходъ съѣстные и питейные запасы и

¹⁾ Ibidem № 1108.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 65, 72, 128, 141.

³⁾ Ibidem, т. I, стр. 64 и 113.

⁴⁾ Тамъ же, т. I, стр. 33, 35.

⁵⁾ Тамъ же, № 301.

⁶⁾ Ibidem, № 313.

⁷⁾ Ibidem, № 312.

⁸⁾ Тамъ же, № 233.

питье для переноски всяких лекарственных водокъ отъ Архангельскаго города отпустить къ прежнимъ такимъ отпускамъ къ Москвѣ, у Архангельскаго города на суднѣ, на которомъ поднять можно до Вологды, а съ Вологды на подводахъ на сколькохъ поднять до Москвы можно¹⁾.

Оказалось, что доктору было послано изъоренныхъ питей 3 бочки подубереженныхъ, да бочку полуаршинную репскаго, да бочку полуаршинную романей, двѣ бочки полуаршинныхъ краснаго питья, погребенъ водки²⁾. Пошлинъ за этотъ транспортъ слѣдовало 60 рублей, но докторъ билъ челомъ о сложеніи съ него пошлины.

Московская администрація давно привыкла къ тому, что иноземные мѣдики, прикрываясь „лекарственными дѣлами“, широко пользовались беспошлинностью, и тѣмъ не менѣе на этотъ разъ были смущены, и въ Посольскомъ Приказѣ дякъ Герасимъ Доктуровъ просилъ Розенбурга: „ли онъ бы дохтуръ сказалъ вправду, тѣ пия въ-ль къ нему или одному, или къ кому иному, и для чего тѣхъ питей привезено много, потому что напередъ сего къ прежнимъ дохтурамъ къ Москвѣ въ привозѣ такихъ питей много не бывало“. Конечно, пошлины были сложены, потому что врачъ подтвердилъ, что все напитки надобны ему одному „про свой обиходъ и лекарства“³⁾.

Въ 1670 г., по челобитію бакалѣрѣса медицины Стефана Оунгаданова были посланы въ Архангельскъ указы „подъ лекарственные запасы отъ Архангельскаго города до Москвы подводы дать... противъ прошлыхъ годовъ и... пошлинъ, у города ижать не велѣли“⁴⁾.

Въ 1671 г. докторъ Розенбургъ „передъ иными не въ образъ“ для перевозки рейнвейна получилъ 16 подводъ⁵⁾.

Что беспошлинность и ежегодность привоза закорскихъ товаровъ составляли обычное явленіе, на это указываетъ слѣдующее жѣсто совместной челобитной Розенбурга и Оунгаданова отъ 1673 года: „вмѣлають къ намъ х. т. по всея юды изъ за моря къ Архангельскому городу аптекарскіе лекарства и домовые запасы, а по твоему великаго государя указу подѣ тѣ лекарства

идиють по всея юды отъ Архангельскаго города до Вологды яские подводы водянымъ путемъ, а съ Вологды до Москвы по истинной подвѣдѣ. То же подтверждается справками въ книгахъ Посольскаго Приказа, на основаніи чего и были отпущены подводы обоимъ докторамъ въ 1673 году¹⁾.

Въ 1674 г. доктору Ягану Розенбурху было доставлено черезъ Новгородъ „семь бочекъ большихъ, двѣ бочки среднихъ, четыре бочки малыхъ, да въ одну ящикахъ“²⁾.

Въ 1675 г. Оунгадановъ устроилъ беспошлинный вѣздъ зятинкѣ своему „сирейшину Іудѣ Исаеву съ людьми“. Вообще Оунгадановъ былъ мастеръ устраивать беспошлинные вѣзды. Въ 1672 г. онъ выхлопоталъ беспошлинный проѣздъ изъ Вильны для своихъ людей Оски Кононова и Моисейки Назарова „съ рухлядомъ“; въ 1673 г. онъ получилъ указъ на беспошлинный пропускъ его жатері „съ людьми и со всею ея пожитки“. Въ обоихъ случаяхъ, конечно, были даны и безплатныя подводы³⁾.

Въ 1698 г. была подана любопытная челобитная докторомъ Лаврентіемъ Блюментростомъ, въ которой онъ писалъ: высланы де къ нему изъ Амбурха лекарства, которыя положены въ одной бочкѣ да въ сундукѣ, и часть онъ, что тѣ лекарства о сіе время въ великій Новгородъ привезены, и... пожаловати бы ево велѣть тѣ лекарства ево, не разбивая въ сундукѣ и въ бочкѣ и не осматривая ихъ, отпустить... къ Москвѣ на подводахъ; а тамо жемному и кабацкому оловъ того сундука и бочки съ лекарствомъ раскрывать и осматривать не велѣть, потому что если бы ихъ раскроютъ и разобьютъ, а тѣ лекарства и суды испорчатся и послѣ осмотра тѣ суды съ лекарствомъ вмѣстѣ имъ въ тѣ... брѣжѣ не уиытъ“⁴⁾.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ обычай жалованія подарками по случаю обращенія лицъ врачебнаго персонала въ православіе. Награждая за обращеніе, московское правительство, по справедливому замѣчанію проф. Дм. Цибласа, не имѣло намѣренія стѣснять свободу вѣроисповѣданія инновѣрцевъ или принуждать ихъ къ переходу въ православіе. Выдача жалованія носила характеръ пособия, чтобы легче устроиться въ новой средѣ, такъ

¹⁾ Тамъ же, т. II, стр. 59—60.

²⁾ Ibidem, стр. 79.

³⁾ Рактеръ, оп. cit. т. II, стр. 238.

¹⁾ Тамъ же, т. III, ч. II, стр. 73.

²⁾ Ibidem, т. II, стр. 83.

³⁾ Ibidem, т. II, стр. 76—78.

⁴⁾ Ibidem, стр. 58.

как, обращение должно было порывать съ прежними своими отношениями все связи и не только не рассчитывать на их помощь, но еще ожидать от них различных притеснений¹⁾.

Совершенно ивно, подобную выдачу подарков нельзя иначе рассматривать, как простое пособие. Мы увидим ниже, что медники пользовались многими преимуществами перед своими соотечественниками и во всяком случае полной свободой иконопочитания, так что подарки не могли иметь значения одного из средств обращения. Кроме того, суммы жалованья за крещение были незначительны, всего около 30 рублей. Столько по крайней мере получали полковник Харитонъ Семечевъ, Корнелий Степановъ, Сигизмунтъ Зомеръ, Юрій Макс, Денис Личиниусъ, Артемій Назаровъ и другіе²⁾.

Такая сумма обыкновенно выдавалась „за кубокъ, и за собору, и за ламку, и за платъ“. Иногда „доначальное платъ“ для принимающих крещение заготовлялось въ Казенномъ Приказѣ. Но платъ, снотому въ 1667 г. для лекаря Степана Леклева и его жены, можно судить, что костюмы отличались большой роскошью, шились изъ лучшихъ матерій, отдѣлывались золотомъ и серебромъ³⁾.

Принимающій православіе вмѣстѣ съ этимъ становился вѣданнымъ московскихъ царей и утрачивалъ право возвращенія на прежнюю родину. Поэтому-то входилъ въ интересы помещицы, Михаилъ Осодоровичъ въ 1629 г. писалъ новгородскимъ воеводамъ: „которые изъ некрещенныхъ ивцевъ похотятъ креститься въ нашу православную христіанскую вѣру греческаго закона, и тѣхъ бы велѣли крестить; а какъ ихъ крестить, и въ бы тѣхъ крещенныхъ ивцевъ въ свою землю отпускать не велѣли, а сказать бы имъ, что имъ отъ крещенія, что имъ отъ насъ съ нами спорить не будетъ“⁴⁾.

Нарушителей крестныхъ обѣщаній московское правительство строго наказывало. Не смотря на это бывали случаи, что иноземцы принимали крещение, получали подарки, а потомъ бросали службу и уходили. Одинъ изъ такихъ перебѣжчиковъ—Сенка Власовъ былъ наказанъ кнутомъ и отданъ въ солдаты, а съ му-

¹⁾ Рус. Ист. 1886 г. т. 8, стр. 537; кн. IV, стр. 668.

²⁾ Матер. № 649 и 744.

³⁾ Наимъ матер. т. II, стр. 8.

⁴⁾ Рус. Ист. 1886 г. кн. 8 стр. 546.

жики Ивана Штарчина приказано было измѣщать 50 руб. пенн „за то, что Сенка, бѣсаячи отъ государева службы, жилъ у него Ивашки“¹⁾.

Изавивъ въ Москвѣ мы находимъ иновѣрческіе элементы. Не воздвигая на нихъ гоненій за вѣру, московское правительство различно относилось къ католицизму и протестантизму, считая то и другое не одинаково опаснымъ для „греческаго закона“. Протестанты уже съ XVI ст. строили въ Москвѣ свои церкви и отправляли богослуженіе²⁾.

Но въ противоположность протестантскимъ пастырямъ и иерикамъ, замѣчаетъ проф. Дя. Цейлакъ, существовавшимъ въ Россіи постоянно, хотя и съ различными прерываніями въ судьбѣ, католики при всемъ томъ, что не были стѣблены изъ вѣры, никогда, за исключеніемъ эпохи самозванцевъ, не получали позволенія имѣть ни костела, ни іезуитовъ, послѣ же междоусобицъ не допускались къ намъ и священники, даже было время, когда запрещалось въѣзду въ Россію и простымъ мирянамъ католическаго иконопочитанія³⁾. Дѣйствительно, католики занимали въ то время исключительное положеніе, къ тому были ирочесть особыя историческія причины.

Во всякомъ случаѣ, „москвитинѣ, какъ писалъ Олсарій, терять лишь всякаго рода націй и иконопочитанія, будь то латеране, кальвинисты, армяне, татары, персы и турки... но паністовъ и жидовъ не могутъ охотно ни видѣть, ни слышать“⁴⁾.

Московское правительство всѣми силами старалось не принимать на службу католиковъ и не позволять имъ прѣбывать въ Россію.

Такъ, въ 1631 году английскому голштиннику Александру Лесли поручено было избрать за границей всякихъ людей „опричь французскихъ людей и французскихъ инныхъ, которые рижскіе ивры, одилично не наймовать“⁵⁾.

Въ 1634 г. при заключеніи договора между Россіей и Голштиніей на свободный десятилѣтній прѣбѣтъ въ Персію между прочимъ говорилось: „а рижскія ивры поповъ и учителей и ии-

¹⁾ Матеріалы № 1036.

²⁾ Олсарій, Путешествіе стр. 374.

³⁾ Цейлакъ, Рус. Ист. 1887 г. кн. 12, стр. 2.

⁴⁾ Олсарій, Путешествіе ст. 329—74.

⁵⁾ Собр. Госуд. грамотъ и договоровъ, т. III, № 84—90.

каких латышских вѣри съ собою имъ въ Московское государство не привозити и тайно у себя не держати; а кто привезетъ и учить держати тайно, и тѣхъ казнить смертию".

Столь строгое отношеніе къ напистамъ зависѣло отъ взглядовъ тогдашняго правительства на нихъ, какъ на болѣе энергичныхъ и болѣе фанатизированныхъ пропагандистовъ своего ироуученія. Впрочемъ, свободы ихъ религіозныхъ убѣжденій не стѣсняли и все ограниченіе въ этомъ отношеніи выражалось тѣмъ, что разрешалось дѣлать по ихъ вѣрѣ совершать въ домахъ, а не въ костелахъ".

Въ противоположность католицизму протестантизмъ пользовался полной свободой и даже инокаторымъ покровительствомъ, что было достигнуто благодаря вліянію приворочныхъ докторовъ Бомелия, Якоба, Фидлера и Сибелета.

Насколько искусно дѣйствовали доктора въ пользу протестантизма, можно судить, напримеръ, по челобитной Ягана Беллу, писанной въ 1643 г. по поводу загородной кирки: „а мы, холоны твои, дохтурь... всегда сходимся для богомолья далеко за городомъ за Фроловскими вороты, близко Зеленого валу... а даѣ того намъ твоимъ нарсимымъ холопемъ ѣздить изъ города невозможно, того ради, что *по велич чаетъ рано и поздно готовымъ бѣжитъ для обретенія твоего царского милосердія здоровья, безвѣстннго, и для всякаго времени отлучиться нельзя*"¹⁾. Естественно, что такъ поставленный вопросъ разрешился въ пользу челобитчика и по царскому указу была отведена изъ огорода Никиты Зюзина особый участокъ „гдѣ имъ съѣзжаться для богомолья по ихъ вѣрѣ"²⁾.

Кромѣ религіозной свободы иноземные меники имѣли еще одно серьезное преимущество—это право судиться особымъ судомъ въ Антеккарскомъ Приказѣ.

Въ 1631 г. лекарь Касперъ Давидовъ искалъ здѣсь 70 рублей съ Микитки Михайлова, тѣлена повгородской сотни³⁾.

Въ 1644 г. докторъ Бенделинуль Сибелетъ искалъ на иноземца Иванѣ Гессенѣ за блудность жены и дочери⁴⁾.

¹⁾ Матер. № 212, акт. вел. г. III, № 225.

²⁾ Собран. Говух. пром. и догвор. г. III, № 116.

³⁾ Матер. № 59.

⁴⁾ Ibidem № 184.

Въ 1646 г. лекарь Елизарій Ролантъ вѣлъ тѣлбу съ иноземцемъ Вилимомъ Гамсомъ¹⁾.

Въ слѣдующемъ году иноземецъ Антонъ Томсонъ искалъ на лекаря Ролантъ, не желавшемъ возвратитъ принятаго въ залогъ золота²⁾.

Въ 1657 г. кузнецъ Кондрашко Анофреесъ суживился съ костоправомъ Степаномъ Дорофеевымъ³⁾. Годъ спустя докторъ Андрей Энгелгартъ искалъ на „вольномъ ибечникѣ Антѣ Ланкѣ", учинившемъ „виновость большую, дѣвку служанку брѣхату"⁴⁾.

Въ 1661 г. Ерестыль Эглеръ искалъ на челобитчикъ своемъ „за похвалбу лошадей свести и дворъ сжечь"⁵⁾. Въ этомъ же году Антеккарскаго Приказа истонникъ Митка Ненюль да лекарь Оседола Васильевъ жаловались на торговаго иноземца на Михаила Гиррилова сына Николая да на иждивовника на Ермака Бана, что, они съ своимъ людьми были челобитничомъ по шекмамъ и борода у нихъ драли, гонялись за ними съ вилами и изъ рукавъ стрѣляли и ослонялись... перебили и поубивали"⁶⁾. Въ 1666 г. Антеккарскаго Приказа подьячий Юрій Десатовъ билъ челомъ по поводу побѣга отъ него литовской вѣланцы Антони Ивановой, совершившей у него кражу со взломомъ⁷⁾.

Въ 1667 г. разбиралось дѣло о покражѣ изъ Антеккарскаго Приказа старожелъ Артемій Леонтьевъ 100 рублей казенныхъ денегъ⁸⁾.

Въ 1668 г. разбиралось дѣло по жалобѣ Хлѣбнаго Двора подьячича Самы Кутникова на лекарскаго ученика Исаю Аристова объ оскорбленіи жены, грабѣжѣ и уводѣ крѣпостной дѣвки⁹⁾.

Въ 1672 г. возникло дѣло по жалобѣ доктора Іоанна Росенбурга на людей двора Ивана Владиміина, похорѣваемыхъ изъ кражѣ¹⁰⁾.

¹⁾ Ibidem № 579.

²⁾ Ibidem № 565.

³⁾ Ibidem № 742.

⁴⁾ Ibidem № 859.

⁵⁾ Ibidem № 901.

⁶⁾ Ibidem № 902.

⁷⁾ Матер. № 1, стр. 91.

⁸⁾ Ibidem стр. 135.

⁹⁾ Ibidem стр. 165—166.

¹⁰⁾ Ibidem стр. 174.

Словом, отдельных случаев неисчерпаемое множество, а это убеждает, что лица медицинского персонала и при тяжбах между собою и с другими иностранцами и с русскими людьми разбирались в Аптекарском Приказе, хотя вообще иностранцы вдавались в судебные отношения другими приказами.

Иностранцы *служилые* подлежали, наприказ, суду Иностранного приказа. Так, в царской грамоте 1635 г. бѣловскому воеводе Илье Грушецкому указывалось: «да по нашему указу иностранцев и их людей и крестьян, во всяких дѣлахъ вѣдасть судити въ Иностранномъ приказѣ бояринъ нашъ вн. вн. Бор Черкасскій да дѣла нашъ Василій Ртищевъ, а въ иныхъ приказахъ и въ городехъ иностранцевъ... вѣдати и судити безъ нашего указа не вѣдно»¹⁾.

Всѣ *иностранные* иностранцы подлежали суду Посольского приказа, что подтверждается, наприказ, указомъ 1679 г., въ которомъ сказано: «...изъволь голландскихъ стать подданные, также и иныхъ государствъ. Вели Государя Его Царскаго Величества преbывающіе вѣдомы во всякихъ дѣлахъ всякихъ чиновъ съ людьми въ Государственномъ Посольскомъ приказѣ; а въ иныхъ приказахъ нигдѣ ихъ ни какихъ чиновъ людьми не вѣдають»²⁾.

Въ 1680 г. указомъ 12 марта подтверждалось: «вѣдати *всѣмъ* иностранцевъ по прежнему въ одномъ Государственномъ Посольскомъ приказѣ»³⁾.

Историкъ военно-медицинской старины Хмыровъ въ свое время утверждалъ, что «при Осифѣ Алексѣевичѣ управление медицинской частью не сосредоточивалось уже въ одной Аптекарской Палатѣ, но раздѣлялось и Посольскимъ Приказомъ, гдѣ каждый врачъ иностранецъ, хотя бы полковой, долженъ былъ исключительно вѣдаться «во всякихъ дѣлахъ»⁴⁾.

Конечно, издѣлыватель медицинской старины не понималъ бы такъ названныхъ указовъ, еслибы былъ знакомъ съ дѣлами Аптекарскаго Приказа. Одновременно съ первыми указами, т. е. въ 1679 г. была послана память въ патриаршіи Разрядъ о лекарскомъ ученикѣ Тимошкѣ Петровѣ: «буде до него какое дѣло... вѣдѣть

искать въ Аптекарскомъ Приказѣ»⁵⁾. Въ 1681 г. тоже было приказано относительно Себастьяна Реллера, военнопрактикующаго лекаря изъ отставныхъ приказныхъ⁶⁾. Въ томъ же году 23 ноября подобная память для свѣдѣнія была послана въ Стрѣлецкій приказъ, потому что «лекари и лекарскаго дѣла ученики вѣдомы судомъ и расправою въ Аптекарскомъ Приказѣ и отвѣчать въ иныхъ приказахъ... не вѣдно»⁷⁾.

О вѣдности судебной льготы чиновъ Аптекарскаго Приказа можно составить себѣ правильное понятіе, бросивъ хотя бы бѣглымъ взглядомъ на общую постановку судопроизводства въ старинной Руси. Кромѣ рѣзкихъ отягощеній въ этомъ отношеніи иностранныхъ писателей: Флетчера, Голлинуса, Корба и др. сохранилось много архивныхъ матеріаловъ, изъ которыхъ видно, что судъ организованный былъ такъ, чтобы судья могъ получать прибыли «чѣмъ можно были сытѣе»⁸⁾, а о населеніи совершенно забывали.

Челобитные того времени настойчиво докладывали царю о разнообразныхъ злоупотребленіяхъ воеводъ, такъ что даже въ царской грамотѣ отъ 1620 писалось: «вѣдомо намъ учинилось, что въ городехъ воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлають не по нашему указу, и монастырямъ и служилымъ и посадскимъ и уѣзднымъ и приѣзжимъ всякихъ людямъ чинить насильства и убійки и продажи великіе, и посулы, и помяни, и коры емяють многіе»⁹⁾.

Яркую характеристику общественного быта того времени сдѣлать проф. Соловьевъ. «Человѣкъ, во его замѣчанію, привыкалъ къ случаямъ насилия, грабежа, смертоубійства; привычка пагубная, ибо ужасное для него становилось болѣе неужаснымъ, и при этомъ относительно своей безопасности онъ привыкалъ полагаться или на собственную силу, или на случай, а не на силу общественную, правительственную; и легко понять, какъ вѣдѣстvie этого ослабилось въ немъ сознаніе общественной связи; онъ привыкалъ жить въ дѣсу, а не въ обществѣ, и вести себя сообразно этому»¹⁰⁾.

¹⁾ Акты истор., т. III, 183.

²⁾ Ibidem № 1622.

³⁾ Ibidem № 1642.

⁴⁾ Акты истор., т. III, № 115. Историч. обществныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ. М. 1856 г., стр. 340—46.

⁵⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи въ XVI вѣкѣ. М. 1891 г., т. XIII, стр. 754—55.

⁶⁾ Акты истор., т. III, 183.

⁷⁾ Акты истор., т. IV, № 136; С. Гол. грам. т. III, № 109.

⁸⁾ Ibidem № 805 и 1398.

⁹⁾ Хмыровъ, Военно-медицинск. журн., ч. CIV, Сб. 1869 г., стр. 31.

При такой нравственной температуре особенно нужны были хорошие судебные учреждения и добросовестные судьи, а их то и не было. Хотя и чинить, говорили о них Котошихины, крестное целование съ жестокия проклинательством, что посуловъ не имати и дѣлати въ правду по царскому приказу и по Уложению: ни во что ихъ есть кѣра и закланательство, и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержать не могутъ и руки свои во взятію скоро допущаютъ, хотя не сами собою, однако по задней лѣстницѣ черезъ жену или дочь, или черезъ сына и брата, и человека, и не ставятъ того себѣ во взытые посулы, будто то про то и не вѣдаютъ* ¹⁾.

Къ недобросовѣстности и продажности судей московскихъ присоединился и другой недостатокъ тогдашняго судопроизводства — волокита. Правительство боролось съ этимъ, но такъ же безуспѣшно, какъ и со взяточничествомъ. Понятно, что волокита была оборотной стороной продажности судей. Всемъ правосудію всегда склонялись на ту сторону, гдѣ подожень быть подаркомъ: виновные освобождались отъ заслуженнаго наказанія, а виновные нерѣдко томилась въ тюрьмѣ, ожидая иногда самой пустой развязки. Напримеръ, Посошкось, извѣстный политикъ-самозванецъ конца XVII и начала XVIII ст. рассказываетъ, что онъ подалъ челобитную о разрѣшеніи ему построить винокуренный заводъ. Какъ бы въ отвѣтъ на это, его схватили, посадили въ тюрьму, а черезъ недѣлю выпустили. «И я, кажется, замѣчаетъ Посошкось, и не послѣдній человекъ; и онъ князь Дмитрій Михайловичъ меня знаетъ; а просидѣлъ цѣлую недѣлю ни за что. Кольми же паче когото мизернаго посадятъ, да и забудутъ... И тако многое множество безвинно сидятъ и помирають безвременно... И истинно удивляюсь, что то у судей за правъ, что въ тюрьму посады держать дѣтъ по пяти—шести и больше ²⁾».

Свои наблюденія надъ правосудіемъ въ Россіи онъ резюмируетъ въ такой рѣзкой формѣ: «Нашъ сіе весма зазорно: не тобою у иноземцевъ, свойственниковъ христіанству, но и бусурманы судъ чинить праведенъ; а у насъ кѣра святая, благочестивая, и на весь свѣтъ славная, а судная распроба, никуда негодная, и ка-

кѣе указы его императорскаго величества ни состоятся, вси ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ» ³⁾.

Послѣ сдѣланнаго хотя и бѣлаго очерка состоянія правосудія въ московскомъ государствѣ можетъ быть понятно слѣдующее челобитіе полкового отставнаго лекаря, служившаго и подъ Кіевомъ, и подъ Путивлемъ, и во многихъ другихъ мѣстахъ, о томъ, «чтобъ его холода за многую службу и за работнику вѣдать Государя его во всякихъ дѣлахъ судомъ и расправою вѣдать въ Оуткарескомъ Приказѣ... Чтобъ его холода по инымъ разнымъ приказамъ, *въ всякихъ искахъ и во всякихъ оспорахъ не волокитали и не дѣлали*» ⁴⁾.

Если служилый или торговый иностранецъ просилъ для себя суда и утѣры въ Псковскомъ или Песошскомъ приказѣ, то это онъ дѣлалъ, разчитывая на безпачую добросовѣстность судей приказныхъ, чѣмъ провинціальныхъ тѣмъ. Иная же прачебная персонала, добиваясь суда въ Антекарескомъ Приказѣ, не только обезпечивали за собою до нѣкоторой степени судебное величепріятіе и безпристрастіе, но пользовались еще безвозможной защитой.

Извѣстно, что платность судебной защиты съ раннихъ поръ устанавлилась въ московскомъ княжествѣ. Судебная повинность составляла одинъ изъ источниковъ княжескихъ доходовъ. Тѣмъ не менѣе, сложился порядокъ, что съ иностранцевъ «рѣдъ ихъ иноземства» взымали «Государевы повинны *противъ русскихъ людей* *шлюа, съ рубль во подурини, а персудъ и право бѣтшиа противъ того шлюа же*» ⁵⁾. Исно, эта льгота устанавливалась для иностранцевъ по началу международной взаимности.

Что же касается врачей, то, благодаря имъ особому служебному положенію, общая льгота доходила до полной судебной безвозможности и въ матеріалахъ передается съ дохтуровъ и съ антекарей и съ лекарей съ судныхъ дѣлъ повинны по Государеву указу *не смѣли*» ⁶⁾.

Льгота немаловажная, тѣмъ болѣе, что повинна въ XVI в. достигала иногда трети иска, а по уголовнымъ дѣламъ въ пользу

* Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Аскага Михайловича. Сб. 1884 г. стр. 132, § 38.

¹⁾ Ил. Посошкось. Книга о судехъ и бѣгахъ etc. М. 1812 стр. 19.

¹⁾ Ibidem стр. 87.

²⁾ Матер. № 1657.

³⁾ Ibidem № 567.

⁴⁾ Ibidem № 66.

The first thing I noticed when I stepped out of the car was the cold. It was a sharp, biting cold that seemed to penetrate my very bones. I shivered as I walked towards the entrance of the building, my hands tucked into my pockets. The air was thick with the scent of old books and the faint, sweet smell of incense. I had heard that the library was a place of great knowledge, but I had not realized how much it would be a place of mystery and wonder.

As I walked through the long, dimly lit corridors, I noticed the way the light played on the walls, creating a series of shadows that seemed to move and breathe. The floor was made of polished wood, and the walls were covered in a pattern of intricate carvings. I had never seen anything like this before. It was as if I had stepped into a different world, a world where time stood still and the only sound was the soft rustle of pages.

I had heard that the library was a place of great knowledge, but I had not realized how much it would be a place of mystery and wonder. The first thing I noticed when I stepped out of the car was the cold. It was a sharp, biting cold that seemed to penetrate my very bones. I shivered as I walked towards the entrance of the building, my hands tucked into my pockets. The air was thick with the scent of old books and the faint, sweet smell of incense. I had heard that the library was a place of great knowledge, but I had not realized how much it would be a place of mystery and wonder.

It was a place of great knowledge, but I had not realized how much it would be a place of mystery and wonder. The first thing I noticed when I stepped out of the car was the cold. It was a sharp, biting cold that seemed to penetrate my very bones. I shivered as I walked towards the entrance of the building, my hands tucked into my pockets. The air was thick with the scent of old books and the faint, sweet smell of incense. I had heard that the library was a place of great knowledge, but I had not realized how much it would be a place of mystery and wonder.

The first thing I noticed when I stepped out of the car was the cold. It was a sharp, biting cold that seemed to penetrate my very bones. I shivered as I walked towards the entrance of the building, my hands tucked into my pockets. The air was thick with the scent of old books and the faint, sweet smell of incense. I had heard that the library was a place of great knowledge, but I had not realized how much it would be a place of mystery and wonder.

As I walked through the long, dimly lit corridors, I noticed the way the light played on the walls, creating a series of shadows that seemed to move and breathe. The floor was made of polished wood, and the walls were covered in a pattern of intricate carvings. I had never seen anything like this before. It was as if I had stepped into a different world, a world where time stood still and the only sound was the soft rustle of pages.

I had heard that the library was a place of great knowledge, but I had not realized how much it would be a place of mystery and wonder. The first thing I noticed when I stepped out of the car was the cold. It was a sharp, biting cold that seemed to penetrate my very bones. I shivered as I walked towards the entrance of the building, my hands tucked into my pockets. The air was thick with the scent of old books and the faint, sweet smell of incense. I had heard that the library was a place of great knowledge, but I had not realized how much it would be a place of mystery and wonder.

It was a place of great knowledge, but I had not realized how much it would be a place of mystery and wonder. The first thing I noticed when I stepped out of the car was the cold. It was a sharp, biting cold that seemed to penetrate my very bones. I shivered as I walked towards the entrance of the building, my hands tucked into my pockets. The air was thick with the scent of old books and the faint, sweet smell of incense. I had heard that the library was a place of great knowledge, but I had not realized how much it would be a place of mystery and wonder.

судьи конфисковалось все имущество виновного, за исключением части, вознаграждавшей пострадавшего ¹⁾.

Медики и в других многочисленных случаях пользовались весьма выгодными изъятиями из общих правоограничительных распоряжений.

По неоднократным указам Михаила Осодоровича и Алексея Михайловича иностранцам запрещалось держать русскую прислугу.

Это ограничение вводилось в духовных интересах последней, и чтобы „христианским душам осквернения не было и безъ покаяния не помири бы“. Уложение не только запрещало русским жить у иностранцев, но даже угрожало большими строгостями наказания, а именно: „тѣхъ кои учинуть жить, по крѣпостямъ или добровольно, велико съкипать и чинить имъ жестокое наказание“. Иностранцам же указывалось иметь только иностранную прислугу.

Нечего говорить, что обойтись иностранной прислугой, при ее малочисленности, изъяснив ясных русских условий было невозможно. Иностранцы потому настойчиво добивались отмены указанного ограничения. Разрешение нанимать русских рабочих первыми из иностранцев добились себя голландцы только в 1652 году; а представители врачебного звания того же добились на двадцать лет раньше. Указом 1632 г. „велико рабочимъ людямъ у нихъ на хлебную распаху и на дворовую подѣлку и на жалтыу наймоватна“ ²⁾.

Получив многочисленные привилегии, московские врачи проводили время в привольном безделье. Какъ передает Олсари, они обязаны были являться ежедневно в Аптекарский Приказ „съ поклономъ къ бодрину“ и вопросят: „дѣла-ли дѣла“. Обычные занятія врачей заключались в полицейских осмотрахъ больныхъ синовииковъ, леченихъ кого нибудь изъ нихъ по указу царя, а главное—въ леченихъ царской фамилии, которая къ тому же прибѣгала въ услуги медиковъ въ послѣдней крайности. Тѣмъ не менѣе приказные медики маскировали свое бездѣлье и немаломо докладывали, что они проводятъ время въ изученіи книгъ, „чтобы лучше охранить здоровье его царскаго величества“.

¹⁾ Лавро. Древнее русское уголовное судопроизводство. Сб. 1884 г. стр. 228—239; Сергеевич. Лекція о издѣлахъ Сб. 1903 г. стр. 331.

²⁾ Матер. № 105.

Забавляе медики приобрѣтали въ Россіи не одно богатство; некоторымъ изъ нихъ удавалось получать высшія ученныя степени.

Первый подобный случай имѣлъ мѣсто въ 1601 г., когда Борисъ Годуновъ далъ докторскій дипломъ Христофору Риттингеру. Послѣдній былъ блестяще рекомендованъ царю англійскимъ посланникомъ Ричардомъ Ли, писавшимъ въ своемъ ходатайствѣ за него въ Москву: „я покорно челомъ было пресвѣтлѣйшему государю и вел. князю Борису Осодоровичу всея Русіи, чтобы его царское величество пожаловало, для моего покорного челобития его вѣрнаго человека Христофора Риттингера (имѣя по моему челобитію онъ въ докторѣхъ), чтобы ему велѣли дати имя докторское, назвати его докторомъ, и я вѣдаю, что онъ достоинъ такого жалованья по его ученью, что онъ ученъ и сердцемъ вѣренъ царскому величеству, а у меня онъ пребываетъ 26 лѣтъ, всегда онъ объявлялся добрымъ дѣломъ, и вѣдаю я, что великій государь царское величество, какъ есть во всей вселенной, можетъ дати жалованья—честь всякимъ людямъ по ихъ достоинству. И я было челомъ его у царской милости чтобы ему та честь учинить и назвати его докторомъ до моего отъѣзда отъ селъ“ ¹⁾. Олсари передаетъ и другой случай возведенія въ докторскую степень при томъ же Борисѣ Годуновѣ. Однажды, когда какой-то врачъ этого царя былъ челомъ объ отпускѣ въ нѣмецкій университетъ для полученія докторской степени, царь спросилъ его: „что это значитъ сдѣлаться докторомъ, и какъ получается это знаніе? Узнавъ, что знаніе это дается медицинскимъ факультетомъ лицамъ, успѣшно выдержавшимъ испытаніе въ наукѣ, царь сказалъ врачу: „подѣлку ты можешь отложить и сохранить себѣ путевыя издержки: я самъ испыталъ твое искусство и хочу произвестъ тебя въ доктора, и дамъ тебѣ такую большую грамоту, какой за границей ты не получишь“ ²⁾.

Въ царствованіе Алексея Михайловича въ 1672 г., по царскому указу, былъ возведенъ въ степень доктора медицины Степанъ Фунгадановъ. Въ 1656 г. онъ служилъ въ Кіевѣ въ качествѣ хирурга; спустя три года онъ былъ уже лекаремъ. За восемь лѣтъ лекарской службы Фунгадановъ удостоился оригинальнаго званія „мудръ—доктора“, а въ 1672 г. получилъ степень док-

¹⁾ Сборн. Импер. Рус. Ист. Общ. Сб. 1883 г. т. 38, стр. 104.

²⁾ Олсари. Вѣстникъ стр. 185.

тора¹⁾. Этотъ выслужившійся докторъ имѣлъ огромное вліяніе при дворѣ.

Получивъ званіе доктора, Фунгадановъ (онъ же фонъ-Гаденъ) возбуждалъ ходатайство о пожалованіи ему докторскаго диплома. Посольскій Приказъ былъ въ затрудненіи, потому что до этого подобныя дипломы не выдавались лицамъ врачебнаго персонала. Но государь повелѣлъ выдать просимую грамоту. Таковую выдалъ 3 августа 1672 года.

Вотъ содержаніе этого *перваго* докторскаго диплома, дошедшаго до насъ полностью: „Божіею милостію, мы, великій государь (т.), пожаловали семя нашего царскаго величества Аптекарскаго Палаты лекаря Стефана Іевлева сына Оонъ. Гаданова. Въ прошломъ въ 164 году, поискавъ онъ Стефанъ къ себѣ наше государскія милости, выѣхавъ къ намъ в г. къ нашему ц. в. на наше царскаго величества имя изъ Польши послужить лекаремъ. И со 164 году по 175 годъ намъ в г. къ нашему ц. в. служилъ тѣмъ чиномъ въ Аптекарскихъ нашихъ Палатахъ вѣрно, безо всякаго порочу, какъ достойной и свидѣтельственной ученой человекъ. И за то его къ намъ въ в. г. къ нашему ц. в. въ службу въ прошломъ 175 году (т. 33) пожаловали мы в г. наше ц. в. его Стефана въ *поддоктора*. И будучи въ поддокторахъ такъ же онъ намъ в г. къ нашему ц. в. въ лекарственныхъ и во всякихъ поддокторскихъ дѣлахъ, служилъ намъ прежнему, и всякое къ тѣмъ дѣламъ имѣть тщательство, и совершенно закончивъ себя объявить. И мы в г. (т.), видя къ намъ в г. къ нашему ц. в. его Стефану вѣрную службу и радіе и въ докторскихъ дѣлахъ совершенно намъ чинаго, пожаловали его нашею государскою милостію *докторскимъ* званіемъ. И его нашу цар. вел. жалованною грамотою объ немъ Стефана Іевлевича свидѣтельствуемъ, что онъ въ *докторскомъ* и во *всякомъ лекарственномъ ученіи достаточно начекался, и докторской чести достоинъ, и во всемъ человекъ понадежной, и для подлинности объ немъ совершенно учено въ докторскую свидѣлательства грамоту ему дать сю нашу царскаго величества жалованную грамоту за нашего ц. в. государскою большою печатью. Дана ся нашего в. г. и. ц. в. жалованная милостивая грамота въ нашею царствующее градъ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра 7180 г. мѣсяца августа въ 3 день“²⁾.*

¹⁾ Матер. № 489 и 4278.

²⁾ Тамъ матер. т. II стр. 74—75.

Въ 1676 г. по царскому указу докторская степень была пожалована лекарю Симону Зоммеру, возведенному 14 фев. 1682 г. въ лейбъ-медики³⁾.

Извѣстенъ даже случай, когда докторской степени удостоился аптекарь. Такъ въ 1679 г. аптекаря Яганъ. Гутменъ „за свое прилежное радіе въ леченіе всякихъ чинныхъ людей докторскими и лекарскими дѣлами“ пожалованъ былъ „быть въ Новой Аптекѣ въ чинъ въ *инспектора*“, а въ 1682 г. онъ уже вносится въ *списки докторовъ* впереди докторовъ Андрея Келлермана и Захарія Фандергунста⁴⁾.

Степень доктора впервые была введена въ 12 в. въ Салерно и лишь съ 13 в. принятія раздавать эту степень была признана за всѣми другими университетами. Въ средніе вѣка такое же право имѣлъ папа, а въ Англіи—архіепископъ кентерберійскій. Въ Англіи подобныя дипломы раздавались архіепископами до 1862 г.⁵⁾

Конечно, съ точки зрѣнія европейской практики ничего не было необычайнаго въ раздаваніи московскими государями докторскихъ дипломовъ, но по условіямъ русской жизни, особенно при отсутствіи высшихъ школъ для единичнаго образованія, это являлось весьма замѣчательнымъ.

Но сохранилось нѣкоторыя указанія на то, подвергались ли аспиранты какому либо экзамену передъ возведеніемъ въ высшій ученый степени.

На этотъ темный вопросъ проливаетъ косвенный свѣтъ единственный случай полного экзамена приказнаго аптекаря Филиппа Бритте, подвергнутому въ 1631 г. по указу царя Михаила Осодоровича испытанію. Экзаменаторъ, извѣстный лейбъ-медики Артемій Дій допрашивалъ: „что аптекарю доводится знать и вѣдать, что имееется мудрость лекарская, что мудрость есть рукодѣлія (хирургія), какія болѣзни и раны лекарю доводится знать и лечить“ и т. д.

Всего было предложено сорокъ пять вопросовъ и всѣ въ родѣ вышеприведенныхъ, т. е. отличающіеся крайне общимъ характеромъ и полной почти ненаучностью. Въ заключеніе Арте-

³⁾ Рихтеръ, Опр. сіл. т. II, 297 и Матер. № 1664.

⁴⁾ Матер. № 1472 и 1677.

⁵⁾ Коперъ, Исторія средневѣка, мюнхенъ, К. 1897 г. т. II стр. 369 и 584.

мий Дій сказав: „Богини того, у тебе не спрашиваю. Відповісти ти до сих жбєсть, какъ я самъ многожды своими очами видѣлъ, дай тебѣ Богъ, что бы отъ тебѣ такъ лечить, чтобъ людей здоровить и отъ государя получить честь“¹⁾.

Благодаря сохранившемуся протоколу испитанія мы знаемъ, что „отъ шригого лекаря“ требовались спеціальныя нравственныя качества: „онѣхъ востро глѣдѣть, сердцемъ смѣло и неторопливо, рука легкая и не дрожала-бъ“.

Бріотъ приѣхавъ въ Москву по рекомендаціи англійскаго короля Карла I. Успѣшно выдержавши испитаніе, онъ поступилъ на царскую службу. Онъ служилъ „аптекарскимъ и лекаремъ ученикъ четырнадцать лѣтъ“. Жалованія получалъ по 55 рублѣй въ годъ и по 10 рублѣй кормовыхъ въ мѣсяцъ.

Еще 1644 г. 28 октября Бріоту было приказано „быти въ аптекарѣхъ, потому что онъ отворяетъ жилище, а аптекари жилища не отворяютъ“. Это ему грозило потерей 45 рублѣй изъ оклада годового жалованья. Тогда онъ подалъ государю челобитную, въ которой заявлялъ, что согласенъ служить и въ повоѣхъ знаній, „если государь его пожалуетъ, велитъ ему свое государево годовое жалованье и мѣсячной денежной и конской кормъ и питье давать, что ему было въ аптекарѣхъ... а будетъ де ему Государя жалованья и корму передъ прежнимъ будетъ съ убавкою, и ему де Филину служить Государю нельзя, потому что передъ своимъ братцемъ быть въ позорѣ“²⁾.

По указу 8 ноября 1644 г. Бріотъ былъ уволенъ со службы не смотря на то, что онъ согласился получать окладъ лекаря, но только въ томъ размѣрѣ, въ которомъ получалъ лекарь Елизарій Ролантъ³⁾.

Передъ отъѣздомъ на родину отъѣзжающему снова выдавались подарки, чтобы онъ могъ „за моремъ“ рассказывать „про государеву милость къ нимъ иностранцамъ“ или чтобы было „чѣмъ до своей земли а женишкою и а дѣтишкамъ и съ людьми дѣлать“. Такъ Артежій Дій „для отпуску“ получилъ: 40 соболей въ 106 руб., 2 сорока соболей по 80-ти рублѣй: 40 соболей въ 40 руб., всего дано на 300 руб.; да ему же дохтуру дано отъ

¹⁾ Дѣл. востр. т. III, № 103 и Февральскій, Губ. восточн. Травн. стр. 202—209.

²⁾ Матер. № 176 и 177.

³⁾ Матер. № 177 и 178.

Москвы до Архангельска города 20 подводъ⁴⁾. Выдѣлились Сибелетъ получилъ на 350 руб. соболей и 20 подводъ до ижемскаго рубежа; докторъ Яганъ Безау—столько же. Самуиль Коллинеъ и Михаилъ Грамонъ получили на 300 рублѣй соболей каждый и отъ Москвы до Пскова, до ижемскаго рубежа по 20 подводъ. Къ отъѣзжающимъ прикомандировывались приставъ и несколько человѣкъ стрѣльцовъ „для береженья“⁵⁾.

Кромѣ подарковъ и подводъ выдавались еще „государева жалованная свидѣтельствованная грамота“, въ которой говорилось о истрѣй и полезной службѣ, о степени учености и искусства и вообще обо всемъ, что прилично внести въ формулярный списокъ. Подобными грамотами иностранцы очень дорожили. Объ этомъ можно заключить изъ многочисленныхъ челобитныхъ о выдачѣ имъ таковыхъ, „чтобы передъ своимъ братцемъ оскорблену не быть и въ своей землѣ твоею Государевою милостію хвалитна“ или „съ чѣмъ имъ въ тѣхъ государствахъ явитна“⁶⁾.

⁴⁾ Наши матер. т. I, стр. 128—129, 130—131; т. II, стр. 206; т. III, к. I, стр. 45, 46, 85 и др.

⁵⁾ Матер. № 1403, 1406, 1411.

нишकों" в 1631 году ¹⁾, о сыне доктора Артамана Грамота Севалдускѣ Констанусѣ, отправленномъ за границу в 1636 г. и о племянникѣ Грамота—Михѣѣ Грамотѣ, учившемся в течение восьми лѣтъ у своего дяди, а в 1639 г. уѣхавшемъ для царскую землю для подлиннаго дохтурскаго обученія" ²⁾. Никакихъ слѣдовъ не сохранилось и о Ромашкѣ съ Карлуской, сыновьяхъ аптекаря Франца Шлягера, отправившаго ихъ в 1678 г. в Англію съ тѣмъ, по его замѣчанію, чтобы „по ихъ де вначаяю аптекарской или иной наукѣ выучитца, а чтобы выучась какъ возрастутъ могли бы себя прокормить" ³⁾.

Словомъ, изъ всѣхъ молодыхъ иностранцевъ, выѣзжавшихъ изъ Москвы за границу для обученія, никто не оставилъ послѣ себя какихъ—либо замѣтныхъ слѣдовъ, а поле для ихъ дѣятельности было широкое.

Счастливѣе другихъ оказался докторъ Андрей Келлерманъ, сынъ доктора Томака Келлермана. Онъ провелъ за границей семнадцать лѣтъ и, вернувшись в Россію в 1678 г., поступилъ на службу в Аптекарскій Приказъ ⁴⁾. Келлерманъ—отецъ въ челобитной о зачисленіи сына на службу писалъ, между прочимъ: „самъ де его нѣмѣ въ молодыхъ лѣтахъ, и словенской грамотѣ и русскому языку можетъ вскорѣ выучитца; и чаятъ отъ него впродъ больше службы иныхъ дохтуровъ, которые свои дѣла совершаютъ черезъ толмачей" ⁵⁾. Известно, что Андрей Келлерманъ практиковалъ черезъ толмачей и ездилъ в течение своей шестнадцатилѣтней службы принесть пользу болѣе другихъ иностранцевъ, непосредственно изъ за границы пріѣзжавшихъ в Москву на службу" ⁶⁾.

Насколько затруднительна была практика черезъ толмача, можно судить по заявленію того же Андрея Келлермана. В 1678 г. 2 ноября онъ словесно заявилъ в Аптекарскомъ Приказѣ: „желѣю ему лечити головъ московскихъ стрѣльцовъ больныхъ стрѣльцовъ, а для толмачества желѣю съ нимъ дохтуромъ Андреемъ ѣздити толмачу Микитѣ Виценту; и онъ докторъ тѣмъ больнымъ стрѣль-

цямъ написавъ росписи, чтобы въ новой аптекѣ лекарства здѣлали; и тѣ де лекарства готовы давно, а толмачъ де Микита къ нему дохтуру не ѣздитъ *болыми нетым; а тымъ болымъ стрѣльцомъ ему дохтуру лекарствъ безъ толмачества давать не можно и онъ дохтуръ отъ того опасенъ, чтобы тмъ болымъ стрѣльцы не померли*" ¹⁾.

Такое же заявленіе было подано вполнѣ иноземнымъ врачомъ Яганомъ Розенбургомъ в 1674 году, куда онъ докладываетъ: „посылають меня холопа твоего къ боярамъ и ко всякимъ чиновъ людямъ для лечбѣ, а толмача у меня холопа твоего нѣтъ, а безъ толмача мнѣ холопу твоему быть нельзя ни на часть" ²⁾.

Жалованіе и всѣ служебныя преимущества доктора Келлермана нисколько не выделялись изъ ряда выпадавшихъ на долю другихъ иностранныхъ медиковъ, а практика при посредствѣ толмача лучше всего показываетъ, какъ было мало пользы отъ этихъ иноземныхъ врачей, хотя бы и родившихся в Москвѣ.

✓ Московское правительство давно поняло, что нужны медики изъ русскихъ, чтобы московская медицина потеряла иноземный характеръ и вполнѣ вошла в русскую жизнь. Указъ Осодора Алексѣевича объ учрежденіи госпиталя и медицинской школы для обученія русскихъ лекарей представляетъ въ этомъ отношеніи лишь обобщеніе предшествующей работы правительства. Онъ не указалъ новыхъ путей, но выдвинулъ на первый планъ фактически сложившееся огромное живое дѣло, нуждавшееся въ определенной организаціи.

Бытовая обстановка врачебной практики иноземцевъ въ значительной степени подготовила почву для правильнаго изученія медицины русскими людьми, а вмѣстѣ съ тѣмъ и расчистила путь къ распространенію раціональных врачебныхъ знаній въ народѣ.

Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежатъ московскимъ „зеленымъ" рядамъ. Издавна въ этихъ рядахъ, еще при полномъ торжествѣ знахарства, продавалось все необходимое при леченіи различныхъ болѣзней. Здѣсь можно было отыскать всякія травы, корни, масла, настойки и даже мази. Собственники подобныхъ лавочекъ, естественно, изучали качество и цѣлебную силу матеріаловъ, которыми они торговали, а каждый покупатель выѣ-

¹⁾ Ibidem № 72.

²⁾ Ibidem № 368, 677, 1059.

³⁾ Ibidem № 1419.

⁴⁾ Ibidem № 1407.

⁵⁾ Ibidem № 1448.

⁶⁾ Ibidem № 1444.

¹⁾ Ibidem № 1448.

²⁾ Mater. № 319.

етъ съ товаромъ уносили пѣкоторые свѣдѣнія относительно качества и дѣйствія купленнаго. Первые уроки по фармакологіи и фармакогносіи, патологіи и теріи—давались въ этихъ именно лавочкахъ.

Подобное значеніе москательныхъ лавокъ, какъ разсадниковъ врачебнаго знанія нашло себѣ подтвержденіе въ матеріалахъ процесса Юлики Семеновой въ 1698 г., которая о себѣ показала: „лечила великихъ чиновъ людей мужска и женска полу отъ всякихъ болѣзней кроми кликотной болѣзни, *покупая въ зелѣномъ ряду травы, сиранивая лавочникъ сидѣлицей*, которая въ которой болѣзни бываесть угодна“¹⁾.

Мы знаемъ, что человеку боярина Петра Петровича Салтыкова, страдавшаго безсонницей, советовать „*зелѣнато ряду сидѣлицъ* Ганька Парооломѣевъ... давать мочному человеку противъ трехъ зеренъ, а мочному противъ двухъ зеренъ конопляныхъ“ арину отъ безсонницы. Когда же на другой день „человекъ“ пришелъ къ Ганькѣ и сообщилъ, что бояринъ заснулъ непробуднымъ сномъ, то тотъ же Ганька „тому Алешкѣ“ говорилъ, чтобы они того боярина водили по часту... и велѣть дать парного молока и носить хотя на рукахъ, чтобы озбавлять“²⁾.

Спеціально-врачебную опытность сидѣлицъ зелѣнаго ряду признавать даже и Аптекарскій Приказъ, который въ 1679 г. велѣлъ мазь стрѣльца Гришки Донского „осмотрѣть аптекаремъ и алхимистамъ и *зелѣнато ряду лекаремъ*“; когда же первая экспертиза русскихъ лекарей Никитина, Алексѣева и Семенова оказалась несоостоятельной—„какая мазь, говорили они, того не знаютъ, потому что та мазь адѣлана изъ многихъ статей“,—то было рѣшено, что „у кого де та мазь куплена въ *зелѣномъ ряду* и *тотъ человекъ скажетъ, что въ тое мазь положено*“³⁾.

Широкая практика москательныхъ лавочекъ заставила Аптекарскій Приказъ принять пѣкоторые ограничительныя мѣры. Указомъ 28-го февраля 1673 г. „велѣно учинить приказъ крѣпкій, чтобы въ рядахъ въ москательномъ и овощномъ и въ зелѣномъ тѣхъ рядовъ торговые люди аптекарскихъ лекарствъ, которые продають изъ Старой и Новой аптеки, что на Новомъ Гос-

тинѣ двorcъ... въ лавкахъ не держали и не продавали, а буде учинуть въ лавкахъ держать и имѣть отъ Вел. Государя быть въ жестокомъ наказаніи, чтобы отъ того людямъ никакого поврежденія и въ продажѣ въ Новой аптецѣ Вел. Государя казніи не было“⁴⁾. Изъ коего исключеніе было сдѣлано для лекарей Аптекарскаго Приказа. Артемій Петровъ и Кузьма Степановъ съ товарищами, которые имѣли свои лавки въ рядахъ, получили право продажи маловажныхъ снадобій, а „не иныхъ дорогихъ лекарственныхъ статей“.

Зелѣные ряды были истинными живыми источниками, откуда широкой струей направлялись въ народную массу врачебныя знанія. Последнія съ теченіемъ времени утрачивали отчетливыя традиціи и все сильнѣе покрывались отложеніями иноземныхъ вліяній. Иностранцы врачи волей-неволей обращались въ зелѣные ряды за покупкой различныхъ матеріаловъ и своимъ общеніемъ съ „сидѣлицами“ вліяли на расширеніе ихъ спеціальныхъ познаній, знакомясь въ свою очередь съ оригинальной русской фармакогносіей и фармакопеей.

Взаимодѣйствіе между раціональной хедивинной и русскими знахарствомъ въ широкомъ смыслѣ съ особенной силой сказалось въ дѣятельности травниковъ. Помѣсы на Руси были первыми природопытателями, первыми лекарями и фармацевтами. Ихъ опытностью парская аптека начинаетъ пользоваться вскорѣ послѣ своего рожденія.

Услуги травниковъ не только сокращали расходы по снабженію парской аптеки медикаментами, но еще въ большей степени *облегчали аптечной медицинѣ возможность укорениться на русской почвѣ*. Вѣхами служившая вѣра въ отечественныя травы и корни, велѣдь за травниками перешла въ аптеку, устроенную иностранцами. Такова уже психологія человека.

Когда пріѣзжіе хедивки достаточно ознакомились съ богатствомъ національно-русской фармакогносіи, то они стали руководить работою травниковъ. Последніе получали отъ Аптекарскаго Приказа списки растений, необходимыхъ для аптеки, составленные иноземными специалистами. Эти списки внесли организацію въ работу травниковъ, послужили до нѣкоторой степени систематическимъ руководствомъ какъ для нихъ самихъ, такъ и

¹⁾ Древн. и Нов. Россія арх. ст. стр. 158.

²⁾ Пол. собр. зак. т. IV, стр. 10 № 1756.

³⁾ Матр. № 1484.

⁴⁾ Меленки, Общ.р. 1887 г., № 20 стр. 850.

для обучения крестьян и дѣтей крестьянскихъ, дававшихся имъ въ помощь.

Сборы травниковъ, со времени руководства ими со стороны приказныхъ медиковъ, способствовали расширенію народнаго знаній въ области фармакогнозіи, ранѣе передававшихся отъ однихъ къ другимъ случайно, путемъ изустныхъ сообщеній.

Съ другой стороны, распространеніе врачебныхъ знаній иноземныхъ медиковъ совершалось при посредствѣ протокольнаго характера постановки врачебнаго дѣла въ Аптекарскомъ Приказѣ.

Еще въ началѣ XVII ст. въ Аптекарскомъ Приказѣ установился довольно сложный бюрократическій порядокъ дѣлопроизводства. Каждый актъ врачебной дѣятельности иноземныхъ докторовъ и аптекарей заносился на бумагу, въ протоколъ. Прописывались рецепты и дыки должны были занести его въ переводѣ на русскій языкъ, въ особыя записныя книги. Въ этихъ книгахъ обозначалось кѣмъ, отъ какой болѣзни врачуетъ данное лекарство.

Напримѣръ, лекарства, отпущенныя королевичу Вольдемару въ 1644 г. сопровождались такими помятами: „Сентября въ 6 день отпущено духу винного склянница; и то годно мазать по суставамъ отъ лоуму. Сентября въ 8 день отпущено пяти статей лекарствъ; а тѣ лекарства годны къ ранамъ и къ болячкамъ. Того жъ числа отпущено патоки свороборинной да водки гуляфной; а тѣмъ годно отъ жару въ ротѣ полоскать. Сентября въ 26 день отпущено 23-хъ статей лекарствъ; а тѣ лекарства годны для поносу отъ многихъ внутреннихъ болѣзней“.

О послѣднемъ лекарствѣ имѣется еще особая приписка: „Тотъ составъ, что посланъ въ 26 день сентября 23 статей, годенъ ко всякимъ немощамъ, въ которыхъ немощахъ лекарства принимаются пропускные, а тѣ немощи именуется кевалѣя, то есть: какъ голова гораздо болить и въ ушахъ шумитъ, да колѣ биваютъ потоки изъ головы на грудь и отъ того кашель и удашье, да когда желудокъ и черепа не чисты, и отъ того зачинаются лихорадки, да когда печень и селезенка засорится и отъ того зарождается цинга, или водяная, или желтая болѣзнь, и у кого въ составахъ лѣмъ великой“¹⁾.

¹⁾ Акт. Истор. т. III, № 198, VI.

Иногда дѣлю не ограничивалось бумажными записями, а приходилось давать устные заключенія. Такъ, когда 31 января врачи прописали королевичу лекарства, то по „приказу боярина О. Нв. Шереметева, Аптекарскаго Приказу докторы допрашиваны, отъ какихъ болѣзней тѣ лекарства годны? И дохтуры Венделинусъ Сибиліи, Яганусъ Бѣловъ, Артзанъ Граманъ, смотря росписи, сказали: годны де тѣ лекарства отъ жару, у кого жаръ въ горѣ, и тѣми лекарствами ротъ полощутъ“¹⁾.

Въ 1643 г. 10 іюля бояринъ Осодоръ Ивановичъ Шереметевъ велѣлъ допросить дохтуровъ, какую сырую траву кладутъ въ питье, отъ которой травы холодить? Доктора Артзанъ Граманъ и Яганъ Бѣловъ сказали: „кладутъ въ вино церковное и въ иные питья сырые травы, отъ которыхъ въ желудкѣ холодить, по латини зовутъ: трава барага, трава пистерлака, трава понтерисла. И отъ тѣхъ травъ въ желудкѣ холодить и запахъ въ питье ставится хорошъ. Да кушати въ шыбѣннѣ дни хорошо съюродина красная, холодить съ нею гораздо“²⁾.

Въ 1665 г. докторъ Самуилъ Коллинсъ представилъ цѣлныя трактаты о травѣ валеріанѣ. Онъ писалъ: „Трава валеріана, а по гречески Оу, пристойна: изъ той травы перевускать водка, и та водка годитца отъ очной болѣзни; да тое жъ траву за моремъ кладутъ въ ушечкѣ“³⁾ для всякаго здоровья и лядить отъ вѣтру, и у которыхъ людей печень испортитца и ото всякаго запору и женскому полу—отъ мѣсячнаго запору, принимать и отъ водяного запору. А кореніе тое травы разрѣзати на мелко сварить въ репскомъ или съ сокомъ зберезовымъ или въ винѣ церковномъ, и тѣмъ полоскать ротъ у которыхъ людей въ ротѣ осыпалось или иная какая болѣзнь или въ деснахъ цинга. Да тотъ же корень принимать отъ огневой и отъ морowego похвѣтрія; и у раненыхъ людей раны заживаютъ; и у которыхъ людей бываетъ на лицѣ желчь.

Въ русскомъ травникѣ въ 520 главѣ написано:

Трава валеріана по латинѣ лихнисъ, по гречески Оу, по арабски Бондріонъ, по немецки трясовичное кореніе, по реланскіе или кошенина трава.

¹⁾ Ibidem, XIV.

²⁾ Матер. № 151.

³⁾ Уха, сушь и тобѣе карго.

Серапионъ глаголетъ что та трава имѣеть тонки и долги листвѣ. Пиданъ мастеры глаголетъ что та трава листвѣ равенствомъ имѣеть подобно аніеве травѣ, а корень ее многи отростки имѣеть. Паниусъ глаголетъ, что та трава горюча есть въ 3-мъ ступнѣ а суха въ началѣ 2-го. Павлинъ глаголетъ что корень тое травы въ зелья полагаемъ: корень тоя травы толчемъ и приять въ питье—потъ тѣлу наводитъ и легостно урину движеть; тотъ же корень, такоже въ питье приять дессуріево страданіе или запоръ водной изгоняетъ. Сама та трава и корень, велики духъ тяжель имѣеть; конки трутся около тое травы и сверху на нее пускають, для того сохранимъ ту траву которую въ зелья полагати хотимъ. Врачеве глаголетъ что тое травы кореніе высушено, соблюдаемъ его на три года безъ умаленія силъ его. Тотъ корень собираемъ въ мѣсяцѣ Августѣ. То кореніе да чемерица бѣлые кореніе толчены и смѣшено съ ячюво ржанюю, и то преснеца аще мыши идуть, тогда они отъ того умирають. Сѣмя тое травы да сѣмя финиково, да сѣмя аніево—всѣхъ тѣхъ по ровну варено въ винѣ или во инюхъ старомъ питіи и пито—легостно урину движеть; тоже питье принято—болѣсть изъ поленница выведеть; тоже питье аще жонки пьютъ тогда у нихъ менструа ихъ движется.

Да дохтуръ же Самойла сказали:

Травы лапушниковы корень сырой принимать съ перцемъ да съ солью, и отъ того внутри жокроту сушить и грѣть и безсилному человеку силу подаетъ; и у которыхъ людей бываетъ тоска; да тотъ же корень годитна—которого человека укуситъ собака бѣшеная и тотъ корень потому жъ принимать и къ ранѣ прикладывать; да тотъ же корень варить въ алканѣ и тотъ алканъ принимать женскому полу—у которыхъ будетъ мѣсячное бѣло да тотъ же корень держать въ водѣ попутникове и ту водку держать отъ зубине болѣзни во ртѣ.

Листе лапушниково да бѣлокъ яинной, смѣшавъ, прикладывать къ ногамъ отъ камюжской болѣзни.

Сѣмени лапушниковы золотники истолочъ и смѣшавъ съ ренскимъ и принимать отъ каменіи.

Реней лапушниковъ истолочъ и прикладывать къ опухоліи.

Корень лапушниковъ варить въ жолотѣ, и какъ будетъ густой—и тотъ корень прикладывать на пупъ и отъ того исправляется пупъ.

Въ 202-й главѣ написано:

Трава лапушмаеръ или заносіомъ по латинѣ, а по руски лапушникъ большой:

Доскоритъ глаголетъ, что четыре травы суть лапушниковы, разньство же межъ собою въ силѣ мало имѣють естествомъ же они горячи и сухи въ 4-мъ ступнѣ. Пиданъ же глаголетъ что они горячи и сухи въ 3-мъ ступнѣ. Въ книгѣ Сероконинтеансъ есть написано, что тотъ лапушникъ, кой имѣеть листвѣ остры, тотъ лучши есть всѣхъ; а другой лапушникъ, кой имѣеть листвѣ круглы тотъ не толь пристонитъ къ лечбѣ якоже прешній; третій же лапушникъ кой имѣеть листвѣ широкое, и того приедемъ въ браніи за запусты мѣста; 4-й лапушникъ—ицианъ называють коневымъ мажемъ тѣмъ имѣемъ. Если соку изъ перваго лапушника иже листвѣ имѣеть остры, да масла ореховаго, да смолы терентиниовы—всѣхъ трехъ по ровну, и поваря въ сковородѣ на огнѣ и потомъ процеди сквозь платъ и въ то время тарари—алби толченые, въ третей жеробѣ противъ тѣхъ, въ томъ дѣлать мазъ, и тѣмъ помазуемъ все тѣло отъ коросты и отъ свербезу; и егда короста бѣлаеть, примешата въ жѣстѣ угодномъ—въ мылѣ или въ избѣ теплой, потомъ да облечется болящій въ порты свои и поделитъ на одѣ и тако въ малыхъ днехъ короста спадаетъ и тѣло станетъ чисто и гладко. Корень же предъ реченнаго лапушника, варенъ въ винѣ или въ укусу до—мякости и потомъ его истолочемъ въ ступѣ и дѣлаемъ въ томъ пластырь, и то прикладываемъ къ лѣвому боку противу отоку селезенному, и тако ототъ полегаетъ. Того жъ лапушника корень вываренъ въ винѣ, и то вино пить велики пристонитъ тѣмъ—кои горломъ осипають и хранитъ. Тотъ же корень сыръ толчемъ—прикладываемъ гдѣ на тѣлѣ желви явятся, тогда они погибають. Учитель Велегельмъ пишетъ въ своихъ лекарственныхъ книгахъ, что листвѣ лапушника острого прижжено или варено въ чистомъ салѣ ветчинномъ, и то прикладываемъ къ твердымъ и жестокимъ опостомомъ, и тако скоростно они согрѣвають и вмѣсто збираетъ вредительную мокрость и гноестъ и раны отворитъ и болѣсть выведетъ и ожигаетъ. Галиенъ въ 6-й книгѣ своей глаголетъ о томъ лапушникѣ, что тотъ лапушникъ имѣеть силу такую, что онъ легостно вытягиваетъ всякое вредительно сущее, для того, аще коняъ обсычаемъ ни будетъ принимать внутрь—на желъ вагонитъ; тако-жъ ту траву прикладываемъ къ

гнилымъ болячкамъ, и тако изъ нихъ гной выдеть и ихъ заживляеть. Сѣмя-жъ того лапушника пріято знутри—болѣсть утробную кровавую заключаетъ; и аще то-жъ сѣмя жонки пріемлютъ тогда лишнее теченіе ихъ менструо заключаетъ.

Врачи вси единомысленно глаголють, что вси лапушники въ лечбахъ едину силу имѣютъ мало межъ собою разнѣствующе, но острый лапушникъ, о немъ же преже писано веѣхъ лучши есть, для того тѣхъ веѣхъ 4-хъ лапушниковъ въ зеляхъ требуемъ. Диоскоритъ глаголетъ, что большой лапушникъ имѣеть силу такову якоже и меншей. Аще которой человекъ язву имѣеть великую гнилую въ коей растеть дикое мясо, тотъ да толчетъ мелко то сѣмя лапушниково и варитъ въ водѣ и тою водою вымываетъ язву на день дважды или трижды, и тако язвы заживляются и мясо дикое изъ нихъ выведеть.

Въ 203-й главѣ написано:

Трава алантисиноръ, по латинѣ а по руски меншой лапушникъ.

Врачи же глаголють что меншой лапушникъ такову силу имѣеть якоже и большой напаче сѣмя его. То жъ сѣмя толчено присыпаемъ гдѣ являея на тѣлѣ жельи—и тако погибають. Корень же того меншого лапушника варено въ винѣ или во иномъ питіи и пріято выгонитъ камень изъ почекъ аще у кого застарѣлся. Тако же то жъ питіе пріято—камень въ пузырь издробитъ и выгонитъ. Веѣ тѣ травы лапушниковы едину силу имѣютъ, якоже вышеписано. Корень того жъ меншого лапушника мелко толченъ и смѣшенъ съ ревенемъ по разженію въ винѣ и пріятъ—выгонитъ мокроту изъ всего тѣла отъ каторыя мокроты разжеться прокаженіе¹⁾.

Заболѣваетъ ли кто изъ царской семьи—пишутся въ приказѣ пространныя „сказки“ о причинахъ болѣзни, о ея признакахъ и ходѣ, о ея леченіи и нужныхъ лекарствахъ. „Сказки“ эти представляются иногда просто лекціями, изъ которыхъ можно познаться съ житейными о давномъ случаѣ Гипократа, Аристотеля, Плиніуса, Павлина, Галееяна, Диоскорида и др. медицинскихъ авторитетовъ.

Намъ уже извѣстна сказка докторовъ о рождѣ, поданная докторами въ юнѣ 1643 г. въ связи съ болѣзнію вел. кн. Михаила

¹⁾ Матер. № 1658.

Осодоровича¹⁾. Приведемъ весьма характерную сказку доктора Саиуила Коллинса, представленную имъ 20 января 1665 г. по поводу болѣзни Алексѣя Михайловича. Въ своей сказкѣ ученый докторъ докладываетъ:

„По Гипократову разумѣнію тонкихъ природъ человекъ, не только склоненъ сущъ къ болѣзнямъ, якоже люди густыхъ и тучныхъ сляний, и самая убо тучность за недугъ принятая можетъ: которая есть сугуба, здравая и болѣзненная. Здравая же естественныхъ и подобающихъ умѣреній не преходитъ, не тобою тучности и расположенію чюства, и тѣлесу ко укрѣпленію кланяется.

Болѣзненная, же отъ дѣйствія тѣлесе повреждается, къ праздности принуждается и сонною тяжестію чюства и движенія творитъ щимраны.

Сего растворенія дѣйствія сущъ одышки, тоска, ослабленіе очей, тяжести, главоболѣніе, насморки, ударъ, водяная болѣзнь, спячка, по расположенію вещества къ степенію.

Излеченіе, или иже предохраненіе состоитъ во умѣреніи ядений и питія во обученіи и лекарствахъ.

Что умѣренія касаетъ, долженствуетъ быти тонкое, узкитъ объѣда скупѣйшии и не зельми нужно хотя бѣ и не узкитъ, вѣдущу стомаху молчаніе естли нищи не желаются и да не припускаются. Множыихъ излишество нежеланіи мѣрно яденіе погубити обыче. Не пользуютъ на трапезахъ молочныя и житкія яди, зане мокротны сущъ, и не зело здравитъ бѣтъ многоразличіе со своими составомъ возжизаніи, вредитъ ниво новое и которое не устоялось, да будетъ медь свѣтлый и тонкій и не кислый. Свиинна повреждаетъ. Пользуютъ мясо говивае свѣжее, естли вареное, чтобъ безъ чесноку и соли множества, а когда жаритъ, прежде да покронится солью. По лучшаго сока есть мясо баранье и агичее. Также здорово есть рабчики, курятка, молодые журавлики, утки дикіе, тетереви, пеленелки, молодые тетеревики и лебедки. А рыбы, почеже студенѣйшаго сущъ растворенія, жестоко подають телѣси питаніе, которые на каменныхъ мѣстахъ въ рѣкахъ водворяются лучше сущъ и легче да будутъ бѣлуги и того-жъ де чина отъ малосоленія растлѣвающихся, и неприятыи запахъ испускающихіе. Но что реку, обичай другая есть природа голякая творитъ сладкая, не пріемная пріемна.

¹⁾ Матер. № 151.

Да будетъ хлѣбъ пшеничный въ ближней пощи печеный. А сухари много отончеваютъ. Наряднее ко отончению приспособлены вареное кафе, Персианскъ и Туркомъ знаемое и обычайное послѣ обѣдѣ, вареное чае листу ханского, по свѣжа нарядное есть лекарство противъ надменій, насморковъ и головоболѣй.

Обученія.

Движеніе по Аристотелю есть вина теплоты. Воды родниковъ и рѣкъ текущихъ здравѣйшіе пеняются. Блѣднѣютъ узо и иссыхаютъ тюремные сидѣльцы, свободнаго бо воздуха и обученія лишаются. Видимъ по вся дни птицы что они плѣшущихъ животинѣхъ суть и здравѣйшіи, ибо вспомогаютъ частыя обученія яко на кони бѣженіе, пронахождение, теченіе и ловленіе, сонъ подувуденный утѣреный или ни одинъ, а и ночью опочивать чтобы не болѣли 7-мичасовъ.

Лекарства.

Могутъ оная противу мокротная, яже мокроту иссушаютъ, и рожденіе ея возбраняють единою или дважды въ коемъ либо мѣсцѣ пріята. Къ снѣгъ потливая по аглицки состроенная, яже дрепечетъ и трава мочи изъ сосуда аптекарскаго низу положеннаго и поставленнаго чрезъ трубочку препускають къ великому страждущаго пользованію и утѣшенію не менши вспомогаютъ къ соблюденію здравія . . . . . належащая лекарства, которые мокроты песочные утишаютъ, яже вираютъ терпичицаз насморкъ и водяной трудъ нарядна. Къ сему обычаю належатъ шиво онелицепое съ кохлеарією и хрѣномъ строенное, квасъ яблочной съ семенемъ горичины.

Вся яже о тучности истонченія . . . . . лѣченія теченію насморку, водиною . . . . . и спячки предохраненію нарядно помогаютъ ане и удару.

Еще у меня есть лекарство отъ дохтуровъ нашихъ гораздо похвальное и искушенное, которое доселе вираемое употребленіе и искусство привести не могохъ. Потому что ни едино или неизвѣстно всегда бѣ обиталище оскудѣвающю повседневному хлѣбу, и праятъ вскорѣ . . . . . издержавъ гладомъ мѣхъ иставати².

Обнаружится какая-нибудь эпидемическая болѣзнь—снова пишется сказка о томъ, что нужно предпринять въ отношеніи больныхъ и здоровыхъ.

Напримѣръ, 6 июля 1643 г. докторами Артманомъ Граманомъ и Яганомъ Вѣлау была подана сказка объ ангинѣ. Доктора пи-

сали: „У котораго де человека горло и груди пухнуть и будетъ де въ тѣхъ пухлыхъ мѣстахъ жаръ объявится тас де немочь довется по латыни ангины. А зачинается де та немочь отъ дурныхъ вѣтровъ и отъ жарящихъ мокротъ и отъ чиствъ, которые человеку не въ потребу и отъ жарящихъ крови, которые бывають въ человекѣ. И только де отъ такіе болѣзни пособи человеку вскорѣ не будетъ и отъ такихъ де болѣзней многие люди задыхаются.

Да бывають тая же немочь людямъ отъ мертвой де животины, которая помираетъ отъ поветрія, какъ де тоя животину стануть одирать и отъ того стерва или отъ кожи паръ попадетъ въ человека и съ тою помирають.

А коли де бывають поветрія на скотъ на лошади или на коровы и мертвой де скотъ надобно закапывать въ землю совѣмъ а только де въ землю не закапывать или стануть кожи одирать и отъ того де бывають поветрія на люди.

А бывають де такое лихое поветріе на скотъ отъ тумановъ коли весна бывають моливая, а послѣ того туманы великіе и жары и тѣ де туманы падуть на траву а дождемъ ихъ не смоешь и трава съ тою станеть отравна и отъ того де скотъ помираетъ.

Помочь немощнымъ людямъ у которыхъ горло и груди пухнуть:

Подъ языкомъ живую отворить да сдѣлать водка которая холодитъ и тою водкою въ ротѣ полоскать а не глатать и плевать вонъ. А наружно мазать язвами и члестами прикладывать которые въ тому годны будутъ и только немощь продолжна надобно давать лекарства чтобы потѣла и отъ того бывають облегченіе.

А которые люди занемогутъ отъ духу мертвой животины или въ которыхъ людей отъ стерва войдетъ паръ и тѣмъ людямъ пособиать тою же часу чтобы та болѣзнь до сердца не допуститъ а какъ до сердца дойдетъ и тому пособиать нельзя. А скотинѣ всякой отъ поветрія которая занеможетъ давать вскорѣ корень по латыни зовется карлина пестолокни мѣлко сыпать въ воду и тѣмъ поить всякая животина по мнозіе дни и насилу въ ротъ вливать которая пить не станеть.

И здоровымъ лошадямъ и всякому скоту тотъ корень давать въ питье чтобы та болѣзнь не вѣтрялась.

Да и людямъ тотъ корень въ такіе тяжкіе времена добро пить^{2 1)}

Через 5 дней тѣже доктора подали новую сказку, въ которой писали:

„У которыхъ людей горло запухнетъ и потоки провалитца наружно и та немощь отъ лихого повѣтрѣя.

Лечить ту немощь:

Петли ягоды винные и мѣшать съ фидкомъ, что пластеръ и тѣмъ прикладывать и буде фидку пѣтъ ино въ то мѣсто съ печенымъ лукомъ смѣшать истолчи такъ станеть пластырь и къ той наружно ранѣ прикладывать того ради, чтобъ повѣтреной отъ рачной жары вывести и потомъ живити пластеромъ деаколонъ и тѣмъ людямъ давати питейцо пити сколь скоро почуветь такую болѣзнь, именуетца та трава которую въ пиво варити и пити мелифоліумъ и пити да закутався потѣтъ и такую траву пьютъ вари въ пивѣ и дворовые люди для оберегання здравья въ такіе времена.

А щипать съ той травы мелифоліумъ цвѣтъ съ семенемъ да сушить а изсуша класть въ молодое пиво въ бочки завязать въ пласть, которая бочка будетъ ведръ въ десять, и въ той бочку цвѣту положить горсть, и то пиво давати пити немощнымъ.

А только молодова пива не лучица а такое питье понадобится вскоре, и той травы мелифоліумъ сушеной цвѣтъ положить въ пиво и не поновъ вари, и варитъ тотъ цвѣтъ въ пивѣ столько какъ часть свиритца свѣжесъ рыба. А пива положить сколько бы немощному выпити, а цвѣту положить щепти съ дѣбъ небольшихъ, и проеда пити то пиво теплое и быть въ теплой избѣ, и одѣся теплымъ на постелѣ и потѣтъ.

Да тотъ же цвѣтъ класть въ вино въ виницѣскую склянницу щепти по три и по четыре, или болши а какъ устоитца то вино съ цвѣтомъ, и сво пити по утру въ другомъ или въ третьемъ часу дни, для оберегання отъ летворнаго вѣтру.

Да и здоровымъ людямъ въ такіе времена тотъ цвѣтъ въ пивѣ и въ винѣ пити съ утра надобно⁴.

Производится ли осмотръ частныхъ лицъ или воровскихъ кошелевъ.—опять подается сказка.

Такъ въ 1643 г. 18 мая, осмотрѣвъ Григорія Горихвостова, докторъ Яганъ Бѣлоуъ велеть записку, въ которой сообщалъ: „болѣзнь у Горихвостова внутри есть глиста и у кого такая болѣзнь бывала и онъ де разными лекарствами такую болѣзнь потонивши или на низъ пругущею спанивалъ, которые глисты бывали по 3 и по 4 и по 5 аршинъ длиною.

А у многихъ людей такая болѣзнь не бываетъ а зачинается она отъ худой внутренней мокроты и ростеть подле самыхъ кишекъ и бываетъ безъ мало что не противъ кишекъ длиною а шириною на персть и коржитца отъ того что человекъ шеть и ѣсть и для того что она возле самыхъ кишекъ близко бываетъ запереть тѣ жилы у человека, отъ которыхъ жить нечелъ силы и кровь къ себѣ принимаетъ и отъ того бываетъ тѣмъ людямъ у которыхъ людей такая болѣзнь что они тощи и безсилены бываютъ хотя и много пьютъ и ѣдятъ не будетъ у нихъ силы отъ ѣствы внутри ни какъ покажется та глиста у человека внутри и советна съ кишками мѣсте и живеть въ мокротѣ и отъ того тѣмъ людямъ поносу временемъ не бываетъ а не по всякъ день только будетъ человекъ въ кой день пругачей не приметъ а какъ тотъ человекъ у кого такая болѣзнь бываетъ внутри да съ утра не поестъ ничево и та глиста советна съ кишками вмѣсте отъ того бываютъ внутренние вѣтры и рваніе и ворчаніе внутри и вступитъ та глиста для своего корню подъ сердцу со много мокротой что иногда у человека изъ горла мокрота пойдетъ а какъ та глиста переть проходитъ советна и для того у человека на низъ поносу не бываетъ на всякъ день и всякіе ѣствы что человекъ ѣсть внутри гниетъ и отъ того бываетъ внутри нечисты и отъ тое нечистоты бываютъ розные немощи головные и темненіе глазомъ и лихорадка а вскоре тое глисты изыти нельзя потому что по кишкамъ лежить въ мокротѣ и для того сво ни какою пругачею не пропесетъ и та глиста возле кишекъ останетьца и советъ все кишки вмѣсте что поестъ пругачею и проносу иногда не бываетъ и отъ того бываетъ внутри рваніе и ворчаніе и вѣтры внутренней и тое глисту надобно лекарствами прежи утонить и обезсилить, чтобъ она въ клубъ вѣстесилася а и отъ кишекъ бы отстала и какъ она отъ кишекъ отстанеть и въ тѣ поры можно еѣ лекарствами на низъ согнати⁵.

Въ 1661 г. докторъ, аптекаря и лекаря разсматривали корень, принесенное отъ боярина Бориса Ивановича Морозова, и нашли, что „то корень именуется латинскимъ языкомъ красуля или фабарія или телефіумъ, а во аптекѣ того корени траву клазуть въ чай, поилецову, а людямъ траву и корень принимать не годится, потому что во всѣхъ книгахъ травникахъ не написано, что тотъ корень и траву людямъ принимать“¹⁾.

¹⁾ Наши матер. т. I, стр. 3.

Наконец, приводятся клятвы либо-редкие аптекарские материалы из роду широго, и тут же медики пишут о действительных признаках его, о случаях применения и т. д.¹⁾ Подобия сказки приводились уже (см. стр. 157—160) и в дальнейшем этого вопроса коснемся снова, когда будет речь об экспертизах.

Словом, не было ни одной подробности из медицинского дела, которая не заносилась бы в записные книги Аптекарского Приказа.

Эти книги, естественно, представляли собою всё отдаленнейшую медицинскую литературу. Но иныя русские люди, обращавшиеся около аптеки и дела Аптекарского Приказа, усвоившие некоторые элементарныя познания из медицины, какъ, например, дѣла Щеваловъ или же бояринъ Осдоръ Иванъичъ Шереметевъ и другіе.

Помимо указанного пути, такъ сказать, письменнаго, врачебныя знанія приобретались русскими людьми еще практически, въ качествѣ врачебныхъ служителей.

Первые письменные книги приводили съ собою практически обученныхъ медицинскихъ помощниковъ. Доктора Андрей Кауфманъ привезъ съ собою аптекаря Бриса; Венделинъ Сибелъ прібылъ съ хирургомъ Николаемъ Петерсеномъ; Левъ Линдбергъ привезъ Марка Кондзана; съ Карбоуриемъ прібылъ докторъ Игнатій Аберъ и т. д.

Съ теченіемъ времени помощники изъ иностранцевъ стали замѣняться русскими, которые постепенно привыкали къ иностранцамъ, не боясь уже болѣе „отъ нихъ освержить“. Всѣмъ нашимъ специалистамъ, великимъ мастерамъ горнаго, чечуинаго и чечуиннаго дела, оцѣнка мастерамъ и костоправамъ пришлось работать рядомъ съ иностранцами-декарами. И въ поляхъ, и въ аптекахъ, и въ садахъ, и у водочнаго сидѣнья, словомъ, нигдѣ не обходилось дѣло безъ нашихъ русскихъ помощниковъ, обучавшихся заморской мудрости.

Съ постепеннымъ расширеніемъ медицинскаго дѣла лекарскіе служители, практиканты врачебной науки, теряютъ свой случайный характеръ, а занятія ихъ становятся подготовительными образованіемъ. Возникаетъ вопросъ о медицинскихъ выученикахъ.

¹⁾ Матер. № 270.

Желаніе обучаться медицинѣ обнаружилось среди классовъ, наиболее нуждавшихся въ врачебной помощи или же шло изъ лагеря лицъ, связанныхъ съ представителями тогдашней медицины. Поэтому-то преобладающее число учениковъ шло изъ стрельцовъ и дѣтей стрельцскихъ, т. е. класса особенно нуждавшегося изъ медиковъ при тогдашнихъ почти непрерывныхъ войнахъ.

Желавшіе обучаться медицинѣ подавали государю челобитныя.

Такъ въ 1657 г. стрельцскій сыннишка Гарасма Мисифоровъ докладывалъ: „отецъ мой служилъ... лѣтъ съ пятьдесятъ и болѣе въ великія твои государевы службы... а я хотѣю твой въ службу... ни въ какомъ чинѣ не быть... позволь меня х. с. за службу отца моего, вели государь, меня приискать въ Аптекарской Приказъ въ лекарскому дѣлу въ ученики“.¹⁾

Въ томъ же году стрельцскій сыннишка Митка Обросимовъ былъ челомъ: „служилъ отецъ мой великимъ государемъ и тебѣ праведному государю великія твои службы многое время и отца моего судомъ Божіимъ не стало, а я х. т. ни въ какую т. г. службу не наисанъ... вели государь, мнѣ быть у с. г. костоправнаго дѣла въ ученикахъ у Ивана Максимова“.²⁾

Въ 1659 г. лекарскаго дѣла ученикъ Иванъ Михайловъ былъ челомъ: „служилъ отецъ мой... лѣтъ съ шестидесять и болѣе въ стрельцахъ, и въ нынѣшнемъ... году... велѣтъ мнѣ служить... стрельцская служба... вели государь, въ мое мѣсто вѣсть въ Аптекарскій Приказъ въ лекарскому дѣлу въ ученики брата моего“.³⁾

Въ случаѣ смерти одного брата, служившаго въ Приказѣ, другой, оставшійся въ живыхъ, старался занять мѣсто умершаго.

Напримеръ, въ 1657 г. стрельцскій сыннишка Иванъ Авдеевичъ былъ челомъ государю: „внукъ мой братъ мой двоюродной Первой Петровъ изъ стрельцовъ... въ костоправному дѣлу въ мастера въ Аптекарскій Приказъ; а мнѣ, государь, того моего брата Первого судомъ въ живости не стало, а я хотѣю твой костоправному небольшому дѣлу у того брата своего навичать... вели

¹⁾ Матер. № 277.

²⁾ Ibidem № 278.

³⁾ Ibidem № 280.

государь, меня взять въ Аптекарскій Приказъ къ костоправному дѣлу въ ученики" ¹⁾.

Въ 1682 г. Гришка Исаковъ писалъ въ челобитной: „Служилъ отецъ мой... въ Аптекарскомъ Приказѣ въ костоправахъ... а волею Божьею отца моего не стало; а послѣ отца моего, на его мѣсто пожалованъ братъ мой Лукьянъ, и волею Божьею брата моего... не стало итъ... за службу отца моего, вели, государь, мнѣ быть... въ Аптекарскомъ Приказѣ на мѣсто брата моего Лукьяна у костоправнаго лекарскаго дѣла въ ученикахъ, и чтобъ было мнѣ чѣмъ прокормить бабку и мать свою съ сиротою и съ малыми дѣтьми" ²⁾.

Вообще встрѣчаются неоднократныя челобитныя членовъ медицинскаго персонала, старавшихся сохранить служебную связь съ Аптекарскимъ Приказомъ.

Напримѣръ, въ 1678 г. былъ человекъ „сирота бѣдной и беззаступной горкой Аптекарскаго Приказа лекаря иноземца Семена Ларионова сыннишка Сенка Семенова“, докладывавшій: „отецъ мой убитъ на в. г. службѣ въ Чиринѣ, а я бѣдной сирота т. остался съ матерью своею и съ сестрами самъ четверть—помираемъ голодною смертию... вели, государь, мнѣ быть въ Аптекарскомъ Приказѣ въ аптекарскихъ или въ алхимическихъ ученикахъ, и вели, государь меня отдать въ наученіи латынскаго языка выучить" ³⁾.

Подобныя челобитныя поступали также отъ родителей.

Въ 1667 г. аптекаръ Романъ Тиу былъ человекъ: „служилъ я х. т... во Аптекарскомъ Приказѣ многіе годы и нынѣ я х. т. при старости... вели, государь, сыннику моему быть во Аптекарскомъ Приказѣ во аптекарскихъ ученикахъ, а я х. т. сынника своего аптекарскому дѣлу выучу" ⁴⁾.

Въ 1678 г. „алхимическаго дѣла Тиханъ Ананьевъ“ проситъ: „вели, государь, сыннику моему Левкѣ быть въ Аптекарскомъ Приказѣ алхимическаго дѣла въ ученикахъ и учителя у иноземца Петра Пила" ⁵⁾. Въ данномъ случаѣ отецъ хлопоталъ о представленіи возможности усовершенствоваться уже третьему сыну,

¹⁾ Ibidem № 772.

²⁾ Ibidem № 1655.

³⁾ Ibidem № 1446.

⁴⁾ Тамъ же, т. I, стр. 157.

⁵⁾ Матер. № 1450.

такъ какъ при немъ самомъ обучались двое сыновей и даже состояли на государственной жалованьи: одинъ получалъ въ годъ 12 руб. 31 алтынъ, 4 денги, а другой — 11 руб. 31 алтынъ 4 денги.

Въ 1679 г. челузинный лекаръ Митрошка Петровъ, былъ человекомъ государю повелѣтъ „быть въ Аптекарскомъ Приказѣ въ ученикахъ сыннику моему Пронкѣ Митрофанову" ¹⁾. Нѣсколько дней спустя Степанъ Алексѣевъ подавъ челобитную, въ которой писалъ: „Сыннишко, государь, у меня на возрастѣ и въ чинѣ ни въ какой не жалованъ; а подѣл, государь, меня малую часть къ учению лекарскаго дѣла принадлежитъ... вели, государь, сыннику моему Андрюшкѣ быть въ Аптекарскомъ Приказѣ въ лекарскихъ ученикахъ, и о дачѣ того моего сыннишка въ наученіе къ кому ты в. г. указеши лекарю отдать" ²⁾.

Бывали ученики изъ посадскихъ, монастырскихъ и другихъ людей, а также солдатскихъ дѣтей.

Такъ въ 1662 г. „вольной гулящий человекъ Андрюшка Харитоновъ“ былъ человекъ велѣтъ ему „быть у своего государева дѣла во Аптекарскомъ Приказѣ въ лекарскихъ ученикахъ" ³⁾. Въ 1664 г. „вольной гулящий человекъ Осипъ Дорофеевъ“ просилъ указа быть двою Аптекарскому Приказѣ въ лекарскихъ ученикахъ для наученія лекарскаго или костоправнаго дѣла" ⁴⁾. Въ 1667 о томъ же просилъ его государева богомолца Венедикта Тимофеева сынъ Иванъ" ⁵⁾.

Въ 1682 г. было приказано Савкѣ Терентьеву „быть въ травникахъ". Изъ его челобитной о приѣмѣ узнаемъ, что онъ сначала былъ „у Рождества Пресвятыя Богородицы, что на сѣняхъ въ сторожахъ съ годъ, и послѣ де того былъ въ сторожахъ же въ соборѣ Архистратіа Михаила — тогда съ полтора"... Претъ поступленіемъ въ Приказъ онъ показалъ, что „порочится своимъ рукодѣлемъ шить портное" ⁶⁾. Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ Савкѣ выяснилось, что онъ „Устюга Великаго посадскій человекъ. А въ тягѣ онъ ни въ какомъ не бывалъ; а на Москвѣ

¹⁾ Ibidem, № 1470.

²⁾ Ibidem, № 1475.

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 36—37.

⁴⁾ Ibidem, стр. 78.

⁵⁾ Ibidem, стр. 109—110.

⁶⁾ Матер. № 1663.

жить года з два; а сталъ де онъ съ Устюга города з женою и з дѣтями, отъ скудости и отъ хлѣбного недороду" ¹⁾.

Въ 1671 г. было велѣно, отдать учить лекарскому дѣлу *солдатика* сына Савку Дмитреева Антекарской Палаты лекарю Оролу Дяклеру" ²⁾.

Но подавляющее большинство выучениковъ происходило изъ стрѣльцовъ и дѣтей стрѣльцовыхъ, какъ болѣе другихъ развитыхъ и грамотныхъ, а также наиболѣе нуждающихся въ знаніи врачебнаго дѣла ³⁾. Неудобство этого подбора сказывалось, когда приходилъ срокъ службы и Стрѣлецкій приказъ требовалъ къ себѣ лекарскаго ученика.

Напримѣръ въ 1672 г. Оетка Захарьевъ въ своей челобитной писалъ: „Я холопъ твой за кровь и за смерть послѣ отна своего пожалованъ... въ Оутеку къ лекарскому дѣлу въ ученики, а въ нынѣшнемъ... году взять я холопъ твой быть въ Стрѣлецкій приказъ и сидѣть скочаиъ четверы сутки и... отдать въ Ларіоновъ приказъ Лопухина; а нынѣ по твоему в. г. указу велѣно мнѣ х. т. быть въ Он. Пр. попрежнему въ лекарехъ... покажу я кровъ х. с. за кровь и за смерть отна моего изъ Он. Пр. въ стр. прик. послать память, чтобы меня *вирѣдь въ стрѣльцѣмъ въ Стр. Прик. не вожовали*" ⁴⁾. На челобитные послѣдовали указы: „въ Стр. Пр. не сослався съ Ант. Приказомъ его не брать".

Въ стрѣлецкую службу изъ медицинскаго персонала требовали иногда несмотря ни на какую продолжительность ихъ занятій въ Антекарскомъ Приказѣ. Такъ въ 1671 г. лекари Оедотка Васильевъ и Андрюшка Оедотовъ были челоомъ государю: „изъ Стрѣлецкаго приказу въ Оутек. Палату прислана память велѣно насъ холопей твоихъ отдать въ Ларіоновъ приказъ въ стрѣльцы, а мы х. т. въ Оут. Пал. служили тебѣ в. г. въ ученикахъ и въ лекаряхъ *двенадцати* лѣтъ и всякую нужду и бѣдность терпѣли... покажу насъ холопей своихъ бѣдныхъ и беззаступныхъ за нашу многую службишку, вели, государь, намъ служить свою в. г. лекарскую службу, а изъ Оутекарской Палаты въ стрѣлецкій приказъ не вели, государь, насъ посылать,

¹⁾ *ibidem*, № 1665.

²⁾ *ibidem*, № 168.

³⁾ Наши матер. ч. II, № 32.

⁴⁾ *ibidem*, № 491.

чтобъ намъ холопямъ твоимъ *лекарскаго дѣла* чему мастера *иноу* насъ учили, не забывая и твоей в. г. службы впредь не отбыть" ¹⁾.

Томе самое было съ посадскими и духовными, которыхъ то танили къ тяглу, то къ иконописи. Въ подобныхъ случаяхъ Антекарскій Приказъ поступалъ различно: способныхъ и дѣльных не отпускать, другихъ же не удерживать.

Такъ, въ 1657 г. стрѣльцу Оедикъ Васильеву „велѣтъ... быть у... Государева дѣла въ Антекарскомъ Приказѣ, въ лекарскомъ ученикѣ, а въ стрѣлецкой службѣ быть ему не велѣтъ..." ²⁾.

Въ 1663 г. состоялся указъ о зачисленіи въ Антекарскій Приказъ Степки Ошуркова, который былъ посланъ „для икононаго писма въ Волоскую и въ Молдавскую землю съ Волоскими митрополитами Гедеономъ и съ иными иконописи Оружейнаго Приказу... и былъ онъ Степанъ въ той землѣ шесть лѣтъ" ³⁾.

Въ томъ же году было приказано относительно нижегородскаго посадскаго челома Оелки Мухановскаго, вѣзатаго въ Москву въ лекари... „тягъ съ него Оелки з дѣтей его велѣно снить и ни на какія тягла и податей всякихъ съ нижегородны съ посадскими людьми платить не велѣно..." ⁴⁾.

Въ другомъ случаѣ въ отвѣтъ на челобитную лекарскаго ученика Пиваши, поданную въ 1677 г., Государь указалъ думному дворянину Соковину: „а побороу ни въ какой ихъ посадкой расходъ съ него Пиваши имати бѣ не велѣтъ..." ⁵⁾.

Взятые въ приказъ ученики обучались всѣмъ наукамъ практическимъ, помогая тому лекарю, которому отдавались въ обученіе. Напримѣръ въ 1677 г. у антекера Ивана Гутяева обучались антекарскіе ученики Алешка Ивановъ, Гришка Игнатьевъ и Степка Микитинъ: челоучинаго, костоправнаго, лекарскаго и горланнаго дѣла ученики обучались: Артемій Петровъ у брата своего Митрофана Петрова, Якушко Ивановъ у лекаря Ягана Терхонта, Кузанка Дмитріевъ у лекаря Власа Губина, Пивашка Антоновъ у костоправа Ивана Макашова, Пивашка Тихановъ у отна своего Тихона, Андрюшка Аристовъ у антекера Крестяна Эгдера,

¹⁾ *ibidem*, № 472.

²⁾ *ibidem*, № 720.

³⁾ *ibidem*, № 346.

⁴⁾ *ibidem*, № 337.

⁵⁾ *ibidem*, № 1394.

Осозда Дорофеевъ у лекаря и окулиста Ягана Шартлинга и т. д. ¹⁾

По прошествии некоторого времени, ученики посылались в полки в качестве лекарей. Так было до организации официально-школьного образования, которое складывается с начала второй половины XVII ст. С этого времени стало труднее попасть в лекари, так как нужно было пройти несколько определенных стадий обучения: побывать в полях с травниками „на двѣ перемѣны и на три“, т. е. сначала в качестве младших учеников, а потом старших.

Прямой переход из старших травников был в аптеку, где за лекарства, масла и вощи, и спирты, и сахара, и сиропы, и пластыри, и всякия аптекарскія и дистилаторскія дѣла опять приходилось посидѣть некоторое время в учениках „мужиной статьи“, а потом уже просто в учениках, т. е. в томъ самомъ звѣніи, которое обеспечивало лекарскую практику где-нибудь в полку ²⁾.

Некоторые ученики не проходили обучения в травниках и в аптеках. Эти все свое образование получали у лекарей, под руководством которых работали на практикѣ.

При посылкѣ в полкъ ученика съ какимъ-нибудь лекаремъ воеводѣ наказывалось: „а сколько человекъ, и ково имени нашихъ ратныхъ людей излечено будетъ, и ты бы тѣхъ людей ведѣть записывать. А котораго числа лекарь и ученикъ... придутъ, и ты бы о томъ къ намъ отписать и ратнымъ раненымъ людямъ записныя книги прислать“ ³⁾...

Почувствовавъ себя достаточно сильнымъ в своей специальности, ученикъ былъ Государю челомъ: „ведѣть бытъ ему, холоду царскому... в аптеку в лекарей и показывать его... кормами... чѣмъ бы ему на Государевой службѣ не умереть съ голоду“. При этомъ подавалась роспись „кого онъ всякихъ чиновъ людей излечилъ“... и указывалось на достигнутыя познанія и усѣхъ вообще, в родѣ того что „раны стрѣлныя, колотыя и рубленныя лечу и пульки вырѣзываю и руду живую и банками пущать умѣю, водки гнать, мази стирать знаю же, болѣзни нутринныя

¹⁾ Ibidem, № 1381.

²⁾ Ibidem, № 500, 1397, 1462.

³⁾ Ibidem, № 280.

лечить могу же и несколько иного и костоправного дѣла навичать“.

Аптекарскій Приказъ все это принималъ въ соображеніе и зачислялъ челобитчика въ „русскіе лекари“. При этомъ назначалось мѣсто службы и давались инструменты для хирургической практики: „по шурупу пулечному; по клещамъ пулечнымъ; по другимъ клещамъ журавлины носы; по клещамъ, чѣмъ ротъ растворяютъ; по ножу кривому; по два заплата въ монастырки; по трубкѣ, чѣмъ раны прыщутъ, мѣдныя тройныя; по два клестера костныхъ; по два монастырка иѣльных; снасть, чѣмъ прижигаютъ раны; по вѣскамъ, небольшимъ, по фунту; по потѣлкѣ средней; по губкѣ грещей; по ложкѣ долгой мѣдной съ колюю; по двадцати пузирей; воску по фунту ¹⁾.

Въ иѣльных облегченіи ученикамъ доступа къ теоретическимъ знаніямъ по медицинѣ того времени принимались мѣры къ обученію ихъ иностраннымъ языкамъ.

По указу Осозора Алексѣевича 5 ноября 1678 г. велѣно было „быть въ Аптекарскомъ Приказѣ въ наученіе аптекарскаго и алхимическаго дѣла лекаря Семена Ларионова сыну его Сенькѣ, да алхимическаго дѣла Тихона Апаньина сыну его Левкѣ и велѣно ихъ отдать учити въ школу въ новонѣмецкую слободу латинскому и царскому языку“ ²⁾. Въ томъ же году 14 декабря „для совершеннаго наученія“ туда же были отданы Гавріиль Стефановъ Оушадановъ, который раньше учился у Симеона Полещаго латинскому и польскому языкамъ ³⁾.

Въ 1679 г. въ мартѣ Осозоръ Алексѣевичъ указалъ по словесному челобитію лекаря Митрофана Петрова „дѣтей его—Пронку да Тихку изъ Аптекарскаго Приказа отдать ихъ въ наученіе въ новую Нѣмецкую слободу въ школу латинскому и царскому языкамъ“ ⁴⁾. Названная школа была устроена иноземцемъ Яганомъ Понциусомъ. Ему было наказано: „учить тѣхъ учениковъ со всякимъ прилежаніемъ и радѣніемъ; а буде они учнутъ лѣниться или ослушаться, учинить наказаніе какъ въ школахъ... во вины смотри“. За каждаго ученика Понциусъ получалъ по рублю, Стефанъ Оушадановъ за своего сына платилъ изъ

¹⁾ Ibidem, № 1622.

²⁾ Матеріалъ №№ 1446, 1453.

³⁾ № 1461.

⁴⁾ Ibid., № 1488, 1493.

Вся масса медицинских книг, естественно, предназначена была для обучения, а не самолечения, как полагали некоторые историки, в роду Рихтера¹⁾. Лишь в XVIII столетии учебники стали терять свой специально-школьный характер и вошли во всеобщее пользование в виде многочисленных переделок и сокращений. «Врачебники XVII века, хотя уже начавшие сокращаться, служили, по справедливому убеждению Л. Зябена, учебниками; но к концу века все больше и больше они уходили от научности отчасти от сокращений и переделок, так сказать, опрощений, частью же от появления новой науки. В XVIII столетии видно уже полное отжиwanie старых начал, переставших быть нужными за нарастающим новым. Тогда наши травники, создаваемые торговлей будто бы для народа, потеряли и следы науки, а пожалуй и мысли»²⁾. Такими образом, были ученики, были и учебники.

Мы уже отмечали, что развитие медицины в до-Петровской Руси шло под сильным давлением возраставшей в войсках потребности в обученных лекарях. Непрерывная война давала огромное число раненых, а справиться с ними не было возможности силами иноземных врачей, как невозможно было оставить ратных людей без врачебной помощи, когда войско реорганизовалось по иностранному образцу и приматы правительственной заботы о здоровье солдат были на глазах. Смоленский поход открыл в этом отношении новую эру.

В горячее время 1654 года для обучения медицине было набрано 30 учеников из стрельцов и детей стрельцовых³⁾. Спустя некоторое время к ним присоединились еще 8 человек, составивших «меньшой статьи» учеников⁴⁾. Ученики первого призыва в 1660 году были уже выпущены лекарями; 13 из них — в стрельцкие приказы и 17 — «в разные полки вместе лекарей для лечьбы ратных людей». В списках полковых лекарей за 1663 год встречаются следующие фамилии прежних лекарских учеников: Оедотко Васильев, Ондришка Оедотов, Ивашко Семенов, Ивашко Онтонов, Васка Подурев, Якушко Дементьев, Олонка Шешуков, Степка Алексеев,

¹⁾ Тихомир, История мед. т. I, стр. 90 и сл.

²⁾ Зябен, Русские врачебники стр. 29, 30, 265, 266.

³⁾ Ibidem, № 896.

⁴⁾ Ibidem, № 899.

Ивашка Овдокимов, Ивашко Павлов, Митрошка Петров, Митка Обросимов, Оедотка Яковлев, Оедка Захарьев, Митка Минатин, Ивашко Костылев, Алешка Левонтьев, Ехелько Климов и Оска Ермолин¹⁾.

Лекарские ученики состояли на жалованьи, размеры которого колебались в зависимости от опытности каждого из них. Например в 1667 г. ученик Алешка Левонтьев получал 23 руб. 16 алтын 4 деньги годового жалованья и поеденного корма. Столько же получали Ивашко Екимов и Ивашко Костылев. По Сережка Бавалев получал 21 руб. 11 алтын 4 деньги, а Оска Ермолин, Гришка Тимофеев, Давыда Аксентьев, Федка Дорофеев, Емелька Климов, Федка Илчин по 20 руб. 18 алт. 4 деньги²⁾.

В придачу к скудному жалованью иногда их награждали дополнительными выплатами. Например, в 1672 г. 10 учеников получили по сукну за их работу, что они лечили раненных стрельцов³⁾. За год перед тем 3 ученика были награждены также сукном за их работу, что они лекарскому делу учили и лечили московских приказов раненных и стрельцов⁴⁾.

Все эти пионеры русской врачебной науки шли из глухих мест, терпели нужду и лишения, разнося страждущим помощь и распространяя рационально-медицинские сведения в военных массах.

При Оеодфе Алексеевиче Антекарский Приказ настолько усердно стремился к насаждению медицинских знаний среди русских, что вопрос об обучении стал вносить и в приказы грамоты и в клятвенные записи. В наказы, например, Вилиму Горстену в 1678 году, бывшему «за море для призвания в службу великого государя добрых лекарей», писалось между прочим: «да им же обещать буде они... учить учеников русским учить со всяким прилежанием чему сами государя жалованья будут придачу сверх того уговору»⁵⁾. В 1680 году лекаря Фридрих Бургарт и Расперь должны были перед приведением к присяге обещать:

¹⁾ Ibidem, № 332.

²⁾ Наши записки, т. I стр. 103.

³⁾ Ibidem, т. II стр. 14—15.

⁴⁾ Ibidem, № 1458.

и учеников, которые мѣ для ученія даны будутъ, учить съ великимъ прилежаніемъ¹⁾...

Въ 1671 г. на почвѣ обязанности врачей обучать учениковъ произошел интересный конфликтъ между иноземнымъ лекаремъ и Антек. Приказомъ къ лекарю Ивану Албанусу были посланы стрѣлцкій сынъ Оедка Сергѣевъ, но лекарь „того ученика не принять“, а при допросѣ заявилъ: „потому де онъ нехочетъ учить лекарескому дѣлу Оедку Сергѣева, что ему Ягану не дано вел. государя годовое жалованье денежное и корму за прошлой 179-й годъ, а какъ де ему государево жалованье и кормъ выдать, и онъ де сво въ то время учить станеть“²⁾.

О томъ, насколько широко было поставлено приказомъ медицинское образованіе, можно судить отчасти по числу учениковъ, а частью по числу лицъ врачебнаго персонала изъ русскихъ. По свидѣтельству Котошихина, въ вѣдѣніи Антекарскаго Приказа, кромя 30-ти иностранныхъ докторовъ и лекарей, было до 20-ти русскихъ учениковъ, а въ 1682 году, къ концу царствованія Оедора Алексѣевича иноземныхъ докторовъ, антекеровъ, алхимиковъ, лекарей, всѣхъ вмѣстѣ было 17 человекъ, русскихъ же лекарей съ учениками насчитывалось сорокъ четыре³⁾.

Приведенными цифрами не ограничивалось, однако, дѣйствительное число русскихъ врачебныхъ силъ. Уже въ то время много было вольныхъ выучениковъ и вольныхъ лекарей; были даже частные преподаватели медицины, какъ-то: Гаденъ Кладенбургъ, Артемій Назаровъ въ Казани и другіе. У частныхъ учителей обученіе велось такъ же, какъ и въ Антекарскомъ Приказѣ. Исторія сохранила намъ весьма любопытный дипломъ, выданный частной медицинской школой⁴⁾. Изъ этого диплома видно, что обученіе продолжалось около 5 лѣтъ, по прошествіи которыхъ ученикъ экзаменовался въ присутствіи многихъ приглашенныхъ для этого специалистовъ. Обученіе начиналось по особому контракту „на годы“.

¹⁾ Ibidem. № 1605.

²⁾ Ibidem. № 161.

³⁾ Котошихинъ, О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича Сб. 1859 г. стр. 90 и Матер. № 1677.

⁴⁾ Зыбевъ, Первый врачебный дипломъ, выданный въ Россіи Рус. Архивъ. 1886 г. № 7.

Плодотворность приказнаго медицинскаго образованія съ особенною ясностью выступаетъ при сопоставленіи приказной школы со школой, созданной при Петрѣ Великомъ.

По указу Петра I отъ 25 мая 1706 г. была построена „гофшпиталь“ въ Москвѣ „за Яузскою рѣкою, противъ пѣмецкой слободы, въ пристойномъ мѣстѣ, для леченія болящихъ людей“. Указомъ повелѣвалось: „А у того леченія быть доктору Николаю Бидлоу да двумъ лекарямъ Андрею Рыбкину, а другому, кто приланъ будетъ; да изъ иноземцевъ и изъ русскихъ, изъ всякихъ чинныхъ людей набрать для антекарской науки 50 человекъ; а на строеніе и на покупку лекарствъ, и на всякія къ тому дѣлу принадлежащія вещи, и доктору и лекарямъ, и ученикамъ на жалованье деньги держать въ расходъ изъ сборовъ Монастырскаго приказа“¹⁾.

Черезъ полтора года по объявленіи указа московскій госпиталь былъ открытъ и приступили къ набору учениковъ, „которые были бы уже весьма въ латинскомъ языкѣ искусны“. Первый комплектъ учениковъ составилъ не ранѣе четырехъ лѣтъ со времени открытія школы²⁾. Въ 1712 г. Бидлоу писалъ Петру Великому: „Взялъ я въ разныхъ городахъ и числахъ 50 человекъ до науки хирургической, которыхъ 33 осталось“...³⁾

Недостатокъ учениковъ былъ обычнымъ явленіемъ для этой школы. Въ 1719 г. въ ней было всего 30 учениковъ, большинство которыхъ составляли *отцы иностранцевъ*, проживавшихъ въ Москвѣ. Пришлось бы, пожалуй, школу закрыть если бы учениковъ не начали вербовать изъ лучшихъ воспитанниковъ московской славяно-греческой школы. Изъ послѣдней въ 1722 г. взяли 19 мальчиковъ, спустя два года—11; черезъ два года опять столько же; въ 1727 г. взято 18 учениковъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря ни на какія усилія Бидлоу, въ 1723 г. въ его школѣ было иностранныхъ и русскихъ учениковъ всего 25, а при Антекарскомъ Приказѣ въ 1658 г. однихъ русскихъ насчитывалось 38⁴⁾.

Не въ пользу школы Бидлоу, говоритъ система вербовки учениковъ, между тѣмъ какъ Антек. Приказъ одолевалъ челобитчики, добровольно стремившіеся посвятить себя или своихъ дѣтей и родственниковъ изученію медицины.

¹⁾ Полное Собр. Законовъ VI № 3937.

²⁾ Численность ср. ст. стр. 43.

³⁾ Ibidem. стр. 44.

⁴⁾ Ibidem. стр. 47 и матер. № 809.

Аптекарский Приказ, как мы видели, засыпался просьбами о зачислении на службу. Наоборот, в петровскую эпоху с врачебной службой бегут и правительству приходится принимать чрезвычайные меры борьбы с уклоняющимися. Так по грамоте 12 сент. 1706 г. в военный поход в Киев было указано быть „у аптекарских дѣл ст. Оеодору Неѣлову, за Григорью Нашекину да Петру Благому“, но ни один из них не явился. По грамоте 2 октября „къ аптекарским дѣлам... для надзору къ больным и раненым“ велено быть ст. Василию Сумарокову, но он не явился. Всѣх четверых пришлось разыскивать¹⁾.

По указу 25 октября 1706 г. было приказано „во Ржевскомъ уѣздѣ Григорія Семенова сына Нашекина сыскать, а сыскавъ выслать въ военный поход къ аптекарским дѣламъ тотчасъ безо всякаго жалованья, а показавъ онъ Григорій изъ Ржевы высланный будетъ, деревни его отписать на великаго государя и людямъ его и крестьянамъ слушать его не велѣть, а изъ усадьбы его велѣно взять людей его и крестьянъ человекъ 2 или 3 и держать въ тюрьмѣ“²⁾.

Подобная мера принужденія была принята по указу 28 ноября 1706 г. в отношении ст. Григорія Павлова сына Языкова. Последний не оказался в обычномъ его мѣстѣ жительства, в Галичѣ и поэтому были посланы памяти о сискѣ по всѣмъ городамъ. Также самое было предпринято в отношении Артемия Михайлова сына Кирѣева, разыскивавшегося в Бѣлѣцѣ на основании указа отъ 9 ноября 1706 года³⁾.

Лекари, получившіе образование в приказной школѣ пользовались в глазах населенія не меньшимъ авторитетомъ, чѣмъ лекари изъ иностранцевъ. В этомъ насъ убѣждаетъ напримѣръ случай имѣвшій мѣсто в 1679 г. со стольникомъ Иваномъ Аонасеевымъ сыномъ Матюшкинымъ, лечение котораго было поручено, по указу Оеодора Алексѣевича, новопризанному иностранному лекарю Севастьяну Реалеру. Когда назначенный лекарь прибылъ съ переводчикомъ Васильемъ Степберхомъ къ больному, то „стольникъ Иванъ Аонасеевичъ сказалъ, что лекарь иноземецъ ему не надобенъ, а лечить-де его лекарь Митрофанъ Петровъ“⁴⁾.

¹⁾ Архив. Мин. Внутр. Дѣл. гл. кн. № 37 л. 56.

²⁾ Ibidem. № 41 л. 36.

³⁾ Ibidem. № 38 л. 89.

⁴⁾ Матер. № 1582.

Полагаемъ, что для выясненія вопроса о времени возникновенія у насъ медицинскаго образованія и укорененія его на отечественной почвѣ приведено достаточно матеріала, чтобы не повторять за многими историками, будто бы и первая медицинская школа и вся вообще врачебная организація появились в Россіи со времени Петра Великаго.

Нужно еще замѣтить, что петербургское правительство пользовалось не только планами московскаго относительно обученія русскихъ людей медицинѣ у себя дома, но не забыло и старыхъ попытокъ Аптекарскаго Приказа готовить докторовъ для русской службы изъ иностранныхъ университетовъ. Такъ въ 1692 г. стряпчий Петра Васильевичъ Постниковъ на казенныхъ подводахъ и денежнотъ содержанія до 1.000 ефимковъ былъ отправленъ „по иженому Великаго Государя Петра Алексѣевича указу“ въ Венцію для спеціальнаго изученія медицинъ. Изъ заграничной поездки онъ былъ вполнѣ подготовленъ къ суммѣ общаго образованія и знанія иностранныхъ языковъ, а можетъ быть, былъ уже знакомъ до нѣкоторой степени и съ медициной. Проф. Дя. Циблаевъ предполагаетъ, что Постниковъ могъ заниматься медициной въ Москвѣ подъ руководствомъ молодыхъ докторовъ падуанскаго университета Якова Веларино и Павла Козинна¹⁾.

Это предположеніе тѣмъ болѣе кажется вѣроятнымъ, что Постниковъ получилъ степень доктора медицинъ въ 1694 г. Трудно допустить, чтобы онъ за такое короткое время успѣлъ овладѣть медициной безъ предварительной подготовки.

Проф. Загоскинъ передаетъ, что „докончивъ курсъ въ славившемся въ ту пору Падуанскомъ университетѣ и получивъ отъ послѣдняго блестящій дипломъ, отъ дипломъ сохранился до нашихъ дней) на степень доктора медицинъ и философіи, молодой Постниковъ вернулся въ Россію и съ 1701 г. началъ здѣсь свою медицинскую карьеру“²⁾. Въ действительности Постникову не суждено было прихитить свои знанія на практикѣ въ качествѣ врача. По указу Петра Алексѣевича отъ 23 марта 1701 года повѣщается: „Петра Васильевича сына Постникова... ево въ докторы и учинить ему вел. государя жалованья окладъ

¹⁾ Дя. Циблаевъ. Мелки изъ Москвитинъ Россіи стр. 23.

²⁾ Загоскинъ ср. ст. стр. 67 и Деряжковъ. Болшеевское прот. Сиб. 1903 г. стр. 218.

и поеденного корму по пятисот рублей... а въ Посольскомъ приказѣ какъ случатся латинскіе, французскіе, италіанскіе нужные писма, и тѣ писма переходить ему жъ Петру" ¹⁾. Сначала Постниковъ занимался переводами, но осенью того же года онъ былъ назначенъ въ Нарвѣжъ „для сообщенія о тамошнихъ поведеніяхъ“, гдѣ оставался до 1710 года.

И такъ, первый русскій докторъ императорскаго періода такъ же мало оставилъ слѣда въ русской врачебной жизни, какъ и многочисленные молодые люди, пославшіеся за границу значительно ранѣе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Вопросъ о врачебной экспертизѣ принадлежитъ къ числу наиболѣе больныхъ мѣстъ современной организаціи медицинскаго дѣла. Съ одной стороны, врачи *обязаны* давать свои заключенія по требованію судебныхъ и административныхъ властей, съ другой—эти власти *не стеснены* въ своихъ рѣшеніяхъ мнѣніемъ экспертовъ.

Жизнь изобилуетъ тысячами случаевъ, когда, напримеръ, къ судебному разбирательству привлекались выдающіеся ученые, которые затрачивали по нѣскольку дней на изученіе того или другого вопроса и въ заключеніе высказывали свое, обоснованное на точныхъ требованіяхъ науки, мнѣніе, а судьи постановляли приговоры какъ разъ *вопреки* этому мнѣнію. Также наблюдается въ административной сферѣ, напримеръ, по дѣламъ о воинской повинности.

О современномъ состояніи врачебной экспертизы приходится тѣмъ болѣе пожалѣть, что она считается за собою вѣковую давность и въ старину не занимала столь уважительнаго положенія.

Надо полагать, что колыбелью врачебной экспертизы были языческіе суды. Наши предки производили судебныя испытанія огнемъ, водою и желѣзомъ. Лица, слѣдившія за ходомъ испытанія и дававшія заключеніе о его результатахъ, и были въ собственномъ смыслѣ экспертами. Народные обычаи заронили зерно экспертизы въ организованные князьями суды.

Уже по договору русскихъ съ греками при князѣ Олегѣ (911 г. ст. 5) и Игорѣ (945 г. ст. 14) было предусмотрено нанесеніе побоевъ и ранъ ²⁾. Въ Правдѣ Русской, дѣйствовавшей съ XI в. до конца XIII в., упоминается о преступленіяхъ противъ здоровья (Мзд. спмс. ст. 5, 9 и Кар. ст. 25 ³⁾). Въ XIV

¹⁾ Полтава, гр. сб. прилож. № IV, стр. 60.

²⁾ Владимирскій—Будановъ. Христотатія по исторіи русскаго права Б. в. С. П. Б. 1899 г. ч. I, стр. 4 и 26.

³⁾ Ibidem, ст. 44.

столбца: по Двинской Уставной грамоте (1397 г. ст. 1 и 2) назначалось различное наказание за *кровопролитие* рану и за *смертию* ¹⁾. По Судебнику Иоанна Васильевича IV (1550 г. ст. 25) то или другое наказание за увечье устанавливалось в зависимости не только от личности потерпевшего, но и *качества* увечья ²⁾. Но если в течение хвостых веков уголовное законодательство различает качество ран и увечий, то должны были выработаться те или другие приемы для определения свойства ран и увечий в каждом отдельном случае. Применение этих приемов и было нечто иное, как экспертиза.

Каким образом производились осмотры ран и увечий — об этом не сохранилось никаких сведений. Можно лишь с достоверностью сказать, что экспертами были не врачи, так как лица с медицинским образованием появились в России значительно позже.

Первая *гражданская* экспертиза имела место в 1537 г. когда врач Теофил был послан освидетельствовать князя Андрея Ивановича, который под предлогом болезни отказывался приехать в Москву ³⁾. В 1623 г. два парекши доктора Билес и Ди и лекарь Балесарь были отправлены для освидетельствования состояния дивныи Марии Хлоповой, бывшей царской невесты ⁴⁾. В 1643 г. доктор Белау освидетельствовал Григория Гориховцова, у которого он признал страдание от «глисты».

В 1657 г. на загородном дворе боярина Бориса Ивановича Морозова доктор Андрей Матфей осматривал больного человека Акнифейку Мижуева, о котором представил письменный акт экспертизы: «объявилась де у него на погб золотуха, и то де болѣзнью золотуху захватила студа, и шибѣ объявилась де въ правомъ боку да на лици, и будет де, онъ отъ той болѣзни не истощаетъ и онъ живъ будетъ, а истощаетъ — умереть. А по латынѣ та болѣзнь называтъ арыноластъ свинкорбустикою» ⁵⁾.

В 1658 г. в Аптекарском Приказѣ производился разспрос жидца Ивана Чортоса, который сказал, что «у него ручной блудъ, а учинился тотъ блудъ въ тѣ поры какъ онъ былъ

десяти лѣтъ, и съ тѣхъ мѣсть и по се время у него тотъ блудъ». Осмотрѣвший его доктор сдѣлалъ заключение, что «тотъ блудъ учинился у него отъ порчи и отъ кручины, а какъ онъ Иванъ учалъ быть въ возрастѣ, и тотъ блудъ сталъ ему не въ мочь и отъ того ему учинилась кручина; а которые люди бывають въ шесть лѣтъ и у тѣхъ людей тотъ блудъ отъ порчи жъ бываетъ; и тотъ блудъ у него лечитъ мочно, только ему будетъ тяжело и лекарствъ много надобно, потому что тотъ блудъ многими лѣты застарѣлъ и вскорѣ излечить его не можно ⁶⁾.

В 1671 г. былъ посланъ доктор Яганъ Розенбургъ «для досмотру столбиковъ и стрижихъ больныхъ»; имъ были осмотрѣны 4 человека и подана «решенье», въ которой говорится, напримѣръ: «*Маринъ Григорьевъ сынъ Запразской; весь здоровъ, только у него болѣзнь тайной удѣ роснутъ; Тихонъ Григорьевъ сынъ Волковъ; весь здоровъ, только у него чешуйчатая болѣзнь, наибольшая, а лѣчить протогомъ поистѣ рудою*» ⁷⁾ и т. д.

В 1676 г. докторъ Петръ Пантанусъ осматривать Спаса Андроніева монастыря архимандрита Никона, котораго онъ нашелъ совершенно здоровымъ. Поводомъ къ осмотру послужило то, что Никонъ «на Троицкомъ подворьи объявился къ латоргю и пришелъ жаръ въ то время въ голову, и отъ того тяжело зѣло сталъ, и въ службу не пошелъ, и сѣлъ на лавку и велѣлъ съ себя одежду дьякону снять, а крѣпелю тѣсною оскудѣлъ, велики въ то время и до другихъ сутокъ» ⁸⁾.

Поручая врачамъ осмотры больныхъ, московское правительство съ особенною настойчивостью задавалось вопросом: «не равнялась ли болѣзнь была?» Излишне распространяться о томъ, сколько жертвъ унесли въ то время эпидемии; поэтому было вполне разумно со стороны администраціи разслѣдованіе всякаго подозрительнаго заболѣванія.

Врачи съ особенною осторожностью относились къ больнымъ съ «язвами». Едва, напримѣръ, въ 1657 г. дошелъ до Аптекарскаго Приказа слухъ о подозрительной болѣзни Акнифейки Мижуева, проживавшаго въ загородномъ домѣ боярина Бориса Ивановича Морозова, какъ немедленно командировался туда докторъ

¹⁾ Ibidem, стр. 141.

²⁾ Ibidem, К. и С. Д. Е. 1887 г. ч. II, стр. 129.

³⁾ Рихтеръ Ор. сіт. т. I, стр. 276.

⁴⁾ Собраніе Государ. грамотъ и договоровъ т. VI, № 63.

⁵⁾ Матер. № 774.

⁶⁾ Матер. № 812.

⁷⁾ Ibidem, № 469.

⁸⁾ Ibidem, № 1330.

Андрей Матвѣевъ. Опасенія разсѣялись, когда докторъ донесъ: „объявилась де у него на нощь золотуха“.

Въ 1658 г. умерла „скорою смертию“ жена Богородицкаго протопона Михайлы. Сейчас же для осмотра трупа были составлены особый комитетъ изъ доктора Льва Личфинуса, лекаря Осипа Боржо, подъячего Тимофея Антипина и дьяка Герасима Дохтурова. Доктора нашли, что у „той жонки болѣзнь была въ животѣ золотуха и родимая кровь заперлась и отъ того у ней подъ глазами и на предѣлахъ, и въ ноздряхъ мосты сая, и та болѣзнь бы- ваетъ и на ноздряхъ многихъ женщинъ, а моровые болѣзни отъ того не бывають“. Тѣхъ не менѣе придворное вѣдомство не успокоилось: жена Матрени была похоронена съ чрезвычайными предосторожностями, а эксперты были подвергнуты карантину въ собственныхъ домахъ въ теченіе 14 дней¹⁾.

Съ особеннымъ вниманіемъ производились осмотры тѣхъ лицъ, которые по дѣламъ службы должны были посѣщать дворцы. Такъ въ 1664 г. лекарь Данила Фонтъ-Гадень осматривалъ стольника Михаила Иванова сына Морозова и пѣвчаго Кирилла Федорова. О первомъ онъ заявилъ, что у него „болѣзни никакія нутринныя и наружныя и знаковъ на немъ никакихъ нѣтъ и весь онъ здоровъ“. О второмъ лекарь сообщилъ, что „болѣзни внутри и наружи никакія нѣтъ и язва и знаковъ наружныхъ нигдѣ нѣтъ же, и весь онъ здоровъ“. Въслѣдствіе этого заключенія Морозову разрѣшено было явиться въ день Благовѣщенія къ Государю, а пѣвчему „ходить къ пѣнію“²⁾.

Въ 1677 г., когда у доктора Лаврентія Блюментроста умерли жена и дочь, были подвергнуты осмотру весь его дворъ, причемъ оказалось, что „во дворѣ больныхъ людей никакихъ нѣтъ“³⁾. Въ томъ же году аптекарь Крестыянъ Эглеръ былъ посланъ для освидѣтельствованія „пѣвчаго дьякона Ефима Богданова“, умершаго, какъ оказалось, отъ камней въ почкахъ⁴⁾. Тогда же было приказано осматрѣть великаго государя комнатнаго истопника Якова Сергѣева. Осматривавшій его аптекарь Крестыянъ Эглеръ донесъ въ Аптекарскій Приказъ, что „болѣзнь де у него Якова

Сергѣева была опухоль, и нынѣ де онъ отъ той болѣзни оздоровѣлъ и „въ Верхъ“ ему ходить можно“¹⁾.

Въ 1677 г. докторъ Степанъ Фунгадановъ осматривалъ нанихъ пѣвчихъ дьяковъ. По освидѣтельствованіи онъ заявилъ, что „де на нихъ никакой болѣзни нѣтъ, весь въ чистотѣ и что де имъ „въ Верхъ“ ходить можно, какъ укажутъ“²⁾. Спустя два года тотъ же докторъ осматривалъ больного пономаря Михаила Орлова, у котораго „на ноздряхъ выступили угри красныя“. Болѣзнь эту докторъ призналъ „мо настѣлю отъ отца или матери и кромѣ того „въ Верхъ“, пока вылезется, ходить ему можно, потому что та болѣзнь приличивая“³⁾.

Подъ вліяніемъ стремленія къ огражденію царскаго двора отъ заноса приличивыхъ болѣзней 18-го февраля 1676 г. вел. князь Оеодоръ Алексѣевичъ „указалъ дохтуру Степану Фунгаданову... ходить только къ хоромамъ къ благовѣрнымъ госуд. царевичемъ и къ благовернымъ государынямъ царевнамъ—къ большиимъ и къ меншиимъ, съ лекарствомъ“⁴⁾. По указу 30 декабря того же года были сформированы для нуждъ царскаго семейства особый аптекарскій персоналъ, а именно: было приказано „аптекарь Францу Шахтору быть въ Верхней Аптекарской Палатѣ вмѣстѣ съ аптекаремъ съ Крестыяномъ Эглеромъ“⁵⁾.

Въ 1677 г. 27 января государь допрашивалъ боярина кн. Пикиту Ивановича, доктора Симона Зомера, аптекаря Ягана Гутмента и Крестыяна Эглера о томъ, нельзя-ли „аптеку порознь учинить для того, чтобы особо лекарства составлять, по рецептамъ дохтура Степана Фунгаданова особенно-же“. Слѣдовательно, возникалъ вопросъ объ устройствѣ одной аптеки—для государя лично, а другой—для его семейства⁶⁾.

Изъ указа Оеодора Алексѣевича отъ 19-го февраля 1682 г. видно, что были также заведены особый докторъ для государя Симонъ Зомеръ, о которомъ государь сдѣлать распоряженіе: „для осмотра и леченія къ больнымъ людямъ изъ Аптекарскаго Приказа ни къ кому не посылать“⁷⁾.

¹⁾ ibidem, № 1371.

²⁾ ibidem, № 1387 и 1388.

³⁾ ibidem, № 1536.

⁴⁾ ibidem, № 1348.

⁵⁾ ibidem, № 1347.

⁶⁾ Записочскій ор. сн. приложение № 3.

⁷⁾ матер. № 1664.

¹⁾ ibidem, № 778.

²⁾ Наши матер. т. I № 89.

³⁾ Матер. № 1361.

⁴⁾ ibidem, № 1373.

Приведенные указы были первыми ограничениями деятельности придворных врачей в качестве экспертов по осмотру подозрительных больных.

История сохранила нам любопытный случай осмотра извешного трупа. В 1671 г. поддому Степану Медицине было приказано осмотреть умершего человека дьяка Дмитрия Шипулина, какова на нем язва или перелом. Но Степан Медицина заявил, что он Степан великий язва, кроме моровых, знает, а моровых де язва, от чего люди умирают, он не знает и никогда таких язв сам не видал и от искусных тому делу ни от кого не учивался и не слышал. А будет де ему того умершего человека... осматривать, и чтоб того человека осмотреть по утру рано, для того что он к такому делу приготовить себе к утру лекарств, да и для того, что по утру к человеку болзнь не так принадлежит, как на вечер, и с вечера де той болзни он познати не может. Желая избавиться от опасного поручения, Степан заявил на следующий день, чтобы послали доктора Лаврентия Блюментроста, для того что он человек бывалый во многих государствах и такие скорби... ему Лаврентию в обычай¹⁾. Поручение осталось за Блюментростом.

Врачебная экспертиза распространялась еще на различные лекарственные и другие вещества. Заслуживает внимания, что подобная экспертиза первоначально поручалась воеводам. Когда же медицинские свидетельства иностранных докторов перестали возбуждать сомнения, да и количество докторов значительно возросло, то осмотры корней и трав сделались монополией правых лиц врачебного персонала.

Так в 1625 году пона Якова отослали в Приказ Казанского Дворца к боярину князю Дмитрию Матрюковичу Черкасскому, чтоб он осмотрел коробы пона с воровскими кореньями. В коробы были найдены трава багрова, да три корени, да комок перхчевать бѣлъ²⁾.

Но уже в 1628 г. корень, отобранный у душевнобольного Андрейки, было приказано «взять и показать дохтурям»³⁾. В

заметнейшей врачебная экспертиза становится общим правилом.

В 1657 г. в Земский приказ был приведен человек Андрейка Дурбенец, у которого в мшѣ оказались корни. Дурбенец дал показание о кореньях, что «одно коренье бѣдет люди от утробы и от мшѣ, а другое коренье лошадиное—дают лошадей от западу, а третье коренье зубное—ростет по полям и по огородам». Алексей Михайлович указал, то коренье отослать в Аптекарский Приказ для подлинного розыску, и то коренье Аптекарского Приказу дохтурям и мастерам осмотры: какое то коренье и не воровское-ль⁴⁾.

Присланные корни подвергались в Аптекарском Приказе исследованию, по окончании которого доктора дали заключение: «то коренье болдерьян и от того корени никакова дурна не бывает, а иного корени изъ знать не почему, потому что то коренье сухо и гнило и духа никакова от них нѣтъ, тако ж и от того корени дурна никакова нѣтъ; и изъ тѣх кореньевъ узнали одно коренье и назвали болдерьян»⁵⁾.

В 1658 г. осмотреть все известной «нирговой кости»—этого старинного универсального средства—уже не возлагается на бояр, а приказано «то кость свидетельствовать и опыт учинить дохтурям и аптекарем». Документы, сохранившиеся об экспертизе в данном случае, дают нам возможность судить об экспериментальных методах ученых экспертов, а именно: «юня в 25-й день дохтуры Левъ Личифинусъ да Ондрей Нигельгартъ, аптекари Крестьянусъ Эглеръ да Романъ Бинианъ нирговой кости опыт учинили надъ тремя голуби: одному голубю дано мышьяку противъ дву зеренъ перцовыхъ; другому голубю кости нирговы противъ пяти зеренъ перцовыхъ, мышьяку—противъ одного зерка; третьему голубю дано мышьяку противъ одного жъ зерна, кости нирговой противъ пяти жъ зеренъ; и тѣ голуби юня с 22-го числа по 26 е число все были живы. И юня в 26-й день дохтуры и аптекари тѣм же голубямъ давали в другорядъ: одному дано мышьяку противъ двузеренъ; другому голубю кости нирговы противъ пяти зеренъ, мышьяку—противъ дву зеренъ; третьему голубю дано мышьяку

¹⁾ Приложение № 32.

²⁾ Акты истор. г. III, № 137.

³⁾ Наши матер. г. III, ч. I стр. 11—21.

⁴⁾ Матер. № 761.

⁵⁾ ibidem № 762.

противъ дву—жъ зеренъ, кости нироговы противъ пяти зеренъ перцовыхъ. И которому голубю данъ одинъ мышьякъ, и которому голубю дано мышьякъ ба носъ кости нироговы и тѣ голуби померли; а которому голубю дано кости нироговы да носъ тою мышьяку, и тотъ голубь живъ" ¹⁾.

Въ 1669 г. врачебному персоналу Аптекарскаго Приказа опять пришлось имѣть дѣло съ нирогомъ. Посольскій приказъ требовалъ отъ врачей опредѣлить подлинность и цѣнность кости. Доктора Яганъ Кустеріусъ, Лаврентій Блюментростъ, аптекари Крестьянусъ Эглеръ, Романъ Биніанъ и Андрей Гезеніусъ, а также лекарь Симонъ Зомеръ, осматривъ кость, сообщили: „эта кость морскова звѣря, а не нирогова, и къ лекарству не годится. А что той кости цѣна—того они не знаютъ" ²⁾.

Въ 1662 г. въ Аптекарскій Приказъ допрашивался знахарь Оедька Бѣлозерцевъ относительно корня, который онъ давалъ въ молокъ боярину Борису Ивановичу Морозову „отъ мокротной болѣзни". Доказывая безвредность корня, знахарь показывалъ между прочимъ: „а онъ Оедька тотъ корень сая въ молокъ топя принимавалъ и сырой ѣлъ, и отъ того корени ему, Оедькѣ, худа никакого не учинивалось; да и нынѣ онъ, Оедька, тотъ корень и траву готовъ ѣсть хоть три дни или пять дней и ему, Оедькѣ, никакого отъ нея худа не будетъ" ³⁾.

Въ 1664 г. при обыскѣ боярскаго сына Дмитрія Володимирова „взяты въ сѣнной вышкѣ травы, а какія тѣ травы про то невѣдомо". И вотъ последовалъ указъ „допросить про тѣ травы аптекарей, какія тѣ травы, и не будетъ-ли отъ нихъ какого худа". Аптекаря, осматривъ присланныя травы, сказали: „травя Кардіана, другая травя Каниса, а тѣ де травы полевая и никакого дурна отъ тѣхъ травъ не часть, а иныхъ травъ знать не почемъ, потому что тѣ травы истолчены" ⁴⁾.

Въ 1673 г. были приведены въ „Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ" разныхъ чиновъ люди съ травами и съ кореньями, а въ роспросѣ и съ пытокъ тѣ приводимые люди говорятъ, что тѣ травы и коренья не лихіе... и для подлиннаго свидѣтельства дохтуромъ и

¹⁾ Матер. № 781.

²⁾ Ibidem № 1094.

³⁾ Намъ Матер. т. I, № 16.

⁴⁾ Ibidem, № 71.

лекарскаго дѣла ученикомъ, чтобы о сѣхъ травахъ и кореньяхъ доискатца самая правда и тѣ травы и коренья для свидѣтельства изъ Приказу Сыскныхъ Дѣлъ посланы въ Обтекарской Приказъ" ¹⁾. И въ данномъ случаѣ заключеніе было дано не всеодами, а докторами Лаврентіемъ Блюментростомъ и Михаиломъ Грамономъ и аптекаремъ Яганомъ Гутменшомъ.

Экспертами была подана слѣдующая сказка: „Писма заговорные и коренья въ воскъ Иванково... тѣ коренья добры-ль или нѣтъ—того не вѣдаютъ. Андрея Дашкова у крестьянина: въ мѣшечкѣ корень ангеликовой, корень игирь, и тѣ коренья годятся въ лекарство. Архангельскаго собору крестьянина: въ бумажкѣ и въ воскъ, и того сказали не знаютъ да и въ плату травы не знаютъ же. Пашки Власова: въ бумажкѣ корень оіакоковой—въ лекарство годится. Спирки Семенова: въ плату коренья и травы и сѣмя.. доброе. Женки Осеюнки: въ мѣшечкахъ въ четырехъ... лихого ничего нѣтъ".

Въ 1677 г. въ Аптекарскій Приказъ были присланы травы, призомъ повелѣвалось дяку Леонтію Меншову: „спросать бы у дохтуровъ какъ той травѣ знаніе и водка (настойка Н. Н.) къ чему пригодна, и не будетъ ли вреду есть ли ее пить". Осматривавшіе эту траву докторъ Степанъ Оуингдановъ и аптекарь Яганъ Гутменшъ, сказали: „познають де они траву съотря на цвѣтѣ званіемъ по латыни—эрика силвестрисъ, или эризимусъ, а по русски—дикая горчичка. И такой де травы есть родоць много: родитца иная въ хлѣбѣ, а иная на мокрыхъ и на высокихъ мѣстахъ... травя вѣтеть въ себѣ въ лекарствахъ силу порознь; и какъ де они такую траву увидятъ съ листомъ и съ кореньемъ и они де съотря на нее познать къ чему изъ нее водка пригодна будетъ; а безъ листу и безъ кореня познать имъ не мочно" ²⁾.

Въ 1679 г. въ Аптекарскомъ Приказѣ производилось изслѣдованіе мази, которою стрѣлецъ Гришка Донской лечилъ князя Оеодора Щербатого. Въ изслѣзованіи принимали участіе аптекарь Крестьянъ Эглеръ, алхимистъ Петръ Пиль, алхимискаго дѣла ученикъ Тихонъ Аванинъ и русскіе лекари Дмитрій Никитинъ, Степанъ Алексѣевъ да Кузьма Семеновъ ³⁾.

¹⁾ Матер. № 506.

²⁾ Матер. № 1399.

³⁾ Ibidem, № 1484.

Сохранились многочисленные данные об освидетельствовании врачами Аптекарского Приказа стрельцов и разного рода служивых людей. В этих случаях врачи должны были дать заключение по вопросу: „мочно-ль отъ тѣхъ ранъ и увѣчья излечитца и впредь Вел. Государя служба служить“.

Имѣя въ виду сенатскій указъ 17 января 1714 г., Хмыровъ полагалъ, что „медицинскій осмотръ неспособныхъ къ службѣ воинскихъ чиновъ встрѣчается впервые не ранѣе 1714 года“¹⁾. Неправильность этого мнѣнія очевидной становится, если принять во вниманіе нижеслѣдующія данныя.

Такъ въ 1662 г. лекарь Зомеръ осматривалъ рейтарскаго стрелка Нечая Шеранова сына Шекурова и сдѣлалъ заключеніе, что „болѣзнь у него пониже пупа черева выходить, и отъ той болѣзни ему Государева рейтарскія службѣ служить и излечить тое болѣзни не мочно“²⁾. Въ томъ же году, по заключенію лекаря Ивана Албануса, у капитана Якова Тимофеева сына Чирикова „правая рука выше локтя переломлена пополамъ и жилы перерваны, а излечить тое руку у него не мочно-жъ“³⁾.

Въ 1663 г., по указу Государя четыре лекаря осматривали Ивана Степанова сына Панова и нашли, что „у него изнутри выходить черева въ тайные уды... И ему Ивану не только на лошади сидѣть и пѣшему ходить много не мочно... только ему и помочи учинить, сдѣлать поясъ широкой и тѣмъ поясомъ то мѣсто подвязывать, и быть дома, а нигдѣ ходить и ѣздить не мочно“⁴⁾.

Въ 1666 г. лекари Симонъ Зомеръ, Данило Фонтъ-Гадентъ и Иванъ Албанусъ у стрѣльца Гурки Миронова отмѣтили: „правая рука высохла и жилы въ пальцахъ свело и государевы службѣ служить ему не мочно“, а у стрѣльца Матюшки Федорова: „мокrotnая болѣзнь... и отъ той болѣзни будутъ у него на ногахъ язвы большія... и государевы службѣ ему служить не мочно“⁵⁾.

Въ 1667 г. окулистъ Иванъ Малгаринъ осматривалъ Темниковскаго канцлера мурзы князя Еникѣева и заявилъ, что „у

него въ глаза подошла темная вода и отъ дому правый глазъ треснулъ и на обоихъ глазахъ бѣльма, а лечить его не мочно“¹⁾. Спустя мѣсяць доктора свидѣтельствовали стрѣльца Лѣчку Семёнова и показали, что „у него въ лѣвой рукѣ два пальца оторваны и три пальца скорчились и жилы свело, а мочно-ль ему стрѣлешкая служба служить того не вѣдаютъ“²⁾. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ тѣ же спеціалисты забраковали для службы стрѣльца Потапку Иванова, у котораго они нашли „у правой ноги берцо переломлено и кости берца выходятъ и излечить тое ногу не мочно“³⁾. Еще спустя мѣсяць лекари Симонъ Зомеръ и Иванъ Албанусъ, освидѣтельствовали стрѣльца Гришку Оомина, заявили: „у него болѣзнь нечистая и лечить его отъ тое болѣзни и государевы службѣ служить ему не мочно, потому что та болѣзнь прилетѣла къ здоровымъ людямъ“⁴⁾.

Въ 1679 г. просилъ объ увольненіи отъ службы стряпчій Деёко Ступининъ, ссылаясь на свою животную мокrotnую скорбь. Въ Аптекарскомъ Приказѣ его подвергли осмотру и доктора Стефанъ Фонтъ-Гадентъ и Захарій Ванъ-деръ Гульстъ нашли у него „болѣзнь франки и во всемъ мокrotnа, и отъ того въ голыѣ обморокъ, и тое де болѣзнь лечить у него мочно. А вылечится и ему государева служба служить мочно“⁵⁾.

Подобные осмотры имѣли мѣсто ежегодно, ежемѣсячно, почти ежедневно⁶⁾. Вслѣдствіе старости и увѣчья просили „отставитъ отъ Государевой службы“ не только рядовые солдаты, но и поручики, капитаны, майоры, околыничіе, стряпчіе и т. п. служивый людъ. Объ увольненіи подавались даже коллективныя челобитныя. Такъ, 27-го Марта 1679 г. били челомъ „стольники, и стряпчіе, и дворяня Московскіе, и жильцы, и городовыя дворяня, и дѣти боярскіе“, всего 26 человекъ⁷⁾. При освидѣтельствovanіи указывалось „звать у докторовъ и лекарей сказки за руками и тѣмъ осмотръ и сказки предоставитъ въ Разрядъ за дѣлчесю при-

¹⁾ Хмыровъ. Русская военно-медицинская старина стр. 29 и 38; Полн. Собр. Заков. т. I № 138, т. V, № 2761.

²⁾ Матер. № 966.

³⁾ ibidem, № 1014.

⁴⁾ ibidem, № 1038.

⁵⁾ Наши матер. № 109.

¹⁾ ibidem, 125.

²⁾ ibidem, № 133.

³⁾ ibidem, № 142.

⁴⁾ ibidem, № 154.

⁵⁾ Наши матер. т. II стр. 226—229.

⁶⁾ Наши матер. т. I, № 181 и матер. № 513, 1476 1477, 1482, 1487 и др.

⁷⁾ Матер. № 1679.

писью". Мнѣніе врачей было безапелляционно и принималось въ вниманіе безусловно ¹⁾).

Въ петровскую эпоху врачебныя освидѣтельствованія служилыхъ людей получили еще болѣе широкое примѣненіе въ слѣдствіе происшедшаго общаго прикрѣпленія къ службѣ. Въ этомъ отношеніи дѣла Разряда, имѣвшіе тогда значеніе военного министерства, представляютъ обширѣйшій матеріалъ.

Въ 1704 г. 1 іюня докторъ Блюментростъ осматривалъ стрѣльчаго Якова Андреева сына Кучешаго и нашелъ, что тотъ „немоществуетъ тяжкимъ дыханіемъ, а по латыни зовется астма, тяжкая грудная болѣзнь, да въ немъ же болѣзнь тяжкая жъ цыготная, и водяная немочь и помраченіе ума и за тѣмъ болѣзнями ему Якову его в. г. службы служить невозможно“ ²⁾).

Въ томъ же году 11 іюля докторъ Лаврентій Блюментростъ осматривалъ изъ дворянъ Афанасія Шевелева, что онъ „болѣзнуетъ лѣваго боку лопомъ и чечуйными болѣзнями безпрестанно и на лошади ѣздить невозможно“ ³⁾).

Освидѣтельствованный 31 іюля ст. Яковъ Порошинъ былъ освобожденъ отъ службы впродъ до поправленія, такъ какъ было найдено докторами, что у него „болѣзнь животная и временною харкаетъ кровью и отъ той болѣзни въ лицѣ худъ“, а кромѣ того „на правой ногѣ были водяные пузыри и тѣ пузыри прорвались и оттого учинились язвы небольшія“ ⁴⁾).

Тотъ же Блюментростъ 16 сентября нашелъ у недоросля Степана Акимова „на правой ногѣ на берцѣ язва большая, гноющая съ дикимъ мясомъ и отъ того подъ коленнымъ жили ведетъ и нога разгибается не свободно, и покажется онъ, Степанъ, отъ той болѣзни не выздоровѣетъ, и до тѣхъ мѣстъ ему... службы служить невозможно“ ⁵⁾).

¹⁾ Протоколы врачебнаго осмотра служилыхъ людей можно найти въ слѣдующихъ номерахъ матеріаловъ для исторіи медицины: 1090, 1092, 1093, 1101, 1104, 1111, 1139, 1249, 1303, 1325, 1358, 1416, 1477, 1482, 1487, 1489, 1491, 1495, 1495, 1498—1498, 1500, 1503, 1504, 1506, 1508, 1509, 1511, 1515, 1517, 1518, 1519—1522, 1524—1526, 1529—1534, 1537—1539, 1541, 1542, 1545, 1551, 1553, 1556—1558, 1566, 1568, 1583, 1591, 1592. Намъ приходится лишь некоторые „сказки“ объ осмотрахъ, въ которыхъ можно было бы видѣть насколько разнообразна была врачебная экспертиза.

²⁾ Арх. М., Юст. Разрѣд. кн. 32, л. 93.

³⁾ Ibidem, № 33, л. 67.

⁴⁾ Ibidem, № 31, л. 53.

⁵⁾ Ibid. № 33, л. 67.

Въ декабрѣ 1705 г. былъ признанъ негоднымъ къ службѣ бывший московскій стрѣлецъ Иванъ Король, который, по заключенію доктора, „болеетъ горломъ и безсилентъ, и жилами слабъ“ ¹⁾).

Въ январѣ 1706 г. докторъ Миніанъ нашелъ необходимымъ освободить отъ службы жильца князя Александра Юсупова, который страдалъ ²⁾ „паче ногамъ, на которыхъ только кожа да кости; одновременно съ Юсуповымъ подверглись осмотру Антипъ Гурьевъ, Леонтій Трубицынъ и Петръ Нефиминъ“ ³⁾).

Въ ноябрѣ 1706 г. въ Антискарскомъ Приказѣ докторъ Миніанъ свидѣтельствовалъ недоросля Василия Нефедьева, Василия Забурсова и Ивана Родионова и призналъ ихъ подлежащими освобожденію отъ драгунской службы „покажется они... въ совершенство не вылечатся“ ⁴⁾).

Въ томъ же году по экспертизѣ докторовъ получили временный отпускъ: жилецъ князь Принжковъ—Ростовскій, у котораго „отъ конскаго убою грудная кость повыше лопки переломлена и втавлена и не выправлена и отъ того легкому и желудку утѣшеніе и одышка, и безсиліе, и сохнеть“; жилецъ Василій Пытовъ, страдавшій язвами на ногахъ, что „учинились ему отъ цыготной болѣзни“; жилецъ Ефимъ Епишевъ, страдавшій „немощью отъ которой есть сухо и слабо все тѣло, великій переломъ и боль слышится“; жилецъ Леонтій Трубицынъ, у котораго „болѣзнь въ тайныхъ удахъ“ жилецъ Антипъ Гурьевъ, страдавшій „животной болѣзью“ и т. д. ⁵⁾).

О лицахъ, освобожденныхъ отъ службы въ 1707 г. доктора дали слѣдующія заключенія: Андрейгъ Якушкинъ—„правая рука изъ плеча вышнута и не выправлена въ суставѣ срослася и хрищемъ заросла и вверхъ не поднимается“; жилецъ Даниилъ Норова „немоществуетъ застарѣлою приличивою французскою болѣзью, отъ которой у него были на тѣлѣ и на ногахъ язвы и затворились, а иная язва и нынѣ не зажила, токмо та болѣзнь вступила въ составы его и кости и оттого имѣетъ въ костяхъ ломъ“; у Ивана Калачева „на шеѣ на правой сторонѣ фистуловая болячка и въ носу кости оголились для того, что отъ той фистуловой болячки хрищъ гниетъ... лечитъ мочно, а вылечится про то не-

¹⁾ Ibidem № 36, л. 76.

²⁾ Арх. М., Ю. Разр. кн. № 38, л. 28.

³⁾ Ibidem № 39, л. 44.

⁴⁾ Ibidem № 1, л. 40.

⁵⁾ Ibidem № 41, л. 67.

здорово; у Сафона Бердышева „лѣвая нога прострѣлена изъ фузвѣи powyше колѣна и пуля въ кости стоитъ, а значитъ, что кость отшибена, а подкожную жилу сводить“; жалецъ Илья Коровавъ „болеетъ головою болѣзнью и временемъ ошибается его обхорокъ“ и т. д.¹⁾

При заявленіяхъ свидѣтельствуемыхъ, что они страдаютъ „падучею болѣзнью“ врачи—эксперты прибѣгаютъ къ проверкѣ заявленій путемъ опроса сосѣдей и другихъ близкихъ людей. Такъ, напримѣръ, было съ жильцомъ Дмитріемъ Зубатовымъ и солдатою Петромъ Овсовымъ²⁾.

Признанные больными и излечимыми въ Антекарскій Приказъ отправлялись для излеченія. Иногда отправлялись больные цѣлыми группами. Напримѣръ, въ октябрѣ 1707 г. было отправлено въѣзды пять человекъ, а въ декабрѣ 8 человекъ.³⁾

Надо полагать, что больные въ Антекарскомъ Приказѣ не оставались, а жили гдѣ нибудь внѣ приказа и изъ послѣдняго получали только медикаменты и врачебныя указанія. Съ открытіемъ госпиталя больные стали поступать туда. Напримѣръ, въ декабрѣ 1707 было предписано „тѣхъ москвичъ лечить въ госпитальныя дохтеру Николаю Бидѣ и для отсылки въ госпитальныя тѣхъ москвичъ изъ Разряда отослать въ Монастырскій приказъ“⁴⁾.

Повидимому госпитальное леченіе скоро приобрѣло хорошую славу. Такъ въ 1709 г. солдатъ Петръ Вороновъ обратился къ государю со слѣдующей просьбой: „была на мнѣ, рабѣ твоемъ, францужская болѣзнь, и та болѣзнь вошла въ кости и въ ноги, по головѣ и въ гортани выметалась... а для леченія той болѣзни отослать его на Шпитальный дворъ“⁵⁾.

Изъ приведенныхъ данныхъ очевидно, какъ широко применялась врачебная экспертиза, но въ матеріалахъ нѣбываютъ нѣкоторыя указанія на то, что иногда осмотръ больныхъ поручался не лицамъ врачебнаго персонала, а другимъ служилымъ.

Въ 1667 г. былъ осмотрѣнъ стольникъ Кирила Хлоновъ, а „болѣзнь де у него огневая“⁶⁾. Этотъ осмотръ производилъ не

лекаръ, а подъячій Разряднаго Приказа. Къ сожалѣнію, въ матеріалахъ нѣтъ данныхъ для сужденія о причинахъ столь необычной для того времени экспертизы. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ подъячій былъ посланъ для предварительной развѣдки, для простого удостовѣренія, дѣйствительно ли Хлоновъ боленъ.

Такое предположеніе мы вынуждены сдѣлать въ виду того, что сохранившіеся многочисленныя данныя объ экспертизѣ во второй половинѣ XVII столѣтія свидѣтельствуютъ, что экспертиза всегда поручалась лицамъ врачебной корпорации. Думаемъ, что подобная же предварительная развѣдка имѣла мѣсто и въ 1679 г., когда были „у стольника князя Сехена князь Оедорова сына Баратинскаго на дворѣ сестра и люди осматриваны“¹⁾.

Мысль о наличности въ такихъ случаяхъ не экспертизы, а полицейской развѣдки, находятъ себѣ опору и въ другихъ матеріалахъ. Напримѣръ, въ 1697 г. для удостовѣренія въ болѣзни Разряднаго Приказа подъячаго Ивана Наумова, переставшаго ходить на службу въ приказъ, былъ посланъ Ивашко Бубновъ²⁾. Послѣдній въ томъ же году осматривалъ подъячаго Тихона Сафронова, который также не явился на службу послѣ того, какъ его „въ суданскомъ, уѣздѣ на спорной землѣ ст. Василія Ордина Нашекина приказъ его съ людьми его крестьяны были обуханы и дублемъ“³⁾.

Въ 1702 г. генераль—маюръ иноземецъ Христофоръ Ринмонъ получилъ приказаніе отправиться съ полками въ Острогскъ, но онъ просилъ объ освобожденіи его по болѣзни. Въ отвѣтъ на ходатайство генерала послѣдовало указъ: „послать изъ Разряда въ Бѣлгородъ нарочно разряднаго стараго подъячаго и велѣть тому подъячему его генераль—маюра кака у него болѣзнь осматрѣть и тотъ осматрѣть тому подъячему привезти въ Москвѣ въ Разрядъ“⁴⁾.

Въ 1705 г. изъ Разряда была прислана грамота въ Саранскъ на имя воеводы Оедора Якушина съ приказаніемъ „жилца Ларіона Артемьева сына Безобразова осматрѣть болѣзнь его самому и описать у него сказка съ подтвержденіемъ, *оправданъ ли ему за тою болѣзнию платъ въ Москвѣ не мочи*“. Какъ мы видѣли изъ

¹⁾ Ibidem № 43, л. 29, л. 1—10 и № 42, л. 47.

²⁾ Ibidem № 42, л. 47 и 44, л. 29.

³⁾ Арх. Мин. Юст. Разр. вѣд. № 41, л. 74 и № 43, л. 43.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Ibidem № 48, л. 10.

⁶⁾ Наши матер. т. II, стр. 230.

¹⁾ Ibidem стр. 260.

²⁾ Арх. М. Юст. Москов. стѣ. столб. № 855, л. 56.

³⁾ Ibidem столб. № 888, л. 2.

⁴⁾ Приложение № 42 стр. LXXX.

предшествующего изложения, врачам не предписывалось отбирать от больных подобные „сказки съ подкрѣпленіемъ“. Врачи сами рѣшали, способно или нѣтъ данное лицо продолжать службу.

Якушкинъ „его Ларіона осматривали и болѣзнь его описали и сказку у него взяли“ причемъ нашли: „лежитъ боленъ и на головѣ у него за правымъ ухомъ изъ раны идетъ течъ, на обѣихъ рукахъ кожу поводило и на бедрахъ отъ пролежней синевато, а на ногахъ многія раны“. Къ этому больной добавлялъ, что на него „почасту находятъ страхъ и безмятество, а буде онъ Ларіонъ сказалъ ложно и чтобъ в. г. указали за ложную его сказку учинить ему наказаніе и похѣтыя его и вотчины и животы взять на себя“. Но въ июлѣ слѣдующаго года изъ Москвы поевода получилъ грамоту, въ которой писалъ государь: „и ты бѣ его Ларіона въ Саранскѣ у приказника изъбы осматривалъ самъ при многихъ московскихъ чиновъ людехъ, какою онъ болѣзнью боленъ и сколь давно, также и около деревни его велѣлъ про болѣзнь его потому жѣ сыскать многими людьми московскихъ чиновъ вразуду, а у отца его духовнаго о болѣзни его... потому жѣ взять сказку“¹⁾.

Въ 1706 г. „разрядный подъячій Азімъ Вирковъ“ посланъ на дворъ къ дяку Василью Кашкину для досмотра болѣзни его*. Подъячій донесъ что „онъ Василій въ лицѣ худъ и желтъ и руки и ноги въ болѣзни и обиты пеластырьми“²⁾.

До сихъ поръ нами приводились случаи врачебной экспертизы по дѣламъ административнымъ. Не меньшую роль она играла и въ дѣлахъ судебныхъ.

Такъ, въ 1644 г. въ Москвѣ умеръ отъ огнестрѣльной раны кравчій датскаго принца Вольдезара. Для „досмотра“ убитаго были командированы на посольскій дворъ доктора Венделинъ Сибелицъ, Іоаннъ Белау и Артыанъ Грамантъ. Осматривъ трупъ, они, между прочимъ, писали въ своей сказкѣ: „и тотъ кравчей раненъ въ пинцѣ, рана подъ самымъ правымъ глазомъ, и они дохтуры въ ту рану щупомъ щупали, а пульты не допущались, потому что рана глубока, а то подлинно, что пультъ въ головѣ“³⁾.

¹⁾ Арх. Мин. Юст. Разрѣд. вѣд. № 38, л. 38.

²⁾ Арх. Мин. Юст. Разрѣд. вѣд. № 39, л. 44.

³⁾ Матер. № 169 и акты истор. г. III, № 302.

Въ 1664 г. Иноземнаго приказа отъ лекаря Елизарія Лоранта поступила челобитная, въ которой онъ сообщалъ, что, когда онъ возвращался отъ больного, захочный мастеръ Вилимъ де Гаметъ „училъ его Елизарія дать матерны и всякою неподобною лаею и билъ его палкою“. Елизарій билъ челомъ, чтобы „Государь его пожаловать, велѣлъ бы его осмотрѣть и про то сыскать“. Эксперты заявили: „а по осмотру битъ по спинѣ, на правую боку впухло и синеву звать“¹⁾.

Марина Павловъ билъ челомъ Государю о назначеніи врачей для освидѣтельствования по случаю того, что „Митка Татаринъ бросилъ въ него кирпичемъ и прошилъ голову“²⁾. Въ мартѣ того же года съ челобитной о врачебномъ осмотрѣ обращался лекарь Сиксонъ Зомеръ, писавшій: „былъ я холопъ твой, на новой нѣмецкой слободѣ на свадьбѣ у капитана у Якова Хитнера и на той свадьбѣ рубилъ меня, холопа твоего, саблею по лбу исполковникъ Августъ Эдеръ... вели, государь, меня, холопа своего, изъ Анткарскаго Приказа рубленой той саблевой раны осмотрѣть“³⁾.

Въ 1674 г. лекарь Микулашко Грекъ въ челобитной своей заявлялъ, что онъ вызванъ какими-то полковникомъ изъ Ново-мѣщенскую Слободу, который его „билъ и увѣчилъ“, вследствие чего лекарь и просилъ его „досмотрѣть и для смертнаго часу увѣнче записать“. По освидѣтельствующему оказалось „битыхъ мѣстъ на немъ Микулашѣ: голова въ двухъ мѣстахъ пробита—весь въ крови, правое плечо не въ одномъ мѣстѣ бито—синева и впухло, да правая жѣ рука по мышцѣ бито и впухло, на лѣвой боку бито жѣ и впухло“⁴⁾.

Въ 1679 г., въ Земскій приказъ были названы доктора и лекари „для осматриванія на мертвомъ тѣлѣ извъ“. Въ качествѣ экспертовъ были посланы доктора Андрей Келлерманъ и Захарей Оандергуестъ, которые въ своей „сказкѣ“ писали, что „вчерашняго числа осматривали патриарша умершаго конюха, а по осмотру... битъ тотъ конюхъ плетью по спинѣ, а иныхъ извъ кромѣ побой на тѣлѣ у того конюха никакихъ нѣтъ и нутрен-

¹⁾ ibidem, № 559.

²⁾ Тамъ матер. г. I, № 64.

³⁾ ibidem № 84.

⁴⁾ Матер. № 525.

нихъ болѣзней нѣтъ узнать не можно, и знатное дѣло, что тотъ конюхъ умеръ съ побой" ¹⁾.

Въ 1679 г. доктора Лаврентій Блюментростъ и Симонъ Зомеръ были посланы осмотрѣть трупъ внезапно скончавшагося боярина князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго. Изъ доклада докторовъ узнаемъ, что „князь И. А. Воротынскій, совѣта царскаго бояринъ, бывъ на судѣи началъ болѣзновати и жалобу предлагати о зельней болѣзни, сердечной и стѣсненн; того ради повелено ему допой ѣхати; и дома такожде изнемогающу зельнее, и нашедшей блевотѣ мало нѣчто мокротѣ выкинувъ--абие послѣ блевоты внезапную смертію угасаеъ послѣдующи измѣненіе лица и вохтей снѣжности и всего тѣла студеность“. Очевидно, возникло подозрѣніе въ отравленіи, но докторская экспертиза его разсѣяла. Доктора сообщили: „сіе злое ничто иное быть (могло) точію изнеможеніе сердечное, въ незнанию захвату жилаго къ сердцу належачаго; отсюду теплота естественная и духъ животный угашенъ бысть; безъ сумнѣнія же болѣзни сей наченшейся отъ знатной жестоты и колотія въ воздухахъ, которое частное колотіе наивѣшшаго възрѣнія воздушного есть виною. О прочемъ же, никакому зазору здѣ быти, ни отравы взятой, ни надучей болѣзни отъ основанія науки извѣстны есмя“ ²⁾.

Бывали случаи, что врачу приходилось давать свое заключеніе по дѣламъ практики другихъ врачей. Такъ, въ 1682 г. Великому князю Осодору Алексѣевичу „вѣдомо учинилось, что-де Осодоръ Яковлевъ сынъ Нелединскій, принявъ лекарство, узре скорою смертію, а лечилъ-де его, и лекарство давалъ дохтуръ Захарей Оандергустъ“. Немедленно былъ допрошенъ Оандергустъ обо всѣхъ обстоятельствеахъ болѣзни умершаго Нелединскаго. Кромѣ того, послѣдовать указъ на имя доктора Андрея Келлермана „на дворѣ умершаго Осодора Нелединскаго ѣхати... и осмотрѣти тѣло его: извъ естественныхъ отъ лекарствъ на тѣлѣ его есть-ли или нѣтъ“ ³⁾.

Нѣсколько ранѣе, а именно въ 1679 г., въ Антекарскомъ Приказѣ, какъ уже упоминалось, производилось изслѣдованіе ртутной жани съ купоросомъ, которую давалъ стрѣлецъ Гришка

¹⁾ *ibidem* № 1543.

²⁾ *ibidem* № 1592.

³⁾ *Матер.* № 1673.

Донской князю Осодору Щербатову для втиранія и внутреннего потребленія на винѣ и отъ употребленія которой больноі умеръ ¹⁾.

Традиціи въ этомъ направленіи передались и послѣдующему времени. Въ указѣ, напримѣръ, Іоанна и Петра Алексѣевичей, находимъ: „Аще же буде увѣдають, что преже нѣкогого больноіа лечилъ какой неискусной человекъ русскаго или иного коего народу, и болѣзнь учиниъ лечбою того человека злѣе быти, или тотъ больноіа неискусноюъ того человека умереть, и *имъ дохтуромъ того не имать, а о томъ извѣщать, чтобы неискуснымъ людемъ, смотря по азамъ, учинити вел. ѿс. указъ*“ ²⁾.

Изъ приведенныхъ данныхъ съ очевидностію слѣдуетъ, что въ Московской Руси врачебною экспертизою широко пользовались какъ въ дѣлахъ административныхъ, такъ и судебныхъ. Московскіе князья, начиная съ умиривленія врачей за каждый случай неудачнаго леченія и съ проверки ихъ знаній посредствомъ разспросовъ черезъ дяковокъ, окончили полнымъ довѣріемъ къ заключеніямъ специалистовъ. Но, когда эти специалисты приобрѣли дѣйствительно научные методы изслѣдованія болѣзненныхъ явленій и стали давать точные выводы, ихъ знанія потеряло обязательность для тѣхъ, кто въ этихъ мнѣніяхъ нуждается. „Tempera mutantur et nos mutamur in illis!“

И такъ врачебная экспертиза зародилась въ крѣпавыхъ обычаяхъ языческихъ судовъ и въ XVII столѣтіи получила широкое прижизненіе отчасти подъ напоромъ возно-народныхъ массъ засыпавшихъ государя челобитными объ освобожденіи отъ службы, отчасти подъ вліяніемъ заботъ о предохраненіи государя отъ заразныхъ болѣзней. Экспертиза по частнымъ дѣламъ развилась позже и не имѣла столь крупнаго значенія.

¹⁾ *ibidem* 1484

²⁾ Флоринскій Ор. сіѣ. Приложение стр. 200, пунктъ ж.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Медицинская помощь становится для народных масс доступной лишь после значительных преобразований в организации наших военных сил. Войска наши до XV ст. не имели определенной организации. Непрерывная борьба с соседями и территориальный рост Великого Московского Княжества приводить в XV ст. к необходимости содержания постоянного войска. Появляется конница из „дѣтей боярскихъ“, а за нею возникает пѣхота „пищальниковъ“, немного поздѣе — „стрѣльцовъ“. Съ конца XVI ст. правительство начинает вызывать на службу иностранных офицеров и солдат; въ русских войскахъ вводится иностранный строй. Со второй половины слѣдующаго столѣтія дѣти боярскіе превращаются въ драгунъ и рейтаръ, а стрѣльцы получаютъ организацию европейской пѣхоты¹⁾.

Все эти преобразования завершаются въ непрерывныхъ войнахъ и внутреннихъ неурядицахъ XVII столѣтія. Борьба съ Лжедмитріемъ и Тушинскимъ воромъ, войны съ поляками, шведами, турками и ливонцами, народные возмущенія въ Москвѣ, Устюгѣ, Сольвычегодскѣ, Новгородѣ, Псковѣ, бунтъ Уса и Разина, казачье и крестьянское движеніе, походы въ Крымъ и на Азовъ, раскочъ и движеніе стрѣльцовъ — вотъ непрерывная волна событій этого бурнаго вѣка.

Естественно, что правительственными заботы въ силу самоохраненія сосредоточились на развитіи военнаго дѣла и внутреннихъ преобразованіяхъ, неизбежныхъ въ поискахъ за средствами для удовлетворенія съ чрезвычайной быстротой возрастающихъ военныхъ расходовъ. Параллельно съ реформами въ войскѣ росла и выяснялась организация военно-полковой медицины.

¹⁾ Блудъ. О русскомъ войскѣ въ XVII столѣтіи. Журн. военно-учебныхъ заведеній. 1856 г. №№ 121—123. Голубовскій. Переходъ Россіи къ регулярной арміи Сиб. 1885 г. стр. 66—89.

Въ арміи стараго русскаго строя подымавшійся на государственную службу „оружнымъ и коннымъ“ и въ отношеніи врачебной помощи предоставлялся собственнымъ силамъ и заботливости. О полковыхъ врачахъ за это время не можетъ быть и рѣчи. Во-первыхъ, врачи были только въ одной Москвѣ, притомъ въ ограниченномъ числѣ, а во-вторыхъ, народъ былъ ближе къ отечественнымъ знахарямъ, чѣмъ къ „загорскимъ дохтурямъ“. Въ это время встрѣчаются лишь отдаленные случаи врачебнаго воспомощенія ратнымъ людямъ со стороны правительства.

Въ 1556 г. изъ Москвы была послана грамота новгородскимъ дьякамъ Еремѣеву и Дубровскому въ отвѣтъ на челобитіе раненаго въ дѣлѣ „съ нѣмецкими людьми“ Григорія Оседорова сына Нащокина, который просилъ у Государя медицинской помощи. Въ названной грамотѣ указывалось: „И какъ къ вамъ наша сія грамота придетъ, и вы бѣ ему дали мастера, лекаря, кому бѣ у него мочно ядро изъ ноги вывести, и рана бы мочно излечить.“¹⁾ Едва ли подобный отвѣтъ на челобитіе могъ удовлетворить Нащокина, который, вѣроятно, билъ челомъ о врачебной помощи вслѣдствіе отсутствія медиковъ въ Новгородѣ.

Предположеніе это находитъ себѣ нѣкоторую опору въ томъ, что и полѣвка спустя, т. е. въ 1605 г., не нашлось ни лекарей, ни аптекъ въ 80-тысячной арміи Бориса Годунова, стоявшей подъ Кромами противъ Лжедмитрія I. Среди ратныхъ людей свирѣпствовала понось, а помощи не было никакой и ни откуда. Услыхавъ объ этомъ царь Борисъ „оскорбился и присла всякаго питія и всякаго зелья, кои пригодно къ болѣзнямъ и отъ того же учини имъ помощь велию“²⁾.

Въ 1615 г. въ расходной книгѣ верховнаго государственнаго Разряда впервые упоминается о лекарѣ, практиковавшемъ среди войскъ³⁾. Въ 1631 г. полковнику Даяму было поручено набрать въ Германіи полкъ въ 1600 чел. и отправить ихъ изъ Любека въ Нарву. Въ штатѣ этого полка состоялъ постоянный врачъ⁴⁾.

Въ смоленскомъ походѣ 1632 г. врачей было уже значительное число. Въ одномъ полку Фукса, нанятомъ Лесли, находилось че-

¹⁾ Дополненія къ акт. истор. Сиб. 1846 г. т. I № 110.

²⁾ Крат. повѣсть о самозванцахъ. Сб. 1774 г. стр. 38.

³⁾ Успенскій. Опытъ повѣствованія о дѣлѣхъ российскихъ. X. 1818 стр. 540.

⁴⁾ Рихтеръ. Ор. сіи. т. II, стр. 124.

тире лекаря, съ жалованьемъ 60 царскихъ ефимковъ¹⁾. Въ „Тобіюсова полку“ былъ лекарь Иванъ Шлюпъ и „Оалентинова полку Росдоргова пѣмчнъ Иванъ Геликъ“. Въ сентябрѣ того же года подъ Смоленскъ былъ командированъ лекарь Елизарій Ролонтъ²⁾.

Въ 1633 г. по указу Михаила Оседоровича „велѣно на Бѣлой быть у околичево и воеводы у князя Семена Прозоровскаго съ товарищи для лечбы ратныхъ людей лекаремъ Кашниру Давыдову да Томасу Утину“³⁾. Въ февралѣ того же года англійскій врачъ Матвій Кинфинъ былъ „посланъ съ столникомъ съ Василиемъ Ивановичемъ Стрѣшневымъ въ Пермь великую“⁴⁾. Въ іюлѣ „для лечбы ратныхъ людей въ полку у полковника Юрія Матусина“ велѣно быть лекарю Кашниру Давыдову⁵⁾.

Тогда же полковой лекарь Анцъ Вульфъ былъ „посланъ къ государеву къ мѣдному дѣлу къ Соли Камской... для лечбы иноземномъ рудного сыску“⁶⁾.

Изъ челобитныхъ аптекаря Филиппа Бриота и Елизарія Ролонта можно видѣть, что они служили въ полкахъ въ Тулѣ и Переславлѣ Рязанскомъ⁷⁾. Можно полагать, что въ течение первой половины XVII ст. постоянные лекари были только въ иноземныхъ полкахъ. Главная же масса военныхъ силъ оставалась либо совершенно безъ медицинской помощи, либо пользовалась ею случайно.

У насъ было въ обычаѣ выдавать ратнымъ людямъ „на лечбу ранъ, на зелье“ особия пособія. Такъ подъ Псковомъ въ 1633 г. выдавалось „смотря по ранамъ рубли по 2, и по 3, и по 4 рубли человеку; а большіи 4-хъ рублевъ на лечбу, на зелье не даютъ“⁸⁾. По царскому указу раненыхъ воеводы „сами осматривали, какова чья рана“ и сообразно своимъ заключеніямъ о тяжести пораненій назначали пособія.

Отдѣльные врачи появляются въ русскихъ полкахъ въ зависимости отъ болѣе или менѣе просвѣщеннаго взгляда на лечеб-

ное дѣло высшихъ военныхъ начальниковъ, которые въ случаѣ желанія имѣть врача просили о немъ въ нарочитыхъ челобитныхъ. Околичій воевода кн. Семенъ Васильевичъ Прозоровскій писалъ, напримѣръ, въ 1632 году: „на Бѣлой дворянъ и дѣтей боярскихъ, и всякихъ ратныхъ людей, раненыхъ лечити векому, лекарей нѣтъ, и многіе ратные люди отъ ранъ умираютъ“¹⁾. Въ отвѣтъ на это изъ Москвы были посланы лекари Кашниръ Давыдовъ и Томасъ Утинъ „со всякимъ съ своимъ лекарствомъ; а за лекарство, и за коры, и за подводы, указалъ государь имѣть давати своего государева жалованья на мѣсяцъ противъ тѣхъ лекарей, которые подъ Смоленскомъ—по тридцати рублевъ“. Въ слѣдующемъ году къ Василию Ивановичу Стрѣшневу былъ командированъ лекарь Матвій Кинфинъ²⁾. Въ этомъ же году унохнутый назнъ Кашниръ Давыдовъ получилъ переводъ къ полковнику Юрію Матусину³⁾. Въ 1644 г. въ калмыцкомъ походѣ участвовалъ лекарь Елизарій Ролонтъ, который въ 1632 г. работалъ подъ Смоленскомъ.

Бывали случаи, что лекари назначались для леченія отдѣльных лицъ, какъ-то, напримѣръ, въ 1633 г. былъ назначенъ лекарь къ раненому подъ Великимъ Оседору Баранову⁴⁾.

Со второй половины XVII ст. выдѣляется особый классъ военно-полковыхъ врачей съ особой спеціальной выучкой, съ особыми служебными правами, даже съ извѣстной національной окраской. Съ 70-хъ годовъ XVII ст. полковые врачи имѣются въ частяхъ кн. Ивана Андреевича Хованскаго, кн. Бориса Александровича Рѣпина, кн. Алексѣя Никитича Трубецкаго, кн. Юрія Алексѣевича Долгорукова, кн. Григорія Григорьевича Ромодановскаго и другихъ, словомъ, въ любомъ полку не было недостатка въ медицинской помощи.

Встрѣчались не только врачи, но и другія лица, имѣвшія свѣдѣнія въ различныхъ отрасляхъ врачебнаго знанія⁵⁾. Въ 1661 г. въ полку Юрія Алексѣевича Долгорукова, кромѣ русскихъ лекарей Степана Алексѣева и Киріана Кутешева былъ

¹⁾ Цѣлѣвъ, Протестанты въ Россіи стр. 728.

²⁾ Матер. №№ 106 и 107.

³⁾ Ibid. №№ 116 и 117.

⁴⁾ Ibid. № 120.

⁵⁾ Ibid. № 137.

⁶⁾ Матер. № 214.

⁷⁾ Матер. № 176 и 220.

⁸⁾ Акты экспедиц. Сиб. 1836 т. III № 234.

¹⁾ Акты истор. Сиб. 1841 г. т. III, №№ 173 и 174; матер. № 116.

²⁾ Матер. № 118.

³⁾ Ibidem, № 137.

⁴⁾ Акты истор. т. III, № 176.

⁵⁾ Матер. № 294, 325, 335, 346, 407, и др.

еще костоправъ Иванъ Максимовъ¹⁾. У кн. Ивана Андреевича Хованскаго въ 1661 г. было 2 лекаря изъ русскихъ—Иванъ Никитинъ и Иванъ Антоновъ, а въ 1679 г. лекари иноземцы Яковъ Починский, Вольдемаръ Крестьянусъ и Рудольфъ Горцонъ съ учениками Иваномъ Никитинимъ, Яковомъ Ивановымъ и Куземкой Дмитриемъ²⁾.

Въ 1661 г. у б. в. Петра Михайловича Салтыкова были лекари иноземцы Юръ Ягановъ, Кирьянъ Кутешевъ, Степанъ Алексеевъ, Иванъ Евдокимовъ и ученики Степка Власовъ и Алешка Леонтьевъ³⁾. Въ томъ же году въ подлѣ къ б. в. кн. Григорію Семеновичу Курякину были посланы лекарь Флоръ Диклеръ и лек. ученики Афанасій Шешуковъ и Василій Подуревъ, а въ 1667 г. у него были иноземный лекарь Артемій Назаровъ, русскіе лекари Андрей Федотовъ и Иванъ Антоновъ, костоправъ Овдехимовъ и ученики Иванко Якимовъ и Гришка Тимофеевъ⁴⁾.

Въ 1661 г. у бояр. и в. кн. Якова Куденетовича Черкаскаго были два лекаря и костоправъ, а въ 1664 г. находился иноземный лекарь Иванъ Албанусъ и шесть русскихъ лекарей: Иванъ Никитинъ, Иванъ Антоновъ, Василій Подуревъ, Степанъ Алексеевъ, Иванъ Костылевъ и Степанъ Ошурковъ да костоправъ Иванъ Овдохимовъ⁵⁾.

Въ полку у воеводы Петра Васильевича Шереметева въ 1662 г. были иноземный лекарь Василій Ульфъ и русскіе лекари Оедотъ Васильевъ, Иванъ Семеновъ и Иванъ Раевъ; въ 1664 г. пріазаніе; въ 1665 г. рус. лекарь Афанасій Шешуковъ и ученикъ Дмитрій Никитинъ; въ 1679 г. иноземные лекари Яганъ Фридрихъ Лагусъ и Отто Лихерсъ; въ 1680 г. иноземный лекарь Петръ Рабкевъ и ученики Иванка Федоровъ и Иванка Казариновъ⁶⁾.

Въ полку у б. в. кн. Григ. Григ. Ромодановскаго въ 1657 г. служилъ лекарь Осипъ Бориковъ; въ слѣдующемъ году лекарь Василій Ульфъ и ученики Васяка Подуревъ и Иванка Михай-

ловъ; въ 1660 г. лекарь Юрій Ягановъ; въ 1662 г. лек. Оедотъ Васильевъ и Андрей Оедотовъ и ученикъ Оедьма Захаровъ; въ 1664 г. лекари Юрій Ягановъ, Андрей Оедотовъ и учен. Митка Мичитинъ; въ 1668 г. лекари Иванъ Кладборхъ и Иванъ Костылевъ и ученики Оедьма Захаровъ и Иванка Веневитиновъ; въ 1671 г. лек. Иванко Песмѣяновъ и уч. Куземка Семеновъ; въ 1672 г. кромѣ бывшихъ въ предыдущемъ году еще лекарь Оедотъ Захарьевъ и ученикъ Езеельма Климовъ; въ 1674 г. иноземный лек. Францъ Курбусъ и ученики Оедьма Островскій и Иванка Оедотовъ; въ 1676 г. лек. иноз. Петръ Рабкевъ и рус. лекарь Кузьма Семеновъ да три ученика; въ 1680 г. лекари иноземцы Вольдемаръ Крестьянусъ, Рудольфъ Отгерсонъ и ученики Куземка Дмитриевъ и Мартышко Рухъ¹⁾.

Подковные врачи являлись во всѣхъ частяхъ государства, гдѣ только были расположены ратные люди: въ Бѣлгородѣ, Смоленскѣ, Сѣвскѣ, Астрахани, Рыльскѣ, Мценскѣ, Чигаринѣ, Путивлѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Болловѣ, Новомъ Осколѣ, Сибирскѣ, на Дону, въ Запорогахъ и т. д.²⁾.

Какъ и въ первой половинѣ XVII столѣтія, врачебный персоналъ высылался по челобитнымъ. Напр. въ 1672 г. князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій изъ своей челобитной о присылкѣ лекаря заявлялъ, что „безъ лекаря быть некоторымъ ятры не можно“. То-же самое повторилъ въ 1680 и 1682 г. князь Петръ Ивановичъ Хованскій и въ 1687 г. Михаилъ Андреевичъ Голыцинъ. Въ 1695 г. воевода Борисъ Петровичъ Шереметевъ заявлялъ, что „въ нѣмѣшнемъ походѣ безъ лекаря и безъ лекартвъ быть не по которой мѣрѣ невозможно“³⁾.

И нельзя не признать заблужденіемъ мнѣніе Хмырова, который, вычитавъ въ докладной выпискѣ Посольскаго приказа отъ 27 октября 1669 года, что „въ Смоленску лекарей нѣтъ и ратнымъ-де людямъ безъ лекаря быть нельзя“, пишетъ: „самое названіе лекарей въ полки, даже въ цѣлыя пограничныя округа, не было въ царствованіе Алексѣя Михайловича непрелѣннымъ“⁴⁾.

¹⁾ Ibidem, № 410.

²⁾ Матер. № 410; Наши матер. т. II, стр. 129 и 158 и т. I стр. 151.

³⁾ Наши мат. т. I, стр. 151.

⁴⁾ Ibidem, стр. 151 и матер. № 410.

⁵⁾ Матер. № 40 и наши мат. т. I, стр. 58.

⁶⁾ Наши матер. т. I, стр. 43 и 151, 58, т. II, стр. 161, мат. № 410.

¹⁾ Наши матер. т. I, стр. 134; ibid. т. II, стр. 135; т. I, стр. 44; ibid. стр. 58; ibidem, т. II, стр. 137; т. II, стр. 139 и 148; ibid. стр. 148; ibidem, стр. 154; ibid. стр. 163.

²⁾ Наши матер. т. II, стр. 314, 325, 336, 161, 163, 165, 172, 173, 129, 156, 149, 152, 155, 137, 142, 137; т. I, стр. 151, 42, 14; мат. № 410.

³⁾ Ibidem, т. II, стр. 145, 177, 182 и др.

⁴⁾ Op. cit. стр. 29 и Дополн. къ акт. истор. Сиб. 1855 г. V № 100.

Хмыровъ рискнулъ высказать такое мнѣніе, хотя въ томъ-же документѣ, который имъ цитируется, имѣется указаніе, что „прежде сего въ Смоленскѣ былъ лекаръ Юхмъ Стень“ и да-лѣ сообщается о новомъ командированіи этого врача въ Смоленскъ.

Если бы придерживаться манеры Хмырова дѣлать заключенія, то пришлось бы сказать, что московскіе врачи служили безъ жалованья, жили безъ кормовъ, ѣздили безъ подводъ, лечили безъ лекарствъ и т. д., потому что во всѣхъ случаяхъ мы встрѣчаемъ соответственныя челобитья.

Изученіе архивныхъ матеріаловъ, убѣждаетъ насъ, что въ многочисленныхъ челобитныхъ о присылкѣ врачей и медикаментовъ не вполнѣ точно отражается истинное положеніе дѣлъ. Часто въ челобитныхъ мы читаемъ сѣтованія на отсутствіе врачебнаго персонала, а между тѣмъ здѣсь имѣется мѣсто или случайный перерывъ между выѣздомъ одного врачебнаго персонала и прибытіемъ другого, или же несвоевременное возвращеніе медицинскаго персонала изъ отпуску, или же самовольный отлучки лекарей изъ воинскихъ частей, или же, наконецъ, отсутствіе врачебнаго персонала за освобожденіемъ его отъ службъ тѣмъ или другимъ воинскимъ начальникомъ.

Мы уже указывали выше на челобитную князя Гр. Ромодановскаго, просившаго о присылкѣ врача восемь разъ въ промежутокъ времени съ 23 июля 1671 г. по 13 февраля 1674 г. Эта челобитная, начинаясь указаніемъ на всѣ прежнія ходатайства, заканчивалась словами: „и съ Москвы, Государь, къ намъ холопямъ твоимъ въ полкъ февраля по 13 число лекаръ не присланъ“. Изъ этого можно заключить, что вообще за указанное время Ромодановскій никакъ не могъ добиться присылки въ его полкъ врача.

Обратимся однако къ другимъ документамъ. Въ нихъ мы находимъ, напр., что въ полкъ Гр. Ромодановскаго 21 августа 1672 г. были назначены лекаръ Оедоръ Захарьевъ и ученикъ Емелька Климовъ, но 2 ноября слѣдующаго года Ромодановскій по собственной волѣ прислать въ Разрядъ Оедора Захарьева съ отпискою, что „тотъ де лекаръ... лекарства въ полкъ привезъ не всѣ сполна... да онъ же де лекаръ Оедоръ Захарьевъ будучи въ полку безпрестанно пилъ и зерню играетъ и прокрался; да онъ и лечитъ не умеетъ, и у такихъ лекарственныхъ дѣлъ за паки

его воровство и за пьянство некоторыми мѣры у нихъ б. и в. въ полку быть ему не мочно. Да у нихъ же бѣ и в. въ полку безъ него Оедора его два такихъ же ученика Иванъ Смяновъ да Кузьма Семеновъ, и большій г. лекарственный дѣла имъ... не за обычаемъ... а безъ добраго лекаря быть нѣтъ не мочно... И они де б. и в. лекаря Оедора Захарьева за его пьянство что *лекарскому дѣлу не за обычаемъ* и что лекарства своимъ пьянствомъ и небреженіемъ привезъ не всѣ сполна“.

Далѣе, изъ тѣхъ же документовъ мы узнаемъ, что въ 1671 г. у Ромодановскаго въ полку былъ лекаръ Иванъ Кладборхъ, который 2 марта былъ отпущенъ Ромодановскими, опять по его личной инициативѣ, для его нужныхъ дѣлъ къ Москвѣ срокомъ на мѣсяцъ¹⁾, и съ тѣхъ поръ не возвращался въ полкъ. Вотъ объ этомъ то злоупотребленіи отпусковъ, какъ видно изъ документовъ, и писалъ Ромодановскій въ Москву 27 февраля и 30 апрѣля 1672 года.

Но этия дѣла не заканчиваются. Изъ тѣхъ же документовъ видно, что 23 декабря 1674 г. къ Ромодановскому были назначены лекаръ иностранецъ Фрицъ Курциусъ да лекарскаго дѣла ученики Осѣка Островскій и Ивашка Оедотовъ съ лекарствами. Названные лица прибыли въ полкъ 23 февраля, а черезъ два дня были отосланы въ Москву прежніе специалисты Иванъ Несмѣяновъ и Кузьма Семеновъ.²⁾ Нужно еще добавить, что къ тому же Ромодановскому въ мѣсяцъ 1673 г. былъ назначенъ русскій лекаръ Андрей Оедотовъ да лекарскаго дѣла ученикъ Аоонька Мартыновъ³⁾.

Такимъ образомъ, указанную челобитную Ромодановскаго отъ 13 февраля 1674 г. нельзя понимать буквально: врачебный персоналъ у него былъ въ составѣ нѣсколькихъ человекъ, но по тѣмъ или инымъ побочнымъ причинамъ не могъ выполнить своего назначенія.

Въ 1682 г. Петръ Ивановичъ Хованскій, какъ уже извѣстно, также сѣтовалъ на отсутствіе лекаря. Однако, оказывается, что у него были лекаря Александръ Квилонъ и Яковъ Вульфъ съ учениками Якушкой Ивановымъ и Андрюшкой Буксегеномъ. Дѣло же заключалось въ томъ, что въ 1681 г. Александръ Квилонъ

¹⁾ Матеріалы т. I, стр. 190; т. II, стр. 145—149.

²⁾ *ibidem*, томъ II, стр. 141.

съ учениками быть отозванъ въ Москву, а на ихъ мѣсто были назначены лекаръ Иванъ Костылевъ да ученикъ Ивашко Степановъ. Эти то специалисты и побудили воеводу Хованскаго бить челоуѣкъ о присягѣ лекарей, такъ какъ, по словамъ воеводы, «тотъ лекаръ Иванъ Костылевъ изъ Курска бѣжалъ безвѣстно, а ученикъ Ивашко Степановъ въ Курскѣ отъ пьянства умеръ». Что же касается другихъ лицъ врачебнаго персонала, т. е. лекаря Якова Вульфа и учениковъ Якушки Иванова и Андрюшки Буксегдена, то они были отправлены въ Москву не за долго передъ тѣмъ и полкъ дѣйствительно остался безъ лекарей. Въ такомъ положеніи полкъ оставался не долго, а именно: 31 мая Хованскій заявилъ объ отсутствіи лекарей, а 25 іюля были посланы лекаръ Андрей Харитоновъ съ ученикомъ Тимюшкой Петровымъ¹⁾.

Характеристикѣ, которую далъ Хованскій Ивану Костылеву, удивляться не приходится, потому что еще въ 1668 г. Ромодановскій писалъ въ Москву: «лекаръ Иванъ Костылевъ да ученикъ Оседка Захаровъ, Ивашко Реневитиновъ... не знаютъ у ратныхъ людей и легкихъ ранъ и лечить не умеютъ и пьютъ и бражничаютъ»²⁾. Несколько не удивителен и упоминаемый Хованскимъ побѣгъ Костылева. Побѣги, вѣроятно, были не рѣдки. По крайней мѣрѣ извѣстно, что въ 1664 разыскивался въ Ярославлѣ бѣжавшій изъ Москвы лекарскаго дѣла ученикъ Емелька Климовъ³⁾.

Болѣе смягченной формой отсутствія изъ мѣста назначенія были, съ одной стороны, отъѣздъ безъ разрѣшенія, какъ сдѣлалъ, напримеръ, лекаръ, Осипъ Островскій, самовольно покинувшій въ 1679 г. Курскъ, или, съ другой, игнорированіе срока отпуска, какъ то было, положимъ, съ лекаремъ шведцемъ Яганомъ Кушневымъ, въ 1695 г. отпущеннымъ Бор. Алексѣевичемъ Шереметевымъ на короткое время въ Москву и не вернувшимся оттуда съ 16 октября по 16 апрѣля⁴⁾. Какъ только была получена въ Москвѣ челобитная о сыскѣ Кушневя, немедленно его стали разыскивать и 24 апрѣля состоялся указъ о

¹⁾ *ibidem*, т. II, стр. 173—179.

²⁾ Наши матер. т. II, стр. 137.

³⁾ *ibidem*, т. I, стр. 68.

⁴⁾ *ibidem*, т. II, стр. 155 и 181.

возвращеніи Кушневя на прежнее мѣсто. Слѣдовательно полковою оставался воевода безъ врача по собственной винѣ¹⁾.

Что касается выѣздовъ безъ разрѣшенія, то подобные случаи также не оставались безъ вниманія. До насъ дошла обширная переписка по поводу оставленія въ 1696 г. Черкаскаго лекарями Иваномъ Фохтомъ, Гилембрандомъ Фандерномъ и Николаемъ Петелинымъ. Случай этотъ заслуживаетъ вниманія еще и въ другомъ отношеніи, а именно: указанные врачи, самовольно покинувші одну службу, не поѣхали на другую, въ Сергіевъ. Какъ видно же изъ дописанія столбича и воеводы Анижа Ржевскаго въ Сергіевъ положеніе было серьезное. Отъ писали: «начальные ратные люди изволеніемъ Божіимъ отъ цины и отъ мугу многіе заболѣли и померли, для того что въ Сергіевѣ лекарей и лекарей ничего не оставлено, а которыхъ де лекарей... вѣстно быть изъ Черкаскаго... и тѣ де лекари учинились ослушны, въ Сергіевъ городъ не поѣхали и изъ Черкаскаго уѣхали къ Москвѣ»²⁾.

Въ правильность врачебной военно-полевой службы немалое разстройство вносили отпуски врачей. Можно думать, что въ этомъ отношеніи не существовало какихъ-либо опредѣленныхъ правилъ.

Напримеръ, въ 1678 г. билъ челоуѣкъ лекаръ Яганъ Оантермонти: «пославъ я х. т. въ Сѣвскъ для леченія полковника Андрея Гамонтоня и иныхъ и того полковника и иныхъ раненыхъ я холоу твою вылечилъ и поѣхали къ Москвѣ. А дѣль г., янѣ въ Сѣвскъ приказали вѣсти, а воевода безъ твоего государева указу къ Москвѣ не отпускаеть, и я х. т. помираю голодною смертью»³⁾.

Въ 1690 г. боярину и воеводѣ кн. Михаилу Григорьевичу Ромодановскому было послано извѣщеніе, что «вѣстно Антекарскаго Приказа лекаръ Ивана Казаринова изъ Кіева отпустить къ Москвѣ»⁴⁾. Чѣмъ былъ вызванъ этотъ указъ неизвѣстно.

Въ 1696 г. бояринъ Борисъ Шереметевъ отпустилъ собственною властью лекаръ Николая Зорина, просившаго объ отпускѣ въ Москву «для челобитна... о денежномъ жалованьи»⁵⁾.

¹⁾ *ibidem*, т. III, ч. II, стр. 8—13.

²⁾ *ibidem*, стр. 17—18.

³⁾ Матер. № 1455.

⁴⁾ Врало. № 39.

⁵⁾ Наши матер. т. III, ч. II, стр. 34.

the following table is given for the purpose of showing the relative importance of the different sources of income in the total income of the country. The table is based on the results of the census of 1901, and is given in the form of a percentage of the total income.

The following table is given for the purpose of showing the relative importance of the different sources of income in the total income of the country. The table is based on the results of the census of 1901, and is given in the form of a percentage of the total income.

The following table is given for the purpose of showing the relative importance of the different sources of income in the total income of the country. The table is based on the results of the census of 1901, and is given in the form of a percentage of the total income.

TABLE I
Showing the relative importance of the different sources of income in the total income of the country, based on the results of the census of 1901.

Въ 1702 г. изъ Бѣлгорода по отпискѣ пріѣхалъ въ Москвѣ для челобитія о дачѣ ему его государева жалованья, потому что ему въ Бѣлгородѣ его в. г. жалованья на 3 года не даю¹⁾.

Неудивительно, что правильность военно-врачебной службы нарушалась, если въ однихъ случаяхъ воеводы врачей отпускали для челобития о жалованьи и удерживали, когда не было даже пациентовъ, а въ другихъ Приказы посылали указы объ отпускѣ, предварительно не освѣдомившись, нуженъ врачъ или нѣтъ.

Со второй половины XVII ст. до такой степени измѣнилась постановка военно-медицинской службы и настолько стало обычнымъ явленіемъ имѣть въ полковомъ врачебномъ составѣ *несколько* специалистовъ, что въ челобитныхъ послѣдующаго времени вѣсто жалобъ на отсутствіе врачебной помощи, какъ бывало раньше, находимъ „и въ полку у насъ холоной твоихъ лекарь *одинъ* и лекарства у него мало, раненыхъ лечить нѣкому, а одинъ лекарь лечить не успѣваетъ“²⁾...

Челобитныя о присылкѣ нѣсколькихъ специалистовъ настолько сдѣлались привычными съ конца 70-хъ годовъ, что московское правительство по собственному почину разсылало въ полки, кромѣ нѣсколькихъ русскихъ специалистовъ, нѣсколько иноземныхъ. Но вслѣдствіе общей громоздкости приказнаго строя и по другимъ причинамъ, лежавшимъ внѣ особенностей какой-либо административной системы, эти специалисты не всегда оказывались на мѣстахъ назначенія.

Въ 1678 году были посланы въ бѣлгородскій полкъ „и въ прибылые полки къ *прежнему* лекарю *въ прибавку* лекарь иноземецъ Петръ Рабѣевъ да съ нимъ лекарскихъ учениковъ Алешка Ивановъ да Гринька Тимофеевъ да русскій лекарь же Кузьма Семеновъ да съ нимъ лекарскаго же ученика Стенька Шешуковъ“³⁾.

Въ 1679 г. изъ Курска писалъ въ Москву воевода Иванъ Милославскій „о лекарѣ Осипѣ и о иныхъ *прибавочныхъ* лекаряхъ и о лекарствахъ для нынѣшней своей в. г. службы“⁴⁾.

Въ 1679 г., по заранѣ составленнымъ спискамъ новопривлеченныхъ лекарей „кому во которыхъ полкахъ быть“, были отправ-

¹⁾ Прилож. № 42.

²⁾ Матер. № 646.

³⁾ Наши матер. т. II, стр. 295.

⁴⁾ *ibidem*, стр. 155.

лены къ князю Михаилу Алексѣевичу Черкасскому: Юлій Генсень, Андрей Беккеръ, Николай Шнедъ; къ боярину Петру Васильевичу Шереметеву—Яганъ Лагусъ и Отто Эймеръ; къ князю Ивану Андреевичу Хованскому—Володимѣръ Крестьянушъ и Родолфъ Гордонсонъ и т. д.¹⁾

Въ 1686 г. иноземцы бѣлгородскихъ полковъ въ своей челобитной писали: „а напередъ сего для вашей в. г. службы было въ бѣлгородскомъ полку лекарей *забытыхъ* людей, чело-
вѣка *по два*“²⁾.

Въ 1697 г. Яковъ Долгорукий просилъ прислать въ бѣлгородскій полкъ сверхъ лекаря, который у него былъ, „и другого чело-
вѣка лекаря и къ нимъ *въ поддану* двухъ чело-
вѣкъ учениковъ“³⁾. Просьба была вынесена безъ замедленія, потому что воевода не просилъ чего-либо новаго.

Съ половины XVII ст. стало обычнымъ имѣть въ полку не только нѣсколькихъ представителей врачебнаго знанія, но и дѣйствительныхъ знатоковъ своего дѣла.

Въ 1675 Алексѣй Михайловичъ указалъ „послать со княземъ Каспулатомъ Муналовичемъ Черкасскимъ съ товарищи, на свою вел. государя службу *лекаря доброго*“⁴⁾.

Въ 1679 г. указомъ Осодора Алексѣевича повелѣвалось „изъ нѣмецкихъ рѣшъ призвать въ московское государство лекарей полковыхъ и сотенныхъ, *добрыхъ* и *дешевыхъ* людей“⁵⁾.

Соотвѣственно духу московской администраціи въ своей челобитной, принесенной въ 1687 г. Михаилу Андреевичу Голицыну, генералъ-маіоръ Яковъ Бидель писалъ между прочимъ, что „во всѣхъ ихъ полкахъ даны дохторы и лекари, и на Украинѣ де отъ *тяжелого* воздуха и отъ воды всякія чело-
вѣческія скорби непрестанно множатся и многіе отъ нихъ скорбятъ, а лекаря де добраго нѣтъ, отъ нутряныхъ болѣзней лечить ихъ некому, а который де въ томъ полку и есть ученикъ изъ русскихъ, и тотъ нутряныхъ болѣзней лечить не знаетъ, и чтобы... имъ дать съ Москвы добраго лекаря“⁶⁾.

¹⁾ Матер. № 1603.

²⁾ Наши матер. т. III, ч. II, стр. 41.

³⁾ *ibidem*, № 18.

⁴⁾ Матер. № 543.

⁵⁾ *ibidem*, № 1599.

⁶⁾ Наши матер. т. II, стр. 322.

Если обнаруживалось, что тот или другой врач не «добрый», не владеет своею специальностью в должной мере, то Аптекарский Приказ старался от него избавиться. Иногда это достигалось нехотенным исключением из приказных списков, иногда настолько низкой оценкой услуг, что обиженному специалисту приходилось покинуть Москву по собственному почину.

Так в 1642 г. по указу Михаила Феодоровича, доктора Романа Пау велено отпустить в Галанскую землю или куда похочет, потому что ему в Аптекарской Палате... в дохтурех быть не указано¹. Подобному указу предшествовала длинная и оригинальная мотивировка. Здесь между прочим говорилось: «и тот доктор Роман Пау был в Аптекарской Палате в дохтурех по вышней по 151 год ноября по 2 число. А в прошлом во 148 году февраля в 17-м числе по государеву указу и по челобитию Богдана Хитрово послан он Роман к Елафантию Хитрово, да во 141-м году сентября в 24-м числе послан к Василию Ляпунову, во 149-м же году июня в 24-м числе по челобитию боярина князя Юрия Онуфриевича Сичкова послан он осматривать боярина князя Алексея Юрьевича Сичкова, да в прошлом же во 149 году послан ко князю Ивану Албертусу. И куды он ни послан и он *никогда не излечивал* и государю службы своей никакой в лекарстве не объявил».

Что же за личность этот доктор Роман Пау? Он прибыл в Москву в 1638 г. с рекомендательной грамотой от князя Идрикка Оранского, который писал о Пау что «он доброе свидетельство имеет о своей науке и изыскности в лечебном деле, которое он двадцать четыре года вел». Разспросы иностранцев, находившихся в Москве, дали весьма благоприятный для доктора сведения, и он был принят в Аптекарский Приказ на огромное содержание — по 220 руб. денежного годового жалования и по 60 рублей месячного корма. Столь щедрое вознаграждение Роману Пау казалось недостаточным и в 1642 г. он был челом о прибавке, в ответ на что и последовало увольнение его с вышеприведенными мотивами¹.

¹ Наши матер. т. II, стр. 203.

Такого же рода случай произошел с доктором Андреем Келлерманом. В 1661 г. он был отправлен за границу для изучения медицины, с каковою целью он пробыл в Лейпциге 6 лет, в Страсбурге 3 года, в Оксфорде 1 год, в Париже и Монпелье 1½ г. и в Падуге 2 года. Получив из Падукского университета докторский диплом, он вернулся в Россию, и в 1676 г. был зачислен в приказные доктора с годовым жалованием в 60 рублей и месячным кормом по 12 руб. Вознаграждение это он находил для себя недостаточным и в челобитной о прибавке писал, что он «не токмо передь своею братьею дохтурами, но и передь аптекарями оскорблен»¹.

Действительно, размеры его вознаграждения были чрезвычайно скромны, по временам уже измнившиеся и врачей массами исключали для многочисленности из Аптекарской Палаты. Теперь уже представлялся широкий выбор специалистов, дипломами не обильшались и требовали реальных знаний.

Андрей Келлерман просил назначить ему жалование наравне с доктором Михаилом Граманом, т. е. вместо 204 рублей 690. В доклад государю было указано, что челобитчик лечил «столика и полковника Володимера Приказу Воробина 166 чел., Григорьева приказу Титова 147 чел., Афанасьева приказу Парасюкова 150 чел., всего 463 человека». В ответе с тем же доложено, что он был послан в 1679 г. к гетману Ивану Самойловичу и 15 дек. 1680 г. от гетмана получено об Андрее Келлермане уведомление, что «за к нему послан был, с ним пожив и немощи жителей их вызнать, разведать то прилежно, что во их странах трудно такую сыскать вещей, каковы к старостию оных немощей были помочи, и он *исполнив свои дохтура отпустил с честью*». Вероятно, в силу этих последних сведений вместо прибавки Келлерман получил указ «в дохтурах в аптеке не быть»².

При Оеодоре Алексеевиче врачи обязываются к полковой службе самым текстом крестопроводных записей. Иностранцы при вступлении на русскую службу стали давать торжественное обещание: «служити государю *полковую* службу и где Великий Государь быти укажет»³.

¹ Ibidem т. III, ч. II стр. 159—160.

² Ibidem стр. 161—162.

³ Матер. № 1605.

При сравнении текста этой записи с таковым же царствования Михаила Феодоровича, отчасти—Алексея Михайловича, не остается сомненья в том, что *полковая* служба при Оеодорѣ Алексѣевичѣ была серьезно выдвинута вперед.

Историкъ Хмыровъ въ своемъ очеркѣ военно-медицинской старины высказываетъ, однако, мнѣніе, будто бы въ это царствование цѣлые военные округа оставались безъ лекарей и будто бы вообще *постоянныхъ* полковыхъ врачей не было. Иначе,—пишетъ, онъ,—зачѣмъ бы было правительству въ числѣ наградъ за чигиринскій походъ 1678 г. назначать ратныхъ людямъ, оставшимся на службѣ, „на лечбу ранъ по 4, по 3 и по 2 р. челобѣку, смотря по ранамъ, а за легкія по 1 рублю“¹⁾. Здѣсь явное недоразумѣніе, которое объясняется приведеннымъ выше распределеніемъ врачебнаго персонала въ 1676 году. Впрочемъ, свидѣній объ этомъ у г. Хмырова не было, и подлинная дѣла Антекарскаго Приказа за соответствующее время считались сгорѣвшими при пожарѣ 1812 года.

Тѣмъ не менѣе ошибочность сдѣланнаго истиннымъ изслѣдователемъ заключенія могла бы обнаружиться и безъ пользованія похвѣнными архивными матеріалами: стоило только сопоставить между собою указы 29-го Сентября 1678 г. и 22-го Ноября 1633 года. Последний указъ относился къ тому періоду, когда у насъ дѣйствительно не было *постоянныхъ* полковыхъ врачей, почему было отпущено „на лечбу ранъ, на зелье, смотря по ранамъ“, отъ 2-хъ до 4-хъ рублей²⁾. Въ указѣ же 1678 года говорилось „о *придачѣ* раненымъ подѣ Чигириномъ всякаго чина людямъ похвѣтныхъ и денежныхъ окладовъ на излеченіе“³⁾, иначе сказать, рѣчь шла только объ *улучшеніи* матеріальныхъ средствъ больныхъ сравнительно со здоровыми.

Придача къ окладу не являлась новымъ родомъ ассигнованія, и заботы объ улучшеніи условій жизни раненыхъ ратныхъ людей вполне понятны. Старая истина, что больной нуждается въ большемъ, чѣмъ здоровый, но практическое ея выраженіе въ указѣ 1678 года могло произойти не безъ вліянія полковыхъ врачей. Еще приводились многочисленные „сказки“ иноземныхъ

медиковъ, въ которыхъ трактуется различныя болѣзни со стороны этиологии, терапіи, діететики. Исполнѣ естественно, что московское правительство, понимая, съ одной стороны, важность улучшенія жизненной обстановки раненыхъ, а съ другой, зная ея дѣйствительную скудость, распорядилось „о *придачѣ* раненымъ подѣ Чигириномъ“.

Съ постепеннымъ упрощеніемъ института военно-полковыхъ врачей развивалась децентрализція врачебной организаціи. Изъ множества лицъ врачебнаго состава выдѣлилось небольшое число лейбъ-медиковъ въ собственномъ смыслѣ, а остальные вошли въ составъ военно-полковыхъ врачей. При этомъ пріемъ и увольненіе врачей въ полкахъ нерѣдко совершалось похию Антекарскаго Приказа.

Воеводы, не стѣняясь Приказомъ, часто принимали врачей на службу и увольняли ихъ, когда горячее время проходило. Такой порядокъ, повидимому, признавался правильнымъ. Да иначе и быть не могло въ такомъ живомъ дѣлѣ при тогдашнемъ бездорожьи и канцелярской возмознѣ. Отъ децентрализціи выигрывало дѣло и ничего не теряли врачи.

Слѣдуетъ замѣтить, что Хмыровъ весьма произвольно пользуется приводимымъ указомъ. Совершенно игнорируя ассигнованіе похвѣтныхъ и денежныхъ окладовъ, онъ остановился лишь на прибавкахъ, „на лечбу ранъ“. При такомъ же кромсаніи указа легко можно упустилъ смыслъ ассигнованій, какъ *наградъ* за походъ.

Принятые воеводою лекаря не лишались возможности вступитъ въ число приказныхъ и воспользоваться всѣми выгодами царской службы, для чего считалось достаточнымъ подать челобитную и представить списокъ выслеченныхъ лицъ. Такъ, Данило Оунгадановъ, взятый на службу воеводою кн. Василіемъ Бутурлинымъ, билъ челомъ о принятіи его въ Антекарскій Приказъ. „А излечить,—писалъ онъ,—государевыхъ всякихъ чиновъ людей сто двадцать пять человекъ“.

Представленіе росписи „кого на службѣ великаго государя будучи лечить и съ какихъ ранъ“—составляло необходимую формальность: роспись какъ бы замѣняла дипломъ и тотъ громоздкій порядокъ разспросовъ врачей, который практиковался въ Приказѣ ранѣ. Въ виду этого въ полкахъ велись особые „ратныхъ раненыхъ людямъ занесенія книги“⁴⁾, по которымъ, когда

¹⁾ Хмыровъ. Очеркъ, стр. 31.

²⁾ Актъ жекетъ СИБ, 1836 г. т. III № 251.

³⁾ Полн. Собр. Закон. СИБ, 1830 г. т. II № 732.

⁴⁾ Матр. № 280; Полн. Матр. т. I, № 52, 53 и др.

нужно было, составлялись росписи. Подобные росписи были представлены при поступлении на службу в Аптекарский Приказъ Александромъ Личифинусомъ, Петрушкой Семеновымъ, Максимкой Суховымъ, братьями Козьмой и Иваномъ Семеновыми, Семеновъ Кеврягинымъ и другими, взятыми в Приказъ изъ вольныхъ людей ¹⁾.

Образцомъ росписи излеченныхъ пациентовъ можетъ служить роспись, поданная в 1679 г. иноземцемъ Петрушкой Семеновымъ, который писалъ: „жилица Алексѣя Оседорова лечилъ ноги, лошадь перебила и отъ того язвы великіе означились. Елисѣя Ивана сына Синявина, а болѣзнь у него зубы и десны все прогнило въ ность. Петра Михайлова сына Кабанова: болѣзнь у него на ногѣ прикинулась, отъ раны прогнило и кости падали. Да у Оседорова... лечилъ человека... у него была рана изъ пищаля и персть оторвало и отъ того прикинулась болѣзнь великая. Разского уѣзду жилица Тимѳея Лукина человека его Юрку лечилъ: голова была пробита чеканомъ, и отъ того язвы велики, жаръ и ломъ былъ, потому что долго было не лечено“ etc.

Помимо росписи пациентовъ врачи представляли общее заявление о своемъ профессиональномъ искусствѣ.

Напримѣръ, в 1658 г. лекаръ Эргаръ Дяклеръ показалъ о себѣ: „а лечитъ сѣченые, и колотые, и стрѣленные и всякіе раны, и лихіе вереды, которые бывають подъ щеками и въ иныхъ мѣстахъ отъ морового повѣтрія; пострѣльные язвы, и килы, и золотухи, и жабы, всякіе болѣзни, и очи у которыхъ бывають бѣлымъ, и каменную болѣзнь лечитъ, и камень изъ человека вонъ вынимаетъ, и всякіе закрытые нутренние болѣзни лечитъ, и рошковую жильную руду пущаетъ; а которыми лекарства тѣ болѣзни лечитъ, и онъ тѣ лекарства самъ дѣлаетъ, и рошковую руду онъ пущаетъ пѣмечками мѣдными рошками“ ²⁾.

Лекаръ иноземецъ Мартинъ Радомской показалъ в 1678 г. что онъ „лечитъ научился раны колотые, и стрѣленные, и рѣзанные, и пульки вырѣзываетъ, и жильную руду пущаетъ и банками, и внутренніе лекарства пугающе и иные даять умѣть“ ³⁾ Въ томъ же году лекаръ Матвій Ивановъ сынъ Таборовскій заявилъ,

¹⁾ матер. № 275, 670, 1467, 1471, 1476, 1505.

²⁾ матер. № 844.

³⁾ ibidem. № 1410.

что „раны лечитъ колотыя, и рубленныя, и стрѣленные, и пульки вырѣзываетъ, и составы лозанные справлять, и жильную руду пущать умѣть“ ¹⁾.

Въ 1679 г. лекаръ иноземецъ Иванъ Яковлевъ Гладкой сообщилъ, что „лечитъ стрѣленные, и колотые, и рѣзанные раны, и пульки вырѣзываетъ и руду жильную и банками пущать умѣть, и чепучинные болѣзни лечитъ умѣть же“ ²⁾.

Принимались лекари либо на извѣстный срокъ, либо только на неопредѣленное время военныхъ дѣйствій. Когда ихъ услуги оказывались излишними, имъ предоставлялось или уѣхать на родину, или же заняться частной практикой, причемъ ставилось единственное стѣсненіе: „лекарства брать изъ Аптекарскаго Приказа, а не своими лекарствами“ ³⁾.

Объ отъѣзжавшихъ за море собирались предварительно тщательныя свѣдѣнія, не имѣлось-ли какихъ-нибудь препятствій къ выѣзду. Устанавливалось между прочимъ: дѣйствительно ли лекарскіе наказы у нихъ взяты-ли; также и въ лекарствахъ, которые съ ними въ походъ посланы: въ обѣихъ аптекахъ какова дѣла и дѣла-ли; также и по челобитничьимъ дѣламъ и не справился-ли именно денегъ заслуженныхъ имъ не давать и съ Москвы не отпускать“ ⁴⁾.

Совершившаяся въ силу естественнаго хода событій децентрализация врачебнаго дѣла привела къ возникновенію вольнопрактикующихъ врачей. Въ концѣ XVII ст. въ Аптекарскомъ Приказѣ чувствовался избытокъ врачебныхъ силъ, и московское правительствомъ не стѣснялось увольненіемъ лицъ, неудобныхъ въ какомъ-нибудь отношеніи.

Въ увольнительныхъ указахъ 1667 г. говорилось, напримѣръ: „докторъ Михаилъ Грамонъ, Лаврентія Ренгубера, Петра Пантануса съ Москвы отпустить въ тѣ государства—кто изъ котораго пріѣхалъ; а кто изъ нихъ похочетъ быть на Москвѣ,—и имъ жить на Москвѣ на своихъ проторяхъ и лечить имъ всякихъ чиновъ людей“ ⁵⁾. То же самое встрѣчается въ указахъ объ от-

¹⁾ ibidem. № 1442.

²⁾ ibidem. № 1469.

³⁾ ibidem. № 1375.

⁴⁾ ibid. № 1620.

⁵⁾ ibid. № 1375.

ствѣхъ лекарей въ 1682 г., изъ которыхъ иные пожелали остаться въ Москвѣ и „коряться собою“, жить „своею лекарскою работнишкою“¹⁾.

Въ 1682 г., повидимому, произошло сильное сокращеніе медицинскаго персонала, числившагося въ Аптекарскомъ Приказѣ. Это предположеніе находитъ опору въ челобитной лекаря Петра Семенова, который писалъ: „и въ нынѣшнемъ, государь—во 190 году—по твоему вел. государя указу, *за многочисленіемъ, изъ Аптекарскихъ Полковъ многие лекари и ученики отставлены*, и нѣкоторые нѣмцы отставлены и они отпущены въ свою землю за море“²⁾.

Нѣкоторые изъ отставныхъ врачей уѣзжали на родину, а другіе посвящали себя вольной практикѣ, ожидая „какъ лекари понадобятся... и впродъ... государю лекарною службою... служить и работать“.

Кромѣ отставныхъ лекарей, контингентъ вольнопрактикующихъ пополнялся изъ разныхъ источниковъ. Вольной практикой занимались лекари изъ плѣнныхъ. Такъ, Давидъ Оуигадановъ, взятый въ плѣнъ въ 1656 г. кн. Бутурлинымъ, съ 1659 г. „живетъ на Москвѣ и лечитъ отъ всякихъ людей всякими болѣзнями и жилищную онъ пушаетъ топоркомъ“³⁾.

Въ 1679 г. лекарь Иванъ Табаровскій показывалъ о себѣ въ Аптекарскомъ Приказѣ: „его де Ивана взяли въ полонъ и отвезли въ Смоленскъ, и съ тѣхъ временъ и донынѣ жилъ въ Смоленску зъ женою и зъ дѣтьми... всякіе лекарства покупалъ и кормился своимъ промысломъ“⁴⁾. За годъ передъ этимъ „изъ Смоленска въ Москвѣ для покоржи“ прибылъ сынъ Ивана Табаровскаго, лекарь Матвѣй Ивановъ, который былъ зачисленъ потомъ въ Аптекарскій Приказъ⁵⁾.

Въ 1679 г. въ Москвѣ жилъ „своимъ дворомъ“ лекарь Семенъ Михайловъ сынъ Кеврагинъ, взятый „полономъ подъ Ригю“⁶⁾.

Для занятія частною практикой въ Москву ѣхали медики какъ изъ провинцій, такъ и изъ заграницы.

Въ 1675 г. изъ Курека пріѣхалъ въ Москву польской породы лекарь Пашка Гладкой, служившій полковымъ врачомъ у Гр. Гр. Рогодановскаго, „и пріѣхавъ жилъ на Москвѣ по разнымъ мѣстамъ и лечилъ всякихъ чиновъ людей по своей воли“¹⁾.

Въ 1677 г. въ Москвѣ съ выдающимся успѣхомъ занимался леченіемъ глазныхъ болѣзней „лекарь и окулистъ, очной мастеръ“ Яганъ Тирихъ Шартлингъ, который о своей практикѣ далъ такія свѣдѣнія: „глаза вылечилъ, а невѣрны де были отъ нашатыря, что пускали ей прель сего не знающіе люди нашатырь въ глаза, не видѣли очми, а нынѣ видятъ; ростъ волосъ, а тотъ волосъ вырѣзывать; шла слеза, и нынѣ слеза неидетъ; была вода темная, а нынѣ видитъ, тусклъ согналъ съ глазъ“²⁾ и т. д. Среди пациентовъ Шартлинга встрѣчаются довольно видныя имена: боярыня кн. Яковъ Никитичъ Одоевскій, жена боярина князя Юрія Алексѣевича Долгорукова, сестра думнаго дворянина и ясельнаго Ивана Кондырева, боярыня княгиня Оетинья Ивановна Лобанова, сынъ стольника Ивана Ленунова и т. д.

Вольная практика могла развиваться, съ одной стороны, вследствие избытка врачебнаго персонала военно-полевой службы, а съ другой, въ силу того, что во второй половинѣ XVII ст. врачебная услуга нашла себѣ спросъ даже въ самой консервативной, не совсѣмъ благосклонной къ единичнѣмъ средѣ, а именно въ духовенствѣ и среди женщинъ.

Изъ росписи пациентовъ доктора Александра Личифинуса, представленной намъ въ 1656 г., узнаемъ, что у него лечились: жена боярина Ильи Даниловича Милославскаго, жена стольника Ивана Богданова сына Милославскаго и жена полковника Алексѣя Бутлера³⁾.

Въ 1677 г. окулистъ Яганъ Тирихъ Шартлингъ, какъ мы видѣли, среди своихъ пациентовъ называлъ: дочь бояр. кн. Якова Никитича Одоевского, жену бояр. кн. Юрія Алексѣевича Долгорукова, сестру думн. двор. и ясельничаго Ивана Тимофѣевича Кондырева, жену кн. Лобанова жену стольника Ивана Ивановича Ленунова и дочь священника Алексѣя Степанова“⁴⁾.

¹⁾ *ibid.* № 1657, 1620.

²⁾ *ibidem*, № 1657.

³⁾ *ibidem*, № 180.

⁴⁾ *ibidem*, № 1485.

⁵⁾ *ibidem*, № 1442.

⁶⁾ *ibidem*, № 1505.

¹⁾ *Матер.* № 1469.

²⁾ *ibidem*, № 1378.

³⁾ *Материалы* № 670.

⁴⁾ *ibidem*, № 1378.

Въ 1661 г. архимандритъ Діонисій обратился къ государю съ челобитной, въ которой писалъ: „скорблю, государь, нынѣ больше году и многи лекари отъ всякъ языкъ, которые живутъ на Москвѣ, приходили ко мнѣ, а пользы мнѣ они не учинили никакой отъ болѣзни, и какая болѣзнь во мнѣ есть и они никто не могли разумѣть, токмо, государь, единъ Андрей докторъ нѣмчинъ онъ ко мнѣ не бывалъ и меня не видалъ. Милосердный государь... пожалуй меня богомольца своего... *если, государь, тому дохтуру Андрею Нѣмчину, чтобъ у меня побывалъ дважды или трижды и болѣзни мои досмотрѣть*“¹⁾.

Въ 1667 г. папу и патриарха александрийскаго Памсія лечилъ костоправъ Иванъ Максимовъ²⁾. Въ 1668 г. богомольца государя Павла Тимофѣева пользовалъ лекарскій ученикъ Серешка Вавиловъ³⁾.

Въ 1677 г. дочь Алексѣя, священника церкви Григорія Богослова, что на Дмитровкѣ, лечилъ окулистъ Шарплингъ⁴⁾. Въ томъ же году у доктора Степана Оунгаданова лечился государевъ священникъ Провъ Ивановъ⁵⁾.

Въ 1679 г. Даниловскаго монастыря келейникъ былъ посланъ въ Кіевъ. Едва онъ отѣхалъ на семь верстъ отъ монастыря, какъ на него напали разбойники, которые разбили ему голову и черепъ прорубили, только плена у мозгу нѣла. Пострадавшій 5 дней былъ въ безсмыслѣ, но благодаря искусству лекаря Семена Михайлова черезъ 7 недѣль совершенно выздоровѣлъ⁶⁾. Въ томъ же году костоправъ Иванъ Максимовъ лечилъ Степана Васильева, пономаря церкви Іоанна Бѣлогрѣанскаго⁷⁾.

Сама по себѣ практика у духовныхъ лицъ была не многочисленна, но огромное вліяніе на расширеніе вольной практики среди остального населенія имѣло то, что наконецъ стало обращаться къ врачамъ за помощью духовенство, которое ранѣе употребляло весь свой авторитетъ противъ врачей.

Вольнопрактикующіе врачи за труды свои получали „могорецъ“, который, понятно, при хозяйствѣ того времени давался

¹⁾ Наши „Черныя вѣстѣи, практика“. Приложение стр. 101.

²⁾ Наши матер. т. II, № 19.

³⁾ ibidem, № 23.

⁴⁾ Матер. № 1378.

⁵⁾ ibidem, 1380.

⁶⁾ ibidem, № 1503.

⁷⁾ ibidem, № 1565.

натурою: „хто самъ чѣмъ почтитъ ширинкою или рубашкою подарить или хто вина или запасу какова пришлетъ“. Только въ случаяхъ очень серьезныхъ, какъ, напримѣръ, при операциі кильной болѣзни, стороны радились на деньги—на довольно значительныя суммы.

Заслуживаетъ вниманія, что врачи имѣли право искать гонораръ по суду. Въ 1674 г. лекарь Микулай Ивановъ Грекъ лечилъ нѣкоего Силу Потемкина „отъ кильные болѣзни и радилъ съ нимъ отъ леченія 60 рублей“. Выздоровѣвъ, Потемкинъ не пожелалъ заплатить лекарю, ссылаясь на то, что „онъ де Микулай ево Силу невылечилъ—здѣлалъ съ увѣченъ“.

Въ виду подобнаго заявленія Аптекарскимъ Приказомъ были назначены эксперты съ порученіемъ: „досмотрити—вѣряя ли его Силу лекарь Миколой Грекъ отъ болѣзни вылечилъ“. Эксперты нашли, что „Сила въ добромъ здоровьи“. Тогда окольный Артамонъ Матвѣевъ приказалъ лекарю „достатьные деньги на Силѣ Потемкинѣ допрашивать“¹⁾.

Въ 1678 г. возникло дѣло о требованіи военнымъ лекаремъ вознагражденія за леченіе стрѣльца. Очевидно, полковые врачи не имѣли права на вознагражденіе, иначе по челобитью стрѣльца о пожалованіи ему 2-хъ рублей для уплаты лекарю Гришки Тимофѣеву, Федоръ Алексѣевичъ не указалъ бы: „противъ сего челобитья лекаря Гришку Тимофѣева допросити и выписать по указу—лекаремъ будучи на государевыхъ службахъ за леченія имъ съ раненыхъ людей могорецъ имать велѣно-ль“²⁾.

Но если военно—полковые врачи не имѣли права получать „могорецъ“ за свою практику среди военныхъ, то частнымъ лицамъ они оказывали услуги за вознагражденіе. Въ этомъ послѣднемъ направленіи практика ихъ встрѣчала единственное ограниченіе въ размѣрахъ лекарственныхъ запасовъ.

Полковые запасы были на строгомъ учетѣ. Воеводамъ непростительно наказывалось: „лекарства, которые къ нимъ посланы..., чтобъ они тѣ лекарства берегли, и безъ дѣла никуда не теряли и даромъ никому ничею не давали отнюдь ни которыми дѣломъ“. Едва ли изъ этихъ запасовъ было возможно что либо и за деньги отпустить постороннимъ, потому что повелѣвалось „ратныхъ

¹⁾ Матер. № 527.

²⁾ ibidem, № 145.

людей больных и раненых тѣмъ лекарствомъ лечилъ... а въ которыхъ числахъ и какимъ людямъ лекарствъ что роздано будетъ, и то все писать въ расходныя книги *издѣльно порознь, по статьямъ*; и послѣ твоей в. г. службы и похода и роспуска твоихъ в. г. ратныхъ людей о томъ къ тебѣ в. г. писать и лекарствомъ расходныя книги... прислать" ¹⁾.

Вѣроятно всего лекари въ частной практикѣ пользовались своими личными запасами, а таковыя, какъ извѣстно, были, напримѣръ, у лекарскаго ученика Серешки Вавилова, который въ 1668 г. подать челобитную, гдѣ писалъ: „а лечилъ я х. т. твоего государя божиемъ Павла Тимофеева *своими лекарствомъ*, а лекарства г. у меня изволю пластырей и мазей на пять рублей съ полтиною" ²⁾. Въ заручномъ писемѣ по лекарѣ Алексѣй Афанасьевъ писалъ въ 1691 г.: „во время пожара въ Бѣлгородѣ и *особыя его* лекарства и лекарскіе инструменты... погорѣли" ³⁾.

На развитіе узаконенной врачебной практики съ использованіемъ врачами собственныхъ медикаментовъ указываетъ, примѣръ, еще одна челобитная отъ 1687 г., когда лекаръ Кузема Семеновъ писалъ: „лечилъ я х. в. казенныя слободы Тимофея Игнатеева, а за *лекарство и за работу* по договору дать было ему Тимофею мѣхъ х. в. по алтыну денегъ, мѣхъ х. в. не платить и по се число" ⁴⁾.

Широкая постановка вопроса—полковой медицины во второй половинѣ XVII ст. до настоящаго времени не пользуется признаніемъ.

Первый изслѣдователь русской военно-медицинской старины М. Д. Хмыровъ пишетъ: „Къ началу единодержавія Петра, т. е. къ 1696 г., военно—медицинская часть не успѣла еще выдѣлиться изъ хаоса старыхъ порядковъ—и лекари, а съ ними медикаменты, присылались въ нѣкоторые полки на время, что видно изъ слѣдующаго распоряженія, объявленнаго московскими боярами 22 марта 1698 года: „Велѣно быть на его вел. госуд. службѣ въ Рязанскомъ полку боярина и воеводы Ал. Петр. Салтыкова лекаремъ иноземцамъ, которые вѣдомы въ Пушкарскомъ при-

казѣ, Готфриду Бергарду да Андрею фонъ Крагену; а сколько въ тотъ полкъ какихъ лекарствъ надобно, и тому подали тѣ лекари въ Разрядъ росписи, а что по той росписи въ тотъ полкъ какихъ лекарствъ отпущено будетъ, о томъ для вѣдома отписать" ¹⁾. Этотъ указъ, изданный Хмыровымъ изъ Полнаго Собранія Законовъ ²⁾, не даетъ совершенно никакихъ основаній къ тому, что утверждаетъ указанный писатель. Стоитъ только обратиться къ матеріаламъ по исторіи медицины, изданнымъ медицинскими департаментами или извѣстными намъ, чтобы убѣдиться, что всѣ многочисленныя указы о посылкѣ врачей и лекарствъ въ полки редактировались такъ же, какъ приводимыя Хмыровымъ.

Съ правомъ изъ указа 22 марта 1698 г. можно только заключить, что лекарства отпущались по рѣшеніямъ врачей, и что медикаменты были на учетѣ. И то и другое практикуется въ полкахъ до настоящаго времени.

Замѣтить еще, что къ концу XVII ст. московское правительство старалось, чтобы врачебною помощью были обеспечены не только отряды, а полки и *болѣе дробныя дѣленія*. Такъ изъ указѣ Федора Алексѣевича отъ 14 ноября 1679 г. повелѣвалось: „изъ нѣмецкихъ рѣшъ призвать въ московское государство лекарей *полковыхъ и сотенныхъ*, добрыхъ и ученыхъ людей" ³⁾.

О дѣйствительныхъ размѣрахъ наличнаго медицинскаго персонала едва ли можно судить потому, примѣръ, что въ полкъ генерала и хасара Агея Шепелева, состоявшій изъ 4000 человекъ, изъ 1676 г. были назначены лекари-иноземцы Семенъ Ларионовъ да ученики Иванъ Венедиктовъ и Мишка Васильевъ ⁴⁾. Вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ одинъ врачебный специалистъ приходился еще на меньшее число солдатъ, т. е. не на тысячу ихъ, а на нѣсколько сотенъ, почему и назывался *сотеннымъ*.

Спустя болѣе 30 лѣтъ, не имѣя подъ рукою архивныхъ матеріаловъ, авторъ очерковъ по исторіи русской культуры, Милюковъ подобно Хмырову высказывается: „только въ концѣ XVII вѣка, послѣ пріѣзда 75 медиковъ, вызванныхъ Петромъ (1695-1697 г.) военно-медицинская помощь становится сколько нибудь замѣтной" ⁴⁾.

¹⁾ Наши матер. т. II стр. 161, 163-174.

²⁾ Ibidem, № 23, стр. 10.

³⁾ Ibidem, стр. 337.

⁴⁾ Наши матер. т. II, № 61 стр. 28.

¹⁾ Хмыровъ Рус. военно-медицин. старина изъ Вост. Мед. Журн. 1869 г. № CIV.

²⁾ Полн. Собр. Зак. Свѣд. 1830 г. т. III № 1624.

³⁾ Матер. № 1383.

⁴⁾ Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Изд. 3, Спб. 1902 г. т. II, стр. 280.

Впрочем, не всегда способствуют правильности воззрений и архивные материалы. Прямой в этом отношении может служить прив.-доц. М. Лахтин. В одной работе, посвященной прошлому русской медицины, он приводит указ царя Михаила Феодоровича воеводам Ивану Ивановичу Бутурлину и Савву Потаповичу Корбекову в ответ на их донесение, что „на Жердь в ратных людях от чинги и от всякие тамошние нужи есть больные, а иные от тамошних болзней померли“¹. Болзней, как оказывается, было приказано самим осматривать раненых и тех „кому от болзней легости ить“ отпускать по домам. „Но сознавая, замечает Лахтин, что всякое правительство, требуя от солдат полного самоотречения до готовности жертвовать жизнью, и не обезпечивая их в то же время медицинской помощью на случай болзней и ранения, может подвергнуться вполне заслуженным нареканиям, Царь Михаил Феодорович, добавляет; „а ратным бы есте людям сего нашего указу не сказывали, держали бы есте сей наш указ у себя тайно“.

И так г. Лахтин отягчает не драматизм положения без- сильного царя, а беспомощность ратных людей. „Русское правительство, по его мнению, не в состоянии было обезпечить раненых даже ту прижитивную помощь, какую оказывали цирюльники и костоправы: не было ни денег, чтобы платить лекарям, ни самих врачей“².

Категоричность этого вывода совершенно не соответствует действительности. К тому же приведенный указ помечен 8 сентября 1637 года, следовательно, относится к началу XVII столетия, когда военно-медицинская организация начинала лишь складываться.

„Что лекари точно назначались в поход, явствует, по справедливому замечанию г. М. Перфильева, из тех росписей лекарств, „сказок“, какие отпускались „в поход“, причем прямо указывалось, что лекарю такому-то в поход отпущено то-то и то-то „для лечбы“³.

¹ М. Лахтин. Из прошлого русской медицины. „Больничная газета Боткина“ 1902 г. стр. 2018.

² *ibidem* стр. 2017.

³ М. Перфильев. Медицинское дело в России в первой половине XVII ст. Истор. Вестн. 1893 г. стр. 379.

Действительно, уже в 1632 г. „лекаремъ Тобиюсова полку Ивану Шлюцу да Оалентинова полку Росдоржова немчину Ивану Геннику“ были отправлены два сундука „а въ нихъ аптекарскихъ всякихъ лекарствъ и снастей балберскихъ на сто на одинъ рубль на три алтына съ денгю“¹. Томаш Утинъ, Давидъ Кашпиръ и Матвей Кишинъ, командированные въ полки, первые въ половине января, а послѣдній въ февралѣ 1633 г. также отправились къ мѣсту службы съ большими запасами медикаментовъ².

Въ маѣ того же года было послано „изъ Обтекарского Приказу полковнику Киту, ево полку ратнымъ людямъ для лечбы два сундука съ обтекарскими лекарствами и съ балберскими снастями, а цѣна тѣмъ сундукомъ 111 рублемъ 15 алт.“³. Въ концѣ юня „подъ Смоленскъ къ полковнику къ Якову Шару по ево росписи“ были посланы транспорты, состоявшіе изъ 58 названій медикаментовъ⁴.

Врачи послѣдующихъ призывовъ не составляли въ этомъ отношеніи исключенія. Всѣ они либо сами привозили въ полки лекарственные запасы, либо находили ихъ у командировъ. Аптекарскій Приказъ снабжалъ воинскія части медикаментами по росписямъ, заранее составленнымъ лекарями. При этомъ требованія послѣднихъ исполнялись безъ замедленія, чтобы „лекаремъ для лечбы ратныхъ людей беззапасныхъ не быть“.

Съ цѣлью ускоренія пересылки аптекарскихъ товаровъ пользовались всякими оказіями, отсылали „съ кѣмъ пригоже“. Въ самомъ способѣ составленія транспортовъ держались установившихся традицій; посылались масла, корни, мази и пластыри „какихъ и сколько пристойно примѣрясь къ прежнимъ отпускомъ“⁵. Когда вначалѣ лекарства выдавались врачамъ, то съ нихъ удерживали по стоимости, допуская разсрочку платежа по третямъ⁶. Съ теченіемъ времени лекарства стали высылаться командирамъ съ уплатою денегъ изъ Разряда, который въ то время отчасти представлялъ собою современное намъ военное мини-

¹ Матер. № 106.

² *ibidem*, № 118.

³ *ibidem*, № 128.

⁴ *ibidem*, № 132.

⁵ *ibidem* №№ 118, 128, 132, 248, 250, 374, 386, 415, 422, 434 и др.

⁶ *ibidem*, № 106.

стерство. Съ переходомъ со второй половины XVII в. къ бесплатному отъ казны снабженію войскъ лекарствами на командировъ былъ возложенъ строгій надзоръ за правильнымъ расходоуваніемъ послѣднихъ. Командирамъ наказывалось: „и сколько какихъ лекарствъ въ расходъ выдать, велѣни бы записывать въ книги и тѣ книги за дѣткою прислать присылаи къ намъ къ Москвѣ“¹⁾.

Въ полки посылалось лекарство на большія суммы. Такъ медикаментовъ на 150 рублей (а рубль тогда стоилъ по крайней мѣрѣ въ 10 разъ больше, чѣмъ теперь) было послано: въ 1679 г. въ Рыльскъ въ полкъ кн. Ивана Андреевича Хованскаго и въ Курскъ къ кн. Пв. Богдановичу Милославскому, въ 1680 г. на Новой Осолѣ къ Петру Васильевичу Шереметеву, въ 1682 г. въ Бѣлгородъ къ Ивану Богдан. Милославскому и въ Курскъ къ кн. Петру Ивановичу Хованскому. Медикаментовъ на 200 р. было отправлено въ 1679 г. къ гетману Ивану Самойловичу и въ 1680 г. къ кн. Петру Васильевичу Шереметеву въ Колоду. Транспортъ лекарствъ, отправленныхъ въ 1680 г. въ Кіевъ къ боярину Василию Семеновичу Волынскому оценивался даже въ 300 рублей²⁾.

Неудивительно, что въ эпоху петровскихъ войнъ, когда численность нашихъ войскъ возрасла до огромныхъ размѣровъ, стоимость аптекарскихъ транспортовъ еще болѣе увеличилась. Такъ въ 1710 г. въ Кіевъ въ полкъ кн. Дмитрія Михайловича Голицына „посылается лекарствъ и припасовъ по цѣнѣ на 700 рублей“³⁾. За годъ же передъ этимъ „для леченія новобранныхъ драгунъ“ стольнику Юрію Степановичу Мелединскому—Мелеиному на медикаменты была отпущена 1000 рублей⁴⁾.

Первоначально подборъ медикаментовъ не отличался разнообразіемъ. Напримѣръ, въ партіи, отправленной въ 1662 г. кн. Борису Александровичу Реннину мы встрѣчаемъ 6 названій пластырей, 5 названій мазей, ревень, квасцы, камфору, камень кровавикъ, терпентинъ; къ к. Гр. Григ. Ромодановскому было послано 8 пластырей, 7 мазей, зѣбробой, патока изъ шиповника, камень кровавикъ, масло куриничное и квасцы; Петръ Васильевичъ Шереметевъ получилъ транспортъ, состоявшій изъ 8 пла-

стырей, 7 мазей, 9 мазей и еще отдѣльныхъ 9 названій. Въ 1664 г. Гр. Гр. Ромодановскому было послано 9 пластырей, 6 мазей, 4 мази и 7 отдѣльныхъ названій, по пяти стовокъ и склянокъ да хирургическіе инструменты, какъ-то: „пила, чѣмъ кости перетираты; клещи да шурупъ, чѣмъ пули вынимать; клещи, чѣмъ пальцы отнимать“⁵⁾.

Какъ уже было упомянуто, при разсылкѣ медикаментовъ во-сводамъ неизмѣнно наказывалось „лекарство давать съ запискою, а кто изъ нихъ наши ратные люди на бояхъ будутъ ранены и больны, и сколько какихъ лекарствъ въ расходъ выдать, и въ тѣхъ людей имена и аптекарскія лекарства велѣни записывать въ книги“⁶⁾. Благодаря такой регистраціи всѣ медикаменты были на счету и легко было перенести ихъ изъ одного мѣста въ другое. Такъ въ 1662 г. изъ Смоленска были перевезены въ Москву „аптекарскіе лекарственные запасы“, оставленные тамъ еще въ 1656 году. Въ 1681 г. было указано доставить лекарства изъ Колоды въ Москву. Въ 1672 г. повелѣвалось перевезти медикаменты изъ Симбирска въ Астрахань⁷⁾.

Особую группу среди медикаментовъ занимали средства отъ чумы, какъ: вино, сбитень и укусы. Запасъ этихъ средствъ были огромны. Въ 1677 г., напримѣръ, было приказано „изготовить на Воронежѣ укусу 500 ведеръ, вина 400 ведеръ, сбитню 300 ведеръ противъ прежняго; а на сбитень меду 100 пудъ велено послать изъ Тѣмбова, а вина... послать изъ Колоды 200 ведеръ, съ Вѣйна 100 ведеръ, а достаточное вино и на сбитень дать съ воронежскаго кружечнаго двора“⁸⁾. Къ этой же категоріи медикаментовъ относился перенъ, разсылавшійся пудами. Укусы и сбитень того времени варилась изъ ячменя, ржи, солоду и всякой муки съ примѣсью вина, хмѣля и меду⁹⁾.

Кромѣ медикаментовъ, аптечной посуды и хирургическихъ инструментовъ, московская администрація снабжала полки перевязочнымъ матеріаломъ.

Такъ въ 1677 г. Казенный дворъ доставилъ въ Аптекарскій Приказъ „къ костоправному дѣлу пятьдесятъ аршинъ покрошей зеленыхъ да лазоревыхъ къ вытѣшному походу“.

¹⁾ Ibidem №№ 1639, 1342, 1384, 1385 и др.

²⁾ Намъ мат. т. II, стр. 129, 156, 161, 165, 170, 173, 179.

³⁾ Арх. Мин. Вѣст. Разрѣд. Вѣст. № 56, л. 8.

⁴⁾ Ibidem № 52, л. 348.

⁵⁾ Намъ Матеріалы т. I, стр. 49—51 и 59.

⁶⁾ Ibidem т. I, стр. 42—46.

⁷⁾ Ibidem т. I, стр. 30—32, 40, т. II, стр. 179, т. I, стр. 183.

⁸⁾ Ibidem т. II, стр. 250.

Въ 1695 г. было указано прислать въ Аптекарскій Приказъ „въ отпускъ... въ Донской походъ къ костоправному дѣлу пятьсотъ аршинъ покровей, которыя отдирають отъ суконъ“.

Въ 1696 г. Петръ Алексѣевичъ „указалъ въ отпускъ... въ морской караванъ къ костоправному дѣлу пятьсотъ аршинъ покровей“.

Въ 1698 г. было указано „въ большой полкъ боярина и воеводы Алексѣя Семеновича Шейнина съ товарищи на обшивку раненыхъ стрѣльцовъ 20 аршинъ покровей“.

Въ 1699 г. указано „для азовскаго походу для леченя раненыхъ людей къ костоправнымъ дѣламъ на перевивку покровей 300 аршинъ“.

Въ 1700 г. для Воронежскаго похода было отпущено 40 аршинъ покровей и для Рижскаго — пятьсотъ.

Въ 1701 г. въ Свѣйской походъ отпустили 300 арш. покровей и столько же въ походъ на Воронеж¹⁾.

Столь заботливое отношеніе московской администраціи къ снабженію воиска лекарственными веществами объясняется широкимъ развитіемъ военнаго дѣла и широкой постановкой военноврачебной службы. Многочисленные полки того времени, разбросанные въ разныхъ мѣстахъ западной и южной границъ государства, предъявляли постоянный спросъ на лекарей и лекарства. И московская администрація, какъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ документы, принимала всѣ мѣры къ тому, чтобы запросы не оставались безъ удовлетворенія.

И такъ со второй четверти XVII столѣтія принимаются серьезныя мѣры къ организаціи медицинской помощи въ войскахъ и достигаются въ этомъ отношеніи большіе успѣхи. Было бы не научно отрицать мѣропріятія московскаго правительства съ точки зрѣнія современныхъ на этотъ счетъ взглядовъ. Дѣйствительный врачебный бытъ народовъ всегда отстаетъ отъ научныхъ требованій. Пропастъ между теоретическими воззрѣніями и практическимъ ихъ осуществленіемъ была и будетъ. И, конечно, это не дастъ намъ основанія отрицать жизнь съ ея медленными завоеваніями, незажѣтыми иногда пріобрѣтеніями.

Стремленіе московскаго правительства XVII ст. къ широкой постановкѣ медицинскаго дѣла выразилось, между прочимъ, въ

¹⁾ *ibidem* т. II стр. 19, 31, 36, 40 и 41.

попыткахъ организовать больничное леченіе. При малокультурности народа того времени врачебная помощь, которую оказывали ратнымъ людямъ военно-полковые врачи, въ значительной степени ослаблялась несоотвѣстствіемъ условій ежедневнаго быта домашней жизни требованіямъ даже тогдашняго врачебнаго знанія. Кроме того, непрерывныя войны давали огромное число раненыхъ, съ леченіемъ которыхъ, при ихъ разбросанности, не въ силахъ были справиться медицинскій персоналъ. Въ интересахъ целесообразности правительственныхъ затратъ на врачебное дѣло необходимо было найти путь къ объединенію больныхъ и работы лекарей. Средствами къ этому послужила госпитальная организація.

Первымъ въ настоящемъ смыслѣ больничнымъ учрежденіемъ въ Россіи нужно считать пріемный покой для раненыхъ, устроенный въ 1612 г. монахами Троице-Сергіева монастыря.

Сохранились извѣстія о существованіи двухъ монастырей — Боршине — Воронежскомъ и Черніеве — Тамбовскомъ, гдѣ находили себѣ пріютъ донскіе казаки „за кровь, за раны, за полное терпѣніе“. Разъ имѣлись спеціальныя пріюты для ратныхъ людей — инвалидовъ, то трудно допустить мысль объ отсутствіи госпиталя для леченія раненыхъ.

Можно думать, что нѣчто въ родѣ временнаго военнаго госпиталя возникло еще въ 1657 г., когда производились осмотры и леченіе раненыхъ подъ „Динаборскомъ до приступа и на приступѣ всякихъ чиновъ людей тяжелыми ранами 167 человекъ, да легкими 84 человекъ“¹⁾. Къ сожалѣнію, до насъ дошелъ только списокъ пострадавшихъ и не сохранилось свидѣній о порядкѣ оказанія имъ помощи.

Болѣе полными свидѣніями мы обладаемъ относительно организаціи правительствомъ врачебной помощи раненымъ 1678 г. подъ Чигириномъ. Тогда именно состоялось замѣчательное распоряженіе: „тѣхъ которые бездомовные люди, и учнутъ приходить и стоять на Рязанскомъ подворьѣ для леченія и лекарей, которые тѣхъ раненыхъ людей на Рязанскомъ подворьѣ учнутъ лечить, понтъ и коряны изъ Приказу Больного Дворца пока мѣста тѣ раненые вылечатца, а лекари ихъ вылечать“²⁾. Лече-

¹⁾ *матер.* № 777.

²⁾ *ibid.* №№ 1432, 1433.

ние было поручено докторамъ Лаврентію Блюментросту, Степану Фунгаданову и Симоу Зомеру. Кроме того указывалось: „имъ же дать въ помощь лекарей по разсмотрѣнію“. Вслѣдствіе чего тяжелый трудъ докторовъ раздѣлили лекари изъ иноземцевъ: Юрій Шиндлеръ и Яганъ Оохтъ и изъ стрѣльцовъ: Петръ Рабкѣвъ, Кирилло Петровъ, Оедоръ Ильинъ, Митрофанъ Петровъ, Василей Подуревъ, Дмитрій Пикитинъ, Оедоръ Дорофѣвъ и друг.

Первоначально подверглось медицинскому осмотру 746 человекъ. Въ подворьяхъ помѣстилось 159 тяжело раненныхъ, остальные или лечились по домамъ, или же только приходили на подворье и въ Новую аптеку.

При послѣдующихъ осмотрахъ число тяжело раненныхъ возросло до 441 чел., такъ что пришлось похѣщеніе расширить. Раненные полка генералъ-поручика Агѣева-Шенелова были размѣщены на Казанскомъ подворьи, а солдаты полка генералъ-маіора Кровкова—въ нижнемъ этажѣ Рязанскаго и частью—на Вологодскомъ ¹⁾. Къ первымъ были назначены лекари Алексѣй Бединскій съ учениками Тимофеевымъ, Ивановымъ и Алексѣевымъ; вторые поручались Митрофану, Кириллу и Артемію Петровымъ. Сверхъ отведенныхъ мѣстъ были еще указаны запасныя подворья: Новгородское, Суздальское, Смоленское и Коломенское ²⁾.

По указу 19-го октября доктора Лаврентій Блюментростъ и Андрей Кеидерманъ должны были заняться многочисленными больными. Последніе были осматрѣны въ теченіе двухъ дней, и 23-го октября доктора уже докладывали въ Антекарскомъ. Приказъ, что: „у тѣхъ де стрѣльцовъ болѣзнь: поносъ кровавой и лихорадка и опухоли; и къ тѣмъ де болѣзнямъ тѣмъ больнымъ стрѣльцамъ надобно вина и пива—по нежному; а пивъ де тѣ стрѣльцы пьютъ воду и квасъ, и отъ того де у нихъ бываетъ одышка и къ болѣзнямъ припадокъ болши и отъ того де многіе стрѣльцы помираютъ и впредь опасно“ ³⁾. На этотъ докладъ послѣдовало распоряженіе: „велѣть для леченія и болѣзней стрѣльцамъ больнымъ давать по три чарки вина, по двѣ кружки пива на день“.

¹⁾ Матеріалы № 1435.

²⁾ Ibid. № 1438.

³⁾ Ibid. № 1443.

Какъ ни много было подкомныхъ врачей, но они оказались не въ силахъ справиться съ огромнымъ наплывомъ больныхъ и раненныхъ. Пришлось призвать на помощь приказныхъ докторовъ съ врачами, вольнопрактикующихъ, какъ Анавій Григорьевъ, Емелька Климовъ, Микифорка Тулейниковъ и пр., и даже воспользоваться услугами лекарей изъ плѣнныхъ, какъ напримѣръ, Матюшка Табаровскій. Такимъ образомъ 11-го октября 1678 г. нужно считать первымъ днемъ военно-госпитальныхъ организацій.

Въ связи съ устройствомъ временнаго военнаго госпиталя на Рязанскомъ подворьи въ матеріалахъ упоминается о пострѣеніи въ 1680 г. „дохтурскѣй палатки... для дохтурскаго сидѣнія по осмотру больныхъ“ ¹⁾. Эта „палатка“, вѣроятно, прототипъ значительно позднѣйшихъ лечебницъ для амбулаторныхъ больныхъ.

Нельзя обойти молчаніемъ и того обстоятельство, что починъ правительства по устройству временнаго госпиталя для раненныхъ военныхъ правильно и вѣрно въ самомъ непродолжительномъ времени привелъ къ мысли о гражданскомъ госпиталѣ. До насъ дошло наставленіе о замѣчательномъ указѣ Царя Оеодора Алексѣевича (1682 г.) объ учрежденіи богадѣленъ и проектъ устройства школы для нищихъ, гдѣ предполагалось обучать архитектурѣ, геометріи, фортификаціи, живописи, артиллеріи и разнымъ ремесламъ. Въ самомъ указѣ раскрывалась цѣль новыхъ учрежденій. Предполагалось, что „посредствомъ учрежденія этихъ школъ многіе иностранцы, коихъ вынуждали съ трудомъ и кои проживали обыкновенно самое короткое время въ отечествѣ нашемъ, сдѣлаются пенузами; и напротивъ множество природныхъ русскихъ съ малыми токмо издержками доставятъ отечеству всеобщую значительную пользу“ ²⁾.

Особеннаго вниманія въ названномъ указѣ заслуживаютъ просвѣщенныя заботы объ устройствѣ госпиталя, „гдѣ бы больныхъ лечить и лекарей учить было бы можно“.

Госпиталь былъ устроенъ у Никитскихъ воротъ, а богадѣльня—въ Знаменскомъ монастырѣ. Въ штатъ новаго учрежденія входили: бояринъ, докторъ, три или четыре лекаря со множествомъ учениковъ, подьячій—для дѣлопроизводства и множество служителей. Была также особая аптека „для того что

¹⁾ Матеріалы № 1618.

²⁾ Рихтеръ „Исторія медицины въ Россіи, II 289.

со всякимъ репентомъ ходить въ городъ неудобно". На содержание учреждений назначались специальные капиталы.

Въ томъ же году 24-го—26-го января было указано: „Архангельской епископъ вѣдѣны со крестьяны изъ бобыли и съ пашнею и съ сѣнами покосы и со всеми угодьями, вѣдать и всякіе доходы збирать въ Аптекарскомъ Приказѣ, а для отписки тѣхъ вѣдѣний посланы до отдачи въ Аптекарской Приказъ" ¹⁾. Такимъ образомъ въ Аптекарскій Приказъ поступили со всеми доходами село Ильинское Канинскаго уѣзда, село Каменское—Боровскаго, село Завидово—Клинскаго, деревня Гореносовка—Московского и рыбные промысла на 3 озерахъ въ Пашинской вѣдѣнѣ.

Существованіе намѣченныхъ Осодоромъ Алексѣвичемъ учреждений вполне подтверждается дошедшими до насъ хозяйственными счетами. Смерть Царя учредителя и начавшіяся вскорѣ смуты остановили дѣло, которое впоследствии Петръ I при содѣйствіи доктора Бидлоо осуществить по старому плану.

Многіе историки указъ 1682 г. приписываютъ Петру I-му, хотя обстоятельное изложенеіе этого указа Рихтеромъ, хозяйственные счета, напечатанные Забѣлинымъ и указъ Осодора Алексѣвича о припискѣ вѣдѣній въ Аптекарскому Приказу—не позволяютъ сомнѣваться относительно времени появленія этого замѣчательнаго памятника мудрой дальновидности послѣдняго изъ московскихъ царей, заботившагося не менѣе своего отца о насажденіи врачебнаго образованія въ Россіи.

Полковые врачи назначались Аптекарскимъ Приказомъ, откуда препровождались въ Разрядъ. Эта послѣдняя инстанція заведывала ближайшимъ размѣщеніемъ врачей ²⁾. Понятно, что такой порядокъ вносилъ излишнее треніе въ административный механизмъ и замедлялъ дѣло.

Хмыровъ находилъ, что въ царствованіе Осодора Алексѣвича „самое управленіе всякою медицинскою частью не сосредоточивалось, какъ прежде, въ одной Аптекарской Палатѣ, но раздѣлялось и Посольскимъ приказомъ, гдѣ каждый врачъ—иноземецъ, хотя бы и полковой, долженъ былъ исключительно вѣдать

ся „во всякихъ дѣлахъ" ³⁾. Въ подтвержденіе своей мысли онъ ссылается на указы 1679 г. (Полн. Собр. Закон. т. II № 792) и 12 марта 1680 г. (ibid. № 805). Однако въ первомъ указѣ идетъ рѣчь вообще объ иноземцахъ „голландскихъ стати, позданныхъ, также и иныхъ государствъ", а во второмъ о судебной тяжбѣ между иноземцемъ Андреемъ Минтеромъ и торговцемъ иноземцемъ Мейвелеромъ. О *врачахъ* здѣсь не упоминается. Ихъ то именно касавшіеся специальные указы нами приводились выше (см. стр. 196), а изъ этихъ указовъ слѣдуетъ, что врачебный персоналъ вѣдался *исключительно* Аптекарскимъ Приказомъ. Это подтверждается также множествомъ матеріаловъ, извлеченныхъ нами изъ архивовъ.

Впрочемъ, нѣкоторые послѣдніе изслѣдователи пошли дальше Хмырова и утверждаютъ, что Аптекарскій Приказъ не былъ средоточіемъ медицинскаго управленія не только при Осодорѣ Алексѣвичѣ, но и при другихъ государяхъ.

Такъ г. Соколовскій полагаетъ: „врачебная часть не сосредоточивалась всецѣло въ одномъ Аптекарскомъ Приказѣ. Аптекарскій Приказъ вовсе не былъ, какъ ошибочно заключалъ Рихтеръ и какъ не правильно повторяли съ его словъ другіе изслѣдователи, средоточіемъ медицинской отрасли государственнаго управленія; вѣдѣнію со свѣтской, только что зарождавшейся тогда въ Россіи, медицинской существовало еще врачеваніе монастырское и народное и врачебная помощь подавалась монахами и знахарями" ⁴⁾.

Подъ влияніемъ г. Соколовскаго г. М. Лахтинъ высказываетъ то же самое. Онъ пишетъ: „Средоточивая въ себѣ управленіе медицинскими дѣлами государства, Аптекарскій Приказъ не былъ тѣмъ не менѣе учрежденіемъ, которое объединяло бы все врачебное дѣло. На ряду съ государственной медициной существовала еще медицина народная и церковная, и представители ихъ знахари и монахи, не находясь ни въ какой зависимости отъ officialнаго органа медицинскаго управленія" ⁵⁾.

Вѣроятно, каждый изъ названныхъ писателей знаетъ, что и въ настоящее время существуютъ знахарство и монастырское леченіе и тѣмъ не менѣе, полагаясь, они не отрицаютъ, что ме-

¹⁾ Матеріалы № 1656; Захисловскій, Царствованіе Осодора Алек. стр. 26.

²⁾ Намъ запер. т. II стр. 128, 129, 134, 159, 138, 136 141, 145, 148, 157, 161, 164, 167, 168, 173, 179, 184; т. III ч. II, №№ 3, 4, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 18, 37, 38, 41 67 и ч. IV passim.

³⁾ Хмыровъ, Оп. сіт. Росс. мед. жур. стр. 31.

⁴⁾ Соколовскій, Характеръ и значеніе дѣятельности Аптекарскаго Приказа, Сбб. 1904 стр. 11.

⁵⁾ М. Лахтинъ, Медицина и врачи въ московскомъ государствѣ М. 1906 г. стр. 84.

дицинский департамент или главное военно-медицинское управление *сосредоточивают* в себя врачебное управление. Чтобы это отрицать, нужно указать, какие центральные учреждения занимаются знахарскими или монастырскими врачеванием. Ни г. Соколовский, ни г. Лахтин не указывают подобных учреждений для московской эпохи.

И так *полковые* врачи наряду с другими медиками владели исключительно Аптекарским Приказом. При снаряжении в полки лекаря и другие специалисты получали в зависимость от основного своего жалования и разстояния до места командировки особое вознаграждение. Так в 1662 г. «на подъях и на лошади» до Сивска лекаря получали по 20 руб., ученики по 15 руб.; до Повгорода, Бѣлгорода и Смоленска лекарям отпускалось по 15 рублей. При отпуске в Астрахань в 1667 врач получил 30 руб. и ученик 15 рублей. Кроме того, делались прибавки к основному содержанию, как то: в 1667 за астраханский поход было прибавлено лекарю к годовому жалованью 5 руб. и к месячному корму по 2 руб. ¹⁾

Полковые лекаря пользовались отпусками. Например, в 1678 г. из Курска были отпущены в Москву русский лекарь Кузьма Семенов и ученик Степана Шешукоев «по их челобитию для их великих нужд» ²⁾. В 1691 г. на подъяеина был отпущен в Москву лекарь Алексей Осифович, заявивший, что он был «на Коломне и на Орчике, и которое ле было у него лекарство, и то все у него изшло, а лекарные инструменты и всякая рухлядь в пашею его лавке в Бѣлгородѣ погорѣли» ³⁾. В 1695 г. получил отпуск из Бѣлгорода в Москву лекарь Григорий Зорин «для челобития .. о денежном жалованьи» ⁴⁾.

Бывали случаи, что Аптекарский Приказ переводил лекарей в Москву вследствие их челобитий. Так в 1680 г. лекари Адольф Екимов и Отто Лихерс были переведены из Киева в Москву, так как по их заявлению в Киев они «оскудали и одолжали великими долгами» ⁵⁾.

В виде общего правила медицинский персонал возвращался из походов в Москву по окончании поручения или «по роспуску ратных людей». Так в 1678 г. в Сивск столянику Василию Афонасичу Лопухину с товарищами было послано указ, в котором писалось: «послать с Москвы из Аптекарского Приказа в Сивск, для лечения больновника Андрея Гажонта и иных раненых всяких чинов людей, лекарь шведов Игнат Термонть с лекарством—на время, и того лекаря Игната Термонта отпустить из нас к вел. гос. к Москве на подводах не замечая—буде в Сивску раненых никого нет и лечить некого» ¹⁾. В 1680 г. из Бѣлгорода в Москву были отпущены лекарь Яков Вульф и ученик Якушка Иванков ²⁾. В 1688 г. получили отпуск лекарь Афонасей Мартынов с учеником Митрофаном Васильевым, бывшие на службе в Запорожях ³⁾.

Несомненно возникает вопрос, какими профессиональными познаниями обладали иноземцы, служившие у нас полковыми врачами. Мы уже указывали, какими научным ценностям располагали лекаря прихода 1698 года (см. стр. 169). Доктора более ранних призывов принадлежали к числу лиц с академическим образованием, но и они не высоко поднимались над темной массой самоучек, коноводов и знахарей. В нашу задачу не входит оценка специально научных знаний врачей того времени. Тем не менее, не вероимая докторских заключений об иррегулярности или какиб безум, позволим себе привести два характерных факта.

В 1656 г. доктор Александр Личифинус дал о себе показание: «А лечить онь легкие болѣзни и оть морового повѣтрія; и боярина Василия Васильевича Битурлина онь лечилъ же, а болѣзнъ была у боярина *порча*; а лекарства ему давалъ онъ *порчи*—масло купоросное с каменемъ безуемъ да трожды давалъ ему клестеръ» ⁴⁾.

В 1664 г. доктор Андрей Энгельгардт представил обширную сказку о томъ, «противу какихъ недуговъ бывають упот-

¹⁾ Намн матер. т. I стр. 151 и 153.

²⁾ Ibidem т. II, стр. 295.

³⁾ Ibidem, стр. 337.

⁴⁾ Ibidem, т. III ч. I, стр. 24.

⁵⁾ Ibidem, т. II, стр. 179.

¹⁾ Материалы № 1455.

²⁾ Намн матер. т. II стр. 297.

³⁾ Ibidem стр. 314.

⁴⁾ Матер. № 670.

ребенка медвежьего, волчьего и лисья желчь, сало и проч., заячья кровь, мозг и сердце и о том, как приготовить из них лекарственных снадобий и как ими пользоваться". В этой сказке ученый доктор писал:

„Желчь медвежья дают за морем тем людям, у которых бывает *черная болезнь*, принимать то же желчь с лекарством, которое к той болезни пристойно.

Медвежья печень и кости в лекарство ни в какое не годятся.

Сало медвежье пережуют и то пережуское сало годится к внутренним болезням, у которых людей жилы туги и у которых людей жилы ослабли и у руки и у ноги учнут жилы корчиться; и у которых людей в костях лом, и от того дому, когда ногами станеть хромать, и тем салом жила и где учнут болеть мазать, и от того жилы мягки бывают и болезнь минует.

Волчий желчь пристойно мазать у которых людей *около пупа болезнь*, и у которых людей в ушах заложить, и нуть ту желчь в ухо пунать и мазать ею; и у которых людей головная мокрота, и если рана опухнет, и у которых бывает в ранах дикое мясо и жар, и тою желчью мазать и от того лечается.

Волче сердце посушить в волчьем духу, и как от того сердца будет дух доброй, и как то сердце сторить, и то жареное сердце *принимать женскому полу*, у которых жен *матрица с места вверх поднимется да к тому же болеть*.

Волче мясо и печень пристойно посушить и *женскому полу в одежку в мантию и в карман носить на себе*, а волчью кожу подложить на брюхо и *от того матрица становится прежне место*.

А кости волчьи ни к чему не годятся.

Лисья печень и желчь и легкое посушить и высуша истолочь мелко и просеять, а принимать той печени или легкого по золотнику в пиве, у которых людей бывает кашель и одышка и внутренняя всякая болезнь и у которых людей селезенка опухнет, да от тех же болезней лисью селезенку принимать и прикладывать селезенку по обе стороны против селезенки".

Сало лисье годится мазать у которых людей в руках и в ногах судорога и руки дрожать, и в ногах бывает корч и от того ногами хромают, и у которых людей болят почки и в спину.

Кровь заячья годится у которых людей в лице угри и сею кровью учиваться смывать с лекарств, а с какими лекарствами тою кровью смывать про то доскажет.

Мозг зайчий сварить или изжарить и тот мозг принимать у которых людей *в живот дрожание бывает*.

Желчь зайчья смывать с салом и у которых людей бывает на глазах и на челе и на лице оспа и тою желчью прибавив патоку мазать.

А зайцы молодые которые родятся в марте и тою зайцев живых сечь и сбить и пороть и тот перох принимать у которых людей *каменная болезнь*, а лучше того у которой зайки, зайцы в брехе живые и *тою зайцев из бреха вынуть и сечь и принимать, от каменной болезни в реке мозги зайцев* молодых вынуть и у малых детей хвать ягодина, и от того детям без боли зубы вырастут.

Да зайца же всего изрезать и варить в воде до того времени, чтоб в той воде разварился и в ту воду омачивать плат, и прикладывать к ногам, у которых людей *качущая болезнь* бывает.

Печень заячья посушить и истолочь и той печени *принимать* восемь золотников в реке мозги тем людям, у которых людей *бывает апоплексия*, а по русски падучая болезнь¹⁾.

Вся эта терапия, пожалуй, не годилась бы и для отечественного знахарства, а между тем она входила в русскую жизнь под знаменем медицинской науки. Вот почему мы считаем крупной заслугой московской администрации организацию в Москве при Аптекарском Приказе школьного обучения врачебному знанию с последующей практикой учеников в войсках.

Но среди полковых медиков преобладающее число было русских. Какого же положение занимали эти русские лекари? По рангу они занимали последнее место, в смысле материального вознаграждения — тоже самое. При назначении на должность они получали „на подъем“ около 10 руб., жалованья годового около той же суммы и месячного корму около 4 руб. Между тем как иностранные лекари получали от 20 до 60 руб. жалованья

¹⁾ Наши матер. т. I, стр. 53—54. В том же роде доктором Ливок Ливину-сева составлена была в 1657 г. сказка о пропусканьи и лечении пияв для Архангелской палаты (т. Аптек. прик. № 3). Это такой бесчисленный набор слов, что мы не рываемся здесь приводить даже выдержки.

и до 15 руб. месячного корма. Вот почему русские лекари жаловались: „на твоих Великого Государя службах, мы, холопи твои, бываем вместо лекарей иноземцев: и тѣм твоими государевыми далними службами лекарей иноземцев отслуживаем; а нѣм лекарем иноземцам, твое царское денежное годовое жалованье и месячной кормъ идетъ большой; а мы, холопи твои людишки бѣдные и скудные...“¹⁾ А между тѣмъ, образовательный ценз нашихъ лекарей нельзя полагать ниже науки иностранцевъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно только просмотрѣть биграфическія свѣдѣнія иностранцевъ, которыхъ они сообщали о себѣ при поступленіи въ Аптекарскій Приказъ.

Изъ этихъ свѣдѣній видно, что Яганъ Албанусъ, Эргардъ Диктеръ, Иванъ Глазкой, Иванъ Таборовскій, Семья Беврягинъ и другіе²⁾, проходили тоже практическіе курсы у всякихъ лекарей. Нѣкоторые изъ нихъ были безграмотны, а нѣкоторые, какъ Левъ Липвичусъ, учились даже „собою... между учителей людей“³⁾. Русскіе лекари всетаки проходили пятилѣтній практическій курсъ, а не учились „собою“ и не въ членіе трехъ лѣтъ, какъ medici послѣдняго прихода Виллиа Горстена — Адольфъ Акимовъ, Андрей Бекеръ, Себастьянъ Резлеръ, Ефимъ Гекторфъ и Яганъ Лягусъ⁴⁾.

Въ дѣлахъ Аптекарскаго Приказа сохранилось множество челобитныхъ русскихъ полковыхъ лекарей, въ которыхъ выражены: „нужду и всякую бѣдность терпимъ“⁵⁾ чередуются съ жалобами „остались наги и босы... платишкомъ ободрались... оскудали и великими долгами одожили и зъ женишками помираемъ зъ голоду“... Выраженія характерны для матеріальнаго быта полкового лекаря!

Тѣмъ не менѣе, случалось, что въ челобитныхъ иноземцевъ заносились указанія на судьбу бѣдныхъ соотечественниковъ: „а которые, Государь, мои братья лекари въ Аптекарскомъ Приказѣ служатъ и мложе меня и тѣмъ лекаремъ твое Государево годовое жалованье и месячной кормъ идетъ большой“ или же: „службу я, холопъ твой, служу болши ихъ, а умѣньши мое и лекаревной промышль не хуже ихъ“⁶⁾. Въ 1662 году полко-

вые врачи „Одотка Васильевъ съ товарищи 18 человекъ“ въ своей челобитной о прибавкѣ писали: „а мы бѣдные передъ всеми чинами оскорблены: кормъ небольшой, а хлѣба намъ бѣднымъ ничего не дано — зъ дѣтишками и зъ женишками помираемъ голодною смертью“¹⁾.

Денежное жалованье выдавалось врачамъ изъ Аптекарскаго Приказа, а кормовое доплатеи, главнымъ образомъ, натурою, получалось „въ полѣхъ“²⁾. При этомъ установленныхъ періодическихъ сроковъ для выдачи жалованья не было, такъ что постоянно приходилось напоминать о себѣ челобитными. При отсутствіи послѣднихъ не слѣдовало упоминать о выдачахъ. Напримѣръ, какъ увидимъ ниже, на похороны лишь врачебнаго персонала выдавались изъ Аптекарскаго Приказа особые пособия, и вотъ въ похоронной, такъ сказать, перепискѣ Приказа за 1645 г. находимъ слѣдующее любопытное мѣсто: „Да во 152 году Аптекарскаго Приказу алхимиста и водочника Виллиа Санта не стало, а государева жалованья на похороны ничего не дано, *потому что государю о томъ ничего челобитно не было*“³⁾.

При послахъ въ походъ выдавалась „подмога на подъемъ и на лошади“ иноземнымъ лекарямъ отъ 4 до 30 тл., а русскимъ до 15-ти рублей⁴⁾. Кроме того, иноземные врачи получали возвышенный окладъ и подарки. Въ 1633 г. за смоленскій походъ жалованье съ 3 р. 25 алтынъ было возвышено до 30 рублей въ мѣсяцъ⁵⁾. За калужскій походъ полковому лекаря Елизарію Роланту выдали „противъ московскихъ иноземцевъ ротмистровъ и капитановъ... чарку серебряную да тафти да сорокъ, соболей, всего на двадцать рублей“⁶⁾.

Полковые врачи изъ иноземцевъ получали жалованье и кормъ не только на себя, но и на всѣхъ членовъ своего семейства. Въ 1662 г. лекарь Артемій Назаровъ подалъ весьма характерную въ этомъ смыслѣ челобитную, въ которой писалъ: „а отецъ мой г. Назарій Семеновъ съ матерью моею и съ племянники съ Васильею да съ Андрюшкою, съ Ивашкой Тихоновымъ, да съ Гришкою да

¹⁾ Матер. № 338, 948.

²⁾ Ibidem №№ 625, 841, 1469, 1485, 1505.

³⁾ Ibidem № 670.

⁴⁾ Ibidem № 1569.

⁵⁾ Ibidem № 357.

¹⁾ Ibidem № 301.

²⁾ Ibidem № 107.

³⁾ Ibidem № 188, стр. 78.

⁴⁾ Дополнен. къ акт. истор. т. III № 58.

⁵⁾ Матер. № 116.

⁶⁾ Ibidem, № 220.

сь Тихошкой Пигнаевыми.. твоего г. жалованья денежного корму имъ пѣтъ, живутъ въ Москвѣ у хеня, скитаются межъ двора; а нашей бранной иноземца въ семь товои в. и милости жалованье и кормъ дають, а отцу моему и матери, и племяннику хонхъ корму пѣтъ" ¹⁾. Въ отвѣтъ на челобитие послѣдовалъ указъ выдавать родителямъ просителя по гривнѣ на день, а племяннику по 6 денегъ на день „покажѣста въ службу поспѣвать“.

Лекари изъ русскихъ стояли выше лекарей иноземцевъ и подарками не обременялись; ихъ утѣляли были трудности скитальческой жизни, работа безъ отдыха и голодный праздникъ. Впрочемъ, перенесли и ихъ кое-какія крохи въ случаяхъ особой важности. Такъ въ 1667 г. было показано 14 русскимъ лекарямъ по суну „для всемирной радости обзаведенія сына... государя царевича и великаго князя Алексея Алексѣевича“ ²⁾.

Хорошей стороною московской системы слѣдуетъ признать нѣкоторое попеченіе о больныхъ и инвалидныхъ врачеваннаго персонала.

Напримѣръ въ 1667 году было приказано лекаря Оедотку Яковъ лека „постричь въ Даниловомъ монастырѣ безвкладно“. Какъ видно изъ челобитной этого лекаря, онъ прослужилъ въ Антекарскомъ Приказѣ дѣтъ 15 и былъ въ походахъ и подѣ Смоленскою, и подѣ Вильновъ, и подѣ Риговъ. Служба стала ему не въ мочь, онъ „устарѣлъ и заскорбѣлъ“, а потому и просилъ о безвкладномъ постриженіи въ монастырь ³⁾.

Въ 1669 г. было приказано выдать жалованье за шесть мѣсяцевъ русскому лекарю Сениѣ Алексѣеву, который это время болѣлъ „жюкротною болѣзнию, и въ кистяхъ и въ рукахъ и въ ногахъ и въ составѣхъ“ большимъ ломотъ ⁴⁾.

Въ 1682 г. „антекарскихъ и алхимическихъ дѣлъ“ ученикъ Григорій Пигнаевъ просилъ уволить его отъ службы, причѣмъ заявилъ, что „у него безсиліе великое и головная болѣзнь и сердечной страхъ и трепетъ безпрестанно, и отъ того де песь безсиліе стати и работы работать не сможетъ“. Но государь указалъ: „ему быть по прежнему въ Новой Антекѣ у лекарственныхъ составныхъ дѣлъ; а работать всякой работы ему для сво болѣзни не вѣтъ“ ⁵⁾.

¹⁾ Приложение № 30.

²⁾ Наши матер. т. II, № 21.

³⁾ Наши матер. т. I, стр. 119.

⁴⁾ Матер. № 394.

⁵⁾ Ibidem, № 164.

Пасынки врачебной службы не успѣвали обеспечить своихъ семействъ приличными сбереженіями и къ матеріальнымъ испытаніямъ лекарей присоединялась тревога и опасеніе за судьбу семейства. Въ дѣлахъ приказа сохранилось немало челобитныхъ, въ которыхъ напримѣръ, вдовы лекарей просили: „тѣмъ мужа своего похоронить“. Просьбы о пособіи на погребеніе дѣло не ограничивалось и возбуждался обыкновенно вопросъ о чѣмъ-то изъ родѣ пенсій, „чтобы безпомощной горькой и бѣдной вдовѣ спастись межъ двора голодною смертию не умереть и въ конецъ не погибнуть“.

Такъ въ 1645 г. вдова алхимиста и водочника Христофоровская женщина Лукерьяна была челомъ ей „бѣдной дать тѣмъ мужа своего похоронить“ и, по указу Михаила Феодоровича, было выдано 10 рублей ¹⁾.

Въ 1656 и 1657 г. въ спискахъ жалованья чиновъ Антекарскаго Приказа встрѣчаемъ ассигнованіе жалованья „вдовѣ Аннѣ, антекар, Андрѣевѣ женѣ Иванова“ ²⁾.

Въ 1682 г. „Тихоновской женѣ Анашина на погребеніе мужа ей“ было выдано 4 рубля. Въ ноябрѣ того же года за пестельные сентябрь и октябръ было выдано „Тихоновѣ женѣ Анашина вдовѣ годового и кормовыхъ... 16 рублей съ полтиной“. Въ спискахъ за декабрь того же года имѣется отѣтка о выдачѣ годового и корму „вдовѣ Пискавской женѣ Павлова да сыну ей“ ³⁾. Въ мартѣ 1682 г. послѣдовалъ указъ объ отпускѣ хлѣбнаго жалованья „лекаря Васильевской женѣ Вульфа вдовѣ Маркутъ“ ⁴⁾.

Вдовы и жены взятыхъ въ плѣнъ врачей обыкновенно также зачислялись на казенное кормленіе. Напримѣръ, въ 1662 г. получала жалованье „по два алтына на день“ „воинского лекаря Любимова женщины Агфева сына Гобарева Натальина“, мужа которой „поцѣские люди взяли въ полонъ“ еще въ 1659 году ⁵⁾.

Но какъ ни велика была провастъ между матеріальнымъ благосостояніемъ иноземныхъ докторовъ и русскихъ лекарей, все же развитіе врачебнаго управленія въ московской Руси характеризуется тѣмъ, что привилегированный иноземный элементъ мало

¹⁾ Матер. № 188.

²⁾ Ibidem, № 286 и 287.

³⁾ Ibidem, № 1650, стр. 1262—1263.

⁴⁾ Ibidem, № 1666.

⁵⁾ Ibidem, №№ 311 и 380.

по малу вытѣсняется природными русскими людьми, получившими медицинское образование у себя на родинѣ.

Ростъ медицинскаго дѣла со второй половины XVII ст. характеризуется не только широкой постановкой военно-полковой врачебной службы, но и появленіемъ медиковъ въ городахъ окраинъ и провинціи. Въ 1654 г. были лекари Моисей и Савелій Гавриловы, Осодоръ и Матвій Ивановы и Романъ Лоховицъ въ Шкловѣ; лекари Максимъ и Артемій Прокофьевы и Артемій Озаровъ въ Коновѣ; лекарь Иванъ Михайловичъ въ Полоцкѣ; лекарь Мисколай Зарткивъ въ Могилевѣ¹⁾. Въ 1655 г. въ Бѣлой Церквѣ работали Юрій Мако²⁾. Въ 1657 г. въ повои Цареве-Дмитріевѣ практиковали лекарь Кирика Катумецъ и ученикъ Коновка Павловъ³⁾. Въ 1678 г. въ Казани былъ лекарь Артемій Назаровъ, въ Сѣвскѣ Яганъ Термонъ и въ Шамзинѣ какой-то лекарь иноземецъ⁴⁾. Въ 1679 г. лекарь Матвій Табаровскій работалъ въ Кіевѣ⁵⁾ и т. д.

Врачебная служба по городамъ настолько была обычной въ то время, что о ней специально упоминается въ условіяхъ, заключавшихся съ иноземными лекарями. Такъ въ 1678 г. лекарю Вильму Горстену вел. кн. Осодоромъ Алексѣевичемъ поручалось при наймѣ лекарей уговариваться, что „ихъ служить вел. государю... вѣрою и правдою, не только на Москвѣ, но и въ полковыхъ з бoрy и вoсoвoдo и въ *городехъ* и куда ихъ вел. государь на свою гос. службу посылать укажетъ“⁶⁾.

Мы несколько не преувеличиваемъ значенія этого указа. Мы знаемъ, что города XVII ст., разбросанные по русскимъ окраинамъ, не были еще гражданскими центрами въ нашемъ смыслѣ, что, посылая туда врачей, московское правительство имѣло въ виду главнымъ образомъ нужды военно-служащихъ. Тѣмъ не менѣе выдѣленіе *городской* службы изъ службы въ полкахъ и Москвѣ представляется значительнымъ и должно было послужить готовымъ образцомъ для соответственныхъ мѣропріятій Петра Великаго, этого якобы основоположника нашей врачебной организаціи.

¹⁾ Матер. №№ 249, 255, 258, 260.

²⁾ Ibidem, № 646.

³⁾ Ibidem, № 279 и 280.

⁴⁾ Ibidem, №№ 1452, 1455 и 1465.

⁵⁾ Ibidem, № 1485.

⁶⁾ Ibidem, № 1458.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Обозрѣвая врачебное управленіе въ до-Петровской Руси, приходится остановиться на вопросѣ о больницахъ. Въ одномъ изъ старѣйшихъ нашихъ законодательныхъ памятниковъ, а именно въ уставѣ Владиміра о церковныхъ судахъ мы находимъ уже упоминаніе о больницахъ. При перечисленіи лицъ, подлежащихъ духовно-церковной юрисдикціи говорится: „да се церковныи люди: игумены, попы, дяконы и дѣти ихъ и попадья и кто въ клиросѣ, игуменья, чернцы, чернцыня, прескурица, наложница, лечебца, удовина, задушенный человекъ (воинствующій по духовной), сторонникъ, слѣпецъ, хромецъ, монастырече, боляци, гостиници, странноприимници: то люди церковныи бога дѣлаица, епискупъ, вѣдаеть мези или судъ...“¹⁾.

Конечно, церковные люди не дешево стоили церкви и по уставу же Владиміра она получила въ свое распоряженіе десятинный сборъ—„отъ всего князя суда десятую вѣсью, изъ торгу десятую недѣлю, а изъ доволъ на всяко дѣло отъ всякаго стада и отъ всякаго жита“²⁾.

Къ десятинному сбору присоединялись добровольныя общія приношенія князей, бояръ и простыхъ людей. Въ результатъ въ церковную кассу стекались огромныя суммы, располагая которыми духовенство могло развернуть широкую благотворительную дѣятельность. Среди другихъ благотворительныхъ дѣлъ церкви встрѣчается и сооруженіе больницъ. Напримѣръ, о митрополитѣ кievскомъ Ефремѣ лѣтописецъ повѣствуетъ, что онъ, по сооруженіи нѣсколькихъ церквей, построилъ „строевіе банное и врачеви и больницы, вѣсьмъ приходящимъ безмездно врачеваніе, также и въ Милитевѣ въ своемъ градѣ устрои, и

¹⁾ Полн. Собр. Рус. Зак. Собр. Зак. прибал. Сиб. 1853 г., т. VI, стр. 83.

²⁾ Ibidem, стр. 82.

по иным своим градомъ митрополекыя... се же не бысть прежде на Руси" ¹⁾.

Приведенное свидетельство летописца дает основание предполагать, что въ 1091 г., если не впервые была снаряжена больница, то во всякомъ случаѣ построение больницы представлялось исключительнымъ явлениемъ. Въ послѣдующее время больницы стали возрастать въ числѣ, хотя къ половинѣ XVI ст. ихъ все же было меньше, чѣмъ того требовалось по количеству лишь въ нихъ нуждавшихся. Иначе не пришлось бы на Стоглавомъ соборѣ 1551 г. поднимать вопроса „о богадѣльныхъ избахъ“. На соборѣ было рѣшено: „всѣхъ прокаженныхъ и престарѣвшихъ описать по всѣмъ градомъ оиротѣ здравыхъ строевъ да въ коемъ же градѣ устроить богадѣльни мужскіи и женскіи и тѣхъ прокаженныхъ и престарѣвшихъ, не могущихъ нигдѣ же главы поклонити, устроить въ богадѣльняхъ пищу и одежду, а боголюбцы милостыню и вси потребная имъ приносить же своего ради спасения“ ²⁾.

Писцовыя книги, составленныя во второй половинѣ XVI столѣтія даютъ обширный матеріалъ для сужденія о размѣрахъ церковно-благотворительной дѣятельности по сооруженію особыхъ мѣстъ для призрѣнія немощныхъ. Въ новѣйшее время соответственной обработкѣ писцовыя книги подвергъ г. Бензинъ въ своей прекрасной работѣ „Церковно-приходская благотворительность на Руси“ ³⁾. Изъ имѣющихся здѣсь данныхъ слѣдуетъ, что въ 23 уѣздахъ и вотчинахъ Троице-Сергіевой Лавры имѣлось 1132 помѣщенія для призрѣнія и въ 12 городахъ 470 помѣщений ⁴⁾.

Конечно, эти свѣдѣнія нельзя считать полными, но ими устанавливается весьма важный фактъ всеобщаго существованія особыхъ пріютовъ для увѣчныхъ и калѣкъ

¹⁾ П. С. Р. Л. Никоновъ-Лт. Сб. 1862 г. т. IX, стр. 116.

²⁾ Стоглав. Кален. 1862 г. стр. 335.

³⁾ Бензинъ. Церковно-приходская благотворительность на Руси. Трудовая помощь. 1906 г. № 7.

⁴⁾ Въ Тульскомъ уѣздѣ 43 помѣщенія, Дидловскомъ 8, Каширскомъ 76, Вильевскомъ 51, Енинскомъ 16, Орловскомъ 27, Валеевскомъ 47, Московскомъ 35, Коломенскомъ 6, Звенигородскомъ 9, Дмитровскомъ 47, Владимирскомъ 5, Переделанъ-Завидскомъ 2, Юрьевъ-Польскомъ 8, Муромскомъ 21, Ростовскомъ 15, Помеховскомъ 8, Костромскомъ 19, Удвикомъ 13, Старицкомъ 17, Вязовскомъ 13, въ вотчинахъ Троице-Сергіевой лавры 181, Тверскомъ 78, Новгородскихъ вотчинахъ 384. Въ городахъ Коломенъ 51, Москвитъ 102, Туль 32, Енинскъ 12, Вильевъ 29, Дидловъ 25, Протокъ 27, пригородахъ Пелова 51, Низовскъ Новгородъ 60, Троицъ 18, Москвитъ 60.

Заботы объ этихъ пріютахъ князей, духовенства и частныхъ лицъ не прекращаются до конца XVII столѣтія. Такъ въ грамотѣ отъ 30 сент. 1678 г. патриархъ пишетъ Вологодскому и Бѣлозерскому архіепископу Симону: „въ прошломъ году... изволеніемъ в. г. и в. кн. Осодора Алексѣевича (т.) московскихъ *богатырей* старшихъ и младшихъ, мужеска пола и женска, *четыреста двадцать человекъ*, которымъ давати кормъ, деньги и хлѣбъ, и соль, и прочая потребная на пищу и одежду изъ Приказу Большого Дворца, велѣно вѣдать изъ нашихъ Святѣйш. Патриарха (Иоакима) дому, и питати ихъ и всякая потребная имъ давати изъ нашего жъ дому... И съ совѣтомъ вел. гос. имъ св. патриарха указали на невозможеніе изъ прокормленія тѣмъ нищимъ нашихъ митрополитскихъ и архіепископскихъ и епископскихъ епархій всѣхъ въ данныхъ церквей и съновостроенныхъ, которые впредь построены будутъ, малое число, по три алтына по двѣ деньги съ церквей... присылать къ намъ по вся годы“ ¹⁾.

Изъ Приказа Большой казны отнужданы были и на провинціальныя богадѣльни. Объ этомъ можно судить, напримѣръ, по указу 14 дек. 1681 года, изъ котораго видно, что изъ царской казны въ Новгородъ посылалось „и въ *богатырские* тысяча шестьсотъ девяносто пять рублей десять алтын“ ²⁾.

Изъ частныхъ лицъ заслуживаетъ въ этомъ отношеніи вниманія бояринъ Ртищевъ. Въ обширной статьѣ „жизніе милостиваго мужа О. Ртищева“, помѣщенной въ Визвлюнкѣ Новикова, о немъ разсказывается, что онъ посылалъ „соглядатаи на пути града да подѣже обрисууть отъ болѣзни и глада изнеможенныхъ, и оныхъ повѣсткаи привозити въ домъ на се устроенный, въ немъ же оныхъ отъ изгнѣнія своего потребными довольство твораше... ихъ же тамо овогда *двадцать*, овогда же и *тридцать* человекъ въ различныхъ болѣзняхъ бываху“ ³⁾. Кроме того Ртищевъ „въ царствующемъ же градѣ Москвитъ видя скитающіеся и по путемъ лекашія всякія недужныя никакого прибѣжища имущія, купи пѣкій домецъ, и устрои въ немъ *два келіа*, и тамо собравъ овогда *13 человекъ*, а овогда и *15 человекъ*, питаше и успокаиваше тоя“. О характерѣ этого учрежденія даетъ понятіе слѣ-

¹⁾ Акты истек. Сб. 1836 г. т. IV № 228.

²⁾ Ibidem № 348.

³⁾ Визвлюнка Новикова т. XVIII стр. 413—414.

дующее замечание: «живущие же въ той больницѣ суть немощныи, состарѣвшіи, слѣпыи и иныи недуги одержимыи»¹⁾.

Богатѣйши, больницы, кельи, упоминаемыя въ вышеприведенныхъ матеріалахъ не представляютъ изъ себя *лечебныхъ* заведеній въ нашемъ смыслѣ. Это были пріюты. Въ всякаго сомнѣнія, что искусство знахарей встрѣчало здѣсь широкое гостеприимство. Но нужно имѣть въ виду, что лечение недужныхъ не было главной цѣлью устроителей, искавшихъ христіанскаго подвига въ одномъ призрѣніи безпомощныхъ.

Въ настоящемъ смыслѣ больничныя заведенія въ Россіи отсутствовали до 1682 г., когда по указу Осодора Алексѣевича было повелѣно «во еуропейскіи обычаи» соорудить въ Москвѣ «дѣи мнѣшныи»²⁾. Но и послѣ этого не прекратилось сооруженіе духовными пріютовъ для больныхъ. Напримѣръ, патріархъ Іоакимъ 9 апрѣля 1685 г. указалъ: «Николаевской обѣдой монастырь съ вѣтчинами и со всѣми угодами принести въ Софійской домъ и въ тотъ монастырь построить *больницю для прокормленія и покоя больныхъ* и питати ихъ изъ вѣтчины того Николаевского Бѣлаго монастыря»³⁾. Это распоряженіе послѣдовало въ отвѣтъ на увѣдомленіе, что «устарѣлыми и скорбными» всякихъ чинныхъ людей больницы построятъ негдѣ.

Что касается душевно-больныхъ, то въ этой области нельзя усмотрѣть какой либо особой административной организаціи, какъ отрасли внутренняго управленія. Московское правительство XVII ст. не включало въ кругъ своихъ обязанностей организацію лечебнаго дѣла въ интересахъ *частныхъ* лицъ. Поэтому душевные болѣзни, какъ и всякія другія, совершенно игнорировались властями. Последнія выступали лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда болѣзнь принимала эпидемическій характеръ, становилась *общественной*. Тогда начиналась энергичная сыскная дѣятельность администраціи, доканчивавшейся до причинъ болѣзни, роцескивали виновниковъ и т. д.

¹⁾ *ibidem*, стр. 415.

²⁾ Этотъ указъ былъ сообщенъ Берху статскимъ совѣтникомъ Анастасевичемъ, который отъ вѣстои Барлаана получилъ копію съ подлинника, хранящагося въ дѣлахъ Антедараго Приказа. До настоящаго времени подлинная рукопись не разыскана. Указъ цѣлкомъ напечатанъ у Берха въ его книгѣ «Варствование царя Осодора Алексѣевича» СПб. 1825 г. стр. 86—100.

³⁾ Довольно въ акт. истор. СПб. 1872 г. XI стр. 96.

Въ видѣ общаго правила душевно-больныхъ помѣщали въ монастыри, которые въ то время были центромъ благотворительной дѣятельности, своего рода школами богоугодныхъ дѣлъ. Инициатива заключенія туда больныхъ исходила иногда отъ родственниковъ послѣднихъ, иногда же отъ властей, ближайшихъ начальниковъ, однообщественниковъ и т. д. Всякій разъ требовалось пеходатайствовать указы государя.

Такъ въ 1648 г. состоялся указъ «послать Микиту Уварова въ Кирилловъ монастырь подь начало для того, что Микита Уваровъ въ умѣ помѣшался... а въ Кирилловъ монастырь велѣть его держать подь крѣпкимъ началомъ и у церковнаго пѣнія и у келейнаго правила велѣть ему быть по вся дни, чтобы его на истину привести; а кормить его велѣть въ трапезѣ съ старцами ахѣстѣ; а будетъ Микита въ монастырѣ учить дуровать и въ послушаніи монастырскомъ быть не похочетъ, и его велѣть держать въ хлѣбѣ въ работѣ скована, чтобы его отъ его безумія на истину привести». Тогда же дочь Стрѣшнѣна Варвара была челоу государю «сослать подь начало на время въ монастырь» ея мужа Осодора, чтобы ей «бѣдной съ дѣтскими отъ его руки не погибнуть»¹⁾.

Въ 1651 г. Микитка Автофѣвъ, сказавшій «во изступленіи ума своего» государево слово, былъ сосланъ въ монастырь къ Николѣ на Шарту, а велѣно его держать подь крѣпкимъ началомъ»²⁾.

Въ 1676 г. былъ челоу Андрюшка Ивановъ сынъ Черкашевиновъ: «по твоему в. г. указу и по наряду высланъ на твою в. г. службу углоченъ недоросль Микита Осодоровъ сынъ Кучковскій и волею Божьею на него сослана скорбь, ума рехнулся... а мнѣ х. т. онъ Микита *племинникъ* и побережи ему его некому...пожалуй меня х. с., вели г. его Микитку сослать на Угличъ и дасть его подь начало въ монастырь»³⁾.

Въ 1681 г. Ивашко князь Михайловъ сынъ Мешерскій докладывалъ, что *племинникъ* его родной князь Сежень «ума своего рушился и по се число бѣснуется», а поэтому просилъ «его послать подь начало въ Боровскъ въ Пафнутьевъ монастырь... что-

¹⁾ Наши матеріалы т. III, ч. II, № 58 и Приказ. ст., столб. № 130.

²⁾ *ibidem* № 60.

³⁾ Приложение № 48.

бы ему из такой его скорби и из бесноватых внешностью напрасно не умереть и от святых соборных церкви не отлучиться" ¹⁾.

В 1685 г. сын боярский Кузнец Кохнев, по государеву указу, „для того что он в изступлении ума“ был сослан „въ Николаевский монастырь, что на Угрии, а велено его из того монастыря держать под началом“ ²⁾.

В 1694 г. дьяк Петра Писова был заключен в Курский Богородицкий Знаменский монастырь „для того что он в изступлении ума и говорить, что не надобно“ ³⁾.

Не всегда, конечно, из монастырей могли быть подходящие условия для помещения душевно-больных. В одних монастырях не находилось места для новых лиц: в других не было подходящих помещений для содержания „под *крюком*“ ⁴⁾ „началом“. Например, гулящий человек Семка не был отдан в Воскресенский монастырь „потому что того Воскресенского монастыря у стропила старца Иса старца ходить по своей воле просто по саду, как простые люди“ ⁵⁾. При помещении Богородицкого дьяка Петра Вяземского возникло затруднение другого рода. В Богородицк оказался только один монастырь, Николаевский да „и тот самый скудный и малолюдный, и держать его Петра из того монастыря некому“. Писать в ближайшие Знаменский и Святотроицкий монастыри воевода находил „опасно от воинских людей“. Оставался только Богородицкий Знаменский в Курск, но тот был „людный и люден“ ⁶⁾. Там не менее больного временно поместили туда.

В случае невозможности по каким-либо причинам заключить больного в монастырь, администрация пользовалась тюрьмами. Характерна в этом отношении челобитная Ославы Шеховского, заключившего в 1652 г. душевно-больного в тюрьму и писавшего по этому поводу в Москву: „да из тюрьмы выкинуть его не съѣю, потому что только учинить какую пакость, кого зарубить или где дворь зажечь“ ⁷⁾.

¹⁾ Ibidem № 36.

²⁾ Там же, т. III, ч. II, № 63.

³⁾ Ibidem № 65.

⁴⁾ Ibidem № 62.

⁵⁾ Ibidem № 65.

⁶⁾ Ibidem № 62.

Ковидному, для заключения душевно-больных московская администрация пользовалась тюрьмой или монастырем лишь в крайних случаях, когда больные были опасны для общественного спокойствия, а родственникам у них не было. Так в 1637 г. власти вытаскивали из приречья ярославского татарина Фарафузюла потому, что, по сведениям ярославских и романовских татар, „роду и племени у татарина нет, побережь того татарина некому“ ¹⁾. Гулящего человека Семку Топанского воевода Шеховской поручивался хотеть отдать из отца, чтобы „для сына своего Семку взять к себе“ и, темже узнав, что отец больного „денеж нейдет куд“, обратился к государю за указом ²⁾. Черкасчичи просили о помещении в монастырь племянника, указывая на то, что „побережь его некому и не стати к себе никто его не примет, потому что стали он малолумен, велит его бить“ ³⁾.

До нас дошла одна челобитная Ивана Писовича князя Мезеряка, который в 1708 г. просил отдать ему его малолуменного родственника для сбережения. Из челобитной этой видно, что князь Оседор Мезерский, родственник челобитника, „был Ругодневу пропав безвещен“. Последовавшего остался брать его родной князь (Александр) малолумен от родственника матери своей да осталась жена его князя Оседора Матроне безвеща, и убои рушилась и была из Воскресенского монастыря под началом и из под начала взята была. Вышла из под начала, она приняла к себе малолуменного Александра, а „который ему князь Александру похотел и вогнать были надлежать, и с тех похотей и вогнать доходы князя она княгиня Матрена“. По смерти последнего челобитник и просил размыкать князя Александра и разрешать ему с тех похотей и вогнать доходы князя малолуменному на содержание ⁴⁾. Вероятно, перспектива „измания доходов“ и руководила челобитником.

Хорошо стороны тогдашних порядков следует признать то, что монастырь не являлся поманенной тюрьмой для заключенного. Не только родственники больного, но и монастырские

¹⁾ Ibidem № 57.

²⁾ Ibidem № 62.

³⁾ Приложение № 18.

⁴⁾ Ibidem № 53.

и другие власти возбуждали ходатайства об освобождении тех, лишь, к которым возвращалось здоровье. Ходатайства эти удовлетворялись после надлежащего удостоверения в действительном выздоровлении. Например, Микифорко Автофеев был посажен в монастырь „покажется отъ Микифорка *въ совершенный умъ придетъ*“. Этот Микифорко въ монастырь под начальством пробыл с 28 июня по ноябрь 1651 года. Чувствуя себя хорошо, онъ подалъ государю челобитную съ просьбою освободить его. Велѣдние челобитной была послана 29 декабря грамота къ епископу Серапиону, из которой писалъ государь: „и ты бѣ богомолецъ нашъ пошлѣ отъ себя въ Тихонову пустынь къ игумену Сергію того пригоже и велѣть того игумена допросить. — Микифорко Автофеев, будучи въ монастырь под начальством, въ совершенный умъ пришелъ-ли, и будетъ Тихонову пустыни игумень скажетъ, что тотъ Микифорко знаетъ въ совершенномъ умѣ, и ты бѣ велѣть у него игумена взять сказку за его рукою“¹⁾.

Дяди Микиты Кузовского ходатайствовать о послѣщении племянника въ монастырь „покажется отъ отъ той болѣзни *излечится*“²⁾.

Боярский сынъ Кузма Кохневъ также былъ заключенъ въ монастырь „до тѣхъ мѣстъ, покажется отъ опамается и *въ разумъ естественный придетъ*“. Кохневъ въ монастырь находился с 6 июня 1685 г., а 3 октября слѣдующаго года игумень съ ораторіею писалъ къ великому государю: „ливенецъ де сынъ боярский... шитъ въ разумъ своемъ несправился“ и просить „того Кузму Кохнева изъ подъ начала освободить“. По указу 10 октября Кохневъ былъ освобожденъ и отправленъ съ приставомъ на прежнее мѣсто службы, причѣмъ ливенскому воеводѣ Остафьеву было указано: „и ты бѣ его Кузму велѣть... принять и быть ему на Ливнахъ въ прежней службѣ, какъ онъ по послѣднему разбору написанъ, а съ Ливенъ его никуда не отпускать ни для чего и велѣть отдать его на поруки съ записью, чтобъ ему съ Ливенъ никуда не выѣзжать“³⁾. Очевидно, выздоровѣвшему не вполне доверяли. Предосторожность во всякомъ случаѣ умѣстная.

¹⁾ Памят. матер. т. III, ч. II, № 59.

²⁾ Приложенье № 48.

³⁾ Памят. матер. т. III, ч. II, № 63.

Въ 1694 г. Бѣлгородскаго дьяка Петра сослали въ монастырь „покажется отъ отъ той болѣзни *обможетца*“¹⁾.

Въ 1703 г. послѣдовать указъ относительно Андрея Бестужева: „его Андрея сыскавъ взять на Вологду въ приказную избу и держать на чепи“. Но посланные не могли привести въ исполненіе указъ и донесли, что „онъ Андрей лежитъ въ скорбѣ и въ неумѣ, и живетъ въ особой хоромиѣ; а какъ онъ Андрей въ неумѣ, тому будетъ лѣтъ пятнадцать“²⁾. Къ сомнѣнію, нельзя себя увѣрить, для чего повелѣвалось посадить Бестужева на чепи, но этотъ указъ представляется интереснымъ въ другомъ отношеніи: онъ знакомитъ насъ съ практиковавшимся домашнимъ содержаниемъ душевно-больныхъ въ „особыхъ“ хороминахъ.

Къ признанію того—либо душевно-больныхъ московское правительствомъ относилось съ большою осторожностью. Въ каждомъ отлѣпномъ случаѣ назначались осмотры, освидѣтельствованія, опросы, съѣзды черезъ окольныхъ людей и священниковъ, и только въ случаѣ убѣдительныхъ доказательствъ душевной болѣзни больной, смотря по обстоятельствамъ, отправлялся въ монастырь, освобождаясь отъ службы или отдавался родственникамъ подъ опеку.

Такъ въ 1676 г., прежде чѣмъ отослать подъ начало угличанина Микиту Кузовскаго, были допрошены 45 дворянъ и дѣтей боярскихъ³⁾. Въ 1681 г. кн. Семенъ Мещерскій подвергся осмотру „какъ больныхъ и старыхъ и увѣзанныхъ дворянъ допрашивали и въ то время на осмотровой тетради помѣчено: велѣно про его князя Семенова бѣснованье и скорбь розыскать“⁴⁾. Въ 1650 г. въ слѣдую избу явился разланецъ Василій Масловъ и сталъ кричать: „Иду въ Литву, выманийте де меня къ государю въ Москвѣ или де меня пытайте“. Тогда же онъ былъ „отданъ за пристава“ въ ожиданіи государева указа. Въ виду же того, что братья больного заявили, что онъ боленъ „черною болѣзною“, послѣдовать указъ провѣстать съѣзды, „что тотъ Василій Масловъ черною болѣзною боленъ-ли и сколько давно боленъ и такія рѣчи, что онъ хочетъ въ Литву отлѣхать, говорить въ немочи ли“⁵⁾. При розыскѣ было допрошено 615 челобитныхъ!

¹⁾ Ibidem, № 65.

²⁾ Приложенье № 52.

³⁾ Ibidem, № 48.

⁴⁾ Ibidem, № 36.

⁵⁾ Ibidem, № 2.

В материалах имеется указание на весьма прискорбный факт: пытки душевно-больного с целью раскрыть «государево слово». В 1624 г. были подвергнуты пыткам душевно-больной жидец Катый Кудашев сын Осдорев. Он был уличен «въ печатномъ воровствѣ» и «съ пытки въ томъ воровствѣ вынылся, что сговорилъ онъ подпечатать государевы четыре грамоты да съ пытки жъ сказать на себѣ черную немоги». Поэтому дѣло послѣдовало удивительный указъ «его Катышка *за воровство и за черную немоги* изъ жития выкинуть»¹⁾. Подобный же случай произошел въ 1631 г. съ отставленным монастырскимъ служкой Микифоркой Антофеевымъ. Послѣдній 21 апреля «бѣдучи отъ монастырской отъ воротной башни, кричать и скандалить за собою государево дѣло». Спустя семь дней «того Микифорка Антофеева ударила о землю черная немоги». И тогда же жене его ввели въ сызкую избу «за пристава» до государева указа.

Ждать пришлось недолго: 16 мая была послана изъ Москвы грамота «того отставленного служки Микифорки Антофеева у пытки распрощить, какое за нимъ государево дѣло, и на кого сказать, и съ тѣмъ дать ему такую ставку». На допросѣ Микифорку дали показанія противъ келара Галактиона и новара Андроника. Первый будто бы говорилъ: «время идетъ послѣднее, посылають подо Псковъ силу на православную христіанскую вѣру, не долге де парствовать, и Борисова де время минется, а котораго Бориса — и про то не сказать». Новаръ же на сообщеніе Микифорки о томъ, что государь въ Звенигородѣ строитъ монастырь, будто бы замѣтилъ: «въ Звенигородѣ де государь монастырь строитъ, а иные разоряетъ».

Оговоренные и свидѣтели рѣзительно отвергли показанія Микифорки. По правиламъ судопроизводства того времени предстояла пытка всѣхъ привлеченныхъ къ дѣлу лицъ, но отъ кровавой процедуры они были избавлены, вѣроятно, благодаря заступленію Микифорки, что «то дѣло онъ Микифорка говорилъ по изгущенію ума своего, потому что де онъ за грѣхъ одержанъ болящею черною немогию и про ту де его боляще вѣдомо изъ Судахъ многимъ людямъ»²⁾.

¹⁾ Приложение № 44.

²⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 59.

Въ 1630 г. возникло такое же дѣло «о государевомъ словѣ». Душевно-больной Рясилій Масловъ явился въ сызкую избу и «почетъ въ сызкей избѣ вѣдать, что будто де я Васма въ Литву бѣду, и вы де меня посылайте изъ Москвы или пытайте. И въ сызкей избѣ самъ было обоготился, плати съ себя по-сметать, а вѣдѣть себя пытать вразумения наученьемъ»¹⁾. Въ этомъ случаѣ де пытки не дошло, такъ какъ братья большого успѣха подать государю челобитную съ извѣщеніемъ о черной немоги больного, что и было удостоверено многочисленными показаніями окружающихъ людей.

Въ 1640 г. Микита Уваревъ «бить шуткомъ поритомъ нечаяно за то, что онъ гос. указу не послушалъ, учинился слепъ, пристава посылъ саблемъ и стрѣлками перерезали и много время си дѣлъ заперлись у себя въ хоромахъ, и перерезаннаго губного старосту ринуть или шивали»²⁾.

Въ 1652 г. «сказывать за собою государево дѣло «боляли Иванко Акинниновъ. Немедленно онъ былъ приведенъ въ воеводѣ и Иванко Акиннина допрашивали, какое за нимъ Иванкомъ государево дѣло и на кого извѣсти государево дѣло вѣдѣть, и онъ бы Иванко про то государево дѣло сказалъ правду, не за тѣмъ ни на кого и не покрывая ни по кому, а *будеши онъ Иванко про государево дѣло правду не скажетъ, и судъ Иванку въ томъ болѣе бити пытану*»³⁾.

Въ другомъ дѣлѣ имеется указаніе на притѣсненіе пытки не къ самому душевно-больному, а, по его показаніямъ, къ воеводе, а именно: въ 1657 г. стояли Иванъ Лихаревъ, прозвавша на Духу «воинственный разсудъ», про тѣхъ порочныхъ людей съскакивать, и на кого они порочные въ порѣхъ своей говорить и онъ Иванъ тѣхъ людей пыталъ»⁴⁾. Такимъ образомъ душевная боляща или крайняя степень верного расстройствъ или индивидуального страданія могли обращаться въ большое общественное бѣдствіе, инаково и катѣво выхватывать свои жертвы изъ радостъ мирныхъ обитателей и втягивать ихъ въ кровавый процессъ тогдашняго сыска.

¹⁾ Приложение № 2.

²⁾ Приказъ. Столбъ столб. № 130 л. 2 7—332.

³⁾ Ibidem, № 45.

⁴⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 70.

Что же говорить документы о проявлениях душевных бо-
лѣзней и причинах их? Не все акты дают ответъ на постав-
ленные вопросы, но въ некоторыхъ изъ нихъ имеется довольно
материала для заключений. Въ однихъ актахъ, напримѣръ, пи-
шется: кн. Яковъ Дуловъ „умомъ рушился и учалъ быть въ из-
ступленіи ума“. Въ другихъ же описываются проявленія болѣзни.

Такъ о татаринѣ Татаркѣ Форафузовѣ въ 1637 г. сообщается,
что „ума отбылъ тотъ татаринъ, въ нехоти ходить, у нихъ Та-
тарко по станамъ сабли и пинали смелъ и людей саблями съ-
четъ, а пинали стрѣляетъ и всемо дурно дѣлаетъ“¹⁾.

Сенка гуляшій человекъ въ 1652 г. „послѣдніемъ Божиимъ
тяжкимъ недугомъ одержимъ, пакости многи дѣлаетъ, людей по-
жогъ рѣшетъ и животину побиваетъ, и мясо отрѣзавъ сырое
ѣстъ, и въ ночи съ огнемъ по городу ходить“²⁾. Въ томъ же
году боишъ Иванка Акиншинъ „умъ рушился и взялъ де съ
собою двое лошадей да садокъ и побѣжалъ невѣдомо куда, и
многихъ де было людей въ Скопинѣ изъ лука перестрѣлъ“³⁾.

Въ 1676 г. педоросъ Микита Оедотовъ сынъ Кучковскій...
ума рехнулся и дорогою идучи отъ Углича своею братью многихъ
перембилъ, а много порубилъ, и заша въ телегѣ топоромъ из-
сѣкъ, и платинку съ собою растерялъ, и съ лошадю сѣдло и
ружье все потерялъ“⁴⁾.

Въ 1689 г. Семень Михайловъ сынъ князь Мендерецкій „ума
своего рушился и по се число бѣснуется... и онъ князь Семень
въ бѣснованіи своемъ Божіе милосердіе складни въ печь ки-
нуть и сажетъ и крестъ съ собою снимаетъ и въ печь мечетъ и
людей бьетъ и зубомъ кусаетъ и много многое скверное и гнус-
ное дѣлаетъ“⁵⁾.

Въ 1682 г. „волею Божьею... Андрей Клементьевъ сынъ Родіо-
новъ памяти отбылъ и ума рушился многаяжды, въ палости своей
бросается въ воду и въ огонь, и бѣгаетъ на лѣсъ и крыется отъ
Божья милосердія, и за людьми гонится со всякою скверностью,
и изъ церкви бѣгаетъ во время божественнаго пѣнія“⁶⁾.

¹⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 57.

²⁾ Ibidem, № 62.

³⁾ Преположеніе № 45.

⁴⁾ Ibidem, № 48.

⁵⁾ Ibidem, № 36.

⁶⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 60.

Въ 1694 г. дьякъ Петръ Псаковъ, будучи въ курскомъ уѣздѣ
въ деревнѣ помѣщика Гориннова „на постояломъ дворѣ, выневъ
ножъ у себя изъ ножень, и мненскаго ящика да Земскаго При-
казу подъячаго Микиту Тѣльнова, который съ нимъ ѣхалъ, учелъ
ихъ рѣзать, а, вшевъ въ избу, тѣмъ же ножомъ порѣзалъ жену
свою да дворовую свою женку“. Кроме того Псаковъ „съ но-
жемъ гонялъ же“ за помѣщикомъ Горинновымъ и „мненскихъ
ящиковъ... дорогою былъ батоги и саблемъ, и съ копей за ними
гонялъ“¹⁾.

Иногда во всѣхъ подобныхъ проявленіяхъ буйства немалую
роль играло пьянство. Такъ въ 1648 г. Варлаа Мака-
шевъ о своемъ мужѣ заявлялъ, что онъ „отъ многого пьянства
въ умѣ рушился и за дѣлами своими гоняется съ саблемъ и пи-
налъ по нимъ стрѣляетъ“. Въ другомъ жетѣ своей челобитной
она пишется: „мужъ мой 3 апрѣля отъ вина вился ума рушился,
а меня бѣдную бьетъ во вся дни и дѣлываетъ разогнать, гони-
етъ съ саблемъ и пиналами, и платинку у меня пересѣкъ, и
окошечъ рамы выскѣлъ, и животинки продавалъ, а мнѣ бѣдную
ничего не оставилъ... а жить съ нимъ не можно никою хѣрою,
спился съ ума, въ кабакъ съ животинками пропилъ, а съ жеп-
ками отъ меня живетъ, на дочь смелъ на постелю насильст-
воу“²⁾.

Въ 1701 г. „лазуподомнишъ Артекій Даниловъ, будучи на
службѣ в. г. въ Бѣлгородѣ во многохъ пьянствѣхъ учинилъ мно-
гихъ бѣлгородскихъ жителямъ и между его Анд. Иванъ, солдатамъ
бѣды, во пьянствѣхъ бивать, много былъ обухомъ и шапку зару-
билъ, а бѣлгор. жителей многихъ билъ же, и съ саблемъ га-
пывался, и банишечки рубилъ, и священниковъ страшилъ,
изъ лука стрѣляетъ и конемъ колеть, и у соборной церкви въ
ноги караульничковъ билъ же, а въ шимъ приѣзжалъ ко дво-
рамъ и драдеа на дворѣ, и въ томъ его пьянствѣ много на
него полушолъ, въ Бѣлгородъ разрядъ изѣлъ и на сѣмшемъ дворѣ
челобитныя записано“.

Этимъ, однако, не ограничивались бѣзчинства полушолковника.
Изъ челобитной его дешиковъ видно, что „ходить де онъ по-
лушолъ, съ ними денщиками въ Бѣлгородѣ по улицамъ по по-

¹⁾ Ibidem, № 62.

²⁾ Ibidem, № 58.

чашь и людей бьют и их денщикою бить заставляют, и они денщики, види въ такомъ его безурядствѣ, въ томъ его не слушаютъ, и онъ де полуполк за то ихъ денщиковъ самихъ бьютъ, также и караульничю въ шланствѣ бьютъ же". Сначала полуполковникъ былъ отосланъ въ Архирейскій Судный приказъ, чтобъ его „привести въ чувство смиренія... для исправленія ума", а потомъ „за шланство и безумство, что ума отступилъ" его выслали въ Москву ¹⁾.

Иногда буйное помѣшательство явилось результатомъ шланства въ связи съ другими причинами, наприѣръ, поврежденіемъ головы. Подобный случай произошелъ въ 1692 г. съ Бѣлозородецкимъ ротмистромъ Андреемъ Волковымъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ описывали положеніе дѣла „гражданинъ и убадшіе всѣхъ чинныхъ людей": „и онъ Андрей живучи... въ Бѣлозородецкую на приказѣ являеуеся и насъ х. чинныхъ бьютъ, безпрестанно своими руками смерятъ боемъ да онъ же Андрей въ прошломъ въ 290 году въ іюлѣ мѣснѣ шланствомъ своимъ скавалъ на лошади и съ лошади унать, и съ того бою умъ рушился и отъ того чина и чинѣ лезить въ Бѣлозородецу и скорбитъ къ смерти, и лежа шланствуеъ, и отъ его Андрея безумія чинныхъ и г. дѣламъ чинятся остановки и всѣмъ челоуѣкимъ дѣламъ распрата чинить некому; а городъ Бѣлозородецкій на чертѣ, всенъ про воинскихъ людей безпрестанно, и какаѣ прихотъ воинскихъ людей будетъ, и противъ ихъ промѣслу чинить некому; а Бѣлозородецкій городъ весь обметать и стѣны всѣ обвалились".

Но другихъ недостатковъ Андрей „дави въ безуміи, и бѣсаетъ изъ дому по городу и за городъ въ одной рубахѣ боемъ, а въѣдетъ де его на послодскомъ мѣстѣ снать пасники его Андрея и погнать де бьютъ и бранятъ напрасно, а онъ де Андрей и въ Приказную избу никогда не ѣздитъ и распрата инакомъ не чинитъ, да пасники же его Кирюшка собираетъ четвертными деньга съ 34 зороетъ по 4 алтына въѣдетъ по какому указу" ²⁾.

Въ 1639 г. изъ Московскаго Суднаго Приказа были посланы люди „по Микиту Уварова, по челобитію Иванова жены Гризева вдова Полаген въ убивствѣ крестьянина ея; и тотъ Микита Уваровъ, гдѣхъ петляничюмъ и разсѣнныхъ билъ и по поне-

дѣланихъ и по понатыхъ изъ лука стрѣлялъ и съ дрекомъ за нѣхи гонялся, а петляничю Микиту Киришиковъ събъ саблею". Черезъ дѣѣ недѣли за нѣхи были посланы другіе люди, но Микита Уваровъ пристау и стрѣляемъ не дался и заперся въ горнищѣ и стрѣлялъ по нѣхъ изъ пиналей и изъ лука цѣлый день. Спусти мѣснѣ изъ нему были отпавлены губной староста и стрѣльцы, но, по донесенію воеводы, староста вернулся „раненъ и убитъ по дѣвой лошади изъ пиналей да онъ же Микита... раненъ изъ пиналей стрѣляемъ по брѣху и сѣдлѣ, заперши въ горнищѣ съ женою, и изъ горнищъ у него подѣлами бои на всѣхъ стѣнахъ и пороги въ горнищѣ пелани безъ бою вить его неможно, а и съ боемъ безъ огня его томъ пелани, вить ороми, что выжоритъ его голодомъ".

Въ 1610 г. жаловался на своего вѣнча того же Микиту Уварова пашини, которые писали: „и тотъ вѣнчалъ насъ Микита держитъ насъ сильно у себя съ людскими пашини... и вѣнчаномъ и поповенномъ дворомъ и животами кадеетъ онъ, пашинство, а на тѣхъ пашинъ крестьянниковъ подати съметъ боемъ по по ихъ сѣдлѣ, а отъ его г. Микитинныхъ податей наши крестьянники бредутъ, розно да онъ же вѣнчалъ насъ, людские, пашинъ мучитъ всякою мукою, мушкетъ и ослодъ пытать и саблею съчетъ, а челоуѣку жосу... ухо отрѣзавъ... а насъ сиротъ и жѣтѣ нашу хочеть побить до смерти" ³⁾.

Послѣ долгихъ ухищреній Уварова все таки схватили. Вѣнчанъ его людьми наказывалось его „связать... наирѣвно и дороговъ бередъ, чтобъ Микита въ дорогѣ не увелъ и дура наль собою не учинитъ". Оказавшееся столь заботливое отношеніе къ бѣловому не спасло его отъ пытки за все содѣланное изъ во дѣи познани.

Выше были указаны случаи (стр. 308), когда выдержаннаго душевно—бѣлого отпавили на презвную службу, учредилъ за нимъ нѣкоторый надзоръ. Совершенно исключительнымъ характеръ представляетъ инцидентъ, происшедшій въ 1621 году, когда въ Василій Щербатовъ прислать въ Москву выходна нѣмчина Давона „а на Москвѣ выходецъ нѣмчинъ Давонъ допрашиванъ, и онъ въ роспросѣ сказаться не уѣдетъ, потоу что сбродитъ съ ума". Можно было бы ожидать, что Давонъ будетъ заключенъ въ тюрь-

¹⁾ Ibidem, № 67.

²⁾ Роднъ летоисч. ч. III, гл. II, № 66.

³⁾ Прикази, столб. столб. № 150, л. 297—332, обор. 330—338.

му или отослать в монастырь, подь началъ,* но „бояре приговорили того ибѣжника Джона сослать въ низовые города, куда притоже, и устроить во что придется, и кормить ему давать, чѣмъ силу быть“¹⁾.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ вопросѣ о душевно-больныхъ отношеніе къ нимъ власти. Извѣстно, что въ Европѣ до конца XVIII ст. душевно-больные содержались въ тюрьмахъ, а многіе изъ нихъ были даже закованы въ цѣпи и подвергались всевозможнымъ истязаніямъ. „Незавенными, по замѣчанію проф. П. И. Ковалевскаго, въ умѣхъ всѣхъ образованныхъ людей должны быть имена Pinel и Conolly. Первый освободилъ этихъ несчастныхъ (душевнобольныхъ) отъ цѣпей, второй избавилъ ихъ отъ истязаній и далъ гуманную систему леченія. Первый работалъ во Франціи, второй въ Англіи“²⁾. Въ 1792 г. Пинель принялъ хѣто врача въ Бисертѣ. Вотъ какъ описываетъ Л. Ковалевская виденное въ Бисертѣ новыя врачевъ: „часть, принадлежащая дому умалишенныхъ, представляла собою рядъ конуръ узкихъ, ходовыхъ, сырыхъ, лишенныхъ воздуха и свѣта... Тѣ, кого запирали въ эти гнилые прѣюты, были всецѣло въ вѣдѣніи болѣничныхъ служителей,—а эти служители набирались изъ тюрьмы. Несчастные сумасшедшіе, какъ каторжанники, скованные и связанные цѣпями, были отданы въ безконтрольное вѣдѣніе сторожей. Местояія хѣры надзирателей, предпринимаемая противъ несчастныхъ заключенныхъ приводили ихъ въ неистовство и вызывали крики, вой и гамъ; ужасъ этой обстановка еще болѣе усиливался звономъ желѣза ихъ цѣпей“³⁾. Изъ Бисерты Пинель перешелъ въ Сальпетриеръ, но по замѣчанію Л. Ковалевской, „тамъ былъ тотъ же ужасъ и жестокость. Ему пришлось бороться съ страшными затрудненіями и побѣдить. Цѣли сумасшедшихъ Сальпетриера пали такъ же, какъ и цѣли сумасшедшихъ Бисерты“⁴⁾.

Напечатанные нами архивные матеріалы впервые обрисовываютъ положеніе душевно-больныхъ въ Россіи XVII столѣтія, и мы должны отмѣтить, что это положеніе было несравненно лучшее у насъ, чѣмъ даже сто лѣтъ спустя на Западѣ.

1) Приложение № 1.

2) Ковалевскій. Психіатрія X, 1886 г. т. I, стр. 242.

3) Архивъ психіатріи 1885 г. т. VI, № 2.

4) Ibidem.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ настоящей главѣ мы имѣемъ въ виду охарактеризовать основы борьбы съ эпидеміями въ до-Петровской Руси. Объ эпидеміяхъ за указанный періодъ имѣется значительная литература, которая довольно подробно съ фактической стороны описываетъ отдѣльные случаи, но слишкомъ мало удѣляетъ вниманія характеристикѣ *принципиальныхъ* руководящихъ началъ дѣятельности московской администраціи. Не останавливаясь на описаніи отдѣльныхъ эпидемій, мы постараемся разобраться въ хѣрахъ московскаго правительства по медицинской полиціи и показать, что онѣ вырабатывались помимо заимки иностранныхъ медиковъ, безъ всякаго ихъ вліянія на народъ и администрацію того времени.

Наша літописи упоминають о многихъ десяткахъ эпидемій, болѣшая часть которыхъ сопровождалась засухами, смѣнявшимися сильными ливнями, наводненіями, ранними заморозками, инеями, и т. п. Перѣдко эпидеміи сопровождались новальными болѣзнями лошадей, рогатаго скота, птицъ, рыбъ, лѣсныхъ и полевыхъ звѣрей. Эти эпидеміи заносились то изъ Европы черезъ Полоцкъ, Смоленскъ, Псковъ и Новгородъ, то проникали черезъ Крымскій рубецъ. Суровый климатъ, частые неурожаи и голодовки, рядъ болѣшихъ войнъ и неудовлетворительное довольствіе ратныхъ людей способствовали усилению заботливости и увеличенію смертности. Въ общемъ, такіе образы, складывались весьма благоприятныя условія какъ для развитія, такъ и распространенія эпидемій.

Правительство старалось ослабить общественныя и государственныя послѣдствія эпидемій, но хѣры борьбы съ ними вырабатывались, постепенно, исподволь. Здѣсь не было готовыхъ образцовъ или традицій. Приходилось извлекать указанія изъ настоящаго во имя будущаго, камень за камень сооружать арсеналъ, цѣлесообразность котораго должна была проявить себя спустя нѣсколько столѣтій¹⁾.

1) Большая часть цитируемыхъ столбцовъ Московскаго и Новгородскаго столб. Моск. Архива Мин. Вѣщанія напечатана нами въ XVIII выпускѣ „Извѣстій Археологическаго и Историческаго обществъ“, остальные акты входятъ въ четвертый томъ нашихъ матеріаловъ по исторіи медицины въ Россіи.

Обратился, однако, к извешиванию эпидемий и постарался подметить в этой печальной повести народных бедствий приемы народной сознательности, выработанные здравым русским смыслом. В 1128 г. Новгород был охвачен голодом, который окончился мором. Смертность достигла ужасающих размеров. Трупы умерших валялись по улицам, на торговой площади, по дорогам, повсюду. И новгородцы *„много поймали много мертвых из города“*¹⁾.

Прошло столетие, и в 1214 г. из того же Новгорода опять наступил голод и началось повальное заблуждение. Новгородцы *„послали много судей и много пошли по улицам трупы, но поля трупы не ждали, ни избытки человек“*²⁾. Очевидно, смертность была так велика, что не было возможности похоронить всех. Трупы не могли обозначаться, пошла мифо-поэтическая легенда об обычных мотылях.

В 1230 г. из Новгорода снова повалила эпидемическая смертность, опять улицы покрывались трупами, которых безразлично терзали собаки. Архиепископ Спиридон для погребения умерших *„велел послать много судей, т. е. общую мотылю и расчистили приставить к ней мужа блага, сиречь, именитого Станисла, возити мотыли из коней“*³⁾. Но этого ряда судейскими отрядами из владыки *„особо лица“*. И это было огромным шагом вперед, так как прикосновенность знатных лиц к погребению умерших способствовала ранней заразы, а с другой стороны, опасение заразы могло быть настолько сильным, что не нашлось бы добровольцев для уборки трупов, и последние оставались бы не погребенными, что явилось бы дополнительными факторами усиления смертности и распространения эпидемии. Напротив, рассказывая о море в Псковской земле в 1353 г., летописец добавляет: „Мнози же послужили хотине умерших и тии скоро неспелно умираху, *тои ради много отбывахоти послужаши умершим“*⁴⁾.

Судейскими сооружались в 1341 г. во Пскове и Изборке, в 1364 г. в Москве и других местах, в 1389 г. во Пскове,

из 1421 г. из Новгорода, в 1422 г. во Пскове, в 1478 г. из Новгорода, в 1558 г. во Пскове⁵⁾. В упомянутых московских, псковских и новгородских судейских XIV и XV столетий хоронили по 10 человек и больше. А в 1230 г. в Смоленске в одной судейской положили 16000 чел., в другой 7000 чел. и в третьей 9000 чел. и в Новгороде 3030 человек. Во Пскове в 1553 г. в одну судейскую погребли 4800 чел. и в другую 2700 человек.

В 1352 г. из Новгорода свирепствовала черная смерть „и множество безмечено людей добрых море тогда“. Новгородцы послали плаху, чтобы они *„захали паравла, востри по Орехову“*, т. е. со стороны предполагаемого движения заразы⁶⁾. Таким образом, явилось еще одно оригинальное мероприятие в виде зачаточного пограничного карантинного.

В 1521 г. мор начался во Пскове. По свидетельству летописца, умирали „мужи и жены, старыи и младыи, а оть гостей и оть лучших людей, бели малы вси не поимрени“, и первое возмани жертвы на Петровской улице у Юрия у Табулоца у священного, и влады Михайло. *„Кисельна велел дати на Петровской заперени сь обочи конюш“*⁷⁾. Это распоряжение влады Михайлы можно признать установлением первого внутреннего карантинного, а предшествующую мфру новгородцев первым применением идеи о пограничном карантинном.

В последующее время мысль об изоляции „запорных“ хвостов нашла себе широкое и настойчивое приложение из жизни. Так в 1552 г. из Новгорода по случаю эпидемии чумы, было объявлено псковичам куншам, чтобы *„всех они захали кони, часа того, из Новгорода сь товарищ сь камишныбути. А поймают гости псковитина назагреб в Новгород сь товарищ сь камишныбути, ино его выведи за городь ежели сь томи ром; а в Новгородь вымуть во дворь Псковитина, ино дворника бити мутом, а Псковитина ежели. И бысть застава на*

¹⁾ Ibidem, Новгород. II, Сб. 1811 г. т. III, стр. 129; Псков. I, Сб. 1818 г. т. IV, стр. 189; Псков. Предл. Сб. 1859 г. т. VIII, стр. 12; Псков. I, стр. 193; Новгород. I, Сб. 1811 г. т. III, стр. 110; Псков. II, Сб. 1854 г. т. V, стр. 24; Псков. I, стр. 25; Псков. I, стр. 308.

²⁾ Ibidem, стр. 85.

³⁾ Ibidem, стр. 85.

⁴⁾ Ibidem, стр. 85.

⁵⁾ Ibidem, стр. 85.

⁶⁾ Ibidem, стр. 85.

⁷⁾ Ibidem, стр. 85.

¹⁾ Ibidem, Новгород. II, Сб. 1811 г. т. III, стр. 129.

²⁾ Ibidem, стр. 85.

³⁾ Ibidem, стр. 85.

⁴⁾ Ibidem, Новгород. II, Сб. 1811 г. т. III, стр. 129.

псковской дорогѣ, чтобъ гости сътоваромъ не ѣздили во Псковъ, ни изъ Пскова въ Новгородъ" ¹⁾.

Само собою разумеется, недостаточно оцѣнить зараженную мѣстность. Для воспрепятствования распространению заразы необходимо не допускать выхода хотя бы и здоровыхъ людей за черту оцѣленія. Напримѣръ, въ 1239 г. во Псковѣ велѣдѣніе эпидеміи „бысть страхъ и трепетъ на всѣхъ вѣлѣхъ и вси бѣжаша сѣмо и окаяно и не вѣрше себе никто же камо бѣжати" ²⁾.

Въ 1532 г. подобныя выходы еще не были воспрещены. Напримѣръ, во время мора во Псковѣ „начала отъ мѣсяца іюля и до Христова Рождества яко и воеводамъ градскимъ и сановникамъ изъ града, плача ради людского и страха ради смертнаго, вонъ выѣхати, койже изъ селѣхъ и мѣстѣхъ тайныхъ крыхуся и живяху" ³⁾. Но уже въ 1566—67 г. г., когда моровое повѣтріе обильную жатву собрало изъ Новгородѣ и Псковѣ, новгородцы оцѣнили свой великій городъ и прекратили всякія сношенія съ псковичами, „а которые люди побѣжали изъ града и тѣхъ людей близкою аману и женою" ⁴⁾.

Въ эпидемію 1572 г. запрещалось погребеніе въ городѣ, у церквей, таинхъ умершихъ, у которыхъ на тѣлѣ оказывалось „знамя смертоносное". Было приказано подозрительныя труны выносить за городъ „въ деревню Водопильную за пестъ веретъ, по Голдону внизъ". Кроме того, въ цѣляхъ строжайшей изоляціи „поставили засѣку по улицамъ и сторожей изъ которой улицы челоуѣкъ уречетъ знаменехъ, и тѣ бѣжы загради и съ людьми, и кормили тѣхъ людей уличною, и отъ сѣхъ отъбѣжы показавши тѣхъ людей знаменехъ не вѣдали". Въ случаѣ нарушенія послѣдняго запрещенія „тѣхъ священниковъ вѣдали жєнцѣ съ тѣми же людьми съ болными" ⁵⁾.

И такъ строгость взысканія за карантинное нарушеніе не остановилась даже передъ чашей со сл. дарами! Приходится только пожалѣть, что не всегда свѣтская власть удерживалась на этой трудной позиціи и, снисходя къ религиозной потребно-

¹⁾ Пол. Свѣ. Рус. Лѣт. Свѣ. 1841 г. т. III, Новгород. лѣт. II, стр. 155.

²⁾ Патр. Свѣ. 1772 г. стр. 114.

³⁾ Пол. С. Р. Л. Свѣ. 1853 г. т. VI, Оприв. Рус. Лѣт. по покрес. поворѣрус. свѣдѣн. стр. 289.

⁴⁾ Н. С. Р. Л. Свѣ. 1841, т. III, Новгород. лѣт. II, стр. 253.

⁵⁾ Ibidem, Новгород. лѣт. II, стр. 169.

сти населенія, нерѣдко отступала, безпрятственно позволяла собираться для крестныхъ ходовъ, молебствій и другихъ церковныхъ службъ, что въ большинствѣ случаевъ только способствовало распространенію заразы съ усиленною быстротою.

Въ 1390 г. въ Новгородѣ „бысть моръ... тогда же поставиша церковь... святаго Афанасія во единъ день" ¹⁾. Въ 1407 г. во Псковѣ „сѣздаша церковь во имя св. отца Аоан. въ единъ" день ²⁾. Въ 1417 г. тамъ же „поставиша церковь святую Анастасію въ память ея... церковь свят. Илію и св. Афанасія... единымъ утромъ" ³⁾. Въ 1420 г. въ Псковѣ „въ единъ день поставиша церковь во имя святаго Всемилоостиваго Спаса" ⁴⁾. Въ 1424 г. „поставиша церковь Новгородинъ въ единъ день... святый Спасъ Милостивый" ⁵⁾. Въ 1442—43 г. г. псковичи поставили „церковь Похвалу святыхъ Богородицы" ⁶⁾. Въ 1466 г. во Псковѣ „поставиша въ единъ день церковь заѣтную во имя преводобнаго отца Варлаха" ⁷⁾. Въ 1467 г. по случаю мора во Псковѣ и Новгородѣ новгородцы „поставиша церковь деревню Святаго Селіона Богопримца" ⁸⁾. Въ 1487 г. псковичи „поставиша 2 церкви, св. Образа Господа нашего Исуса Христа да свѣд. мученику Анастасію" ⁹⁾.

Въ 1507 г. въ Новгородѣ поставили „церковь въ единъ день... на память св. мученика Лукіана презвитера, въ имя тресвятая Владыцы нашей, Богородицы и Приснодѣлы Маріа честная ея Похвалы" ¹⁰⁾. Въ 1521 г. во Псковѣ „поставиша церковь святаго Варлаха подлѣ Всемилоостиваго Спаса; и моръ не преста. И пакѣ поставиша другую церковь Покровъ святыхъ Богородицы" ¹¹⁾. Въ 1532 г. во Псковѣ „повелѣ князь великій изъ своей казны церковь поставити обиденную... и поставиша церковь св. Гавріила" ¹²⁾.

¹⁾ Н. С. Р. Л. Новгород. I, Свѣ. 1841 г. т. III, стр. 95.

²⁾ Ibidem, Псковская II, Свѣ. 1851 г. т. V, стр. 20.

³⁾ Ibidem, Новгород. I, стр. 107.

⁴⁾ Ibidem, Псковская II, стр. 23.

⁵⁾ Ibidem, Новгород. IV, Свѣ. 1848 г. т. IV, стр. 120 и Новгород. I, стр. 110.

⁶⁾ Ibidem, Псковская I, Свѣ. 1848 г. т. IV, стр. 212.

⁷⁾ Ibidem, Псковская II, стр. 35.

⁸⁾ Ibidem, Новгород. IV, Свѣ. 1848 г. т. IV, стр. 127.

⁹⁾ Ibidem, Псковская I, стр. 267.

¹⁰⁾ Н. С. Р. Л. Новгород. V, Свѣ. 1848 г. т. IV, стр. 136.

¹¹⁾ Ibidem, Псковская I, стр. 294.

¹²⁾ Ibidem, Псковская I, стр. 298.

Въ 1533 г. въ Новгородѣ преосвященный Макарій „повелѣ создати единымъ днемъ церковь деревяну... во имя святаго славнаго апостола и евангелиста Марка, по жребію“¹⁾. Въ 1537 г. въ Новгородѣ была срублена церковь „Похвалы Богородицы въ дѣтищѣ“²⁾.

При сооруженіи церквей обыкновенно все населеніе данной мѣстности принимало участіе въ постройкѣ: одни возили дѣся или таскали его на себѣ, а другіе возводили зданіе. Освящалась церковь въ тотъ же день, когда и строилась. На освященіе обыкновенно „стекошася весь градъ“.

Въ случаяхъ менѣе тяжелой заразы населеніе собиралось на молебны. Такъ въ 1417 г. въ Новгородѣ „владыка Семеонъ, съ всею седмию съборовъ и съ христіанами, съ кресты, обходи около всего города, молися Богу и пречистой его матери о преставленіи гнѣва божія“³⁾.

Когда мѣстные средства не достигали цѣли, то на помощь привлекались московскія святѣи. Тогда изъ Москвы разсылалась вода „со святыхъ мощей“ Напримѣръ, въ 1521 г. святая вода была послана во Псковъ⁴⁾. Въ 1532 г. повторилось тоже⁵⁾. Въ 1592 г. изъ Москвы была послана во Псковъ вода „съ чудотворныхъ мощей Петра Алексѣя, Іоны и медъ чудотворцевъ Алексѣевъ“⁶⁾.

Въ арсеналѣ мѣропріятій для борьбы съ эпидеміями къ концу XVI в. излѣлись слѣдующія рациональныя средства: тщательное погребеніе умершихъ вдали отъ жилыхъ мѣстъ и питьевыхъ водъ, прекращеніе сообщенія съ зараженными мѣстностями посредствомъ заставъ и костровъ, наконецъ, оціпленіе отдѣльныхъ улицъ и домовъ.

Въ семнадцатомъ столѣтіи эти исконныя карантинно-санитарныя приемы достигли еще большей степени совершенства и разнообразія. Въ эпидемію начала XVII ст. Борисъ Годуновъ въ Москвѣ „повелѣ мертвыхъ людей въ убогихъ домахъ погребати и

учреди къ тому людей, кому тѣ трупы збирати“¹⁾. Нѣсколько лѣтъ спустя, по случаю мора въ Смоленскѣ, Годуновъ распорядился „крѣпнати заставы и прибавиши ихъ до Брянска, чѣмъ никто изъ Литвы и въ Литву не ходитъ“²⁾. Эти указы напоминаютъ намъ повгородскій карантинный арсеналъ XIII и XIV столѣтій съ „лаймитами“ и пограничными „кострами“.

Въ 1623 г. въ Москвѣ получились извѣстія, что „въ Польшѣ и въ Литвѣ на люди моровое повѣтріе и голодь великій и литовские люди умышленемъ нарочно хотять изъ моровыхъ мѣстъ посылати съ купецкими людьми... въ города всякіе товары и продавати дешевой цѣною“ а поэтому повелѣвалось „по порубежнымъ мѣстамъ по всѣмъ дорогамъ поставити заставы крѣпкія дѣтей боярскихъ добрыхъ, кому можно вѣрить“³⁾. Такіе указы были посланы въ Путиль, Рыльскъ, Брянскъ, Сѣвскъ, Мценскъ, Козелецкѣ, Мосальскѣ, Калугу, Вязьму, Ржевъ, Великіе Луки, Торонецъ и Псковъ съ пригородами⁴⁾.

Въ 1626 г. появились слухи о моровомъ повѣтріи на Литовской границѣ и было приказано: „буде въ Литовскихъ городахъ моровое повѣтріе на люди подлинно есть, и вы бѣ... отъ литовскаго рубежа по всѣмъ дорогамъ и по примѣтнымъ мѣстамъ заставы поставили крѣпкія, чтобы однолично зимою заставъ въ Торонецъ и въ тороренскія мѣста дорогою и лѣсами изъ за рубежа и изъ моровыхъ мѣстъ никакимъ человекомъ не проѣхалъ и пѣшъ не прошелъ и не прокрался никакими обычай“⁵⁾.

Въ 1628 г. были оціплены Брянскій уѣздъ и 120 человекъ карантинной стражи было поставлено „по заставамъ отъ Серпейскаго и отъ Смоленскаго и отъ Трубчевскаго рубежа“⁶⁾.

Въ 1631 г. въ Коломенскій уѣздъ были посланы указы „да будетъ съ моровое повѣтріе на люди объявлено, и имъ въ тѣхъ мѣстахъ велѣно заставы поставити околныхъ людей, а въ иныхъ мѣстахъ и застави застави, и о томъ приказъ велѣно учинити крѣпкій и беречь велѣно накурѣно, чтобы изъ повѣтранныхъ мѣстъ

¹⁾ Ibidem, Софійская, отрыв. рус. лѣт. Сиб. 1853 г. т. VI, стр. 290.

²⁾ Ibidem, Новгород. III, Сиб. 1841 г. т. стр. 249.

³⁾ Н. С. Р. А. Новгород. III стр. 249.

⁴⁾ Ibidem, Псковская I, Сиб. 1848 г. т. IV, стр. 295.

⁵⁾ Ibidem, Софійская II, отрыв. рус. лѣт. Сиб. 1853 г. VI, стр. 289.

⁶⁾ Ibidem, Псковская I, стр. 345.

¹⁾ Русская Литовск. по Никонов. списку. Сиб. 1799—92 г. VIII, 47.

²⁾ Ibidem, 59.

³⁾ Архивъ Мин. Вѣстникъ Импер. Стол. Столб. № 10 д. 92—99 и № 12, д. 521—527.

⁴⁾ Ibidem, Московскій Стол. Столб. № 15 д. 69—85, 88—98.

⁵⁾ Ibidem, Разрѣд. кн. № 21 д. 14.

⁶⁾ Ibidem, Коломенскій Стол. Столб. № 20.

на здоровых мѣста никто не ходилъ и не ѣздилъ, такъ же и изъ здоровыхъ мѣстъ въ моровыя мѣста никому ни по что ходить и выѣзжать не велѣно¹⁾.

Въ 1654 г. чѣ Вяземскою, Дорогобужскою и Смоленскою уѣздахъ люди умирали „скорою смертію“ и „всякихъ животныхъ большой падежъ“²⁾. Въ виду этого были задержаны войска, предназначенныя къ отпавкѣ въ неблагополучныя мѣстности. Въ 1636 г. по случаю морового повѣтрія изъ Крыма крымскіе гонимы были подвергнуты изоляціи въ Ливнахъ и Осколѣ³⁾. Въ 1640 г. были сооружены заставы по Брянской дорогѣ. На заставахъ жили дѣти боярскіе, „перехватывая по дѣти пѣдѣли“⁴⁾. Въ 1643 г. вслѣдствіе эпидеміи „пострига“ послѣдовало распоряженіе „и всякихъ чиновъ людей, помѣстныхъ и вотчинныхъ селъ и деревень крестьянъ съ пяти дворовъ по человѣку съ рогатины и съ топоры и съ заступы и... отъ Вязмы большія дороги, и проселочныя, и малыя степки, и заѣзды лѣсомъ и всякими крѣпостями укрѣпить, и на заставахъ, и на заѣздахъ, и на сторожахъ въ день и ночь огни класть непрерывно и беречь того накрѣпко, чтобъ изъ Вязмы и Вяземскаго уѣзда въ Калугу и Калужскій уѣздъ и въ иные не въ которые городы... никто не проѣхалъ и не прошелъ“⁵⁾. При этомъ была объявлена смертная казнь всѣмъ, насильно прорвавшимся черезъ заставу, а также и тѣмъ, которые пропустили бы черезъ карантинную линію „по дружбѣ или за взятку“.

Чужимъ 1654—1656 г. г. заставили московское правительство проводить въ борьбѣ съ эпидеміей самую строгую изоляцію. Въ это время царь Алексѣй Михайловичъ былъ занятъ польскою войною и находился съ войскомъ подъ Смоленскою, а семья царская оставалась въ Москвѣ. Первою заботою было спасеніе государя и войска. Съ этой цѣлью состоялось распоряженіе: „на Можайской дорогѣ и по инымъ, которыми ѣздить съ Москвы подъ Смоленскъ, чтобы съ Москвы подѣ Смоленскъ не ѣздили, да по дорогамъ же, на Троицкой, на

Володимирской и на иныхъ, которые всякихъ чиновъ люди поѣздить подъ Смоленскъ, чтобы ѣздили не займа Москвы“¹⁾.

Когда военныя силы были обезпечены въ смыслѣ полного отдѣленія отъ захваченной Москвы, послѣдовали мѣропріятія для изоляціи московскаго царскаго дворца. Было приказано „въ государевыхъ мастерскихъ палатахъ и на Казенномъ дворѣ, гдѣ государево платье, двѣри и окна... замазать, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ вътеръ не проходила, а на дворѣ продолжіе двѣри и двѣри... замкнуть... а въ которыхъ дворѣхъ учинилось на Москвѣ моровое повѣтріе и изъ тѣхъ бы дворовъ босмалили людей выискивать не велика и велика тѣхъ двѣри замазать и приставить къ тѣмъ двѣрямъ сторожи криакіе, чтобъ изъ тѣхъ дворовъ отнюдь никто не выходилъ, и съ Москвы по деревнямъ и въ города ихъ не отпускатъ“.

Нельзя обойти молчаніемъ, что карантинныя строгости были поставлены въ очень разныя границы. Заваливались только захваченные дворы, но не весь городъ, такъ что жители вносили здоровыхъ домовъ и улицъ не лишались никакой свободы передвиженія и о нихъ особо наказывалось: „тѣмъ бы людямъ съ Москвы ѣздить не запрещать“²⁾. Однако вносило свободное, совершенно безпретѣсное сообщеніе Москвы съ окрестностями могло способствовать распространенію заразы въ уѣздѣ, въ виду чего 26 августа ставится стрѣлщина „на болшой Стрѣлчанской дорогѣ, подѣ деревнею Храпковомъ“ и изъ наказанія „дикриво, чтобы Стрѣлчанской дорогѣ съ Москвы въ Переславской и Суздальской и въ Юрьевской уѣзды, отнюдь никакихъ людей не проускали“³⁾. На слѣдующій день было указано относительно дорогъ „отъ Москвы на Коложну и въ Государевы помѣстные городы, велѣть съ заставъ, и на тѣхъ дворахъ посылать заставы криакіе“⁴⁾.

Въ концѣ июля 1654 г. воеводѣ Ивану Федоровичу Еропкину повелѣвалось „уинить отъ Москвы по Можайской, и по Вяземской, и по Волоцкой, и по Боровской дорогѣ, и по инымъ по всѣмъ дорогамъ, которыми къ Смоленску, такъ же и хель до

¹⁾ Ibidem, Владимирскій столб, столб. № 43, л. 1—15.

²⁾ Ibidem, Бѣлгородскій столб, столб. № 48.

³⁾ Ibidem, Бѣлгородскій столб, столб. № 97.

⁴⁾ Ibidem, Бѣлгородскій столб, столб. № 130.

⁵⁾ Ibidem, Бѣлгородскій столб, столб. № 192.

¹⁾ Доводы къ акт. истор. ЧИЗ. 1818 г. т. III, № 119, II, стр. 443.

²⁾ Ibidem, т. III, № 119, III, стр. 441.

³⁾ Ibidem, т. III, № 119, IV, стр. 445.

⁴⁾ Ibidem, т. III, № 119, V, стр. 445.

рогъ по проселочнымъ дорогамъ заставы крѣпкія и стереги того накрѣпо, чтобъ никто никакомъ челоуѣкъ черезъ заставу днемъ и ночью украдомъ и не являсь не прошелъ и не проѣхалъ" ¹⁾.

Въ началѣ августа въ Москвѣ получился извѣстїе, что „въ Царевѣ Займищѣ учинилось на люди моровое „повѣтріе съ язвами“, а поэтому предписывалось въ случаѣ подтвержденія извѣстїя „по Вяземской дорогѣ отъ Царева Займища въ ближнихъ мѣстѣхъ и межъ большихъ дорогъ по проселочнымъ дорогамъ и по малымъ стезямъ, гдѣ пригоже, поставить заставы крѣпкія... а въ Вяземѣ городѣ, и на посадѣ, и въ слободахъ, и въ Вяземскомъ уѣздѣ... у которыхъ люди объявятся язва, и они бѣ тѣ язви указывали *буланками тѣлами* и прикладывали изюмными ягодами, а для того велѣли бѣ вяземскимъ кузнецамъ сковать буланыхъ шиль сколько доведется" ²⁾.

Въ слѣдующемъ году московское правительство еще болѣе усилило бдительность медицинской полиціи. Такъ 7 сентября царь указалъ, чтобы всѣ донесенія о московскихъ дѣлахъ присылались къ нему въ коняхъ, „а подлинныхъ отискоукъ подѣ Смоленскъ посылать не велѣли" ³⁾. Со стана на рѣкѣ Нерѣ царское семейство отправилось 8 сентября въ Калужскіе монастыри, но вдругъ получило извѣстїе, что черезъ дорогу въ монастырь провезено тѣло думной дворянки Гавреневой, умершей, вѣроятно, отъ заразной болѣзни. Извѣстїе это произвело переполохъ, последовать тотчасъ же указы: „въ которомъ мѣстѣ черезъ болшую дорогу тѣло Ивановой жены Гавренева перевезли, и слыкавъ допряма, на томъ мѣстѣ, на дорогѣ и по обѣ стороны дороги, саженъ по десяти и болши, *накласть дрова и насыпать по мѣсто юрзѣю и уюле съ тое дороги и насыпать съ землею велѣтъ свезти, а на то мѣсто насыпать новыя земли; а въ ширину выжигать та дорога на сторону саженъ по десяти и болши, а землю, которою засыпать, нять издали, а не близко тое дороги" ⁴⁾.*

Заставы крѣпкія были поставлены повсюду: и въ Новгородѣ, и въ Псковѣ, и въ Калугѣ, и въ Ярославлѣ. Такимъ образомъ вся Москва оказалась въ зановѣдномъ кругу. Что касается мерт-

выхъ, то они погребались „во всея пашь, въ чемъ и на чемъ умерли“. Самое погребеніе происходило „искорь, чтобъ отъ тою моровое повѣтріе не множилось“. Загорные дворы обламывались, а гдѣ не было воды „къ тѣмъ дворамъ сторожамъ приносить воду и давать черезъ ворота" ⁵⁾. Обламывались, засѣкались кругомъ цѣлыя деревни и села, чтобы „изъ тѣхъ загорныхъ селъ и изъ деревень съ крестьяны и всякіе живущіе люди здоровыхъ селъ и деревень съ крестьяны-жъ и со всякими житецкими людьми не сходились никоторыми дѣлами... Всѣхъ гошюи и всякихъ служилыхъ людей, выѣзжавшихъ въ различныя мѣста по казеннымъ надобностямъ, подвергали строгому карантину: „и какъ учинитъ приѣзжать, и тѣхъ язвинокъ *всильно держати за заставами небыти ни даръ, ни при... а велѣны сводити имъ за заставами небыти" ⁶⁾. Въ томъ же году, 22 сентября были объявлены особыя правила для сношеній съ иверичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ и всѣмъ царскимъ семействомъ.*

Московская администрація карантинныя строгости довела до такой степени, что подѣ полицейскій надзоръ поставила отдѣльныя дома и полицейскія функции возложила даже на домохозяевъ. Въ 1654 г. населенію Устога и уѣзда предписывалось не держать у себя выходцевъ изъ Москвы „а будетъ кто кого учинитъ къ себѣ пускать и держать у себя тайно, а послѣ про то сыщется, и тѣмъ людямъ быть за то въ смертной казни безо всякія пощадъ" ⁷⁾. Въ томъ же году въ пажити Тихвинскаго монастыря архимандрита Юсифа жителямъ Тихвинскаго посада о недопущеніи приставать на подворьяхъ приѣзжихъ и приходившихъ читаемъ слѣдующее: „а буде кто станетъ къ себѣ приѣзжихъ или приходившихъ какихъ людей на подворье пускать или у себя тави, или на посадѣ приставать которыми дѣлы дадутъ, и имъ за то быти отъ государя... въ смертной казни" ⁸⁾.

Спустя два года правительство пошло еще дальше. Въ 1656 г. издается указъ, чтобы „въ Кремлѣ городѣ и въ Китаѣ, и въ Бѣлоу, и въ Земляномъ, и за городомъ, во всѣхъ слободахъ... подѣ смертною казнью, которые люди вѣйдутъ или пѣши

¹⁾ Приложение № 15 стр. XLIV.

²⁾ Ibidem, № 14, стр. XLIII.

³⁾ Дополн. къ акт. ист. № 119, VI и VII, стр. 447.

⁴⁾ Ibidem, № 119, IX, стр. 448 и 466.

⁵⁾ Ibidem № 119, XXI и XXXVI, стр. 454, 466.

⁶⁾ Ibidem № 119, XVI, стр. 451 и 452.

⁷⁾ Дополненіе къ акт. истор. т. III № 119 стр. 466.

⁸⁾ Акт. Истор. 1836 г. т. IV, № 77, стр. 113.

придутъ къ Москвѣ изъ Понизовыхъ и изъ иныхъ городовъ, въ которыхъ городѣхъ учинилось моровое повѣтріе, и тѣхъ бы людей—отцы дѣтей, и дѣти отцовъ, и братья братья и всякаго племени, и помѣщики и вотчинники людей своихъ и крестьянъ на дворы свои отнюдь не пускали.. и тотчасъ про тѣхъ приѣзжихъ и приходящихъ людей сказывать боярину кн. Григорію Семеновичу Куракину съ товарищи“¹⁾.

Возможность надзора за передвиженіемъ населенія изъ заморныхъ мѣстъ и обратно, по прежнему, обеспечивалась оборудованіемъ заставъ или заѣздовъ, которыя охватывали узкими кольцомъ мѣстность, намѣченную къ изоляціи. Такъ, въ 1655 г. было сдѣлано распоряженіе „поставить сторожки крѣпкія по всей Яблоновской чертѣ, чтобъ черезъ заставы и мимо заставъ съ Дону и изъ Астрахани и изъ Чернаго Яру и изъ иныхъ понизовыхъ городовъ изъ моровыхъ мѣстъ... къ Государю къ Москвѣ и ни въ которые государевы украинные города въ здоровыя мѣста никто не проѣхалъ и не прошелъ“²⁾.

Въ 1655 г. „въ Козловѣ и въ Козловскомъ уѣздѣ, въ селахъ, и въ деревняхъ, и на большихъ на проѣзжихъ дорогахъ и на малыхъ степкахъ“ были поставлены заставы. Головамъ и служилымъ людямъ, приставленнымъ къ заставамъ наказывалось слѣдить, чтобы изъ Козлова „не отѣзжали и никуда не сходились также“, а съ другой стороны, чтобы „и въ Козловѣ и въ Козловскій уѣздъ... никого... не пропускать и никакія рухляды у нихъ у проѣзжихъ людей не принимали“³⁾.

Когда же въ 1656 г. началась эпидемія въ саховъ Москвѣ, то были приняты царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ самыя строгія мѣры къ оуспокоенію столицы и окрестностей. Указомъ 23 августа онъ распорядился, чтобы „въ Клину и изъ Клина на обѣ стороны учинить заставы, и въ Володимирѣ и въ Суздальскомъ, и въ Нижегородскомъ и въ Арзамаскомъ уѣздахъ объявилось моровое повѣтріе, и чтобы съ Москвы и изъ иныхъ мѣстъ, гдѣ моровое повѣтріе объявилось, въ Тверской уѣздъ и въ Тверь и въ Новгородъ и во Псковъ и въ новгородскіе и во псковскіе пригороды никто не проѣхалъ и не прошелъ“. Вяземскому воеводѣ

было приказано 3 сентября „отъ Вязьмы съ Московскую и Дорогобужскую сторону на большихъ и на проселочныхъ дорогахъ и на малыхъ степкахъ учинить заставы крѣпкія“, черезъ которыя должны были подъ страхомъ смертной казни никого не пропускать „съ Москвы и изъ Можайска въ Дорогобужъ и къ Смоленску“. Въ тотъ же день Дорогобужскому воеводѣ было приказано поставить заставы „отъ Дорогобужа въ Московскую и въ Смоленскую сторону“ и можайскому воеводѣ—„отъ Можайска въ Московскую и въ Вяземскую сторону и во всемъ Можайскомъ уѣздѣ“. По указу 2 сентября были прекращены всякіе отпуски людей „съ Москвы въ Можайскъ и въ Вязьму и въ Дорогобужъ и въ Смоленскъ“⁴⁾. По указу 27 октября того же года было предписано обѣимъ Донскимъ и Донковскій уѣздамъ, чтобы не занести туда заразы, появившейся въ Москвѣ, въ Казани, въ Нижегородскомъ, Арзамаскомъ, Суздальскомъ и Владимирскомъ уѣздахъ⁵⁾. Достаточно было двухъ случаевъ „какой смерти съ лавою“ въ двухъ деревняхъ Рославльскаго уѣзда, чтобы по указу 27 июня 1656 г. были обѣимъ уѣздамъ⁶⁾.

Въ 1657 г. послѣдовалъ указъ „отъ Вязьмы по Волоцкой, и по Борисовской, и по Мценской дорогамъ, и отъ Ковны и отъ Гродно, и отъ польскихъ городовъ поставить заставы, и заѣзды... учинить крѣпкія“⁷⁾. Кроме того, было указано „изъ моровыхъ мѣстъ отъ морового повѣтрія беречь всякими обманомъ по прежнему г. указу, чтобы изъ повѣтранныхъ мѣстъ ничего не покупали и даромъ не вжали“. Въ томъ же году воевода Никитъ Пронскій „по навету полонскихъ буржестровъ и мѣщанъ“ распорядился „на Друѣ и на Диснѣ поставить заставы, чтобы изъ Риги морового повѣтрія въ Полоцкѣ не нанесло“⁸⁾. Въ 1657 г. заставы ставились на линіи Тушина и отъ Юрьева Ливонскаго⁹⁾.

Въ 1658 г. доносилъ воевода Богданъ Адрѣевъ, что „въ Гродненскомъ повѣтѣ въ мѣстечкѣ въ Минскѣ объявилось на люди моровое повѣтріе за Пыжаномъ рѣкою отъ Гродни за 20

¹⁾ Полн. Собр. Зак. т. I, № 184, стр. 392.

²⁾ А. М. Я. Бѣлор. ст. стбб. № 282.

³⁾ Наши матер. т. II, стр. 294.

⁴⁾ А. М. Я. Бѣлор. ст. стбб. № 116.

⁵⁾ Ibidem, Бѣлорусскія ст. стбб. № 389.

⁶⁾ Ibidem, Новгород. ст. стбб. № 132.

⁷⁾ Арх. М. Рос. Моск. стбб. № 272 л. 167—110, 432—434.

⁸⁾ Арх. Мин. Рос. Моск. стбб. № 279 л. 29—30.

⁹⁾ А. М. Я. Бѣлор. ст. стбб. № 165.

версты, и онъ Богданъ велѣлъ собрать всѣ перевозки и за рѣку перевозить никого не велѣлъ, и около Гродни и въ повѣтъ отъ моровыхъ мѣстъ, по большимъ дорогамъ и отъ Варшавы велѣлъ поставить заставы, потому что въ Варшавѣ объявилось на люди моровое повѣтріе¹⁾.

По указу 18 іюня 1663 г. было приказано „по всѣмъ причиннымъ мѣстамъ, въ которыхъ мѣстахъ пригоже, съ Дону заставы крѣпкія поставить“²⁾. Въ 1664 г. заставы были „и въ Путивлѣ и въ Рыльскѣ, по всѣхъ дорогамъ и по малымъ стежкамъ“³⁾. По указу 11 окт. 1668 г. было приказано „людей съ Дону не пропускать и съ ними не сѣзжаться и ничего у нихъ не покупать и даромъ не имать некоторыми мѣры“⁴⁾.

Въ 1677 г. повелѣвалось „подъ жестокимъ страхомъ къ наказанію“ поставить заставы отъ литовской стороны, потому что прошелъ слухъ, что „въ Польскѣ, въ городѣ Варшавѣ объявилась моровая язва, и для того всѣ сенаторы, и кунны, и жители изъ того города выѣхали; а въ порубежныхъ ихъ городахъ люди мало не всѣ вымерли“. Заставнымъ людямъ наказывалось наблюдать, чтобы ни въ ту, ни въ другую сторону „отъ заставы никто не проѣхалъ и пѣши не прошелъ, и не прокрался, и въ моровыхъ бы мѣстахъ никто ни у кого ничего не покупалъ, и даромъ не ималъ“. Въ случаѣ подтвержденія слуховъ повелѣвалось никого къ рубежу не допускать и обратно отсылать „и переѣзчиковъ, и выходцевъ, и полонниковъ и купецкихъ людей“⁵⁾. Въ 1678 г. повелѣвалось „поставить заставы отъ Литовскаго рубежа, въ которыхъ мѣстахъ пристойно“⁶⁾.

Въ 1679 г. 7 января стало извѣстно, что въ Сѣвскомъ уѣздѣ въ Комаринской волости, въ 30 верстахъ отъ Сѣвска, въ селѣ Красномъ Клину умерло 27 мужчинъ и 2 женщины и „изъ тѣхъ де умершихъ людей на дву человѣкахъ подъ шеками были язвы, а лежали тѣ больные дни по три, и по четыре, и по недѣли“. Невѣдленно послѣдовалъ указъ „около того села деревни заставъ, заставы крѣпкія поставити, чтобы изъ того села никаковыя че-

¹⁾ *ibidem*, Московскія ст. слѣб. № 301.

²⁾ *ibidem*, Белгород. ст. слѣб. № 524.

³⁾ *ibidem*, Белгород. ст. слѣб. № 547.

⁴⁾ *ibidem*, Белгород. ст. слѣб. № 613.

⁵⁾ Наши матер. т. II стр. 251.

⁶⁾ А. Н. Ю. Белгород. ст. слѣб. № 508.

ловѣкъ мужеска и женска полу въ иные села и въ деревни не ѣздили и не ходили некоторыми дѣлами, и чтобы изъ околныхъ городовъ, и селъ, и деревень никакіе люди въ то село не ѣздили и пѣши не ходили, и ночью не прокрались, и изъ того села животныхъ запасовъ покупать и даромъ имать ничего не велѣть, и съ людьми не сходитьсѣ, и къ заставѣ тѣхъ людей не пропускать ни съ которыми дѣлами“¹⁾.

Въ 1681 г. въслѣдствіе извѣстій, что „въ Краковѣ пакы моровое повѣтріе начинается“ было приказано „для спасенія отъ морового повѣтрія въ Кіевѣ и въ иныхъ малороссійскихъ городахъ, на причинныхъ мѣстахъ отъ литовскаго рубежа, провѣдать подлинно, *уничтожить заставы*“²⁾. Въ половинѣ января того же года было „велѣно въ Сѣвскѣ и въ уѣздѣ отъ литовскаго рубежа, отъ морового повѣтрія *поставити заставы* въ которыхъ мѣстахъ пристойно“. Въ сентябрѣ отъ гетмана Ивана Самойловича послѣдовалъ указъ „въ Запорожьи и изъ волостей земли купецкихъ людей на сю сторону Днѣпра въ города переносити“ не велѣть въслѣдствіе слуховъ о моровомъ повѣтріи „въ турецкомъ городѣ Кизикерменѣ“³⁾.

Въ связи съ этимъ воевода Кирило Хлоповъ писалъ къ ахтырскому воеводѣ, чтобы онъ воевода „мѣнялъ около хуторъ и слободъ ахтырскихъ, а полковники бы своего ахтырскаго полку казачковъ *добрыхъ и правдивыхъ и заобычныхъ и разумныхъ* людей послать бы на заставы въ самые въ краинные своего полку въ города, которые сошлись съ малороссійскими землями и близи къ крымскихъ дорогамъ“. Заставные люди должны были разспрашивать проѣзжихъ, не имѣли ли они какого либо сопряженія съ заморными людьми и хѣстами. Относительно всѣхъ прикосновенныхъ къ заморной волостѣ воевода послать приказъ „и такихъ людей отнюдь черезъ заставы въ Ахтырской и въ Бѣлгородъ и въ иные государевы города въ бѣлгородскую черту, и во всѣ украинные, и въ черкасскіе города пропускать не велѣть ни съ какими дѣлами, и велѣть тѣхъ пріѣзжихъ людей отсылать назадъ, кто откуда пріѣхалъ“⁴⁾.

¹⁾ Наши матер. т. II, стр. 257.

²⁾ *ibidem*, стр. 260.

³⁾ *ibidem*, стр. 263—264.

⁴⁾ *ibidem*, стр. 269—270.

Въ 1690 г. были поставлены заставы на Самарѣ вследствие морового повѣтрія въ Новобогородицѣ, около Хотмышка, Курска и другихъ мѣстъ¹⁾. Въ 1693 г. вследствие морового повѣтрія въ Астрахани и на Дону было указано, чтобы „учинили заставы во всѣхъ казачьихъ городкахъ“²⁾, а также было приказано „изъ Астрахани, изъ Терска, изъ Чернаго Яру отнюдь никого къ Москвѣ и въ верховые города пропускать не велѣно и въ пристойныхъ мѣстахъ велѣно поставить заставы крѣпкія, чтобы никто изъ тамошнихъ мѣстъ къ Москвѣ и въ верховые города не прошелъ“³⁾.

Въ 1706 г. „велѣно въ Переяславлѣ отъ моровой язвы имѣть осторожность великую и по дорогамъ и перевозамъ ставить заставы и караулы крѣпкіе во многихъ мѣстахъ“⁴⁾.

Въ 1710 г. ростовскому воеводѣ наказывалось „быти во всеобщемъ остерегаемихъ въ Ростовѣ и въ Ростовскомъ уѣздѣ и велѣно поставить по многимъ дорогамъ заставы, чтобы изъ украинскихъ городовъ никого не пропускать и одерживать, а наче чертасть имѣти опасеніе“⁵⁾.

Заставы ставились при *первомъ слухѣ* о появлении заразы. Такъ грамотою отъ 22 февраля 1657 г. верхотурскому воеводѣ Хитрову предписывалось *въ слухѣ появления слуха* о заразѣ „всѣ заморныя мѣста засѣчь лѣсомъ и около тѣхъ засѣчь по дорогамъ и малымъ степкамъ и по причиннымъ мѣстамъ учинить заставы крѣпкія, чтобы никто поди *смертною казною* ни изъ мѣстъ заморныхъ въ здоровыя, ни обратно, ни проехать, ни проѣхать и ничего не вывезъ и не ввезъ“. Къ заставамъ повелѣвалось „проставити дѣтей бодрѣихъ добрыхъ, кому вѣрить можно“, а съ ними служилыхъ людей „посколько человекъ пригоже“⁶⁾.

Московское правительство имѣло неслабый надзоръ за всякимъ случаемъ появленія заразной болѣзни какъ внутри государства, такъ и за рубежомъ. Съ этою цѣлью оно неустанно производило разслѣдованія по поводу каждаго извѣстія о моровой болѣзни. Такъ въ 1623 г. въ Путивль были посланы указы: „въ-

домо намъ учинилось, что шибѣ въ Польшѣ и въ Литвѣ на люди моровое повѣтріе и голодъ великій... а которые выѣзжали литовскіе люди или полоняники учнутъ изъ Литвы выходить на заставы, и вы бы тѣхъ выѣзжихъ и полоняниковъ про моровое повѣтріе и про всякія вѣсти велѣли *распранишавши* наизрѣкно... а сами мимо ихъ съезжали и спрашивали подалину, не изъ повѣтранныхъ ли городовъ идутъ“¹⁾. Такая же грамота была тогда же послана Московскому воеводѣ²⁾.

Въ мѣѣ 1625 г. повелѣвалось „у выходцевъ и у полоняниковъ и у лазутчиковъ и у торговыхъ людей провѣдывать и спрашивать ихъ наизрѣкно, въ Польшѣ и въ Литвѣ шибѣ на люди моровое повѣтріе есть-ли... и изъ которыхъ городѣ... и сколь давно учинилось и какиимъ znamenemъ жуть“. Въ 1626 г. отъ приплато лазутчика Иванки Щекы узнали, что въ Кіевѣ моровое повѣтріе, поэтому воеводѣ было приказано: „и вы бы тотчасъ послали въ порубежные города, гдѣ пригоже, лазутчиковъ и велѣли изъ въ порубежныхъ городкахъ, про моровое повѣтріе провѣдати подалину, въ Кіевѣ и въ иныхъ литовскихъ городкахъ моровое повѣтріе есть-ли и сколь давно моровое повѣтріе начало быть“³⁾.

Въ 1631 г. служилые люди были „въ Путивльскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Пселѣ, и наѣхали де они на т. г. землѣ у Нового Городища литовскаго человека—рыбу ловить, и они де его изымали и *распранишавши* про вѣсти, и тотъ де литвинъ сказался изъ изъ Миргородца... а близко де Миргородца вымерло 2 слободы“⁴⁾.

Въ 1653 г. Брянскому воеводѣ Григорію Долгорукому опрошенные люди сообщали, что „въ Соснинѣ де г. городѣ, наѣхъ на Деснѣ паромъ всѣ затоплены въ воду для того, что въ Кіевѣ де г. гнѣвомъ Божіемъ на люди моровое повѣтріе большое, и митрополитъ де кіевскій изъ Кіева выѣхалъ и поѣхалъ было къ Пѣлину городу, и въ Пѣлині де его не пустили“⁵⁾. Въ 1657 г. было приказано „въ Менскомъ уѣздѣ... *распранишавши* польскихъ и литовскихъ людей про моровое повѣтріе“, а также „изъ Борисова послать нарочно наскоро въ Менскъ и въ Вильну и

¹⁾ А. М. Ю. Белгород, ст. столб. № 1897.

²⁾ *ibidem*, Москов, ст. столб. № 967, л. 207—217.

³⁾ *ibidem*, Москов, ст. столб. № 709 л. 491.

⁴⁾ *ibidem*, Разрядн. вѣд. № 39 л. 17.

⁵⁾ *ibidem*, Разр. вѣд. № 54 л. 17, л. 291—296.

⁶⁾ Актъ истор. т. IV № 105.

¹⁾ А. М. Ю. Москов, ст. столб. № 15 л. 69—85, 88—98.

²⁾ А. М. Ю. Приказн. ст. столб. № 12 л. 524—527.

³⁾ А. М. Ю. Разр. вѣд. № 21, л. 14.

⁴⁾ *ibidem*, Приказн. ст. столб. № 12.

⁵⁾ *ibidem*, Приказн. ст. столб. № 203.

въ нѣше.. въ литовскіе города провѣдывать про моровое повѣтріе всякими способами накрѣпко" ¹⁾).

По полученіи въ 1673 г. извѣстій, что „въ Запорогахъ, въ Сѣчи, и въ Кишиневѣ, и въ Переволочнѣ на люди моровое повѣтріе“, было приказано „воеводамъ и приказнымъ людямъ съ большихъ подкрѣпленіемъ, чтобы они *пронизывали* о томъ подлинно и изъ запорожскихъ и изъ всѣхъ городовъ никакихъ проѣзжихъ и торговыхъ людей ни съ чѣмъ *до подлиннаго вѣдома* пропускать не вѣдали, и отсылали ихъ назадъ, кто откуда пріѣдетъ. И о томъ во всѣхъ украинныхъ городахъ учинили указы *подъ смертною казною*, и по дорогамъ въ причинныхъ мѣстахъ *поставили заставы*, и вѣдали отъ заставы до заставы развѣзывать и смотрѣть и беречь накрѣпко, чтобы изъ тамошнихъ мѣстъ никто не проѣхалъ и ночью лѣсами и болотами пѣши не прошли" ²⁾).

Распросы производились по всѣмъ границамъ государства: и въ Торонѣ, и въ Друѣ, и Полоцкѣ, и Витебскѣ, и Валуйскѣ, и со стороны Астрахани и т. д. ³⁾. Распросы велись черезъ огонь, а у Роменской заставы 16 ноября 1665 г. было предписано выйти изъ города „для рѣкѣ Сулѣ на берегъ и не сходясь.. черезъ рѣку Сулу“ произвести опросъ развѣдчиковъ ⁴⁾. Внутри государства на заставахъ спрашивали „откуда, кто и куда ѣдетъ, а безъ проѣзжихъ грамотъ и безъ намятки за дѣльными приписками“ не пропускали.

Съ прибывавшими къ заставамъ переговаривались „не сходясь“, „черезъ огонь“, „издалека“. Обыкновенно наставлялось „разспрашивать накрѣпко.. *подъ жестокия страхомъ*“. Допрашиваемые предупреждались: „и если они пріѣхавъ изъ моровыхъ мѣстъ про то утаить, а послѣ про то будетъ вѣдомо, и ихъ за то.. *быти въ смертной казни* безъ всякаго пощады“ ⁵⁾. Пріѣзжаніе изъ заморныхъ мѣстъ отсылались обратно. Въ этомъ случаѣ исключенія ни для кого не допускалось. Отмѣтить характерный инцидентъ. Въ 1681 г. гетманъ Иванъ Самойловичъ отправилъ въ Москву „посланца своего прилуцкаго полку писаря Семена

¹⁾ *ibidem*, Москов. ст., столб. № 272.

²⁾ Наши матеріалы т. II, стр. 244.

³⁾ А. М. Ю. Новгород. ст. столб. №№ 7, 109, 118, 122, 163, 335, 622, 643 и т. д. Новгород. ст. столб. №№ 524, 547, etc.

⁴⁾ *ibidem*, Новгород. ст. столб. № 535.

Ракова съ товарищи“. Посланцу было указано „въ дорогѣ поворотить къ гетману“ въ виду, того что онъ проходилъ заморными мѣстами. Но въ то время московское правительство еще заигрывало съ Малороссіей и по указу Феодора Алексѣевича воевода въ Сѣвскѣ долженъ былъ разъяснить посланцу, что „онъ поворочень съ дороги и до Москвы не доущенъ для того, что онъ съ посланники нашими съ столышникомъ и полковникомъ съ Василемъ Тяпкинскимъ и съ дякомъ съ Никитою Зотовымъ былъ въ Крыму и было при нихъ въ Крыму на люди моровое повѣтріе, и нашихъ в. г. людей померло извою 12 человекъ, и за тѣмъ повѣтріемъ тѣ наши в. г. посланники и крымскіе послы въ дорогѣ удержаны и до Москвы не доущены *же, потому что отъ морового повѣтрія во всѣхъ государственныхъ имѣньяхъ всякое опасеніе, и онъ бы, посланецъ, себя того во оскорбленіе не ставилъ и къ гетману къ Ивану Самойловичу ѣхалъ безъ всякаго сомнѣнія*“ ¹⁾. Вотъ какъ тонко въ то время понимали этикетъ въ отношеніи посланцевъ!

Въ 1693 г. тоже почти повторилось. Былъ моръ въ Астрахани. И вотъ, по указу государей, была послана грамота „на Донъ къ атаманамъ и къ казакамъ, къ войсковому атаману ко Фролу Минасву и всему войску донскому, чтобы и они отъ того морового повѣтрія имѣли великую осторожность.. и зинковой бы станины своей къ Москвѣ не отпускали, а ихъ в. г. жалованье на нѣмѣшній.. 201 г. за ихъ службу.. съ Москвы денегъ 5000 рублей, 430 половинковъ суконъ амбурскихъ, 230 пуд. пороху ручного и пушечного, 115 пуд. свинцу да съ Воронежца хлѣбныхъ запасовъ 6500 четв. муки ржаной, 500 ведеръ вина.. къ нимъ на Донъ прислано будетъ.. съ подъячимъ нѣмѣшнимъ зинкимъ путемъ сполна, а *въ оскорбленіе къ тому онъ донскіе казаки себя не ставилъ и были бы на ихъ государскую милость во всемъ надежны*“ ²⁾.

Какъ видно изъ приведенныхъ фактовъ, московское правительство устанавливало заставы не только въ случаяхъ дѣйствительной эпидеміи, но и при *всякомъ слухѣ* о ней вѣдь „до подлинной вѣдомости, буде то моровое повѣтріе престанетъ или распространится“. Поэтому заставная служба требовала большого

¹⁾ Наши мат. т. II, стр. 262—263.

²⁾ А. М. Ю. Москов. ст. столб. № 267.

числа людей. Например, в 1631 г. воевода доносил: „а тол-ко г. около села Ундала и около тех деревень застава заставать и заставы поставить крѣпкія и по надобѣ на заставу и на заста-ву околныхъ людей съ 300 чел. потому что отъ дер. Ижовы до села Ундала, да дер. Петрушины, да дер. Хриновы 12 верстѣ, а промежъ техъ деревень промѣли дороги многія“¹⁾.

Обычно на заставы посылались одинѣя человекѣ изъ 5 думъ населенія. О густотѣ размѣщенія заставныхъ людей можно судить потому, что въ 1643 г. на Пехорской заставѣ были поставлены „на верстѣ и на двѣ верстахъ по стрѣльцу да по 2 челов. убѣ-дѣныхъ людей, а на трехъ и на четырехъ верстахъ по стрѣльцу ажъ да по 3 ч. убѣдѣныхъ людей“²⁾.

Въ 1643 г. людямъ останковской слободы было указано „сто-ять на ржевской заставѣ отъ вѣзекскаго рубежа... а тотъ вѣзек-ский и ржевскій рубежъ отъ той останковской слободы удалѣнъ верстѣ съ полтораго и болѣе“. Останковцы „безотступно“ были челоѣмъ, указывая „что итъ у нихъ ни по одному бобы-лю, а работаютъ сами своими руками, и что вѣзѣно у нихъ хлѣба, и то де обрядить некому“³⁾. Но просьба ихъ не была уважена. Избранные отъ населенія стояли на заставахъ, вѣдѣтъ съ стрѣльцами. Иногда послѣдніе несли заставную службу одни. Во всякомъ случаѣ ихъ положеніе было также очень тягостное. Характерно въ этомъ отношеніи донесеніе воеводы писаннаго въ 1690 г.: „и стрѣльцахъ отъ перемѣнныхъ карауловъ тягость великая и многіе отъ неразумнаго погибѣли“⁴⁾.

Изъ заставныхъ мѣстностей здоровое населеніе старалось выѣ-зжать въ мѣста болѣе благополучныя. Въ 1654 г. Виленскій вое-вода доносилъ, что „многіе мѣшане, люди сей гвѣтъ Божій, по-чали разѣзжаться и разѣхались многіе; и я х. т. велѣлъ въ большомъ городѣ ворота запереть и велѣлъ оставить одни воро-та и изъ города мѣшанъ пропускать не велѣлъ“. Но виленское населеніе подало челобитную съ просьбой „ихъ отъ морового по-вѣтрія изъ города выпустить въ Лукишки на рѣку Вилею, и по полямъ, и по лѣсамъ, и по мыстечкамъ, и по деревнямъ жить по сю сторону Виленскихъ заставъ, покажется въ Вильнѣ гвѣтъ

¹⁾ Ibidem, Владимір., ст. столб. № 43, л. 173—177.

²⁾ Ibidem, Псков., ст. столб. № 146, л. 72.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ А. М. Я. Бѣлор., ст. столб. № 1897.

Божій моровое повѣтріе утихнетъ, *чтобы де имъ изъясною смертию живучи въ городѣ въ одномъ мѣстѣ съ зановѣдными людьми не помереть*, потому что моровое повѣтріе чинится въ городѣ и въ слободахъ въ разныхъ улицахъ и домахъ“¹⁾. Можно думать, что просьба челобитниковъ была уважена, при чемъ они были обяза-ны не разѣзжаться далеко отъ города и всегда быть на гото-вѣ отбить непріятельское нападеніе.

Въ 1690 г. въ Новобогородницкѣ свирѣствовала эпидемія и воевода доносилъ: „а городовыя проѣзжія ворота всѣ заперты, что на караулѣ стоять некому и самарскіе жители многіе *поги-бли въ стѣнѣ и дѣлѣ*“²⁾. Въ томъ же году „приходскіе священ-ники изъ Курска изъ всѣхъ слободъ всякихъ чиновъ люди, вида такой упадокъ на люди что не престаѣтъ *многіе выжили въ стѣнѣ и мытѣ* стоять въ стѣнахъ по лѣсамъ“³⁾. Подлячій Родіонъ Бѣловнѣцъ показывалъ о себѣ при розыскѣ о моровомъ повѣтріи: „какъ волею Божіею въ Курскъ на люди моровое повѣтріе, и въ то время я съ женою и съ дѣтьми выѣзжалъ изъ города и жилъ за рѣкою Сѣмью на полѣ въ стѣнѣ, а во время осення большія стужи и зима жить въ уѣздѣ, въ деревнѣ... на пустоѣхъ крест-янскихъ дворѣхъ, покажется совершенно престаѣло въ городѣ моро-вое повѣтріе“⁴⁾.

Встрѣчаются случаи, когда правительство распоряжалось о выселеніи здороваго населенія изъ заморной мѣстности. Напри-мѣръ, въ 1654 г. было предписано: „а изъ здоровыхъ дворовъ... жилищныхъ людей высылать на лѣсъ, покажется въ тѣхъ селахъ и въ деревняхъ моровое повѣтріе минется“⁵⁾. Конечно, высе-ленія могли служить только распространенію заразы и неудиви-тельно, что въ 1681 г. доносили въ Москву: „и въ Сѣни де моръ большой, многіе казаки вымерли, а достальные вышли въ луги и въ лугахъ мрутъ“⁶⁾.

Бѣгство изъ зараженныхъ мѣстностей происходило не стол-ко по соображеніямъ безопасности, сколько вслѣдствіе паниче-скаго страха, охватывавшаго населеніе. Напримеръ, въ 1690 г.

¹⁾ А. М. Я. Моск., ст. столб. № 272.

²⁾ Ibidem, Бѣлор., ст. столб. № 1897.

³⁾ Ibidem, л. 330—338.

⁴⁾ А. М. Я. Бѣлор., ст. столб. № 1572, л. 8—36.

⁵⁾ Докладъ къ имп. истор. т. III, № 119, стр. 466.

⁶⁾ Наши матер. т. II, стр. 273.

изъ Новобогородицк: воевода доносить: „а черкасы полтавскаго полку *все разбѣжались*, а харьковскаго и ахтырскаго полку осталось черкасъ малое число, и тѣ *все хотѣли бѣжать отъ стра-ту*“¹⁾.

Выходить изъ неблагополучныхъ городовъ въ это время практиковался и у нашихъ сосѣдей. Напримѣръ, въ 1657 г. воевода доносить, что „въдомо ему отъ присяжныхъ людей въ Ригѣ великій страхъ на людей отъ посѣщенія Божія и изъ города выбѣжавъ живутъ дѣтѣ люди по островамъ и по лѣсахъ, а въ Ригѣ де немногіе держатся“²⁾. Въ слѣдующемъ году поступило донесеніе, что „изъ Лифляндскихъ г. дороговъ изъ всѣхъ плѣны выбѣжавъ по лѣсамъ живутъ“³⁾. Въ 1677 г. въ памяти, посланной Посольскимъ приказомъ къ Разрядъ, писалось: „въ Польшѣ въ городѣ Варшавѣ объявилась моровая язва, и для того всѣ сенаторы, и купцы, и жители изъ того города выѣхали; а въ порубежныхъ ихъ городахъ люди мало не всѣ вымерли“⁴⁾.

Рядомъ съ заставами въ Московской Руси дѣйствовали карантинны. Въ 1623 г. было приказано выбѣжныхъ людей до сыску ставить въ деревняхъ и притавлявати къ нимъ приставовъ“⁵⁾. Въ томъ же году относительно тѣхъ же людей наказывалось: „а до сыску тѣхъ выбѣжныхъ людей и полоняничковъ... ставить въ деревняхъ гдѣ не близко рубежа и приставовъ къ нимъ приставили“⁶⁾. Въ 1626 г., по случаю морового повѣтрія въ Кіевѣ повелѣвалось „полоняничковъ и всякихъ русскихъ людей... держать за заставами пока мѣста милостію Божіею моровое повѣтріе на люди помилуется“⁷⁾.

Указомъ 1 сентября 1656 года относительно прибывшихъ „изъ Друи въ Полоцкій уѣздъ“ повелѣвалось „тѣхъ всѣхъ oprичъ Федора Ладыженскаго не вводя въ Полотскъ поставить въ деревнѣ отъ большія дороги въ сторонѣ, гдѣ пригоже, и ту деревню острѣ и сторожей поставить... а Федору Ладыженскому быть въ Полоткѣ на особомъ дворѣ“. И дѣйствительно, прибывшіе были поставлены

¹⁾ Бѣлгород. ст. стб. № 1897 л. 83—87.

²⁾ А. М. Юсти. Московск. ст. стб. № 279, л. 29—30.

³⁾ Ibidem Моск. ст. стб. № 279 л. 10—17.

⁴⁾ Наши матер. т. II, стр. 254.

⁵⁾ Ар. Мин. Ю. Приказ. ст. стб. № 10.

⁶⁾ Ibidem Моск. ст. стб. № 15 и Приказ. ст. стб. № 12.

⁷⁾ А. М. Ю. Разр. вѣд. № 21, л. 14.

„не доѣзжая Полотиска за 15 верстъ и отъ большія дороги въ сторонѣ“¹⁾.

Стрѣльцы и солдаты „бѣжавшіе мимо Рославля и Рославльскихъ уѣздовъ“, по прибытіи въ Смоленскъ, по указу 6 сент. 1656 г., были высланы изъ города въ деревню и послѣднюю было приказано „остѣчь на мѣсяцъ... и будетъ упадку у нихъ не будетъ ихъ отпустить по домамъ“. Спустя 12 дней прибывшихъ изъ моровыхъ мѣстъ курмышанъ дѣтей боярскихъ было приказано „поставить отъ большой дороги въ сторонѣ *веревкой въ нани и въ шесни*, гдѣ пригоже, и около того мѣста учинить острѣку и сторожи держать впредь до указа“²⁾.

Въ томъ же году „люди смертною казнью“ было объявлено подмосковному населенію: „которые тѣхъ слободъ жилище и всякіе люди ихъ братья и дѣти и всякіе захребетники прѣблудъ къ Москвѣ изъ помѣстныхъ городовъ, и тѣхъ бы прѣблудъ людей въ тѣ слободы стюды во дворы не пускали и отъ дворовъ и отъ слободъ ихъ высылали за земляной городъ, а ставили ихъ на поле и про нихъ плащали тотчасъ“³⁾. Нѣсколько дней спустя послѣ этого въ Москву прибыли изъ Курмышъ посланные люди, но „ихъ де къ Москвѣ не пустили и обрубилъ въ лѣсу за 8 верстъ отъ Москвы“⁴⁾.

Въ 1655 г. послѣдовалъ указъ: „буде иноземцы учинятъ прѣбавіе изъ которыхъ земель во Псковѣ, а про то во Псковѣ будетъ въдомо, что въ той землѣ моровое повѣтріе, и такихъ иноземцевъ... къ Москвѣ отпустить не велѣно“. Въ октябрѣ слѣдующаго года въ Псковъ прѣехали изъ Лондона полковникъ Афанасій Трауринхъ. Мѣстный воевода распорядился „для того что онъ былъ въ Лондонѣ“ поставить его „за Великою рѣкою“. Въ январѣ получился указъ отъ государя: „полковнику и дохтуру до указу вел. государя быть во Псковѣ, гдѣ они поставлены, а къ Москвѣ ихъ безъ указа не отпускать, и платье, въ которомъ они изъ захори прѣехали, велѣно сиротать въ землю, а ихъ сѣлать новое, и русскихъ людей съ ними сходиться и покупать у нихъ ничего не велѣно“. У него были отобраны даже золотыя деньги, чтобы „онъ на тѣ деньги ничего не покупать“, а взаменъ отоб-

¹⁾ Бѣлгород. ст. № 387.

²⁾ Ibidem Полотск. ст. стб. № 122.

³⁾ Приложение № 20 стр. I.

⁴⁾ Ibidem № 21 стр. II.

раннего были выданы русскія деньги. Во Псковѣ его продержали почти 4 мѣсяца, и все потому что онъ самъ сообщилъ, что „въ Лондонѣ моръ былъ большій, что въ июлѣ мѣсяцѣ умерло 14320 чел., а въ августѣ мѣсяцѣ умерло 28,464 чел., въ сентябрѣ мѣсяцѣ умерло 19,470 человекъ“. Веди же полковника подверглись задержанію еще въ теченіе 3 мѣсяцевъ. Но отпустить полковника къ Москвѣ, все еще не рѣшались допустить ему свободный входъ въ городъ и до указа поставили его „за земляными городомъ въ Яуской Тверской слободѣ“¹⁾.

Въ 1660 г. послѣ кончины женки татарки во дворѣ Стрѣлешаго приказа было приказано: „а которые подъячіе и приста-вы въ Стрѣлецкомъ Приказѣ въ то время были, какъ та женка умерла, и подъячаго, который ее осматривалъ, и тѣхъ людей, которые ее закармливали, всѣмъ... быть до нашего указа въ домахъ своихъ и изъ дворовъ никуда имъ ходить и къ нимъ никого пускать не велѣли. А чего съѣстного изъ понадобится купить и имъ велѣтъ покупать сродичамъ ихъ и приносить на дворы ихъ; а тѣхъ людей, которые съѣстное принесутъ, на дворы къ нимъ пускать не велѣли“²⁾.

Въ 1674 г. получились извѣстія, что изъ Крыма прибыли въ Колонтаево полоняники конейнаго и рейтарнаго строя, а тамъ во многихъ городахъ былъ моръ. Этого было достаточно, чтобы не только повелѣть тѣхъ полоняниковъ задержать въ Колонтаевѣ, но также „и колонтаевскихъ жителей никого никуда не отпущать до указа“³⁾.

Въ 1689 г. изъ вотчинѣ кн. Якова Никитича Одоевскаго умерло отъ язвы нѣсколько крестьянъ и немедленно было указано деревни „обѣщъ лѣсомъ и изъ тѣхъ мѣстъ и въ тѣ мѣста никого не пропускать“⁴⁾.

Въ 1690 г. прибавили изъ Новобогородицкаго и Сергіевскаго было приказано держать за заставами до государева указа „въ безлюдныхъ мѣстахъ при крѣпостяхъ и при водахъ отъ городовъ, и отъ деревень податѣ за дружными сторожами“⁵⁾. Въ тотъ же году въ Курскѣ въ Стрѣлцкой слободѣ открылась эпидемія и по-

¹⁾ Иамя матер. т. II, стр. 44, 47, 48, 50, 51.

²⁾ Приложение № 25 стр. LVI.

³⁾ Ibidem стр. 52.

⁴⁾ А. М. Ю. Моск. ст., столб. № 915.

⁵⁾ А. М. Ю. Бѣлгород. ст., столб. № 1897.

слѣдовало указъ: „а въ которыхъ дворахъ учинился на люди упадокъ и тѣ дворы... завалить и поставить сторожи, чтобы изъ тѣхъ дворовъ люди не выходили и къ нимъ въ дома не ходили“¹⁾. Въ эту слободу было запрещено пропускать каже поповъ. Тогда же послѣдовало распоряженіе стрѣльца Ларьку „завалить въ особомъ дворѣ“, такъ какъ этотъ стрѣлецъ „застѣченъ былъ въ лѣсу и изъ застѣки ушелъ въ лѣсу, пришелъ въ Стрѣлцкую слободу къ своей братѣ стрѣльнику“. Велѣніе прихода Ларьки „около той слободы отъ иныхъ слободъ по осемь переулкамъ поставлены сторожи крѣпкія“²⁾.

Иногда не застѣканы дворы, въ которыхъ проявлялся зараза, а зараженные и прикосновенные къ нимъ выселялись изъ об- щихъ мѣстъ поселенія. Напримѣръ, въ 1658 г. изъ Царевичева—Дмитріева воевода доносилъ: „а въ то г. время, какъ скорбы на людей учала быть, и которые скорбыя люди были, и а. е. т. я. е. с. т. за городъ покармливать изъ дворовъ“³⁾.

Въ 1662 г. „сидѣли въ Стрѣлцкомъ приказѣ въ воеводѣ колонтаево—стрѣльчиха да безсѣтельная старина, и та стрѣльчиха на ту старину извѣщала, что де у той старины отыгнула прежняя язва, которая у ней была напередъ сего въ моровое повѣтріе“. Немедленно было приказано: „ту старину и женку стрѣль- чиху, которая на нее извѣщала... отвезти по Дмитровской дорогѣ верстъ съ 15 и болѣе... въ въ большомъ лѣсу отъ большаго до- роги въ сторону обѣщъ нарѣзно и поставить наразуть стрѣль- цовъ—десятника а съ ними 5 челов. стрѣльцовъ, и тѣмъ стрѣль- цамъ... смотрѣть и беречь нарѣзно подъ смертною казней, чтобы они, обѣщавши ту старину и женку, были безотступно и по де- ревамъ никуда ни для чего не ходили, и смотрѣли и беречь того нарѣзно, чтобы къ нимъ низверженъ человекъ ни откуда не прѣхалъ и не пришелъ ниоткуда обичай“⁴⁾.

Въ 1671 г. у дѣла Дмитрія Шинувина умеръ дворовый че- ловѣкъ. При осмотрѣ тѣла оказалось, что у него лѣвшее запястье знакъ съ золотой краской и багровою. Велѣніе этого духовная власти не рѣшились похоронить тѣло безъ государева указа. Вое-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ibidem л. 386—387.

³⁾ Ibidem, Моск. ст., столб. № 279 л. 83—85.

⁴⁾ Приложение № 28, стр. LXII.

вода же распорядился „ко двору дьяка Дмитрія Шинулина послать сотника московскихъ стрѣльцовъ, да пятидесятника, да десятника, да рядовыхъ стрѣльцовъ 20 человекъ и велѣть имъ стоять около того двора, и его Дмитрія и людей его никого съ двора нигде, и къ нему на дворъ никого пускать не велѣть; а о старостѣ поповскомъ, который того умершаго осматривалъ и объ отпѣ его духовномъ приказывалъ.. къ патриарху съ тѣмъ же Чудова монастыря архимаритомъ Іакимомъ, чтобъ онъ тому старостѣ поповскому и умершаго отцу духовному до в. г. указу велѣть *быть на дворъ у дьяка Дмитрія жъ Шинулина*“¹⁾.

Умершихъ обычно погребали въ мѣстахъ смерти.

Предписывалось, напримѣръ, въ 1643 году: „а которые люди повѣтріемъ похрутъ... и тѣхъ людей *погребать въ полатныхъ жъ мѣстахъ* тотчасъ безо всякаго мотчанія“²⁾. Этому правилу держались, чтобы не разносить заразы. Поэтому, когда въ 1656 г. обнаружилось, что „на Москвѣ въ монастыряхъ и у приходскихъ церквей умершихъ людей шнѣшного дѣла хоронять въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ хоронены умершіе люди въ моровое повѣтріе во 162 и во 163 годахъ, и тѣ прежніе гробы оканываютъ и шнѣ на Москвѣ на иныхъ людяхъ объявилася бѣдѣзнь съ извою“, то было приказано: „котораго человека волею Божіею не станеть, и того бѣ человека похоронить въ монастырь или у церкви Божіей *на порожнемъ мѣстѣ*, гдѣ умершіе люди въ моровое повѣтріе во 162 и во 163 г. не хоронены, а на такихъ и на иныхъ кладбищахъ, гдѣ хоронены умершіе въ моровое повѣтріе, надъ гробами и близко гробовъ могилъ не копать, чтобъ тѣхъ прежнихъ гробовъ не оканывать... а у которыхъ церквей мѣста тѣсны и порожнихъ мѣстъ нѣтъ, и у тѣхъ бы церквей, кого волею Божіею не станеть, не хоронить, а хоронить *въ городѣ отъ городовъ* у церкви Божіей *на порожнемъ мѣстѣ*, а не на прежнихъ кладбищахъ“³⁾.

Умершую въ 1662 г. женку татарку было приказано „законать за землянымъ городомъ, подале гдѣ бѣ не на пашенномъ мѣстѣ, поглубже и велѣли на тое могилу *накласть оную побольше и ниже пороздо*, чтобъ той могилы звѣрь никакой не раскопалъ“⁴⁾.

¹⁾ Ibidem, № 32, стр. LXXII.

²⁾ Ар. М. В. Прикази, ст., столб. № 146 л. 98—103.

³⁾ Ibidem, № 545.

⁴⁾ Приложение № 25, стр. LIII.

Имущество, оставшееся послѣ умершихъ отъ морового повѣтрія, перѣдко подвергалось расхищенію. Напримѣръ, въ 1654 г. Иванъ Хилковъ доносилъ, что „воровство на Москвѣ объявилось, въ Бѣломъ городѣ разграбили Филоновъ дворъ Оничковъ да Олексѣевъ дворъ Луговского да за городомъ разграбили Осиповъ дворъ Костяева и *иные выморочные мѣста пашенныя дворы грабятъ*, а смекать про то воровство и воровъ унять некътъ“¹⁾.

Въ 1658 г. „которые дворы *вносима* отъ рижанъ у курляндскихъ людей заповѣтриселъ... и князь Осипова г. полку служилые люди безъ остатку выграбили и многіе домы запустѣли“²⁾. Въ 1690 г. въ Новобогородникъ, послѣ бѣгства оттуда жителей, пришли „сазарские жители и запорожцы учели отъ умершихъ людей *имать себѣ деньги и платье, и тѣ люди, которые брали себѣ деньги и платье, померли жъ скорою злою недугомъ болѣзною*“³⁾.

Бѣдѣствіе того, что расхищаемое выморочное имущество способствовало распространенію заразы въ направлении его переноса, московская администрація принимала строгія мѣры къ изыятію этого имущества изъ гражданского оборота.

Въ 1643 г. на заставахъ по дорогамъ изъ Серпухова, изъ Калуги, изъ Кавиры и уѣздовъ повелѣвалось наблюдать, чтобы „*платья и никакія рухляды и деньги*... и иного ничего въ повѣтренихъ мѣстахъ не имали... а что *какія рухляды или какихъ сумочъ за заставу принесутъ или принесутъ въ здоронія мѣста*, и то все... *спасаютъ отъ чумы за заставою, а за заставою то смекать*... а у тѣхъ людей, которые повѣтріемъ похрутъ, *никакихъ людямъ имать ничего не велѣли, чтобъ отъ того повѣтрениаго... на люди повѣтрія не нанесло*“⁴⁾.

Когда чума появилась въ Верхотурѣ, то 22 февр. 1657 г. былъ посланъ указъ, въ которомъ, между прочимъ, нахдились такія глубокомысленныя распоряженія: „а въ тѣхъ дворѣхъ послѣ умершихъ осталось *платье всякое въ коробыхъ*, и въ бы то платье велѣли *вымыть а развесить на морозъ и выморозить*; а которое *платьишко было у тѣхъ умершихъ носившее и на чемъ они лежали*,

¹⁾ Доводы, къ акт. истор. т. III, № 119, XXVIII, стр. 159.

²⁾ Москвит. ст., столб. № 279 л. 10—17.

³⁾ Бѣлгород. ст., столб. 1897.

⁴⁾ Ар. М. В. Прикази, ст., столб. № 146 л. 43—60—63, 105—106.

и вы то платье и постели велели сжечь, чтобы послѣ тѣхъ умершихъ того платья никто не имѣлъ; а которые люди послѣ умершихъ во дворѣхъ ихъ оставались и вы бы изъ тѣхъ дворовъ тѣхъ людей велѣли высылать въ иные дворы, въ которыхъ дворѣхъ морового повѣтрія не было, и въ тѣхъ выморочныхъ дворѣхъ быти имъ не велѣно дабы небыли, чтобы въ тѣхъ дворѣхъ отъ морозовъ морозы прозябю; а какъ дабы небыли хинеть, и вы бы въ тѣхъ выморочныхъ дворѣхъ велѣли и бы выгонять можес-
великими дорогами и положить несли, чтобы морозы покатывались, а велѣть топить дни по три, чтобы въ тѣхъ избахъ духу можесловомъ и помыномъ понадержалось морозы"¹⁾.

Въ августѣ 1663 г. въ Москву донеслись слухи, что „изъ казаныхъ многихъ городковъ, въ которыхъ было повѣтріе, торговые многие люди поѣхали вверхъ по Дону и повезли съ собою выморочную рухлядь въ Русь на продажу въ украинные городы“. Велѣніе этого 23 сентября были посланы указы въ Казань, Астрахань, „во всѣ понизовые, и въ мецкерскіе и по чертѣ въ новые городы... и на Воронежъ, и въ Яблонецъ, и въ Тамбовъ, и на Валуйку... сыскать всѣхъ до одного человека со всею ихъ рухлядью... велѣно подъ смертною казнью, чтобы сыщики тѣхъ людей сыскали всѣми обычай накрѣпко безъ мотчанія и безъ поворочки... и сыскавъ, гдѣ кого сыщутъ, со всею донскою рухлядью держати за порохомъ, на отводныхъ дворахъ, гдѣ доведется не близко города и жилища мнѣ 8 недѣль... и держать около тѣхъ дворовъ складочной огонь, а кормъ имъ и питье подавать издала черезъ огонь... да будетъ отъ тѣхъ людей, которые будутъ сысканы и посажены за караулы 8 недѣль, дурна никакого не объявится, и имъ велѣно платье и рухлядь перемывать и на выстрѣхъ перестрѣли и съ караулы ихъ освободить“²⁾. Въ ноябрѣ 1668 г. было приказано у всѣхъ пріѣхавшихъ съ Дона на Коротоякъ „взять платье и рухлядь всю, что у нихъ есть, и то все выѣшивать и выстрѣливать на дворѣ, гдѣ они стоятъ, чтобы ихъ платье проморозить и проморозить накрѣпко, чтобы отъ нихъ повѣтріе на люди не учинилось“.

Съ цѣлью излѣченія изъ гражданского оборота имущества, оставшагося послѣ умершихъ отъ заразныхъ болѣзней, москов-

ская администрація назначала описи заморного имущества. Такъ въ 1691 г. въ Курскъ была послана грамота, въ которой предписывалось, между прочимъ: „а что послѣ умершихъ курскихъ жителей осталось св., и пожитковъ, и денегъ, и платья, а посуда серебрянная, и мѣдная, и словяннина, и желѣзная, и деревянная, и всякой домашней рухляди... и то все пересмотрѣть и переписать изъ курчанъ кому пригоже именно слободами всякаго двора поросни, а пересмотря и переписать всякіе пожитки собирать въ одно мѣсто и положить гдѣ пристойно и записать... до указа“³⁾.

Къ удивленію собраннаго имущества были не уничтожены, какъ бы слѣдовало ожидать въ соответствии съ другими мѣропріятіями въ подобныхъ случаяхъ, а были розданы наследникамъ. „а иные по ихъ сказу и по духовнымъ отданы въ Курскъ на церкви въ Богор. Знаменскій и въ Троицкій дѣвичій монастыри и въ приходскія церкви на помяновеніе душъ ихъ и по кабаламъ за долговымъ деньгами по челобитію съ роспискою, а у иныхъ многихъ во время того упадку всѣмъ животы покрадены и роспирали“⁴⁾. Этотъ оборотъ имущества совершенно не вяжется съ общей практикой и несомненно возникаетъ предположеніе, что розданное имущество не имѣло непосредственнаго приспособленія съ умершими. Насколько же строго администрація слѣдила за оставшимся послѣ умирающихъ имуществомъ, можно судить по дошедшему до насъ интересному разсказу объ употребленіи имущества, отнесеннаго котораго состоялся вышеприведенный указъ 1691 года⁵⁾.

О карантинной строгости описываемой эпохи можно судить, напримеръ, по слѣдующему случаю. По указу 28 сент. 1654 г. ярославскій воевода былъ обязанъ купить для смоленскаго войска „3000 кафтановъ шубныхъ добрыхъ и пространныхъ, а купитѣ кафтаны прислать... тотчасъ безъ мотчанія“. Воеводѣ удалось купить всего 359 кафтановъ, какъ стало ясно, что въ Ярославлѣ появилась эпидемія. И вотъ 15 февраля 1655 г. послѣдовало распоряженіе „чтобы кафтаны въ Ярославлѣ держать до указа съ береженіемъ и больше того не покупать“⁶⁾.

¹⁾ Актъ истер., т. IV, № 105, стр. 218.

²⁾ А. М. Ю. Петербург, стр. 643.

³⁾ Ibidem, т. 613—624.

⁴⁾ Ibidem, стр. 613.

⁵⁾ А. М. Ю. Петербург, стр. 641.

187
The first of these is the fact that the
population of the United States has
increased rapidly since 1860. This
increase has been due to a number of
causes, but the most important is the
immigration of foreign-born people.
The second cause is the increase in
the birth rate. The third cause is the
decrease in the death rate. The fourth
cause is the increase in the life expectancy
of the population. The fifth cause is the
increase in the number of people living
in the United States who are over 65
years of age. The sixth cause is the
increase in the number of people living
in the United States who are under 18
years of age. The seventh cause is the
increase in the number of people living
in the United States who are between 18
and 64 years of age. The eighth cause is
the increase in the number of people living
in the United States who are between 65
and 74 years of age. The ninth cause is
the increase in the number of people living
in the United States who are between 75
and 84 years of age. The tenth cause is
the increase in the number of people living
in the United States who are 85 years of
age or older.

188
The first of these is the fact that the
population of the United States has
increased rapidly since 1860. This
increase has been due to a number of
causes, but the most important is the
immigration of foreign-born people.
The second cause is the increase in
the birth rate. The third cause is the
decrease in the death rate. The fourth
cause is the increase in the life expectancy
of the population. The fifth cause is the
increase in the number of people living
in the United States who are over 65
years of age. The sixth cause is the
increase in the number of people living
in the United States who are under 18
years of age. The seventh cause is the
increase in the number of people living
in the United States who are between 18
and 64 years of age. The eighth cause is
the increase in the number of people living
in the United States who are between 65
and 74 years of age. The ninth cause is
the increase in the number of people living
in the United States who are between 75
and 84 years of age. The tenth cause is
the increase in the number of people living
in the United States who are 85 years of
age or older.

Немаловажное значение представляют заботы московского правительства о пропитании задерживаемых на карантинных заставах.

Въ 1623 г. было приказано „кормецъ давать смотря по человеку“ литовскимъ выходцамъ „покамѣста подлинно сыщется, не изъ моровыхъ ли мѣстъ вышли“¹⁾. Въ 1631 г. одновременно съ указомъ поставить карантинныя заставки въ коломенскомъ уѣздѣ повелѣвалось задержанныхъ „кормить изъ ихъ животновъ, а будеть тѣхъ селъ и деревень хлѣбъ не позать или сѣно не покосено и... тотъ хлѣбъ ...позать *инымъ* селъ и деревень крестьяномъ, а велѣти его складати въ скирды или... чтобы тому хлѣбу потери не было; а себѣ того хлѣба сторожные люди не имали, того велѣти беречь накрѣпко“²⁾.

Въ 1668 г. прибывшему съ Дону на Коротоякъ Афанасію Нестерову „съ товарищи“ были отпущены хлѣбные запасы, вино и пиво; а къ мѣсяцъ до этого задержаннымъ на Валуйскѣ „посланику и толмачу и крымскимъ генимамъ съ татарами“ овса и ржи выдали изъ государевыхъ валуйскихъ житницъ, вино и медъ изъ кружечнаго двора, харчевой кормъ и сѣно собирались „съ валуйчанъ со всякихъ чиновъ съ граничныхъ людей“³⁾.

Относительно военнопленныхъ, задержанныхъ въ 1674 г. въ Колонтаевѣ, было приказано ихъ „доить и кормить“⁴⁾. Въ 1682 г. „многіе люди изъ за Дѣбара къ Кременугу прѣѣзжали и ихъ де кременугскій сотникъ и атаманъ по разсказанью и по письмамъ гетманскимъ не пустили и на ту де сторону Дѣбара къ прѣѣзжкимъ всякихъ чиновъ людямъ посылають изъ Кременуга хлѣбъ, чѣмъ имъ сыту быти“⁵⁾.

Конечно, при незначительномъ числѣ задержанныхъ съ вопросомъ объ ихъ довольствіи было легко справиться, но при большомъ скопленіи испытуемыхъ возникали затрудненія. Такъ въ 1690 г. вскорѣ послѣ сильнаго жора на Сажарѣ, когда у одного полковника Деркачевскаго изъ 200 человекъ умерло 193, было указано отправить въ Новобогородскъ 1500 человекъ сумскаго и пахтырскаго полковъ, но по случаю бывшаго морозова по-

¹⁾ Ibidem, Приказъ, ст. столб. № 12, л. 524–527 и Хостоз. ст. столб. № 13.

²⁾ Ibidem, Владимир. ст. столб. № 43.

³⁾ Ibidem, Новгород. ст. столб. № 673.

⁴⁾ Наши хв.: т. II, стр. 244.

⁵⁾ Ibidem, стр. 273.

вѣтрія повелѣвалось, чтобы войска „были близъ городка Городного, на рѣкѣ Мерлѣ, въ пристойномъ мѣстѣ при Лѣсовой крѣпости, а въ города бѣ и въ уѣзды ни для чего бѣ не ходили и великороссійскихъ городовъ жителямъ ничего не продавали, также и изъ городовъ и изъ уѣздовъ къ нимъ никому хоить и ничего у нихъ покупать не велѣти, и пасѣкъ и лѣсовъ, которые есть при рѣкѣ Мерлу и въ иныхъ мѣстахъ, не пустошили и тамошнимъ жителямъ никакого разоренія и убытковъ не чинили, а харчъ всякій велѣти великороссійскихъ и малороссійскихъ городовъ жителямъ тѣмъ московскимъ стрѣльцамъ продавать со всякою осторожностью, а *денегъ* за тотъ харчъ велѣти имъ стрѣльцамъ давать, продавая *перемывъ въ воду и перетерши пескомъ, также и продавая примамы имъ деньги потому жъ въ воду перемывати. А не перемывъ въ воду и не перетерши пескомъ денегъ азымъ за продажный харчъ возитъ имъ съ собою не велѣти для того, что напаче всего морозомъ позырѣе приставаетъ отъ денегъ“¹⁾.*

Ясно, что отъ стараго принципа *поплати*, скрашенія купли — продажи въ мѣстахъ неблагополучныхъ было допущено отступленіе въ пользу большого скопленія военныхъ людей. Политика при подобныхъ условіяхъ была немаловажна, да и правила денежнаго обращенія вызвали сомнѣнія, и боевода стискивалъ: „въ великороссійскихъ и малороссійскихъ во всѣхъ городахъ, во всякихъ торговыхъ покупкахъ ходятъ чехи польскаго дѣла и *такимъ* *денегъ*... *водою* *мыть* и *пескомъ* *тереть* *некоторыми* *мирами* *не* *возможно*, а потому что въ торгахъ, которые изъ тѣхъ денегъ чехи бывають хузы и красны и гладки, и тѣ чехи и безъ воднаго мытья и безъ перетерки въ купляхъ и въ продажахъ не емяють. А буде противъ вашего г. указу, гдѣ чехи имъ мыть водою и перетирать пескомъ, и они отъ того де толь будутъ красны и гладки, и клейма, которые на нихъ есть, будутъ беззачтны, и *такимъ* *человѣкъ* *за* *хлѣбъ* *и* *за* *какую* *харчъ* *въ* *городъ* *и* *павѣ* *имать* *не* *будути* *и* *оттого*... *въ* *покупку* *хлѣба* *и* *всякихъ* *харчей* *будетъ* *великая* *скудость* *и* *нужда*“²⁾.

Обмываніе монеты предписывалось, наирямѣрь, еще въ 1658 г. грамотою на имя князя Бориса Александровича Реннина, кото-

¹⁾ Наши хв.: т. II, стр. 339, 340.

²⁾ Наши матеріалы, т. II, стр. 340. Какъ увидимъ ниже, въ XVIII ст. додумались до обмыванія въ уксусѣ ассигнацій.

рому писалось: „а которая цаша денежная казна зъ великаго Новгорода привезена къ заставѣ, и вы бѣ тое нашу денежную казну велѣли перемѣять, а перемѣвъ велѣли ее везти къ намъ къ Москвѣ“¹⁾.

Итакъ цѣною отступленія отъ требованія строгой изоляціи могъ быть найденъ нѣкоторый *modus vivendi*. Иначе складывались обстоятельства, когда никакихъ отступленій не допускалось. Напримѣръ, въ 1690 г. было моровое повѣтріе въ Курскѣ. По обыкновенію были поставлены заставы. Черезъ нѣкоторое время были посланы люди для провѣдыванія „черезъ рѣчку Куръ и черезъ огонь“ о ходѣ эпидеміи. Прибывшіе къ заставѣ куране заявили, что „никъ взаперти харчъ съѣстной взять негдѣ и въ куплю ничто не продается, оттого де они никакъ взаперти помирать голодомъ, да въ тожь чело изъ нихъ... кричали: что паша на деньги съѣстной гонимъ харчъ и животновъ и дровъ не продають, и изъ слободы для покушки нигдѣ не пропускають и мы де изъ слободы поидемъ къ Москвѣ и въ города, куда кому спосажно“. Провѣдывавшій полковникъ на это замѣтилъ, что ихъ нигде не пропустить, а вѣторыхъ, напомятъ о смертной казни. Но ему отвѣтили: „хотя де вы ихъ в. г. укажете и перевѣшать, и изъ все равно умирать“. Къ Москвѣ стрѣлцы не пошли, но, какъ доносили воевода, на кружечныхъ дворахъ „проходя силою заставы, вино и медъ покупають и напився пьяны безпрестанно бьются и всякія неистовыя слова говорить“²⁾.

Въ томъ же 1790 г. было приказано: „пріѣзжающимъ и приходящимъ съ Сахары ратнымъ людямъ для пристанища подѣ великороссійскими украинскими городами гдѣ мѣсто назначитъ и *чѣмъ тѣмъ ратнымъ людямъ быть сытымъ*“³⁾. Тогда же повѣлялось задержаннымъ „людямъ“ отъ Новобогородицкаго и Сергіевскаго... посылать на кормъ изъ... в. г. житницъ хлѣбные запасы и харчъ, чѣмъ изъ можно сытымъ быть... и тѣ запасы и харчъ давать за сторожку по вѣтру черезъ огонь, не близко къ паша приходя съ великимъ опасеньемъ и осторожностью“⁴⁾. Когда жители села Краснаго Хотмышскаго уѣзда, обѣщенные по случаю морового

повѣтрія, заявили, что они испытываютъ лишенія въ продовольствіи, послѣдовало распоряженіе воеводы: „села Краснаго жителямъ хлѣбныхъ запасовъ къ тому селу Красному отвезти изъ Хотмышска изъ в. г. житницъ на прокормленіе и... тотъ запасъ положить отъ того села Краснаго не въ близкихъ мѣстахъ и черезъ огонь сказать имъ, чтобы они тотъ запасъ взяли сами“¹⁾. Такой указъ былъ тогда посланъ по всей Благородской границѣ²⁾.

Какъ видно изъ указовъ, на заставы посылались наиболѣе способные и надежные люди, и не смотря на это за ними строго наблюдали.

Въ 1628 г. въ указѣ объ установленіи заставъ со стороны Кіева наказывалось „и *надъ заставными людьми и надъ сторожками беречь того накрывко*, чтобы они потому жъ съ выходны и съ волонники не съѣзжались и не сходились“³⁾.

Въ 1655 г. козловскій воевода пишетъ: „и по всѣмъ заставамъ я х. т. Федилъ почасту, а на дальній г. заставы посылать я х. т. дозорниковъ безпрестанно, козловцевъ *дурныхъ* людей, и надъ головами и надъ заставными людьми смотрѣть и беречь безпрестанно“⁴⁾.

Выполненіе карантинныхъ распоряженій санкціонировалось самою разнообразною отвѣтственностью. Въ 1657 г. на заставѣ, которая „въ Вильнѣ отъ Борисова учинена“ приказано „накрѣпко *надъ смертною казною*, чтобы однолично изъ Вильны и изъ иныхъ городовъ и уѣздовъ мимо заставъ къ Менску, и къ Борисову, и къ Подольску, и въ иные ли въ которые города... никакихъ челоуѣкъ не проѣхалъ, и не прошелъ, и не прокрадся никакими обманомъ“⁵⁾.

Въ 1656 г. предписывая, поставить заставы около Верхотурья, государь писалъ: „а будетъ тѣ заставщики воровски какихъ людей изъ моровыхъ мѣстъ, гдѣ моровое повѣтріе не престало, въ Сибирь пропускать, а отъ тѣхъ пріѣзжихъ людей въ Сибирь учинится сибирскими людямъ... моровое повѣтрее... и тѣхъ верхотурскихъ *заставщикамъ* быти казненнымъ смертью“⁶⁾.

¹⁾ Приложение № 22, стр. LI.

²⁾ Памят. матер. т. III ч. II, стр. 36—37.

³⁾ А. М. Ю. Истор. ст. столб. № 1897 г. 54—61.

⁴⁾ Ibidem.

¹⁾ Ibidem. т. 218—222.

²⁾ Ibidem. т. 672—682.

³⁾ А. М. Ю. Разрѣд. вѣд. № 21, т. 14.

⁴⁾ Памят. матер. т. II, стр. 294.

⁵⁾ А. М. Ю. Москов. ст. столб. № 272.

⁶⁾ Акт. истор. т. IV, № 105, стр. 248.

Въ 1677 г. исполненіе всѣхъ заставныхъ предписаній выѣхало въ обязанности „головамъ заставнымъ и людямъ, которымъ на заставѣ быть... *подъ смертной казнью*“¹⁾. Въ 1690 г. заставнымъ людямъ со стороны Новобогородикаго и Сергіевского было объявлено: „а буде они впредь такъ учинять и изъ морскихъ мѣстъ мимо тѣхъ городовъ въ которыя мѣста пропускать и имъ за то быть въ *смертной казни* безо всякаго пощады“²⁾. Относительно рѣчки Коломки было указано заставнымъ чинамъ: „а будетъ чрезъ рѣчку учинять кто *проходить мимо*, и они бы тѣхъ людей *били изъ пистолей* и отнюдь бы никого на сторону рѣчки Коломки не перепускали; а будетъ ихъ заставныхъ людей *исбрежесемъ* кто изъ тамошнихъ мѣстъ въ здоровыя мѣста проѣдетъ, или пройдетъ, или прокрадется, и *тѣмъ заставнымъ людямъ быть повѣщеннымъ* же въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ люди пройдутъ“³⁾.

Тяжесть карантинной службы и перспектива тяжелой ответственности даже за простую небрежность, вѣроятно, побуждали назначенныхъ для пребыванія на заставахъ обращаться въ бѣгу. Но московское правительство строго расправлялось съ бѣглецами. Когда, напримеръ, въ 1690 г. караульщики покинули курскую заставу, то послѣдовалъ указъ о нихъ: „буде они живуть, въ указѣ не въ дальнихъ мѣстахъ, послать ихъ сыскать, а сыскавъ учинить имъ наказаніе *бить батоги* и впредь ихъ на заставахъ стоять по прежнему“⁴⁾.

Взысканія не ограничивались низшими агентами. Напримеръ, въ 1654 г. за обходъ или объѣздъ „заставъ и заѣздовъ, и сторожей“ предписывалось воеводамъ въ первый разъ подвергать жестокому наказанію, а во второй—предать смертной казни и далѣе присовокуплялось по адресу воеводы съ товарищами: „а будетъ вашимъ нерадіемъ и оплошкою на Юстѣгѣ Великомъ и въ Устюжскомъ уѣздѣ изъ села и въ приселки и въ деревни съ Москвы и изъ иныхъ городовъ и изъ уѣздовъ или съ Устюга Вел. и изъ Устюжскаго уѣзда въ которые иные города и въ уѣзды учнутъ кто ѣздить и ходить, или заставы и заѣзды объ-

ѣзжать или обходить и на Устѣгѣ Вел. и въ уѣздахъ прѣзжіе и прихожіе люди въ которыхъ мѣстахъ жить тайнымъ обычаемъ а послѣ про то сыщется; и важъ за то *быть имъ насъ въ оную и жестокомъ наказаніемъ безъ пощады*“¹⁾.

Въ 1681 г. въ указѣ писалось: „будетъ проѣдетъ кто-нибудь на заставахъ заставщиковъ, нерадіемъ и ихъ воеводы и полковники надъ заставщиками недосмотромъ, и о заставщикахъ писано къ воеводѣ и къ полковнику, что тѣмъ заставщикамъ быть за то отъ великаго государя въ *смертной казни*, а имъ, воеводѣ и полковнику, *въ искѣ и наказаніи*“²⁾.

Тѣмъ не менѣе, не говоря уже о злоупотребленіяхъ, заставы обходились тайно, а иногда явно и даже съ примѣненіемъ насилія противъ заставныхъ людей. Такъ въ 1643 г. около Рязани „прѣѣхали на заставѣ *силами* къ Москвѣ челоуѣкъ съ 20 и больше и на заставѣ *заузда* и заставщиковъ перебили, а скакали *рявчи*“³⁾.

Въ 1656 г. пристава Ивану Пожину было послано запросъ: вѣдомо, учинилось, что де изъ села Перевозу старши и крестьяни многие люди были въ здоровомъ селѣ Ягодномъ... и того села Перевозу старши и крестьяни сами-ли они *насилствомъ* прошли черезъ заставу или ты ихъ пропустилъ“⁴⁾.

Въ 1657 г. изъ Менскаго уѣзда были получены извѣстія, что наѣхали Лисовскаго полку *жолнеры* и въ томъ мѣстечкѣ, и въ деревняхъ, на заставахъ караулы разбили, и солдатъ побили⁵⁾.

Въ 1675 г. заставные люди заявили: „ноябрь и декабрь, въ разныхъ числахъ воронежцы, и строгочане, и иныхъ городовъ разныхъ чиновъ *люди* *идутъ* ниже *коротояки*, *соевской* и *бояцкой* *заставъ*, *идутъ* по *рѣкѣ* *Донъ*, *сдѣлимъ* *путемъ*, *стѣною* на *лотахъ* *облажуютъ* *городъ*. *Коротоякъ* и *коротоякия* *заставы* не *дѣлае* *ушайкою* *воровски*, и дороги накладываютъ и тѣмъ ихъ накладными дороги опасно къ *Коротояку* и къ инымъ городамъ приходу воинскихъ людей и побѣгу служилымъ и воровскимъ людямъ на *Донъ*“⁶⁾. Но бывало и хуже.

1) Доволн. къ акт. истор. т. III, № 119, XXXVI, стр. 467.

2) Тамъ же, т. II, стр. 271.

3) А. М. Руб. Приказ, ст. столб. № 146 а, 233.

4) Доволн. къ акт. истор. Сиб. № 54 г. т. IV, № 29, I, стр. 69.

5) Ibidem, Москв. ст., столб. № 272 д. 432—434.

6) Тамъ же, т. II, стр. 248.

1) Тамъ же, т. II, стр. 257.

2) А. М. Руб. Приказ, ст. столб. № 1897 д. 54—61.

3) Ibidem, д. 92—93.

4) Ibidem, д. 458.

Въ 1683 г. „въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ“ были посланы грамоты, чтобы „изъ Курска и Курскаго уѣзда и изъ иныхъ мѣстъ, въ которыхъ было моровое повѣтріе, ишакныхъ людей къ Москвѣ не пропускать.“ Однако 20 іюня бывший ахтырскій полковникъ Андрей Прокофьевъ „со многими людьми... прѣѣхавъ на заставу изъ Курскаго уѣзда въ Сѣвскій уѣздъ подѣ селомъ Гваньио *вдали насилствомъ паромъ и черезъ рѣку Свану перешли, а припоросики, конторы поставили на заставѣ, и караульничковъ оскѣ били жѣ, и поклади... на Кромѣ*“. Объ этомъ случаѣ воевода доноситъ, чтобы велѣдніе прѣѣзда этихъ людей въ Москву „отъ того ихъ напастаго прѣѣзду, что они ѣхали моровыми мѣстами, какова бы худа не учинилась“¹⁾.

Въ 1690 г., во время эпидеміи въ Курскѣ, въ московской стрѣлцкой слободѣ и на посадѣ въ Пушкарской и Яндовищенской слободахъ, по донесенію воеводы, стрѣльцы „*пригоди сиюю черезъ заставы, и медь покупаютъ и напився пьяны безпрестанно бѣжуютъ и всякія неистовыя слова говорятъ*“²⁾.

Частныя лица, какъ было уже указано, за прорывъ карантинной линіи подвергались смертной казни. Въ 1690 г., по случаю морового повѣтрія на Самарѣ, были посланы указы, дающіе понятіе о родѣ казни, а именно въ указѣ писалось: „а будетъ кто своруетъ... и какими мѣрами прокрадется въ здоровыя мѣста, и тѣ люди, кто гдѣ изыманъ будетъ, въ тѣхъ мѣстахъ будутъ повѣшены безо всякаго милосердія“³⁾.

Лица, подвергавшіяся допросу о моровомъ повѣтріи, обязаны были показывать правду подѣ страхомъ тяжкихъ наказаній. Такъ въ 1677 г., велѣдніе слухомъ о повѣтріи въ Польшѣ было приказано, выходящевъ и подолжанковъ русскихъ и иныхъ людей и черкасъ, не допуская до обозовъ своихъ... разспрашивать накрѣпко и чтобъ имъ у разспросу сказывать подѣ жестокими страхомъ. И если они, прѣѣхавъ изъ моровыхъ мѣстъ, про то утойтъ, а послѣ про то будетъ рѣдомо, и имъ за то... быти въ смертной казни безо всякаго пощадѣ“⁴⁾. Въ 1692 г. прѣѣзжихъ и прохожихъ повелѣвалось разспрашивать на заставахъ о моровомъ по-

вѣтріи „подѣ смертнѣю казнью, чтобъ они сказывали правду безо всяка лжи и лѣтѣйки“⁵⁾.

Что касается переноски съ заморными мѣстами, то здѣсь приходится отмѣтить такую же строгую предусмотрительность, какъ и въ другихъ случаяхъ противозаразныхъ мѣропріятій.

Въ 1628 г. распространивъ рѣши о моровомъ повѣтріи за рубежомъ скитались и донесенія писались „на новой бумагѣ“⁶⁾. Въ 1643 г. скитались подлинными отписки ливонскія, валуйскія и осконскія и передавались „на новой бумагѣ“⁷⁾. По правиламъ же 22 сентября 1654 г. указывалось перенести коніи „*перенести черезъ оныя и сараи подлинными отписками съези, а съ ними отпискою списки запечатать въ листъ печатью послать съ стрѣльцомъ изъ Троицкой Сергіевъ монастыри ко властямъ тотчасъ, а они списки списавъ, же прислать къ Колпакову монастырю не замочкавъ*“⁸⁾. Два года спустя поступалъ указъ, которымъ предписывалось устранивать отъ составленія отписокъ государю тѣхъ или дѣлцовъ, у которыхъ въ домѣ были больные⁹⁾.

Въ послѣдующее время строгости еще болѣе усилились. Такъ еще 17 августа 1657 г. отъ гонимъ или Юрѣя Ливонскаго предписывалось отписки „*принять черезъ оныя на клещесть* и тѣ отписки перенести на новую бумагу, а тѣ отписки, которыя присланы отъ Юрѣя Ливонскаго... съези... и тѣ отписки, кои списаны, въ Приказной Палатѣ перенести на новую бумагу и тѣ списки со отпискою“¹⁰⁾ послать къ государю къ Москвѣ, т. е. были подтверждены прежній порядокъ трехкратнаго списыванія донесеній государю. Но уже 4 сентября 1664 г. по случаю эпидеміи въ Ромнахъ было дано распоряженіе, чтобы „о всемъ подлинно писали... и тѣ отписки прислать къ заставѣ и *перенести на новую бумагу черезъ оныя на иштупу и шестуру* и прислать къ Москвѣ на шестомъ листѣ“¹¹⁾. Въ октябрѣ и ноябрѣ 1668 г. повелѣвалось донесенія съ Дона и другихъ мѣстъ на Валуйкѣ „переносить на новую бумагу *третью*... а отписку и

¹⁾ Ibidem т. III, ч. II, стр. 4.

²⁾ Бѣл. Стоб. № 20.

³⁾ Бѣл. Стоб. № 177, 192.

⁴⁾ Докладъ къ имп. истор. т. III, № 119, XX, стр. 433.

⁵⁾ Полное Собр. Законовъ т. I, № 187, стр. 395.

⁶⁾ Пол. Стоб. № 167.

⁷⁾ Бѣл. Стоб. № 547.

¹⁾ Наши матер. т. II, стр. 338.

²⁾ Ibidem т. III, ч. II, стр. 37.

³⁾ А. М. Ю. Бѣлгород. ст., стр. 1897 а, 88.

⁴⁾ Наши матер. т. II, стр. 252.

тѣхъ распросныхъ рѣчи... переписавъ съ того списка на новую жъ бумагу на третью послать къ Москвѣ¹⁾.

Въ грамотѣ отъ 27 июня 1681 г. на имя кунгурскаго воеводы Ивана Черникова Онучина наказывалось: „и тѣхъ отписки окуря надъ огнемъ, переписывать на новую бумагу... а на новой бумагѣ отписки ихъ привозить къ себѣ въ городъ и переписывать на третью или на четвертую бумагу... а въ первыхъ городѣхъ (по московской дорогѣ) тѣхъ отписки переписать на *шестую* или на *седьмую* бумагу одному подъячему, а другому сказывать, и кто станетъ переписывать и тѣхъ межъ себя близко не сходиться“²⁾.

Въ указѣ 11 февраля 1693 г. кн. Петру Хованскому, для отправления изъ допесеній изъ Астрахани предписывается отписки переписывать на *восемь* бумагу³⁾. Повидимому, къ концу XVII ст. складывается порядокъ посылать въ Москву не менѣе, какъ *восемь* копію съ оригиналовъ. Такъ въ 1682 г. Кирило Хлоновъ сообщаетъ, что онъ „съ той отписки, и съ выписки, и съ распросныхъ рѣчей списокъ переписавъ на *шестирядную* бумагу... велѣлъ подать на Тулѣ столнику и воеводѣ Ивану Мясного, и къ нему писать, чтобъ онъ тое отписку и списокъ, переписавъ на Тулѣ на новую на *шестирядную* жъ бумагу, послать... къ Москвѣ“⁴⁾.

Въ 1690 г. встрѣчаемъ со случаемъ еще болѣе строгаго отношенія къ перепискѣ, а именно: разказъ о моровомъ повѣтрѣи въ Новобогородицкомъ, привезенный праворицкомъ Авзбуковымъ „переписавъ на новой бумагѣ и на 5 бумагахъ за заставою сожжени, а на 6 на новой бумагѣ послать онъ (воевода) въ Бѣлгородъ; и то письмо... на бѣлгородской *дальней* заставѣ переписавъ черезъ огонь на новую жъ на 6 бумагъ, и на 6 бумагахъ, что писаны, сожжени, а на 7-й новой бумагѣ, окуря надъ огнемъ съ той заставы привезено на бѣлгородскую жъ ближнюю заставу, и я х. т. съ того присланнаго письма велѣтъ въ Бѣлгородѣ на *ближней* бѣлгородской заставѣ переписать на новой бумагѣ черезъ огонь, и на 6 бумагахъ списки съ тѣхъ писемъ сожжени, а на 7-й привезено въ Бѣлгородъ, и я х. т.

¹⁾ Повг. Стѣб. № 643, 662.

²⁾ Актъ истор. т. V, № 73 стр. 107.

³⁾ Ibidem, № 216, стр. 372.

⁴⁾ Наши матеріалы т. II, стр. 266, 274.

съ тѣхъ писемъ велѣтъ списать списки на 7 бумагъ, и тѣ списки на 7 бумагахъ велѣтъ въ Бѣлгородѣ сжечь, а на 8-й бумагѣ съ того письма списокъ для послыки къ Москвѣ послать изъ Бѣлгорода до Курской заставы... а на Курской заставѣ съ той своей отписки и посланнаго письма велѣтъ переписать на новую жъ на 6 бумагъ, и на 6 бумагахъ тѣ списки на огнѣ сжечь, а на 7-й на новой бумагѣ съ той курской заставы съ того письма списокъ велѣтъ отвезти въ Курскъ... а къ нему писать, чтобъ онъ о перепискѣ санска съ той мѣст. х. в отписки и съ писемъ спискомъ и о посылкѣ ихъ до Тулы и о письмѣ на Тулу, чтобъ на Тулѣ съ тѣхъ спискомъ о перепискѣ на новую жъ бумагу и о посылкѣ тѣхъ спискомъ... къ Москвѣ“¹⁾.

Благоприятное вліяніе санитарно-карантинной организаціи въ до-Петровской Руси въ значительной степени парализовалось общими свойствами приказнаго строя — волокитой. Такъ, напримеръ, въ какой-либо мѣстности возникла эпидемія, объ этомъ нужно было сообщить въ Москву и ждать указа; оттуда слѣдовало указъ о принятіи тѣхъ или другихъ мѣръ; вышешнн указъ въ точности нужно было ждать новыхъ распоряженій; если же указъ нельзя было вышешнн въ точности, то писались челобитная относительно распоряженій, а дѣло должно было стоять. Изъ тому же самое обиліе челобитныхъ, отписокъ и другихъ бумажныхъ записей нерѣдко ставило мѣстнымъ властямъ непреодолимая препятствія.

Обычно среди заставныхъ людей находились дѣлаки и подьячіе, на которыхъ возлагалась письменная работа. Напримеръ, въ 1654 г. Ивану Федоровичу Ершину, отправлявшемуся на Можайскую заставу было предписано: „пріѣхавъ въ Можайскъ, взяти ему на Волгу, въ Борзюнкѣ и въ Вареѣ... стрѣльцовъ, и казачковъ, и пушкарей изъ всѣхъ городовъ полонину, да ему жъ взяти изъ тѣхъ же городахъ изъ приказныхъ избъ *для письма* дву человекъ дьячковъ добрыхъ“²⁾.

Бумажная сноровка замедлялась то вълѣдствіе отсутствія подъячихъ, то по недостатку изъ письменныхъ матеріаловъ. Такъ въ 1643 г. въ Москву доносили съ заставы, что „переписывать г. отписокъ и всякихъ дѣлъ стало *не на время*, потому что для

¹⁾ Д. М. 30, П. 11, стр. 1297 и 1298—1299.

²⁾ Приказное № 15, стр. XLIV.

твоих г. дѣль дано намъ х. т. только 3 дести бумаги, и *та бумага* на твои г. дѣла *всѣ* *исполнѣ*, а купити негдѣ, а дѣла т. г. у насъ х. т. на Пехорской заставѣ учели бытъ многія, только вредѣ... съ Рогожскія заставы и изъ иныхъ городовъ съ гонцы и съ станичники отписки и книги и всякія писма учнутъ присылать многія, а переписывая то все будутъ жечь, и мѣѣ х. т. Сенаѣ *одному переписывать не дежны*, а молодыхъ подьячихъ, и дячковъ кому жечь переписывать и переписавъ прочитати нискогдѣ, и въ томъ твою г. дѣлу чинится мотчаніе¹⁾.

Въ 1657 г. съ Тушинской заставы пришла, наприимѣръ, жалоба на отсутствіе бумаги²⁾. Въ концѣ того же года оттуда же писалось къ Москвѣ, что тамъ остался одинъ подьячій „да прѣзъ сего былъ... три подьячїе и два подьячїихъ съ заставы безъ вѣсти сонны... а переписывать некому“³⁾. Въ 1658 г. съ Можайской заставы писали: „многія отписки присылаются де къ намъ на заставы изъ городовъ, а съ тѣхъ де отписокъ синекомъ переписывать не успѣвають, и за тѣмъ де на заставахъ у нихъ писму чинится большое мотчаніе, *ложатъ много отписки много время не переписаны*“. Въ отвѣтъ на это донесеніе послѣдовали указы: „для переписки отписокъ на заставы послати изъ *всѣхъ* приказовъ по челобѣту, чтобъ въ перепискѣ отписокъ мотчанья ни малаго не было“⁴⁾.

Если вспомнить о разстояніяхъ между Москвою и рубежами и состояніе путей и средствъ сообщенія въ то время, то станетъ очевидно, какія затрудненія воздвигались передъ властью въ тѣхъ случаяхъ когда требовалось безотлагательное энергичное дѣйствіе, а бумага и писцы заставали оставаться въ великомъ „мотчаньи“!

Понятно, что многочисленныя заставы, въ болшей или меншей степени достигая санитарныхъ цѣлей, вносили значительныя неудобства въ хозяйственную жизнь страны. И правы были близкии, жаловавшіеся государю, что они „отъ тѣхъ проезжихъ пажатей и отъ волокиты промисловъ своихъ отбыли“⁵⁾. Съ цѣлью предупрежденія ненужныхъ стѣсненій въ сношеніяхъ населенія и

экономическомъ оборотѣ московское правительство тщательно вводило справки о ходѣ эпидеміи и при первыхъ достовѣрныхъ извѣстіяхъ о прекращеніи ея снимало заставы.

Заставы по Оклъ, въ Коломенскомъ, Переяславскомъ, уѣздахъ и другихъ мѣстахъ въ 1631 г. было приказано „свести“, какъ только получатся путемъ мѣстнаго разслѣдованія благопріятныя извѣстія о прекращеніи морового поитрія¹⁾. Застава отъ Юрьева Ливонскаго была установлена 24 августа 1657 г., а 5 марта 1658 г. было уже приказано „заставы свести тотчасъ безъ мотчанья“. На Литовскомъ рубежѣ заставы, поставленныя 17 октября 1678 г., были сняты 13 февраля 1680 года²⁾. Въ 1677 г. въ Путный были посланы указы „со всѣхъ дорогъ заставы... свести и учинить на обѣ стороны путь свободный“³⁾. Въ 1690 г. было приказано свести заставы отъ Курека⁴⁾.

Въ 1692 г. появился въ Москвѣ слухъ, что въ Астрахани моровое поитріе. Немедленно, по указу Іоанна и Петра Алексѣевичей, было приказано повсѣхъ бѣлгородскому Еор. Петр. Черкестеву, чтобъ онъ отъ себя писалъ „съ большими подтвержденіями“, въ города, которые по чертѣ, и за черту къ воеводамъ и приказнымъ людямъ... и для того послати нарочныхъ посольщиковъ, чтобъ они во всѣхъ причинныхъ мѣстахъ учинили заставы крѣпкія“. Выходящъ со стороны зазорныхъ мѣстъ предписывалось „заставлявать за тѣми заставами въ лѣсахъ, въ рѣкахъ и къ водамъ не близко не въ иныхъ и въ безлюдныхъ мѣстахъ...; про моровое поитріе „расправивать черезъ огонь и окурить тѣ писма“; на заставахъ поставить „заставныхъ головъ и дѣтъ боярекихъ съ служилыми людьми... и на тѣхъ заставахъ стоять безотлучно“, кромѣ того присоединить къ нимъ „для писма площадныхъ дячковъ“. И были поставлены заставы съ лучшими людьми по дорогамъ со стороны Воронежа, Коротонки и Валукъ. После первыхъ вѣстей о прекращеніи мора въ Астрахани было разрѣшено пропускать людей къ Москвѣ и къ Владимиру изъ Уфы, Казани и Нижняго Новгорода. Подъ запретомъ оставались еще Астрахань и Терекъ, но по полученіи дальнѣйшихъ извѣстій и съ послѣднихъ были сняты запреты. Такимъ образомъ ясно,

¹⁾ А. М. Ю. Москв. ст., столб. № 160.

²⁾ Новгородскій ст., столб. № 168.

³⁾ Новгородскій ст., столб. № 606.

⁴⁾ Приложение № 24, стр. LII.

⁵⁾ А. М. Ю. Новгород. ст., столб. № 96.

¹⁾ А. М. Ю. Владимир. ст., столб. № 43.

²⁾ Бѣлом., Новгород. ст., столб. №№ 108, 165, 508.

³⁾ Бѣлом., Приказн. ст., столб. № 773.

⁴⁾ Бѣлом., Владимир. ст., столб. № 1897 а. 624-627.

что накануне нового столетия въ борьбѣ съ эпидеміей шли старой дорогой¹⁾.

Для сведенія заставы такъ же, какъ и для установленія ея, требовался особый царскій указъ. Напримѣръ, въ 1628 г. изъ Москвы былъ посланъ указъ поставить заставы со стороны Кіева, причѣмъ писалось: „А будетъ отъ лазутчиковъ, которыхъ мы пошлете, или отъ выходцевъ, или отъ полоняниковъ въ вѣстяхъ у вѣсть обывитися, что въ Кіевѣ и иныхъ литовскихъ въ порубежныхъ городахъ повѣтрія нѣтъ, и вы бы о томъ тотчасъ къ намъ отписали, а *заставъ безъ нашего указу не сводили*“²⁾. Въ 1677 г. торопецкій воевода высылалъ въ Москву розыскныя сказки о прекращеніи морового повѣтрія, добавивъ къ отпискѣ: „а заставъ мы х. т. безъ твоего в. г. указу свѣсть не смѣемъ“³⁾. Въ 1690 г. въ Москву доносилъ воевода Бѣлгородскій о сообщеніи полковника Шилова „что де то моровое повѣтріе въ Паревѣ Борисовѣ всеконечно унялось и утихло... и нынѣ де нѣтъ, а сторожъ свѣсть онъ не смѣетъ и о томъ бы ему твой в. г. указъ учинить“⁴⁾.

Весьма часто воеводы возбуждали ходатайство о сведеніи заставъ въслѣдствіе просьбы объ этомъ мѣстныхъ жителей. Въ 1657 г. виленьскій воевода писалъ въ Москву: „въ Вильнѣ г. въ сѣзскую избу приходятъ многіе шляхта, и мѣщане, и поветные люди и бывають челомъ тебѣ в. г., многіе де въ мѣстечкахъ и въ селахъ и въ деревняхъ поветные люди помирають толною смертію съ голоду, потому что въ Вильну де г. за заставами изъ поветовъ хлѣбныхъ запасовъ не возить, и чтобы ты г. ихъ пожаловалъ, велѣть отъ Гродни и отъ Гродненскаго и отъ иныхъ поветовъ, гдѣ морового повѣтрія нѣтъ, заставы свѣсть. И я х. т... безъ твоего г. указу заставъ свѣсть не смѣю, и о томъ, какъ ты в. г. укажешь“⁵⁾.

Установленію, а еще въ большей степени сведенію заставъ предшествовали обыски, которые производились черезъ мѣстныхъ людей специально присланными „снѣдками“. Напримѣръ въ 1631 г. „по государеву указу посланы для обыску про моровое повѣ-

тріе на Рязань въ Пересвѣтскій станъ князь Михайло князь Ое-
доровъ сынъ Борятинскій, на Коломну въ Коломенскій уѣздъ
Данило Мясной, въ Коломенскій же уѣздъ по сю сторону Колом-
ны Богданъ Лупандинъ, а велѣно имъ про моровое повѣтріе съ-
скати всякими людьми всякими смыки накрѣпко; да будетъ гдѣ
моровое повѣтріе на люди объявилось, и имъ въ тѣхъ мѣстахъ
велѣно заставы поставить“¹⁾.

Въ томъ же году въслѣдствіе эпидеміи съ энзимотіей въ
Московскомъ уѣздѣ, по Серпуховской, Каширской и Калужской
дорогамъ было предписано произвести обыскъ и „обыскнымъ
всякимъ людямъ сказати именно, чтобы они про моровое повѣ-
тріе сказали въ правду, архимандриты и игумены по иноческому
обычаю, а попы и дяконы по священству, а мірскіе люди по
г. т. крестному вѣлованью, а которые обыскные люди про мо-
ровое повѣтріе въ обыску правды не скажутъ, тѣмъ людямъ
быть въ большомъ наказаніи и въ казни“²⁾.

Заслуживаетъ вниманія, что обыскъ производился посред-
ствомъ опроса населенія загорныхъ мѣстъ и прилежащихъ къ
нимъ вполнѣ еще благополучныхъ. Такъ въ 1643 г. „учиня за-
ставы и сторожи велѣно тѣхъ селъ и деревень всякихъ людей
не допуская до заставъ за заставою черезъ огонь расспрашивать,
кто именемъ и какіе люди у нихъ и въ который кто день ка-
кою язвою умеръ, и давно-ль у нихъ людское моровое повѣтріе
и какими обычаями и отчего учинилось и сколько день болѣны
бывають“. Одновременно съ тѣмъ повѣщивалось: „*около тѣхъ
селъ и деревень, въ которыхъ людское моровое повѣтріе, въ зор-
ныхъ мѣстахъ взяти обыски*“³⁾.

При обыскѣ къ опросу привлекалось огромное количество на-
селенія. Напримѣръ, въ 1631 г. было опрошено не менѣе 1000
человѣкъ, и въ 1643 г. не менѣе 1538 душъ! Эти цифры пред-
ставляютъ учетъ поименно показанныхъ въ обыскныхъ записяхъ.
Но кромѣ перечисленныхъ лицъ, опрашивались и другіе, о ко-
торыхъ въ актахъ присовокупляется: „и все крестыне“ или „и
все крестыне, а сколько ихъ—того не написано“⁴⁾.

¹⁾ Наши матер. т. III, ч. II, стр. 6—8.

²⁾ А. М. Ю. Разряд. кн. № 21, л. 14.

³⁾ А. М. Ю. Приказ. ст., столб. № 773.

⁴⁾ Ibidem Бѣлгород. ст., столб. № 1897.

⁵⁾ Ibidem Московск. ст., столб. № 272.

¹⁾ А. М. Ю. Владимир. ст., столб. № 43.

²⁾ Ibidem, Приказ. ст., столб. № 146 л. 43—60.

³⁾ А. М. Ю. Приказ. ст., столб. № 146, л. 143—157 и Москов. ст., № 160, л. 471—492.

⁴⁾ Ibidem, Приказ. ст., столб. № 146 и Владимир. ст., столб. № 43.

Нельзя обойти молчаніем своеобразной прихотливости государственнаго хозяйства московской эпохи, къ глубокому прикорму не чуждой и современной бюрократической системѣ. Какъ извѣстно, въ нынѣшнемъ году наше отечество постигло исключительное бѣдствіе—голодаютъ многіе десятки милліоновъ крестьянскаго населенія неурожайныхъ лѣтностей; но казенное вино заготавливается и распродается въ количествахъ значительно большихъ, чѣмъ въ предшествующій благополучный годъ; но подати выколачиваются безотносительно къ постигнутому народу бѣдствію. Тоже встрѣчается и въ XVII столѣтіи.

Въ самомъ дѣлѣ, въ 1690 г. изъ Курска донесли въ Москву, что вѣдѣтіе установленія заставъ около города и убада „на Курскѣмъ кружечномъ дворѣ винная и медовая продажа остановилась“. Немедленно изъ Москвы послѣдовалъ указъ ослабить карантинныя строгости, а именно: „съ подрядчикамъ винохъ въ Курскѣ пропускать.“¹⁾

Столь же мало истинно народнымъ характеромъ отличалась податная политика. Тогда же изъ Курска поступила челобитная, въ которой курское населеніе писало: „волею Божию въ Курскѣ на посадахъ въ разныхъ слободахъ учинили на люди упадокъ и многіе посадскіе люди померли, и за тѣмъ упадкомъ въ городѣ ривуда для торговыхъ промысловъ пропускать ихъ не велѣно и въ Курскѣ у нихъ никакихъ торговъ не бываетъ и отъ того они оскудѣли и обѣдѣли и в. г. пожаловали бы ихъ для того упадку и для ихъ скудости тѣхъ стрѣльцовыхъ денегъ править на нихъ не велѣли“²⁾. Челобитная не имѣла успѣха, вѣдѣтіе чего спустя нѣкоторое время курчане подали опять челобитную, въ которой докладывали: „велѣно съ насъ спроти нашихъ... взять стрѣлцкія денги и *намъ изъ тѣхъ денегъ сплатитъ на сироты наши на прожитокъ*, а намъ х. в. тѣхъ стрѣлцкихъ денегъ платить не велѣли и взять не велѣли, потому что промышленниковъ своихъ отбыли... милосердый государь... велите... указъ учинить и въ стрѣлцкихъ деньгахъ для нашего разоренія *дать много...* чтобъ намъ х. в. съ женами и дѣтми отъ того къ концу не разориться“³⁾.

¹⁾ А. М. Ю. Бѣлгород. ст., стр. 6, № 1897 а, 399—401.

²⁾ А. М. Ю. Бѣлгород. ст., стр. 6, № 1897 а, 434.

³⁾ Бѣлгород. а. 502—503 и Приложение № 13, стр. XL и XLI.

Мѣры, принимавшіяся московскимъ правительствомъ во второй половинѣ XVII столѣтія противъ заразныхъ эпидемическихъ болѣзней, съ одной стороны, носятъ черты строгой выработанности и большой целесообразности; а съ другой, въ нихъ чувствуется сѣмь начать целесообразныхъ со средствами религіознаго характера, прямо вредными и не достигающими цѣли.

Въ теченіе XVII ст. мы находимъ еще многочисленныя случаи употребленія религіозныхъ средствъ для борьбы съ эпидеміями.

Такъ въ 1646 году въ Хотмыжскій городъ на рѣку Ворсклу были посланы кресты со святыми мощами по случаю того, что населеніе страдало „великими разными болѣзнями, а иные одержимы вечными духомъ“¹⁾.

Въ 1647 г. въ новый Царскъ-Алексѣевъ городъ были посланы кресты съ мощами, причемъ повелѣвалось встрѣтить кресты „съ великою честью со священниками и со кресты и со всеми людьми за посадомъ, гдѣ приложатъ, и причестіи бы его въ соборную церковь и пить молебны и воду святить и тою водою святою людей и животину и лошади кропить и въредъ по воскресеньямъ и въ праздники молебны пить и для исцѣленія воду святить“²⁾. Подобное распоряженіе создавало весьма благоприятную обстановку для распространенія заразы, но на этомъ дѣло не остановилось, и было еще приказано кресты „допустить въ Оскоть“. А которые города въ Олшанскѣ, на Коротомѣ, на Усердѣ и на Валуикѣ и въ другихъ урванскихъ городахъ, учинить просить того животворящаго креста... отлучать съ великою честью... въ городахъ съ животворящимъ крестомъ быть дни по два и по три“.

Въ 1649 г. въ Курскѣ были посланы кресты со св. мощами вѣдѣтіе того, что стало извѣстно, что тамъ „многіе нападными болѣзнями и скорбями и страхованіемъ болѣзнуютъ“³⁾. Въ томъ же году послали кресты съ мощами въ городъ Карповъ, гдѣ также страдало населеніе „нападными болѣзнями и страхованіемъ“⁴⁾.

Какъ и въ предшествующіе годы, въ 1649 году наказывалось кресты встрѣчать всеми населеніемъ „съ женами и съ дѣтми“,

¹⁾ А. М. Ю. Бѣлгород. ст., стр. 6, № 256.

²⁾ Бѣлгород. № 292.

³⁾ Бѣлгород. № 288.

⁴⁾ Бѣлгород. № 303.

There is a great deal of talk about the
importance of the study of the history of
the world, and it is true that it is
one of the most important branches of
knowledge. But it is not the only one.
There are many other branches of
knowledge which are equally important,
and which are equally worthy of study.
The study of the history of the world
is not the only study which is
important, and it is not the only study
which is worthy of study. There are
many other studies which are equally
important, and which are equally worthy
of study. The study of the history of
the world is not the only study which
is important, and it is not the only
study which is worthy of study.

There is a great deal of talk about the
importance of the study of the history of
the world, and it is true that it is
one of the most important branches of
knowledge. But it is not the only one.
There are many other branches of
knowledge which are equally important,
and which are equally worthy of study.

There is a great deal of talk about the
importance of the study of the history of
the world, and it is true that it is
one of the most important branches of
knowledge. But it is not the only one.
There are many other branches of
knowledge which are equally important,
and which are equally worthy of study.
The study of the history of the world
is not the only study which is
important, and it is not the only
study which is worthy of study. There
are many other studies which are
equally important, and which are
equally worthy of study. The study
of the history of the world is not the
only study which is important, and it
is not the only study which is worthy
of study.

There is a great deal of talk about the
importance of the study of the history of
the world, and it is true that it is
one of the most important branches of
knowledge. But it is not the only one.
There are many other branches of
knowledge which are equally important,
and which are equally worthy of study.

служить молебны, кропить водою людей и животных, и посылать крестъ по отдельным населенным мѣстностямъ.

Въ 1655 г. было приказано въ Козловѣ, въ сѣзжей избѣ собраться „старостѣ поповскому и соборнымъ священникамъ изъ посадовъ и изъ селъ и изъ деревень приходскимъ священникамъ и выборнымъ головамъ всего Козловскаго уѣзда“ и сказать имъ, чтобъ они „видя Божій праведный гнѣвъ, насъ грѣшныхъ постигающей за наше прѣмное окаянство, просили бѣ у Бога милости и у Пречистыя Богородицы помощи и заступленія, постылись бѣ безпрестанно и приходили бѣ къ церквамъ Божиимъ и дѣтиямъ бы своимъ духовнымъ въ Козловѣ и въ Козловскомъ уѣздѣ приказывали поститца жъ“. Головы были обязаны приказать во всемъ уѣздѣ, чтобъ всѣ люди „отцовъ своихъ духовныхъ слушали, постылись бы и приходили къ церкви Божіей“¹⁾.

Въ 1657 г. доносили воевода изъ Царевичева—Дмитріева, что населеніе „сентября въ 25 д. на память великаго чудотворца Сергія и на заветіи на память евангелиста Христова Богослова Ивана за твоё в. г. здоровье молебствовали и съ воскреснаго дня до праздника Покрова Пречистыя Богородицы постылись и обличались образы вымѣнить и къ прежней церкви благовернаго царевича Дмитрія вса Русей чудотворца трпезу придѣлать и на верху церковь престолъ Покрова Пресв. Богородицы съ прѣдѣльными престолы“²⁾.

Въ 1690 г. по случаю чумового повѣтрія и появленія саранчи въ Курскѣ былъ посланъ указъ, чтобъ „дурнае всякихъ чиновъ люди, видя такой по волѣ Божіей, Успевшей нынѣшній постъ постили, и отъ брашенъ и питія имѣли воздержаніе, и приходили бѣ во время божественныхъ службъ къ церквамъ Божиимъ и молились Господу Богу и его Богоматери Пречистыя Владычицѣ нашей Пресв. Богородицѣ и всѣмъ святымъ, и у отцевъ духовныхъ исповѣдывались и св. Христовыхъ божественныхъ таинъ, кто достоинъ, причещались, дабы онѣ Всевышній и Всевидящій Милостивый въ тройцѣ славимый Господь Богъ нашъ, гнѣвъ свой праведный и глѣтворный вѣтръ, отворитъ и отъ того губительнаго недуга избавитъ и даровалъ бы всѣмъ православныхъ христіанамъ здравіа; а если кто престарѣлъ или не-

мочный, и таковымъ въ тѣхъ постныхъ дняхъ также въ постѣ пребывая отъ рыбныхъ съедъ воздержался бѣ и нужды ради кормились сухофуденіемъ; и въ тѣ бѣ постные дни въ Курску въ ряду, въ лавкахъ, торговые люди для продажи рыбъ не были бѣ“³⁾.

Въ 1690 г., по указу Іоанна и Петра Алексѣевичей повелѣвалось „на Коротоякѣ и въ Коротояцкомъ уѣздѣ во всѣхъ селахъ и деревняхъ людямъ всякаго возрасту учинить заказъ съ потверженіемъ накрѣпко, чтобъ они... священникомъ и отцамъ своимъ духовнымъ были послушны и постъ содержали, а промысленнымъ людямъ заповѣдать накрѣпко жъ, чтобъ они въ тое седмицу, какъ уречено бузеть постъ, рыбы и мясныхъ идей отнюдь не предавали бѣ“. Этотъ указъ появился вслѣдствіе свирѣпствовавшего „въ Курскѣ и въ иныхъ не въ дальнихъ городахъ повѣтрія“⁴⁾.

Святая вода употреблялась, повидимому, не только какъ средство предупредительное, но и какъ дезинфицирующее. Такъ въ 1660 г. послѣ смерти жены татарки передъ Стрѣлецкимъ приказомъ посылалось „а въ которыхъ мѣстахъ та женка бывала и умерла, и тѣ мѣста... выскоблить и водою смывать и святою водою окропить“⁵⁾.

Оставляя въ сторонѣ религіозныя средства и сосредоточиваясь на карантинныхъ и заставныхъ мѣропріятіяхъ московской администрации, нельзя не признать, что эти послѣднія мѣропріятія отличались большою цѣлесообразностью.

Во-первыхъ, лица, оставшіеся изъ заморныхъ домовъ, не погребали живы въ очагахъ заразы, какъ это дѣлалось у насъ раньше или даже въ то время на Западѣ, а выводили „изъ нѣе дворя“ на исцѣленіе въ теченіе срока отъ двухъ недѣль до восьми. Во-вторыхъ, вводилась обязательная дезинфекція предметовъ и жилищъ. Для дезинфекціи употреблялись крайнія температуры и окуриваніе можжевеловымъ и полыню.

Эти мѣропріятія тѣмъ болѣе замѣчательны, что во Франціи, напримѣръ, по ординару 1596 г. и послѣдующимъ зачумленные дома изолировались со всемъ населеніемъ, а на домахъ выставлялся большой бѣлый крестъ для предупрежденія.

¹⁾ Наши матер., т. II, стр. 291.

²⁾ А. М. Р. М.-сев., т. I, стр. 279 л. 83-85.

³⁾ А. М. Р. М.-сев., т. I, стр. 297 л. 366-369.

⁴⁾ Наши матер., т. II, стр. 333.

⁵⁾ Приказаніе № 25 стр. XVI.

Въ 1674 г. расширяютъ „и про турецкаго салтана, и про крымскаго хана, и про ихъ замыслы къ войнѣ“¹⁾.

При посылкѣ на развѣдки предписывалось, какъ было положено, въ 1690 г., „идучи дорогою про вѣсти непріятельскихъ людей и про моровое повѣтріе провѣдывать... и отъ кого что про военныхъ людей какихъ вѣстей и о моровомъ повѣтріи и о всякихъ здѣшнихъ поведеніяхъ вѣдомостей учинится и по тѣмъ вѣдомостямъ учинится дѣлать... о всемъ писать подлинно“²⁾.

Конечно, добросовѣстность въ этихъ случаяхъ была необходима. Но московскому правительству могли доставляться недѣлимы свѣдѣнія bona fide. Напримѣръ, въ 1681 г. къ Петру Ивановичу Хованскому вмѣсто извѣщенія о моровомъ повѣтріи на Орликъ была послана цѣлкомъ отписка полуполковника Якова Готфрида Эрнста „для того что та отписка писана просто и глупо, про все выписать изъ ней на перечень нельзя“³⁾.

Большой интересъ представляетъ вопросъ о характерѣ эпидемическихъ заболѣваній, но изученіе этого вопроса выходитъ за пределы нашей специальности. Въ источникахъ мы находимъ различныя указанія на болѣзни: „объявилась язва на шее“, „опухоль на шее“, „будто огневая съ лихорадкой, перво заболитъ голова, постѣ возьметъ за животъ въ 3 дни и велико въ 5 день, и умирають“, „болѣють головою и поносомъ, и рудомъ, исходятъ, и въ болѣзняхъ съ ума сходятъ, и пояснымъ болѣять и отъ того желѣзы отменяются“ и т. д.⁴⁾

Видъ круга нашего изслѣдованія мы оставили также статистику смертности, но старались при этомъ выяснитъ, была ли существенна московской администраціи самая мысль объ учетѣ умершихъ и каковы были приемы, употреблявшіеся для этой цѣли.

Нѣкоторыя данныя о размѣрахъ смертности находимъ всетаки въ извлеченныхъ нами матеріалахъ. Такъ въ 1624 г. съ Дона привило донесеніе, „атаманъ де Шила и товарищи его 500 человекъ черкасъ *всѣ померли безъ остатку*“. Такое количество народа, повидимому умерло „съ *Феллиновихъ завоинъ* по Рож-

дество“¹⁾. Въ 1631 г. лазутчики у Новаго городища узнали что „близко де Миргородка вымерло двѣ слободы“²⁾. Въ 1653 г. въ пограничномъ городѣ Чернухѣ „люди *всѣ* вымерли моровымъ повѣтріемъ“³⁾. Въ томъ же году въ Вологдѣ съ посадами умерло „мужского полу-большихъ 212 ч., да женъ умерло 166, да дѣтей мужского и женскаго полу 154 ч. И всего муж. полу и женъ ихъ и дѣтей умерло 532“⁴⁾ человека. Тогда же съ 6 сентября по 12 ноября въ г. Кашинѣ отъ морового повѣтрія умерло 84 ч. обою пола⁵⁾. Въ 1654 г. въ Оленинѣ „отъ морового повѣтрія умерло поповъ, и стрѣльцовъ и пушкарей, и рыбаковъ; а что было г. посадскихъ людей *всѣ* померли, и женъ ихъ и дѣтей, и братій, и племянниковъ 370 человекъ“⁶⁾. Въ 1657 г. съ 1 по 14 мая въ Виднѣ умерло съ язвами 70 человекъ⁷⁾. Въ 1690 г. въ Новобогородицкомъ городкѣ на Сазарѣ въ живыхъ „осталось мужского и женскаго полу только 15 человекъ“, а изъ болѣе подробныхъ донесеній видно, что тамъ съ 22 февраля по 2 апрѣля умерло 470 человекъ⁸⁾. Въ томъ же году въ Курскѣ съ 26 іюня по 7 августа однихъ стрѣльцовъ умерло 374 чел., женщинъ 248 и дѣтей 229 душъ⁹⁾.

Какимъ же образомъ производился учетъ умершихъ? Напримѣръ, въ 1655 г. Козловскому воеводѣ было послано указъ „въ Козловѣ городѣ, и на посадѣ, и въ слободахъ, и въ Козловскомъ уѣздѣ въ дворянскихъ селехъ и отцахъ... в. г. свѣтѣйшаго патриарха московскаго т. въ вотчинахъ, и въ житовольничихъ, и въ архіепископскихъ, и епископскихъ, и монастырскихъ, и церковныхъ вотчинахъ и т. г. боярѣ, и околыничихъ, и думныхъ, и ближнихъ людей, и стольничихъ, и стряпчихъ, и жильцовъ, и дворянъ московскихъ и городовыхъ всякихъ чиновъ людей въ поместьяхъ и въ вотчинахъ *переписати на списокъ*, сколько человекъ имени и какого чину людей *отъ морового повѣтрія умерло*

1) Ibidem, Приказн. ст., столб. № 12 а, 86—87.

2) Ibidem, столб. № 12 а, 142—150.

3) Ibidem, столб. № 203 а, 87—89.

4) Ibidem, Московск. ст., столб. № 271 а, 611—614.

5) Ibidem, столб. № 271 а, 578—585.

6) Проложеніе № 13.

7) А. М. В. № 272 а, 107—110.

8) Ibidem, Богородскій ст., столб. 1897 а, 62—64, 88—107.

9) Ibidem, а, 397—398.

1) Нашъ матер. т. II, стр. 245.

2) Ibidem, стр. 328—330.

3) Нашъ матер. т. II, стр. 271.

4) А. М. В. Богород. ст., столб. № 1897; Приказный ст., столб. № 146, Московск. ст., столб. № 160.

и сколько человек осталось живым на море, и тем же людям росписи делано приносить ко мне х. т. тогдаш. И из тех росписей тех умерших и остаточных всяких чинов людям делано, следовательно росписи по чинам... Из длинного перечня всякого рода вотчин и поместий видно, что переписи не проводилась казачьих либо фискальных членов¹⁾.

О самом способе установления числа умерших дает изображение другой документ, именно указ о сыске на Валуикъ людей, предназначенных из Воронежа для стругового дѣла. В виду того, что из Воронежа не были высланы из Валуики работники и потому именно, что там померло с 600 человек, описать дѣла по полу, были посланы на Валуику значительной человек²⁾ разискать валуичаны градекими и уездными и другими людьми отъ чего тотъ упалъ на люди учинился, и сколько дано и каково болѣзни и сколько человек померло. Эти данные изъ местных людей и дали весь материал для суждения о числѣ умерших и причинахъ болѣзни³⁾.

Въ 1677 г. о моровой повѣтрѣ изъ Красноя. Книгу было опрошено жильныхъ людей 73 чел., а въ 1631 г. во Владимирскомъ, Коломенскомъ и др. уѣздахъ болѣе 1600 человек⁴⁾. Такова была энергия московской администраціи.

Подробный учетъ умершихъ производился обязательно во всѣхъ случаяхъ появления паразитарной болѣзни. Напримеръ, въ 1664 г. изъ Городеца воевода донесъ о числѣ и времени скончавшихся, а также средней продолжительности болѣзни хворавших, но изъ Москвы послѣдовалъ строгій указъ: «а отъ чего на Городецкѣ моровое повѣтрѣ на люди учинилось, отъ туземныхъ ли жильныхъ, или отъ приѣзжихъ и отъ проезжихъ людей и сколько въ которомъ дворѣ людей умерло порознь, и кто именно, и въ какихъ числахъ—о томъ ты къ намъ *именно* не отписалъ, знатно, что ты нашего указа не слушаешь, а по нашему указу велѣно тебѣ про моровое на люди повѣтрѣ и про упадокъ людей писать *именно*, и ты тотъ нашъ указъ поставилъ въ оплошку»⁵⁾. Изъ этого ясно видно, что общій отчетъ

¹⁾ Нашъ матер. т. II, стр. 291—293 и Приложение № 13.

²⁾ Ibidem, т. III, ч. II, стр. 21—26, 29—34.

³⁾ Нашъ матер. т. II, стр. 253—260 и Владимир. ст. сбор., № 43.

⁴⁾ Дополн. къ акт. истор. т. III, № 119, XXV, стр. 365.

товъ о смертности московское правительство не признавало, оно настаивало на строго индивидуализированныхъ свѣдѣніяхъ.

Намъ остается еще коснуться хитростей московской администраціи въ борьбѣ съ эпизоотіями.

Эпизоотія—явленіе весьма обычное въ нашей русской исторіи. Если на Западѣ Европы скотеніе надежи отъ повальныхъ болѣзней отошли въ область прошлаго, то у насъ онѣ и до сихъ поръ охватываютъ обширные районы и наносятъ народному хозяйству миллионныя убытки. Чума, сибирская язва, повальное воспаление легкихъ и другія болѣзни постоянно держатъ русскаго сельскаго хозяина въ своей губительной власти. На первыхъ страницахъ отечественныхъ лѣтописей и въ текущей газетной литературѣ приходится наталкиваться на одну и ту же печальную повѣсть захвата заразовъ члѣнхъ областей. Но какъ и много вѣзетъ тому назадъ, изъ наши дни практикуются все тѣ же стародавнія средства борьбы съ бѣдствіемъ. Эти средства нельзя не признать весьма целесообразными для своего времени и выѣтъ съ тѣмъ нельзя не показать, что народный гений, создавшій ихъ въ первоначальный періодъ своей исторіи, въ послѣдующія столѣтія къ нимъ ничего почти не прибавилъ.

Первое упоминаніе объ эпизоотіи находимъ въ лѣтописяхъ подъ 1264 г., гдѣ читаемъ: «бысть великій моръ во скотѣхъ»¹⁾. Такое же извѣстіе встрѣчается спустя двадцатилѣтіе²⁾. Въ 1291 г. лѣтописецъ пишетъ: «помроща кони въ Новгородѣ, мало ся оста»³⁾. Въ 1298 г. «бысть моръ на скотъ»⁴⁾.

Въ XIV ст. отмѣчено нѣсколько крупныхъ эпизоотій, совпавшихъ съ эпидеміями. Въ 1309 г. «бысть моръ на люди и на кони и на всякій скотъ»⁵⁾. Въ 1321 г. былъ «моръ на люди и на кони»⁶⁾. Спустя двадцать лѣтъ «скотъ рогатый померъ»⁷⁾. Въ 1373 г. «на кони и на коровы и на овцы и на всякъ скотъ былъ моръ великъ»⁸⁾. Въ 1375 г. былъ «моръ на люди и на скотъ

¹⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. Сиб. 1843 г. т. II, Густ., стр. 343.

²⁾ Ibidem, т. II, Ипатьев., стр. 213.

³⁾ Ibidem, Сиб. 1841 г. т. III, Новгород. I, стр. 68.

⁴⁾ Ibidem, т. I, Лаврент., стр. 208, Сиб. 1846 г.

⁵⁾ Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. VI, Сиб. 1856 г. Воскрес. Лѣт. стр. 185.

⁶⁾ Ibidem, Лаврентьев., стр. 229.

⁷⁾ Ibidem, Новгород. т. I, стр. 81.

⁸⁾ Ibidem, Сиб. 1897 г. т. XI, Нахонцев., стр. 21.

въ Твери¹⁾. Въ 1393 г. въ Новгородѣ „скоти умираху, изомроша множество“²⁾.

Эпизоотии XV столѣтія относятся лѣтописями къ первой половинѣ его. Въ 1443 г. въ Твери „скотъ померлъ, а люди мерли по улицахъ“³⁾. Въ 1444 г. въ Новгородѣ „начаша конѣ мерети много во градахъ и во властехъ“⁴⁾. Въ 1445 г. „оже въ Новгородѣ кони много падутъ“⁵⁾. Въ 1448 г. „моръ бысть на конѣ да и люди мерли“⁶⁾.

Въ 1573 г. въ Новгородѣ „добри нали лошади добрыи по дорогамъ и деревнямъ, и рогатой животъ во дворахъ и по дорогамъ“⁷⁾. Дальнѣйшихъ извѣстій не содержатъ наши лѣтописи, но, какъ видно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, они не отличаются полнотою, позволяющею дѣлать выводы о *микрориптіяхъ*. Такого рода матеріалы начинаютъ встрѣчаться съ начала XVII столѣтія.

Московская администрація прекрасно понимала, что зараза можетъ передаваться отъ скота человеку. Такъ въ 1631 г. изъ Коломенскаго уѣзда писали „на люди де та язва пала отъ лошадей“⁸⁾. Въ 1640 г. доносили изъ Брянска, что „во Брянскомъ уѣздѣ въ Воротнецкой волости отъ города во 120 верстахъ учинилосъ *первое* падежъ на лошади, а послѣ учинилосъ моровое повѣтріе на люди отъ конскаго падежу, какъ почели съ падежныхъ съ лошадей кожи снимать“⁹⁾. Въ 1643 г. крестьяне села Хуповны при обыскѣ о моровомъ повѣтріи показали, что „одинъ крестьянинъ умеръ, ободрали онъ лошадь и умеръ... да въ деревнѣ Оед. Иван. Голенищева крестьянинъ закапывалъ лошадь и тотъ умеръ“¹⁰⁾. О второмъ крестьянинѣ была даже показана такая подробность, что онъ „закапывалъ падежную лошадь и отъ тое падежныя лошади брызнула на него руда и отъ того умеръ“¹¹⁾. Въ деревнѣ Онеужной умеръ крестьянинъ съ сыномъ „пострѣломъ — съ лошади кожу снимали“¹²⁾.

¹⁾ Ibidem, т. XV, Сиб. 1863 г. Тверская, стр. 135.

²⁾ Ibidem, т. VI, Сиб. 1853 г. Софійская II, стр. 123.

³⁾ Ibidem, т. XV, Тверская, стр. 492.

⁴⁾ Русская лѣтопись по Никонову списку. Сиб. 1789 г. ч. V, стр. 193—194.

⁵⁾ Ibidem, т. IV, Сиб. 1848 г. Новгород IV, стр. 123.

⁶⁾ Ibidem, т. IV, Новгород IV, Хроногр. стр. 146.

⁷⁾ Ibidem, т. III, Сиб. 1841 г. Новгород II, стр. 172.

⁸⁾ Арх. Мин. Вост. Вѣдѣній, ст. столб. № 43, л. 1—7.

⁹⁾ Ibidem, Приказъ ст. столб. № 130 л. 740—746.

¹⁰⁾ Ibidem, Приказъ ст. столб. № 146, л. 20.

¹¹⁾ Ibidem, л. 41—43.

¹²⁾ Ibidem, л. 146—157.

Въ 1655 г. доносили въ Москву Иванко Голицынъ и Василъ Шпилюкинъ, „что въ Кашинскомъ уѣздѣ и въ иныхъ городахъ въ селахъ и въ деревняхъ учинилосъ на лошади и на иную всякую животину падежъ; и въ которыхъ мѣстахъ учали животину обдирать, и отъ того въ иныхъ мѣстахъ помирають люди скорою смертию и съ язвою“¹⁾.

Съ цѣлью воспрепятствованія переносу заразительныхъ болѣзней отъ скота къ людямъ принимались разнообразныя мѣры. Воспрепятствовало, напримѣръ, снимать кожи съ палыхъ животныхъ, а также предписывалосъ ихъ тщательное погребеніе. Въ 1631 г. въ Коломенскій уѣздъ былъ посланъ указъ падежныхъ животныхъ „закапывать въ землю глубоко сажени на 2, а кожу съ падежныхъ лошадей и съ животныхъ однолично снимать не велѣтъ... а которые люди учнутъ съ падежныхъ лошадей и съ животныхъ кожи снимать и тѣмъ людямъ чинить наказаніе и сажати въ тюрьму на время“²⁾. Въ томъ же году была послана грамота въ Переславскій уѣздъ изъ Окружескую волость „Окружескія волости и окосныя всѣмъ людямъ заковать накрѣпко, чтобъ они съ жертвой животины съ лошадей и съ коровъ и съ иной со всякой животины кожу не снимали и не продавали, а кони бы тое мертвую животину въ землю совѣсьмъ; а будетъ кто учнетъ съ мертвыхъ лошадей и съ коровъ и со всякой животины кожи снимать, и тѣхъ людей велѣти съезивать и за воровство учинить имъ наказаніе, бити кнутомъ и отсылать въ Переславль въ тюрьму на время, чтобъ ничьимъ такымъ неовадно было такъ воровать“³⁾.

Въ 1640 г. 5 августа былъ изданъ слѣдующій интересный указъ, которымъ повелѣвалосъ: „у которыхъ людей на Москвѣ лошади и жив. всякая падежъ и съ тѣхъ бы лошадей и со всякія животины кожу не снимали и тѣ падежныя лошади и всякую падежную животину за землянымъ городомъ на поляхъ мѣстахъ копали въ землю не мелко; а въ Китаѣ, и въ Бѣломъ, и въ Земляномъ городѣ въ улицахъ и за городомъ въ слободахъ падежныхъ лошадей и всякія падежныя жив. и собакъ мертвыхъ, и кошекъ, и иного ничего мертвого однолично нигдѣ не метали

¹⁾ Ibidem, Москва ст. столб. № 271 л. 7—8.

²⁾ Ibidem, Владимир ст. столб. № 43.

³⁾ Ibidem, Владимир ст. столб. № 43.

и... смотреть... для того по улицам и по переулкам посылать по часту, чтобъ въ улицахъ и въ переулкахъ одиночно падежнаго ничего не нигдѣ не было; да биричемъ же велѣть прокликать не по одинъ день, чтобъ и въ Московскомъ уѣздѣ, и въ волостяхъ, и въ селахъ, и въ деревняхъ, и на погостахъ, и въ украинныхъ, и въ замосковныхъ, и въ понизовыхъ, и во всѣхъ городахъ, и въ уѣздахъ, всякіе люди съ падежныхъ лошадей и со всякія падежныя животныя *кожъ не снимали, копали бѣ падежныя лошади и всякую падежную животину въ землю на поляхъ мостяхъ и въ лесахъ не близко селъ и деревень* да и больныхъ животинъ никто никому не продавалъ и никто ни у кого больныхъ животинъ не покупалъ и къ Успеневу дню и послѣ Успенева дни больныхъ жив. на продажу никто не убивалъ, чтобъ отъ падежныхъ и отъ больныхъ животинъ на люди морового повѣтрія не нанесло, а которые люди того гос. указу не послушавъ... и тѣхъ людей по г. указу велѣно бить кнутомъ безъ всякія пощадъ* 1).

Исследователь исторіи русской медицины Л. Зятевъ приведенный указъ ставитъ въ зависимость отъ „сказки“ докторовъ Артамана Грамана и Ягануса Белау объ ангинѣ 2). Неправильность подобнаго сопоставленія становится очевидной, если обратить вниманіе, что „сказка“ была составлена докторами 6 іюля 1643 года, т. е. спустя значительное время послѣ изданія августовскаго указа 3).

Полагаемъ, что для объясненія содержательности указа 1640 года нѣтъ надобности приписывать его происхожденіе вліянію иноземныхъ врачей. До-московская исторія изобиловала эпидеміями и эпизоо-ями и вводилъ самостоятельно могла выработать горькимъ опытомъ добытые приемы борьбы съ подобными бѣдствіями.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно обратить вниманіе на приведенные нами указы отъ 1631 г., чтобы въ указѣ 1640 г. видѣть лишь развитіе старыхъ самобытныхъ началъ. Но Л. Зятевъ, какъ и другіе исследователи, не имѣлъ доступа къ указамъ 1631 г., а указомъ 1640 начинается „Собраніе російскихъ законовъ о

1) *ibidem*, Приказный ст., столб. № 130.

2) Зятевъ, Чтенія по врачев. исторіи, стр. 224.

3) Матеріалы № 153.

медицинскомъ управленіи“ 4), почему, вѣроятно, онъ и принялъ этотъ актъ за *первый* въ области мѣропріятій противъ эпизоотій.

Въ послѣдующее время московская администрація неустанно даетъ указанія относительно кожъ зараженныхъ животныхъ и закапыванія ихъ.

Уже черезъ 9 дней послѣ августовскаго указа 1640 года состоялось повелѣніе „въ Переславѣ Рязанскомъ всякімъ служилымъ и посаденымъ людямъ указъ учинить крѣпкій и въ торговле дни велѣно биричемъ кликать не по одинъ день: у которыхъ людей лошади или иная какая животина падеть, и они бѣ съ тѣхъ лошадей и со всякія падежныя животныя кожъ не снимали и копали бѣ тѣ падежныя лошади и всякую жив. совѣтъ въ землю не мелко, чтобъ отъ падежн. лошадей... на люди морового повѣтрія не навести“ 5).

Въ 1643 г. былъ посланъ приказъ въ Галичъ, чтобы „съ тѣхъ лошадей и съ коровъ и со всякія падежныя животныя кожъ не снимали, копали бѣ тѣ лошади и коровы и всякую падежн. жив. въ землю не мелко“ 6). Такой же указъ былъ посланъ въ тотъ же годъ въ Серпуховскій уѣздъ и въ Дмитровскій уѣздъ, въ село Рогачево Никольской волости. Въ послѣднемъ случаѣ наказывалось, чтобы „лошади и коровы и всякую падежную животину копали совѣтъ въ землю не мелко, чтобъ тѣхъ падеж. жив. и всякія падежн. живот. находный звѣрь и собаки не откопали, а кожъ съ падежныхъ жив. и кор. и со всякія падеж. жив. одиночно не снимали, и въ воду и въ боераки... не метали, и на поля, и въ леса не отвозили и просто... не метали и больныхъ животинъ на продажу не убивали и не продавали, чтобъ отъ того отъ всего на люди морового повѣтрія не нанесло“ 7).

Въ іюлѣ 1644 г. въ Тулѣ начался падежъ коровъ и изъ Москвы послѣдовалъ указъ „о той падежной животинѣ велѣтъ на Тулѣ въ торговый день кликать биричу не по 1 день, чтобы тульскіе торговые люди мясники коровъ на продажу не били и не продавали. А у которыхъ людей лошади или коровы и какая нибудь животина погалилась, и они бѣ съ тѣхъ падежныхъ жи-

4) Истрокъ, Собраніе Российскихъ законовъ о медицинскомъ управленіи Спб. 1826 г. т. I, стр. 1—2.

5) А. М. Ю. Приказный ст., столб. № 130.

6) *ibidem* Вязнижск. ст., столб. № 117.

7) *ibidem* Приказный ст., столб. № 116 л. 64—63, 103—104.

вотинъ кожи не снимали и копали бы тое падежную животину совѣтъ въ землю не мелко, чтобъ той падежной животины духу не было" ¹⁾).

Въ 1653 г. по случаю падежа скота въ Переяславль Залѣскохъ, было указано, чтобы „съ падежныя животины никто кожи не снимали, а отвозили бѣ падежную животину къ лѣсу и въ буераки и копали совѣтъ въ землю глубоко; а покаместъ въ Переяславль животины на продажу не побивали и къ Москвѣ и не въ которые города изъ Переяславля никакіе люди животины не гоняли" ²⁾).

Еще большею обстоятельностью отличался указъ 1655 г., данный по поводу морового повѣтрія въ Боровскомъ уѣздѣ. Въ этомъ указѣ писалось: „будетъ гдѣ въ Зараску и въ Зараскомъ уѣздѣ объявится на лошади и на всякую животину падежъ, и они бѣ съ падежныхъ лошадей и со всякія животины кожъ не снимали и руками за ту падежную животину отнюдь не принимались некоторыми обывачи, и отпасаки бѣ ту падежную животину въ ямы веревками и тѣстами, и копали бѣ тѣ падежныя лошади и всякую животину совѣтъ въ землю не мелко, чтобъ тѣхъ падежныхъ лошадей и животины звать и собаки не откопали, а въ воду бѣ и въ буераки падежныя скотины не метали, и въ лѣса и на поля не отвозили, и просто падежныхъ лошадей и всякія падежныя животины не метали, а копали бѣ въ землю глубоко, чтобъ отъ падежныхъ лошадей и отъ всякія падежныя животины на люди морового повѣтрія не принесло" ³⁾. Подобные указы въ томъ же году были посланы въ Кашинскій, Бѣлозерскій и Ростовскій уѣзды ⁴⁾.

Въ 1674 г. Владимирскому воеводѣ было указано: „а въ которыхъ мѣстахъ скотина пала и съ той палой скотины кожъ снимать не велѣтъ, а велѣтъ закапывать въ землю въ глубокія ямы не близко города и дорогъ, чтобъ звѣрь и собаки той палой скотины изъ ямъ не вырыли" ⁵⁾.

Въ 1681 г. изъ Вязьмы въ Москву донесъ воевода, что „уничилось въ Вязьмѣ на роговую скотину на коровы падежъ вели-

¹⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 48, стр. 100.

²⁾ Ibidem, № 51, стр. 102.

³⁾ Ibidem, № 45, стр. 106.

⁴⁾ А. М. Ю. Московскій ст., стлб. № 271.

⁵⁾ Ibidem, стлб., № 440.

кій, а съ тѣхъ падежныхъ коровъ градскіе жители... снимають кожи и отъ того г... опасно всякаго дурна". Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ указъ: „велѣтъ ту животину зарывать въ землю въ пристойномъ мѣстѣ гдѣ на полѣ, не близко дворовъ, не сжигая кожъ и... учинить заказъ крѣпкій, чтобъ отнюдь изъ тѣхъ мѣстъ въ здоровыя мѣста той животины не гонять и животины съ животиною вмѣстѣ не пущать" ¹⁾.

При падежѣ скота въ Самаровѣ въ 1691 г. было указано воеводѣ, чтобы „изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ падежъ, никакой животины по сторонамъ не гоняли, и никому не продавали, и кожъ съ той падежной скотины не снимали, а засыпали тое животину въ землю совѣтъ глубоко въ лѣсахъ или на поляхъ, гдѣ пристойно" ²⁾.

На почвѣ воспрещенія снимать съ палыхъ животныхъ кожи и торговать ими возникло любознательное челобитіе галичанъ, подобнаго которому, вѣроятно, было немало. Въ 1643 г. г. галичане докладывали, что въ Галичѣ „многіе посадскіе людича отъ того кожешаго промысла корятся и... всякія подати... правятъ, а нищеча г. посадскіе людича у уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей и съ бытые скотины кожъ покупать не смѣютъ, и стали г. многіе посадскіе людича безъ промыслу и одолжали великими долгами и помирають голодохъ". Вслѣдствіе этого, чтобы „посадскимъ людичамъ податей не отбывать, и отъ кожешаго своего промысла не отстать, и голодною смертию не помереть, и великіи долгами не одолжать", галичане просили „велѣтъ нѣтъ скотинными всякими кожами торговать по прежнему" ³⁾.

Само собою разумѣется, что для прегращенія эпизотиі не достаточно принять мѣры къ тому, чтобы палый скотъ уничтожался со всѣми предосторожностями, а подозрительный не поступалъ въ продажу, но необходимо еще здоровыя мѣстности изолировать отъ зараженныхъ. Съ этою цѣлью устанавливаются заѣски и заставы.

Въ 1624 г. въ Тульскомъ уѣздѣ въ дер. Горѣлкахъ въ іюнѣ мѣсяцѣ начался конскій падежъ и мѣстныя власти распорядились „около той деревни Горѣлокъ поставить заставу тульскихъ стрѣльцовъ по всѣмъ дорогамъ и по степкамъ, а не велѣли изъ той

¹⁾ Ibidem, Приказ., ст., стлб. № 545 л. 273-274.

²⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 50, стр. 101.

³⁾ А. М. Ю. Вязьм., ст., стлб. № 117 л. 385-392.

деревни на лошадяхъ никому въ городъ на Тулу и въ села и деревни никуда выѣзжати; а кормить лошади велѣли подѣ тою деревнею близко, а далече отъ той деревни отганивать не велѣли, а прикащику и крестьянамъ и всякимъ тутошнимъ людямъ изъ той деревни Горѣлки и кто къ той деревнѣ прїѣдетъ на лошадяхъ, велѣли ходить пѣшмя, а лошадей въ ту деревню водить изъ иныхъ деревень никому не велѣли¹⁾. Такимъ образомъ былъ установленъ строжайшій карантинъ: изъ зараженной мѣстности скота не выпускали вовсе и не дозволяли вводить въ нее скотъ со стороны, чтобы не увеличивать числа возможныхъ жертвъ; также были приняты мѣры къ прокормленію карантиннаго скота на пространствѣ, близящемъ къ зараженной деревнѣ.

Въ 1631 г. былъ посланъ въ Переславльскій уѣздъ указъ „чтобъ тутошніе и сторонніе всякіе люди съ лошадьми и съ коровами и со всякою животиною, въ которыхъ мѣстахъ на животину моровое повѣтріе, къ Москвѣ и по городамъ не ѣздили одолжно пропускать не велѣтъ... и беречь накрѣпко, чтобъ изъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ мѣстахъ на жив. моровое повѣтріе, никакіе люди къ Москвѣ и по городамъ съ лошадьми и съ коровами и со всякою животиною не приходили и не проѣзжали“²⁾.

Идея необходимости изолировать зараженный скотъ была настолько ясна для мѣстныхъ властей, что въ 1643 г., напримѣръ, Гринка Шаховской доноситъ государю о падежѣ лошадей у служилыхъ людей, проѣзжавшихъ, по государеву указу, черезъ Новосильскій уѣздъ на Ливны. Несмотря на предупрежденіе Шаховского, чтобы „всеіе служилые люди на посадѣ съ больными лошадьми не заѣзжали и не ставились“, они все таки, по его донесенію, „на посадѣ и на торгѣ для своихъ запасовъ и конскаго корма заѣзжаютъ днемъ и ночью, и лошади у ратныхъ людей на посадѣ и близко посаду падаютъ скорою смертію“. Въ виду этихъ то обстоятельствъ воевода выражалъ опасеніе, что „отъ тѣхъ ратныхъ людей наѣзду и отъ ихъ больныхъ лошадей какое дурно учинится“, и двухъ палыхъ лошадей, имъ захваченныхъ, онъ велѣлъ „отъ посады отвезти далече и закопать въ землю“³⁾.

¹⁾ Намъ матер. т. III, ч. II, № 45 стр. 98.

²⁾ А. М. Ю. Владимір. ст., стр. 43.

³⁾ Намъ матер. т. III, ч. II, № 49 стр. 101.

Въ 1656 г. изъ Кіева къ Смоленску прибылъ бояринъ князь Феодоръ Феодоровичъ Волконскій и „онъ за 60 верстъ до Смоленска сталъ у деревни Хмары для того, что гчѣвоу Божіимъ многіи у него лошади попадали, а которыя лошади остались, и на тѣхъ лошадяхъ въ походѣ къ Смоленску ѣхать не смѣлъ, чтобъ лошадиной болѣзни въ Смоленскъ не навести“¹⁾. Въ городъ кн. Волконскій выѣхалъ только 24 августа.

Въ 1674 воеводѣ донесли, что „въ Шатурекой волости да въ Сибирекомъ стану падутъ лошади и всякая животины повѣтріемъ“. Велѣдствіе этого воевода послалъ „володимерскихъ плошадныхъ подъячныхъ и служилыхъ людей съ наказными начатыми и велѣлъ имъ въ тѣхъ станахъ и волостяхъ заказъ учинить накрѣпко, чтобъ въ тѣ села и въ деревни, въ которыхъ конской и всякой животины падежъ есть и изъ иныхъ селъ и деревень всякихъ чиновъ люди отнюдь не ѣздили и не ходили“. Велѣдъ за этимъ изъ Москвы было приказано на основаніи прежнихъ грамотъ „г. Володимерекомъ уѣздѣ заставы учинить крѣпкія“²⁾. Тогда же воеводѣ было приказано: „и ты бѣ въ Володимерскій уѣздъ въ Туголѣтскую и въ инныя волости и станы послалъ изъ Володимера изъ отставныхъ дворянъ кого пригоже, а съ ними пушкарей и разсылщиковъ сколько человекъ пригоже и велѣлъ имъ въ тѣхъ мѣстахъ про конскій падежъ и иную скотину сыскать всякихъ чиновъ *многими* людьми, да будетъ по сыску гдѣ объявится на лошади и на иную животины падежъ, и ты бѣ велѣлъ въ тѣхъ мѣстахъ и по дорогамъ поставить заставы крѣпкія и села и деревни застѣчь и изъ тѣхъ селъ и деревень никуда съ лошадьми и со всякою животиною пропускать и продавать не велѣли покажется... повѣтріе минется“³⁾.

Когда въ 1691 г. появилась въ селѣ Самаровѣ эпизоотія, то наряду съ другими мѣропріятіями было указано поставить „заставы крѣпкія, въ которыхъ мѣстахъ доведется“⁴⁾.

Насколько густою сѣткою разбрасывались заставы, можно видѣть по тому, напримѣръ, что въ 1643 г. во время эпидеміи, совпавшей съ эпизоотіей, заставы были поставлены „съ Москвы

¹⁾ А. М. Ю. Повгород. ст., стр. 122.

²⁾ А. М. Ю. Москов. ст., стр. 449.

³⁾ *ibidem*.

⁴⁾ Намъ матер. т. III, ч. II, № 50, стр. 101.

по дорогам", а именно: 1) на Вяземской дороге на Елнѣ, 2) по Володимирской дороге въ Язской слободѣ на Рогожѣ, 3) по Володимирской дороге на Каменкѣ (Посовиха тожъ), 4) на Коломенской и на Кожельской дороге по рѣчкамъ Коломенкѣ и Выхинкѣ, 5) на Переславской дороге на Лузѣ, на Стромынской и Хомутовкѣ, 6) на Дмитровской, Озерной и Ольшанской дорогахъ, 7) на Тверской дороге на Хинкѣ, 8) на Волоцкой дороге въ Тушинѣ и, наконецъ, 9) вверхъ по Москвѣ рѣкѣ до Звенигорода. На каждую заставу было выслано по подъячему съ завідующими, отъ 2 до 4 челов. дѣтей боярскихъ и отъ 20 до 30 чел. стрельцовъ.

Конечно, всѣ карантинныя распоряженія населеніемъ выполнялись не за совѣсть, а страхъ. Московское правительство каждое свое распоряженіе подкрѣпляло угрозою жестокихъ наказаній.

Въ 1643 г. населеніе Галича обязывалось соблюдать всѣ предписанія подъ угрозою „наказанія безъ пощады“¹⁾; ослушниковъ въ Серпуховскомъ и Ржевскомъ уѣздахъ приказано было „бить кнутомъ въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ кто живетъ, чтобъ на то смотря инымъ неповадило было г. указу ослушаться“²⁾. Такой же указъ былъ посланъ въ 1655 г. въ Зарайскій и Новгородскій уѣзды³⁾.

Въ 1644 г. въ Тулѣ и въ 1653 г. въ Переяславѣ ослушникамъ угрожали „быти въ большомъ наказаніи“⁴⁾.

Но въ 1631 г. въ Коломенскомъ уѣздѣ было объявлено: „а только кто учнетъ изъ повѣтренныхъ мѣстъ что внять, или похуять, или животину куда гонять, и тѣмъ людямъ отъ г. быть казеннымъ смертию“⁵⁾. Также было объявлено въ Переяславѣ Рязанскомъ въ 1640 году⁶⁾. Въ Вязьмѣ въ 1643 году⁷⁾, а также и въ Переяславѣ Залескомъ въ 1691 г. были учинены казны крѣпкіе „подъ смертною казною“⁸⁾.

Очевидно, то или другое наказаніе за карантинное преступленіе применялось въ зависимости отъ обстоятельствъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

¹⁾ А. М. Ю. Визанія, ст., стб. № 117.

²⁾ Ibidem, Приказн. ст., стб. № 146, л. 61—63, 147—156.

³⁾ Ibidem, Моск. ст., стб. № 271 и Наши матер. т. III, ч. II, № 54, стр. 107.

⁴⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 48, стр. 100 и № 51, стр. 102.

⁵⁾ А. М. Ю. Визанія, ст., стб. № 43.

⁶⁾ Ibidem, Приказн. ст., стб. № 130.

⁷⁾ Ibidem, стб. № 146.

⁸⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 50, стр. 102.

Изучая эту далекую эпоху кровавыхъ наказаній, съ удовольствіемъ отмѣчаемъ слѣдующій инцидентъ. Въ 1643 г. воевода доносилъ въ Москву: „А кругъ г. Ржевы и въ Ржевскомъ и въ Зубцовскомъ уѣздѣ во многихъ мѣстахъ надежныхъ лошадей въ землю не хоронятъ, не слушаютъ, а наказанія г., по т. г. указу тѣмъ людямъ чинить некому, бить кнутомъ палача во Ржевѣ тѣмъ, а батоги г. велю бить, чинить наказаніе въ кнута мѣсто, и нонѣ толь явно, что по торгамъ кнутомъ бьютъ; а ржевичамъ г. посадскимъ людямъ говорилъ о палачѣ, чтобъ дали палача для твоего г. дѣла и они г. въ палачъ мнѣ х. т. отказываютъ: „намъ де палача внять несть и таково де государева указу нѣтъ, чтобъ на нѣтъ на посадскихъ людямъ внять палача“; а безъ палача г. во Ржевѣ быть не можно отъ воровства и отъ непослушанія унять неможно“. На это заявленіе изъ Москвы послѣдовала грамота: „и какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ палача съзъ изъ ржевскихъ стрельцовъ... или изъ иныхъ изъ какихъ людей, кто палачемъ быть похочетъ, а нашего денежного годового жалованья за ту службу давать... стрельцу... изъ ржевскихъ изъ кабацкихъ доходовъ“¹⁾.

Этотъ случай заслуживаетъ большаго вниманія. Еще въ первой главѣ было показано, что власть являлась организаторомъ кровавой расправы съ колдунами. Теперь представляется другой случай, не оставляющій сомнѣній, что позорное ремесло заплочныхъ дѣлъ мастера было противно народу, что послѣдній не видѣлъ никакой надобности въ палачѣ; но центральная власть и ея мѣстный агентъ иначе думали, и находили естественнымъ искать среди стрельцовъ охотниковъ для такихъ порученій. И невольно напрашивается параллель изъ современной намъ жизни...

Какъ ни жестоки были наказанія за нарушеніе карантинныхъ узаконеній, тѣмъ не менѣе ослушники всегда были, и въ той или иной формѣ указы нарушались.

Въ 1652 г., 9 сентября рыльскіе люди заявили въ сѣзжей избѣ, что они видѣли въ Бѣлевѣ „на животину, на коровъ великое хорое повѣтріе, и на дороге де отъ Бѣлева ѣдучи обѣхали воловъ стадо, гонять въ Калугу, и надежную животину тое жъ скотины видали на дороге“. Спустя два дня въ той же избѣ калужскіе посадскіе мясники сообщили, что „убили де

¹⁾ А. М. Ю. Приказн. ст., стб. № 146, л. 161—162.

сегодня въ ясномъ ряду мясники калужскіе люди Селиверстко Ивановъ сынъ Угатиинъ да Костыка Ивановъ сынъ Деевъ три скотины, воль да двѣ коровы больныя, а тѣ коровы и волю продалъ имъ Селиверстку и Костыкѣ тотъ Герасимко Мартыновъ". Немедленно были приняты мѣры къ допросу Мартынова. Последний показалъ, что 2 быка и 14 коровъ онъ купилъ въ качествѣ здоровыхъ у посадскаго человека Кирилки Сущенкова за 18 рублей. Четыре стрѣльца были посланы въ поиски за Кирилкой, при этомъ было приказано „его Кирилка и съ животиною воротить назадъ, чтобъ отъ той животины на лошади и на скотъ морового повѣтрія не навесло, и животину прогнать за Оку рѣку, а вѣзть гнать не близко Калуги". Преслѣдуемый Кирилка, какъ только его догнали, „ушелъ, а тое скотину покинулъ, и они де тое животину воротили съ погонщиками, и не догнавъ за 3 версты до Калуги тое скотину поставили, а всей скотины 84 вола". Изъ разспросовъ погонщика Иванки выяснилось, что Сущенковъ перѣхалъ Оку „на Покровскомъ перевозѣ, утѣся перевозчиковъ". Подтвердилось также, что онъ 16 скотинъ прозвалъ Мартынову за здоровый скотъ.

По ходу дѣла казалось бы, что Кирилкѣ должна была угрожать безпощадная расправа, но воевода, указывая, что „въ Калугѣ поруки ничего не учинилось и что ему Кирилка и Герасимко принесли „мировую челобитную за руками", постарался направить дѣло на прекращеніе. Вѣроятно, въ этомъ случаѣ не обошлось безъ „посуловъ" и „попоровки" ¹⁾.

Иначе было поступлено въ 1655 г. съ крестьянами кн. Михаила Гагарина. Въ деревнѣ Михалеовой налі 2 коровы и утопуть въ рѣкѣ быкъ. По распоряженію воеводы „того быка изъ воды изъ Осетра изволокли веревки и шестами и въ землю закопали глубоко". Что же касается коровъ, то воевода послалъ стрѣльцовъ „про то сыскать, гдѣ они тое животину падежнью метали". Староста деревни сказалъ производившему розыскъ стрѣльцкому сотнику, что крестьяне „метали де тое животину просто". Получивъ такія извѣстія, воевода распорядился „учинить наказаніе... бить кнутомъ тѣхъ, которые... указу не послушали и падежнью животину метали просто". Однако крестьяне „учинились сильны, не дались... посыльныхъ людей хотѣли бить", при-

¹⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 53, стр. 104—106.

чемъ говорили: „поѣдетъ стрѣльцкій сотникъ здорово съ деревни и самъ, не токмо де что насъ бить" ¹⁾.

Ставя въ тѣсную связь эпизоотіи съ эпидеміями, московская администрація принимала мѣры предосторожности при перепискѣ съ мѣстами, гдѣ были скотскія падежи. Напримѣръ, въ 1664 г., во время эпизоотіи въ Переяславѣ Рязанскомъ было указано воеводѣ, чтобы онъ донесенія оттуда посылать съ гонцами въ Коломну, но „гонцовъ не допуская до Коломны... отписки переписывать черезъ огонь на посылку бумагу трижды, и третій списокъ прислать на Коломну въ приказную избу; а подлинныя отписки переславскихъ гонцовъ вѣзти зжечь, а третій списокъ прислать къ Москвѣ съ коломенскими гонцами и вѣзть тѣмъ коломенскимъ гонцамъ про все сказывать, пріѣхавъ въ Москвѣ у земляного города на караулѣ стрѣльцамъ, не выѣзжая въ городъ" ²⁾.

Въ Россіи XVII ст. не было какихъ либо постоянныхъ мѣстныхъ органовъ, на обязанности которыхъ лежала бы регистрація всѣхъ случаевъ эпизоотій. Обыкновенно воеводы пользовались всякими слухомъ, письменными челобитными и словесными сказками разныхъ лицъ, сообщавшихъ, что въ томъ или другомъ мѣстѣ появилось повѣтріе. Всякое извѣстіе принималось къ свѣдѣнію и немедленно назначался розыскъ ³⁾.

Когда получились въ 1653 г. вѣсти о моровомъ повѣтріи въ Переяславѣ Залѣскомъ, то послѣдовалъ указъ „взять... разсылщиковъ, сколько человекъ пригоже, и сыскати въ Переяславѣ архимандриты, и игумены, и протопопы, и попы, и посадскими, и всякими житецкими людьми, котораго числа въ Переяславѣ и въ Переяславскомъ уѣздѣ учала животина падать, какою извою животина падеть, и нынѣ на животину падежъ въ Переяславѣ и въ Переяславскомъ уѣздѣ унялся-ли и на животину падежу нѣтъ-ли" ⁴⁾.

Съ самою процедурою подобнаго розыска знакомить насъ указъ 1664 г. на имя полуголовы московскихъ стрѣльцовъ Ивана Лопатина, командированнаго изъ Москвы въ Переяславъ Рязан-

¹⁾ Ibidem, № 54, стр. 106—108.

²⁾ Ibidem, № 55, стр. 109.

³⁾ А. Я. Я. 30. Приказ, ст. 146, № 146; Москва, ст., таб. № 271; Москва, ст., таб. 440.

⁴⁾ Наши матер. т. III, ч. II, № 51, стр. 102—103.

ский розыскать про конский падеж „всяких чиновъ людьми, и тѣхъ людей, гдѣ тѣ лошади были, разспросить, какою болѣзнью тѣ лошади пали, и отъ чего та болѣзнь учинилась, и съ признаки или безъ, и нынѣ конскій падежъ пересталъ-ли“. Иванъ Лопатинъ, прибывъ въ Переяславль Рязанскій, сначала ознакомился съ росписью павшихъ лошадей, составленною мѣстнымъ воеводою Михаиломъ Вердеревскимъ. По росписи оказалось, что съ 4 июля по 10-е пало 12 лошадей, изъ нихъ 7 „съ признаки“ и 5 „безъ признака“. Затѣмъ Лопатинъ приступилъ къ опросу разныхъ лицъ, которые показывали „по святой репорочной евангельской заповѣди Господни“. Всего было допрошено 95 человекъ, и выяснено, что за указанное время пало еще 12 лошадей¹⁾.

Показанія при обыскѣ московская администрація придавала огромное значеніе, поэтому лаваніе неврѣня свидѣній подвергалось жестокимъ наказаніямъ. Такъ въ 1643 г. въ Московскомъ уѣздѣ наказывалось „обыскнымъ всякимъ людямъ сказать именно, чтобъ они про моровое повѣтріе сказали въ правду, архимандриты и игумены по иноческому обѣзанью, а попы и дяконы по священству, а мірскіе люди по г. т. крестному цѣлованью, а которые обыскные люди про моровое повѣтріе въ обыску правды не скажутъ, и тѣмъ людямъ быть въ большемъ наказаніи и въ казни“²⁾.

О характерѣ эпизоотическихъ заболѣваній въ актахъ имѣются общія указанія: „объявится на брюхѣ съ яблоко, и отъ того умираютъ“, „пуздро пухнетъ“, „пуздро и горло пухнетъ“, „объявляются у лошадей язвы въ пуздрахъ у ухъ“, „объявится опухоль на груди или на пуздрѣ, а иного знаку никакого нѣтъ и отъ той болѣзни лошади падутъ“. Иногда же прямо указывается, что лошади болны „пострѣломъ“.

Въ нашемъ распоряженіи не имѣется матеріаловъ для сужденія о степени развитія эпизоотіи въ томъ или другомъ случаѣ, да и не здѣсь лежитъ центръ тяжести нашей задачи — выяснитъ *микрофізію* администраціи въ борьбѣ съ заразой. Тѣмъ не менѣе приведемъ нѣсколько иллюстрацій.

Въ 1624 г. въ деревнѣ Горьбкахъ Тульского уѣзда начался конскій падежъ и за 4 дня пало „10 лошадей пахотныхъ“³⁾. Въ

¹⁾ Ibidem, № 56, стр. 110—116.

²⁾ А. М. Ю. Приказы, ст., стр. 6, № 116, л. 33—34.

³⁾ Наши матер., т. III, ч. II № 45, стр. 98.

1631 г. „лошади де въ Коломенскомъ уѣздѣ вымерли“¹⁾. Въ 1643 г. въ Рогожскомъ стану Московскаго уѣзда обыскные люди показали, что „на боярскомъ дворѣ и на крестьянскихъ дворахъ лошади все померли“²⁾. Въ 1653 г. 560 драгунъ, стрѣльцовъ и пушкарей Царева Алексѣева города донесли, что у нихъ „скотина вся вымерла“³⁾. Въ 1655 г. въ Карачевѣ „пало у даточныхъ людей 256 лошадей“, вследствие чего приостановилась доставка въ Могилевъ „зеленой и свиной казны“⁴⁾. Въ 1689 г. Володимирскаго стану ямщики заявили, что „у нихъ въ ямскомъ стадѣ конскій падежъ отъ язвы и на всякій де день падеть лошадей по 5 и больше и отъ того де у нихъ у многихъ ямщиковъ вашей в. г. ямской гоньбы... вашнихъ в. г. посланныхъ людей мотчанье“⁵⁾.

Вѣроятно, эпизоотія весьма нѣрѣдко отражалась на правильности функций государственнаго механизма, иначе былъ бы совершенно необъяснимъ тотъ громадный карантинно-полицейскій механизмъ, который мы находимъ въ Московской Руси. Только захватывающее развитіе эпидемій и колоссальный вредъ, ими причиняемый, были въ состояніи приводить въ постоянное движеніе громадный аппаратъ тогдашней администраціи.

Для правильной оцѣнки санитарно-карантинныхъ мѣропріятій московскаго правительства остановимся на нѣкоторыхъ распоряженіяхъ послѣдующаго времени. Напримѣръ, по указу 17 ноября 1718 г., вследствие появленія мороваго повѣтрія въ Кіевской и Азовской губерніяхъ и въ малороссійскихъ городахъ, Петръ I повелѣлъ: „тѣ мѣста, въ которыхъ повѣтріе явилось, отослать въ пристойныхъ мѣстахъ крѣпкими утвердити заставами, гдѣ какъ возможно... во всѣхъ тамошнихъ городахъ и мѣстахъ публиковать указами подъ смертною казнью, чтобъ никто ни тайнаго, ни явнаго проѣзду и проходу мимо тѣхъ заставъ не дерзали... и дома, которые вымерли, велѣть жечь совѣмъ, что въ оныхъ есть, и съ лошадьми, и съ скотомъ, и со всякою рухлядью... Бude жъ откуда явятся курьеры съ нужными письмами, а ѣхали они за повѣтренными мѣстами или близъ оныхъ, велѣть ихъ при

¹⁾ А. М. Ю. Приказы, ст., стр. 6, № 43.

²⁾ Ibidem, Москов., ст., стр. 6, № 160.

³⁾ Наши матер., т. III, ч. II, № 52, стр. 103—104.

⁴⁾ А. М. Ю. Москов., ст., стр. 6, № 274.

⁵⁾ Ibidem, Москов., ст., стр. 6, № 745, л. 282—283.

заставахъ одерживать до указа, а письма у нихъ принимая черезъ огонь и распечатавъ, переписывать съ нихъ одно по другому трижды¹⁾.

Въ приведенномъ указѣ мы ничего не встрѣчаемъ новаго по сравненію съ практиковавшимся въ московскій періодъ. Пойдемъ однако дальше. Спустя болѣе, чѣмъ полѣтъ, а именно: 22 ноября 1770 г. Екатерина II дала секретную инструкцію главному лекарю Смирнову о мѣрахъ предосторожности отъ моровой язвы. Въ этой инструкціи рекомендовалось: подозрительныхъ задерживать въ изолированныхъ помѣщеніяхъ: пищею и питьемъ, истребовавъ откуда надлежитъ, доводить больныхъ безъ недостатку; проѣзжихъ мимо карантинной осматривать и „каждаго платье и прочіе вытѣривая, а съ писемъ списывая копіи, омоча въ уксусъ окурить черезъ огонь, и выдержать указанной карантинъ“; для больныхъ лихорадками „съ пятнами, бубонами или карбункулами учредить или очистить за городомъ, или въ протинѣхъ отдаленныхъ отъ жилья мѣстахъ, по разсмотрѣнію, нѣсколько дворовъ... и въ тѣ дворы принимать, лечить и пищею доводить“; „особенно для нездороваго воздуха приказывать обывателямъ, чтобъ въ ихъ покояхъ всякое утро, когда пробудятся, на раскаленномъ кирпичѣ для окуриванія наливали по три и по четыре ложки добраго уксуса, а которые онаго купить не въ состояніи, тѣмъ зажигать въ ихъ покояхъ половину заряду пороку на такомъ же кирпичѣ, или жечь и окуривать покой можжевеловымъ“; „во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ опасная болѣзнь показалась, или окажется, накрѣпко тѣ мѣста запереть и заключить, чтобъ ни человека, ни скотины и ничего изъ оныхъ въ здоровыя пропущено не было... и по всѣмъ дорогамъ и малымъ стезямъ вездѣ учредить заставы, чтобъ никто тайно и явно пройти и проѣхать не могъ. Заставы окопать рвами, содержать огни и куриво... письма жъ передавать въ опасныя мѣста на шестахъ черезъ огонь“; „подтвердить, чтобъ... больныхъ отъ здоровыхъ отдѣляли, и на иной воздухъ выводили и въ засѣкахъ подъ карауломъ до исцѣленія держали, а дворы и пожитки ихъ жгли или запирали“²⁾.

¹⁾ Рихтер. ор. сіт. т. III. приложение V, стр. 13—14.

²⁾ Петровъ. Собраніе Россійскихъ Законовъ о медицинскомъ управленіи. Сб. 1828 г. ч. II, стр. 106—108.

Въ наставленіи 27 янв. 1771 г. „о предосторожностяхъ для уменьшенія бѣдствій отъ моровой язвы“ указывалась необходимость подвергать карантину въ 21 и 42 дня всѣхъ людей и имущества при перѣздѣ и переправѣ ихъ изъ зараженныхъ мѣстностей. Въ зараженныхъ мѣстностяхъ предписывалось ежедневно „по захожденіи солнца“ окуривать жилища—богатымъ ладаномъ, средняго состоянія людямъ можжевеловыми ягодами, а бѣднымъ ягодами или соломою¹⁾.

По указу 12 окт. 1771 г. была объявлена смертная казнь за грабежъ и расхищеніе имущества изъ загорныхъ домовъ „дабы смертию одного злодѣя отвратить смертоносной отъ зараженныхъ вещей вредъ и гибель многихъ невинныхъ“²⁾.

Въ инструкціи 21 октября 1771 г. „офицерамъ, состоящимъ на разныхъ заставахъ, устроенныхъ около Москвы для прекращенія моровой язвы“ предписывалось: всякіе товары „протѣривать и окуривать“; людей подвергать 15 дневному карантину; прогоняемый скотъ окуривать, людей же при немъ „всѣхъ окуривать, а платье, снимая съ нихъ кафтаны и рубашки, вымывать въ водѣ, а шубы окуривать, и протѣривать, и напрыскивать уксусомъ“; что касается денегъ, то „онны ассигнаціи, какъ и прочія письма накалявая мочить въ уксусъ, и потомъ просушивая отправлять съ нарочными до другой заставы, а на сей также постуля, препровождать“³⁾.

Указами 24 декабря 1771 г. и 4 января 1772 г. объявлены награды доносителямъ на укрывающихъ моровую язву или язвенныя вещи⁴⁾. Грамотой объ учрежденіи губерній на исправника и городничихъ возложена обязанность по изоляціи мѣстностей и больныхъ, а также по зарыванію палыхъ животныхъ „длинными шестами“⁵⁾. Указомъ 12 января 1778 г. (а еще ранѣе по указу 21 окт. 1754 г.) воспрещено являться ко Двору и въ присутственныя мѣста лицамъ, у которыхъ въ домѣ заразительная болѣзнь⁶⁾.

¹⁾ Ibidem, стр. 116—119.

²⁾ Ibidem, стр. 128.

³⁾ Ibidem, стр. 137—145.

⁴⁾ Ibidem, стр. 157—158.

⁵⁾ П. Сб. Зап. т. XX, № 14392, ст. 238—240 и 260—261.

⁶⁾ Петровъ ор. сіт. стр. 195.

Можно было бы еще привести несколько различных указов, образцами для которых послужили распоряжения московской эпохи, но двинемся еще дальше. Въ чумной 1813 г. въ Одессѣ были предписаны слѣдующія мѣропріятія: 1) изолировать чумной врачебный персоналъ, 2) изолировать больных, 3) изолировать караульных чумного дома, 4) сжигать чумные дома со всѣмъ имуществомъ и скотомъ, а каменные помѣщенія, выложить окна и двери, провѣтривать и окуривать 5) на улицахъ поддерживать курева изъ навозныхъ кучъ, 6) погребать всѣхъ кошечекъ и собакъ, 7) поголовный осмотръ жителей 8) ставить вокругъ зачумленнаго мѣста тройную цѣпь, 9) окуривать и дезинфицировать укусоомъ корреспонденцію ¹⁾.

Наконѣцъ, какія же узаконенія существуютъ для борьбы съ заразой въ настоящее время, т. е. въ XX вѣкѣ? Предписывается, напирямѣръ, немедленно доносить о каждомъ появленіи эпидемической или заразной болѣзни. Доносить обязаны домохозяева, смотрители казенныхъ домовъ, содержатели гостиницъ, постоялыхъ дворовъ и т. п. и всѣхъ обыватель ²⁾. Больные помѣщаются отдѣльно отъ здоровыхъ въ особые избы, куда обыватели обязаны доставлять пищу, пищу и все необходимое ³⁾. Воспрещается продавать платье и другія вещи, бывшія въ соприкосновеніи съ больными ⁴⁾. Всякому одержимому прилипчивою болѣзью предписывается остерегаться дѣйствій, отъ коихъ болѣзнь его можетъ сообщиться другому ⁵⁾.

Существуютъ для каждой заразной болѣзни особые правила. Остановимся однако на правилахъ противочумныхъ. По первому извѣстію о заболѣваніи исправникъ принимаетъ мѣры къ *оципленію* зараженнаго или подозрительнаго дома или селенія ⁶⁾. Неблагополучная по чумѣ мѣстность разбирается съ другими посредствомъ *оципленія*, въ которое назначаются обыватели или войска ⁷⁾. Для выселенія здоровыхъ жителей чумного района могутъ быть устраиваемы особые лагеря ⁸⁾.

¹⁾ Блазновскій и Гамалей. Чума въ Одессѣ 1903 г., стр. 24—27 и 131—154.

²⁾ ст. 731 Уст. Врачебн. и 102. Уст. нак. по прод. 1895 г.

³⁾ ст. 743 и 744 Уст. Вр.

⁴⁾ ст. 736, 737 и 738 Уст. Вр. изд. 1892 г.

⁵⁾ ст. 733 Уст. мед. Полож., 854 ст. Улож. 1865 г.

⁶⁾ ст. 19 и 20 Времен. прав. 3 іюня 1897 г.

⁷⁾ *ibidem*, ст. 21—23.

⁸⁾ *ibidem* ст. 27.

Продолговываніе населенія внутри оципленія возлагается на полицію и органы самоуправления ¹⁾. Оципленіе снимается черезъ 15 дней послѣ послѣдняго заболѣванія ²⁾. Платье и другое имущество подвергаются дезинфекціи ³⁾.

И такъ даже при самомъ строгомъ отношеніи къ до-Петровскимъ мѣропріятіямъ въ борьбѣ съ повальными или заразительными болѣзнями нужно признать, что онѣ послужили фундаментомъ для дальнѣйшихъ надстроекъ.

Подводя итоги обзорѣ мѣропріятій московскаго правительства въ борьбѣ съ эпидеміями и эпизоотіями, приходимъ къ выводу, что въ до-Петровскій періодъ были выработаны слѣдующія рациональныя положенія: 1) изолированіе зараженныхъ лицъ, помѣщеній и цѣлыхъ районовъ, 2) быстрое погребеніе умершихъ вдали отъ обитаемыхъ мѣстъ и питьевыхъ водъ и 3) дезинфекція посредствомъ окуриванія, вымораживанія и програванія всего того, что только имѣло соприкосновеніе съ заразой.

Послѣдующее время, даже современность, несмотря на колоссальный ростъ естественныхъ наукъ, не прибавили новыхъ *принциповъ* борьбы съ эпидеміями. Въ настоящее время мы располагаемъ болѣе значительнымъ разнообразіемъ дезинфицирующихъ средствъ. Будущее предоставитъ намъ еще больше матеріаловъ для дезинфекции, но самый принципъ обеззараживанія стоитъ непоколебленнымъ. Напротивъ, онъ дѣлаетъ новыя завоеванія: антисептика переходитъ въ асептику, обеззараживаніе зараженныхъ предметовъ въ обеззараживаніе среды въ широкое значеніи слова. Изоляція практикуется такъ же теперь, какъ и въ старое время.

Трезвая русская мысль путемъ горькаго опыта выработала неизбѣжные основы медицинской полиціи: изоляцію и дезинфекцію.

¹⁾ *ibidem*, ст. 47.

²⁾ *ibidem*, ст. 49.

³⁾ *ibidem*, ст. 57 и 68.

1. Мѣта 7129 г. іюня въ 16 день, по г. т. указу память б. князю Ивану Михайловичу Воротынекому да дьякомъ Ивану Болотникову да Оедору Опраксиву. Марта въ 23 д. писалъ къ г. т. изю Брянска ст. и в. князь Василій Щербатой, и прислать выхода нѣхчина Дюона на Москвѣ выходецъ нѣхчинъ Дюонъ допраниванъ, и онъ въ роспросѣ сказаться не умѣеть, потому что сбродить съ ума. И болре приговорили того нѣхчина Дюона сослать въ понизовые города, куда пригоже, и устроить во что пригодится, и корецъ ему давати, чѣмъ сити быть. И выходецъ нѣхчинъ Дюонъ послать къ намъ въ казанскій дворецъ; и б. князю Ивану Михайловичу Воротынекому, да дьякомъ Ивану Болотникову, да Оедору Опраксиву велѣть выхода нѣхчина Дюона сослать въ понизовые города, куда пригоже и устроить во что пригодится и корецъ ему велѣть давати, чѣмъ ему сити быть.

2. Г. п. и в. к. М. О. в. Р. х. т. Оедька Пушкинъ. Неашко Рогозинъ, челоуъ буютъ. Нынѣшняго г. 138 г. іюля въ 7 д., пришедъ къ намъ х. т. изъ сѣзжую избу рязанецъ Василій Семеновъ сынъ Масловъ, и почель передъ нами х. т. говорить: „что де я ѣду въ Литву, выспытайте де меня къ г. къ Москвѣ или де меня пытайте.“ И мы х. т. почели его спрашивать: Какимъ обычаемъ въ Литву хонъ отѣхати? И тотъ г. Василій намъ х. т. въ роспросѣ не сказали ничего; и мы х. т. того Василья Маслова отдали за пристава рязанцу Микитѣ Истомину, сыну Скуратову, до твоего г. указу. Да били челоуъ тебѣ г. т., а намъ х. т. въ сѣзжей избѣ подали челобитную рязанецъ глѣбъ Петровъ, сынъ Масловъ съ братьею, и мы х. т. тое ихъ челобитную послали къ тебѣ г. т. съ сею отпискою въѣстѣ. (О.) 138 г. іюля въ 11 день. Г. т. буютъ челоуъ х. т. рязанца Глѣба да Левка Петрова дѣти, да Степанка Ивановъ сынъ, да Аоонька Алексѣевъ, да Фролка Степановъ сынъ Масловы. Въ нынѣшнемъ г. во 138 г. іюля въ 7 день, грѣхомъ г. нашимъ братъ нашъ Василій Семеновъ, сынъ Масловъ, съ ума сбродъ, и нынѣ де г. онъ вра-

жескимъ наученьемъ, пришедъ въ сѣзжую избу къ воєводамъ къ Оедору Ивановичу Пушкину, да къ Ивану Степановичу Рагозину, и почелъ въ сѣзжей избѣ вѣщать: „что будто де я Васыка въ Литву ѣду, и вы де меня посылайте къ Москвѣ или шьтайте.“ И въ сѣзжей избѣ самъ было обоготился, платье съ себя посметалъ, а велѣлъ себя пытать вражескимъ наученьемъ. А тотъ г. братъ нашъ Василій болѣзною черною немочью боленъ годы съ 2 и больше. Милосердый г. т. пожалуй насъ х. с. вели г., про того нашего брата про Васильеву болѣзнь обыскать. Ц. г. смилуйся. Къ сей челобитной Глѣбка Масловъ и въ брата своего Аонасыкова лѣсто руку приложить.

Къ сей челобитной Стенька Масловъ руку приложить. Къ сей челобитной Володика Масловъ руку приложить.

Отъ и. т. в. и. Оедору Ивановичу Пушкину, да Ивану Степановичу Рагозину. Писали есте къ намъ, что іюля въ 7 д. нынѣшняго 138 г. говорили передъ нами въ сѣзжей избѣ рязанецъ Василій Семеновъ сынъ Масловъ: хочеть онъ намъ измѣнить ѣхать въ Литву, и чтобъ вы его послали къ намъ къ Москвѣ или бы велѣли его пытать. И вы того Василья Маслова спрашивали для онъ чего, и по какому умысленью хочеть ѣхать въ Литву; и тотъ Василій въ роспросѣ намъ ничего не разсказалъ, и вы его отдали держать приставу до нашего указа. И того жъ дни были намъ человекъ братья его Васильева рязанцы жъ Глѣбъ Масловъ съ братьею, и подали челобитную и вы тое ихъ челобитную прислали къ намъ къ Москвѣ; а въ челобитной ихъ написано, что тотъ братъ ихъ Василій Семеновъ, сынъ Масловъ боленъ черною болѣзною и сбродить съ ума тому года съ 2 и больше, и про ту его болѣзнь велѣти сыскать. И какъ къ намъ ся наша грамота придетъ, и вы бы велѣли сыскати всякими людьми всякими сыски накрѣпко: рязанецъ Василій Семеновъ сынъ Масловъ черною болѣзною боленъ ли, и сколь давно боленъ, и такія рѣчи, что хочеть ѣхать въ Литву говорилъ въ немочи ли; да кто что про то про все въ сыску скажутъ, и вы объ о томъ писали и сыскъ за смыслихъ людей и за своими руками прислали къ Москвѣ; а на Москвѣ отписку и сыскъ велѣли отдать въ Разрядъ дякомъ нашимъ, думному Оедору Лихачеву да Михаилу Данилову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7138 г. іюля въ 27 день.

Г. т. х. т. Оедка Пушкинъ Иванко Рагозинъ человекъ быють. Нынѣшняго г. 138 г. августа въ 11 д. прислана твоя г. т. грамота

къ намъ х. т., а въ твоей г. грамотѣ написано, велѣно г. намъ х. т. сыскать на Михайловѣ всякими людьми, всякими сыски про рязанца про Василья Семенова сына Маслова, что тотъ Василій Масловъ черною болѣзною боленъ ли и сколь давно боленъ и такія рѣчи, что онъ хочеть отѣхать въ Литву говорилъ въ сѣзжей избѣ въ немочи ли; да кто что про то про все въ обыску скажутъ, и намъ бы х. т. о томъ отписать, и сыскъ за смыслихъ людей и за своими руками прислать къ тебѣ г. къ Москвѣ; а отписку и сыскъ велѣти отдать въ Разрядъ твоему г. думному дяку Оедору Лихачеву, да Михаилу Данилову. И по твоей г. т. грамотѣ мы х. т. обыскивали о томъ Василья Маслова, и сыскъ за обыслихъ людей и за своими руками послали къ тебѣ г. т. съ сею отпискою вѣстѣ (О.) 138 г. августа въ 30 д.

Лѣта 7138 г. августа въ 16 д. по г. т. грамотѣ и по памяти воєводъ Оедора Ивановича Пушкина, Ивана Степановича Рагозина дворяне и дѣти боярскіе Кобыльскаго и Сутринскаго станомъ (Слѣдуютъ многочисленныя имена и фамилии ихъ Н. Н.) сказали по г. т. крестному цѣлованью во обыску сыну боярскому Евтею Григорьеву сыну Кученеву про рязанца про Василья Семенова сына Маслова, что тотъ Василій Масловъ черною болѣзною боленъ, и сколь давно боленъ, и того не вѣдаемъ; а то мы вѣдаемъ, та болѣзнь надъ нимъ года съ 2 и больше; и такія онъ рѣчи, что онъ хочеть ѣхать въ Литву говорилъ въ сѣзжей избѣ онъ въ немочи тою болѣзною черною, не о своемъ умѣ; то мы вѣдаемъ, то наши рѣчи. 102 чел. дворянъ и дѣтей боярскихъ. Лѣта 7138 г. августа въ 18 день, по г. т. грамотѣ и по наказной памяти воєводъ Оедора Ивановича Пушкина, Ивана Степановича Рагозина Михайлова города стрѣльцы Московскіе Гаврилова приказа Микулаевича Свиначскаго пятидесятники стрѣлецкіе (4 чел.), да десятники (13 чел.), да рядовые (17 чел.), и все московскіе стрѣльцы да нашенные стрѣльцы, петид, десят, и рядовые (39 чел.), и все нашенные стрѣльцы 90 чел., сказали по г. т. крестному цѣлованью во обыску сыну боярскому Евтею Григорьеву сыну Кученеву про рязанца про Василья Семенова сына Маслова, что онъ черною немочью давно ль боленъ, и такія онъ рѣчи въ сѣзжей избѣ говорилъ ли, что онъ хочеть отѣхать въ Литву, и мы то слышали, что на немъ та болѣзнь черная немочь года съ 2 и больше; и такія онъ рѣчи говорилъ въ сѣзжей избѣ, что хочеть отѣхать въ Литву; а говорилъ

онъ въ той черной немочи, не о своемъ умѣ; а какъ его Василія Семенова сына Маслова дали стеречь за пристава до г. указу; и мы вѣдаемъ у него будучи, какъ онъ по ночамъ и въ день тою болѣзною черною немочью обмираетъ, говорить не о своемъ умѣ многожды, то мы вѣдаемъ; то наши и рѣчи. Лѣта 7138 г. Августа въ 20 д. по г. т. грамотѣ и по наказной памяти в. Оедора Ивановича Пушкина да Ивана Степановича Рагозина Михайлова города Черкаса Тимоосева приказу... пятид. (4 чел.) рядовые (4 чел.) и всѣ черкасы 69 чел. сказали, по г. т. крестному цѣлованью во обыску сыну боярскому Евсею Григорьеву, сыну Кученеву, про рязанца Василія Семенова сына Маслова, что черною немочью давно ли боленъ и такіа рѣчи въ слѣзкей избѣ говорилъ ли, что онъ хочетъ въ Литву отѣхати. И мы то слышали, на немъ то болѣзнь черная немочь года съ 2 и больше, и такіа онъ рѣчи говорилъ въ слѣзкей избѣ, что хочетъ отѣхати въ Литву, говорилъ онъ въ той черной немочи, не о своемъ умѣ; а какъ его Василія Семенова сына Маслова дали стеречь за пристава до г. указу, и мы отъ стрѣльцовъ слышали, какъ того Василія въ ночь и въ день тою болѣзною черною немочью обмираетъ, говорить не о своемъ умѣ многожды. То г. наши и рѣчи.

Лѣта 7138 г. августа въ 20 д., по г. т. грамотѣ и по наказной памяти в. Оедора Ивановича Пушкина да Ивана Степановича Рагозина Михайлова города казаки Ильина приказу Петровича Сидничева всѣхъ сотень пятид. и казаки (слѣдуютъ имена ихъ) и всѣ казаки 300 чел. сказали по г. т. крестному цѣлованью про рязанца про Василія Семенова сына Маслова, что онъ Василій такіа рѣчи говорилъ въ слѣзкей избѣ въ черной-ли немочи. И мы то слышали, что тотъ Василій въ слѣзкей избѣ говорилъ, что хочетъ въ Литву отѣхати; и то мы вѣдаемъ, что онъ говорилъ въ черной болѣзни въ немочи, не о своемъ умѣ; а то мы слышали жъ, что та болѣзнь... года съ 2 и больше, и нынѣ де онъ за приставомъ обмираетъ черною немочью, а слышали отъ пушкарей Ефима Иванова, да отъ Богдана Кирилова и отъ стрѣльцовъ, кои у него бывають сторожки, и то мы слышали; то наши и рѣчи.

Лѣта 7138 г. августа въ 20 д., по г. т. грамотѣ и по наказной памяти в. Оедора Ивановича Пушкина да Ивана Степановича Рагозина Михайлова города пушкарни (13 чел.), сторожки (3

чел.), затинники (11 чел.), да казен. кузнецъ (1 чел.), да казен. плотникъ (1 чел.), да городовые воротники (4 чел.), плотники (7 чел.), ямскія слободы охотники (14 чел.), и всѣ ямщики сказали по г. т. крестному цѣлованью сыну боярскому Евсею Кученеву про рязанца про Василія Семенова сына Маслова, что тотъ Василій Масловъ давно ли черною немочью боленъ и такіа онъ рѣчи въ слѣзкей избѣ говорилъ ли, что онъ хочетъ отѣхати въ Литву, и мы слышали, что онъ Василій Масловъ въ слѣзкей избѣ говорилъ, что хочетъ въ Литву отѣхати; а говорилъ онъ Василій тѣ рѣчи не о своемъ умѣ въ черной болѣзни, то мы слышали; да мы же слышали отъ стрѣльцовъ отъ Московскихъ и отъ нашенскихъ, какъ они были у него на сторожки, и онъ де Василій при нихъ ночью и въ день обмираетъ черною болѣзною и говоритъ не о своемъ умѣ многожды. То мы отъ стрѣльцовъ слышали; то наши и рѣчи.

3. Отъ п. и в. к. М. О. в. Р. въ нашу отчину въ Великій Новгородъ б. и. и в. князю Юрью Яковичу Сулешеву, да дьякомъ нашимъ Микифору Шинудину да Первому Перонову. Вѣдомо намъ учинилось, что новгородецъ Бѣженскія пятини Семенъ Олферьевъ сынъ Бачмановъ умѣетъ конской лечбѣ. И какъ къ намъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ тотчасъ въ Великомъ Новгородѣ и въ Новгородскомъ уѣздѣ, Семена Бачманова велѣли сыскать. И какъ его сыщутъ, и вы бѣ его прислали къ намъ къ Москвѣ на подводахъ не мѣшая, да о томъ къ намъ отписали. А на Москвѣ велѣли ему явиться и отписку отдать въ разрядѣ дьякомъ нашимъ думному Ивану Гавреневу да Михаилу Данилову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7140 г. июня въ 22 день. Такова грамота послана за приписью дьяка Михаила Данилова.

4. Лѣта 7140 г. августа въ 29 д., по г. ц. и в. к. М. О. в. Р. указу дьякомъ думному Ивану Гавреневу да Михаилу Данилову, по г. указу дано изъ гос. обтекарскія казны на службу лекарямъ Тобиюсова полку Ивану Шлыну да Фаментинова полку Росвормова итѣмъ Ивану Генику 2 сундука, а въ нихъ обтекарскихъ всякихъ лекарей и снастей болберекъ на 100 на 1 р. на 3 алт. съ деньгою, а тѣ деньги указали г. на нихъ взять на 3 срока во 141 г. въ сентябрѣ, да въ октябрѣ, да въ ноябрѣ по третямъ изъ нихъ изъ кормовыхъ мѣсячныхъ денегъ. И нынѣ на нихъ въ то число взять на мѣсяць сентябрь 25 руб. 3 алт.

съ деньгою; а достальныя 66 руб. взять на нихъ изъ ихъ кормовыхъ денегъ въ 2 мѣсяца: въ октябрѣ 33 руб., а въ ноябрѣ тожъ. И по г. т. указу дьякомъ думному Ивану Гавреневу да Михаилу Данилову тѣ достальныя деньги 66 руб. изъ лекаревыхъ изъ Ивановыхъ Шлюца да нѣмчина Ивана Геника изъ ихъ кормовыхъ изъ мѣсячныхъ денегъ велѣти вычесть во окт. 33 руб. въ ноябрѣ 30 же 3 руб., и тѣ деньги велѣти прислати въ Антекарскій Приказъ къ б. ко князю Ивану Борисовичу Черкасскому помѣсячно. Принисалъ Вьялица Потемкинъ. Лѣта 7140 г. августа въ 30 д., по г. т. указу память Василью Ивановичу Протопопову да дьяку Тимофею Пчелину. Августа въ 29 д. индѣшняго 140 г. въ памяти въ Разрядъ изъ Антекар. Прик. за приписью Вьялица Потемкина написано: по г. указу дано изъ г. обтекарскія казны на службу лекарямъ Тобиюсова полку Ивану Шлюцу да Фалентинова полку нѣмчину Ивану Генику 2 сундука, а въ нихъ абтекарскихъ всякихъ лекарствъ и снастей болберскихъ на 100 на 1 руб. на 3 алт. съ деньгою; а тѣ деньги указали г. на нихъ за тѣ снасти взять на 3 срока во 141 г. въ сен., да въ окт. да въ ноябрѣ по третямъ изъ ихъ кормовыхъ мѣсячныхъ денегъ.

И нѣтъ на нихъ въ то число взято изъ мѣсяцъ сентябрь, 35 руб. 3 алт. съ ден., а достальныя 66 руб. взять на нихъ изъ кормовыхъ денегъ въ 2 мѣсяца въ окт. 33 руб. въ ноябрѣ тожъ. И по г. т. указу Василью Ивановичу Протопопову да дьяку Тимофею Пчелину тѣ деньги 66 руб. отослать въ Антек. Приказъ къ б. ко князю Ивану Борисовичу Черкасскому, а лекарямъ Ивану Шлюцу да Ивану Генику въ 2 мѣсяца во октябрь да въ ноябрь по 30 по 3 руб. чел. зачесть, — впередъ на 141 г. тѣхъ денегъ въ тѣ 2 мѣсяца не давать и въ раздаточныя книги тѣ деньги велѣти записать.

Лѣта 7141 г. сентября въ 11 д., по г. т. указу память дьякомъ думному Ивану Гавреневу да Михаилу Данилову. Въ Иноземскомъ приказѣ по г. указу нѣмецкихъ полковъ нѣмецкіе люди Анцъ Альбрехтъ, Анцъ Якубъ Соефритъ, Анцъ Тимъ написаны въ другіе полки къ лекарямъ въ товарищи. Анцъ Якубъ Соефритъ въ Индриковъ полкъ Фандона, Анцъ Тимъ въ Фалентиновъ полкъ Росюрма, Анцъ Альбрехтъ написанъ въ Тобиюсовъ полкъ Уизена, а имена ихъ изъ Иноземскаго приказу въ Разрядъ какъ посланы нѣмецкихъ людей имена, которые нѣмецкіе

люди написаны въ русскіе полки не посланы, потому что они написаны послѣ того. И по г. т. указу дьякомъ думному Ивану Гавреневу да Михаилу Данилову послать г. т. грамоту къ б. и в. къ Михаилу Борисовичу Шенну да къ ок. и в. къ Артемью Васильевичу Измайлову и къ дьякомъ нѣмецкихъ людей Анца Альбрехта, Анца Якуба Соефрита, Анца Тима велѣти ихъ изъ нѣмецкихъ полковъ отдать въ русскіе полки къ лекарямъ въ товарищи, кто въ который полкъ написанъ и денегъ бы имъ въ нѣмецкихъ полкахъ не давали, потому что деньги на нихъ положены и въ списокъ написаны лекарямъ всемъ вопче по полкомъ, лекарю одному и инымъ съ товарищи по 30 руб. на мѣсяцъ, и на августъ мѣсяцъ и на сентябрь деньги на нихъ лекарямъ даны сполна. Дьяковъ Григорій Нечаевъ. Отъ ц. т. б. и в. Михаилу Борисовичу Шенну да ок. нашему и в. Артемью Васильевичу Измайлову да дьякомъ нашимъ Александру Дурову да Дмитрію Карнову. По нашему указу велѣно быть на нашей службѣ въ полкахъ нѣмецкихъ полковъ нѣмецкимъ людямъ къ лекарямъ въ товарищахъ Анцѣ Альбрехту, Анцѣ Якубу Соефриту, Анцѣ Тиму въ русскіихъ полкахъ: Анцѣ Якубу Соефриту въ Индриковъ полкъ Фандона, Анцѣ Тиму въ Фалентиновъ полкъ Росюрма, Анцѣ Альбрехту въ Тобиюсовъ полкъ Уизена. И какъ къ вамъ въ полки нѣмецкіе люди приѣдутъ, и вы бы Анца Альбрехта, Анца Якуба Соефрита, Анца Тима велѣли отдать изъ нѣмецкихъ полковъ въ русскіе полки къ лекарямъ въ товарищи, кто въ который полкъ написанъ, а денегъ имъ въ нѣмецкихъ полкахъ давать не велѣти, потому что деньги на нихъ положены и въ списокъ написаны лекарямъ всемъ вопче по полкамъ, лекарю одному и инымъ съ товарищи по 30 руб. на мѣсяцъ, и на августъ мѣсяцъ и на сентябрь деньги на нихъ лекарямъ даны сполна. И какъ ихъ изъ нѣмецкихъ полковъ въ русскіе полки къ лекарямъ въ товарищи отдадите, и вы бы о томъ къ намъ отписали. Писанъ на Москвѣ лѣта 7141 г. сентября въ 12 д...

Лѣта 7141 г. ноября въ 9 д., по г. т. указу дьякомъ думному Ивану Гавреневу да Михаилу Данилову да Григорію Ларионову. Въ прошломъ во 140 г. велѣно быть на г. службѣ въ походѣ съ б. съ Михаиломъ Борисовичемъ Шеннымъ съ товарищи для лечбы ротнымъ людямъ въ полку у Андрея Фандона Антекарскаго приказа лекарю Валиму Кремору, и тотъ Вилимъ въ тѣ

поры занемогъ и по ся мѣста лежать болеть, а нынѣ тотъ Вилимъ посланъ на г. службу по прежнему; и дьякомъ думному Ивану Гавреневу да Михаилу Данилову, да Григорью Ларионову велѣти лекарю Вилиму въ полки къ б. къ Михаилу Борисовичу Шенну съ товарищи дати г. грамоту и велѣть ему быть на г. службѣ по прежнему въ полку у полковника у Андрея Фандона. Приписать Вилима Потемкинъ.

5. 158 г. октября въ 6 д. ок. Ивана Андреевича Милославскаго приказному человѣку Баженку Кобцову Пожарковскія мельницы крестьянинъ Иваншко Ивановъ подаль челобитную, а въ челобитной пишетъ доложить г. т. Въ прошломъ во 158 г. ноября въ 23 д. былъ челомъ в. г. ц. и в. к. А. М. в. Р. ок. Иванъ Андреевичъ Милославскій: во 158 же году въ ноябрѣ писалъ къ нему изъ Нижегородской его деревни человѣкъ его Баженко Копцовъ и прислалъ съекъ и роспросныя рѣчи крестьяни его Алатарскаго уѣзда, Пожарской мельницы, Анютки Илюшкины жены; а въ роспросныхъ ея рѣчахъ написано, что она окормила мужа своего Илюшку кореньемъ и отъ того де мужъ ея умеръ злого смертю и отъ того де коренья остатокъ у ней вынятъ; а вѣдала де она то коренье у алатарскаго мордвина. И та де жена Анютка сидитъ за сторуожю, а остальное коренье въ Алатарской его деревнѣ и г. бы его пожаловать, велѣть тотъ съекъ и роспросныя ея рѣчи, и женку, и коренье, изъ Алатарской его деревнѣ взять въ приказъ, гдѣ ч. укажетъ.

И во 158 г. ноября въ 25 д., по г. т. указу послана г. грамота изъ Разряда въ Нижній къ ет. и воев. ко князю Петру Долгорукову да къ дьяку къ Ивану Чистову, а велѣно въ Алатарскомъ уѣздѣ, ок. Ивана Андреевича Милославскаго въ помятѣхъ, въ деревнѣ Пожаровѣ у человѣка его у Баженка Копцова, взять въ Нижній женку Анютку, и коренье, что у ней вынато, и Алатарскаго мордвина Собайку Вѣлева. И тое женку и мордвина велѣно роспросить и проворовство ихъ пытать накрѣпко: женка Анютка мужа своего Илюшку кореньемъ окормила-ль, и по чьему наученю, и съ кѣмъ она на то воровство мыслила; а мордвинъ такое коренье давно ли у себя держитъ, и кто ему такое злое коренье велѣлъ держать, и кого тотъ мордвинъ и женка Анютка такимъ кореньемъ иныхъ на смерть окормили, и такимъ воровствомъ и порчею промышляютъ давно—ли, и съ кѣмъ, и кто иныи иные ихъ совѣтники, и отъ кого морд-

винъ на то воровство наученъ. И до какихъ людей по роспросу то воровство дойдетъ, и тѣхъ людей велѣно сыскать и ихъ роспрашивать жъ. и съ очи на очи ставить, и про то воровство сыскивать всякими сыски накрѣпко, чтобъ про то воровство доискаться до прями; а по съекъ женкѣ Анюткѣ за ея воровство велѣть учинить казни по г. указу и по соборному уложению. И въ прошломъ же во 158 г. января въ 14 д., писали къ г. т. изъ нижняго ет. и в. князь Петръ Долгорукою да дьякъ Иванъ Чистого, что они по г. т. указу Алатарскаго уѣзда изъ помятѣхъ ок. Ивана Андреевича Милославскаго изъ дер. Пожаровки у человѣка его у Баженка Копцова, женку Анютку Илюшкину жену и коренья остатокъ, что у ней вынато, къ Нижній взяли, и противъ г. грамоты и прежнихъ роспросныхъ рѣчей тое женку роспрашивали. А въ роспросѣ жена Анютка сказала: мужа де она своего Илюшку Иванова кореньемъ на смерть не окормливала, а давала она Анютка мужу своему того коренья, которое у ней вынато, не для смерти, для легости отъ болѣзни, потому лежалъ де мужъ ея внутренюю болѣзнию; а то де коренье давала ей Алатарскаго уѣзда деревни Пожаровѣ мордвинъ Собайко, а чей сынъ, того не вѣдаетъ. А давала де она то коренье мужу своему по мордвинову по Собайкову велѣнію въ казю при немъ Собайкѣ; и послѣ де того, какъ она давала мужу своему коренье, мужъ ея въ 3-й день умеръ. Да она жъ Анютка сказала: то де коренье давала мужу своему отъ привороту, чтобъ мужъ ея жить съ нею въ любви, а не для смерти, а какъ де тѣмъ кореньемъ къ мужу своему пыталась, и какъ мордвинъ Собайко то коренье давалъ ей, и о такомъ дѣлѣ ни съ кѣмъ она не мыслила и такого дѣла и умысленія ниго у ней не видалъ. И прежде сего она такимъ воровствомъ не промышляла и людей такимъ воровствомъ ни кого не порчивала и не окормливала. И кто такимъ воровствомъ промышляетъ, такихъ людей не знаетъ. И для смерти мужу своему злого ни какого коренья не давала. А мордвинъ де Собайка прежде до смерти мужа ея коренья знать и отъ болѣзни многихъ людямъ пособлялъ и ворожилъ. А кореньемъ кого окормливалъ ли, того она не вѣдаетъ. А мордвина Собайка знаетъ она потому, мужу де ея Илюшкѣ быть совѣтентъ, межъ собою знались. И морд. Собайко Вѣлеву сыскать на Москвѣ и послать въ Нижній во 158 г. ген. въ 31 д. И въ томъ воровствѣ по г. указу велѣно кн. Петру Долгорукову да

дьяку Клементью Патокину женку Анютку и морд. Собайка рос-просить и съ очи на очи ставити, и про то воровство велѣно смыкивать всякими сыски накрѣпо по прежнему г. указу. И въ прошломъ во 158 г. мая. въ 16 д. писали къ г. т. изъ Нижняго ст. и в. ки. Петръ Долгоруково да дьякъ Клементій Патокинъ, что женка Анютка съ морд. Собайксѣмъ Бѣлевымъ для подлиннаго смыку съ очи на очи ставлены, и роспрашиваны они, и пытаны всякими разными пытками накрѣпо, и огнемъ жжены. И на очной ставкѣ и съ пытокъ женка Анютка сказала тѣмъ рѣчи противъ прежнихъ рѣчей. А морд. Собайка Бѣлевъ на очной ставкѣ и съ пытокъ сказалъ: такого де кореня, которое взято въ Нижній у женки Анютки, онъ не давалъ и при себѣ никакого кореня мужу ея ни въ чемъ давать не велитъ, и около людей воровство не хаживать, и такимъ воровскимъ дѣломъ преждъ сего не промышлялъ, и нынѣ не промышляетъ, и никакого де кореня онъ не знаетъ, и никого никакимъ коренемъ не окаряливаетъ и не испорчиваетъ, и кто такимъ воровствомъ промышляетъ того, онъ не вѣдаетъ и не знаетъ, и никакого де злого кореня у себя преждъ сего не держивалъ, и нынѣ не держитъ, и такому злему дѣлу ни у кого не учивался, и тое женки Анютки и мужа ея Ильюшки не знаетъ. Тѣмъ де велѣмъ его Собайка та женка поклепала напрасно. И та де женка Анютка и мордвинъ Собайко въ Нижнемъ посажены въ тюрьму до г. указу, потому что мордвинъ въ томъ коренѣ и въ воровствѣ съ пытки на себя не говорилъ. И въ прошломъ во 161 г. марта въ 31 день, билъ челомъ г. т. мордвинъ Собайко Бѣлевъ, что онъ въ томъ напрасномъ поклепѣ съ очной ставки въ Нижнемъ пытанъ трижды и огнемъ жженъ, и пупъ волоченъ, и ребра ломаны, и пята ажжены. И въ томъ онъ оговорѣ ни въ чемъ не виноватъ, и съ пытокъ на себя не говорилъ. И послѣ пытокъ въ Нижнемъ вни-нутъ въ тюрьму и сидитъ въ тюрьмѣ 4й годъ, помираетъ голодною смертию, и г. бы его пожаловалъ, велѣлъ про него Собайка въ томъ воровствѣ, въ коренѣ, и въ порчѣ около деревни Пожарокъ сыскать Алатарскимъ, и Нижегородскимъ, и Арзамасскимъ уѣзды великихъ чиновъ людьми большимъ повальнымъ обыскомъ, и по смыку и по обыскомъ и пособорному уложению, велѣлъ указъ учинить. И по г. т. указу послана г. грамота въ Нижній къ воев. къ Прокофью Елизарову да къ дьяку къ Степану Чернову, а велѣно про морд-

вина, про Собайка Бѣлева, про то воровство около деревни Пожарковки Алатарскимъ и Нижегородскимъ и Арзамасскимъ уѣзды тутошними и окольными всякихъ чиновъ людьми обыска-вать большимъ повальнымъ обыскомъ. И въ писмѣшнемъ во 162 г. ноября въ 11 д., писали къ г. т. изъ Нижняго в. Прокофій Елизаровъ да дьякъ Степанъ Черный и прислали въ Разрядъ обыски обыскныхъ людей за руками. Въ смыку же сотнику стрѣ-лешкому Ивану Бабушкину, Алатарскаго уѣзду села Чуева ст. князь Володимера Андреевича Волконскаго староста Кондратій Стефановъ, да крестьяне: Давидъ, Логинъ, да Павелъ Борисовъ, да Никоиъ Ивановъ, да Лаврентій Васильевъ сказали по г. т. крестному цѣлованію: деревни Пожарокъ морд-вина Собайка мы не знаемъ, а воровствомъ промышляеть ли, и кореня у себя держитъ ли, или не держитъ, и людей портитъ ли, или не портитъ, про то мы про все не знаемъ, то наша и сказка. Къ сямъ обыскнымъ рѣчамъ, Алатарскаго уѣзда да, села Сюнѣва, Архан. поитъ Герасимъ Игнатъевъ, вѣсто прихожанъ своихъ и дѣтей духовныхъ, кои въ семъ обыску имяны писаны, по ихъ велѣнію, руку приложилъ.

Алатарскаго жъ уѣзду, деревни Алтышевы Мирбахтея мурзы князь Чеготаева староста Елисей Еремѣевъ, да крестьяне: Кири-ианъ Оедоровъ, Степанъ Ивановъ, Борисъ Тихофеевъ, Михайло Оедоровъ, Степанъ Оедоровъ сказали сотнику стрѣлешкому Ивану Бабушкину по г. крестному цѣлованію, мордвинъ Собайко Бѣлевъ воровствомъ промышляеть ли или не промышляеть, и кореняе отравное у себя держитъ ли или не держитъ, и людей на смерть окаряливаетъ ли, или не окаряливаетъ, про то мы про все не знаемъ; то наша и сказка. Къ сямъ обыскнымъ рѣчамъ Алатар-скаго уѣзда, села Сюнѣва, Архангельскій поитъ Герасимъ Иг-натъевъ, вѣсто Амирбахтеевыхъ крестьянъ; кои въ семъ обыску имяны писаны, по ихъ велѣнію, руку приложилъ.

Да въ смыку жъ сотнику стрѣлешкому Ивану Бабушкину Алатарскаго уѣзду, Бѣма Оедоровича Болтинъ деревни Иданова староста Михайла Прокофьевъ, крестьяне: Анисимъ Ивановъ, Алексѣй Григорьевъ, Оедоръ Ивановичъ, Кузьма Григорьевъ, Па-велъ Михайловъ, Оедоръ Парфеневъ, Иванъ Бѣлевъ, Иванъ Чагибинъ, Семенъ Семеновъ, Иванъ Гавриловъ, Герасимъ Родіо-новъ сказали, по г. крестному цѣлованію: живемъ мы отъ Мор-довской дерев. Пожарокъ далече и мордвина Собайка Бѣлева

мы не знаемъ, воровствомъ онъ промышляетъ ли или не промышляетъ, и коренья у себя Собайко держитъ ли, и людей окормливаетъ ли или не окормливаетъ, про то мы про все ничего не знаемъ и ни отъ кого не слышали; то наша и сказка. Къ сему обыкннмъ рѣчамъ Алатарскаго уѣзду, села Сюнѣва, Архангельскій попь Герасимъ Игнатьевъ, въ Банна Федоровича Болтина крестьянъ его дер. Ждановой, кои въ семь обыскъ писаны писаны, по ихъ ведѣнію, руку приложилъ. Да въ смыку же сказали Алатарскаго уѣзда, дер. Мамешевы арзамаса мурзы Симеона да Ивакая князь Мамекцевыхъ дѣтей Мостофинныхъ староста Володимиръ Димитріевъ да крест. Павелъ Терентьевъ, да Иванъ Моховъ, да Андрей Ивановъ. Деревни Ормакаевы Ондрей мурзы да Тахтара Ормазетевыхъ дѣтей князь Чеголасныхъ, Алатарскаго уѣзда староста Иванъ Аванасевъ да крестьяне Микита Онтоновъ, да Иванъ Ивановъ сынъ, Давыданъ да Иванъ Семеновъ, сынъ Шарантъ. Тогожъ уѣзду дер. Мирасевы Мирася мурзы Бакаева сына Мостофина староста Григорій Ворламовъ, да крестьянинъ Мартинъ Тимоосевъ сказали по г. т. крестному цѣлованью: Алатарскаго уѣзду, дер. Пожарокъ мордвинъ Собайка Бѣлевъ, воровствомъ онъ промышляетъ ли, коренья у себя держитъ ли, или не держитъ, и людей окормливаетъ ли на смерти, или не окормливаетъ, про то мы про все не вѣдаемъ. Къ сему обыкннмъ рѣчамъ, Алатарскаго уѣзду села Сюнѣва, Архангельскій попь Герасимъ Игнатьевъ вмѣсто прихожанъ и дѣтей своихъ духовныхъ, кои въ семь обыскъ писаны писаны, по ихъ ведѣнію руку приложилъ. Да въ смыку жъ сотнику стрѣльскому Ивану Бабушкину, Нижегородскаго уѣзда дер. Акузовое мордва десяткѣй Ерофей Баженовъ, да Василій Адушевъ, Китай Кедировъ, тое жъ дер. Петлій Огашевъ, Илемасъ Далгушевъ, Тремасъ Сыресевъ, Ема Лукашевъ, Есялякъ Васильевъ. То же жъ дер. мордва: Кумай Череватовъ, Алакай Кученяевъ, Башай Малковъ, Питой Степановъ, Тосекъ дер. Тумообей Илемасовъ, Исакъ Лукашевъ, Собай Филиппевъ, Неафръ Лежаевъ. Тосекъ дер. мордва: Тиснаи Нундомушевъ, Арисъ Изтесевъ, Шеменай Кузьминъ. То же жъ дер. мордва Невѣжа Болтаевъ, да Петлій Череватовъ. Ибранъ Сидонъ, сказали по своей вѣрѣ по шерти, алатарскаго уѣзду дер. Пожарокъ за мордвиномъ Собаемъ Бѣлевымъ воровства никакого не знаемъ, а коренья отравнаго не знаемъ, а коренья у себя держитъ ли, и людей портитъ ли, и на смерть окормливаетъ ли,

или нѣтъ, того мы ничего не знаемъ; а ок. Ивана Андреевича Милославскаго села Пожарокъ крестьянкѣ Анюткѣ, Плюшкинѣ женѣ Иванова онъ Собайко отравное коренье давалъ ли, или нѣтъ, и Плюшка Ивановъ отъ того ли коренья умеръ, или своею смертию просто, того мы не вѣдаемъ же; то наша и сказка. А во обыску нижегородскаго уѣзду попь, разныхъ помѣщиковъ 6 чел. старостъ, 23 чел. крестьянъ, всего 30 чел. Попь сказали по священству, а староста и крестьяне сказали по г. т. крестному цѣлованью: что они за мордвиномъ за Собайкомъ Бѣлевымъ воровства никакого не знаютъ и коренья у себя держитъ ли, и людей окормливаетъ ли, или не окормливаетъ, и ок. Ивана Андреевича Милославскаго села Пожарокъ, крестьянкѣ женѣ Анюткѣ отравное коренье давалъ ли, или не давалъ, и мужу ея Плюшкѣ давалъ вѣдѣть ли или не вѣдѣть и Плюшка умеръ отъ коренья или своею смертию, про то они про все не знаютъ и не вѣдаютъ. Во обыску жъ Нижегородскаго Алатарскаго уѣзда 2 попа да разныхъ помѣщиковъ 9 чел. старостъ, 56 чел. крестьянъ всего 67 чел. Попы сказали по священству, а старосты и крестьяне сказали по г. т. крестному цѣлованью: мордвинъ Собайко Бѣлевъ воровствомъ промышляетъ или не промышляетъ, и коренья людей окормливаетъ, про то они не знаютъ; и ок. Ивана Андреевича Милославскаго села Пожарокъ, крестьянкѣ женѣ Анюткѣ Плюшкинѣ женѣ Иванова, коренья давалъ ли, или не давалъ, и мужу ея Плюшка отъ того коренья умеръ, или своею смертию, про то они про все не знаютъ и не вѣдаютъ. Во обыску жъ Алатарскаго уѣзду попь, 1 чел. сынъ боярскій, да разныхъ помѣщиковъ 9 чел. старостъ, 32 чел. крестьянъ всего 43 чел. Попь сказалъ по священству, а сынъ боярскій, и старосты, и крестьяне сказали по г. т. крестному цѣлованью: что они мордвина Собайка Бѣлева не знаютъ, и воровствомъ онъ промышляетъ ли, или не промышляетъ, и коренья у себя держитъ ли и людей окормливаетъ, или не окормливаетъ, про то они про все ничего не знаютъ. Во обыску жъ Алатарскаго уѣзду 57 чел. служилыхъ татаръ, 10 чел. мордвы, да Нижегородскаго уѣзду 96 чел. мордвы всего 163 чел. сказали по своей вѣрѣ по шерти: что они за мордвиномъ за Собайкомъ Бѣлевымъ воровства никакого не знаютъ (даже тоже, что показывали другіе Н. П.).

Во обыску жъ 14 чел. Алатарскаго уѣзду служилыхъ татаръ сказали по своей вѣрѣ по шерти, что они за мордвиномъ за

Собайкомъ Бѣлясымъ воровства никакого и кореня отравнаго не знаютъ. Во обыску изъ 25 чел. Арзамасскаго уѣзду деревни Пожарокъ служилыхъ татаръ сказали по своей вѣрѣ по шерти, что мордвинъ Собайко Бѣляевъ воровствомъ никакимъ не промышляетъ и кореня отравнаго у себя не держитъ, то они знаютъ. 162 г. генваря въ 20 д. г. указалъ по тому смыслу мордвина Собайку и женку Анютку изъ тюрьмы свободить съ порукою. Лѣта 7162 г. сентября въ 16 д., по г. т. указу, и по наказной памяти воеводы Прокофія Кузьмича Елизарова да дьяка Степана Чернаго сотникъ стрѣлецкій Иванъ Бабушкинъ прѣѣзжалъ въ Алатарскій, и въ Нижегородскій и въ Арзамасскій уѣзды емскавалъ тутюшними и окольными всякихъ чиновъ людьми большими повальнымъ обыскомъ поны и дьякона по священству, дворяны и дѣтлы боярскими и ихъ прикащики, и старесты, и цѣловальники и крестны по г. т. крестному цѣлованью, а татары и мордвою по ихъ вѣрѣ по шерти: мордвинъ Собайко Бѣляевъ воровствомъ промышляетъ ли и отравное коренье у себя держитъ ли, и людей кореньемъ портитъ ли, и на смерть окормливаетъ ли. И въ прошломъ во 158 г. ок. Пв. Анд. Милославскаго помѣстья Алатарскаго уѣзду села Пожарокъ крестьянкѣ женкѣ Анюткѣ, Илюшкѣ жентѣ Иванова отравное коренье, что у ней вынато онъ Собайко далъ ли; и мужу ея Илюшкѣ давать велѣлъ ли; и—тотъ Илюшка отъ того кореня умеръ, или онъ Собайко такимъ воровствомъ не промышляетъ, и отравнаго кореня у себя не держитъ и людей кореньемъ не портитъ, и на смерть не окормливаетъ. И въ прошломъ во 158 г. женкѣ Анюткѣ Илюшкинѣ жентѣ Иванова, что у ней вынато кореня не давалъ, и мужу ея Илюшкѣ давать не велѣвалъ, и Илюшка умеръ не отъ того кореня, Г. т. х. т. Пронка Елизаровъ Стенька Чернаго челомаъ быють. Въ нынѣшнемъ г., во 162 г. сентябрю въ 8 д. по твоей г. т. грамотѣ изъ Разряда за принцесю твоего г. дьякова Ивана Сѣверова писано къ намъ х. т. по челобитью Алатарскаго уѣзда деревни Пожарокъ мордвина Собайка Бѣльева, а велѣно г., около деревни Пожарокъ Алатарскимъ и Нижегородскимъ и Арзамасскимъ уѣзды обыскать тутюшними и окольными всякихъ чиновъ людьми большими повальнымъ обыскомъ про все именно. И сотникъ Стрѣлецкій Иванъ Бабушкинъ, подавъ намъ х. т. обыскныя рѣчи, за обыскныхъ людей и отцовъ ихъ духовныхъ руками и за своею рукою. И мы

х. т. тѣ обыскныя рѣчи послали къ тебѣ г. къ Москвѣ съ сею отпискою, а отписку г. и обыски велѣли подать въ Разрядъ твоему г. думному дворянину Ивану Афанасьевичу Гавреневу да дьякомъ думному Семену Заборовскому да Григорію Ларіонову да Ивану Сѣверову. (о): 162 г. ноябрю въ 11 день.

Отъ ц. т. въ Нижній в. н. Прокофію Кузьмичу Елизарову да дьяку нашему Степану Чернову. Бить намъ челомаъ Алатарскаго уѣзду, деревни Пожарокъ мордвинъ Собайко Бѣляевъ: въ прошломъ де во 158 г. взятъ онъ на Москвѣ въ разрядъ, а изъ Разряда отосланъ въ Нижній ок. и. П. А. М. помѣстья Алатарскаго уѣзду села Пожарокъ крестьянки вдовы Анютки Илюшкины жены Иванова по поклону въ порчи мужа ея Илюшки, будто она Анютка для порчи мужа своего Илюшки имала у него Собайка отравное коренье. И въ томъ де съ израсномъ поклонѣ съ очныя ставки въ Нижнемъ онъ пыталъ трижды, и огнемъ жжентъ, и пупъ колоченъ, и ребра ломаны, и пята жены и въ томъ де онъ стогорѣ ни въ чемъ не исповатъ, и съ пытокъ на себя не говорилъ; и послѣ де пытокъ въ Нижнемъ вкинуть въ тюрьму и сидѣть въ тюрьмѣ 4-й годъ, помирать голодною смертію, и намъ бы его помаловать велѣть про него Собайка въ томъ воровствѣ, и въ кореньѣ, и въ порчѣ около дер. Пожарокъ емскавъ Алатарскимъ, и Нижегородскимъ, и Арзамасскимъ уѣзды всякихъ чиновъ людьми большими повальнымъ обыскомъ и по смыслу и по обыскамъ, по нашему указу и по соборному уложенію указъ учинитъ. И какъ въ намъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ около дер. Пожарокъ Алатарскимъ, и Нижнимъ городскимъ, и Арзамасскимъ уѣзды велѣли обыскать тутюшними и окольными всякихъ чиновъ людьми большими повальнымъ обыскомъ (даже слѣдуетъ уже повторившейся наказъ о смысѣ Н. Н.).

Г. т. бить челомаъ сирота твой Алатарскаго уѣзду дер. Пожарокъ мордвинъ Собайко Бѣляевъ. Въ прошломъ г. во 158 г. по напрасному поклону того изъ Алатарскаго уѣзду, помѣстья ок. П. А. М. села Пожарокъ крест. его вдовы Анютки Федоровы дочери Илюшкиной жены, взятъ я сирота, твой здѣсь на Москвѣ въ Разрядъ, а изъ Разряда отосланъ въ Нижній Новгородъ передъ ст. передъ князя Петра Алексѣевича Долгорукова да передъ дѣла передъ Ивана Чистого, будто она Анютка ухорила мужа своего кореньемъ, а то де коренье будто она Анютка имала у меня сир. т.; и въ ея напрасномъ поклонѣ съ очныя ставки, я сир. т. пы-

тань трижды и огнемъ сжечь, и пупъ волочень, и ребра ломаны и пята сжени и въ томъ дѣлѣ въ ея напрасномъ поклонномъ оговорѣ я сир. т. не виновать ни въ чемъ, и съ пытокъ на себя ничего не говорилъ; и послѣ г. пытокъ я бѣдный въ Нижнемъ вклинуть въ тюрьму и животъ свой мучу, сижу въ тюрьмѣ 4-й годъ, умираю голодною смертию. Милосердый г. т., пожалуй меня бѣднаго сироту своего, для своего г. Ангела хранителя св. прав. Алексѣя чел. Божія, и для своего ц. многотѣльнаго здоровья, вели г., дать мнѣ въ Нижній Новгородъ къ в. своему г. сыскную грамоту, а по той своей г. грамотѣ, вели г., про меня сир. с. сыскать около дер. Пожарокъ окольными всякихъ чиновъ людьми большими повальнымъ обыскомъ, Алатарскимъ и Нижегородскимъ, и Арзамасскимъ уѣздами, что я с. т. ни за какою враздою не хожу, и людей ни чѣмъ не порчу и не пособлю и не обыскаю, вели г., мнѣ противъ своего г. указу и собраннаго уложения свой цар. указъ учинить, чтобы мнѣ бѣдному безъ вины напрасно сидя въ тюрьмѣ въ конецъ не погинути и голодною смертию не помереть. Ц. г. схилюйся, ю) Г. пожаловать, велѣть дать грамоту и сыскать большимъ показнымъ обыскомъ. 161 г. марта въ 29 д. учинить по повѣстѣ. Лета 7160 хая въ 3 д., по г. т. указу б. князю Борису Александровичу Реннину, да князю Ивану Федоровичу Шековскому, да дьякомъ Василию Ушакову да Ивану Степанову. Въ памяти въ разрядѣ за твоею Ивановой принцессою написано, велѣно выписать ок. Ив. Анд. Милославскаго въ Нижний женка Аютка въ какомъ дѣлѣ пытана и въ тюрьму посажена да та выписъ велѣно прислать въ Разбойный Приказъ; и въ разрядѣ выписано: въ прошломъ во 158 г. ноября въ 24 д., послана г. т. грамота изъ Разряда въ Нижний къ ст. и в. ко князю Петру Долгорукову да къ дьяку къ Ивану Чистово, по челобитью ок. Ив. Анд. Мил., а велѣно въ Алатарскомъ уѣздѣ въ похвѣстѣ его въ дер. Пожарковѣ у чел. его у Баженка Кошова взять въ Нижний женку Аютку и коренье, что у ней вынато и Алатарскаго мордвина Собайка Бѣльева. И тое женку и мордвина велѣно распросить и велѣно ихъ про воровство ихъ пытать накрѣпко, женка Аютка мужа своего Илюшку кореньемъ окормила ль, и по чѣму наученью, и съ кѣмъ она на то воровство мыслила; а мордвинъ такое коренье давно ли у себя держитъ, и кто ему такое злое коренье велѣтъ дерзати, и кого тотъ мордвинъ и женка Аютка такимъ кореньемъ нинѣ на смерть окормили и такимъ

воровствомъ и порчею промышляють давно ль, и съ кѣмъ и кто имины нинѣ ихъ совѣтники, и отъ кого моравитъ на то воровство научень; и до какихъ людей по роспросу то воровство доидеть, и тѣхъ людей велѣно сыскать, и ихъ распрашивать же и съ очи на очи ставить; и про то воровство сыскивать, всякими смысли, чтобы про то воровство доискаться до прима; а по сыску женкѣ Аюткѣ за ея воровство велѣно учинить казнь по г. указу по соборному уложению. И въ прошломъ во 158 ген. въ 14 д., писали ко г. т. изъ Нижняго ст. и в. князь Петръ Долгоруково да дьякъ Иванъ Чистово, что они по г. указу, Алатарскаго уѣзду изъ похвѣстѣ ок. И. А. М. изъ дер. Пожаровки у чел. его у Баженка Кошова женку Аютку Илюшкину жену и коренья остатокъ, что у ней вынато, въ Нижний взяли и противъ г. грамоты и прежнихъ роспросныхъ рѣчей тое женку распрашивали. (Далѣе слѣдуетъ буквально воспроизведение уже извѣстныхъ показаній Аютки и Собайки. Н. Н.)

И та женка Аютка и мордвинъ Собайко посажены въ тюрьму до г. указу. Въ той же княжѣ Петровѣ отпискѣ Долгорукову да дьяку Клементю Патокину написано, что женка Аютка по-прежнему г. указу и по соборному уложению за воровство не казнена, потому что мордвинъ въ томъ кореньѣ и въ воровствѣ съ пытки на себя не говорилъ. Мая въ 4 д. такого памяти въ Разбойный приказъ за принцессою дьяка Григорья Ларионова послана, разрядного приказа съ холодами подачимъ съ Минкою Усовымъ. Лета 7158 г. ген. въ 31 д., по г. т. указу ок. Ивану Андреевичу Милославскому да дьякамъ Герасиму Доктурову да Микитѣ Головкину. Велѣли имъ дати Московскимъ стрѣльцамъ Осипова Приказу Костяева Иванку Игнатѣеву, да Осидѣ Микитину отъ Москвы до Володимера и назадъ до Москвы подводы по указу, посланы въ провожатыхъ за колодинкомъ за мордвинкомъ Собайкомъ Бѣлевымъ съ сыномъ боярскимъ съ Васькомъ Евскимъ.

Г. т. х. т. Петрушка Долгоруково Клишко Патокинъ челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ г. во 158 г. февраля въ 8 д. въ твоей г. т. грамотѣ изъ Разряда за принцессою твоего г. дьяка Григорья Ларионова писано къ намъ х. т. и присланъ съ Москвы въ Нижний съ сыномъ боярскимъ Васильемъ Евскимъ Алатарскаго уѣзду дер. Пожарокъ мордвинъ Собайко Бѣльева для подлинного сыску и допросу съ женкою Аюткою Илюшкиною женою, которая г. взята въ Нижний, Алатарскаго уѣзду изъ вотчины твоего г.

ок. П. А. М. изъ дер. Пожарковки, что окормила мужа своего кореньемъ до смерти; а велѣти бѣ г. намѣ х. т. по прежней и поныѣнней твоимъ г. грамотамъ тое жену Анютку и морд. Собайку роспросити и съ очи на очи ставить и про то воровство пытать ихъ при себѣ накрѣпко (слѣдуетъ уже извѣстный наказъ, о чемъ пытать, и показанія Анютки и Собайки. Н. Н.). Да по твоей же г. другой грамотѣ, какова прислана къ намѣ х. т. съ сыномъ боярскимъ съ Васильемъ Евсеемъ, по нашей х. твоимъ отпискѣ, велѣно г. намѣ Алаторскаго уѣзду дер. Пожарокъ, мордву Пыресска Оленина, да Бичюрка Еханова, да мордву изъ Лаштанка да Поношка съ товарищи 5 чел. взять изъ Нижній и за ихъ воровство тое мордву Пыресска Оленина да Бичюрка Еханова, что они пристава и стрѣльцовъ хотѣли побить и мордвиную Бѣлякову жену и дѣтей у пристава отняли, велѣти бѣ бити кнутови; а мордву изъ Лаштанка да Поношка съ товарищи 5 чел. за ту же вину велѣти бѣ бити батоги, чтобъ г. на то смотря инымъ не покладно было такъ воровать. А учиня г. ихъ мордвѣ наказанье отпустити бѣ по домамъ. И мы х. т. въ Алаторскій уѣздъ, въ мордовскую дер. Пожарки по мордву по Пыресска Оленина съ товарищи послали изъ Нижняго сына боярскаго Клементя Мошенскаго да съ нимъ стрѣльцовъ. И сынъ боярскій Клем. Мошенскій, прѣхавъ въ Нижній, подать въ слѣзжей наѣбъ намѣ х. т. доѣздную память за рукою, а въ доѣздной г. его памяти написано, что онъ Клем. съ стрѣльцами тое мордву въ Мордовской дер. Пожаркахъ не изѣхали, а въѣстоде тое мордвы, женъ ихъ и дѣтей тое изъ дер. мордва Баушко Годанковъ, за Мануйко да Мечаско Гавриловъ, да Елачко, да Четырко, да Василько Богдановъ, да Боярко Исаевъ, да Казачко Лакштановъ съ товарищи, собрався со многими людьми съ ружьемъ, и съ саблями, и съ рогатинами, и съ бердыши, взять не дали и твоему г. указу учинились сильны. И мы х. т. для тое мордвы Пыресска Оленина съ товарищи послали въ третья сына боярскаго изъ Тимоея Макарьева съ стрѣльцами изъ. А женкѣ Анюткѣ за ея воровство, что она мужа своего кореньемъ окормила по твоему г. указу и по соборному уложению, каковъ присланъ подъ твоею г. грамотою до твоего г. указу казни не учинено, потому что г. женка Анютка въ томъ зломъ кореньѣ, которымъ мужа своего окормила, говорить на мордвина на Собайку Бѣляева впрямъ, что дать то коренье ей Анюткѣ мордвинъ Собайко;

а морд. Собайко противъ женкиныхъ Анюткиныхъ роспросныхъ рѣчей во всемъ томъ заирается: такого де коренья той женкѣ Анюткѣ не даивалъ и того г. воровства до прхая сыскать намѣ х. т. не чѣхъ. И мы х. т. ту женку и мордвина до твоего г. указу велѣли посадить въ тюрьму, и о томъ какъ ты г. намѣ х. с. указеши. (Об.) 158 г. мая въ 16 д. Отъ п. т. по городамъ воев. нашихъ и приказнымъ людямъ. По нашему указу послать съ Москвы въ Нижній сынъ боярскій Василій Евсѣй, а съ нимъ послать колодникъ Алаторскаго уѣзда мордвинъ Собайко Бѣляевъ, а для провожанія за тѣмъ колодникомъ послано до Володимера Московскихъ стрѣльцовъ 2 чел., а изъ Володимерѣ и въ иныхъ городахъ велѣно за тѣмъ колодникомъ...—и на которые города сынъ боярскій Вас. съ тѣмъ колодникомъ изъ Володимера ѣхать, и въ бѣ в. п. и приказные люди Василью Евсѣю за тѣмъ колод. до Нижняго довести провожатыхъ по езд. прич. что бѣ того колодника до Нижняго довести безстрашно. Писанъ на Москвѣ лѣта 7158 г. генваря въ 31 д.

Лѣта 7158 г. ген. въ 30 д., по г. т. указу ок. Ивану Андреевичу Милославскому да дякомъ Герасиму Дохтурову да Микитѣ Головинну велѣти изъ дать сыну боярскому Василью Евсѣю отъ Москвы до Нижняго и назадъ до Москвы да подъ кол. подъ морд. подъ Собайку Бѣляева отъ Москвы до Нижняго подводны по указу.

Отъ п. т. въ Нижній ст. п. и в. князю Петру Алексѣевичу Долгорукову да дяку нашему Клем. Патокину.

Писали мы къ намѣ, что по челобитю ок. и. И. Ал. Милославскаго изъ поместья его Алаторскаго уѣзда изъ дер. Пожарковки женка Анютка Поношкина жена въ Нижній взята, что она мужа своего окормила кореньемъ; а Мордвинъ Собайко Бѣляевъ, который женкѣ Анюткѣ коренье давалъ, въ Мордовской дер. Пожаркахъ не сысканъ и въ Собайкино мѣсто велѣли вы приставомъ взять въ Нижній жену его и дѣтей, и тое же дер. Пожарокъ мордву Пыресска Оленина съ товарищи пристава и стрѣльцовъ хотѣли побить до смерти, и Собайкову жену, и дѣтей отбили, и намѣ бы о томъ о всемъ велѣти указъ учинить. И Алаторскаго уѣзду дер. Пожарокъ мордвинъ Собайко Бѣляевъ сысканъ на Москвѣ и по нашему указу тотъ мордвинъ Собайко для подлиннаго сыску посланъ въ Нижній съ сыномъ боярскимъ съ Васильемъ Евсѣемъ. И намѣ Василій Евсѣй съ мордвиномъ

Собайкомъ Бѣлевичъ къ вамъ въ Нижній прїѣдетъ, и вы съ женку Анютку и мордвина Собайку спросили и съ очи на очи ставили, и то воровство ихъ сыскивали всякими смысли накрѣпко по прежнему нашему указу. Писанъ на Москвѣ лѣта 7158 г. генваря въ 31 день.

Лѣта 7158 г. декабря въ 19 д., по г. т. указу и по наказу ст. и в. князя Петра Алексѣевича Долгорукова да дѣла Иванъ Чистого Нижегородскій пристава Иванко Барой, да стрѣльцы Иванко Васильевъ, да Нилко Гурьевъ, да Стенька Васильевъ, да Тимошка Бириляктъ, да Андрюшка Бочкаревъ, да Аоонька Микифоровъ, да Куземка Семеновъ, да Оничка Емельяновъ, да Андрюшка Оверкиевъ, да Юнка Васильевъ ѣздили въ Алатарскій уѣздъ въ мордовскую деревню Пожарки для оговорнаго мордвина Собайка Бѣлева, а велѣно его Собайку по г. указу взять, а животоу его переписать и дворъ запечатать и приказать беречь тутешнимъ людямъ до г. указу. И его мордвина Собайка Бѣлева дома не излѣхали, а жена его и дѣти сказали, что онъ Собайко пошелъ къ Москвѣ. И мы по г. указу взяли его Собайкову жену и дѣтей и животоу его почали переписывать, и тое деревни мордва Пыреско Олевинъ, да Бичурка Емановъ да Лаштанко да Панюшко съ товарищи всею дер. Пожарками г. указу не послушали, и собрався многими людьми съ луки, и съ рога-тины, и съ топорами, пришли къ тому Собайкову двору, насъ осадили и держали заперши въ избѣ сѣтки, и хотѣли побить до смерти; а того мордвина животоу переписать и двора запечатать не дали, а жену и дѣтей отбили; а въ попыткахъ были Алатарскаго уѣзду Никольскій пономъ Василій Мокѣевъ, да Нижегородскаго уѣзда б. Бориса Ивановича Морозова вотчинныи его села Сергача крестьяне Григорій Кондратьевъ сынъ Сметанинъ, да Симонъ Амосовъ, да Микифоръ Паросеневъ, да Василій Леонтьевъ, да Исай Ивановъ, да Нижегородскаго уѣзда дер. Анкузовы мордвинъ Анемай Имаевъ (о:) 158 г. декабря въ 23 д., подать г. Иванко Бара. Взяти къ дѣлу. Лѣта 7158 г. генваря въ 30 д., по г. т. указу б. Ильѣ Даниловичу Милославскому да дѣлакъ Дмитрію Жеребильову да Григорію Кунакову; велѣти прислать въ Разрядъ къ дѣлакъ 2 чел. стрѣльцовъ, по г. указу послати ихъ до Володимера въ провозахъ за колодникомъ. Лѣта 7158 г. генваря въ 30 д., по г. т. указу память ст. князю Василью Богдановичу Волковскому, да дѣлакъ Савѣ Самсонову, да Семену

Ключарову; прислати въ Разрядъ къ дѣлакъ холопья приказу сына боярскаго послати съ нимъ въ Нижній колодника. Присланъ Василій Евскій.

Г. т. х. т. Петрушка Долгорукий Иванко Чистого челомъ бѣють. Въ числѣннѣхъ г. во 158 г. декабря въ 16 д. въ твоей г. т. грамотѣ изъ Разряда за приписью твоего г. дѣла Григорія Ларионова писано къ намъ х. т., по челобитію твоего г. ок. Ивана Андреевича Милославскаго велѣти бѣ г. намъ въ Алатарскіи уѣздѣ ок. въ Ивановѣ помѣсть Андреевича Милославскаго, въ дер. Пожаровѣ у чел. его у Боженька Концова женку Анютку Ильиницу жену, которая окормила мужа своего Ильюшку кореньемъ до смерти и того коренья остатокъ, что у ней вынято, и Алатарскаго морд. Собайка Бѣлева взять къ себѣ въ Нижній, и тое женку и морд. спросити, и про то воровство велѣти бѣ ихъ шатать при себѣ накрѣпко (слѣдуютъ показанія Анютки и Собайки. II. II.).

А въ Алатарскій г. уѣздъ въ Мордовскую дер. Пожарки по морд. по Собайка Бѣлева послали изъ Нижняго Нижегородскаго пристава Иванко Семенова сына Бару да съ нимъ 10 чел. стрѣльцовъ, а велѣли г. мордвина Собайка взять привести въ Нижній Новгородъ съ собою въѣзди, а дворъ и животоу Собайковыи велѣли переписать запечатать и беречь тутешнимъ и ок. людямъ съ порукою до твоего г. указу; А будетъ г. того морд. не излѣдуть или ухоронится, и въ хордвинноу Собайково мѣсто велѣли взять жену и дѣтей его, и потому жъ привести ихъ въ Нижній съ собою въѣзди. И декабря г. въ 23 д. пристава Иванко Бара съ стрѣльцами подать намъ х. т. въ сѣзжей избѣ, прїѣхавъ изъ уѣзду доѣзду своего памяти за рукою Алатарскаго уѣзду Никольскаго пона Василья Мокѣева и за своими руками, а въ доѣздной г. ихъ памяти написано: морд. де Собайка Бѣлева не излѣхали, а въ его мѣсто взяли было жену и дѣтей его и тое жъ де г. дер. Пожарокъ мордва Пыреско Олевинъ съ товарищи, твоего г. указу не послушали, учинились сильны, а пристава и стрѣльцовъ хотѣли побить до смерти, а мордвина Собайкову жену и дѣтей у нихъ отбили. И тое г. доѣздную память послали мы х. т. къ тебѣ г. къ Москвѣ подъ сею отпискою, а велѣли г. отписку и доѣздную память подать въ Разрядъ твоимъ г. дѣлакъ, думному Ивану Гавреневу да Григорію Ларионову. А женки Анютки за ея воровство, что она окормила мужа

своего кореньемъ не—ставя на очную ставку съ мордвиномъ съ Собайкомъ Бѣзлевымъ поимать для подлиннаго сыску, чтобъ г. такое воровство сыскать до пряма, и по твоему г. указу и по соборному уложению тое жежки Анютки казнить не смѣли, потому г., что мордвинъ Собайко не сысканъ. И о томъ какъ ты г. т. намъ х. своимъ указеши. (О:) 158 г. генваря въ 14 д. Г. указалъ мордвина послать для подлиннаго сыску и очной ставки въ Нижний на подводѣ и съ провожатыми. Въ г. т. указѣ и въ соборномъ уложеньѣ 157 г. написано: будетъ жена учинить мужу своему смертное убийство, или окормить его отравою, а същется про то до пряма, и ее за то казнить: живу оконати въ землю и казнить ее такою казнью безо всякия пощады, хотя будетъ у убитаго дѣти или иные кто ближніе роду его того не похотятъ, чтобъ ее казнить, и ей отнюдь не давати милости и держати ее въ землѣ до тѣхъ мѣстъ, покажется она умереть. Лѣта 7158 г. генваря въ 31 д., по г. т. указу память б. князю Ивану Никитичу Хованскому да думному дьякону Богдану Оседоровичу Нарбѣнову, да дьякомъ Ивану Патрикѣеву, да Артемью Хватову: велѣти имъ дать на кормъ Московскимъ стрѣльцамъ Осипова приказу Костяева, Иванку Игнатьеву, да Оседѣ Микитину на 5 дней по 4 денги на день; быти имъ въ провожатыхъ до Володимера за колодникомъ съ сыномъ боярскимъ съ Василькомъ Евекимъ. Г. Ивану Андреевичу бьетъ челомъ сирота твоей Алатарскаго уѣзду, твоего г. помяты Пожаровскія мельницы крестьянинъ Иванко Ивановъ, твоей же г. Пожаровскія мельницы на крестьянку, а на сзюу сноху на Анну, въ прошлыхъ г. во 157 г. августа въ 17 д., учинилось надъ братомъ моимъ надъ Ильею скорая поругательная смерть отъ отравы, а сказать мнѣ братъ мой, что ему та отравы отъ жены его, а отъ моеи снохи Анны. А дала де мнѣ жена моя нѣкъ какого коренья похлебать во штахъ, и какъ де тѣхъ штей похлебать и меня де почало рвать. И тотъ братъ мой узнался, что ему отъ тое отравы умереть, велѣлъ къ себѣ призвать отца духовнаго, чтобъ его сповѣдати и причастить. И брата моего Илью исповѣдывалъ и причещалъ помя. Василій. И какъ его причастилъ при смертномъ часу и почалъ отходить свѣта сего, и у брата моего отъ тое отравы главу противъ теменю разорвало, и очи выломало вонъ, и уста изервало въ 10 мѣстахъ, и утробу разорвало, и на стогнахъ кожу во многихъ мѣстахъ изервало, а муки ему было одинъ день отъ утра до ве-

чера. А какъ его тотъ помя Василій его отецъ духовный исповѣдывалъ и онъ въ исповѣди сказать, кто его такимъ кореньемъ окормилъ; а мнѣ братъ мой сказать, что его жена его Анна. Смилуйся г. Иванъ Андреевичъ! покалуй меня сироту своего, вели г., протакую поругательную отравную брата моего смерть сыскать и тое сноху мою распросить, какими она кореньемъ брата моего окоржила, и кто ей такое коренье давалъ, и съ кѣмъ она о такомъ дѣлѣ умышляла. Г. смилуйся, покалуй. 158 г. октября въ 6 д. ок. Ивана Андреевича Милославскаго приказный человекъ Баженко Кондонъ да выборный крестьянинъ Иванъ Елистратьевъ, да староста Одеръ Григорьевъ да цѣловальникъ Семенъ Ивановъ, по челобитью крестьянина Иванка Иванова велѣли поставить передъ собою идому Анютку Ильину жену и расспрашивали: ты ли окоржила и отравное коренье давала мужу своему, и сколь долго мужъ твой такой скорбью скорѣлся, и гдѣ ты такое коренье взяла и съ кѣмъ умышляла. И Анютка въ допросѣ сказала:—мужъ де мой умеръ волею Божіею, а смерть де ему случилася скорая, съ утра занемогъ, а къ вечеру и умеръ, а болѣзнь де ему была рвота великая, только де я ему канзакое коренья отравнаго не давала, и мужа своего не окармливала, и о такомъ дѣлѣ ни съ кѣмъ не думала. И деверь ея Иванко сдѣлся изъ виноватыхъ на пона Василія брата своего Ильи на отца духовнаго. Какъ де онъ помя Василій брата моего Илью въ такой поругательной и отравной болѣзни поновлялъ и причещалъ, и онъ де отъ тое отравной болѣзни рвоту и скорбь брата моего видать, и въ исповѣди ему сказать, что окоржила де меня жена моя Анна, въ томъ де я на пона шлюся. И та Анютка мужа своего Ильи на отца духовнаго на пона Василія сдѣлала изъ виноватыхъ: будетъ де помя Василій сказать, что мужъ мой ему въ исповѣди сказать отходя сего свѣту, что окоржила я, и въ моеи де голови г. воленъ да г. мой ок. Иванъ Андреевичъ.

И того же числа сталъ переть приказнымъ человекомъ передъ Баженкомъ Кобиновымъ, да переть выборнымъ крестьяниномъ, и передъ старостою и цѣловальникомъ помя Василіемъ Монкѣевъ Ильи Иванова отецъ духовный сказалъ: Ильи де Ивановъ мнѣ сынъ духовный, а при смерти де поновлялъ и причещалъ его я; и онъ де мнѣ въ исповѣди сказать, что рвота ему и скорбь такія учинилася отъ отравы жены его Анны, а дала де мнѣ похлебать во штахъ не вѣдомо какого коренья, и какъ де я тѣхъ

штей похлебать, и меня де и начало рвать; и язъ де не вѣрилъ и на иныхъ многихъ только де они тому дѣлу не виноваты"; а на кого де держать пѣфрку,—и мнѣ про тѣхъ людей пияны не сказать; только сказать въ той отравѣ на жену на свою на Анну; да и то мнѣ говорилъ: „будетъ де отъ г. моего ок. Ивана Андреевича про мою грѣшную смерть сыскъ будетъ, и я де батюшка подлинно умираю отъ отравы жены своей“. И какъ сынъ мой началъ отходить, и язъ де его при смерти причастил, и какъ де онъ принялъ тѣло и кровь Господа нашего Иисуса Христа, и почалъ отходить съѣта его и, унего де противу темни голову разорвало, и очи вышло вонъ, и уста изорвало во многихъ мѣстахъ, и утробу разорвало и на стегнахъ кожу во многихъ мѣстахъ отрывало листьями, а только де онъ живъ былъ 1 день. И того жъ числа приказанъ чел. Бажено Кононовъ, да выборный крестьянинъ, и староста, и цѣловальникъ, противъ сказки мужа ея отца духовнаго поном. Василия, тое женку постращали кнутомъ и распрашивали: ты ли окоряла мужа своего, и какое ты коренье давала, и въ чемъ давала, и сама ли ты то коренье знаешь или кто тебѣ такое коренье давалъ. И та женка Анютка повинилась и въ роспросѣ сказала: грѣхъ де мой, окоряла де мужа своего я; а прошила де и коренье во шти, а давала де мнѣ то коренье мордвинъ Собайнъ Бѣляевъ, что живеть на Пожаркахъ Мордовскихъ; а сказать де мнѣ про то коренье отъ любви, „какъ де мужъ твой похлебаеть, и съ того коренья во вѣки тебя станеть любить“. И я де, по его приказу то коренье ему во шти прошила; а просила де я у него Собайнъ того коренья, чтобъ жени мужъ мой любилъ, а не для того, чтобъ его окорить. И какъ де онъ съ того коренья штей похлебаеть, такъ де его и начало рвать и смерть ему случилось отъ тое рвоты, и за мной де грѣхъ въ моей голодѣ г. волеть да г. мой ок. Иванъ Андреевичъ. И допросили тое женку: остался ли у тебя того коренья, чѣмъ ты окорили мужа своего. И та женка Анютка сказала у себя въ избѣ законано въ углахъ въ дву хѣстахъ коренье; и то коренье по ея сказкѣ вынато въ дву хѣстахъ; а какое коренье, того не вѣдомо. И то коренье запечатано, а тое женку Анютку вѣлено беречь до указу ок. Ивана Андреевича. Ц. т. быть челомъ х. т. Иванко Милославскій. Въ шибѣнемъ г. во 158 г. въ ноябрѣ, писать ко мнѣ х. т. изъ Нижегородской моей деревнишки человека мой Бажена Кононовъ, и при-

сказать сыскъ и роспросныя рѣчи крестьянки моей, Алатарскаго уѣзда Пожарковской мельницы Анютки Ильонкиной жены, а въ тѣхъ г. ея роспросныхъ рѣчахъ написано, что она окоряла мужа своего кореньемъ, и отъ того мужъ ея умеръ злою смертию; а того г. коренья, что у ней было въ остаткѣ, и то коренье у ней вынато; а взяла де г. она то коренье у Алатарскаго мордвина; и инѣ г. та женка Анютка сидитъ за сторожами въ Алатарской моей деревнишки, и то коренье, которое у ней взяли, чѣмъ она окоряла мужа своего въ Алатарской моей деревнишкѣ за печатью человека моего, Милосердый г. т. покалуй меня х. с. вели г., тотъ сыскъ, и роспросныя ея рѣчи, и тое женку и коренье, чѣмъ она мужа своего окорили, изъ Алатарской моей деревнишки вытъ въ Приказъ, гдѣ ты г. указешь. Ц. г. смилуйся покалуй. (О.) 158 г. ноябри въ 23 д. г., пожаловалъ, велѣть сыскъ, се и коренье вытъ въ Нижний въ Разрядъ въ ст. князь Петру Алексѣевичу Долгорукову и се питати накрѣпо въ воровствѣ; и у кого то коренье взяла, и мужа и иныхъ прѣкъ его не портила ли, и учинить о томъ указъ во шибѣшему уловоенью. Отъ п. т. въ Нижний Новгородъ ст. нашему и в. князю Петру Алексѣевичу Долгорукову да дьяку нашему Ивану Чистову. Бытъ намъ челомъ ок. нашъ Иванъ Андреевичъ Милославской, писалъ де къ нему изъ Нижегородской его дер. человекъ его Бажено Кононовъ: что Алатарскаго уѣзда Пожарковской мельницы, женка Анютка Ильонкина жена окорили мужа своего кореньемъ, и отъ того мужъ ея умеръ злою смертию, и того коренья остатокъ вынато у ней; а взяла де она то коренье у Алатарскаго мордвина,—и инѣ де та женка Анютка сидѣтъ за сторожами въ его Ивановѣ похѣтѣ; и коренье, которое у ней вынато, чѣмъ она окорили мужа своего, въ Алатарской же его деревнѣ. И какъ въ намъ ся наша грамота придетъ, и вы бѣ въ Алатарскомъ уѣздѣ ок. нашего въ Ивановѣ похѣтѣ Андреевича Милославскаго, въ дер. Пожарковскѣ у чел. его у Бажена Кононова женку и коренье, что у ней вынато, и Алатарскаго мордвина Собайнъ Бѣляева, велѣли изити къ себѣ въ Нижний, и тое женку и мордвина роспросити и про то воровство ихъ велѣли питати при себѣ накрѣпо; жена Анютка мужа своего Ильонку тѣмъ кореньемъ окорили ли, и почему на ученью, и съ чѣмъ она на то воровство мыслила; а мордвинъ такое коренье давно ли у себя держитъ, и кто ему такое злое коренье велѣлъ держать, и кого

тотъ мордвинъ и жена Анютка такимъ корешемъ иныхъ на смерть окормили, и такимъ воровствомъ и порисомъ промышляютъ, и кто изъ нихъ иные ихъ совѣтники, и отъ кого мордвинъ на то воровство наученъ. И до какихъ людей по роспросу то воровство дойдетъ, и вы бы тѣхъ людей велѣли сыскати и ихъ роспрашивали жъ, и съ очей на очи ставили, и про то воровство сыскивали великими сыски пѣрѣбко, чтобъ того воровства доискаться до прима, а по сыску своему женѣ Анюткѣ за ся воровство учинили казнь по нашему указу и по соборному уложению да о томъ о всемъ къ намъ отписали. Писанъ на Москвѣ лѣта 7158 г. ноябрю въ 25 день,

6. Лѣта 7158 г. июня въ 22 день, по г. ц. и в. к. А. М. в. Р. указу память князю Ивану Наумовичу Примякову Ростовскому, да Якову Ивановичу Загряскому, да дьякомъ Максиму Лихачеву, да Петру Михайлову. Въ панѣшнемъ во 158 г. июня въ 21 д., были челоуѣ г. т. белине Кузьма Маринъ съ товарищи 8 чел., а въ челобитной ихъ написано: ѣхали они на г. службу изъ Пошехонскаго уѣзда въ Одоу и на Москвѣ де за Никитскими вороты за земляныхъ городомъ померли у нихъ надежные лошади многи. И по г. т. указу князю Ивану Наумовичу Примякову Ростовскому, да Якову Ивановичу Загряскому, да дьякомъ Максиму Лихачеву, да Петру Михайлову, велѣти тѣ надежные лошади за земляныхъ городомъ подати законати въ землю, чтобъ отъ тѣхъ надежныхъ лошадей на лошади и на животину повѣтрія и великаго дурна не навесло. У Кузьмы Марина пали 3 мерина: рысь, мухортъ, каръ. Груды, и горла, и пуздро роспухли; да меринъ гнѣдь ходитъ боленъ; груды роспухли. У Ивана Тарбѣева пали 2 лошади: конь соврастъ да конь буръ. Были на дворѣ на Козьмѣ болотѣ, Новой Никитской слободы, у тяглена у Тихошки Денисова; вывезены за земляной городъ; да меринъ каръ ходитъ на груды опухло. У Ивана Завалинина пали 2 лошади: меринъ буръ да конь пѣгъ. Были на Козьмѣ болотѣ у Тихошки Денисова на дворѣ; кожа снята, вывезена за земляной городъ; да конь рысь да меринъ каръ ходитъ боленъ; пуздро роспухли. У Осипа Пушнина меринъ мухортъ палъ. У Микиты Свитина меринъ рысь палъ, да меринъ соврастъ ходитъ; пуздро опухло. У Александра Тарбѣева конь соврастъ да меринъ буръ ходитъ; груды опухли. У Прокофья Мещерякова 2 мерина буры ходятъ. У Тимофея Марина конь рысь ходитъ; на груды опухло; да 3 мерина,

2 соловы, 3-й гнѣдь ходитъ. И всего у белинъ у Кузьмы Марина съ товарищи по досмотру пало 9 лошадей. А въ остаткѣ коней и мериновъ у нихъ и съ больными 13 лошадей. И бояре Иванъ Васильевичъ Морозовъ, да Василий Петровичъ Шереметьевъ, да ок. Борисъ Ивановичъ Пушнинъ, да думный дьякъ Семенъ Заборовскій противъ челобития белинъ Кузьмы Марина съ товарищи велѣли тѣхъ ихъ надежныхъ лошадей досмотрѣти. А по досмотру у белинъ за Никитскими вороты за землянымъ городомъ.

158 г. июня въ 21 д., были челоуѣ г. т. белине Кузьма Маринъ съ товарищи 8 чел., а въ столовой, боярамъ Ивану Васильевичу Морозову, да Василию Петровичу Шереметьеву, да ок. Борису Ивановичу Пушнину, да Думному дьяку Семену Заборовскому подали челобитную, а въ челобитной ихъ написано: Ц. т. быють челоуѣ к. т. белине Пошехонскіе помѣщики, Волскія волости Кузьма Михайловъ сынъ Маринъ, Иванъ Козариновъ сынъ Тарбѣевъ, Иванъо Примочъ сынъ Завалининъ, Осипъ Левантьевъ сынъ Пушнинъ, Микитка Григорьевъ сынъ Свитинъ, Александръ Ивановъ сынъ Тарбѣевъ, Тихонка Борисовъ сынъ Маринъ, Прошка Писковъ сынъ Мещеряковъ. Сказано намъ х. т. быти на твоей г. службѣ въ Одоу въ пошу съ ст. и в. съ Борисомъ Ивановичемъ Плещеевымъ, и мы х. т. по твоему г. указу, шли на твою г. службу съ запасенки и съ дошальми. И пришли мы х. т. къ Москвѣ и стали за Земляныхъ городомъ; и волею Божьею, а нашимъ грѣхомъ, тѣ наши ключечки пали все безъ остатку, и мы х. т. стали пѣши; у меня Кузьмына дорогою и здѣсь пало 6 лошадей; а у меня Ивана Тарбѣева 3 лошадей; у меня Ивана Завалинина 3 коня, да 2 мерина; а у меня Осипа Пушнина 2 лошади; а у меня Микитки Свитина 3 лошади; а у меня Александра 2 лошади; а у меня Тихошки Марина 5 лошади; а меня Прошки Мещерякова 3 лошади. Милосердый г. т. пожалуй насъ х. с., вели г. тѣхъ лошадей досмотрѣти и записать, чтобъ намъ х. т. отъ тебя г. по пѣтямъ въ оналѣ не быти, а на твою г. службу намъ х. т. ѣхати не начемъ и запасенковъ везти не начемъ. Ц. г. смилудей пожалуй.

Ц. т. быють челоуѣ х. т. белине пошехонскаго уѣзда, Волскіе помѣщики Кузьма Михайловъ сынъ Маринъ съ товарищи 8 чел., Пришли мы х. т. на твою г. службу къ Москвѣ, а съ Москвы намъ ѣхати на твою г. службу въ Одоу; и пошъ Московую у

наст. х. т. у Земляного города лошадишка наши попадали вѣи, и намъ х. т. на твою г. службу ѣхать стало не начесть, стали иѣши. Милосердый г. т. пожалуй насъ х. с. вели г. намъ отвести дворы, гдѣ бы намъ постоять и запасашка свои сложить до твоего г. указу, чтобъ намъ стоя на полѣ съ ковецъ не погнѣуть, потому что намъ на твою г. службу брестъ нѣтъ не на чемъ. Ц. г. смилуйся пожалуй (О:) 158 г. іюня въ 24 д. г. пожаловать, велѣть отвѣсть Земскаго двора изъ дворянскихъ изъ порозакихъ дворовъ 2 двора постоять для запасау.

7. Г. н. и в. к. М. О. в. Р. бѣть челоу х. т. Мосальскихъ козаковъ атаманъ Павликъ Долгой. Жалоба г. мѣ х. т. Мосальскихъ козаковъ на Ясаула на Тита Осипова да на вдову Осиповскую жену на Ульяну Игнатову дочь: въ нынѣшнемъ г. во 149 г. октября въ 18 д. вышелъ я х. т. на торгъ и тотъ Титъ Осиповъ пришелъ ко мнѣ съ Никольскимъ попомъ съ Богданомъ да съ мосальскимъ козакомъ Алексѣемъ Мартыновымъ да ок. князя Андрея Оедоровича Литвинова Мосальскаго съ крестьяниномъ съ Мотосемъ Екимовымъ, по ся Ульянину умыслу и по на ученю, и стать мнѣ тотъ Титъ говорить: сказали де мнѣ Титу, что сватался де ты Павелъ за сына своего у Мосальскаго козака у Ивана Минина за дочь за дѣвку, и боянѣмъ судомъ сосватался де я Титъ за сына своего у того у Ивана Минина за дочь, и рился тому похваляется де твоя жена и дѣти твои на меня на Тита и на сына моего и на ту Иванову дочь на дѣвку порчею; и я х. т. и женишка моя и дѣтишка мои никакія порчи—не знаею, и на него на Тита и на его сына и на Иванову дочь порчею не похвалялись, тѣмъ г. бездѣлѣмъ не промышляемъ. Милосердый г. т. пожалуй меня х. с. вели г. того Никольскаго попа Богдана да козака Алексѣя Мартынова да крестьянина Матосея Екимова въ томъ словѣ допросить, какъ тотъ Титъ мнѣ х. т. на торгу при нихъ говорили, что будто женишка моя и дѣтишка на него на Тита и на сына его и на ту Иванову дочь похвалялись порчею; и велели г. того Тита поставить со мною съ очей на очи и въ томъ словѣ довести или свести. Ц. г. смилуйся, пожалуй.

Г. т. х. т. Оетка Карповъ челоу бѣть. Въ нынѣшнемъ г. во 149 году генваря въ 20 д. билъ челоу тебѣ г. т. мосальскихъ козаковъ атаманъ Павликъ Долгой мосальскихъ же козаковъ на Ясаула на Тита Осипова да на вдову Осиповскую на

Ульянку, а комѣ х. т. въ Сѣбзкую избу тотъ атаманъ Павликъ Долгой принесть челобитную за отца своего духовнаго рукою, а въ челобитной его написано: въ нынѣшнемъ де во 149 г. окт. въ 18 д. вышелъ де онъ Павликъ на торгъ и тотъ де Титка пришелъ де къ нему Павлику съ Никольскимъ попомъ съ Богданомъ да съ Мосальскимъ козакомъ съ Алешкою съ мартыновымъ да ок. к. Ав. Оед. Литв. Мосальскаго съ его съ крестьяниномъ съ Матюшкою Екимовымъ, по ся де Ульянину умыслу и по наученью говорилъ де ему Павлику: сказали де мнѣ Титку, что похваляется твоя жена и твои дѣти на меня на Титка и на сынишка на моего порчею; да въ той же г. его челобитной написано, что того Никольскаго попа Богдана да козака Алешку Мартынова да крест Матюшку Екимова въ томъ словѣ допросить, какъ де тотъ Титка ему Павлику на торгу при нихъ говорилъ, что жена его и дѣти на него на Титку и на сына его похвалялись, и того Титка поставить съ нимъ Павликомъ съ очей на очи, и въ томъ словѣ довести или свести. И я х. т. того Никольскаго попа Богдана и коз. Алешку Мартынова да крест Матюшку Екимова допрашивалъ и того Титка ставить съ нимъ Павликомъ съ очей на очи, и въ томъ словѣ того Титка спрашивалъ, и того Ник. попа Богдана да козака Алешку Мартынова и крестьянина Матюшки Екимова, и того Титкова распрощанья рѣчи и ту его Павликову челобитную послать я х. т. къ тебѣ г. т. въ Москвѣ, подклея подъ ея отписку; а тотъ атаманъ Павликъ да Ясаулъ Титка да вдова Ульянка въ томъ дѣлѣ дана на поруки съ записями до твоего г. указу, и о томъ г. мнѣ х. с. какъ укажешь.

149 г. генваря въ 23 д. сказалъ въ роспросѣ въ Мосальску въ сѣбзкой избѣ в. Оедору Леонасьевичу Карпову староста поповский города Мосальска Никольскій попу Богданъ по свидѣтельству: въ нынѣшнемъ во 149 г. окт. въ 18 д. говорилъ казачій Ясаулъ Титъ Осиповъ на торгу атаману Павлу Долгому отвѣдчи отъ людей при мнѣ Ник. попу Богданѣ да при козака при Алексѣѣ Мартыновѣ да ок. князя Он. Оед. Литвинова Мосальскаго при кр. при Матѣѣ Екимовѣ, что похваляется де Павелъ твоя жена и дѣти твои, какъ де прѣдутъ потѣжане съ сыномъ съ моимъ, увидишь де, что надъ ними будетъ; и Павелъ сталъ у Тита спрашивать: „кто де тебѣ Титъ про то сказывалъ, что жена моя и дѣти такъ похвалялись?“ И Титъ ему Павлу только

сказать против того, какъ де учинится надъ похвѣзаны и надъ сыномъ моимъ какое дурно, и я Титъ тогда де тебѣ Павлу скажу того чел., при комъ твоѣ жена и дѣти похвалялись? „А того Титъ не сказалъ, что чѣмъ Павлова жена и дѣти похвалялись. Я поплъ Богданъ, сказалъ и руку приложилъ. Тогожъ числа сказалъ въ роспросѣ въ сѣзской избѣ в. Оедору Аонасьевичу Карпову Мосальскій козакъ Алексѣя Мартыновъ: въ нынѣшнемъ де во 149 г. окт. въ 18 д. говорилъ ясауль Титъ Осиповъ на торгу атаману Павлу Долгому отведи отъ людей при Никольскомъ поплѣ Богданъ да при мнѣ Алексѣя да при кр. при Мат. Екимовѣ, что похваляется де Павелъ твоѣ жена и дѣти твоѣ, какъ прѣдутъ похвѣзаны съ сыномъ моимъ, увидишь де, что надъ ними будетъ“. И Павелъ сталъ у него у Тита спрашивать: кто де тебѣ Титъ про то сказывалъ, что жена моя и дѣти такъ похвалялись? И Титъ ему Павлу сказалъ противъ того: какъ де учинится надъ похвѣзаны и надъ сыномъ моимъ какое дурно, и я де, Титъ тогда тебѣ скажу того чел., при комъ жена твоѣ и дѣти похвалялись. А того Титъ не сказалъ, чѣмъ Павлова жена и дѣти похвалялись. Въѣсто мосал. козака Алексѣя руку приложилъ. Того жъ числа сказалъ въ роспросѣ въ сѣзской избѣ в. Оедору Аонасьевичу Карпову ок. кн. Он. Оед. Лит. Мос. кр. Матвѣя Екимовъ: въ нынѣшнемъ де во 149 г. окт. въ 18 д. говорилъ ясауль Титъ Осиповъ на торгу атаману Павлу Долгому отведи отъ людей: слышалъ де я Титъ отъ людей, что похваляется де Павелъ твоѣ жена и дѣти твоѣ, какъ де прѣдутъ похвѣзаны съ сыномъ съ моимъ, увидишь де, что надъ ними будетъ“. И Павелъ сталъ у него Тита спрашивать: кто де тебѣ Титъ про то сказывалъ, что жена моя и дѣти какъ похвалялись? „И Титъ ему Павлу только и сказалъ противъ того:“ какъ де учинится, что надъ похвѣзаны и надъ сыномъ моимъ какое дурно, и мнѣ де Титу на тебя на Павла бить человекъ г. А того Титъ не сказалъ чѣмъ Павлова жена и дѣти похвалялись. Къ сямъ роспросамъ рѣчамъ Егорьевскій поплъ Никита въѣсто кр. Матвѣя Якимова по его велѣнію руку приложилъ.

Того жъ числа сказалъ въ роспросѣ въ сѣзской избѣ в. Оедору Аонасьевичу Карпову на очной ставкѣ Мосальскихъ козаковъ ясауль Титка Осиповъ, говорилъ де я Титка на торгу атаману Павлу при Никольскомъ поплѣ Богданъ да при козакѣ при Алексѣѣ Мартыновѣ да при Мат. Екимовѣ, что сватался мѣ

обы за Иванову дочь Минина и Божинъ судомъ высватался я Титка за сына своего, и у насъ бы съ нимъ съ Павломъ за то надъ похвѣзаны и надъ сыномъ моимъ никакого бы убійства не было бы, потому что прежде сего его Павловъ сынъ Семенъ моего сынишка убилъ до полусмерти и ограбилъ, а про порчу де я Титка ему Павлу не говоривалъ, а слался тотъ Титка на тѣхъ же людей на пона Богдана, и на Алексѣя, и на Матвея, а вдова де Ульяна меня не научала и не слыхали о ней ничего.

С. Г. и. и в. к. М. О. в. Р. х. т. Гринца Пушкитъ человекъ бысть. Нынѣшняго г. 149 г. ген. въ 30 д. прѣѣхалъ изъ Литвы въ Путивль иноземецъ въ роспросѣ сказалъ Шванскія земли родимецъ Антоній Ондрыкасъ дохтуръ, велѣла боѣзани у человека знать онъ и лечитъ, а крестилъ де его Вереѣскій митрополитъ Юнний тому года съ 4 и лети де у него митрополитъ свидѣтельствовавшій о томъ его крещеніи есть: а похотѣлъ де онъ жить въ православной христіанской вѣрѣ въ твоѣмъ государствѣ Московскомъ государствѣ и тебѣ г. хочеть служить вѣчно. И я х. т. тому дохтуру Антонию велѣлъ побыть до твоего г. указу въ Путивлѣ и кормить ему велѣлъ давать изъ твоѣхъ г. казны изъ Путивльскихъ доходовъ: и о томъ г. дохтурѣ мнѣ х. с. какъ ты г. указеши. (О) 149 г. февраля въ 16 день. 149 г. г. февраля въ 16 д. г. сей отънски слушавъ, указалъ его отпустить назадъ. Отъ и. т. въ Путивль ст. и. и в. князю Петру Оедоровичу Волоконскому. Февраля въ 16 ч. писалъ къ намъ изъ Путивля Григорій Пушкитъ: генваря въ 30 д. прѣѣхалъ изъ Литовскія стороны въ Путивль иѣмчичъ Шванскія земли Онтонъ Ондрыкасъ, а въ роспросѣ сказалъ, что онъ дохтуръ и велѣла де боѣзани у людей знать, а хочеть быть въ нашемъ въ Московскомъ государствѣ . . . . онъ крещенъ въ православную христіанскую вѣру, а крестилъ его Вереѣскій митрополитъ. И Григорій Пушкитъ тому иноземцу Онтону велѣлъ побыть въ Путивлѣ до нашего указу. И какъ въ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты-бъ иѣмчичу Онтону Ондрыкасу сказать, что въ нашемъ въ Московскомъ государствѣ дохтуровъ, и лекарей, и аптекарей и безъ него много, и его по нашему указу для дохтурства въ наше Московское государство принимать не велѣно, а велѣно его отпустить назадъ въ Литовскую сторону; а будетъ иѣмчичъ учинеть говорить, чтобъ намъ его поклазовать въ наше Московское государство велѣть приимти въ службу, и ты-бъ ему

сказать, что по милости Божьей мы в г. съ окрестными государствы мирны и ему въ нашемъ въ Московскомъ государствѣ безъ службы быть не для чего, и отпустилъ бы еси того пѣмчина изъ Путивля за рубежъ и до рубежа велѣлъ его проводить советѣмъ вѣдѣти, а безчестна и грабежу и иного никакого дурна ему учинить не велѣли; а въ которомъ числѣ пѣмчина Онтонъ Ондрыкосъ изъ Путивля за рубежъ отпустишь, и ты-бъ о томъ къ намъ отписать съ иными нашими дѣлами. Писать на Москвѣ лѣта 7149 д. г. февраля въ 17 день.

Г. т. х. т. Петрушка Волконскіи челомъ бысть. Нынѣшняго и. 149 г. г. марта въ 2 д. прислана ко мнѣ х. т. твоя г. грамота изъ Разряда за приписью дьяка Григорія Ларионова съ черниголомъ съ Велизаромъ Нисуповымъ, а въ твоей г. грамотѣ написано: писать къ тебѣ г. изъ Путивля в. Григорій Пушкитъ. Въ нынѣшнемъ г. во 149 г. января въ 30 д. пріѣхалъ въ Путивль изъ Литовскія стороны Шпанскія земли пѣмчинъ Онтонъ Ондрыкосъ, а въ роспросѣ сказалъ, что онъ дохтуръ, и чтобы ты г. его пожаловалъ, велѣлъ ему быть на Москвѣ въ дохтурахъ; и мнѣ х. т. по т. г. грамотѣ велѣно ему Онтону Ондрыкосу сказать, что у тебя г. дохтуровъ, и лекарей, и антекарей, и безъ него много, и его по твоему г. указу для дохтурства въ твое г. въ Московское государство принимать не велѣно, а велѣно мнѣ х. т. его Онтону отпустить назадъ въ Литовскую сторону, и велѣно мнѣ х. т. его послать и проводить до рубежа и онъ бы ѣхалъ въ Литовскую сторону советѣмъ съ чѣмъ пріѣхалъ; а въ которомъ г. числѣ я х. т. пѣмчина Онтонъ Ондрыкосъ изъ Путивля за рубежъ отпусти, и мнѣ х. т. О томъ велѣно отписать къ тебѣ г. въ Разрядъ. И я х. т. по т. г. т. грамотѣ тому пѣмчину Онтону Ондрыкосову велѣлъ быть къ себѣ въ сѣзжую избу и ему сказать, что у тебя г. въ Московскомъ государствѣ дохтуровъ, и лекарей, и антекарей и безъ него много, и его по т. г. указу для дохтурства принимать не велѣно, а велѣно его отпустить назадъ въ Литовскую сторону, и онъ бы ѣхалъ назадъ и выслалъ г. его пѣмчина Онтонъ Путивля назадъ въ Лит. стор. марта въ 4 д. советѣмъ, съ чѣмъ пріѣхалъ, и проводить его до рубежа послать путивльца сына боярскаго Аонасія Некрасова; и марта въ 5 день въ Путивль сынъ боярскій Аонасій Некрасовъ пріѣхалъ и сказалъ мнѣ х. т., что онъ того пѣмчина до Литовскаго рубежа проводить. (О.) 149 . г. марта въ 22 день.

9. Лѣта 7159 г. полбѣра въ 16 д., по г. п. и в. к. М. О. в. Р. указу ѓ, Илѣ Даниловичу Милославскому. Велѣти выписать въ Антекарскій Приказъ въ принятыхъ годахъ кому иманы иноземцамъ дохтуромъ, и антекарямъ, и лекарямъ, по г. указу велѣно дать г. жалованья на дворы и на дворовое строенье по скольку рублевъ кому дано, и о томъ, велѣти отписать въ Иноземскій Приказъ. Токова память послана за приписью дьяка Василья Ртищева съ подьячимъ съ Давыдомъ Васильевымъ.

А въ Антекарскомъ Приказѣ выписано, что кому дано г. жалованья на дворовое строенье Антекарскаго Приказу дохтурамъ, и антекарямъ, и окулисту, и алхимистамъ, и лекарямъ.

Дохтурахъ: Іеву Полиданусу, Артемью Дію, Венделинусу Сибилісту, Рохану Нау, Артману Граману, Иганусу Белово государева жалованья на дворовое строенье дано по 150 руб., чел.; Антекарямъ: Андрею Иванову 70 руб., Филиппу Бріоту 30 руб.; Окулисту Давиду Бруну 30 руб.; лекари: Рандольфу Иванову, Кашмиру Давидову, Олферю Олферьеву, Клаусу Денисову, Анну Шлауцу, Вильму Кразору и инымъ Антекарскаго Приказа лекарямъ дано на дворовое строенье всѣмъ по 30 руб. человеку.

10. 158 г. апрѣля въ 24 д. въ Сѣзжей избѣ передъ Тихономъ Макарьевичемъ Карцевымъ въ роспросѣ сказали Останковскій пушкаръ Гришка Алферьевъ: посадилъ де меня Гришку въ сѣзжей избѣ враніи в. Одеровъ Рохманиновъ, въ томъ прислана ему г. грамота изъ Пушкарскаго приказа, по челобитью новгородца Левонтия Петрова сына Неплюева, а по г. грамотѣ велѣно меня, Гришку пушкаря дать на поруку съ записью, а за поруками велѣно меня выслать къ Москвѣ къ суду и къ отвѣту во крестныиствѣ. И тотъ в. по г. грамотѣ на поруку меня Гришку не дать, и къ Москвѣ не послать; и какъ онъ Одеръ Рохманиновъ сѣдалъ себѣ перемѣну, и онъ меня Гришку сковалъ въ Сѣзжей избѣ и держалъ меня до перемѣны 7 дней.

Да онъ же Гришка пушкаръ сказалъ: на Святой де недѣлѣ въ понедѣльникъ, пришелъ въ Останковъ къ в. къ Одеру Рохманинову на явку, прихожій чел. и в. де его въ Сѣзжей избѣ спросилъ и въ роспросѣ в. сказалъ: Пековитинъ посадскій чел., рудометъ и конскій мастеръ; и велѣлъ де мнѣ Гришкѣ того Пековитина конскаго мастера Иванку Кирилова осмотрѣть, и я де его осмотрѣлъ и корманецъ у него взялъ и изъ корманца де вынулъ кореніе и траву; и по роспроснымъ де рѣчамъ, велѣлъ

в. того Ивашку за пристава къ себѣ взять; и я де того Ивашку къ себѣ взял и у себя его сковалъ; и спросилъ де у того Ивашки: „въ Осташковѣ де кто тебя Ивашку знаетъ ли“? И тотъ Ивашко сказалъ: „многіе де люди меня въ Осташковѣ знаютъ“. И въ то де число шель мимо съѣзжей избы Осиповскій крестьянинъ Карпушка Тихоновъ сынъ Шишкинъ, и тотъ де Карпушка тому Ивашку Псковитину поклонился, и воевода у того Карпушки спросилъ: „а де ты того Ивашку псковитина знаешь?“ И тотъ де Карпушка в. сказалъ: „лучилось де мнѣ того Ивашку видѣть въ Осташковѣ на кабакѣ“. И того де Карпушку в. велѣлъ взять и велѣлъ де его мнѣ Триницѣ сковать по ногѣ со псковитиною съ Ивашкою, и тотъ Ивашко и Карпушка были у меня скованы трои сутки; и о томъ де Карпушкѣ Тихоновъ в. Оедору Осиповской староста Иванъ Велтоховъ съ монастырскимъ доводчиномъ съ Миткою Васильевымъ били челомъ, чтобъ тотъ в. Оедоръ того Карпушку далъ на поруку. И тотъ де в. Оедоръ Рохманиновъ велѣлъ мнѣ того Карпушку выпустить при Георгіевскомъ священникѣ при Кондратѣ Андріановѣ, и того Карпушку выпустилъ, и того Ивашку то жъ велѣлъ расковать, и я де обоихъ расковать. И услышалъ де онъ Оедоръ Рохманиновъ себѣ переѣхну, и опять де насъ велѣлъ сковать, и въ съѣзжей избѣ сковать посадилъ Се язь Аверкій Микифоровъ сынъ Москвитинъ Псковскій дворцовый приставъ, да язь Константинъ Ефремовъ сынъ Архангельскаго города конскій мастеръ, да язь Илья Оедоровъ сынъ Ярославенъ посадскій чел., да язь Аонасій сынъ Туленинъ отставленный стрѣлецъ Иванова приказу Вѣнгича, да язь Микита Ивановъ сынъ Ярославенъ: поручилися еси Разрядного приказу сыну Болрекому Аонасію Карикову по псковитинѣ конскому мастерѣ по Иванѣ Кириловѣ сынѣ въ томъ, что ему за нашею порукою ставится въ Разрядѣ до г. указу передъ духовными дяки, передъ Иваномъ Гавреневымъ, да передъ Сеженомъ Заборовскимъ, да передъ дяки передъ Григоріемъ Ларіоновымъ, да передъ Иваномъ Сѣверовымъ по вся дни, и съ Москвы никуда не съѣхать; а не учить онъ Иванъ за нашею порукою ставится въ Разрядѣ или съ Москвы съѣхать, и на насъ поручникахъ пеня г. т., а пеня, что г. укажетъ; и наши поручиковы головы въѣсто его головы; а кой насъ поручиковъ будетъ въ лицахъ, на томъ порука и г. пеня: а на то послушай Аверкій Гребневъ. А поручную писалъ

Разрядныхъ съней подъячій Ивашко Румянцовъ лѣта 7158 г. іюля въ 3 д.

Къ сей поручной записи стрѣлецъ Гаврилова приказу Бакина, Илюшка Кудринъ, въѣсто поручниковъ Аверкія Микифорова да Константина Ефремова, что они ручались въ статьѣ до г. указу псковитина конскаго мастера Ивана Кирилова, по ихъ велѣнію, руку приложили. Того жъ приказу стрѣлецъ Микитка Константиновъ въѣсто поручниковъ Илья Оедорова да Аонасія Иванова, по ихъ велѣнію, руку приложили. Въѣсто Микиты Иванова руку приложили. Послушай Аверкію руку приложили. А въ роспросѣ въ Разрядѣ Осташковъ Патриархи слободы крестьянъ Ивашко Дриазловъ да Осиповскаго монастыря Осташковскій жъ слободы крестъ Тихонко Шишкинъ сказали: что они того Ивашку Кирилова знаютъ: тому съ годъ жилъ де онъ въ Осташковѣ, кормился на посадѣ въ коновалахъ, и рудометахъ, и на кабакѣ работать, пашивался съ годъ, а сказывался, что уроженецъ псковитинъ, а воровства за нимъ никакого не вѣдаютъ.

Осташковцы посадскіе люди Захарія Жаворонковъ да Микитка Родковъ въ допросѣ сказали, что они того Ивашку Кирилова знаютъ: жилъ де онъ въ Осташковѣ кормился конскимъ мастерствомъ, и руду металъ, и на кабакѣ работать съ годъ, а сказывался псковитинъ; а воровства за нимъ никакого не вѣдаютъ. И думные дяки Иванъ Гавреневъ да Сежень Заборовскій, да дяки Григорій Ларіоновъ, да Иванъ Сѣверовъ велѣли Ивашку Кирилова дать на поруку въ томъ, что ему до г. указу ставится въ Разрядѣ и съ Москвы никуда не съѣхать.

А на Москвѣ Ивашко Кириловъ въ роспросѣ сказалъ: уроженецъ онъ псковитинъ, отецъ де его Кирило Ивановъ жилъ въ Псковѣ въ тягѣ; а онъ Ивашко сынъ отца своего изъ Пскова сшелъ, а сшелъ отъ отца для того, что мачеха его до него была лиха, и жилъ въ Новгородскомъ уѣздѣ, подъ Старою Русою въ государевыхъ волостяхъ на погостѣ, въ Бурегѣ съ годъ, кормился крестьянъ, пашню пахалъ; а послѣ того ходилъ по волостямъ же съ конскимъ мастеромъ съ коноваломъ съ Гришкою Алексѣевымъ изъ найму, годы съ полтора, и у того де коновала у Гришки навѣкъ конскому и рудометному мастерству; и ходя по волостямъ тѣмъ кормился. И въ зыбѣннѣмъ во 158 г. послѣ рождества Христова изъ Новгородскаго уѣзда изъ Боровническаго погоста пришелъ во Ржевскій уѣздъ, а изъ Ржевскаго уѣзда на святой

пелёкѣ пришелъ изъ Осташковѣ; и изъ Осташковѣ пришелъ въ Приказную избу на явку; и Осташковский де приказный чел. Оедоръ Рахманиновъ изъ Приказной чабѣ спросилъ его, и осмотра у него рудоветные рошки, да изъ сушкѣ конскіе и животинныя травы, и коренья, отдать его за пристава, и держать его за пристава 3 дни, и отъ пристава взять его изъ себѣ на дворъ и держать его у себя на дворѣ скотана 6 дней, а хотѣлъ его покабалить сильно; и онъ Ивашко изъ холопи изъ нему не повесть и кабалы ему не дать. И какъ прѣхалъ въ Осташковъ новый Приказный человекъ Тихонъ Карцевъ, Оедоръ Рахманиновъ отдать его и съ бородишникомъ Тихону Карцеву и Тихонъ де Карцевъ прислать его къ Москвѣ; а воронства за нимъ Ивашкомъ никакого нѣтъ, знаютъ его осташковцы убавные и посадскіе многіе люди, потому что онъ напередъ того изъ Осташковѣ жилъ съ годъ; а нынѣ осташковцы посадскіе торговые люди на Москвѣ есть на Гостини дворѣ и на Осиповскомъ подворѣ, а что съ нимъ изъ Осташкова прислано изъ Москвѣ трава и коренья конскія и животинныя, и ту траву и коренья знаютъ конскіе мастера.

И того изъ числа изъ спросѣ сказати Псковитинъ Ивашко Кириловъ; а де Ивашко Псковитинъ, посадскій чел. рудоветъ и конскій мастеръ; и пришелъ де въ Осташковъ къ в. на явку и в. меня Ивашку велѣлъ осмотрѣти; и пушкаръ Гришка Алферьевъ меня Ивашку осмотрѣлъ и взять у меня карманецъ; а въ корманцѣ положено де у меня для конскаго мастерства коренья веснушная и зебное и парильная трава; то де моя и сказка. Того изъ числа изъ спросѣ сказати Осиповскій крест. Карпушка Тихоновъ сынъ Шивкинтъ; скотать де меня в. съ Псковитиномъ съ Ивашкомъ по пасердикѣ отецъ де мой Карпушкынъ Тихонъ Микифоровъ сынъ Шивкинтъ будто съ бытъ человекъ г. на того в. Оедора Рахманинова о перемѣтѣ, уалъ де 6-ю челобитную подать праведному г. за то де меня Карпушку скотать, а дѣла государева за собою никакого не вѣдаю; то моя и сказка.

Г. т. х. т. Тихонъ Карцевъ человекъ бытъ. Въ нынѣшнемъ г. во 158 г. мая въ 4 д., посланъ изъ Осташкова къ тебѣ г. т. со отишканы Осташковский пушкаръ Минка Нагиба, а съ нимъ посланы колодники, Осташковский пушкаръ Гришка Алферьевъ да Псковитинъ Ивашко Кириловъ, конскій мастеръ и рудоветъ съ кореньемъ и съ травою, да съ нимъ же пушкарехъ съ Минскою посланъ чернецъ, что изъ Пскова шель мимо Осташкова съ гри-

мотками и о томъ обо всемъ я х. т. съ тѣмъ Минскою писалъ къ тебѣ г. къ Москвѣ мая въ 4 д.; и тотъ пушкаръ Минка Нагиба со отишканы, и съ колодниками и съ провожатыми во Ржевъ Володимирову мая изъ г. въ 4 д. прѣхалъ, и у Ржевскаго в. у Максима Чалищева подводу и провожатыхъ подъ колодниковъ просилъ. И в. Максимъ Чалищевъ тому пушкарю Минскѣ Нагибѣ подъ него и подъ колодниковъ подводу и провожатыхъ не далъ, и мая г. съ 7 ч. мая изъ по 18 ч. пушкаръ и колодниковъ во Ржевѣ держалъ. И тотъ пушкаръ Минка Нагиба изъ Ржевы Володимирову съ тѣми колодниками пришелъ въ Осташковъ мая въ 23 д. И того изъ г. числа я х. т. того пушкаръ Минку Нагибу со отишканы и съ колодниками послать къ тебѣ г. къ Москвѣ и въ томъ бы г. мѣ х. т. отъ тебѣ г. въ овалѣ не бытъ. И о томъ что ты г. мѣ х. с. указеши.

156 г. мая въ 30 д., писалъ къ г. т. изъ Осташкова Тихонъ Карцевъ и прислать въ Разрядъ коновала Ивашка Кирилова, а во отишкѣ нишеть.

Г. т. х. т. Тихонъ Карцевъ человекъ бытъ. Въ нынѣшнемъ г. во 158 г., по твоему г. указу, велѣно мѣ х. т. бытъ на твой г. службѣ въ Осташковѣ на Оедорово мѣсто Рахманинова и апрѣля де въ 23 д. я х. т. въ Осташковъ прѣхалъ и съ Оедоромъ Рахманиновымъ во всемъ росписался, и у росписки мѣ х. т. Оедоръ Рахманиновъ отдать 2 колодниковъ Осташковского пушкаръ Гришку Алферьева; а по его Оедоровской словесной скажѣ Рахманиновъ скотать де тотъ пуш. Гришка Алферьевъ по твоей г. грамотѣ, по челобитью новгородца Леонтия Петрова сына Неплюева во крестьянствѣ, да съ пушкаремъ съ Гришкою Алферьевымъ скотать прихожій человекъ, а въ спросѣ мѣ х. т. сказали: пришесть де онъ въ Осташковъ для своего конскаго промысла и рудоветнаго мастерства; и какъ тотъ Ивашко пришелъ къ в. къ Оедору Рахманинову изъ Сызжскую избу на явку, и тотъ де Оедоръ Рахманиновъ того Ивашку Кирилова велѣлъ пушкарю Гришкѣ Алферьеву осмотрѣти, и пушкаръ де Гришка Алферьевъ того Ивашку осматривалъ, и изъ корманца де вынулъ коренья и траву, и того де Ивашку Псковитина велѣлъ в. скотать и посадить за пристава. И къ тому изъ де Ивашку съ улицы ухватилъ тотъ Оедоръ

Рохманиновъ Осиповскаго крест. Карпушку Тихонова сына Шиш-кина и велѣлъ де сковать съ тѣмъ же Ивашкомъ Кириловымъ по поѣ. А по Карпушкинымъ роспроснымъ рѣчамъ, сказалъ в. съ тѣмъ Ивашкомъ по насердѣ, Корпушкинъ де отецъ Тихонко Шиш-кинъ бысть челоуѣ тебѣ г. на того в. о перехѣнѣ его б-ю де челоубитную подасть тебѣ г., и за то де его Карпушку сковать. И тѣ пушкарєвы и исковитина Ивашковы и Иосифовскаго крестьянина Карпуш-кина роспросныя ихъ рѣчи подклея подъ сея отписку, и Иваш-ковъ Корманецъ съ коренемъ и съ травою запечатать твоею г. казенною печатью, что у Осиповскаго старосты у Ивашка Валто-хова, съ обоихъ сторонъ въ дву мѣстахъ и своею и прежняго в. Федора Рахманинова его поеводскою печатью запечатать, и тѣхъ колодниковъ Пушкаря Гринку Алферьева да Исковитина Ивашка Кирилова съ пушкарємъ съ Мишкой Напбюю и съ про-вожатными послать къ тебѣ г. къ Москвѣ и велѣтъ тому пушка-рю Мишкѣ Напбѣ съ колодниками явиться въ Разрядѣ передъ твоими г. думными дѣяки, передъ Иваномъ Гавреневымъ, да пе-редъ Семеномъ Заборовскимъ, да передъ Григорьемъ Ларионо-вымъ, да передъ Иваномъ Северовымъ; а отпущены тѣ колод-ники къ тебѣ г. къ Москвѣ мая въ 4 д. И о томъ г. мѣѣ х. с. какъ укажешь (О:) 158 г. мая въ 30 день.

II. Г. п. и в. к. А. М. в. Р. х. т. Исайко Владичень челоуѣ бысть. Въ нынѣшнемъ г. во 159 г. апрѣля въ 27 день билъ че-лоуѣ тебѣ г. т., а мѣѣ х. т. въ Верхососенскомъ городѣ въ Съ-ѣзжей избѣ подалъ за рукою челоубитную Верхососенскій пушкаръ Панко Егунъ того жъ города на стрѣлецкую жену Илюшки Романова, а въ челоубитной г. его написано: въ нынѣшнемъ же де г. во 159 г. въ великій постъ хватала де брата его Кленку лихорадка, а та де его Илюшкина жена Романова Грушка при-шодъ къ нему Панкѣ на страстной недѣлѣ въ среду и хотѣла де брата его Панкина Кленку лечитъ отъ лихорадки, и дала де ему какіе будетъ коренья пить. И кой часть де брать его Кленка тѣ коренья выпилъ, и извѣдился вверхъ ногами, и брата де его постѣ того не стало. И я х. т. по твоему г. указу тое Илюшкину жену Романова Грушку велѣтъ взять въ Верхососен-скій въ Съѣзжую избу и въ роспросѣ та Илюшкина жена Рома-нова передо мною х. т. сказала, что она у него Панки и на дво-рѣ не бывала нынѣшняго 159 г. на страстной недѣлѣ въ среду и коренья брату его Паншину Кленкѣ не давала пить, давала де

ему она Грушка Паншину брату Кленкѣ траву, славеть де та трава грязная отдонникъ, и она де тое траву сама пивала въ болѣсти да есть де у ней тѣ люди, кому она и прежъ сего тое траву давала, стрѣльцамъ Верхососенскимъ Донковскому Веденцу, Алешкѣ Кочетку, да Давыдкѣ Дроздову и дѣтямъ боярскимъ вер-хососенцамъ Тичошкѣ Гавшину да Ивашкову, зятю Нешина Ав-дюшкѣ и женѣ его Авдюшкиной; давала де ихъ у болѣсти тое траву пить, и отъ тое де травы ихъ Богъ и помиловалъ; а крожѣ де той травы коренья у себя та Аграфенка не сказала, ни какого не знаетъ. И я х. т. по твоему г. т. указу тѣхъ лю-дей, на которыхъ она Аграфенка сказала, что имъ траву давала, предъ собою въ Верхососенской въ Съѣзжей избѣ ставить. И Верхососенскіе стрѣльцы Алешка Кочетковъ сказать, что въ ны-нѣшнемъ де въ 159 г. передъ осеннимъ Николинимъ днемъ при-ходилось де онъ Алешка къ ней Илюшкиной женѣ Романова и давала де ему она Алешкѣ траву пить съ виномъ съѣлавъ. А Давыдка Дроздовъ сказать: давала де ему та Аграфенка воду, а не вѣдаю, что въ водѣ было; въ ту пору лежалъ онъ Давыдка боленъ трудно, а тому де другой годъ. Верхососенцы дѣти бояр-скіе Тимошка Гавшинъ сказать, что лежалъ де онъ Тимошка боленъ нынѣшняго 159 г. передъ Покровомъ, приходила де къ нему та Аграфенка и давала де ему пить воду, а не вѣдаеть, что въ водѣ было; въ ту пору трудно де лежалъ онъ, а Ивана Нешина зять Авдюшка Ларионовъ съ женою сказать: давала де та Илюшкина Романова жена Аграфенка воду пить ему, а въ воду сыпала траву, а не знаетъ, какаа трава; а давала де имъ въ болѣсти отъ лихорадки; а про тое траву сказала та Илюш-кина жена Романова Грушка: давалъ де ей тое траву на . . . . беленитъ сытъ боярскій ей въ болѣсти, а имени де тому беле-нину не вспоминитъ, какъ его зовутъ и какъ словеть. Да она жъ г. Грушка передо мною х. т. сказала: давала де она Грушка тое траву твоего г. Царева Алексеѣва города драгуну, а зовутъ де его Иваномъ, а прозвища ему не вѣдаеть, да стрѣлкой женѣ Елецкихъ веденцевъ, а зовутъ де тое стрѣльчуху Улиткою, а мужа ея не знаетъ, какъ зовутъ и какъ словеть. И ты г. т., что мѣѣ х. своему укажешь. (О:) 159 г. юня въ 17 день.

12. Лѣта 7162 г. октября въ 6 д., по г. п. и в. к. А. М. в. Р. указу 6. Ильѣ Даниловичу Милославскому да дѣлкомъ Василью Ртищеву да Матѣю Култыкову да Меркурью Крылову. Въ ны-

иѣшнемъ 162 г. г. т. указать, взять въ Антекарскій Приказъ иноземцовъ новокрещеныхъ 8 чел. лѣтъ по 20 и меньше, которые бы умѣли иѣмецкой и русской грамотѣ; а тѣхъ новокрещеныхъ иноземцевъ указать г. дати Антекарскаго Приказа лекарямъ для наученія лекарскаго дѣла. И по г. т. указу б. Илѣ Даниловичу Милославскому да дьякомъ Василью Ртищеву да Матвѣю Кулыкову да Меркурью Крылову учинити о томъ по г. указу. Принисалъ Иванъ Десятово.

Имена иноземскимъ дѣтямъ. Лекаревы дѣти: Антекарскаго Приказу Вилимовъ сынъ Крамора Юрья, помѣстье за нимъ въ Араамасскомъ уѣздѣ, въ православную христіанскую вѣру крещенъ возрастомъ лѣтъ 20; новокрещена Васильевъ пасынокъ Ульяф; Павла Емлина пасынокъ лекаръ Борисъ Семеновскій; подполковника Елисея Циклера названный сынъ Иванъ.

13. Г. ц. и в. к. А. М. в. в. и м. и б. Р. с. х. т. Олексинскій губный староста Екушка Жваловъ челоуъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ г., во 163 г. декабря въ 26 д., прислана ко мнѣ х. т. въ Олексинъ твоя г. т. грамота съ твоего г. стану изъ Вязьмы за приниселью дьяка Дементія Башмакова, а по той твоей г. грамотѣ, велѣно г. мнѣ х. т. въ Олексинѣ переписать кто какого чину гнѣвомъ Божиимъ отъ морозаго повѣтрія умеръ и сколько чел. И я х. т. къ тебѣ г. о томъ писалъ, что въ Олексинѣ въ морозное повѣтріе умерло поновъ, и стрѣльцовъ, и пушкарей, и рыбаковъ; а что было г., посадскихъ людей всѣ померли и женъ ихъ, и дѣтей, и братій, и племянниковъ 370 чел., а осталось г. въ Олексинѣ стрѣльцовъ всего 30 чел. старыхъ и молодыхъ, да пушкарей г. 20 чел., и тѣ г., иные безъ женъ и безъ дѣтей, и живутъ иные въ чужихъ домахъ. И тѣ г. стрѣльцы и пушкарни съ твоего г. караулу отъ города и отъ твоей г. казны по 4 чел. не отходятъ, и изъ посылокъ изъ уѣзду не бываютъ. Твой Г. Многія грамоты ко мнѣ х. т. изъ разныхъ приказовъ приходятъ о всякихъ твоихъ г. дѣлахъ, а стрѣльцовъ и пушкарей г. въ Олексинѣ немного, всего 50 чел., а посадскихъ г. людей и бобылей, и захребетниковъ, и сосѣдей, и подсосѣдниковъ въ Олексинѣ нѣтъ ни единого чел. городъ опустѣлъ въ морозное повѣтріе. И въ нынѣшнемъ г. во 163 г. февраля въ 28 д., прислана г. ко мнѣ х. т. въ Олексинъ твоя г. т. грахота изъ Стрѣлецкаго Приказу, а по той твоей г. грамотѣ велѣно мнѣ х. т. послать прибавку къ Олексинскимъ стрѣльцамъ, которые г. посланы на твою г. на

годовую службу къ тебѣ г. къ Москвѣ въ прошломъ во 162 г. къ 20 чел. Олексинскихъ же стрѣльцовъ 20 чел. съ годовыми запаси прислать къ тебѣ г. къ Москвѣ, а въ Олексинѣ г. останется всего 10 чел. стрѣл., и изъ тѣхъ г. изъ 10 чел. на твоемъ г. на Кружечномъ дворѣ и въ тамошнѣ въ цѣловальникахъ 4 чел. взяты, а осталось г. стр. всего 6 чел. да 20 чел. пуш. и затинниковъ, и изъ тѣхъ же г. пушкарей по твоему г. указу велѣно выбрать плотниковъ и кузнецовъ и прислать къ тебѣ г. къ Москвѣ въ Пушкарскій Приказъ. И въ Олексинѣ у твоей г. казны и у города быть некому и для твоего г. дѣла въ уѣздѣ посылать будетъ не кого изъ. И что г. въ твоей г. казнѣ какая будетъ учинится поруха, и мнѣ бѣ х. т. отъ тебя г. въ пеню, и въ онагѣ, и въ жестокомъ наказаніи не быть. Да ко мнѣ изъ г. приходитъ твои г. грамоты изъ Прик. хлѣбнаго запаса, а велѣно г. мнѣ х. т. изъ Олексина посылать въ ободенскій уѣздъ со извои и съ недорослей, и отставленныхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и съ дѣвокъ, и съ монастырскихъ, и асеровныхъ крестьянъ, и бобылей править датошнымъ, а съ иныхъ г. и деньгами. И мнѣ х. т. изъ Олексина посылать некого и о томъ г. мнѣ х. с., что ты г. указеши.

14. Отъ п. и в. к. А. М. в. в. и м. и б. Р. с. Ивану Федоровичу Ерошкину. Какъ къ тебѣ си наша грамота придетъ, а которые люди приѣдутъ къ заставѣ, а скажутъ, что они посланы къ намъ въ г. отъ царицы нашей и в. к. М. И. или отъ отца нашего и богомольца отъ в. г. Святѣйшаго Никона патриарха Московскаго о всей Русіи съ писемомъ, и ты бѣ тѣхъ людей пропускать къ намъ, а писема у нихъ не расчитывать, потому что они—взяты не съ Москвы. Писанъ на нашемъ стану подъ Смоленскомъ лѣта 7162 г. августа въ 17 д. августа въ 18 д. такова послана съ рашениномъ съ Стенькою Невлевымъ, а велѣно Ивану сослать изъ Вязьмы тотчасъ нарочиво. Г. т. х. т. Ивашко Ерошкинъ челоуъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ г. во 162 г. августа въ 13 д. въ послѣднемъ часу дни, приѣхали къ заставѣ изъ Царева займища ряшене Мелентій Ильинъ да Игнатій Дерюшкинъ, а привезли коней х. т. на заставу отъ в. г. с. Н. п. М. и в. в. и м. и б. Р. грамоты да тетрадь запечатанъ въ столицѣ, а къ нимъ де привезъ изъ Можайска тѣ грамоты и тетрадь изъ Царева займище рашенинъ же Понкратій Безобразовъ, а на столбцѣ г. на подлинѣ написано къ тебѣ в. г.

т.; я. х. т. на заставѣ велѣлъ тѣмъ ряснянамъ Мелентью Ильину да Игнатью Дерюшкину тотъ столбецъ распечатать и распечатавъ то письмо принималъ чрезъ огонь, чаялъ, что то письмо прислано съ Москвы отъ бояръ и принявъ то письмо черезъ огонь, запечатавъ въ тотъ же столбецъ послалъ къ тебѣ г. т. подъ Смоленскъ съ ряснями съ дѣтьми боярскими съ Степаномъ Невлевымъ да съ Оеодоромъ Шетиловымъ; а велѣлъ то письмо подать твоимъ г. боярамъ Борису Ивановичу, Ильѣ Даниловичу. А будетъ г. впрядь отъ в. г. с. Н. п. М. и в. в. и я. и б. Р. къ тебѣ г. грамоты съ такими же гонцами съ ряснями отъ стану до стану посланы будутъ запечатаны въ столбцахъ, и мнѣ х. т. тѣмъ столицу распечатывать ли, и грамоты черезъ огонь принимать ли, и отъ заставы съ иными ли гонцами то письмо къ тебѣ г. прислать, или кто съ тѣмъ письмомъ ко мнѣ придетъ изъ Царева Займища, и с. томъ мнѣ х. с. свой г. указъ учини, а въ Царевѣ г. Займищѣ на люди посещение Божіе августа по 13 д. не унялось. Отъ п. т. Ивану Оеодоровичу Еропкину. Какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ однолично заставу учинишь крѣпкую, чтобъ ни какіе люди мимо заставы не проѣзжали, а будутъ хотя объявятся моровое повѣтріе и ближе въ деревняхъ, и ты бѣ тѣ деревни велѣлъ засѣкать и заставы потому жъ учинишь. Писанъ на нашемъ стану подъ Смоленскомъ лѣта 7162 августа въ 8 д. Такова послана съ вяземскимъ стрѣльцомъ съ Левкою Остафьевымъ того жъ числа.

Отъ п. т. въ Вязьму ст. нашему и в. князю Ивану Андреевичу Хованскому да дяку нашему Герасиму Лаврову. Августа въ 7 д. писали есте къ намъ, что въ Царевѣ Займищѣ учинилось на люди моровое повѣтріе съ язвами. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а въ Царевѣ Займищѣ на люди моровое повѣтріе будетъ учинилось подлинно, и вы бѣ велѣли по вяземской дорогѣ отъ Царева Займища въ ближнемъ мѣстѣ и межъ большихъ дорогъ по проселочнымъ дорогамъ и помалымъ стежкамъ гдѣ пригоже поставить заставы крѣпкія и заставнымъ людямъ приказали накрѣпко. Будеть, которые люди придутъ къ заставамъ и скажутся, что они посланы къ намъ в. г. отъ п. нам. и в. к. М. И. со отписками или отъ о. н. б. отъ в. г. с. Н. п. М. и в. Р. съ грамотами они бѣ тѣхъ гонцовъ пропускали черезъ заставы къ намъ подъ Смоленскъ тотчасъ безо всякаго мотчанья; а отписокъ и грамотъ у нихъ не имали и не роспе-

чатывали. А будетъ, которые люди придутъ къ заставамъ, а скажутся, что они посланы съ Москвы къ намъ отъ бояръ нашихъ со отписками, и они бѣ тѣхъ людей черезъ заставы не пропускали, а отписки имали у нихъ черезъ огонь и распечатавъ переписывали на новую бумагу, и тѣ списки присылали къ намъ въ Вязьму тотчасъ; а вы бѣ по нашему указу списки присылали къ намъ подъ Смоленскъ потому жъ не хѣшная, а прежнія отписки велѣли бѣ есте на заставахъ отдавать тѣмъ жъ людямъ, которые съ ними къ заставамъ придутъ и велѣли имъ съ тѣми прежними отписками отъ заставъ ѣхать назадъ къ Москвѣ. А которые торговые и всякихъ чиновъ люди придутъ къ заставамъ со всякими товарами или боярскіе холопы съ посылными грамотами, или для иныхъ какихъ дѣлъ, и учинутъ проситься, чтобъ ихъ черезъ заставы пропустить къ намъ подъ Смоленскъ, и вы бѣ тѣхъ всѣхъ людей черезъ заставы однолично пропускать не велѣли, такъ же и никакихъ товаровъ, и платя, и ничего у нихъ черезъ заставы покупать и даромъ имать не велѣли; а велѣли ихъ отъ заставъ отсылать назадъ не хѣшная; а посылными грамотами велѣли переписывать на новую жъ бумагу и тѣ списки потому жъ присылали подъ Смоленскъ съ иными дѣлами въѣзѣ. А будетъ, которые люди придутъ къ заставамъ, а скажутся, что они ѣдутъ въ Вязьму или подъ Смоленскъ изъ городокъ, или изъ уѣздовъ изъ селъ и деревень, а не съ Москвы, а скажутъ, что въ тѣхъ мѣстахъ откуда оны ѣдутъ моровое повѣтріе на люди нѣтъ, и вы бѣ тому вѣрить не велѣли и черезъ заставы тѣхъ людей пропускать не велѣли жъ; а однолично бѣ есте, заставнымъ людямъ, приказали накрѣпко, чтобъ они, будучи на заставахъ, смотрѣли того накрѣпко, чтобъ никакіе люди въ день и ночнымъ временемъ украдомъ черезъ заставы къ Вязьмѣ и подъ Смоленскъ не прошли и не прокрались никакими обычай. А въ Вязьмѣ городѣ, и на посадѣ, и въ слободахъ и въ Вяземскомъ уѣздѣ, вы бѣ есте, всякихъ чиновъ людямъ приказали накрѣпко, что бѣ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ объявится на люди моровое повѣтріе, никто ничего не покупали, и даромъ ни у кого ничего не имали, и въ дома къ себѣ изъ тѣхъ мѣстъ никакихъ людей не пускали. А у которыхъ людей объявятся язвы, и они бѣ тѣ язвы указывали булатными шилами и прикладывали изюмными ягодами, а для того велѣли бѣ Вяземскимъ кузнецамъ сковать булатныхъ—шилъ сколько доведется. А буде въ

Вязьмѣ булату иѣтъ, и въ бѣ велѣши сковать шилы укладныя. Писанъ на нашемъ стану подѣ Смоленскомъ лѣта 7162 г. августа въ 8 д. Такова послана съ Вяземскимъ стрѣльцомъ съ Левиковъ Остафьевымъ того жѣ числа.

15. Отъ и. т. въ Вязьму ст. нашему и в. князю Ивану Андреевичу Хованскому да дядю нашему Герасиму Лаврову. По нашему указу посланъ отъ насъ Иванъ Ерошкинъ для нашего дѣла, и велѣно быти съ нимъ Вяземскимъ стрѣльцамъ 50 чел. да съ нимъ же быти уѣзднымъ людямъ сколько ему для нашего жѣ дѣла по наказу доведется. И какъ къ вамъ ея наша грамота придетъ, а Иванъ Ерошкинъ въ Вязьму придетъ, и вы бѣ ему дали Вяземскихъ стрѣльцовъ 50 чел., а въ Вяземскій уѣздъ послали есте, пушкарей и разсылашниковъ, и велѣли собраны уѣзднымъ людямъ сказать, какъ пришелъ Иванъ Ерошкинъ и велѣти имъ быти для нашего дѣла у себя, и они бѣ его Ивана во всемъ слушали, и были съ нимъ до нашего указа. Писанъ на нашемъ стану подѣ Смоленскомъ лѣта 7162 г. іюля въ 30 д.

Лѣта 7162 г. іюля въ 31 д. г. т., велѣти Ивану Одеровичу Ерошкину ѣхать въ Можайскъ для того, быти ему въ Можайску на заставѣ, и приѣхать въ Можайскъ взяти ему на Волоку въ Борисовѣ и въ Верѣ у в. и у приказныхъ людей стрѣльцовъ, и казаковъ, и пушкарей изъ всѣхъ городовъ половину, да ему жѣ взяти въ тѣхъ же городахъ изъ Приказныхъ избѣ для писема двѣ чел. дьячковъ добрыхъ, и велѣти имъ быти съ собою, и учинити отъ Москвы по Можайской, и по Вяземской, и по Волоцкой, и по Боровской дорогѣ, и по инымъ по всѣмъ дорогамъ, которыя къ Смоленску такъ же и межъ дорогъ по проселочнымъ дорогамъ заставы крѣпкія и естеречи того накрѣпко, чтобъ никто ни каковъ чел. черезъ заставу днемъ и ночью украдомъ и не являсь не прошелъ и не проѣхалъ. А будетъ приѣдутъ къ заставѣ и скажутся, что они посланы ко г. т. отъ г. ц. т. или отъ в. г. с. Н. и. М. и в. Р. съ грамотами и Ивану у тѣхъ гонцовъ грамоты имать и распечатывать и переписывать не велѣти, и черезъ заставу тѣхъ гонцовъ ко г. пропускать тотчасъ безо всякаго мотачья самихъ. А будетъ, которые люди посланы будутъ къ г. подѣ Смоленскъ отъ бояръ съ Москвы со отписки, и Ивану у тѣхъ людей отписки велѣти имать черезъ огонь и распечатавъ переписывать на новую бумагу, и переписать присылать тѣ отписки подѣ Смоленскъ съ тѣми людьми, которые, по г. указу,

съ ними будутъ на заставѣ. А тѣхъ людей которые будутъ посланы отъ бояръ со отписки съ Москвы велѣти имъ съ тѣми отписки, которыя присланы будутъ отъ бояръ, ѣхать къ Москвѣ назадъ, и тѣ отписки отдать боярамъ по прежнему; а боярамъ сказывать, что съ тѣхъ отписокъ списаны списки на новую бумагу, и тѣ списки посланы къ г. съ ними гонцы съ заставы. А которые люди всякихъ чиновъ учнутъ съ Москвы на заставы приѣзжать и просится, чтобъ ихъ черезъ заставы пропустить подѣ Смоленскъ съ какими товарами, или для иныхъ какихъ дѣлъ, и Ивану тѣмъ людямъ велѣти на заставѣ отказывать, и велѣти ихъ воротить назадъ и никакихъ товаровъ и платя и никакихъ рухляди провозити не давать. А будетъ тѣ, которые люди приѣхавъ къ заставѣ учнутъ сказываться, что они ѣдутъ изъ уѣздовъ, уѣздные люди изъ деревень, а не съ Москвы, а изъ которыхъ мѣстъ они ѣдутъ и въ тѣхъ мѣстахъ на люди дорожю и пострѣя никакого нѣтъ и тому же вѣрнѣ и пропускать черезъ заставы не велѣти имъ. А будетъ боярскіе люди также къ заставѣ съ Москвы приѣдутъ, а скажутся, что они съ Москвы къ боярамъ ихъ посланы съ посыланымъ грамотки, и для какихъ иныхъ дѣлъ, и тѣхъ боярскихъ людей черезъ заставы не пропускать, а грамотки у нихъ имать, и переписать на новую бумагу, присылать подѣ Смоленскъ; а боярскимъ людямъ, которые посланы будутъ съ посыланымъ съ грамотки велѣти имъ ѣхать назадъ. А что у него Ивана учнутъ дѣлаться и о томъ отписать къ г. И тутъ бы на заставѣ и по инымъ мѣстамъ у Московскихъ людей, которые приѣдутъ съ Москвы, никакіе люди никакихъ товаровъ не покупали и ничѣмъ не торговали. Да Ивану же Ерошкину приѣхавъ въ Вязьму велѣно у в. у князя Хованскаго взяти вяземскихъ стрѣльцовъ 50 чел. да съ нимъ же быти вяземскимъ и Можайскимъ уѣзднымъ людямъ сколько чел. пригоже и въ Вязьму и въ Можайскъ о томъ г. указъ посланъ.

162 г. іюля въ 31 д. г. указать послать въ Можайскъ Ивана Одеровича Ерошкина, а приѣхавъ въ Можайскъ взяти ему въ Можайску на Волоку, въ Борисовѣ, въ Верѣ стрѣльцовъ и пушкарей, по скольку чел. доведется; да ему жѣ взяти для писема подьячихъ двѣ или 3 чел., и быти ему въ Можайскѣ для заставы, чтобъ всякихъ чиновъ люди съ Москвы подѣ Смоленскъ не проѣзжали и товаровъ съ собою никакихъ, и иного ничего платя и рухляди не провозили. А которые будутъ съ Москвы

отъ бояръ отписки къ г. подъ Смоленскъ и тѣ отписки Ивану велѣть распечатывать и распечатавъ переписывать, и переписавъ посылать къ г. съ гонцы которые будутъ у него Ивана. А тѣхъ гонцовъ, которые посланы будутъ съ Москвы, отпущать назадъ къ Москвѣ; да отъ тѣхъ городовъ по дорогамъ потому жъ велѣть поставить заставы. А которые люди прїѣдутъ къ заставѣ и скажутся, что они ѣдутъ изъ деревъ, и изъ уѣздовъ, а не съ Москвы и Ивану тѣхъ людей, потому жъ не пропускать. А будетъ которые боярскіе люди прїѣдутъ на заставу и скажутся, что они съ Москвы и есть у нихъ посылыныя грамотки, и ему Ивану, потому жъ велѣть у тѣхъ людей тѣ посылыныя грамотки имать и переписывать и списывая отписки присылать подъ Смоленскъ.

Отъ ц. т. въ Можайскъ Борису Якимовичу Изѣдинову. По нашему указу, посланъ отъ насъ въ Можайскъ Иванъ Федоровъ сынъ Еропкинъ, а для писма подьячаго и пушкарей и розсыльчиковъ половину велѣно ему имать у тебя. И какъ къ тебѣ съ наша грамота придетъ, а Иванъ Еропкинъ для подьячаго и пушкарей и розсыльчиковъ къ тебѣ пришлетъ, и ты бѣ подьячаго, и пушкарей и розсыльчиковъ пошлешь къ нему половину, что у тебя въ Можайску есть. Писанъ на нашемъ стану подъ Смоленскомъ лѣта 7162 г. іюля въ 31 д. списокъ съ Вяземской отписки слово въ слово.

Г. т. х. т. Иванко Хованскій Гарапка Лавроу челоуъ быють. Въ нынѣшнемъ г. во 162 г. августа въ 3 д. прїѣхалъ къ намъ х. т. изъ Вязмы изъ Царева Займища сотникъ Спиридонъ Селиверстовъ, и сказывать намъ х. т., что учинилось въ Царевѣ Займищѣ на люди моровое повѣтріе. И мы х. т. послали въ Царево Займище сотника вяземскихъ стрѣльцовъ Угрия Шумилова и велѣли ему въ Царевѣ Займищѣ развѣдать подлинно, есть ли на люди моровое повѣтріе и вѣтъ ли явы. И писалъ къ намъ х. т. сотникъ стрѣлецкій Угрия Шумиловъ, что въ Царевѣ Займищѣ учинилось на люди моровое повѣтріе, а ярутъ де люди лавою; и мы х. т., приказывали сотнику стрѣлечному Угriu Шумилову, изъ которыхъ дворахъ учинится моровое повѣтріе и съ тѣхъ дворовъ людей выпускать не велѣли до твоего г. указу, и ничего изъ тѣхъ дворовъ покупать никому не велѣли жъ; а которые г. ѣздить съ Москвы изъ полки подъ Смоленскъ и изъ полковъ къ Москвѣ служилые и всякихъ чиновъ люди мимо Ца-

рева Займища, и мы х. т. тѣхъ людей не пропускать безъ твоего г. указу не съѣмъ, и о томъ что ты г. т. намъ х. с. укажешь; которые люди стануть прїѣзжать изъ Царева Займища въ Вязму, и тѣхъ людей изъ Вязмы подъ Смоленскъ пропускать ли.

16. Г. ц. и в. к. А. М. в. в. и м. и б. Р. с. х. т. Иванко Волконскій челоуъ быють. По твоему г. указу велѣно быть въ Суздальѣ и вѣдать городъ ятѣ х. т. И волею г. Божьею въ приказной избѣ въ моровое повѣтріе подьячіе померли, а иномыные г. подьячіе всѣ померли жъ, и бытъ у твоихъ государевыхъ многихъ дѣлъ въ приказной избѣ не кому. А въ Суздальѣ г. въ приказной избѣ ходитъ въ розсыль Микифорко Родионовъ, а его Микифорковъ сынъ Ганка совѣтъ отъ него Микифорка, сѣлъ въ Покровскомъ дѣвичъ монастырѣ изъ подьячичъ, а его бѣ Ганка Микифорова съ твое государево дѣло въ приказной избѣ будетъ, а я х. т. безъ твоего г. указу, его Ганку взять въ приказную избу въ подьячіе не съѣю, и о томъ г. м. х. с., что ты г. укажешь. (0.) 163 г. марта въ 15 д.

17. Г. ц. и в. к. А. М. в. в. и м. и б. Р. с. х. т. Оедика Юшковъ челоуъ быють. Въ нынѣшнемъ г. во 163 г. іюля въ 5 д., прислана твоя грамота г. т. грамота изъ разряда за принесію дяка Ивана Сѣверова ко мнѣ х. т., а по той твоей г. грамотѣ велѣно мнѣ х. т. на Угличѣ и въ Угличскомъ уѣздѣ казать крѣпкій учинить: будетъ, гдѣ объявится въ Угличскомъ уѣздѣ на лошади и на всякую животину надежъ, и съ надежныхъ бы лошадей и со всякія животину никто коужъ ни снмала и руками за ту надежную животину отнять не принимались ни которыми обичаи, а таскали бѣ изъ ямы веревками и шестами, чтобъ отъ тое надежныя животины на люди мороваго повѣтрія не нанесю. И по твоей г. т. грамотѣ к х. т. казать крѣпкій учинить противъ твоего г. указу и бичами кликать велѣтъ не по одинъ день; а въ Угличской г. уѣздѣ въ ближніе и въ дальніе станы я х. т. посылалъ пушкарей о казатъ; и на Угличѣ г. и въ Угличскомъ уѣздѣ милостію Божьею на люди и на всякую животину надежу нѣтъ, іюля по 8 д. все дати Богъ здорово. (0.) 163 г. августа въ 2 день.

18. Г. ц. и в. к. А. М. в. в. и м. и б. Ф. с. к. т. Тройденко Невдѣвъ челоуъ быють. По твоему г. т. указу, велѣно на Елифани въ городѣ на караулѣ быть перемѣнясь 20 чел. пѣшихъ Елифанскихъ стрѣльцамъ и изъ тѣхъ г. стрѣльцовъ въ

прошлым во 162 г. послана къ тебѣ г. къ Москвѣ 40 чел., а на Елифани оставлено 50 чел. И въ нынѣшнемъ г. во 163 г. гнѣвомъ Божиимъ отъ мороваго повѣтрія на Елифани стрѣльцы померли, осталось только 20 службъ и на караулѣ въ городѣ стоять тѣ стрѣльцы переменяясь по 2 чел. да третій пушкаръ. И тремя г. человекъ города и твоей г. казны оберечь некимъ и для твоихъ г. дѣлъ въ разсылку послать не кого; и дѣти боярскіе, и казаки, и конные стрѣльцы въ городѣ на караулахъ и на сторожахъ не стоять, а въ иныхъ г. городахъ дѣти боярскіе, и казаки, и конные стрѣльцы на сторожахъ и на караулахъ для всякаго оберегання и разсылки безъ вѣстей стоять переменяясь по 20 чел. опирѣ стрѣльцовъ. И я х. т. безъ твоего г. указу на сторожи и на караулъ дѣтей боярскихъ, и казаковъ, и конныхъ стрѣльцовъ поставити не смѣю; а опроче г. дѣтей боярскихъ, и казаковъ, и конныхъ стрѣльцовъ въ сторожи и въ караулъ къ инымъ стрѣльцамъ прибавити не кого и въ посланцахъ г., для всякихъ дѣлъ прибавити тѣ же стрѣльцы. И о томъ, что ты г. т. днѣ х. с. указеши. (О.) 163 г. февраля въ 28 день.

19. Быти на г. ц. и в. к. А. М. в. в. и м. и б. Р. с. службѣ съ бояриномъ и воеводою со княземъ Борисомъ Александровичемъ Реннинымъ съ товарищи лекарь Савѣй Гавриловъ; для лечбыхъ государевыхъ ратныхъ людей нынѣшняго 163 года, а государева сему ялованна мѣсячнаго корму по 4 рубля на мѣсяць.

20. Лѣта 7165 г. сеп. въ 15 д., по г. т. указу ок. Богдану Матѣевичу Хитрово да дякомъ Микитѣ Головинну да Андрею Пешкову. Въ нынѣшнемъ во 163 г. въ г. ц. и в. к. А. А. в. в. и м. и б. Р. грамотѣ писано къ б. ко князю Григорію Семеновичу Курякину съ товарищи: которые гонцы учнутъ прѣѣзжать къ Москвѣ изъ Украинныхъ и изъ иныхъ городовъ со отписками или съ какими съ иными дѣлами, и тѣхъ гонцовъ на Москвѣ держать не велѣно ни одного дни, а велѣно ихъ съ Москвы отпускать тотчасъ безъ задержанья, и съ ними въ города къ боярамъ и къ воеводамъ, и къ приказнымъ людямъ, въ которыхъ городахъ здорово и мороваго повѣтрія нѣтъ, къ государевыхъ грамотахъ велѣно писать, чтобъ изъ городовъ б. и в. и приказ. люди о всякихъ дѣлахъ писали и гонцовъ со отписками посылали въ походы къ отцу его г. къ в. г. т.; а къ Москвѣ о всякихъ дѣлахъ съ отписками гонцовъ не присылали. И по г. т. указу ок. Богдану Матѣевичу Хитрово да дякомъ Микитѣ Го-

ловинну да Андрею Пешкову, по которымъ дорогамъ заставныхъ головъ нѣтъ, и изъ которыхъ городовъ къ Москвѣ никакихъ людей пропускать не велѣно, и изъ которыхъ городовъ пропускать велѣно, о томъ въ Новой Чети выписать росписи городамъ, отъ которыхъ заставы учинены и изъ которыхъ мѣстъ къ Москвѣ прѣѣзжать не велѣно, да о томъ отписать въ Разрядъ. Такова память послана въ Новую Четь съ подъячимъ съ Иваномъ Гордѣвымъ.

Отъ г. ц. и в. к. А. А. в. в. и м. и б. Р. б. н. князю Григорію Семеновичу Курякину съ товарищи. Какъ къ вамъ съ наша грамота придетъ, и вы объ нашихъ всякихъ дѣлахъ писали къ намъ, а отписки велѣли отдавать на Мозаицкой заставѣ головѣ стрѣльцкому Леонтію Азарьеву, а онъ съ тѣхъ отписокъ, списавъ списки, учнетъ присылать къ намъ на станъ въ Вязму. Писанъ на нашемъ стану въ селѣ Тургиновѣ лѣта 7165 октября въ 19 день.

Отъ г. ц. и в. к. А. А. в. в. и м. и б. Р. б. н. князю Григорію Семеновичу Курякину съ товарищи. Какъ къ вамъ съ наша грамота придетъ, а которые гонцы учнутъ прѣѣзжать къ Москвѣ изъ Украинныхъ и изъ иныхъ городовъ съ отписками или съ какими съ иными нашими дѣлами, и вы б. тѣхъ гонцовъ на Москвѣ держать не велѣли ни одного дни, и велѣли ихъ съ Москвы отпускать тотчасъ безъ задержанья, а писали съ ними въ города къ б. и в. и всякимъ къ приказнымъ людямъ: въ которыхъ городахъ здорово и мороваго мѣстъ нѣтъ, чтобъ они б. и в. и приказ. люди изъ тѣхъ городовъ писали о всякихъ нашихъ дѣлахъ и гонцовъ посылали съ отписками къ отцу нашему къ в. г. т. и къ намъ, къ в. г. на станъ во Тверь кому куда ближе; а къ Москвѣ б. къ вамъ ни о какихъ нашихъ дѣлахъ не писали, и гонцовъ бы съ отписками и съ иными нашими ни съ какими дѣлами не посылали, и тѣмъ бы гонцамъ въ городахъ приказывали ласкливо, чтобъ они ѣдучи изъ городовъ къ Москвѣ не заѣзжали для того, что на Москвѣ учинилось моровое повѣтріе. Писанъ на нашемъ стану во Твери лѣта 7165 г. сентября въ 9 день.

По сему г. указу послать государевы царевичевы грамоты въ города, которые не за заставы, и въ которыхъ городахъ и уѣздахъ здорово. (О.) 165 г. сентября въ 13 день.

Отъ г. ц. и в. к. А. А. въ Бѣлгородъ ок. и в. князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи. Какъ къ намъ

ся наша грамота придетъ, а о какихъ нашихъ дѣлахъ доведется вамъ писать къ намъ къ Москвѣ и вы бѣ ни о какихъ нашихъ дѣлахъ къ Москвѣ ни о чемъ не писали и гонцовъ къ Москвѣ ни съ какими нашими дѣлами не присылали, для того что на Москвѣ учинилось моровое повѣтріе, а писали бѣ есте о нашихъ о всякихъ дѣлахъ къ отцу нашему къ в. г. т. въ походъ или къ намъ в. г. на станъ во Тверь, куда податиѣ, и гонцамъ приказывали накрѣпко, чтобъ они къ Москвѣ и въ города, гдѣ моровое повѣтріе объявилось, не заѣзжали; да и во всѣ польскіе и въ украинные города ты бѣ ок. начъ и в. князь Григорій Григорьевичъ къ товарищамъ своимъ сходнымъ воеводамъ о томъ отъ себя писалъ, чтобъ имъ про то намъ указъ быть вѣдомъ, что бѣ они о всякихъ нашихъ дѣлахъ отписки присылали къ тебѣ, а ты бѣ тѣ отписки присылаи къ отцу нашему къ в. г. т. въ походъ или къ намъ в. г. на станъ во Тверь, куда податиѣ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7165 г. сентября въ 14 день.

Такова г. грамота съ бѣлгородскимъ станичникомъ съ Тихою Гридичнымъ.

164 г. июля въ 29 д. послать памяти во дворецъ, въ конюшенный приказъ, въ государыинну палицу Мастерскую Палату, а велѣти собрать старостъ и сказать о томъ, чтобъ выбрали десятскихъ, и тѣмъ дѣятелими и старостамъ приказати накрѣпко, чтобъ они десятчаномъ, по г. указу учинили заказъ крѣпкіи подъ смертною казнью, которые тѣхъ слободъ жильцы и всякіе люди ихъ братья и дѣти и всякіе захребетники прѣдуть къ Москвѣ изъ низовыхъ городовъ, и тѣхъ бы прѣзжихъ людей въ тѣ слободы отнюдь во дворы не пускали и отъ дворовъ и отъ слободъ ихъ выслали за земляной городъ, а ставили ихъ на поле и про нихъ извѣщали тотчасъ.

21. Г. ц. и в. к. А. М. в. в. и м. и б. Р. с. х. т. Васка Феодилатьевъ челомъ бѣгъ. Въ нынѣшнемъ г. во 164 г. августа въ 7 д. писалъ ко мнѣ х. т. Иванъ Проничевъ, что Курмышане дворяне и дѣти боярскіе ѣдутъ изъ моровыхъ мѣстъ, и я х. т. поставилъ заставу того жъ числа. И августа жъ въ 9 день Курмышане прѣѣзжали къ заставѣ и у заставы г. тѣ курмышане черезъ огонь допрашиваны, а что въ роспросѣ г., они Курмышане сказали, и то г. росписъ въ Борисоглѣбскомъ городѣ велѣлъ я переписати и то росписъ послать я х. т. къ тебѣ г., и по той отпискѣ указу мнѣ х. т. иѣти, а въ росписѣ г. ихъ къ прежней написано,

что послана подъ отпискою къ тебѣ г. ѣхали де они изъ Курмышы къ Москвѣ, и ихъ де къ Москвѣ не пустили и обрубилъ въ лѣсу за 8 верстъ отъ Москвы, а на двухъ де чел. въ тѣ поры были извы. И съ Москвы присылали ихъ осматривать и досмотра тѣхъ двухъ человекъ тутъ въ обрубѣ покинули, а имъ де здоровымъ всѣмъ велѣно ѣхать на твою г. службу къ полки и отъ Москвы де поѣдучи на нихъ на Курмышаныхъ ни на комъ язы иѣтъ; а съ ними ѣхалъ Василій Буковъ, и на немъ на самомъ и на человекѣ его извы были; а того де они не вѣдаютъ тѣ ли язы или иѣтъ и онъ де стоитъ поставленъ въ Полоцкѣ. И о томъ г., что мнѣ х. с. указъ жешь. (О:) чтена, а Курмышанамъ быть за заставою до г. указу. 165 г. сеп. въ 12 день.

22. Отъ ц. и в. к. А. М. в. в. и м. и б. Р. с. б. нашему князю Борису Александровичу Репнину съ товарищи. Какъ къ таку ся наша в. г. грамота придетъ, а которая наша денежная казна изъ великаго Новгорода привезена къ заставѣ, и вы бѣ тое нашу денежную казну велѣли переменить, а переменить велѣли ее вести къ намъ в. г. къ Москвѣ и кто съ тою казною ѣдетъ. Писанъ на нашемъ стану въ селѣ Воздвиженскомъ лѣта 7167 г. сентября въ 24 день.

23. Отъ ц. и в. к. б. нашему князю Борису Александровичу Репнину съ товарищи. По указу насъ в. г., посланъ на заставу дякъ Семень Углинскій, а велѣно ему властей Новгородскаго митрополита да Псковскаго архіепископа пропуститъ къ намъ в. г. къ Москвѣ, и вы бѣ писали къ намъ в. г. ст. намъ и в. князю Ивану Хованскій съ товарищи, что въ Юрьевѣ Ливонскомъ учинилось на люди моровое повѣтріе. И какъ къ намъ ся наша в. г. грамота придетъ, и вы бѣ велѣли послать на заставу нарочного гонца тотчасъ, и велѣли дяку Семену Углицкому ѣхать къ Москвѣ, а властямъ Новгородскому митрополиту велѣли ѣхать въ Новгородъ, а Псковскому архіепископу во Псковъ до зимняго времени. А которые власти выѣли на Москвѣ, и вы бѣ тѣхъ намъ на Москвѣ, и они бѣ жили до зимняго времени; а которые на Москвѣ жить не похотятъ, и они бѣ ѣхали по домамъ, а Смоленскому и Полоцкому архіепископамъ велѣли быть на Москвѣ до нашего указу. Писанъ на нашемъ стану въ селѣ Воздвиженскомъ лѣта 7167 г. сентября въ 24 день.

24. Лѣта 7166 г. сеп. мѣ, 23 д., по г. т. указу ок. Ивану Аона-
наевичу Гавреневу да дьякомъ думному Семену Заборовскому,
да Василию Брехову, да Семюну Титову, да Григорью Богданову.
Указалъ г. т. въ селѣ Веземѣ, и въ Можайску, и въ Вязьмѣ, и
въ Дорогобужѣ: отъ Смоленска учинить заставы крѣпкія; а на
тѣхъ заставахъ указалъ г. бытъ дворянамъ, а для переписки со
отписокъ и со всякихъ дѣлъ съ ними быть подьячимъ изъ всѣхъ
приказовъ по чел. съ переменною понеѣдѣлю. И въ нынѣшнемъ
во 166 г. инчутъ къ в. г. т. съ веземскія заставы Петръ Ти-
хоновъ да съ можайскі заставы Дмитрій Мотовиловъ; многія отпи-
ски присылаются де къ нимъ на заставы изъ городовъ, а съ
тѣхъ де отписокъ списывать списокъ не кѣмъ, подьячихъ у
нихъ только бываетъ съ переменною по 3 чел., и тѣ де подьячіе
со отписокъ списокъ переписывать не успеваютъ, и за тѣмъ де
на заставахъ у нихъ писму чинится большое мотчанье, лежатъ
многіе отписки многое время не переписаны. И в. г. т. указалъ
для переписки отписокъ на заставы послать изъ всѣхъ прика-
зовъ по человѣку, чтобы въ перепискѣ отписокъ мотчанья ни
малаго не было, и о томъ указалъ в. г. своей г. указы послать въ
Разрядъ. И по г. т. указу ок. Ивану Аонанаевичу Гавреневу, да
дьякомъ думному Семену Заборовскому, да Василию Брехову, да
С. Т. да Г. Т. о подьячихъ къ дворянамъ на заставы, для пере-
писки изъ всѣхъ приказовъ и о присылкѣ въ Новую Четь учини-
ти по г. т. указу. Дьякъ Семенъ Углецкой.

Лѣта 7166 г. декабря въ 8 д., по ч. т. указу ок. Ивану Аон-
насьевичу Гавреневу да дякомъ думному Семену Заборовскому
да Василью Брехову, да Семену Титову, да Григорью Богданову.
Въ памяти въ Посольскій приказъ къ дякомъ къ думному къ
Алмазу Иванову да къ Ефиму Юрьеву за твоею Васильевою при-
пискою написаное указать в. г. т. на заставахъ для переписки
своихъ г. дѣлъ быти изъ всѣхъ приказовъ подъячимъ по чел. съ
переѣзною по 2 на день, и чтобы посольскаго приказа и ново-
городскія чети и печатнаго приказа подъячимъ, которыя быти на
заставахъ учинить по г. указу. И по г. т. указу изъ Посольскаго
Приказа и изъ Новгородскія Чети для переписки Посоль. Приказу
дѣлъ подъячіе на заставы посылаются всегда и не по очереди
ли на ближнія и на дальнія заставы, да и недавняго времени
были на заставахъ во Рязенѣ Володимиромъ переводиныхъ, да подъя-
чіе дважды и жижи кѣдѣли по 3 и по 4; да Посольскаго жъ Приказу

и Повгородскія Чети 3 чел. подъячихъ нѣтъ посланы для переписки
государевыхъ дѣлъ на Вяземскую приставу. Дьякъ Ефимъ Юрьевъ.
25 Отъ ц. вѣв. А. М. въ С.-П.

25 Отъ и. в. к. А. М. в. в. и. м. и. б. Р. с. б. и. князю Ивану Семеновичу Прозоровскому да ок. и. Василию Александровичу Чоголову да духовному нашему дяку Лариону Лопухину Какъ намъ ся наша в. г. грамота прилетѣла, а которая жена татарка передъ стрѣльцкимъ приказомъ умерла скорою смертию, и вы бы протое женку велѣли съезжать въ Стрѣльцкомъ приказѣ: сколько она сидѣла и съ котораго числа, и съ которыми приставами милостинны проситѣ велѣли распросити, гдѣ та жена ходила она милостинны просити и у кого не была ли; и преезъ сего, какъ она сидѣла въ стрѣльцкомъ приказѣ, болѣна не была ли; и розыскавъ протое до прима, отъ чего та жена умерла, и обо всемъ къ намъ в. г. отписать и съестъ прислать во мѣстѣ; и который подьячій тое женки побхалъ осматривать, и того подьячаго въ городѣ пускать до нашего г. указу не велѣтъ; а ту женку велѣли закопать за землянымъ городомъ податѣ, гдѣ-бы не на пашенномъ мѣстѣ, поглубже, и велѣли на тое могилу накласть огню побольше, и на жечь гораздо, чтобъ той могилѣ зѣбрь ни какою не раскопалъ. Писати въ селѣ Нокровскомъ лѣта 7168 г. мая въ 31 д. Р. т. 6 т. Иваншко прозоровскій, Василька Чоголовъ, Ларья Лопухинъ челомаъ быють. Мая г. въ 31 д. въ твоей в. г. т. грамотѣ писано къ намъ х. т., которая жена татарка передъ Стрѣльцкимъ приказомъ скорою смертию умерла, и та жена сколь давно и съ котораго числа въ Стрѣльцкомъ Приказѣ была, и гдѣ она ходила для милостинны, и хмѣянаго питья она не была ли и нынѣ болѣна была ли, про то про все велѣно намъ х. т. сыскать подлинно, а женку закопать за землянымъ городомъ не на пашенной землѣ глубоко, чтобъ зѣбрь никакой и собаки не откопал; а подьячему, который для досмотру той женки посланъ, велѣти бѣ бытъ за городомъ до твоего г. указу. И по твоему в. г. т. указу въ Стрѣльцкомъ приказѣ про ту женку сыскивано, а что какіе люди про тое женку въ томъ сыскѣ сказали, изъ досмотру, каковы прислать подьячій Тимовой Антипинъ, переписавъ 7 разъ, послѣдній списокъ послали къ тебѣ в. г. съ сею отпискою; а женку велѣли за землянымъ городомъ не на пашенной землѣ закопать въ землю глубоко, а тѣмъ людямъ, которые въ то время съ нимъ были, велѣли быть за землянымъ городомъ до твоего г. указу.

Такова отписка и сыскныя рѣчи посланы въ село Покровское Новья Чети съ подьячимъ съ Борискомъ Юхилевымъ июня въ 1 день.

168 г. мая въ 31 день Стрѣлецкаго Приказа дневальные подьячіе Петръ Зиновьевъ, Кузьма Зыковъ, Василий Ивановъ сказали: въ Стрѣлецкомъ Приказѣ сидѣла колодница Касимовскаго уѣзда женка татарка не крещенная, и во 12 часу дня тосковала и блевала и выходила изъ приказа на дворъ съ слоботчиномъ, передъ Приказомъ сидѣла на дровахъ и умерла въ 15 (sic) часу дня; а какая у ней болѣзнь была, того они не вѣдаютъ, а прѣжъ того была она здорова, только дѣти стара. И они тое женку велѣли свезти за Москву рѣку за земной городъ.

Стрѣлецкаго жъ Приказу деньщики Дениска Дементьевъ, Иванко Нахомовъ сказали: дневали они въ Приказѣ и женка татарка была за слоботчиками, ходила просить милостыни, и передъ вечерними тосковала, и вышла передъ Приказомъ сидѣла на дровахъ и умерла; а какая болѣзнь у ней была, того не вѣдаютъ, а прѣжъ того скорби на ней никакой не видали.

А слоботчики Тимоосева Приказу Полтева Смирка Семеновъ, Гаврилко Иполитовъ, Алешка Юрьевъ сказали: дневали они въ Приказѣ, а женка сидѣла съ слоботчиномъ съ Иванкомъ Долгимъ и ходила съ нимъ изъ приказа просить милостыни, и въ приказъ приходъ сидѣла до 12 часа дни, пила, и ѣла, и стала тосковать, и съ тѣмъ же слоботчиномъ вышла передъ Приказъ и сидѣла на дровахъ и умерла въ 15 часу дня; а какая у ней болѣзнь была, того не вѣдаютъ.

А слоботчикъ Иванко Долгий сказалъ: дневалъ онъ въ Приказѣ и часу въ 3 дни ходилъ съ тою женкою въ мѣръ, просила она милостыни въ рядахъ, и купила двудесятиный калачъ да на 2 денья прѣснаго яду; и въ Приказъ пришелъ съ нею часу въ 6-мъ дни; и та женка была здорова, пила и ѣла, и ѣтчи спала, и передъ вечерними встала, учела тосковать, и блевать; и изъ Приказу вышла на площадь, и сидѣла на дровахъ и умерла въ 15 часу дни вначалѣ; а какая у ней болѣзнь, того не вѣдаютъ, а прѣжъ того скорби на ней никакой не видѣли; а какъ онъ съ нею ходилъ по рядамъ, и та женка вина ни у кого не пила.

Стрѣлецкаго жъ Приказу колодники Василий Хитровъ, Иноземскаго Приказу подьячіе Иванъ Дурановъ, Данило Карповъ и

иные разныхъ чиновъ приводные люди Степана Осодосѣевъ, Митыла Спиридоновъ, Иванко Степановъ, Ефремко Терентьевъ сказали: женка татарка въ Приказѣ была здорова и съ слоботчиномъ ходила просить милостыни, и пришла въ Приказъ часу въ 6-мъ, пила, и ѣла, и спала, и во 12 часу дни стала тосковать и блевать; и слоботчикъ изъ Приказу пошелъ съ нею на площадь и она на дровахъ умерла; а какая у ней болѣзнь была, и какъ умерла, того не вѣдаютъ.

А спрашиваны про то дневальные, и подьячіе, и деньщики и слоботчики и колодники издалека въ 4 хъ саженихъ.

А по сказкѣ подьячаго Максима Сергѣева та женка взята была въ Приказъ по подлинной челобитной мая въ 10 ч., по челобитной торговаго иноземца Тимоосей Мартынова, что той женки жили у него Тимоосей въ наймахъ 2 сына и подговорили куплевого его чел., а съ нимъ животы изъили на 1000 рубъ и тѣ женщины дѣти не сысканы; а женка въ распроеѣ сказала: дѣти ея у Тимоосей въ наймахъ жили, а пробытъ дѣтей своихъ и про сносные животы, и гдѣ нынѣ дѣти ея, того сказала не вѣдаютъ. Писано на 6-е писмо 168 г. июня въ 1 д., посылать Приказу сыскныхъ заставныхъ дѣтъ подьячій Тимоосей Антипинъ за городъ за Калужскія ворота осмотрѣти, и похоронить отвезши за городъ подальше въ поле не на нашенномъ мѣстѣ умершую бабу, что умерла въ Стрѣлецкомъ Приказѣ колодница, и даны ему земли ярышки. И подьячій Тимоосей Антипинъ осматривалъ черезъ огонь, а по его осмотру знаку на той женкѣ постижныя болѣзни, какъ была въ морвое повѣтріе вѣтъ, а златно, что она умерла—была стара; и выкопавъ могилу глубоке, закопана отъ земляного города версты съ 2 и больше на пустомъ мѣстѣ не на нашенномъ, и на могилѣ огонь раскладенъ большой для того, чтобъ звѣрь не выкопалъ. И подьячій Тимофей Антипинъ, и деньщики 5 чел., и ярыжные 4 чел., и извоинцы у земляного города у калужскихъ воротъ остановлены до указу в. г. Отъ ц. т. б. н. князю Ивану Семеновичу Прозоровскому, до ок. нашему Василью Александровичу Чоголову, да думному нашему дьяку Ларіону Лопухину. Юня въ 1 д., писали къ намъ въ г., которая женка передъ Стрѣлецкимъ приказомъ умерла скорою смертию, и въ тое женку велѣли закопать за землянымъ городомъ, а тѣмъ людямъ, которые тое женку закапывали, велѣли быть за землянымъ городомъ до нашего г. указу. И какъ къ вамъ ся наша

в. г. грамота придетъ, и вы бѣ пристава, который съ тою женою ходилъ для милостыни, и у кого та жена казачъ и медъ купила, велѣли спросить не дали ли ей кто какой отравы: а которые подьячіе и приставы въ Стрѣлецкомъ приказѣ въ то время были, какъ та жена умерла и подьячаго, который ее осматривалъ, и тѣхъ людей которые ее зашивали, всѣхъ велѣли быть до нашего указу въ домахъ своихъ и изъ дворокъ никуда имъ ходить и къ нимъ никого пускать не велѣли. А чего съѣстного имъ понадобится купить и имъ велѣть покупать сродичамъ ихъ, и приносить на дворы ихъ; а тѣхъ людей которые съѣстное принесли, на дворы къ нимъ пускать не велѣли; а въ которыхъ мѣстахъ та жена бѣвала и умерла, и тѣ мѣста велѣли выкопнуть и водою смать и святою водою окропить. Да вѣдомо намъ в. г. учинилось, что обѣзвѣлся гробъ на Двинѣмъ подѣ и вы бѣ тотъ гробъ велѣли наметать землею и дерномъ окласть гораздо. Писанъ въ селѣ Покровскомъ лѣта 7168 г. іюня въ 1 день. Дьякъ Андрей Немировичъ.

26. Лѣта 7169 г. іюня въ 12 день, по г. т. указу ок. Ивану Аонасьевичу Гавреневу, да дьякомъ думному Семену Заборовскому да Василию Брехову, да Аонасью Зыкову. Г. т. указалъ послать въ полкъ къ б. и воев. по князю Ивану Андреевичу Хованскому съ товарищи лекарей Ивана Никитина, да Ивана Антонова для лечбы государевыхъ ратныхъ раненыхъ всякихъ чиновъ людей да съ ними посланы аптекарскія лѣкарства. И тѣ лекари Иванъ Никитинъ и Иванъ Антоновъ и аптекарскія лѣкарства посланы въ Разрядъ съ сою памятью. И по г. т. указу ок. Ивану Аонасьевичу Гавреневу, да дьякомъ думному Семену Заборовскому, да Василию Брехову, да Аонасью Зыкову учинить о томъ по сему г. указу. Дьякъ Иванъ Десятовъ.

Отъ ц. т. б. нашему и в. князю Ивану Андреевичу Хованскому съ товарищи. По нашему в. г. указу посланы съ Москвы къ вамъ въ полкъ съ поручикомъ съ Юрьемъ Костентиновымъ лекари Иванъ Микитинъ да Иванъ Антоновъ для лечбы государевыхъ ратныхъ раненыхъ всякихъ чиновъ людей, да съ ними жъ посланы аптекарскія лѣкарства. И какъ поручитъ Юрій Костентиновъ и лекари Иванъ Микитинъ да Иванъ Антоновъ къ вамъ въ полкъ прїѣдутъ, и аптекарскія лѣкарства привезутъ, и вы бѣ тѣмъ лекарямъ у себя въ полку велѣли быть для лечбы нашихъ государевыхъ ратныхъ раненыхъ всякихъ чиновъ людей;

а котораго числа они къ вамъ въ полкъ прїѣдутъ, и вы бѣ писали о томъ къ намъ в. г. съ иными дѣлми. Писанъ на Москвѣ лѣта 7169 г. іюня въ 17 день.

27. Отъ ц. т. б. н. и в. князю Борису Александровичу Репнину съ товарищи. По нашему указу велѣно лекарю Флору Диклеру быть на нашей службѣ у вастъ въ полкахъ, для лечбы нашихъ ратныхъ раненыхъ всякихъ чиновъ людей, а нашего жалованья мѣсячного корму дано ему сентября по 1 число 171 г. по 5 руб. на мѣсяцъ. Да съ тѣмъ же лекаремъ послано къ вамъ аптекарскія лѣкарства, а что какихъ аптекарскихъ лѣкарствъ послано, и тому росписи подѣ сою нашею грамотою. И какъ къ вамъ съ наша грамота придетъ, и вы бѣ лекарю Флору Диклеру велѣли быть на нашей службѣ съ собою, а нашего жалованья мѣсячный кормъ велѣли ему давать сентября съ 1 числа 171 г. противъ нашего указу. А которые наши ратные люди на бояхъ будутъ ранены, и вы бѣ тѣхъ ратныхъ всякихъ чиновъ людей велѣли лечить лекарю Флору Диклеру и лѣкарство давать съ запискою; а кто иманы наши ратные люди на бояхъ будутъ ранены и больны, и сколько какихъ лѣкарствъ въ расходѣ выйдетъ, и вы бѣ тѣхъ людей имена и аптекарскія лѣкарства велѣли записывать въ книги, и тѣ книги за дѣлачею припискою, прислали къ в. г., какъ нашихъ ратныхъ людей съ нашей службы отпустить будетъ да о томъ къ намъ отписали, а отписку велѣли подать въ Аптекарскій Приказъ б. и. Илѣ Даниловичу Милославскому да дьяку нашему Ивану Десятову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7170 г. іюля въ 22 день. Дьякъ Иванъ Десятовъ.

28. Г. т. в. в. А. М. в. е. и. м. и. б. Р. с. х. т. Алешка Трубенкой съ товарищи человекъ бѣють. Августа г. въ 10 д. послали мы х. т. по Дмитровской дорогѣ къ подьячему къ Тимоою Антипину, который досматривать болѣзни у старицы Кантелины подьячаго жъ Микитку Ключарева и велѣли ему того подьячаго Тимоою Антипина допросить издали: старица Кантелина, которая обѣчена въ лѣсу, нынѣ здорова-ль, и нѣтъ ли у ней какой болѣзни и язвы, и та что у ней обѣзвѣлось въ паху.... шло ли. И сегодѣ г. числа подьячій Микитка Ключаревъ подавъ намъ х. т. сказку на писмѣ, что сказалъ ему издалика подьячій Тимоою Антипинъ, и ту г. сказку, переписавъ на новую бумагу, къ тебѣ в. г. т. послали мы х. т. съ сою отпискою вмѣстѣ.

Списокъ съ обысковъ, каковы подати дьякъ Иванъ Петрикѣвъ. Лѣта 7170 г. августа въ 9 день, по г. т. указу, и по приказу бояръ князя Алексѣя Никитича Трубецкаго съ товарищи велѣно дьяку Ивану Патрикѣву обыскать про старицу Кантелину, гдѣ она жила, около двора ея, сосѣдями и сторонними людьми въ правду по святой Христовѣ непорочной евангельской заповѣди: еже ей ей, на той старицѣ Кантелинѣ моровая язва была ли, или не бывала, и про то имъ околнымъ людямъ и сосѣдямъ вѣдомо ли; да что протое старицу околные люди и сосѣди во обыску скажутъ, и тѣ ихъ рѣчи велѣно написать на списокъ и за руками подати боярамъ князю Алексѣю Никитичу Трубецкому съ товарищи. И 170 г. августа въ 9 день про старицу Кантелину около ея двора, гдѣ и она жила, сосѣдями ея обыскивано.

А во обыску Григорьева приказу Остафьева слоботники Куся Лаурентьевъ сказали по Христовѣ непорочной евангельской заповѣди: еже ей, ей, старица Кантелина жила въ ихъ приказѣ подлѣ ея Кузькина двора съ племянникомъ своимъ тогожъ приказу съ стрѣльцомъ съ Карпункою Кондратьевымъ, а давно ей удѣлъ изъ богатырны Моисей Боговидна и племянникъ де ея посланъ на г. службу съ головою съ Григорьемъ Остафьевымъ въ Смоленскъ. А какъ де она Кантелина взята въ приказъ и дворъ ея стоитъ пустъ, а приказанъ де надирать Андреева приказу Контева стрѣлцкой Ивашковѣ женѣ Микулина Дашкѣ. А какъ та старица послѣ морового повѣтрія жила въ ихъ приказѣ, и она была все здорова, а моровой язвы на ней не видалъ и не слыхалъ, и больна она при немъ не бывала, и въ ихъ приказѣ послѣ морового повѣтрія моровой язвы ни на комъ не бывало и не слыхалъ. Тогожъ приказу слоботники Ивашко Микитинъ, Стенька Силинъ, Федька Каргѣевъ, Оська Мартановъ, Ивашко Оедорова, стрѣлецъ Микафорко Нефедьевъ сказали жъ по Христовѣ непорочной евангельской заповѣди: еже ей, ей, старица Кантелина послѣ морового повѣтрія жила въ ихъ приказѣ и была все здорова, а моровой язвы на ней не видалъ и не слыхалъ, и ни на комъ въ ихъ приказѣ послѣ морового повѣтрія моровой язвы не бывало и не слыхалъ. Тогожъ приказу старица Кантелины сосѣдки стрѣлцкя жены пятидесятниковъ Денискова жена Золотарева Остиньла, Кузькина жена Иванова Ульянка, стрѣлца Гришкина жена его Марыца, Васькина жена Игнатьева Устиньца сказали по Христовѣ непорочной евангель-

ской заповѣди: старица Кантелина жила въ ихъ приказѣ все здорово, а моровая язва на ней и ни на комъ послѣ морового повѣтрія не видалъ и не слыхалъ.

Андреева Приказу Контева стрѣлца Ивашкова жена Микулина Дашка Данилова сказала: старицу де Кантелину она знаетъ года съ 2, и какъ ту старицу взяли въ приказъ и она приказала ей надирать свой дворничко, а моровой де язвы на той старицѣ не видала и не слыхала. Таковы обыски посланы Мон. Приказу съ подъячимъ съ Савкою Емельяновымъ.

Г. т. х. т. Алешка Трубецкой съ товарищи челомъ бѣють. Августа г. въ 9 день, по твоему в. г. т. указу послали мы х. т. Стрѣлцаго Приказу дьяка Ивана Патрикѣва въ Григорьевъ Приказъ Остафьева, и велѣли ему въ той слободѣ около двора, гдѣ жила старица Кантелина, обыскать сосѣдями ея и сторонними людьми въ правду по Святой Христовѣ непорочной Евангельской заповѣди, какъ та старица Кантелина жила у нихъ въ Стрѣлцкой слободѣ, и у ней послѣ морового повѣтрія моровая язва была ли, и отъ той язвы она больна бывала ли, или не бывала: и того жъ г. числа дьякъ Иванъ Патрикѣвъ подати намъ х. т. сыскъ на писмѣ за руками обыскныхъ людей. И мы х. т. съ того сыску велѣли переписать дважды и тотъ списокъ къ тебѣ в. г. послали съ подъячимъ съ Савкою Емельяновымъ.

Лѣта 7170 г. августа въ 9 д., по г. т. Указу и по приказу б. князя Алексѣя Никитича Трубецкаго съ товарищи, велѣно дьяку Ивану Патрикѣву обыскать про старицу Кантелину, гдѣ она жила, около двора ея, сосѣдями и сторонними людьми въ правду по Святой Христовѣ непорочной Евангельской заповѣди: еже ей, ей, на той старицѣ Кантелинѣ моровая язва бывала ли или не бывала и про то имъ околнымъ людямъ и сосѣдямъ вѣдомо ли; да что про то старницу околные люди и сосѣди въ обыску скажутъ, и тѣ ихъ рѣчи велѣно написать на списокъ и за руками подати боярамъ князю Алексѣю Никитичу Трубецкому съ товарищи.

И 170 г. августа въ 9 день про старицу Кантелину около ея двора, гдѣ она жила сосѣдями ея обыскивано (слѣдуютъ вышеприведенныя обыскныя рѣчи. Н. Н.).

Къ снѣзъ обыскнымъ рѣчамъ Григорьева Приказу Остафьева Спасскій попъ Стефанъ вхѣсто слободчиковъ Козьма Лаурентьева съ товарищи и стрѣлцкихъ женъ по ихъ велѣнью руку приложить.

Списано на 6-е письмо.

170 г. августа въ 9 д., посланъ Приказу заставныхъ дѣлать подъячій Тимошей Антипинъ по Дмитровской дорогѣ доѣхать ссыльной старицы съ женою, которая съ нею послана. И Тимошей Антипинъ доѣхать за Землянымъ городомъ позади новыя Дмитровскія слободы. А по осмотру на правомъ плечѣ старое сабельное рубленье, да на головѣ на затылкѣ рублено жъ, да на правой рукѣ на запястьѣ рублено жъ, да у ней же въ правомъ паху выкинулось побольше орѣха, а знатно, что окинулось желѣза отъ сѣчени старой болѣзни, а не язва.

А старица сказала: прележъ де сего было у ней въ моровое повѣтріе въ паху выкинулось съ брусь и изомло безъ провазу, а нынѣ де у ней окинулась отъ болѣзни сабельныхъ ранъ въ паху желѣза тому дни съ 3, а не такъ, какъ было въ моровое повѣтріе; а голова де у меня болитъ отъ сабельныхъ же ранъ, а не отъ того, что окинулась желѣза; а сѣчена де я въ Московское разоренье. Такого письма переписано въ седьмой и послано къ в. г. съ стряпчимъ съ Борисомъ Аргамаковымъ.

Г. т. х. т. Алешка Трубенкой съ товарищи человекъ быють. Сего г. числа августа въ 9 д. въ 7-мъ часу дни въ неходѣ, писали къ тебѣ в. г. т. мы х. т. Разряднаго Приказу съ подъячимъ съ Михайломъ Шелковниковымъ, что нынѣшняго жъ числа въ 5-мъ часу дни сказывать намъ х. т. дякъ Александръ Дуровъ: сидѣли де въ Стрѣлецкомъ Приказѣ въ воробѣ колодница стрѣльчиха да безмѣстная старица и та стрѣльчиха на ту старицу извѣщала, что де у той старицы отпрыгнула прежняя язва, которая у ней была напередъ сего въ моровое повѣтріе и отъ того де та старица заболѣла; да и старица г. въ допросѣ про себя сказала тѣ жъ рѣчи: да она жъ старица сказала, что послѣ мороваго повѣтрія та болѣзнь отпрыгнула у ней въ третіе, и что мы х. т. ту старицу и стрѣльчиху изъ Стрѣлецкаго Приказу велѣли отвезти по Дмитровской дорогѣ версты съ 15 и больше и велѣли засѣчь въ лѣсу въ сторонѣ, и что послѣ того сказывали намъ х. т. дякъ Александръ Дуровъ, а ему де Александру сказывать Стрѣлецкаго Приказу денщика: какъ де ту старицу за городъ повезли, и та де старица кричала, что повезли ее напрасно: она де здорова, никакой болѣзни на ней нѣтъ; и что мы х. т. за тою старицею въ дорогу послали подъячаго Тимошея Антипина, который язвенныя болѣзни напередъ сего досматривалъ, а велѣли ему

у той старицы язву досмотрѣть и, досмотру своего сказку на писмѣ переписать не одиножды, прислать къ себѣ. И сего жъ г. числа въ 12-мъ часу дни подъячій Тимошей Антипинъ прислать къ намъ х. т. досмотръ свой на писмѣ переписать 6-ю; и тотъ г. досмотръ мы х. т. списавъ на 7-й списокъ послали къ тебѣ в. г. т. съ сего отпискою вмѣстѣ съ стряпчимъ съ Борисомъ Аргамаковымъ; а велѣли ему прѣѣхать въ Кокухово, не переѣзжая моста, стать и тебѣ в. г. вѣстно учинить; а подъячему г. Тимошею Антипину велѣли мы х. т. быть въ томъ мѣстѣ, гдѣ будутъ засѣчены въ лѣсу старица и стрѣльчиха, до твоего в. г. указу.

Г. т. х. т. Алешка Трубенкой съ товарищи человекъ быють. Августа г. въ 9 день въ 5-мъ часу дни, приходи къ намъ х. т. дякъ Александръ Дуровъ сказывалъ: того жъ де г. часу шелъ онъ Александръ съ верху, и какъ де будетъ противъ перви собору Архистратига Михаила и его де встрѣтилъ Стрѣлецкаго Приказу подъячій Иванъ Вахрамѣевъ, и сказывалъ ему: снѣгать де въ Стрѣлецкомъ Приказѣ колодница безмѣстная старица да стрѣльчиха, а какъ ихъ зовутъ, того онъ не упомянулъ въ дѣлѣ, что та стрѣльчиха на тое старицу извѣщала въ воробѣ; и нынѣшняго жъ г. числа сказывала г. тому подъячему Ивану та стрѣльчиха на ту старицу, что у той старицы напередъ сего въ моровое повѣтріе была язва, а нынѣ де у ней та язва отпрыгнулась. И мы х. т. приказали дяку Александру Дурову, велѣли ему послать той стрѣльчихи и старицы допросить подъячаго не доходи Приказу, у въ окошко издалека, у той старицы язва есть ли, будетъ есть и сколь давно отпрыгнула, и впервые ль послѣ того мороваго повѣтрія та прежняя язва отпрыгнула. И того жъ часу дякъ Александръ Дуровъ принесъ къ намъ х. т. жонки стрѣльчихи извѣтъ, а старица допросъ на писмѣ, а переписано г. то письмо 4-мъ. А въ извѣтѣ г. стрѣльчихи написано: августа въ 9 день стрѣльчиха женка Матренка Маркова извѣщала, что старица де Кантелина, которая взята въ Стрѣлецкій Приказъ по ея извѣсту въ воробѣ, сидитъ въ приказѣ занемогла сего числа, а сказывала де она Кантелина ей, что въ моровое повѣтріе была на ней смертоносная язва, и знатно де нынѣ она занемогла отъ того жъ, и она де Матренка язву у ней осматривала, а по осмотру де у ней Кантелины въ правомъ паху вспухло съ яблоко богрово, и около того мѣста красно. А старица Кантелина въ допросѣ сказала, что у ней въ моровое повѣтріе смертоносная

язва въ томъ мѣстѣ была и сего жъ числа знатно отрыгнулась отъ того жъ; а послѣ де морового повѣтрія отрыгнулась та болѣзнь нынѣ въ третіе. И мы х. т. ту старицу и женку стрѣльчиху, которая на нее навѣдала, велѣли отвезти по Дмитровской дорогѣ вереть съ 15 и больше тотчасъ и велѣли г. ихъ въ большомъ лѣсу отъ большія дороги въ сторонѣ обѣихъ накрѣпко, и поставить караулъ стрѣльцовъ десятичника, а съ ними 5 чел. стрѣльцовъ, и тѣмъ стрѣльцамъ приказали смотрѣть и беречь накрѣпко подь смертною казнью, чтобы они обѣихъ ту старицу и женку, были безотступно и по деревнямъ ни куда ни для чего не ходили, и смотрѣли и берегли того накрѣпко, чтобы къ нимъ никакові чел. ни откуда не прѣхали и не пришли ни которыми обычаи. А которыхъ г. подьячійхъ, и колодниковъ, и всякихъ чиновъ людей въ Стрѣлецкомъ Приказѣ тотъ извѣсть заставить, и мы х. т. тѣхъ всѣхъ людей изъ Приказу выпускать и къ нимъ никого припускать до ночи не велѣли; а ночью велѣли ихъ изъ Приказу вывести и поставить за городомъ на пустыхъ дворахъ и караульщикамъ у тѣхъ дворовъ быть велѣли до твоего г. указу. А сего жъ г. числа въ 7-мъ часу дни въ исходѣ пришли къ намъ х. т. дьякъ Александръ Дуровъ и сказали словесно: сказывалъ де ему Александру Стрѣлецкаго Приказу денщикъ Илюшка Дехидовъ: какъ де ту старицу изъ Приказу, посади въ телегу, за городъ повезли, и та де старица кричала, что повезли ее напрасно, она де здорова, ни какой болѣзни на ней нѣтъ. И мы х. т. за тою старцею послали подьячаго Тимофея Онтипина, который напередъ сего такіа язвенныя болѣзни досматривалъ, а велѣли ему у той старицы язву досмотрѣть и досмотру своего сказку на писмѣ переписать не одиножды прислать. А что г. тотъ подьячій про ту болѣзнь въ сказкѣ своей напишетъ, и о томъ къ тебѣ в. г. мы х. т. писать учнемъ того жъ часу. Такова отписка послана къ в. г. въ село Коломенское, Разряднаго Приказу съ подьячимъ съ Михайломъ Шелковниковымъ того жъ числа августа въ 9 день въ 7-мъ часу дни въ исходѣ.

29. Списокъ съ памяти слово въ слово лѣта 7172 г. февраля въ 28 д., по г. т. указу память Григорью Орефьевичу Неронову да дьяку Ивану Андреянову. Дати имъ в. г. денежнаго жалованья корму на нынѣшній на февраль мѣсяцъ полковымъ лекарямъ Ивану Албанусу 5 руб., Ивану Микитину, Ивану Антонову, Степану Алексѣеву, Василью Падуреву, Степану Ошурку, Ивану

Костылеву, костоправу Ивану Овдокимову по 2 рублю человѣку, и тое дачу записать у себя въ книги особою статьєю. У подлинной памяти приписъ дьяка Аонасія Зыкова, а писать память Елизаръ Оедоровъ.

30. Г. т. бысть челомъ б. т. Аптекарскаго Приказу лекарь Ортюшка Назаровъ. Въ прошломъ г. во 162 г., выѣхалъ къ тебѣ в. г. и былъ у б. у князя Алексѣя Никитича Трубецкого съ товарищи въ полкахъ лечить твоихъ государевыхъ ратныхъ людей и больныхъ всякихъ многихъ своимъ лекарствомъ, и присланъ былъ къ тебѣ в. г. на станъ подь Смоленскъ; и изъ Смоленска указалъ ты в. г. отпустить меня по отцу своего, и по мати, и по братью. И взявъ г. отца своего, и мати и братью, и племянниковъ, покнячъ домишко свой со всякимъ житьемъ, вышелъ служить тебѣ в. г., и взявъ въ Аптекарскій Приказъ 4-й годъ, и твое г. жалованье кормъ миѣ указанъ небольшою съ женишкою, и съ дѣтишками, и съ лодичками пропитаться нечѣмъ; а отецъ г. мой Назарій Семеновъ съ матерью моею, и съ племянники съ Василью, да съ Андрюшкою, съ Иванкомъ Тихоновымъ, да съ Гришкою да съ Тимошкой Игнатьевыми, какъ ихъ вывезъ изъ Келосу, твоего г. жалованья денежнаго корму имъ нѣтъ, живутъ на Москвѣ у меня, скитаются межъ дворян; а нашей братьѣ иноземцамъ всѣмъ твоимъ в. г. милость жалованье и кормъ имъ даютъ, а отцу моему и матери, и племянникамъ имъ корму нѣтъ. Милосердый г. т. пожалуй меня х. с., вели г., свое г. жалованье отцу моему и матери и племянникамъ бѣднымъ кормъ давать, какъ инымъ иноземцамъ даютъ изъ Приказу Большаго Прихода, чтобы имъ, будучи безъ корму, въ нынѣшнюю дороговъ голодною смертию не умереть. Ц. г. смилуйся пожалуй (Об.) Г. пожаловать, велѣть давать отцу его и матери кормъ по гривнѣ на день, а племянникамъ, пока мѣста въ службу поспѣютъ, по 6 денегъ на день изъ Приказу Большаго Приходу ок. Родиону Матвѣевичу Стрѣшневу 170 г. марта въ 14 д. учинить по сему г. указу и послать память и записать въ Разрядѣ въ книгу. Лѣта 4170 г. марта въ 16 д. по г. т. указу ок. Родиону Матвѣевичу Стрѣшневу да дьякомъ Григорью Порошину да Лѣзу Ермолаеву. Въ нынѣшнемъ во 170 г. марта въ 14 д. в. г. т. пожаловать Аптекарскаго Приказу лекаря Артемя Назарьева, велѣти отцу его да матери его Марѣ учинить своего в. г. жалованье денежнаго корму по гривнѣ да племянникомъ Василью

Андрюшкѣ, Иванку Тихонову, Гришкѣ, Тимошкѣ, Игнатъевичу по алтыну чел. на день и тѣ кормовыя денги давать имъ изъ Большого Приходу марта съ 1 числа нынѣшняго 170 г. сент. по 1 ч. 171 г. помѣсячно; и по г. т. указу ок. Родіону Матвѣвичу Стрѣлиеву и дякомъ Григорью и Лаву о государевѣ жалованьѣ Артемьеву отцу Назарью и матери Маріѣ и племянникомъ о кормовыхъ денгахъ учинить по указу в. г.

31. Мѣта 7177 г. марта въ 19 д., по г. т. указу ок. Ивану Михайловичу Милославскому да дяку Ивану Десятову. Въ прошлыхъ во 176 г. мая въ 29 ч. по указу великаго государя взять въ Разрядъ изъ Антекарскаго Приказа сундукъ съ лекарствомъ, а изъ Разряду тотъ сундукъ съ лекарствомъ послать въ полку къ б. и в. ко князю Григорью Семеновичу Куракину съ товарищи для лекарства. И въ нынѣшнемъ во 177 г. марта въ 2 ч. по росписи дыла изъ того сундука съ лекарствомъ въ полку въ расходѣ небольшое, а сколько въ расходѣ тѣхъ лекарствъ и выѣвъ въ остаткѣ на лицо, и тѣ де книги у лекаря у Артемья Назарьева II в. г. т. указать тотъ сундукъ съ лекарствомъ изъ Разряду отослать въ Антекарскій Приказъ по прежнему Помѣстнаго приказа съ подьячимъ съ Мизифоромъ Протопоповымъ да съ лекаремъ съ Артемьемъ Назарьевъ. За приницею дыла Оседора Грибокова.

Мѣта 7177 г. іюля въ 23 д., по г. т. указу ок. Ивану Михайловичу Милославскому да дяку Ивану Десятову. В. г. т. указать послать съ Москвы съ полкомъ къ б. и в. ко князю Григорью Григорьевичу Рододановскому съ товарищи для лечьбы ратныхъ раненыхъ людей лекаря съ лекарствомъ изъ Антекарскаго Приказа приѣхавшѣ къ презвнмъ отпускатъ. И по г. т. указу ок. Ивану Михайловичу Милославскому и дяку Ивану учинить о томъ по указу в. г.

32. Отъ ц. и в. к. А. М. в. в. и ж. и б. Р. с. б. жившихъ князю Григорью Семеновичу Куракину съ товарищи. Писали вы къ намъ в. г. про смерть дыла Дмитріева человека Шинулина. И какъ къ намъ ся наша в. г. грамота придетъ, и вамъ бы велѣть поддохтуру Степану Медицинѣ того умершаго чел. дыла Дмитрія Шинулина осмотрѣть, какая на немъ язва или перечость, и тотъ досмотръ прислать къ намъ в. г. въ нашъ станъ въ село Преображенское. Писанъ на нашемъ стану въ селѣ Преображенскомъ мѣта 7179 г. іюля въ 14 день.

179 г. іюля въ 14 д. за полчаса до вечера Поддохтуръ Степана Медицина сысканъ и въ столовой боярѣхъ князю Григорью Семеновичу Куракину съ товарищи сказали, что онъ Степанъ всякія язвы, кромѣ моровыхъ, знаетъ, а моровыхъ де язвъ, отъ чего люди умираютъ, онъ не знаетъ и никогда такихъ язвъ самъ не видалъ, и отъ искусныхъ тому дѣлу ни отъ кого не учивался и не слышалъ. А будетъ де ему того умершаго чел., который умеръ на дворѣ дыла Дмитрія Шинулина, осматривать, и чтобъ того чел. осмотрѣть поутру рано для того, что онъ къ такому дѣлу изготовить себѣ къ утру лѣкарствъ, да и для де того, что по утру къ человеку, болѣзни не такъ принадесть, какъ на вечеръ, и съ свѣчемъ де той болѣзни онъ познати не можетъ. А іюля въ 15 д. въ другомъ часу дни Степанъ же Медицина сказалъ, что ему для осмотра того умершаго чел. ѣхать не для чего, потому что онъ моровыхъ язвъ не знаетъ; и будетъ того умершаго чел. осматривать, велѣти бѣ послать съ нимъ дохтура Лаврентія Блюментроста для того, что онъ чел. бывалый во многихъ государствахъ и такіе скорби, часть де онъ, ему Лаврентію въ обычай.

Г. т. х. т. Гришка Куракинъ съ товарищи человекъ быють. Юля г. въ 14 ч. въ 15-мъ часу дни въ твоей в. г. т. грамотѣ писано къ намъ х. г., а вѣдно умершаго Дмитріева чел. Шинулину поддохтуру Степану Медичину досмотрѣть, какая на немъ язва, или перечость, и тотъ досмотръ прислать къ тебѣ в. г. И по твоему в. г. указу мы х. т. поддохтура Степана Медичину велѣли сыскать, а сыскавъ твой в. г. указъ ему Степану сказали и для досмотру того умершаго чел. его Степана послали; и онъ Степанъ намъ х. т. сказалъ, что онъ всякія язвы кромѣ моровыхъ, знаетъ, а моровыхъ де язвъ, отъ чего люди умираютъ, онъ не знаетъ и никогда такихъ язвъ самъ не видалъ и отъ искусныхъ тому не учивался и не слышалъ; а будетъ де ему того умершаго чел. осматривать, и чтобъ его осмотрѣть по утру рано для того, что онъ къ тому дѣлу изготовить себѣ къ утру лѣкарства, да и де того, что по утру къ чел. болѣзни не такъ принадесть, какъ на вечеръ; а съ свѣчемъ де онъ той болѣзни познати не можетъ. Да іюля г. въ 15 д. онъ же Степанъ намъ х. т. сказалъ, что ему для осмотра того умершаго одному ѣхать не для чего для того, что онъ моровыхъ язвъ не знаетъ, а послати бѣ съ нимъ дохтура Лаврентія Блюментроста для того, что онъ чел.

бывалый во многих государствах, и часть онъ, что такія скорби ему Лаврентью въ обычай. И мы х. т. съ нимъ Степаномъ дохтура Лаврентья Блюментроста безъ твоего в. г. указу послать не смѣемъ. И о томъ вели г., намъ х. с. свой в. г. указъ учинити.

Отъ п. т. б. и князю Григорію Семеновичу Куракину съ товарищи. Юля въ 15 ч. писали вы къ намъ в. г., что по нашему в. г. указу посылали вы для досмотру дѣла Дмитріева умершаго чел. Шинулина, поддохтура Степана Медицину и онъ намъ сказалъ, что де онъ моровыхъ языкъ не знаетъ, и никогда такихъ языкъ не видалъ, и тому дѣлу не учивался. И какъ къ намъ с. наша в. г. грамота придетъ, и вы бы для досмотру того умершаго чел. велѣли послать дохтура Лаврентья Блюментроста, а поддохтура Степана Медицину для того досмотру послать не велѣли. Писанъ въ нашемъ селѣ Преображенскомъ дѣла 7179 г. юля въ 15 день.

Г. т. х. Гришка Куракинъ съ товарищи челомъ бьютъ. Юля г. въ 15 д. въ 12 часу дни, въ твоей в. г. т. грамотѣ писано къ намъ х. т., велѣно умершаго дѣла Дмитріева чел. Шинулина для досмотру послать дохтура Лаврентья Блюментроста на дворъ къ дѣлу къ Дмитрію Шинулину. И по твоему в. г. указу мы х. т. дохтура Лаврентья Блюментроста на дворѣ къ дѣлу Дмитрій Шинулину посылали и велѣли ему того умершаго чел. осмотрѣть, какаѣ на немъ язва или перечосъ; да съ нимъ же Лаврентьемъ для записки посылали подячего и велѣли ему подячему до тѣхъ мѣстъ, какъ дохтуръ того умершаго осмотритъ, быть на улицѣ по отдалъ того двора Дмитріева Шинулина, И того жъ г., числа въ отдачу денныхъ часовъ дохтуръ Лаврентій Блюментростъ прислать къ намъ х. т. тому умершему досмотру свой на писмѣ. И мы х. т. съ того его дохтурова досмотру снисавъ снисокъ слово въ слово послали къ тебѣ в. г. т. подъ сего отпискою разряднаго Приказу съ подячимъ съ Ильею Казанцомъ, а дохтуру Лаврентью Блюментросту и подячему, который съ нимъ посылали для записки, велѣли побить въ доказъ ихъ твоего в. г. указу.

179 г. юля въ 15 д., по указу в. г. т. дохтуръ Лаврентій Одоеревъ ѣздитъ на дворъ къ дѣлу къ Дмитрію Шинулину, а сказали: на дворѣ де Дмитрія Шинулина чел. его мертвого осматривать онъ самъ по всему тѣлу и въ пахахъ, и по его осмо-

тру у того мертвого чел. на правой рукѣ въ запястьѣ язва знать съ пол ефимка; а по его дохтуровѣ наукѣ была у того мертвого чел. огненная внутренняя тайная болѣзнь и проходъ у него былъ запертъ, а иной никакой язвы на томъ мертвомъ чел. нѣтъ; а знаку де такого нѣтъ, чтобъ та язва на немъ смертоносная.

А Дмитрій Шинулинъ и люди его всѣ мужскаго полу и женскаго про того мертвого чел. сказали: лежалъ де онъ болѣзнь животною болѣзнию съ недѣлю, умре исповѣдався и причастясь; а въ дому де у Дмитрія Шинулина иныхъ больныхъ людей, опричь того мертвого чел., мужскаго полу, и женскаго, и малыхъ ребятъ никого нѣтъ. А сказка объ осмотрѣ дохтура Лаврентья Олиферова за его рукою Г. т. х. т. Гришка Куракинъ съ товарищи челомъ бьютъ. Юля г. въ 14 д. въ 7-мъ часу дни, приходилъ къ намъ х. т. Чудова монастыря архимаритъ Іакинъ и сказывалъ: шинулинъ де г., чела, билъ челомъ в. г. с. Іоасафу патриарху Московскому всея Русіи Разбойнаго Приказу дѣлякъ Дмитрій Шинулинъ: лежалъ у него дворовый его чел. болѣзнь съ недѣлю и юля въ 14 д. тотъ его чел. умеръ; а какъ того умершаго стали обмывать и на рукѣ у того чел. увидѣли выше запястья знакъ съ золотой краснѣ и багрово; и онъ де того чел. безъ осмотра похоронить не смѣетъ. И патриархъ де на дворъ къ Дмитрію Шинулину посылаѣтъ того умершаго чел. осматривать старосту поповскаго и розыскивать про него отцомъ его духовнымъ и сторонними людьми. И староста де поповскій пришѣлъ къ патриарху сказать, что онъ того умершаго чел. осматривалъ и по осмотру де его тотъ чел. весь бѣлъ какъ обычный прочіихъ умершихъ, а на рукѣ по выше запястья съ золотой краснѣ и багрово; а отецъ де духовный того умершаго сказалъ: какъ де онъ того человека исповѣдывалъ и причащалъ, и онъ де ему про тотъ знакъ сказывалъ, что у него то учинилось отъ перечосу. И патриархъ того умершаго безъ твоего в. г. указу у церкви похоронить не велѣлъ. И мы х. т. ко двору дѣла Дмитрія Шинулина послали сотника Московскихъ стрѣльцовъ, да пятидесят., да деснт., да рядовыхъ стрѣльцовъ 20 чел. и велѣли имъ стоять около того двора и его Дмитрія и людей его никого съ двора никуда, и къ нему на дворъ никого пускать не велѣли; а о старостѣ поповскомъ, который того умершаго осматривалъ, и объ отцѣ его духовномъ приказывали мы х. д. къ патриарху съ тѣмъ же Чудова монастыря архимаритомъ Іакинмомъ, чтобъ онъ

тому старостѣ поповскому и умершаго отцу духовному да твоего в. г. указу велѣть быть на дворѣ у дьяка Дмитрія жъ Шинюлина. И о томъ вели г. намъ х. с. свой в. г. указъ учинить.

33. Г. ц. и в. к. О. А. х. т. Гришка Ромодановскій съ товарищи челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ г. во 189 г., прислана твоя в. г. т. грамота къ намъ х. т. изъ Разряда за приписью дьяка Ларіона Пашина, а въ твоей в. г. грамотѣ писано: по твоему в. г. указу посланы комитъ х. т. въ полкъ лекари иноземцы Юхомъ Эгендорфъ, Осинъ Островскій, да ученики Иванъ Остодоповъ, Петрушка Косъ, а лекарьствомъ указали ты в. г. быть тѣмъ, которыя поставлены въ Рыльску въ прошломъ во 188 г. за моею х. т. печатью на 200 руб., да съ ними лекарями съ Юхомъ Эгендорфомъ, и съ Осиномъ Островскимъ сверхъ тѣхъ лекарей нынѣ съ Москвы послано лекарей на 40 на 7 руб. на 2 гривны. И тѣ г. лекари Юхомъ Эгендорфъ, да Осинъ Островскій съ ученикомъ и съ лекаремъ изъ Переславль Рязанскій комитъ х. т. въ полкъ пріѣхали февралю въ 21 ч. нынѣшняго 189 г., а ученикъ же Петрушка Косъ въ Переславль не объявился, а лекарь Осинъ Островскій сказалъ, что онъ Петрушка остался на Москвѣ, а съ ними не поѣхалъ. (О.) 189 г. марта въ 1 день.

Лѣта 7189 г. генваря въ 24 д., по г. т. указу б. князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову съ товарищи. Въ Антекарскій Приказъ къ боярамъ ко князю Никитѣ Ивановичу да ко князю Василию Оедоровичу Одоескимъ да къ дьяку къ Андрею Виниюсу въ указехъ в. г. за приписью дьяка Ларіона Пашина наизасно: в. г. указать рязанскаго разряда въ полкъ къ б. и в. ко князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи послать дохтуру, и аптекаря, и лекарей съ лекарствами, и для той послышки прислать ихъ въ Разрядъ къ тебѣ б. ко князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову съ товарищи. И потому его в. г. указу рязанскаго разряда въ полкъ къ б. и в. ко князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому нарядены лекари иноземцы Юхомъ Эгендорфъ, Осинъ Островскій, да ученики Иванъ Остодоповъ, Петрушка Косъ, а лекарьствомъ указали в. г. быть тѣмъ, которыя поставлены въ Рыльску въ прошломъ во 188 г. за печатью б. и в. князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго на 200 руб. да съ лекарями жъ съ Юхомъ Эгендорфомъ, да съ Осиномъ Островскимъ указали в. г. послать сверхъ тѣхъ лекарей по цѣнѣ на 40 на 7 руб. на 2 гривны, которыя посланы были въ прош-

ломъ во 188 г. съ лекарями съ Вольдемаромъ Крестьянусомъ да съ Родольфомъ Оттерсономъ. И изъ Антекарскаго Приказу лекари Юхомъ Эгендорфъ, Осинъ Островскій, съ ученики и съ лекарствами изъ Разряда къ тебѣ б. ко князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову съ товарищи посланы съ сими в. г. указомъ. Дьякъ Андрей Виниюсъ

Отъ ц. т. въ Переславль Рязанскій б. и. и в. князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи. По нашему в. г. указу посланы къ тебѣ б. и. и в. въ полкъ лекари иноземцы Юхомъ Эгендорфъ, Осинъ Островскій, да ученики Иванъ Остодоповъ, Петрушка Косъ, а лекарьствомъ указали мы в. г. быть тѣмъ, которыя поставлены въ Рыльску въ прошломъ во 188 г. за твоею б. и. и в. печатью, да съ лекарями жъ съ Юхомъ Эгендорфомъ, и съ Осиномъ Островскимъ сверхъ тѣхъ лекарей послано лекарей по цѣнѣ на 40 на 7 руб. на 2 гривны, которыя посланы были въ прошломъ во 188 г. съ лекарями съ Вольдемаромъ Крестьянусомъ, да съ Родольфомъ Оттерсономъ. И какъ къ вамъ ся наша в. г. грамота придетъ, а лекари Юхомъ Эгендорфъ, да Осинъ Островскій съ ученики въ полкъ къ вамъ б. и. и в. пріѣдутъ, и ты бѣ б. и. и в. князь Григорій Григорьевичъ съ товарищи лекарямъ и ученикамъ съ лекарствами велѣли быть у себя въ полку, а о лекарствахъ жъ, которыя нынѣ въ Рыльску, учинили по нашему в. г. указу, какъ о томъ писано въ сей нашей г. грамотѣ, а намъ в. г. указъ въ Рыльскъ къ в. о тѣхъ лекарствахъ послать, а въ которомъ числѣ тѣ лекари въ полкъ къ вамъ пріѣдутъ, о томъ къ намъ в. г. писани, а отписку велѣли подать въ Разрядъ б. и. князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову съ товарищи. Писанъ на Москвѣ лѣта 7189 г. генваря въ 29 д. Такова в. г. грамота отдана лекарю Осину Островскому февралю въ 1 д., а отвѣтъ, разрядный сынъ боярскій Аонасій Жеребновъ.

34. Лѣта 7189 г. февралю въ 16 д., по г. ц. и в. к. О. А. б. к. Михаилу Юрьевичу Долгорукову съ товарищи. В. г. т. указать послать на Рязань для леченія б. князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго дохтуру Лаврентія Блюментростъ да лекаря Осипа Островскаго съ лекарствами; а для той послышки указать в. г. дать тому дохтуру и лекарю да толмачу подводу съ заводными съ санями и съ проводниками. И дохтуру Лаврентій и лекарь съ лекарствами изъ Антекарскаго Приказу въ Разрядъ къ тебѣ б. ко

князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову съ товарищи посланы съ симъ в. г. указомъ. И по г. т. указу б. князю Михаилу Юрьевичу Долгорукову съ товарищи учинить о томъ по сему в. г. указу. Дьякъ Андрей Винюсъ. (о:) учинить по сему в. г. указу.

Отъ ц. т. въ Переславль Рязанскій б. н. и в. князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи. По нашему в. г. указу посланы съ Москвы къ тебѣ б. н. и в. для леченія дохтуръ Лаврентій Блюментроств да лекаръ Осипъ Островскій съ лекарствы. И какъ къ тебѣ ся наша в. г. грамота придетъ, и тыбѣ б. н. и в. князь Григорій Григорьевичъ о томъ нашъ в. г. указъ вѣдать. Писанъ на Москвѣ лѣта 7189 г. февраля въ 17 день.

35. 184 г. октября въ 15 д., по указу в. г. т. на дворѣ столышника Дмитрія Иванова сына Лихарева дочь его Пелагея да дворовые его люди осматриваны.

А по осмотру на дочери его Пелагѣ высипаетъ вѣсна. Да дѣвки Палашка Иванова дочь, да Маринка Андреева дочь, Анютка Иванова дочь лежать больны вѣсною; и сказывалъ: какъ де они лежатъ, тому нынѣ Палашкѣ недѣли съ 2, а Маринкѣ и Анюткѣ съ недѣлю.

Да Дмитрій же Лихаревъ сказалъ: что у него въ нынѣшнемъ во 184 г. октября въ 12 да въ 15 числахъ на дворѣ его, гдѣ онъ живетъ, умерли 2 дѣвки Паташка Андреева дочь да Дарыца Микитина дочь. И 184 г. сентября въ 15 д., по указу в. г. т. у стряпчего у Петра Шестнева на дворѣ по его челобитию сынъ его Александръ осматриванъ. А по осмотру разр. Приказа подъячего Ивана Максимова онъ Александръ лежитъ боленъ лихорадкою; а у осмотру отецъ его Петръ Шестневъ сказалъ, что тою болѣзнию сынъ его Александръ боленъ тому нынѣ другая недѣля; а самъ онъ Александръ про то не допрашиванъ, потому что въ малыхъ лѣтахъ.

Г. т. бьетъ челомъ Петрушка Шестневъ. По твоему в. г. указу ѣзжу я х. т. за тобою в. г. въ походахъ, а нынѣ у меня сынишка мой Алешка лежитъ боленъ и для его болѣзни ѣздить въ походъ за тобою в. г. я х. т. не смѣю. Милосердый г. т. пожалуй меня х. с. вели г., сынишка моего болѣзнь осмотрибъ. Ц. г. смилуйся. (о:) 84 г. сентября въ 15 д., по указу в. г. осмотрибъ подъячему Ивану Максимову и записка тому учинить.

Г. т. бьетъ челомъ х. т. Оедька Григорьевъ сынъ Плещеевъ. Въ нынѣшнемъ г. во 184 г. написанъ я х. т. за г. ц. и в. к.

Н. К. въ Троицкій походъ, и мнѣ х. т. въ походѣ быть нельзя для того, что людишки у меня х. т. лежать больны. Милосердый г. т. пожалуй меня х. с. вели г., тѣхъ моихъ больныхъ людишекъ досмотрѣть, и досмотря записать, чтобъ мнѣ х. т. отъ тебя в. г. въ пени и въ опалѣ не быть. Ц. г. смилуйся пожалуй къ сей челобитной вмѣсто отна своего Оедора Григорьевича сынъ его Михайло Плещеевъ руку приложить. (о:) 184 г. сентября въ 15 день осмотрибъ тѣхъ больныхъ и записать подъячему Борису Корѣлкину.

И по указу в. г. т., по челобитию Оедора Григорьева сына Плещеева, на дворѣ люди его осматриваны. А по осмотру подъячего Бориса Корѣлкина у Оедора Плещеева люди его Клиника Юрьевъ да сынъ его Иванко лежать больны и въ лицѣ блѣдны. А у осмотру сказали, что они больны лихорадкою недѣли съ 4.

36. Г. ц. и. в. к. О. А. в. в. и. м. и. б. Р. С. бьетъ челомъ х. т. Иванко князь Андреевъ сынъ Мещерскій. Въ прошломъ г., во 188 г. съ октября мѣсяца волею Божьею племянникъ мой родной князь Семень князь Михайловъ сынъ Мещерскій ума своего рушилъ и по се число бѣснуется; и въ прошломъ же г. во 188 г. я Иванко билъ челомъ тебѣ в. г. и подавалъ челобитную въ Разрядѣ, чтобъ его князь Семена по его скорби и въ бѣснованіѣ досмотрѣть; и какъ г. больныхъ и старыхъ и увѣчныхъ дворянъ досматривали, и въ то время на осмотровой тетради помѣчено, велѣно про его князь Семеново бѣснованіе и скорбь розыскать; и за тою болѣзнию и за бѣснованіемъ онъ князь Семень въ прошломъ году на твоей в. г. службѣ не былъ. И въ нынѣшнемъ г. во 189 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ я Иванко билъ челомъ в. г. с. Іоакиму патриарху Московскому и всеа Росіи и подавалъ челобитную, чтобъ про его князь Семеново бѣснованіе и про скорбь отцовъ его духовныхъ допросить и по допросу его князь Семена по правиламъ святыхъ подъ началъ послать въ монастырь. И въ Святительскомъ Разрядѣ противъ моего челобитія про его князь Семенову скорбь и бѣснованіе отцы его духовные допрашиваны и къ допросу руки свои приложили, что онъ князь Семень бѣснуется. А нынѣ онъ князь Семень и по се число подъ началъ не посланъ; и послѣ г. того допроса онъ князь Семень въ бѣснованіи своемъ Божіе милосердіе складни въ печь кинулъ и ежесъ и крестъ съ себя снимаетъ и въ печь мечетъ, и людей бьетъ, и зубомъ кусаетъ и шное многое скардае и гнушетъ дѣ-

дасть; и живетъ онъ князь Семень своимъ дохотъ, а не со мною вѣстѣ и нынѣ въ подмосковной своей деревнѣ. Милосердый г. т. пожалуй меня, х. с. вели г., его князь Семена въ той его скорби и въ бѣсованіи: и про то допросить отцовъ его духовныхъ и противъ сего моего челобитія по правиламъ святыхъ послать подъ началь въ монастырь, куда ты в. г. укажешь, чтобъ ему въ такой его скорби и въ бѣсованіи: внезапною напрасно не умереть и отъ святыхъ соборныхъ церкви не отлучиться. Ц. г. смилуйся. (с.) 189 г. ноябрю въ 6 д. г. пожаловать велѣть его послать подъ началь въ Боровскъ въ Пафнутьевъ монастырь и о томъ изъ Разряда съ Патріаршими Приказами сослаться паятьми, учинить о томъ по указу думному дьяку Василью Семенову съ товарищи. Учинить по сему в. г. указу. Къ сей челобитной Еуфимко Мещерскій вмѣсто дяди своего князя Ивана князь Андреева сына Мещерскаго, по его велѣнію руку приложилъ. Лѣта 7189 г. ноябрю—въ д. по г. т. указу думному дворянину и патріаршу боярину Тимошею Петровичу Савелову да духовныхъ дѣлъ приказному старцу Іоасафу Коннищеву, да дьякомъ Ивану Калинину да Анисиму Озерову. В. г. т. быть челоу князь Иванъ князь Андреевъ сынъ Мещерскій: въ прошломъ де во 188 г. племянникъ его родной князь Семень князь Михайловъ сынъ Мещерскій быасть въ изступленіи ума и въ томъ де бѣсованіи онъ князь Семень Божіе милосердіе складки въ печь кинулъ и ескетъ, и крестъ съ себя снимаеъ и въ печь мечетъ, и людей бьетъ, и зубомъ кусаетъ, и иное многое безчиніе чинить, и в. г. пожаловать бы его князя Ивана велѣть его князь Семена послать подъ началь. И в. г. т. указать князя Семена Мещерскаго послать въ Патріархъ Разрядъ, а изъ Патріарха Разряда послать подъ началь въ Боровскъ въ Пафнутьевъ монастырь; а нынѣ онъ въ подмосковной своей деревнѣ. И по г. т. указу думному дворянину и Патріаршу боярину Тимошею Петровичу Савелову и духовныхъ дѣлъ приказному старцу Іоасафу Коннищеву и дьякомъ Ивану и Анисиму доложка в. г. с. Іоакима патріарха Московскаго и всеа Росіи учинить о томъ по указу в. г. Такова за приписью дьяка Лариона Пашина.

37. Лѣта 7193 г. мая въ 29 д., по указу в. г. и. и. в. к. І. А. П. А. думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи. Въ указѣ в. г. изъ Разряда въ Антекарскій Приказъ къ б. ко князю Никитѣ Ивановичу да къ боярину изъ и дворецкому

ко князю Василью Оедоровичу Одоевскому да къ дьяку къ Андрею Виниусу за приписью дьяка Любима Домнина написано: велѣно послать для службы в. г. въ полкъ ст. и. в. князя Михаила князь Оедорова сына Шейдикова съ товарищи въ Козловъ лекаря съ ученики и съ лекарства и костоправовъ, а кто изъ лекарей съ ученики и съ костоправы, и что какихъ лекарствъ послано будетъ о томъ для вѣдома отнестъ въ Разрядъ. И по тому ихъ в. г. указу изъ Антекарскаго Приказа на службу в. г. въ Козловъ наряжены лекарь Кузьма Семеновъ да ученикъ Пашка Васильевъ, да лекарствъ съ ними послано по цѣнѣ на 30 рубл., а государево жалованья поденного корму и на подъемъ дано имъ по сентябрю 194 г. И тотъ вышеннанный лекарь съ ученикомъ и съ лекарства изъ Антекарскаго Приказа въ Разрядъ къ тебѣ думному дьяку къ Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи посланы съ симъ в. г. указомъ. Дьякъ Андрей Виниусъ.

Лѣта 7193 г. мая въ 29 д., по указу в. г. т. думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи. Въ указѣ в. г. изъ Разряда въ Антекарскій Приказъ къ бояр. ко князю Никитѣ Ивановичу да къ боярину изъ и дворецкому ко князю Василью Оедоровичу Одоевскому да къ дьяку къ Андрею Виниусу за приписью дьяка Ивана Липунова написано: велѣно послать для службы в. г. въ Царевъ Борисовъ въ полкъ ст. и. в. Ивана Юрьева сына Леонтьева лекаря съ лекарства, а кто лекарь, и что какихъ лекарствъ будетъ послано, о томъ для вѣдома отнестъ въ Разрядъ. И по тому ихъ в. г. указу изъ Антекарскаго Приказа на службу в. г. въ Царевъ Борисовъ наряжены лекарь Яковъ Починскій да ученикъ Сидорка Алексѣевъ, а лекарствъ съ ними послано по цѣнѣ на 30 руб., а государева жалованья поденного корму и на подъемъ дано имъ по сентябрю 194 г. И тотъ вышеннанный лекарь съ ученикомъ и съ лекарства изъ Антекарскаго Приказа въ Разрядъ къ тебѣ думному дьяку къ Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи посланы съ симъ в. г. указомъ. Дьякъ Андрей Виниусъ.

38. Лѣта 7197 г. февраля въ 8 д., по указу в. г. и. и. в. к. І. А. П. А. и в. г. и. и. в. к. С. А. Думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи. Въ указѣ в. г. изъ Разряда въ Антекарскій Приказъ къ б. ко князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому да къ дьяку къ Андрею Виниусу за приписью

дляка Ивана Ляпунова написано: велѣно быти на службѣ в. г. въ Крымскомъ походѣ въ разныхъ полкахъ бояр. и воев., въ большомъ полку царственныхъ большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателью ближнему бояр. и дворовому в. и намѣстнику Новгородскому князю Василью Васильевичу Голицыну съ товарищи. Въ Новгородскомъ разрядѣ б. и в. Алексѣю Семеновичу Шенну съ товарищи. Въ Рязанскомъ Разрядѣ б. и в. князю Володимеру Дмитріевичу Долгорукому съ товарищи; а для той службѣ въ тѣхъ полкахъ велѣно быти Аптекарскаго Приказу дохтуромъ, и лекарямъ, и ученикамъ съ лекарствомъ и сторожамъ противъ наряду прошлаго 195 г. Крымскаго жъ похода. И потому ихъ в. г. указу въ Аптекарскомъ Приказѣ на то в. г. службу въ тѣ вышеписанные полки, наряжены дохтуръ Андрей Фомъ Келлерманъ; лекари иноземцы Яганъ Термонъ, Андрей Бекеръ, Адольфъ Эвенгагенъ, Александръ Квилонъ, Яганъ Фохтъ; диштинляторъ Романъ Шляторъ, да русскіе чепучиннаго дѣла Артемій Петровъ, Кузьма Семеновъ, Василій Падуревъ, Андрей Харитоновъ, Екимъ Алексѣевъ, Данило Лебедевъ, Фролъ Семеновъ, Алексѣй Григорьевъ, Яковъ Ивановъ, Тимофей Петровъ, Романъ Герасимовъ; костоправъ Иванъ Оedorовъ, Алексѣй Осифановъ; ученики Митыка Васильевъ, Стенька Шешуковъ, Алешка Любимовъ; аптекарскаго дѣла ученикъ Иванко Тихоновъ да къ лекарственной в. г. казнѣ сторожъ Лукошка Ивановъ, всего 25 чел., а г. жалованья кормовыхъ денегъ и на подъемъ дано имъ по сентябрь 198 г. изъ Аптекарскаго Приказа; а русскіхъ лекарей и учениковъ въ рейтарскіе и въ пѣхотные полки къ полковникамъ давать не указали, а указали в. г. быти имъ у Разряднаго Шатра и кому до нихъ будетъ нужда, и тѣмъ людямъ быти челомъ объ нихъ и имать къ себѣ отъ Разряднаго Шатра; а у сходящихъ товарищей у бояръ и в. въ полкахъ, в. г. быти имъ указали у Разряднаго Шатра. А о подводахъ подъ лекарственную казну, и дохтуру, и лекарямъ, и ученикамъ, и сторожу указали в. г. противъ отпуску прошлаго 195 г. Крымскаго жъ похода съ прибавкою овоей в. г. указъ учинить тебѣ думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи для того противъ прежняго отпуску нынѣ лекарствъ во отпуску многое число. И тѣ вышеписанные лекари, и диштинляторъ, и ученики, и сторожъ изъ Аптекарскаго Приказа въ Разрядъ къ тебѣ думному къ Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи по-

сланы съ сичъ в. г. указомъ. Дьякъ Андрей Ваниюсъ. И въ Разрядѣ выписано: въ прошломъ во 195 г., по указу в. г. т. для ихъ в. г. службѣ Крымскаго похода дохтуру, и аптекаря, и лекаря, и ученикамъ, и сторожамъ и подъ лекарства, которые на ихъ в. г. службѣ по наряду изъ Аптекарскаго Приказа изъ большомъ полку и въ полкахъ изъ Новгородскаго и Рязанскаго разрядовъ дано ямскихъ подводъ до Ахтырки, и до Сумъ, и до Хотмынска и назадъ до Москвы: дохтуру 8 подводъ, аптекаря 5 подводъ, подъ аптекарскую казну подъ сундукъ да подъ 5 коробей 12 подводъ, ученику подвода, сторожу подвода, лекарю да ученику 6 подводъ, лекаряхъ изъ 4 чел. по 2 подводъ, изъ же подъ лекарства по 4 подводъ, и того 16 подводъ; лекарю жъ 4 подводъ, лекарю изъ 3 подводъ, лекарскаго дѣла ученику подвода, и того 65 подводъ.

А нынѣ въ тѣхъ полкахъ велѣно быти Дохтуру Андрею Фомъ Келлерману дать 9 подводъ. Лекарямъ иноземцамъ Ягану Термонту 5 подводъ, подъ лекарства 8 подв., Андрею Бекерю Адольфу Эвенгагину, Александру Квилону, Ягану Фохту, диштинлятору Роману Шлятору, всѣмъ противъ дачи 195 г. Русскіхъ чепучиннаго дѣла: Артемью Петрову, Кузьмѣ Семенову, Василью Падуреву, Андрею Харитонову, Екимъ Алексѣеву, Данилу Лебедеву, Фролу Семенову, Алексѣю Григорьеву, Якову Иванову, Тимофее Петрову, Якову Герасимову. Костоправамъ Ивану Оedorову, Алексѣю Осифанову. Ученикамъ Митыкѣ Васильеву, Стенькѣ Шешукову, Алешкѣ Любимову. Аптекарскаго дѣла ученику жъ Иванкѣ Тихонову. Къ лекарственной казнѣ сторожу Лукошкѣ Иванову.

Лѣта 7197 г. февраля въ 25 день, по указу в. г. т. Думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи В. г. т. указали послать на свою в. г. службу въ Крымскій походъ изъ полка бояръ и воеводъ лекари Христофора Карстенса, а государева жалованья кормовыхъ денегъ и на подъемъ по сентябрь 198 г. данъ ему изъ Приказа Большой Казны; а о дачѣ подводъ тому лекарю указали в. г. своей в. г. указъ учинить тебѣ Думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи; и тотъ вышеписанный лекарь изъ Аптекарскаго Приказа въ Разрядъ къ тебѣ Думному дьяку къ Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи посланъ съ сичъ в. г. указомъ. Дьякъ Андрей Ваниюсъ. (О.) дать ему томъ память въ Ямской Приказъ.

39. Лѣта 7198 г. августа въ 8 д., по указу в. г. ц. и в. к. Г. А. П. А. Думному дяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву съ товарищи В. г. т. пожаловали Аптекарскаго Приказу лекаря Ивана Казаринова, который на службѣ в. г. въ Кіевѣ, указали его взять къ Москвѣ и объ отпускѣ его указали в. г. въ Кіевѣ къ б. и в. ко князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи послать свою в. г. грамоту изъ Приказу Малыя Россіи. И по указу в. г. т. думному дяку Емельяну Игнатьевичу Украинцеву съ товарищи учинить о томъ по указу в. г. Дьякъ Иванъ Протопоповъ. (О:) учинить по сему в. г. указу, послать ихъ г. грамоту въ Кіевъ къ б. и в. ко князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи.

Отъ в. г. т. въ Кіевѣ б. и. и в. ко князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому съ товарищи По нашему в. г. указу велѣно Аптекарскаго Приказа лекаря Ивана Казаринова изъ Кіева отпустить къ Москвѣ. И какъ къ вамъ ся наша в. г. грамота придетъ, и вы б. б. и. и в. изъ Кіева къ Москвѣ его Ивана отпустить велѣли, а въ которомъ числѣ изъ Кіева отпустить будетъ и вы б. о томъ къ намъ в. г. писали; а отписку велѣли подать и ему Ивану явиться въ Приказѣ (М.) думному дяку. Пришлѣ дяка Василя Бобинина, августа въ 10 д.

40. В. г. ц. и в. к. Г. А. П. А. бьетъ челоу х. в. дохтуръ греченинъ Иванко Комнинъ. По Вашему в. г. указу служу я х. в. вамъ в. г. войска запорожскаго обонхъ сторонъ. Дѣлара при гетманѣ Иванѣ Степановичѣ Мазенѣ, и по его гетманскому къ намъ в. г. доношенію и прошенію ваше в. г. годовое жалованье на 190 д. г. принявъ служить вамъ в. г., и въ 200-мъ году, какъ въ домахъ, такъ и въ воинскихъ походахъ лѣтнихъ и зимнихъ, а вашего в. г. жалованья того 200 года мнѣ х. в. не дано, а милосердый нашъ в. г. указъ къ гетману къ Ивану Степановичу есть, что ваше в. г. годовое жалованье и впредь мнѣ х. в. дано будетъ. Милосердые в. г. т. пожалуйте меня х. с., велите г. свое в. г. указное жалованье на прошлый 200-й годъ мнѣ х. в. выдать В. г. смилуйтеся пожалуйста.

И въ Приказѣ Малыя Россіи написано. Въ прошломъ во 199 г. марта въ 14 ч., по указу в. г. т. посланъ войска Запорож. обонхъ стор. Дѣлара къ гет. къ Ивану Степановичу Мазенѣ для совершеннаго при помощи Божіей въ припадающихъ скорбяхъ его облегченія и для генеральной старшины и полковниковъ съ де-

карства дохтуръ Иванъ Комнинъ. А по справкѣ съ Аптекарскимъ Приказомъ учинено ему Ивану в. г. жалованья окладъ 15 руб., мѣсячного корму по 12 руб. по 16 алтынъ по 4 деньги на мѣсяцъ, всего на годъ 300 руб., и того в. г. жалованья дано ему Ивану на прошлый на 199 г. по расчету: Изъ Приказу Большой Казны 100 руб. да вмѣсто 162 руб. 6 алтынъ, которыхъ не дано изъ Приказу изъ Большой Казны, изъ Приказу княжества Смоленскаго 300 Ефимковъ.

А на прошлый на 200 г. в. г. жалованье ему Ивану по складу и кормовая мѣсячная деньги даны-ли, о томъ въ Приказѣ Малыя Россіи не вѣдомо, по тому что дохтуры вѣдомы въ Аптекарскомъ Приказѣ, а изъ Приказу Мал. Россіи памяти о той его Ивановой датѣ на прошлый на 200 г. въ Аптекарскій Приказъ изъ Приказу Большой Казны неосмысливано.

И в. г. т. бьетъ челоу дохтуръ греченинъ Иванъ Комнинъ по ихъ де в. г. указу служить онъ имъ в. г. в. з. обонхъ стор. Дѣлара при гет. Иванѣ Степановичѣ Мазенѣ, и по его гетманскому къ нимъ в. г. доношенію и прошенію ихъ в. г. годовое жалованье на 199 г. принявъ служить имъ в. г., и въ 200-мъ году какъ въ домахъ, такъ и въ воинскихъ походахъ лѣтнихъ и зимнихъ, а ихъ в. г. жалованья на 200 г. ему не дано. И в. г. т. пожаловали бѣ его, велѣли свое в. г. указное жалованье на прошлый 200 г. выдать.

А въ статьяхъ, каковы посланы къ гетману къ Ивану Степановичу Мазенѣ съ Яковомъ Журавковомъ полковникомъ былымъ Изяснскимъ съ товарищи августа во 2 д. прошлаго 200 г. написано: по ихъ в. г. указу присланъ къ нему гетману Ивану Степановичу дохтуръ Иванъ Комнинъ, который пребываетъ въ скорби и смущеніи того ради, что жалованья за службу его изъ казны ихъ монаршеской ему не доходитъ и о томъ просить онъ гетману покоретвенно ихъ монаршескаго указу.

И в. г. указали тому дохтуру Ивану Комнину давать свое в. г. жалованье по прежнему своему в. г. указу и жалую его гетмана Ивана Степановича и генеральную старшину, полковниковъ и все войско запорожское велѣли и впредь быть при немъ гетманѣ и ихъ в. г. жалованье къ нему послано и впредь по указу прислано будетъ.

201 г. ноября въ 2 д. в. г. т. пожаловали дохтура Иванъ Комнина, велѣли ему свое в. г. жалованье по окладу его и мѣ-

1. The first of these is the fact that the
 second of these is the fact that the
 third of these is the fact that the
 fourth of these is the fact that the
 fifth of these is the fact that the
 sixth of these is the fact that the
 seventh of these is the fact that the
 eighth of these is the fact that the
 ninth of these is the fact that the
 tenth of these is the fact that the
 eleventh of these is the fact that the
 twelfth of these is the fact that the
 thirteenth of these is the fact that the
 fourteenth of these is the fact that the
 fifteenth of these is the fact that the
 sixteenth of these is the fact that the
 seventeenth of these is the fact that the
 eighteenth of these is the fact that the
 nineteenth of these is the fact that the
 twentieth of these is the fact that the
 twenty-first of these is the fact that the
 twenty-second of these is the fact that the
 twenty-third of these is the fact that the
 twenty-fourth of these is the fact that the
 twenty-fifth of these is the fact that the
 twenty-sixth of these is the fact that the
 twenty-seventh of these is the fact that the
 twenty-eighth of these is the fact that the
 twenty-ninth of these is the fact that the
 thirtieth of these is the fact that the
 thirty-first of these is the fact that the
 thirty-second of these is the fact that the
 thirty-third of these is the fact that the
 thirty-fourth of these is the fact that the
 thirty-fifth of these is the fact that the
 thirty-sixth of these is the fact that the
 thirty-seventh of these is the fact that the
 thirty-eighth of these is the fact that the
 thirty-ninth of these is the fact that the
 fortieth of these is the fact that the
 forty-first of these is the fact that the
 forty-second of these is the fact that the
 forty-third of these is the fact that the
 forty-fourth of these is the fact that the
 forty-fifth of these is the fact that the
 forty-sixth of these is the fact that the
 forty-seventh of these is the fact that the
 forty-eighth of these is the fact that the
 forty-ninth of these is the fact that the
 fiftieth of these is the fact that the
 fifty-first of these is the fact that the
 fifty-second of these is the fact that the
 fifty-third of these is the fact that the
 fifty-fourth of these is the fact that the
 fifty-fifth of these is the fact that the
 fifty-sixth of these is the fact that the
 fifty-seventh of these is the fact that the
 fifty-eighth of these is the fact that the
 fifty-ninth of these is the fact that the
 sixtieth of these is the fact that the
 sixty-first of these is the fact that the
 sixty-second of these is the fact that the
 sixty-third of these is the fact that the
 sixty-fourth of these is the fact that the
 sixty-fifth of these is the fact that the
 sixty-sixth of these is the fact that the
 sixty-seventh of these is the fact that the
 sixty-eighth of these is the fact that the
 sixty-ninth of these is the fact that the
 seventieth of these is the fact that the
 seventy-first of these is the fact that the
 seventy-second of these is the fact that the
 seventy-third of these is the fact that the
 seventy-fourth of these is the fact that the
 seventy-fifth of these is the fact that the
 seventy-sixth of these is the fact that the
 seventy-seventh of these is the fact that the
 seventy-eighth of these is the fact that the
 seventy-ninth of these is the fact that the
 eightieth of these is the fact that the
 eighty-first of these is the fact that the
 eighty-second of these is the fact that the
 eighty-third of these is the fact that the
 eighty-fourth of these is the fact that the
 eighty-fifth of these is the fact that the
 eighty-sixth of these is the fact that the
 eighty-seventh of these is the fact that the
 eighty-eighth of these is the fact that the
 eighty-ninth of these is the fact that the
 ninetieth of these is the fact that the
 ninety-first of these is the fact that the
 ninety-second of these is the fact that the
 ninety-third of these is the fact that the
 ninety-fourth of these is the fact that the
 ninety-fifth of these is the fact that the
 ninety-sixth of these is the fact that the
 ninety-seventh of these is the fact that the
 ninety-eighth of these is the fact that the
 ninety-ninth of these is the fact that the
 hundredth of these is the fact that the

сянныя кормовыя деньги на прошлый на 200 г. и на нынѣшній 201 г. по 300 руб. на г. всего 600 руб. выдать изъ Приказу Большія Казны и послать о присылкѣ тѣхъ денегъ въ Приказъ Малыя Россіи для послыки къ нему Ивану въ тотъ приказъ памяти. Душный дякъ Емельянъ Украинцовъ.

201 г. ноября въ 8 д. въ Приказъ Большія Казны. Въ прошломъ во 199 году марта въ 14 ч., по указу в. г. т. посланъ къ подданному ихъ г. в. з. о. с. Д. къ г. къ Ивану Степановичу Мазенѣ для совершеннаго при помощи Божьей въ припадающихъ скорбяхъ его облегченія и уздравленія и для генеральной старшины и полковниковъ съ секретны дохтуръ Иванъ Комнинъ, а ихъ в. г. жалованья учинить ему Ивану окладъ 150 руб., мѣсячного корму по 12 руб. съ полтиною на мѣсяцъ, а на годъ всего 300 руб.; и того ихъ в. г. жалованья дано ему Ивану на прошлый на 199 г. по расчету изъ Приказу Большія Казны а не додано изъ приказу Большія Казны 162 руб. 6 алтынь; и въ прошломъ въ 200 г. апрѣля въ 28 д. писалъ къ нимъ к. г. гетманъ Иванъ Степановичъ съ полковникомъ Черниговскимъ съ Яковомъ Лизогубомъ съ товарищи по ихъ де в. г. указу прислать къ нему гетману Ивану Степановичу дохтуръ Иванъ Комнинъ, который пребываетъ въ скорби и въ смущеніи того ради, что жалованья за службу его изъ казны нѣхъ юнархеской ему не доходить и о томъ просить онъ гетманъ покоретвенно ихъ юнархескаго указу. И по указу в. г. и по тому его гетманскому доношенію и прошенію послано тому дохтуру Ивану Комнину ихъ в. г. жалованья къ нему гетману приказу Малыя Россіи съ подьячимъ съ Григоріемъ Богдановымъ на прошлый на 199 г. вмѣсто недостаточныхъ денегъ 162 руб. 6 алтынь, которыхъ ему не додано изъ приказу Большія Казны изъ Приказу Княжества Смоленскаго 300 ефимковъ, и о присылкѣ тѣхъ ефимковъ въ памяти въ Приказъ Большія Казны писано іюня въ 17 ч. того-жъ 200 г., а въ статьяхъ, каковы посланы къ нему гетману Ивану Степановичу на его гетманское къ нимъ в. г. доношеніе въ томъ же въ 200 г. августа въ 2 ч. съ бывшимъ полковникомъ Нѣжинскаго съ Яковомъ Журиковскимъ съ товарищи написано; что они в. г. указали тому дохтуру Ивану Комнину давать свое в. г. жалованье по прежнему своему в. г. указу и жадуя его гетмана Ивана Степановича и генеральную старшину полковниковъ и все войско запорожское велѣли и впредь быть тому дох-

туру при немъ гетманѣ и ихъ в. г. жалованье по указу прислано къ нему будетъ. И октября въ 20 д. нынѣшняго 201 г. к нимъ в. г. писалъ онъ гетманъ Иванъ Степановичъ и прислалъ того дохтура Ивана Комнина за рукою челобитную, въ которой написано: по ихъ де в. г. указу на прошлый на 199 г. ихъ в. г. жалованья ему прислано, а на прошлый же 200 г. также на нынѣшній 201 г. ему Ивану ихъ в. г. жалованья не дано; въ ихъ в. г. указѣ къ гетману къ Ивану Степановичу писано, что ихъ в. г. жалованье ему Ивану впредь давано будетъ и в. г. пожаловали бы его, велѣли ему свое в. г. жалованье на прошлый на 200 и на нынѣшній 201 г. по окладу и кормовыя выдать сполна. И в. г. т. пожаловали дохтура Ивана Комнина, велѣли ему свое в. г. жалованье по окладу его и мѣсячныя кормовыя деньги на прошлый на 200 и на нынѣшній 201 г. по 300 руб. на годъ всего 600 руб. выдать изъ Приказу Большія Казны и прислать тѣ деньги изъ Приказу Большія Казны въ Прик. Мал. Россіи; а по ихъ в. г. указу тѣ деньги посланы будутъ на дачу ему Ивану къ гетману къ Ивану Степановичу Мазенѣ нарочно Приказу Мал. Россіи съ подьячимъ. Съ оборотомъ подписать дякъ Василій Бобининъ.

41. В. г. т. х. Христофоръ Римшонъ съ товарищи челобитъ. Въ нынѣшнемъ г. 1701 г. генваря въ 9 ч., по твоему в. г. т. указу и по грамотѣ изъ Разряду, какова прислана въ Бѣлгородъ на имя б. и в. князя Якова Оседоровича Долгорукаго съ товарищи за приписью дяка Оседра Замятинна, велѣно бѣлаго редкихъ полковъ солдатскаго строю подполковника Луку Клежковского по его челобитію для его разоренія изъ Бѣлгорода отпустить къ Москвѣ на время срокомъ. И по тому твоему в. г. т. указу мы х. т. его подполковника Луку Клежковского изъ Бѣлгорода отпустили сего генваря въ 20 д. на время и съ прободомъ на 2 мѣсяца и велѣли ему явиться и сіе отписку подать въ Разрядъ б. Тихону Никитичу Стрѣльнику съ товарищи. (о:) записать въ книгу и взять къ отпуску и выписать, а подл. осмотрѣть.

И противъ вышеописанной помѣты подпол. Лука Клежковский у Разряду осматриванъ, а у осмотра онъ Лука Клежковский сказалъ себѣ отъ роду 68 лѣтъ, въ лицѣ бѣдѣнь, да онъ же у осмотра сказалъ, что де служить 47 лѣтъ, а бѣдѣнь у него чехотки и отъ той бѣдѣни у него Луку лѣвую ногу свело и выше плечныя перелохлена, да на той же чохѣ раны, и нынѣ де онъ

Лука отъ той болѣзни руками и ногами не владѣть, а учинилась де ему та болѣзнь въ прошломъ 1700 году, какъ онъ былъ на службѣ въ Запорожской Сѣчи, и съ того году ему Лукѣ отъ той болѣзни свободы никакія нѣтъ.

42. В. г. т. х. т. генераль-маіоръ иноземецъ Христофоръ Ришмонъ челомъ бѣгъ. По твоему в. г. указу и по грамотѣ изъ Разряду велѣно мнѣ быть на твоей в. г. службѣ и стоять во Острогояскомъ..... полкахъ ратныхъ людей; и я х. т. волею Божіею заскорбѣлъ и тое службу за тою своею скорбію нѣтъ совершенно не лечась исполнить не могу, какъ надлежитъ по твоему в. г. указу, а во Острогояскомъ докторовъ и лекарей нѣтъ, лечиться не у кого. И о томъ, что ты в. г. указеши.

1702 г. мая въ 13 д. в. г. т. указали послать изъ Разряду въ Бѣлгородъ нарочно разряднаго стараго подъячаго и велѣть тому подъячему его генерала мажора какая у него болѣзнь ссмотрѣть и тотъ осмотръ тому подъячему привезти къ Москвѣ въ Разрядъ; и буде онъ генераль мажоръ по осмотру явится совершенно боленъ, и на его мѣсто во Острогояску съ тѣми вышени-санными ратными людьми быть съ Москвы ст. Степану Петрову сыну Бахметеву и для того его Степана послать съ Москвы во Острогояскую къ тѣмъ ратнымъ людямъ безсрочно тотчасъ, и о томъ изъ Разряду въ Приказъ Казанскаго Дворца для вѣдома послать память, а ему Степану дать изъ Разряду наказъ за дальчею приписью. Сей в. г. указъ приказали б. Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ.

43. И противъ вышенисанной помѣты изъ Разрядъ передъ б. передъ Тихонемъ Никитичемъ Стрѣшневымъ съ товарищи Антекарскія Палаты лекарь Иванъ Гунтъ допрашиваеъ, а въ допросѣ сказали: въ прошломъ де въ 205 г., по указу в. г. по наряду изъ Разряду велѣно ему быть на в. г. службѣ въ Бѣлгородѣ для леченія ратныхъ всякихъ чиновъ людей; и съ прошлаго 205 г. по нынѣшній 1702 г. былъ онъ все въ Бѣлгородѣ, а нѣтъ де изъ Бѣлгорода въ отвискѣ пріѣхать къ Москвѣ для челобитья о дачѣ ему его г. жалованья, потому что ему въ Бѣлгородѣ его в. г. жалованья на 3 года не дано, и чтобъ в. г. пожаловать бы его велѣлъ отослать изъ Разряду въ Антекарскую Палату Joganus Gund.

Въ прошломъ въ 205 г. марта въ 18 ч., по указу в. г. присланъ изъ Разрядъ изъ Антекарскаго Приказу, а изъ Разряду

посланъ и велѣно быть на его в. г. службѣ въ Бѣлгородѣ лекарю Ягану Гунту, а великаго государя жалованья на 205 г. о присылкѣ на дачу мѣсячныхъ кормовыхъ и для той службѣ подѣльныхъ денегъ изъ того Антекарскаго Приказу писано въ Приказъ Большія Казны. И въ 206 г. ноября въ 27 ч. къ в. г. писали изъ Бѣлгорода б. и в. князь Яковъ Оедоровичъ Долгору-кій съ товарищи и подѣ отвискою своею прислали въ Разрядъ того лекаря за рукою челобитную, о дачѣ ему годового денежнаго жалованья на 206 г. за рукою челобитную. И по указу в. г. противъ того его челобитья тому лекарю о той его годовой дачѣ велѣно указъ учинить въ Антекарскомъ Приказѣ и о томъ изъ Разряду въ тотъ Приказъ писано и съ челобитной его посланъ спискомъ ноября въ 28 ч. того жъ году. А марта въ 20 ч. изъ указъ в. г. изъ Разрядъ изъ того Приказа написанъ: что о дачѣ тому лекарю жалованья на 206 г. мѣсячнаго корму по 9 р. на мѣсяцъ и того 108 руб. писано въ Приказъ Большія Казны. А въ 207 г. декабря въ 15 ч. в. г. билъ челомъ онъ жъ лекарь, что де въ Бѣлгородѣ дано ему мѣсячнаго корму въ полъ 54 руб., а другой де половины на тотъ годъ ему не дано. И въ 207 г. декабря въ 15 д., по указу в. г. изъ Антекарскаго Приказу писано въ Приказъ Большія Казны, велѣно на дачу тому лекарю на 206 г. съ марта по сентябрь другую половину 54 руб., а на 207 г. сполна 108 руб., всего 160 руб. изъ того приказу прислать въ Антекарскій Приказъ. И въ то число на дачу ему лекарю изъ того приказу въ Антекарскій Приказъ на 207 г. прислано и тому лекарю дано съ сентября по мартъ въ полъ 54 руб. А на 206 и на 207 годы съ марта по сентябрь другой половины кормовыхъ денегъ 108 руб. въ Приказѣ Большія Казны или въ Бѣлгородѣ ему лекарю дано ль того въ Антекарскомъ Приказѣ не вѣдомо.

А по сказкѣ въ томъ приказѣ дохтура Григорія Карбонарія, что тому лекарю на 206 и на 207 годы по половинѣ денегъ 108 руб. и на 1700 г. сентября съ 1 числа въ Приказѣ Большія Казны и въ Бѣлгородѣ ничего не дано, а доведется ему на 206 г. съ марта по сентябрь мѣсячнаго корму по 9 руб. на мѣсяцъ и того на полгода 54 руб.; на 207 г. на тѣмъ полг. 54 руб., на 208 г. сентября съ 1 ч. гваря по 1 ч. на 4 мѣсяца 36 руб., на 1700 г. гваря съ 1 ч. гваря жъ по 1 ч. 1701 г. сполна 18 руб. всего 252 руб. И чтобъ о дачѣ тому лекарю въ

Бѣлгородѣ того в. г. жалованья, в. г. ц. указъ учинить въ Разрядѣ.

И по указу в. г. велѣно тому лекарю о датѣ его г. жалованья указъ учинить въ Аптекарскомъ Приказѣ и о томъ въ тотъ Приказъ изъ Разряда писано апрѣля въ 8 д. того жъ 1700 г.

А въ нынѣшнемъ 1702 г. февраля въ 23 ч. къ в. г. писалъ изъ Бѣлгорода генераль мазоръ Христофоръ Ринмонъ, что его Ивана Гунта для челобитья о датѣ ему его г. денежнаго жалованья отпустилъ къ Москвѣ гениаря въ 19 д. нынѣшняго 1702 г.

И по указу в. г. велѣно того лекаря допросить, для чего онъ къ Москвѣ прѣхалъ, и тотъ лекаръ въ допросѣ сказалъ: въ 205 г. по наряду изъ Разряда велѣно ему быть на службѣ въ Бѣлгородѣ для леченія ратныхъ людей и съ того де 205 г. былъ онъ все въ Бѣлгородѣ, а нынѣ де по отпискѣ изъ Бѣлгорода прѣхалъ онъ къ Москвѣ для челобитья о жалованьи для того что въ Бѣлгородѣ ему жалованья не дано на 3 года, и чтобъ его отослать изъ Разряда въ Аптекарскій Приказъ. А въ Бѣлгородѣ былъ онъ Яганъ для леченія ратныхъ людей, которые бывали въ полку б. и в. князя Якова Оодоровича Долгорукаго.

А нынѣ въ Бѣлгородѣ велѣно быть генералу князю Ивану Михайловичу Колынову Мосальскому, а для леченія ратныхъ людей въ полку у него лекарю лѣкарства велѣно быть по наряду изъ Аптекарскаго Приказа и о присылкѣ того лекаря въ Разрядъ въ тотъ Приказъ написано. И того лекаря въ Разрядъ еще не прислано.

1702 г. марта въ 9 д., по указу в. г. т. б. Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ съ товарищи, слушая сей выписки, приказали: вышесказаннаго лекаря Ивана Гунта отослать въ Аптекарскій Приказъ съ памятью. Лѣта 1702 г. марта въ 10 д., по указу в. г. т. дяку Ивану Протопопову. Съ прошлаго съ 205 г. по его в. г. указу быть на его в. г. службѣ въ Бѣлгородѣ по наряду изъ Аптекарскія Палаты лекаръ Иванъ Гунтъ для леченія ратныхъ людей, а въ нынѣшнемъ 1702 г. февраля въ 23 ч. къ в. г. писалъ изъ Бѣлгорода генераль мазоръ Христофоръ Ринмонъ, что де его Ивана Гунта для челобитья о датѣ ему его годового денежнаго жалованья отпустилъ къ Москвѣ гениаря въ 14 д., нынѣшняго 1702 г. И в. г. т. указалъ того лекаря изъ Разряда отослать въ Аптекарскій Приказъ; и тотъ лекаръ въ Аптекарскій Приказъ посланъ съ симъ в. г. указомъ.

44. Лѣта 7132 г. августа въ 19 д., по г. ц. и в. к. М. О. в. Р. указу память дякомъ думному Оедору Лихачеву да Михаилу Данилову. Въ печатномъ приказѣ объявленъ въ печатномъ воровствѣ жилецъ Катай Кудашевъ сынъ Оедорова, а въ роспросѣ съ пытки въ томъ воровствѣ винился, что своровалъ онъ, подпечаталъ г. 4 грамоты да съ пытки жъ сказалъ на себѣ чернуж неможъ. И г. т. указалъ его Катайка за воровство и за чернуж неможъ изъ житія выкинуть. И по г. т. указу дякомъ думному Оедору Лихачеву да Михаилу Данилову, велѣтъ того жителя Катайка изъ жильцаго списка за воровство и за неможъ вычеркнуть, и впередъ ему въ житиѣ быть не велѣтъ. Дякъ Григорій Печаянъ 132 г. августа въ 19 д. принесъ подъячий Анисимъ Трофимовъ и Катайку изъ списка вычеркнутъ. (О.) По сей памяти почернить въ списку и написать по городу.

45. 160 г. июля въ 5 д. прислалъ въ Разр. б. Никита Ивановичъ Романовъ Рясского уѣзда изъ Скопина городка бѣломѣстныхъ бобылей Ивашку да Гришку Акиншинныхъ съ чел. своимъ съ Григориемъ Реренатинымъ. А въ Разрядѣ думному дворянину Ивану Асманасевичу Гавреневу да дякамъ думному Семену Заборонскому да Гр. Ларіонову да Ив. Сѣверову Григ. Верещагинъ сказали: въ нынѣшнемъ де во 160 г. писалъ къ б. Никитѣ Ивановичу Романову изъ Скопина приказный его чел. Василий Икинскій, извѣщала де ему въ Скопинѣ Ивашкова жена Акиншина по грѣхохъ де—мужъ ея Ивашковъ ужъ рушился, и взять де съ собою двое лошадей да сараокъ и побѣжать невѣдомо куда, и многихъ де было людей въ Скопинѣ изъ лука перестрѣлъ, и послѣ де того мужъ ея Ивашко въ Пронскѣ поиманъ и посаженъ въ тюрьму; и изъ Скопина де приказный Василий Икинскій посылалъ въ Пронескъ къ Ондрею Черевину для того Ивашка, и Ондреинъ Черевинъ прислалъ того Ивашка съ братомъ съ его роднымъ съ Гришкою Акиншиннымъ, и брать де его Ивашкинъ Гришка, извѣщала ему Василью Икинскому, будто братъ его Ивашко въ Пронскѣ на посадѣ при многихъ людяхъ сказывалъ за собою государево дѣло И. б. Н. И. Романовъ тѣхъ бобылей Ивашка да Гришку велѣлъ отвести въ Разрядъ. И дум двор. Н. А. Гавреневъ да дяки дум. Сем. Заборонскій да Григ. Ларіоновъ да Ив. Сѣверовъ б. Н. И. Романова бобылей Ивашка да Гришку спрашивали. И Гришка Акиншинъ въ допросѣ сказалъ: говорилъ де братъ его Ивашко въ Пронскѣ

1733H is a small, dark, and very old building.

It is built of brick and has a very old, weathered appearance. The roof is made of shingles and is in poor condition.

The building is located on a small, sloping lot. It is surrounded by a low wall and a few small trees. The area around the building is overgrown with weeds and grass.

The building is in very poor condition. The walls are crumbling and the roof is leaking. The interior is dark and damp. The building is a very old and very small building.

The building is a very old and very small building. It is built of brick and has a very old, weathered appearance. The roof is made of shingles and is in poor condition.

The building is located on a small, sloping lot. It is surrounded by a low wall and a few small trees. The area around the building is overgrown with weeds and grass.

The building is in very poor condition. The walls are crumbling and the roof is leaking. The interior is dark and damp. The building is a very old and very small building.

The building is a very old and very small building. It is built of brick and has a very old, weathered appearance. The roof is made of shingles and is in poor condition.

The building is located on a small, sloping lot. It is surrounded by a low wall and a few small trees. The area around the building is overgrown with weeds and grass.

The building is in very poor condition. The walls are crumbling and the roof is leaking. The interior is dark and damp. The building is a very old and very small building.

1733H is a small, dark, and very old building. It is built of brick and has a very old, weathered appearance. The roof is made of shingles and is in poor condition.

The building is located on a small, sloping lot. It is surrounded by a low wall and a few small trees. The area around the building is overgrown with weeds and grass.

The building is in very poor condition. The walls are crumbling and the roof is leaking. The interior is dark and damp. The building is a very old and very small building.

The building is a very old and very small building. It is built of brick and has a very old, weathered appearance. The roof is made of shingles and is in poor condition.

The building is located on a small, sloping lot. It is surrounded by a low wall and a few small trees. The area around the building is overgrown with weeds and grass.

The building is in very poor condition. The walls are crumbling and the roof is leaking. The interior is dark and damp. The building is a very old and very small building.

The building is a very old and very small building. It is built of brick and has a very old, weathered appearance. The roof is made of shingles and is in poor condition.

The building is located on a small, sloping lot. It is surrounded by a low wall and a few small trees. The area around the building is overgrown with weeds and grass.

The building is in very poor condition. The walls are crumbling and the roof is leaking. The interior is dark and damp. The building is a very old and very small building.

при многих людях, а сказывал за собою государево дѣло, а какое онъ государево дѣло, и на кого изменѣ сказывать, про то онъ не вѣдаетъ. И Ивашка Акиншина допрашивали, какое за нимъ Ивашкомъ государево дѣло и на кого изменѣ государево дѣло вѣдаетъ, и онъ бы Ивашко про то государево дѣло сказать въ правду, не затѣвая ни на кого и не покрывая ни по комъ; а будетъ онъ Ивашко про государево дѣло правды не скажетъ, и ему Ивашку въ томъ дѣлѣ быть пытану. И въ распроеъ Ивашко Акиншинъ сказалъ: отецъ де ихъ Акиншейко и они жили на Тулѣ на посадѣ, и отецъ де ихъ съ Тулы съ ними сошелъ бѣгомъ тому нынѣ 9 лѣтъ и пришли на Скопинъ и жили за б. за Н. И. Романовымъ по се время въ бѣломѣстныхъ бобыляхъ; и отца де ихъ не стало въ Скопинѣ тому нынѣ 2 г., а онъ де Ивашко сказывалъ за собою г. дѣло для того, чтобъ ему отъ б. отъ Н. И. изъ бобылей свободиться и жить на Тулѣ по прежнему въ посадскихъ людяхъ, а больше того онъ Ивашко ни за кѣмъ никакого г. дѣла не вѣдаетъ. Н. б. Н. И. Романова бобыли въ Разрядѣ за сторожею 2 ч. 160 г. июля въ 21 д. г. указалъ тѣхъ мужиковъ отдать б. Н. И. Романову.

46. Г. т. х. т. Оедика Павловъ челоуъ быеть Въ нынѣшнемъ г., во 161 г. февраля въ 16 д., прислана на Михайловъ т. г. т. грамота изъ Разряда за приписью дьяка Ивана Сиверова ко мнѣ х. т., а по т. г. грамотѣ велѣно мнѣ х. т. на Михайловѣ городѣ всякихъ чиновъ служилыхъ и жильскихъ людямъ у Приказная изъбы сказать не въ одинъ день, и въ торговые дни велѣтъ бирочемъ проклинать не по одинъ день, что вѣдомо тебѣ г. учинилось, что въ польскихъ и въ украинскихъ городахъ и въ уѣздахъ многіе не знающіе люди, забывъ страхъ Божій и не памятуя смертного часу, и не чая себѣ за то вѣчная муки, держатъ отреченныя, и еретическія, и гадательныя книги, и письма и заговоры, и коренья и отравы и ходятъ къ вѣдунамъ и къ ворожеямъ, и на гадательныхъ книгахъ костями ворожатъ, и тѣмъ кореньемъ и отравы, и еретическими наговоры многихъ людей на смерть портятъ, и отъ тое ихъ порчи многіе люди мучатся разными болѣзнями и помираютъ; и в. г. т. милосердуя о тѣхъ погибшихъ и заблудившихъ душахъ, которыя такое злое дѣло дѣлаютъ, не помня страха Божія, велѣтъ сказать, чтобъ они съ нынѣшняго т. г. указу отъ такихъ отъ злыхъ и богомерзкихъ дѣлъ отстали; а у кого какія отреченныя, и еретическія книги,

и письма, и заговоры, и гадательныя книжки, и коренья, и отравы пожгла, и къ вѣдунамъ и къ ворожеямъ не ходили, и ни какого вѣдовства не держались, и костями и инымъ ни чѣмъ не ворожили, и людей не портили; а которые люди съ сего т. г. указу отъ такихъ злыхъ и богомерзкихъ дѣлъ не отстанутъ и отреченныхъ и еретическихъ книгъ и писемъ, и коренья и отравъ не сожгутъ, и послѣ нынѣшняго т. г. указу отреченныя еретическія книги, и письма и коренья и отравы учнутъ у себя держать, или вѣдовства какого держаться, и костями и инымъ чѣмъ учнутъ ворожить, или которые учнутъ людей портить, и по т. г. указу *такимъ злымъ людямъ и врагамъ Божіимъ велѣно бы обрубать сечею безо всяка пощады, а дома ихъ велѣно разорить до основанія, чинибы впредѣ такие злые люди и враги Божіи и злыя изъ оныхъ на колѣи не возмогунулись.* А какъ на Михайловѣ всякихъ чиновъ людямъ т. г. указъ скажу, и мнѣ бы х. т. съ томъ къ т. г. отписать въ Разрядъ. И по т. г. т. грамотѣ и х. т. на Михайловѣ городѣ всякихъ чиновъ служилыхъ и жильскихъ людямъ у т. г. у Сѣваскія изъбы сказывать и т. г. грамоту не въ одинъ день вычитали, и все сполна сказывали, и въ торговые дни велѣтъ бирочно кликать не по одинъ день. (О:) 161 г. марта въ 14 день.

Отъ ц. т. въ Мосальскъ Богдану Афанасевичу Тихиризеву. Какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бы въ Мосальску всякихъ чиновъ служилыхъ и жильскихъ людямъ у Приказная изъбы сказать не въ одинъ день, и въ торговые дни велѣтъ бирочемъ проклинать не по одинъ день; вѣдомо намъ учинилось, что въ польскихъ и въ украинскихъ городахъ и въ уѣздахъ многіе незнающіе люди, забывъ страхъ Божій, не памятуя смертного часу, и не чая себѣ за то вѣчная муки держатъ отреченныя и еретическія, и гадательныя книги, и письма и заговоры и коренья, и отравы и ходятъ къ вѣдунамъ, и къ ворожеямъ, и на гадательныхъ книгахъ костями ворожатъ, и тѣмъ кореньемъ и отравы, и еретическими наговоры многихъ людей на смерть портятъ, и отъ тое ихъ порчи многіе люди мучатся разными болѣзнями и помираютъ; и мы в. г. милосердуя о тѣхъ погибшихъ и заблудившихъ душахъ, которыя такое злое дѣло дѣлаютъ, не помня страха Божія велѣли сказать, что бы они съ нынѣшняго указу отъ такихъ отъ всѣхъ злыхъ и богомерзкихъ дѣлъ отстали; а у кого какія отр. и ерет. письма были, и они бы тѣ письма

ма сожгли, и изъ нынѣшній въ великій постѣ ко отцамъ духовнымъ приходили безо всякаго сумнѣнія, и впредь никакихъ богомерзкихъ дѣлъ не держались, и тѣ отреч и еретич. книги и писма, и заговоры и гадательныя книжки, и коренья и отравы пожгли, и къ вѣдунамъ и къ ворожеямъ не ходили, и ни какого вѣдательства не держались, и костыми и иными чѣмъ не ворожили, и людей не портили; а которые люди съ сего н. указу отъ такихъ злыхъ и богомерзкихъ дѣлъ не отстанутъ, и отреч. и ерет. книгъ, и писемъ, и коренья, и отравъ не сожгутъ, и послѣ нынѣшняго н. указу отреч. и ерет. книги, и писма, и коренья, и отравы учнутъ у себя держать, или учнутъ къ вѣдунамъ и къ ворожеямъ ходить, или вѣдательства каковаго держать, или костыми и иными чѣмъ учнутъ ворожить, или которые учнутъ людей портить и по н. указу *такимъ злымъ людям и притомъ Гнилимъ велено въ обрубкахъ ежесъ безо всякаго повода и дома ихъ велено разорить до основанія, чиня въпредъ такіе злые люди и враги Божіи и злая ихъ доля николи нѣмъ не вспомогутся*; а какъ въ Мосальску великихъ чиновъ людямъ н. указъ скажешь, и ты бѣ о томъ къ намъ отнестъ съ иными нашими дѣлами. Писанъ на Москвѣ лѣтъ 7161 г. февраля въ 14 д. (Этотъ указъ напечатанъ въ Прикази. Столбъ, столбецъ. № 203, листъ 30, 390—391. Нѣются и другіе многочисленные совершенно тождественные акты. Напримѣръ, л. 25—27—отписк. изъ Олшанска о томъ же; л. 128—29—то же изъ Шацка, л. 133—135 то же; л. 224—227—о томъ же изъ Каширы; л. 237—239—о томъ же изъ Курска; л. 393—395—то же изъ Яблонецка; л. 396—о томъ же изъ Боровска; л. 397—о томъ же изъ Болхова; л. 404—405—о томъ же изъ Зарайска; л. 461—462—то же изъ Ефремова; л. 463—465—грамота о томъ же на Тулу; л. 466—467 Памяти о томъ же; л. 468—470 грамота въ Хотмышскъ о томъ же. Н. Н.)

47. Отъ н. т. въ Калугу в. н. Богдану Ивановичу Комышину. Въ нынѣшнемъ во 162 г. октября въ 13 д. писать къ намъ изъ Белева губный староста Оома Тинковъ: сен. въ 13 д., по челобитнѣ Оедора Хлонова взять изъ Белева въ губу чел. его Гришка Донской въ портѣ, что онъ Гришка его Оедора портитъ отравою на смерти; а въ роспросѣ ему Оомѣ онъ Гришка сказать, что ту отравную траву далъ ему калуженинъ посадскій чел. Тимошка Косой для порчи, чтобъ ему тою травою окормить его

Оедора на смерти; и онъ де Гришка ту траву Оедору Хлонову давалъ во штахъ; а калуженинъ посадскій чел. Тимошка Оедоровъ передъ Оомою жъ въ роспросѣ сказать, что онъ Оедорову чел. Хлонова Гришкѣ Донскому для порчи никакія травы не давалъ и его Оедора ничѣмъ портить не велѣлъ и тѣмъ де онъ Гришка его поклевалъ. И въ томъ Оедоровъ чел. Хлонова Гришка Донской съ калужаниномъ съ Тимошкою Оедоровымъ съ очей на очи ставлены и питаны и на очной ставкѣ сказали и съ пытки говорили тѣмъ свои пресанія рѣши: Оедоровъ чел. Хлонова Гришка Донской, что онъ Оедора портитъ, а траву ималъ у него Тимошка; а Тимошка заирался, что онъ для порчи Гришкѣ ни какой травы не давалъ. А какъ къ тебѣ съ наша грамота придетъ, и ты бѣ отнестъ въ Белевъ къ губному старостѣ къ Оомѣ Тинкову, чтобъ онъ Оедорова чел. Хлонова Гришку Донского и калужанина посадскаго человека (коща нѣтъ).

48 Г. н. и в. к. О. А. бѣтъ челоу х. т. Андрея Иванова сына Черкашеникова. По твоему в. г. указу и по наряду высланъ на твою в. г. службу угличенинъ недоросль Микита Оедотовъ сынъ Кучиковскій и волею Божьею г. на него сослана скорбь, ума рехнулся, и дорогою ѣдучи отъ Углича свою братью многихъ перебилъ, а много порубилъ, и запасъ въ телѣтѣ топоромъ изѣлъ, и платиню съ себя растерялъ, и съ лошади сѣдло и ружье все потерялъ, и про то г. вѣстимо всему городу, а мнѣ х. т. онъ Микита племянникъ и побережъ г. его не кому, и въ станъ къ себѣ никто его не приметъ, потому что сталь онъ маломужень всякъ его боится. Милосердый г. т. покалуй меня х. с., вели г. про его Микитину скорбь всякъ городомъ розыскать, а его Микиту вели г. сослать на Угличъ и дать его вѣдь начать въ монастырь, гдѣ ты в. г. указалъ. Ц. г. смилуйся, покалуй. (о) 184 г. іюня въ 28 д. осмотрѣлъ и записки тому учинить. И въ разрядѣ написано: въ нынѣшнемъ во 184 г., по указу в. г. т. по наряду угличенину Микитѣ Оедотову сыну Кучиковскому велѣно быть на службѣ в. г. въ Рыльску. А въ челоу битной Андрея Иванова сына Черкашеникова написано какъ де былъ разборъ и послѣ разбору племянникъ его двоюродный Микита Кучиковскій волею Божьею заскорбѣлъ, ума рехнулся и дорогою ѣдучи шылъ на службу в. г. съ угличани въѣсть свою братью многихъ перебилъ, а много порубилъ, и запасъ въ телѣтѣ топоромъ сѣлъ, и платье съ себя и съ лошади сѣдло и ружье

все потерялъ, а про то де про все вѣдомо всему городу и встанъ де его никто не пустить. А по осмотру въ Разрядѣ угличенинъ Никита Кучковскій въ умѣ худъ, сказать учинилась де ему такая скорбь въ нынѣшнемъ во 184 г. въ великій постъ, а государ. де жалованья помѣстье за нимъ пусто, крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ нѣтъ, да къ той сказкѣ и руку приложили. И в. г. т. бысть человекъ Андрей Черкашениновъ, чтобъ в. г. пожаловалъ, про скорбь племянника его Микиты велѣлъ сыскать городомъ, а по сыску велѣлъ его сослать на Угличъ въ Покровский монастырь подъ начальъ показѣть онъ отъ той болѣзни излутчасть. 184 г. июля въ 24 д. допросить про то того города окладниковъ и дворянъ. И противъ сей помѣты угличане дворяне и дѣти боярскіе допрашиваны, а въ допросѣ сказали по свѣтой непорочной евангельской заповѣди Господни: ей же, ей, ей, въ правду: окладникъ Михайло Ивановъ сынъ, Петръ Петровъ сынъ, Оеодоръ Прокофьевъ сынъ, Григорій да Иванъ Борисовы дѣти Баранцевы, Сергѣй да Иванъ Флоровы дѣти Раковы, Семенъ Ивановъ сынъ Голосовъ, Данило да Василій Гавриловы дѣти Мурановы, Семенъ Михайловъ сынъ Рязанскій, Иванъ да Яковъ Михайловы дѣти Болотейны, Илья Степановъ сынъ Мелчановъ, Берисъ Микифоровъ сынъ Стародубовъ, Василій Ивановъ, Аонасій Петровъ сынъ Островскій, Иванъ Кузьминъ сынъ Хворовъ, Фролъ Петровъ сынъ Подлесской, Анника Аксентьевъ сынъ Протопоповъ, Елизарій да Трофимъ Петровы дѣти Баранцевы, Филонъ Пересѣтовъ сынъ, Иванъ да Яковъ Филановы дѣти Рындины, Осипъ Оеодосеевъ сынъ Губинъ, Семенъ Ивановъ сынъ Скрипичинъ, Иванъ Савельевъ сынъ, Оеодоръ Назарьевъ сынъ Бревновы, Богданъ Осиповъ сынъ Карташевъ, Оеодоръ да Никита, да Иванъ, да Павелъ Васильевы дѣти Скрипичины, Илья Михайловъ сынъ Тамановскій, Андрей Сахойловъ сынъ Козинъ, окладникъ Иванъ Петровъ сынъ Елизаровъ, Алексѣй Давыдовъ сынъ Ивановскій, Андрей да Василій Кондратьевы дѣти Климашевскіе, Алексѣй Кирыановъ сынъ Кучковскій Леонтій Петровъ сынъ Бакастой, Кирило Семеновъ сынъ Климашевскій, Василій Оеодоровъ сынъ Голосовъ, Григорій Даниловъ сынъ Валмасовъ: въ нынѣшнемъ де во 184 г. ѣхалъ съ ними на службу в. г. угличенинъ Микита Кучковскій и дорогою ѣдучи свою братью угличанъ дворянъ и дѣтей боярскихъ перебилъ, а много порубилъ, и съ запасомъ въ телѣгѣ кули парубилъ,

билъ, и платье съ себя и съ лошади сѣдло и ружье потерялъ. По указу в. г. по сему для его болѣзни нынѣшнее дѣло на службу въ полкъ съ городомъ не высылать, а для исправленъ послать его въ монастырь подъ начальъ куда пригоже, и отослать его для посылки подъ начальъ въ Патріаршѣ. Приказъ съ памяти и отдать съ роспискою, а въ полкъ къ ст. и в. къ Михаилу Пшемееву послать о томъ в. г. грамоту. Лѣта 7184 г. июля 1 д., по г. т. указу память Чудова монастыря архимандриту Павлу да Патріаршу бояр. Ивану Оеодоровичу Лодову съ товарищи Билъ человекъ в. г. т. Андрей Ивановъ Сынъ Черкашениновъ: въ нынѣшнемъ во 184 г. племянникъ его двоюродный угличенинъ Микита Оеодотовъ сынъ Кучковскій ѣдучи на г. службу запобѣлъ въ умѣ рухилъ, свою братью бить, а много порубилъ, платье съ себя и съ лошади сѣдло, и ружье все потерялъ и г. показывать бы велѣлъ про болѣзнь племянника его сыску городомъ, и по сыску велѣлъ его послать на Угличъ въ Покровский монастырь подъ начальъ показѣть онъ отъ той болѣзни излутчасть; и въ сыску дворяне и дѣти боярскіе угличане и него сказали тѣ же рѣчи, что въ челобитѣ Ан. Черкаш. написано. И в. г. т. указать углич. Мик. Оеодотова сына Кучковскаго для исправленія послать въ монаст. подъ начальъ куда пригоже о томъ указъ учинить въ Патріаршѣ. Приказѣ. И угл. Мик. Кучковскій посланъ изъ Разр. къ нач. изъ Пат. Разр. разр. Приказъ подъячимъ, и по г. т. указу Чудова мон. архимандриту Павлу да Пат. б. Ив. Оед. Лодову доложить о томъ в. г. с. Юлиана на Моск. и в. Р. учинить по указу в. г.

49. Лѣта 7190 г. мая въ 12 д., по г. ц. и в. к. П. А. указу 6. к. Михаилу Юрьевичу Долгорукову съ товарищи. В. г. т. указать послать наскоро въ Переславль Рязанской для сбора про свой в. г. обиходъ своробориннаго шѣста, что называется шюванникъ, да въ Володимиръ и въ Суздаль для покупки иго земляники лекаря Ивана Ведениктова да учениковъ Митку Кильева да Ивашку Антонова, а собирать имъ тотъ шѣтъ въ ѣздахъ всякаго чина у людей и къ тому въ городахъ велѣтъ тому лекарю съ товарищи давать въ день сколько чел. пригодо. А собравъ тотъ шѣтъ и ягоду землянику для посылки къ Москвѣ велѣно отдавать въ тѣхъ городахъ воеводамъ запечатать а имъ воеводамъ тотъ шѣтъ и ягоду землянику, устроивъ бочкахъ, присылать къ Москвѣ на подводахъ съ кѣмъ приго-

безъ мотчанья; а пока лекарь Иванъ съ ученики въ тѣхъ городахъ побудутъ, давать имъ дворы, гдѣ имъ стоять, и въ томъ дѣлѣ имъ чинить всякое вспоможеніе и въ сборѣ своробориннаго цѣта и въ покупкѣ ягоды земляники имъ никакого мотчанья и задержанія не чинить; и о томъ о всемъ указалъ в. г. послать изъ Разряда въ тѣ города свои в. г. грамоты. И по г. т. указу б. к. Михаилу Григорьевичу Долгорукову съ товарищи учинить о томъ по указу в. г. Дьякъ Андрей Винюсъ. (О:) учинить по сему в. г. указу.

Отъ ц. т. въ Переславль Рязанскій, въ Володимиръ и въ Суздаль ст. нашимъ и вое... мая въ 12 д. изъ нашего в. г. указѣ въ Разрядъ изъ Аптекарскаго Приказа за приписью дьяка нашего Андрея Винюса написано, послать съ Москвы для сбора своробориннаго цѣта лекарь Иванъ Ведениковъ да ученики Митяка Васильевъ, Иваншко Антоновъ, а велѣно имъ собирать тотъ цѣтъ въ уѣздахъ у всякихъ чиновъ людей, а къ тому дѣлу лекаря съ ученики имать у васъ сколько человекъ пригоже; а собрать цѣтъ и ягоды для посылки къ Москвѣ, отдавать вамъ запечатать, а вамъ, устроивъ въ бочки, присылать къ намъ в. г. къ Москвѣ на подводахъ съ кѣмъ пригоже безъ мотчанья; а показѣть въ тѣхъ городахъ побудутъ давать имъ дворы постоялые, и въ томъ дѣлѣ вамъ чинить имъ всякое вспоможеніе. И какъ къ вамъ ся наша в. г. грамота придетъ, а лекарь Иванъ Ведениковъ съ ученики къ вамъ въ тѣ вышенаписанные города придутъ, и вы бы о дачѣ имъ людей для сбора цѣта и для покупки ягодъ, и о постоялыхъ дворахъ учинили по нашему в. г. указу, не отписываясь къ намъ в. г. ничѣмъ и не дожидаясь къ себѣ о томъ впредь иного н. г. указу. А что по тому дѣлу дано будетъ, о томъ къ намъ в. г. писали, а отписки велѣли подавать въ Разрядъ б. нашему Михаилу Юрьевичу Долгорукову съ товарищи. Писанъ на Москвѣ лѣта 7190 г. мая въ 13 день. Такова за приписью дьяка Любима Домнина.

50. Лѣта 7197 г. марта въ 16 д. по указу в. г. т. думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи. Въ прошломъ во 195 г., по указу в. г. т. присланъ изъ Разряда въ Аптекарскій Приказъ, считать Аптекарскаго Приказа подьячихъ Семена да Тимофея Посниковыхъ дьякъ Матвей Чистой да съ нимъ Большія Казны подьячій Демида Бузыгинъ, и тотъ дьякъ и подьячій тѣхъ подьячихъ считали по нынѣшней 197 г.; а съ

нынѣшней 197 г. къ тому счетному дѣлу не ходитъ; и тотъ дьяка и подьячаго, буде они на Москвѣ, указали в. г. къ тому счетному дѣлу прислать изъ Аптекарскій Приказъ къ б. ко князю Якову Никитичу Одоевскому да къ дьяку Андрею Винюсу и преземю для довершенія того счетнаго дѣла, и о томъ указалъ в. г. свой в. г. указъ учинить тебѣ думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи. И по указу в. г. т. думному дьяку Василью Григорьевичу Семенову съ товарищи учинить, тотъ по указу в. г. Дьякъ Андрей Винюсъ. (о:) смекать ихъ послать изъ тотъ Приказъ по преземю.

51. 198 г. июня въ 10 д. Передъ б. передъ Тихономъ Никитичемъ Стрешневымъ съ товарищи истецъ Перфирій Оедоровъ сынъ Рохманиновъ да отѣтчикъ Разряднаго Приказа подьячій Иванъ Марченковъ изъ суда стали. И отѣтчикъ билъ челомъ в. г. не выслушать его исковой исковой челобитной, чтобъ исца, раздѣвъ омытъ, для того что де онъ истецъ вѣдомый воръ и Богоотступникъ и Святого Духа ругатель; а омытъ де съ для того, вѣтъ ли де у него вора исца, какихъ воровскихъ затѣйныхъ заговорныхъ словъ или иного какого воровства и мошенства; а противъ де исцова челобитья отѣчать онъ отѣтчикъ готовъ. Б. Тихонъ Никитичъ Стрешневъ, слушавъ сего словеснаго челобитья, приказалъ отѣтчика допросить, что егъ исцова воровства и Богоотступства и на Святого Духа ругательства. И отѣтчикъ сказалъ, что де его исцова воровства Богоотступства и Св. Духа ругательства про то де онъ отѣтчикъ скажетъ послѣ очистки его исковой исковой челобитной. А истецъ билъ челомъ, чтобъ в. г. указали противъ отѣтчиковъ словеснаго челобитья, раздѣвъ его исца осмотрѣть, чтобъ съ впредь въ попрекъ и въ порокъ не быть. И истецъ осматриванъ, а по осмотру вынато у него исца изъ зепи изъ бумажекъ анигусъ ползолотника, а на той бумажкѣ написано: „широкія листы трава Кануферъ“ да на другой строкѣ написано: „на рибину походила и та трава низжа“. И истецъ сказалъ: тотъ данисъ онъ носитъ для того, что у него въ ротѣ цынга, и тотъ де анисъ онъ фетъ для духу; а на той бумажѣ писемъ руки егъ исца, а сказалъ онъ истецъ въ нынѣшнемъ де во 198 г. кануитъ Троицана дни былъ онъ истецъ Казанскаго Приказу у подьячаго у Ивана Суровцова и былъ съ нимъ у него на огородѣ, и онъ Иванъ сорвалъ у себя траву маты, зори, и тѣхъ травъ, ко

торыя на той бумажкѣ для памяти записаны, и далъ ему исцу для духу, и таде трава у него исца и нынѣ есть въ томъ вѣникѣ, что на Троицынъ день на листу лежалъ. И отвѣтчикъ билъ челомъ его исца допросить, тотъ де анисъ гдѣ онъ взялъ или у кого купилъ именемъ, знатно де тотъ анисъ у него въ той бумажкѣ положенъ съ наговоромъ и на той бумажкѣ тѣ травы записаны къ такому жъ воровскому дѣлу знатно что приличны; а что де онъ сказалъ выше его отвѣтчиковой что будто тотъ анисъ онъ истецъ носитъ для чинги, и тѣ травы записаны будто для духовъ, и то де онъ истецъ сказалъ, отбывая воровства своего и волшебства, а тотъ де анисъ и тѣ травы въ семь судѣ у него исца объявились знатно де съ какими воровскими наговоромъ, а не просто, потому что де онъ истецъ чел. приливной и вѣдомый воръ; а что де его исповнахъ воровскихъ дѣлъ, про то онъ отвѣтчикъ скажетъ въ судѣ ниже. И 198 г. июня въ 11 д. 6. Тихонъ Никитичъ Стрешневъ съ товарищи слышавъ сего челобитья приказалъ Иванъ Марченковъ спросить именно, что Перфилья Рохманнова Богоотступства и Св. Духа ругательства. Иванъ Марченковъ сказалъ: потому де онъ Перфильи Богоотступникъ и Св. Духа ругатель; въ прошломъ во 184 г. какъ онъ Перфильи былъ въ Галичѣ воеводою и въ то число онъ Перфильи кабылъ страхъ Божій наругательствомъ своимъ возложилъ словомъ своимъ хулу на Св. Духъ Господень, а что де его Перфильевой хулы на Св. Духъ и то де его воровство и на Св. Духа ругательство вѣдомо въ Разрядѣ и въ Патриаршѣ Приказѣ въ дѣлѣ по запискѣ въ томъ году галичинныя посад. и иные люди на него Перфилья подали къ дѣлу сказки, что онъ говорилъ послѣ обѣда у себя на воеводскомъ дворѣ послѣ достойно, какъ священники говорили „Слава отцу и Сыну и св. Духу и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь“, и онъ Перфильи говорилъ, „какое де слава Отцу и Сыну и Св. Духу“ и приложилъ то слово къ человѣческому естеству, и то де его Перфильево къ Св. Духу ругательство и Богоотступство, а подлинно де написано въ томъ дѣлѣ и нынѣ то дѣло въ Разрядѣ у подьячаго у Картеля Томилова. А Перфильи Рохманновъ сказалъ: въ прошломъ де во 184 г. писать де онъ къ в. г. т. и къ св. Юакиму патр. на галичскаго попа Овдокима съ поседу въ воровствѣ его и въ расколѣ, и онъ попъ, отбывая воровства своего и расколу церковнаго извѣщать на него Пер-

филья патр. и подаль заручную челобитную будто онъ вступилъ въ патриарши дѣла и церковнымъ причетникамъ вся обиду и разоренье чинить; и потому де ихъ заручному ч. битью и по его отпискамъ указано про то съсудить и по слову пому его попову извѣсту будто про хулу Св. Духа розыскъ б. въ Галичѣ, а у розыску быть въ Разрядѣ Воинъ Нащокинъ изъ Патриарха Приказу Ипатскій архимандритъ; и были у насъ тѣмъ попомъ и съ причетниками церковными очныя стави по очнымъ ставкамъ въ разореньѣ и въ обитахъ ни въ ч. его не уличили, а онъ де его попа въ расколѣ уличили. А хулу Св. Духа противъ поповой росписи тѣмъ людямъ, кто въ той росписи написаны были допросъ имъ быть и въ до. сѣ многіе люди ничего не сказали, а только де по немъ ч. 3 чел. да 2 чел. посад. людей, и то де сказали не противъ попова извѣсту. А послѣ де того и онъ Перфильи допрашива а на Св. Духа хулы никакой не говоривалъ, а про Богоотступство и ругательство Св. Духа въ томъ дѣлѣ нѣтъ, и то дѣло указу в. г. св. Юак. патр. вершить и то вершенное дѣло и въ Патриаршѣ Приказѣ; а которое дѣло въ Разрядѣ, и то сѣ тѣмъ дѣломъ не снесено для того, что дѣла оба сличить, чтобъ в. г. указали въ Патриаршѣ Приказѣ послать начатъ, а томъ дѣлѣ сват. Патр. его простилъ, потому что въ тому дѣлу несправочно. Да Перфильи же Рохманновъ былъ чел. что у него іюня въ 10 ч. взяты анисъ въ бумажкѣ да на же бумажкѣ записано имена травъ, и чтобъ в. г. указали тѣ травы въ Аптекѣ свидѣтельствовать, а тѣ травы не велѣны. Юня въ 18 день истецъ съ отвѣтникомъ на срокъ къ стали и отвѣтчикъ выслушавъ исповной поповой челобитной отвѣтъ своемъ сказалъ: какъ де онъ истецъ былъ на Ельцѣ, высылки ратныхъ людей на г. службу, и въ то де число онъ вѣтчикъ его исца ни въ чемъ не безчестилъ и не надѣвля юта отъ себя не писалъ и безчестить де ему отвѣтнику въ т. числѣ было его исца не за что, и брани де и ссоры съ нимъ помя у него отвѣтника никакія на Ельцѣ ни за что не было, а онъ де истецъ видя его отвѣтничью малолетство и безъ ступство нанять на него напрасно надѣвля на мочь свою, что де въ прошломъ во 194 г., по указу в. г. и по наказу, къ тому дѣлу было ему исцу надобно, и то на Ельцѣ воен. кита Городещій по припискѣ его исца къ нему подьячничъ.

писма и для разсылки стрѣльцовъ, и пушкарей, и казаковъ, и чернилъ и бумагъ, и свѣчъ; и что ему къ тому дѣлу было надобно, и съ Ельца де въ Приказной избы къ нему ису отсылали и подводы по подорожной даны, и наличные списки къ нему ису отосланы, и въ томъ де онъ отвѣтчикъ ему ису и никакіе похѣлки ему жъ ису не чинили, и противъ указу в. г. во всемъ были послушны, а остановки де зъ томъ дѣлѣ ему ису не учинили и поемѣху де и никакія надѣвки отъ него отвѣтника надъ нимъ исоу не бывало и г. де послушныя грамоты онъ отвѣтчикъ многихъ дней у себя не задерживалъ, а о стояломъ де и сѣдѣвшемъ дворѣ посланъ былъ отвѣсть денщикъ Клепка Калугинъ, а онъ де отвѣтчикъ съ в. Мик. Городецкимъ и съ подьячими надъ нимъ исоу не надѣвались и ничѣмъ его не безчестилъ же и многую мѣшкоту ему ису онъ отвѣтчикъ не чинилъ, волюю де ему ису было мѣшкоту самому для своихъ прихотей, и указнымъ де ратнымъ людямъ отъ него отвѣтника заказу никакого не бывало, и съ Ельца его иса онъ отвѣтчикъ высылать никого не посылывалъ, а сказки де ему ису велѣно имать у воеводъ, а ему де отвѣтнику сказки давать было не для чего; а слышане де ратные люди на г. службу высланы были до его исова приѣзду многіе съ наказаніемъ, а про которую де память онъ исецъ написалъ въ исковой челобитной, будто онъ отвѣтчикъ въ той памяти обезчестилъ, и чтобъ де онъ исецъ къ сему судному дѣлу положить памяти, а какъ де онъ положить память, и онъ де отвѣтчикъ въ той памяти въ его исоу безчестіѣ описать станеть, и отъ того де онъ отвѣтчикъ отъ себя къ нему ису не писывалъ, а писана де та память къ нему ису г. полнымъ указомъ, а писалъ де тое память по приказу воеводскому еленкій подьячій, а онъ отвѣтчикъ только де ту память закрѣпилъ приказною по воеводскому велѣнію, а не издѣвающихся. И въ томъ исецъ съ отвѣтникомъ имались за вѣру. Отвѣтчикъ вѣру далъ ису на душу. И исецъ былъ человекъ что бы отвѣтника допросить, хочеть ли онъ отвѣтчикъ отвѣтными своими словами противъ его исовой исковой челобитной не въ послушаніи своемъ в. г. указу въ его исоу безчестіѣ своею смышлою памятью какову онъ отвѣтчикъ съ Микитѣю Городецкимъ на Елецѣ прислали къ нему ису о дачѣ противъ в. г. указу во всемъ правъ и виноватъ быть противъ своихъ отвѣтныхъ словъ и тою памятью, а какъ онъ отвѣтчикъ станеть

слаться; а онъ исецъ сказавъ ему улыку противъ его отвѣтныхъ словъ улыкнуть, что онъ отвѣтчикъ в. г. указу чинилъ не послушенъ и дѣлать по своимъ прихотямъ; и писали де въ той памяти къ нему ису и безчестили его напрасно издѣвающихся. А какъ де онъ отвѣтчикъ на слова свои и на память слаться станеть, и онъ де исецъ улыкать его станеть и. И отвѣтчикъ сказалъ на память де ему отвѣтнику въ е. исоу безчестіѣ слаться не для чего, потому что той памяти онъ исецъ въ семъ судѣ не положилъ, а какъ онъ исецъ память положить къ сему судному дѣлу, и ту память выслушавъ противъ его исова допросу въ безчестіѣ его иса какъ де онъ исецъ ту память къ сему судному дѣлу положить смотри на память, а онъ де противъ ссылки въ томъ безчестіѣ слаться и станеть. И отвѣтчикъ выслушавъ памяти сказали: ту де память онъ отвѣтчикъ въ его исоу безчестіѣ, въ то что онъ отвѣтчикъ его иса въ той памяти ничѣмъ не безчестилъ и не издѣвался, а что де въ той памяти написано г. указомъ, будто его обезчестилъ, что послано къ нему ису противъ его исовой памяти, которую онъ исецъ память прислалъ. Елецъ въ Приказную избы о присылкѣ, что ему было ису надобно; и противъ его исовой памяти отъ в. отъ Мик. Городека да отъ него отвѣтника послано и тѣмъ де будто его иса онъ отвѣтчикъ безчестилъ, а онъ де отвѣтчикъ безчестія никого въ той памяти не писалъ и бранихъ де и безчестіѣ словъ къ его исоу лицу безчестія не написано, а онъ де исецъ на немъ отвѣтчикъ ищетъ безчестія своего напрасно, а ту память принисать онъ отвѣтчикъ по воеводскому приказу, а собою, и о томъ отъ него отвѣтника къ его исоу лицу въ той памяти не написано, а писано де въ той памяти г. указомъ, то де ему ису не безчестіѣ и за такія неумышленные памяти прежь сего ни на комъ неправшано. И юня въ 20 д. срокъ къ суду они исецъ и отвѣтчикъ стали. Отвѣтчикъ сзвалъ его исоу допросъ очистить противъ его допросу сказавъ въ семъ судѣ ниже сего очисти его вышесказанныя слова, что въ мыѣшнѣхъ во 198 г. юня въ 10 ч., какъ сталъ бы онъ исецъ съ нимъ отвѣтникомъ въ томъ своемъ поклѣнни ису къ суду, и въ томъ г. онъ исецъ видя его отвѣтника маломочество и безъ заступнаго напасть на него отвѣтника напрасно, надѣлся на мочь свою, на ябеду и на воровство съ

чтобы ему исцу наглядѣть своимъ нападкомъ съ него отвѣтника
вѣсть ему, что ни есть. А что де онъ отвѣтникъ его исца въ
нынѣшнемъ во 198 г. іюня въ 10 ч. какъ сталъ было онъ ис-
тецъ съ нимъ отвѣтникомъ въ томъ своемъ поклѣномъ иску къ
суду, и въ томъ де г. онъ отвѣтникъ не выслушавъ его исповой
челобитной называлъ его исца вѣдомымъ воромъ и ругателемъ
Св. Духа и билъ челома в. г. словесно, чтобы его исца раздѣвъ
осмотрѣть, для того что онъ истецъ старый вѣдомый воръ, а
что де его воровства, и про то де его воровство скажетъ онъ от-
вѣтникъ въ семь судѣ ниже. Да потому жъ де онъ отвѣтникъ
іюня въ 10 ч. в. г. и билъ челома, чтобы его исца раздѣвъ ос-
мотрѣть какъ онъ отвѣтникъ съ нимъ исповѣ стать къ суду, и
въ то де число на него отвѣтника напалъ страхъ и ужасъ ве-
ликин, и отъ того страха и ужаса у него отвѣтника подломилась
ноги, и чуть де онъ отвѣтникъ въ то число отъ того страха не
упасть на земь и гортани словъ его отвѣтника въ токъ число
стало жало, и знатно де, что онъ истецъ въ то число воровст-
вомъ своимъ и волшебствомъ на него отвѣтника ту страхъ и
ужасъ напустилъ и гортани словъ отнялъ; и онъ де отвѣтникъ,
видя такую страсть и ужасъ на себя безмолвіе языка своего,
взоръ на Пречестный Животворящій Крестъ Господень и на об-
разъ Прес. Богород. сотвори Іисусову молитву помолися Живот.
Кр. Господню и Богор. образу, сталъ бити челома онъ отвѣтникъ
словесно и онъ де истецъ въ то ч. билъ челома в. г., чтобы его
исца раздѣвъ осмотрѣть, будто ему исцу для оправданія, чтобы
де ему исцу въ порокѣ не быти и впрелъ не къ воровству; и тѣ
де его исповы слова ему исцу и словесное челобитіе не въ оправда-
ніе, потому что де по осмотру противъ его испова челобитія у него
исца въ бумажкѣ въ штанахъ въ кармаза внято анису зеренъ
съ 30 или больше, да въ той же бумажкѣ записана травъ имена
наисла его испова руки, и то де знатно, что онъ истецъ тѣмъ
анисомъ и тѣхъ записныхъ травъ именами на него отвѣтника
воровствомъ своимъ и волшебствомъ въ то число тотъ страхъ и
ужасъ напустилъ и безмолвіе языка его учинилъ, и знатно де
что онъ истецъ въ то число къ суду приходилъ съ тѣмъ ани-
сомъ и съ записными тѣхъ травъ именами не просто; а если бъ
де онъ истецъ былъ безъ воровского своего коварства, и онъ
бы де къ суду къ собою анису и травъ именъ въ запискѣ у
себя въ кармазѣ не носилъ; а что де онъ истецъ воровствомъ

своимъ сказать, что тотъ анисъ онъ истецъ носитъ съ со-
бою будто для болѣзни зубныя пынги, чтобы де пынга не пахла и
рта, и то де истецъ сказать въ то число укрываясь и отбѣ-
жавъ воровства своего; а хотя де анисъ и тѣ травы, которыя у не-
го записаны въ бумажкѣ, и не худыя, и ему де исцу воровство
своимъ и волшебствомъ и въ добрыхъ травахъ вольно учини
воровское дурное дѣло; а тотъ де анисъ и имена травамъ
запискѣ у него въ то число объявились знатно у него исца
просто съ какими-нибудь наговоромъ или волшебствомъ; а ани-
съ де къ пынгѣ не лекарство, и тѣ де травы въ запискѣ у не-
го хороши и добрыя, только де ему исцу то воровство въ улику,
на него оправданіе и не въ безчестьѣ, а ему де отвѣтнику ч-
то онъ билъ челома в. г. словесно, чтобы его исца раздѣвъ ос-
мотрѣть не къ винѣ, только де ему исцу къ воровству и къ ули-
кѣ, а что де онъ же истецъ іюня въ 11 ч. въ Разрядѣ въ росп-
сѣ своемъ сказать, что онъ будто истецъ отосланъ былъ
Свят. Патриарху будто не въ хулѣ и не въ ругательствѣ
Св. Духа въ иномъ дѣлѣ, и будто онъ истецъ оправдался и се-
бе будто его исца въ томъ дѣлѣ простилъ, и то де онъ истецъ
сказать отбывая воровства своего; и если бъ де онъ истецъ о
св. патр. былъ въ прощеніи и о немъ бы де прислакъ былъ
въ Разрядѣ къ дѣлу отъ Св. патр. указъ и во оправданіе де то
воровства противъ сказокъ галичанина посадекаго чел. и иныхъ
людей, которыя сказки въ Разрядѣ у дѣла въ его воровствѣ
въ ругательствѣ въ хулѣ Св. Духа очистки и оправданія ник-
кого нѣтъ, а еслибъ де онъ истецъ былъ отъ святѣйшаго па-
триарха въ прощеніи того его воровства и у него де бы была
прощенная память или грамота за Патриаршю печатью; а онъ
де воръ за то воровство онъ былъ подъ началомъ многое чис-
ло, а какъ де онъ истецъ изъ подъ начала свободился, и про то б-
о онъ истецъ сказать самъ именно и положилъ бы прощенный
рѣшительный указъ святѣйш. патр. въ семь судѣ; а у дѣла
въ Разрядѣ, въ которомъ дѣлѣ на него исца галичанина поса-
декаго чел. и иныхъ людей сказки въ его ругательствѣ и въ хулѣ
Св. Духа, и въ томъ де дѣлѣ въ Разрядѣ про его воровство проти-
въ сказокъ очистки и оправданія никакого по се число нѣтъ и
явилось. И чтобы в. г. указали изъ того дѣла и изъ сказокъ
его исповѣ воровствѣ въ ругательствѣ Св. Духа въ Разрядѣ ви-
дѣть и къ сему судному дѣлу взять прощенный и рѣшитель-

ный указъ; а только де по смерти Святейшаго Патриарха у него исца рѣшительнаго указу нѣтъ; а что онъ въ томъ воровствѣ будто прощенъ и оправдался, и то де знатно онъ истецъ изъ подъ начала какимъ своимъ воровствомъ ушелъ безъ прощенья и въ клятвѣ безъ рѣшительнаго указу, и ему де испу за то воровство и ругательство, за хулу Св. Духа отъ Святейшаго патриарха знатно, что ему прощенья не было, а такитъ ворами, кто на Святой Духъ возложить хулу, прощенья нѣтъ тѣмъ ругателямъ, а и прежняго его исцова воровства онъ отвѣтчикъ скажетъ.

52. В г. т. х. т. Герасимъ Корсаковъ, Прохоръ Чередѣевъ челомъ бьютъ. По т. в. г. т. указу и по грамотѣ изъ Разряда за приписью дьяка Ивана Уланова, которая на Вологду къ намъ х. т. прислана сего настоящаго 1703 г. ноября въ 1 д., велѣно изъ дворянъ по Андрею Аниферьева сына Бестужева изъ Прик. избы послать подъячихъ съ служилыми людьми и, его Андрея сыскавъ, взять на Вологду въ приказную избу и держать на чени до т. в. г. указу, а помѣстья его и вотчины отписать на т. в. г. и у томъ къ т. в. г. писать въ Разрядъ. И потому т. в. г. указу и грамотѣ для взятія его Андрея Бестужева на Вологду и для отписки помѣстья его и вотчины на т. в. г., мы х. т. Вологодской Приказной избы подъячаго Иоанася Широгорова съ служилыми людьми послали. И онъ подъячій изъ вышеобъявленнаго Анореева помѣстья Бестужева прѣхавъ подалъ намъ х. т. доѣздъ свой за рукою, а въ доѣздѣ его написано, что его Андрея Бестужева взять на Вологду не возможно для того, что онъ Андрей лежитъ въ скорбѣ и въ неумѣ, и живетъ въ особой хороминѣ; а какъ онъ Андрей въ неумѣ, тому будетъ лѣтъ 15; а помѣстья его и вотчины онъ подъячій на т. в. г. не отписывалъ, потому что явили ему подъячему т. в. г. отставную грамоту и съ той т. в. г. отставной грамоты списавъ списекъ съ сею отпискою къ т. в. г. къ Москвѣ въ Разрядъ послали; а для отписки помѣстья его и вотчины мы х. т. подъячаго съ служилыми людьми послали въ другорядъ. А какъ онъ подъячій помѣстья его и вотчины на т. в. г. отписать и отписныя книги намъ х. т. подастъ, и тѣ книги къ т. в. г. къ Москвѣ въ Разрядъ пришлемъ. 1703 г. ноября въ 23 д. занесть въ книгу и взять къ отпуску и чинить и поднести безъ мотанья.

53. Д. ц. г. м. Въ прошломъ г., родственникъ нашъ князь Оедоръ князь Ивановъ сынъ Мещерскій на т. г. службѣ подъ

Ругодивомъ пропалъ безвѣсно, а послѣ его остался братъ его родной князь... паломникъ отъ родства матери своей, да осталась жена его князь Оедорова княгиня Матрена бездѣтна, и умомъ рушилась и была въ Вознесенскомъ монастырѣ подъ началомъ и изъ подъ начала взята была... своей и родственника нашего. а своего деверя князь Александра... вреднаго держала у себя безъ в. в. г. указу; а который ему князь Александру помѣстья и вотчины были подлежать, и съ тѣхъ помѣстей и вотчинъ доходы имала она княгиня Матрена. И въ пятнадцатомъ г. 708 г. въ апрѣлѣ мѣсяцѣ родственники нашей княгини Матрены не стало и остались послѣ род. нашего помѣстья и вотчины, и тѣхъ пом. и вотчинъ родственникъ нашъ князь Оедоръ никому не продавалъ и не закладывалъ... брата его князь Оедорова малоумнаго князь Александра помѣстья и вотчины за нимъ князь Оедоромъ, а послѣ спохи его умершей княгини Матрены деверья ея князь Александръ невѣдомо гдѣ В г., прошу в. в. вели г., его родственника нашего князь Оедоровыхъ людей сыскать и сыскавъ допросить, гдѣ онъ ищетъ родственникъ нашъ малоумный князь Александръ живетъ и его князь Александра пробогданъ его осмотрѣть и поосмотру малоумнаго отдать мѣѣ на сбереженіе; а которые послѣ брата его князь Оедора помѣстья и вотчины ему князь Александру подлежать, вели г., съ тѣхъ помѣстей и вотчинъ доходы имать мѣѣ ему паломнику на пропитаніе; и которые послѣ родственника нашего животи и деньги остались, вели г., въ томъ людей его князь Оедоровыхъ допросить, куда послѣ смерти его родственника нашего, жены его, животи и всякую домовую рухледь разбегали; а на которыхъ помѣстья и вотчины ляжетъ его паломнаго и на князь Оедоровы дачи и на дворъ Московскій поступки не вели г. тѣмъ поступкамъ и дачамъ вѣрить, В. ц. в. низайшій рабъ князь Иванъ князь Ивановъ сынъ Мещерскій 1708 г. мая въ—д. князь Иванъ Мещерскій руку приложилъ. 1708 г. мая въ 24 д., сыскавъ его допросить и людей допросить и поставить къ осмотру.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Содержаніе.	Стр.
Предисловіе.	I—IV
Глава I	V—VII
— II	1—65
— III	66—117
— IV	118—166
— V	167—205
— VI	206—238
— VII	239—257
— VIII	258—300
— IX	301—316
— X	317—387

Приложеніе.

№№

1. Ссылка въ полицейскіе города безумнаго илмчина
Джона 1621 г. Архивъ Мин. Юстиціи, Москов-
скій столъ, столбецъ № 13 л. 284 I
2. Дѣло о безумномъ ризанцѣ Василии Масловѣ 1630 г.
А. М. Ю. Московск. ст., столб. № 54 л. 307—320 . . . . . I—V
3. Указъ о присылкѣ въ Москву ухляющего конской
лечбѣ Семена Бачманова 1632 г. А. М. Ю. Мос-
ков. ст., столб. № 74 л. 76 . . . . . —V
4. Посылка въ полки лекарей и лекарствъ 1632 г.
ibidem. Москов. ст., столб. № 76, л. 186—188, 285
—288, 534 . . . . . V—VIII
5. Обвиненіе крестьянки въ отравленіи мужа ко-
реньемъ, полученнымъ отъ мордвина Бѣляева
1649 г. ibidem Москов. ст., столб. № 265 л. 8—90 . . . . . VIII—XXVI
6. Надежъ лошадей у проезжавшихъ черезъ Москву
Июхонскихъ помещиковъ 1650 г. ibidem Москов.
ст., столб. № 265 л. 368—373, 375 . . . . . XXVI—XXVIII
7. Обвиненіе въ намереніи напустить порчу. 1640 г.
А. М. Ю. Владимир. ст., столб. № 60 л. 263—269 . . . . . XXVIII—XXXI
8. Отказъ принять на службу доктора Овдыкаса
1644 г. А. М. Ю. Владим. ст., столб. № 60 л. 107
—109, 235—236 . . . . . XXXI—XXXIII

9. Выписи о жалованьях, данномъ на дворовое строение докторамъ, лекарямъ и аптекарямъ 1650 г. А. М. Ю. Москов. ст., столб. № 875, л. 213, 220—221 XXXIII
- ✓ 10. Задержание въ приказной избѣ коновала Кирилова вслѣдствіе нахождения у него кореня и травы 1650 г. А. М. Ю. Москов. ст., столб. № 265, л. л. 396—403, 415—417 . . . . . XXX—XXXVIII
- ✓ 11. Смерть отъ леченія лекарственной травой 1651 г. А. М. Ю. Бѣлгород. ст. столб. № 298 л. 205—207 XXXVIII—XXXIX
12. О присылкѣ въ Аптекар. Приказъ иноземцовъ для обученія лекарскому дѣлу А. М. Ю. Москов. ст., столб. № 867 л. 609—613 . . . . . XXXIX—XL
13. Малолѣтство послѣ морового повѣтрія 1654 г. А. М. Ю. Московск. ст., столб. № 264 л. 119—120 XL—XLI
14. Переноска Разряда съ ст. Иваномъ Оедоровичемъ Ерошкинымъ и съ Ваземскимъ воеводою объ устройствѣ заставъ въ Можайскѣ и Ваземѣ по случаю появленія морового повѣтрія въ Царевъ-Займищѣ 1654 г. А. М. Ю. Московск. ст., столб. № 261 л. 324—325, 326—340 . . . . . XLI—XLIV
15. Объ установленіи заставы отъ морового повѣтрія 1654 Ibidem . . . . . XLIV—XLVII
16. Смерть всѣхъ подъячихъ отъ моровой язвы 1655 г. А. М. Ю. Московск. ст., столб. № 264 л. 139 XLVII
17. Мѣры противъ падежа скота 1655 г. А. М. Ю. Московск. ст., столб. № 271 л. 542—543 XLVII
18. Малочисленность стрѣльцовъ вслѣдствіе морового повѣтрія 1655 г. А. М. Ю. Москов. ст., столб. № 264 л. 55 . . . . . XLVII—XLVIII
19. Назначеніе въ полкъ воеводы Бориса Александровича Чилина лекаря Саввы Гаврилова А. М. Ю. Московск. ст., столб. № 266 л. 131 XLVIII
20. Карантинныя мѣры 1656 г. А. М. Ю. Московск. ст., столб. № 283 л. л. 64, 87, 73—74, 79, 233 XLVIII—L
21. Карантинныя мѣры 1656 г. А. М. Ю. Московск. ст., столб. № 285 л. 91 . . . . . L—LI
22. Карантинныя мѣры 1658 г. А. М. Ю. Московск. ст., столб. № 289 л. л. 426—428 LI
23. Мѣры противъ морового повѣтрія 1658 г. Ibidem LI
24. О посылкѣ на заставы подъячихъ всѣхъ приказовъ для переписки отписокъ и всякихъ дѣлъ 1658 г. Москв. ст. столб. № 325 л. 109, 117—118 LII—LIII

25. Розыскъ о внезапной смерти татарки, содержащейся въ Стрѣлецкомъ приказѣ 1660 г. А. М. Ю. Московск. ст., столб. № 303 л. л. 252—262 . . . . . LIII—LVI
26. Посылка въ полкъ воеводы князя Ивана Хованскаго лекарей и лекарей 1661 г. А. М. Ю. Москов. ст., столб. № 322 л. л. 196—197 . . . . . LVI—LVII
27. Посылка въ полкъ Рѣпинна лекаря Флора Дьякера съ лекарствами 1662 г. Ibidem Москов. ст. столб. № 344 л. л. 138—139 LVII
28. Сыскное дѣло (слепое) о болѣзни старинцы Каптелины, проживавшей въ Стрѣлцеской слободѣ въ Москвѣ, по повѣсту Стрѣлцеской жены Марены Марковой о томъ, что болѣзнь старинцы моровая язва 1662 г. Ibid. Московск. ст., столб. № 342 (столбикъ 3-й, 16 листовъ) . . . . . LVII—LXII
29. О дачѣ жалованья полковымъ лекарямъ Албанусу и другимъ 1662 г. Ibidem Москв. ст., столб. № 463 л. 223 . . . . . LXII—LXIII
30. Челобитные лекаря Артемія Назарова о дачѣ денежныхъ окладовъ его родственникамъ 1662 г. Ibidem Москов. ст., столб. № 326 л. 359—360 LXIII—LXIV
31. О присылкѣ лекаря и лекарей 1669 г. Ibidem Москов. ст., столб. № 412 л. 367—368 LXIV
32. Дѣло объ осмотрѣ докторомъ Лаурентіемъ Блюментростомъ умершаго двороватаго человека разболятаго дѣла Дмитрія Пинкулина 1671 г. Ibidem Москв. ст., столб. № 445 л. 32—43, 49—50—55, 66—68 . . . . . LXIV—LXVIII
33. Посылка въ полкъ въ кн. Григор. Ромодановскому лекарей иноземцевъ Юхана Огендорфа, Осина Островскаго и учениковъ съ лекарствами 1681 г. Ibidem Москв. ст., столб. № 614 л. л. 282—284 LLXVIII—LXIX
34. Посылка къ князю Григорію Ромодановскому для леченія доктора Лаурентія Блюментроста 1681 г. Ibidem Москв. ст., столб. 614 л. 194—196 . . . . . LXIX—LXX
35. Дѣло по челобитной объ осмотрѣ больныхъ дворовыхъ людей 1675 г. Ibidem Москв. ст. столб. № 503 л. 130, 281—284 . . . . . LXX—LXXI
36. О посылкѣ подъ началь въ Нафитутъевъ Боровскій монастырь блженнатога князя Семена Мещерскаго 1681 г. Ibidem Москв. ст. № 1597 № 1597 л. 111—117 . . . . . LXXI—LXXII

37. О присылкѣ въ полки лекарей и лекарскихъ учениковъ съ лекарствами. 1683 г. А. М. Ю. Моск. ст., № 745 (столникъ 4) л. 605—604 . . . . . LXXII—LXXII
38. Назначеніе въ полки бояръ и воеводъ для Крымскаго похода доктора Андрея Келлермана, лекаря Христофора Карстенса и др. лекарей, аптекарей и лекарскихъ учениковъ. Дача и жалованья и подводы 1690 г. А. М. Ю. Моск. ст., стлб. № 725 л. 52—39, 354 . . . . . LXXXIII—LXXXV
39. Отпускъ въ Москву изъ Кіева лекаря Ивана Казаринова 1690 г. *ibidem* Моск. ст., стлб. № 749 л. 101—102 LXXXVI
40. Дѣло о дачѣ жалованья доктору греченину Ивану Комнину, находившемуся при гетманѣ Ив. Мазепѣ 1692 г. А. М. Ю. Моск. ст., стлб. № 956 л. л. 1—12 . . . . . LXXXVI—LXXXIX
41. Осмотръ болѣзни подполковника Луки Ключковскаго 1701 г. *ibidem* Моск. ст., стлб. № 792 л. 262—263 . . . . . LXXXIX—LXXX
42. Болѣзни генерала Христофора Ригимова 1702 г. А. М. Ю. Моск. стлб. № 792 л. л. 229, 231 LXXX
43. Дѣло о дачѣ жалованья лекарю Ивану Гунту 1702 г. *ibidem* Моск. ст., стлб. № 792 л. л. 89—95 . . . . . LXXX—LXXXII
44. Отставка Катая Федорова за печатное порокство и черную немочь 1624 г. *ibidem* Моск. ст., стлб. № 897 (столникъ 2) л. 290 LXXXIII
45. Распростъ въ Разрядѣ ума рушавшагося человека б. Н. И. Романова 1652 г. *ibidem* Прикази ст. № 204, л. 16 . . . . . LXXXIII—LXXXIV
46. Отписка и грамота о запрещеніи держать еретическія книги, ходить къ вѣдунамъ и в.р. 1653 г. *ibidem* Приказ ст., стлб. № 203 л. 30, 330—391 . . . . . LXXXIV—LXXXVI
47. Отрывокъ дѣла о порчѣ Федора Хлопова 1653 г. *ibidem* Прикази. ст., стлб. № 204, л. 16 . . . . . LXXXVI—LXXXVII
48. Ссылка подъ началь въ монастырь для исправленія въ умѣ 1676 г. *ibid.* Новгород. ст., стлб. № 268, л. 59—65 . . . . . LXXXVII—LXXXIX
49. Посылка въ Переяславль Рязан., во Владимиръ и Суздаль лекаря и лекарскихъ учениковъ для сбора цѣлѣ шиповника и погувныхъ ягодъ земляники для государева обихода 1682 г. А. М. Ю. Владимир. ст., стлб. № 186 л. л. 206—209 . . . . . LXXXIX—XC

50. О присылкѣ въ Аптекарскій Приказъ дѣлака и подъячихъ для счетового дѣла 1689 г. А. М. Ю. Моск. ст., стлб. № 741 л. 218 . . . . . XC—XCI
51. Обвиненіе Перфілія Рохманинова въ колдовствѣ и др. проступкахъ 1690 г. А. М. Ю. Прикази. ст. стлб. № 8, л. 1—15 . . . . . XCI—XCVIII
52. Отписка изъ Вологды Корсакова, котораго вѣлено было взять въ приказную избу и держать на цѣли 1703 г. А. М. Ю. Разр. вяз. № 29 д. 21. XCIII
53. Челобитые кн. Ивана Мещерскаго объ освѣдѣтельствѣ малолунаго кн. А. Мещерскаго 1708 г. А. М. Ю. Разр. вяз. № 48 д. 133 . . . . . XCVIII—XCIX

ПО ПОВОДУ ОПЕЧАТОКЪ.

Не приводя отдѣльныхъ буквенныхъ опечатокъ, считаю нужнымъ указать слѣдующія:

Напечатано:	страни.	сверху.	сноски.	слѣдуетъ:
Полное Собр. Зак. т. VI № 3937—235.	8	8	1	Числовый Ор. сл. стр. 4
иначе—	320	8	—	вдѣше.
блжати—	320	—	—	блжана.
Истор. Сиб. 1772 г. стр. 114—320	—	—	2	Рус. истор. по Истории Сибири. 1786 г. ч. 3, стр. 5

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Материалы къ изученію быта переселенцевъ, водворенныхъ въ Тобольской губерніи. Историко-статистическое изслѣдованіе Тобольскъ. 1898 г. (Экземпляръ нѣтъ).

Волостной судъ, преобразованный въ губерніяхъ и областяхъ Сибири по закону 2 іюня 1898 г. Изданіе второе. Томскъ. 1900 г.

По Сибири. Сборникъ статей по крестьянскому праву, народному управленію, экономикѣ и сельскому хозяйству. Спб. 1903 г.

Островъ Сахалинъ. Спб. 1903 г.

Очерки по исторіи аптечнаго дѣла въ до-Петровской Руси. Спб. 1902 г.
Нѣкоторые спорные вопросы по исторіи врачебнаго дѣла въ до-Петровской Руси. Спб. 1903 г.

Черты врачебной практики въ Московской Руси. Спб. 1904 г.

Очеркъ законодательства объ аптечномъ промыслѣ въ важѣйшихъ европейскихъ государствахъ. М. 1904 г.

Материалы по исторіи медицины въ Россіи. Т. I. Спб. 1905 г.

Материалы по исторіи медицины въ Россіи. Т. II. Спб. 1906 г.

Материалы по исторіи медицины въ Россіи. Т. III. Спб. 1906 г.

Материалы по исторіи медицины въ Россіи. Т. IV. Томскъ. 1907 г.

Колдовство въ Московской Руси XVII в. Спб. 1906 г.

Освобожденіе печати въ Франціи, Германіи, Англіи и Россіи. Спб. 1906 г.

Вопросы страхованія. Спб. 1906 г.

Врачебная экспертиза въ до-Петровской Руси. Спб. 1906 г.

Основы борьбы съ эпидеміями въ до-Петровской Руси. Спб. 1906 г.

Въ поискахъ за матеріалами по исторіи Сибири. Спб. 1906 г.

Бedeutung von Sachalin als Kolonisations u. Deportationsgebiet (въ Blätter für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswirtschaftslehre. April. 1905).

Landstreichertum auf der Insel Sachalin. (Ibidem. September und October 1905).

Zur Beleuchtung der gegenwärtigen Zustände Russlands. Die Reichsduma und die Agrar- und Arbeiterfrage in Russland (Ibidem, Februar. 1906).

Hungersnot und Gesetzgebung in Russland. (Ibidem, März. 1907).

Японія. Спб. 1903 г.

Корея. Спб. 1904 г.

Маньчжурія. Спб. 1904 г.

2010-2011

1. The first part of the report deals with the general situation of the country. It is a very interesting and informative chapter. It gives a good overview of the country's history, geography, and population. It also discusses the country's political system and its relationship with the world.

2. The second part of the report deals with the country's economy. It discusses the country's main industries and its trade relations. It also discusses the country's financial system and its budget. This part of the report is very detailed and provides a lot of useful information.

3. The third part of the report deals with the country's social situation. It discusses the country's education system, its health care system, and its social services. It also discusses the country's culture and its traditions. This part of the report is also very detailed and provides a lot of useful information.

4. The fourth part of the report deals with the country's environment. It discusses the country's natural resources, its environmental problems, and its efforts to protect the environment. This part of the report is also very detailed and provides a lot of useful information.

5. The fifth part of the report deals with the country's foreign relations. It discusses the country's relations with its neighbors and with the rest of the world. It also discusses the country's role in international organizations. This part of the report is also very detailed and provides a lot of useful information.

Page 100
Page 101
Page 102

7 10

2

9

7

0

2

0

7

9

